СВЯЩЕННЫЙ ВЕРТЕП

Лео Таксиль

СВЯЩЕННЫЙ ВЕРТЕП

Лео Таксиль

Москва · 1965 ИПЛ

Священный вертеп

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

2
Т15

Книга «Священный вертеп» известного французского публициста Лео Таксиля, уже знакомого советским читателям по книгам «Забавная Библия» и «Забавное евангелие», воссоздает историю христианства, вернее, его западной ветви — католицизма. Это очень своеобразная история. Лицемерие, ханжество, обман, подкуп, убийство, прелюбодеяние — вот чем усеян путь «святых» отцов!

Такую историю старательно замалчивают защитники религии.

Написанная ярко сатирически, живо, увлекательно, книга показывает подлинное лицо пап, кардиналов, епископов. Где же их благочестие, добропорядочность, честность? Их нет и в помине. Мы видим, что церковные иерархи являются как бы средоточием тех пороков и грехов, против которых они выступают на словах.

Русский перевод сохранил образность, легкость, остроумие, свойственные французскому тексту.

Перевод с французского

Л. БОЛЬШИНЦОВОЙ

Редакция и примечания

Ф. НАУМОВА

Святые распутники

■ Клерикалы заявляют, что всякий свободомыслящий человек — подлец. Однако мы, люди более терпимые, не позволим себе утверждать, что все церковники — мерзавцы. Напротив, мы готовы даже признать, что и среди них попадаются весьма почтенные люди.

Но... но... и еще раз но!..

Перечислить всех малопочтенных людей, как вы сами понимаете, едва ли возможно — список будет слишком велик. А потому сделаем опыт: пусть сама история поведет нас по стопам священнослужителей, прославивших себя своими пороками. Опыт этот будет интересен и поучителен.

Когда, беседуя с ханжой, говоришь ему, что какой-нибудь представитель его касты — образцовый распутник, ханжа, осенив себя крестным знамением, обычно отвечает:

— Увы! Но ведь и среди двенадцати апостолов нашелся один Иуда!

Очевидно, это означает:

— Я согласен, и среди нас попадаются подлецы, но, право же, редко, очень редко...

Что ж, обратимся к истории и попробуем доказать, что негодяи среди церковников встречаются не так уж редко, а вот люди честные, наоборот, сверкают, как жемчужины в куче навоза. Жемчужинам, разумеется, честь и хвала, а навоз—на свалку!

■Оставим в стороне святого Петра и его первых преемников: сведения о них весьма неточны.

Посмотрим, чем занимались основатели той религии, которая, по сути дела, переродилась в систему эксплуатации, как политической, так и коммерческой.

Еще в древние времена понтификата святого Петра мы находим секту христиан, последователей пастыря-женоненавистника Гермы. Это секта николаитов.

Под предлогом, что женщина — исчадие ада и исторгнута из недр преисподней на землю для совращения мужчин, николаиты считали более нравственным отдавать предпочтение собственному полу. Как видите, невежды-монахи нашей эпохи всего навсего лишь плагиаторы.

Обратите внимание: секта николаитов состояла не из каких-нибудь вульгарных подонков. Ничего подобного: их глава Николай — один из первых семи диаконов Иерусалима.

При Аникете, двенадцатом папе, возникла секта гностиков. Они впали в другую крайность, утверждая, что женщина призвана быть общей собственностью.

Затем, при четырнадцатом папе, Элевтерии, появились валентиниане. Они не вступали в пререкания с обеими сектами; мудро сочетая обе точки зрения, они утверждали, что дозволены все виды распутства.

По приказу семнадцатого папы, Каликста I, при публичном доме была выстроена церковь и посвящена пресвятой деве. Молитва все очищает!

Урбана I духовенство должно помянуть особо: именно при нем церковь начала приносить доходы клирикам. Стоило какому-либо человеку принять христианство, как его немедленно убеждали, что земные блага препятствуют райскому блаженству. И испуганный чудак отказывался от денег и всего, чем владел.

Духовенство того времени не упрекнешь в нерасторопности, если выпадал случай поживиться за счет дураков. При восемнадцатом папе римско-католическая церковь начала настойчиво накапливать богатства.

Воспользуюсь случаем и приведу небольшой анекдот, относящийся к III веку.

Григорий Чудотворец, епископ Александрийский, видимо, и впрямь был святым мужем, поскольку его причислили к лику святых. Однако сей достойный прелат и к земным усладам не испытывал отвращения. С наступлением ночи, подобно многим церковникам нашего времени, он сбрасывал сутану и в тайных притонах своей епархии устраивал веселые пирушки. Впрочем, «устраивал» я оброчил для красного словца; на самом деле епископ Григорий принадлежал к той категории людей, которых в простонародье именуют сквалыгами. Этот разгульный попик веселился за четверых в кругу сговорчивых дам и проворно исчезал именно в тот момент, когда наступала пора развязать кошелек. К несчастью, одна из жертв опознала епископа, когда он вышел к обедне, и нагло, во всеуслышание, потребовала плату за приятную ночь, проведенную вместе. Излишне описывать физиономию прелата! На сей раз епископу Григорию пришлось раскошелиться! Все это не помешало, однако, причислить Григория Александрийского к лику святых.

Новациан I был избран епископом Рима во время оргии. Чтобы обеспечить большинство голосов, у будущего епископа хватило смекалки предварительно напоить своих избирателей.

Первого из отшельников Фиваиды, носившего имя Павла, поймали с поличным, когда он прелюбодействовал с собственной сестрой.

Во времена святого Корнелия, двадцать второго папы, группа священников была осуждена за изнасилование монахинь одного монастыря.

Марцеллин, тридцатый папа, был не из того теста, из которого получаются мученики. Когда языческие императоры поставили его перед выбором — принести жертву Юпитеру или претерпеть пытки, он преспокойным образом отрекся от религии, первосвященником которой был, и воскурил благовония всем богам, каких только ему указали. Разумеется, это не бог весть какое крупное преступление по сравнению с тем, что творили Борджиа и весь синклит, но отметить это отступничество явно стоит: ведь папу Марцеллина занесли в святцы!

Мы у порога IV века. Вот где можно посмеяться вдоволь.

На заре этого века в Цирте, столице Нумидии, был созван собор для избрания епископа африканских провинций. Епископский жезл достался именно тому, кто из всех членов собора пользовался наихудшей репутацией.

Некий Бонифаций, также причисленный к лику святых, проводил свои досуги с куртизанкой по имени Аглая; об этом красноречиво повествуют благочестивые летописцы.

При тридцать четвертом папе, Сильвестре, священнослужители ударились в такой разгул, что пришлось созвать Неокесарийский собор, дабы утихомирить расшалившихся церковников и их дам. Один из епископов того времени даже похвалялся публично, что в его епархии одиннадцать тысяч священников вносят ему каждый год по золотому за разрешение сожительствовать с любовницами.

Валериане (еще одна из религиозных сект той эпохи) разрешали своим священникам спать с женщинами и девушками: ведь такие почтенные люди, конечно, гарантированы от всяких искушений. Все это записано в анналах Никейского собора.

Великий праведник Афанасий, епископ Александрийский, совершил немало убийств за время своего правления. Восемьдесят семь прелатов, собравшись на Антиохийском соборе, постановили: запятнавшего сан Афанасия отлучить от церкви, которую он обесчестил. Но святой муж не растерялся и в свою очередь предал анафеме всех епископов, выступивших против него. Причисленный к лику святых Либерий, тридцать седьмой папа, дважды отлучал от церкви Афанасия. Однако это нисколько не помешало причислить того же Афанасия к лику святых. Разберитесь-ка сами в этих делах, мне не по силам.

Перейдем сразу к тридцать девятому папе — Дамасию. Когда этого праведника возвели в священный сан, даже верующие отказались признать его: такая это была «светлая личность». Тогда Дамасий вместе со своими сторонниками ворвался в одну из церквей в Риме и перебил всех женщин, детей и стариков, находившихся там.

Верующие усвоили урок и покорились.

Один летописец того времени размышлял: «Когда я вижу блеск Рима, то понимаю людей, стремящихся получить сан епископа в этом городе. Ибо он дает им почет, богатейшие дары, благосклонность женщин, великолепную одежду и стол, превосходящий по своей изысканности стол царей».

Как и все грешные, Дамасий был человеком чувственным и, так сказать, пленником своих страстей. Сей святой отец был изобличен в прелюбодеянии. Но он крепко держался за свое место, черт побери!

Не забудем, что в те времена папа не был еще полным вла-

стителем Рима: ему приходилось подчиняться преемникам Константина. В смысле общего развития и нравственности тогдашнее духовенство не отличалось от нынешнего. Однако в те времена первосвященники вынуждены были считаться с законами римских императоров. Так, император Грациан, знавший цену благочестию и бескорыстию христианских священников, издал в 370 году указ, запрещавший церковникам заходить в дома вдов и одиноких девушек. Тот же указ запрещал церковникам под угрозой конфискации принимать в подарок или в наследство имущество своих духовных детей. Каждое воскресенье этот ордонанс оглашался в церквах Рима.

Он был вовсе не глуп, этот император Грациан!

Послушайте-ка вопли Иеронима по этому поводу. «Какой позор! — восклицает он.— Комедианты, фокусники, кучера имеют право наследовать беспрепятственно, а священникам и монахам в этом праве отказано».

Каково! Стрела попала в цель! Когда вы хотите, чтобы священнослужитель завопил, ударьте его по карману — это место у него самое чувствительное.

Вы думаете, указы императора Грациана приостановили деятельность церковников? Э, нет! Эта порода людей всегда умела искусно обращать закон в свою пользу.

Хитростью и обманом клерикалы под видом благотворительности строили часовни, скупали земли, собирали сокровища.

После Валента, Грациана и Валентиана императоры вняли просьбам клерикалов, и указы прекратили свое действие.

Дамасия сменил на святом престоле Сириций. Сей папа явно чем-то не нравился высокочтимому Иерониму; этот древнехристианский писатель, защищавший Дамасия от римских императоров, не упускал случая съязвить по адресу нового папы.

Как известно, церковники изо всех сил превозносили почтенного старца. А между тем этот старец в своих творениях весьма недвусмысленно высказывается по поводу целибата. И его высказывания вполне совпадают с тем, что писал ваш покорный слуга, за что разъяренные церковники грозили ему судом.

Моя статья, вышедшая в сборнике «Долой рясоносцев!» под заголовком «Да оскопите же их!», развивает ту же тему. А ведь, в конце концов, я всего лишь повторил мысль известного христианского летописца, благочестивого Иеронима.

Этот отец церкви в одном из своих сочинений ставит в пример христианским священникам жрецов Древнего Египта. «Служители древней религии,— говорит он,— не имели никаких сношений с женщинами с тех пор, как они посвящали себя служению богу; чтобы побороть в себе вожделение, они воздерживались от мяса и вина, а жрецы Кибелы были все евнухами». И далее он добавляет: «Священники и монахи, принявшие обет целомудрия, должны идти по стопам языческих жрецов, когда им кажется, что дух их бессилен бороться с желаниями плоти».

Именно так писал высокочтимый Иероним. Так почему же, когда вам предлагают кастрацию, вы, господа священники, приходите в такую ярость? Сорвите в первую очередь нимб с головы вашего святого Иеронима и отправьте его в преисподнюю. Право, я убежден, что клерикалы поступили бы мудро, если б деканонизировали Иеронима; святой на склоне дней своих писал такие памфлеты против попов своего времени, что, выйди они из-под пера вашего покорного слуги, его бы затаскали по судам.

Папа, который возвел Иеронима в ранг святого с тремя нашивками, уж несомненно прошелся резинкой по памфлетам этого праведника, желая увековечить только то, что писал этот старец против императора Грациана.

Чтобы развлечь читателя, процитируем некоторые места из писаний Иеронима.

Однажды этот старец обратился с посланием к некой девице. Он рекомендовал ей сохранить девственность и давал мудрые советы на сей счет.

Послушаем Иеронима: «Дочь моя, если ты хочешь сохранить цветок своей девственности, избегай, как чумы, избегай этих лицемеров, которые домогаются духовного сана, чтобы иметь свободный доступ к женщинам».

Он знал свою клиентуру, этот праведник!

Продолжаем: «Эти гнусные священники носят сверкающие кольца на своих пальцах...»

Господа епископы, по вашему велению верующие падают ниц перед изображениями святого Иеронима. Спрячьте ваши руки, на которых сверкают роскошные перстни!

«Главное их занятие заключается в том, что они разузнают имена и дома красивых женщин и выведывают их склонности...»

Ого, отцы иезуиты, уж конечно эти строки о вас, иначе быть не может!

«Чтобы ты не вовлекла себя в обман,— пишет далее Иероним,— я раскрою перед тобой облик любого из этих священников, достигших большой сноровки в своем ремесле. Он встает тотчас после восхода солнца; порядок его посещений обдуман им заранее, он выбирает самые кратчайшие пути; он назойлив, этот старик, и пробирается прямо на женскую половину; если заметит подушку, богатое покрывало или что-нибудь из мебели по своему вкусу, он внимательно все оценит и начнет лицемерно вздыхать о своей бедности, и будет хныкать и скулить, пока ему не удастся что-либо вырвать. Алчность — основная черта его характера».

Если вам доведется присутствовать при визите любого капуцина в добропорядочный дом, вы убедитесь, что нравы духовенства нисколько не изменились.

Что касается епископов, то святой Иероним не очень церемонился с ними: «...Епископы под предлогом благословления протягивают руку, а взамен получают деньги; они становятся рабами тех, кто платит им, оказывают самые низкие, грязные услуги, дабы впоследствии завладеть их наследством».

А хотите узнать, что говорит святой Иероним о самом папе? Он просто обзывает его святейшество Сириция старым распутником в багрянице.

Вот письмо этого праведника к Марцелле:

«Раскройте Апокалипсис — и вы увидите, что апостол предсказал царство этой блудницы в багряной одежде, у которой на лбу печать святотатства. Поглядите на конец этого великолепного города, в нем воистину пребывала святая церковь, хранившая лавры апостолов и мучеников, где исповедовали Иисуса Христа и апостольское учение, но высокомерие, заносчивость его главы отвратили верных от истинного благочестия».

«Когда я пришел в этот римский Вавилон, один из придворных старой блудницы в багрянице заставлял меня принять догмы ее, которые являются сплошными заблуждениями. И тогда я написал свой труд, посвятив его самому папе. Я оставил этот проклятый город и вернулся в Иерусалим, покинул эти гнусные места, кишащие кабанами Ромула, бежал от этих бесчестных людей; я предпочитаю им обитель Марии, пещеру младенца Иисуса...»

Старая блудница! Римский Вавилон! Угости я подобными эпитетами папу Льва XIII, меня бы не причислили к лику святых!

Разумется, я не из зависти к святому Иерониму привожу цитаты, я хочу лишь подчеркнуть: церковники не только ровно ничего не стоят, но к тому же они еще крайне нелогичны. И не потому ль я испытываю известное чувство удовлетворения, когда читаю историю канонизации святого Августина?

Этот отец церкви вполне достоин своей рясоносной рати.

Всю свою юность, как признают сами католики, блаженный Августин не любил ничего, кроме азартной игры и зрелищ; он похищал у отца все, что мог найти, и в конце концов мать была вынуждена выгнать его из дому. Впоследствии, когда Августина избрали епископом, он превратился в самого ревностного фанатика. Клерикалы испытывают к нему глубочайшее почтение. Они смотрят сквозь пальцы на все его проказы и распутства и упорно хотят видеть в нем только пылкого прелата, подкрепившего своим авторитетом формулу слепой веры: «Верую, ибо нелепо».

Раз мы уже бросили беглый взгляд на историю папства в IV веке (от Марцеллина I до Сириция), вероятно, не мешает сказать несколько слов и об императоре Константине — защитнике и подлинном спасителе христианской религии, которого первосвященники из благодарности причислили к лику святых. В самом деле, не будь Константина, христианство погибло бы при Диоклетиане.

Константин вовремя понял, что секта, подвергавшаяся гонениям, может помочь ему одержать победу над его противником Максенцием, и потому перешел на сторону христианского бога и принял христианство. Тем самым он извлек церковников из той могилы, куда их загнал Диоклетиан. (Кстати, матери этого свирепого и коварного императора мы обязаны изобретением культа реликвий: святая Елена по возвращении из Палестины привезла оттуда множество драгоценных «святынь», которые начали стремительно размножаться, подобно тому как размножаются шарики под магической палочкой фокусника.)

Клерикалы очень гордятся императором Константином, а, между прочим, гордиться-то нечем.

Перечислим вкратце некоторые подвиги этого императора. Он заколол собственного сына Криспа, задушил в бане жену Фаусту, отдал приказ об убийстве своего двенадцатилетнего племянника Лициниана, который впоследствии мог бы потребовать отчета о том, как император избавился от его отца — мужа родной сестры Константина. Вот какую мило-

сердную любовь проявлял этот великий святой к своей семье в то самое время, когда он возглавлял пресловутый Никейский собор, призванный выработать символ христианской веры!

С точки зрения простой гуманности этот император был чудовищем. Пруссаки, совершавшие, как всем известно, преступления в 1870 году, явно уступают ему в жестокости. Во время войны с франками (предками французов) Константин с неслыханной свирепостью расправлялся с пленниками: он отдавал их на растерзание диким хищникам, которых вела за собой его армия. К концу жизни, истощенный, он пытался подкрепить свои силы ваннами из теплой крови убитых для этой цели младенцев.

Таков этот святой, краса и гордость клерикалов!

В IV веке четыре императора пытались хоть как-то помешать усилению христианской церкви. Это были: Юлиан Философ, Валент, Грациан и Валентиниан. Валент был сожжен в своем шатре; Грациан убит; Валентиниан задушен подкупленными слугами. Что касается Юлиана, очень либерального государя, энергичнее других пытавшегося положить предел домогательствам церковников, то его погубила отравленная стрела. Церковная летопись утверждает, будто стрела эта была пущена с неба самим Христом.

Кто посмеет заявить, что в ту эпоху еще не существовали иезуиты?

Святой престол и женщины

■ Мы подошли к V веку.

Анастасий I сменил Сириция. При нем церковью завладели женщины. Просто невероятно, что проделывали святые старцы, пользуясь слабохарактерностью Анастасия!

Христиане того времени разделились на два враждебных лагеря, во главе которых стояли две куртизанки — госпожа Марцелла и госпожа Мелания. Некого Руфина, священника из Аквилеи, возлюбленного госпожи Мелании, жестоко ненавидела госпожа Марцелла. Руфин был крупным ученым, и труды его очень ценились современными ему богословами. Естественно, госпожу Марцеллу терзало уязвленное

самолюбие, и, вероятно, она не раз твердила себе: «Почему я должна уступить Руфина моей сопернице?»

Снедаемая завистью, красавица обратилась к ученому с предложениями столь же нерелигиозными, сколь и непристойными. Она поставила на карту все, ни перед чем не остановилась, но... осталась с носом. По-видимому, этот Руфин крепко был привязан к госпоже Мелании. Известно, как мстительна бывает отверженная куртизанка. Оскорбленная в своих чувствах, госпожа Марцелла бросилась к святому отцу и разоблачила возлюбленного Мелании.

Святая блудница — святая, ибо эту куртизанку впоследствии причислили к лику святых — заявила, что Руфин — еретик, так как перевел сочинение Оригена, что само по себе уже ересь.

Папа, если верить летописцам, не способен был ни в чем отказать госпоже Марцелле. Выслушав, он энергично взмахнул своим распрекрасным жестяным жезлом, добросовестно прицелился и — бац! — обрушился на несчастного Руфина. Впрочем, Руфин, отлученный от церкви, продолжал жить припеваючи.

Все происшествие свидетельствует лишь о том, что и в первые века клерикалы не отличались высокой нравственностью.

При Иннокентии I духовенство обогащалось в полную меру, обирая женщин, которых соблазняли галантные клирики.

Например, некая матрона, по имени Вестина, возлюбленная многих священников, истратила все свое имущество на церковь. В угоду папе Вестина построила в Риме роскошную базилику (ныне церковь Гервасия и Протасия), богато украшенную золотой и серебряной утварью. Так, дарохранительница для святого причастия, на главном алтаре, усыпанная драгоценными камнями, была из массивного золота; над крестильницей возвышался огромный серебряный олень, источавший воду; ларец, где хранят масло, предназначенное для изгнания бесов, был высечен из целого агата. Кроме того, в храме было тридцать шесть медных подсвечников, каждый весом в сто шестьдесят килограммов.

Прибыль, которую приносили принадлежавшие этой церкви дома и земли, достигала баснословных цифр.

Вестина же умерла в нищете: все ее имущество поглотила церковь.

Сикст III

■ Папа, сорок шестой по счету, правивший с 432 по 440 год, был вполне бравым мужчиной. Святой отец считал, что монастыри и гаремы — это одно и то же: и здесь и там должен властвовать один папа!

Представьте себе его положение.

Молодая девушка, вступая в святую обитель как Христова невеста, становится его супругой.

Что ж, раз Иисус Христос не в состоянии спуститься на землю, пусть пеняет на себя! Кому же иначе быть заместителем господа, я вас спрашиваю?

Разумеется, папе.

По крайней мере, так утверждали епископы.

И в самом деле, преподобный Сикст III, получив священные полномочия от самого Иисуса Христа, нисколько не стесняясь, выполнял все функции добропорядочного супруга по отношению к своим правоверным.

Однажды ему не повезло: монахиня по имени Хризонogия оказала ему сопротивление... Естественно, пришлось прибегнуть к насилию. В конце концов, папа он или нет, черт возьми?!

Но этого мало. Владыку Сикста III уличили еще в кровосмесительстве.

Его бурная деятельность вызвала возмущение среди верующих. Был созван специальный собор для суда над его святейшеством. Но под силу ли собору тягаться с папой? Сикст III находился в наилучших отношениях со своим клиром. Его подчиненные распутничали так же, как он сам; к тому же настоятели монастырей помогли солидным подкупом повлиять на собравшихся; в результате Сикста III признали невиновным!

Через три месяца после собора священник Басс, глава обвинителей святого отца, был отравлен. Папа с большой помпой похоронил своего врага, утверждая, что он скончался от обычного воспаления легких.

Тайну смерти Басса разоблачил только преемник Сикста III.

Лев I

■ Этот святой отец прославился тем, что издал весьма безнравственную буллу: христианский первосвященник закреплял за отцом право продавать свою дочь в наложницы всякому, кому захочет.

При нем Целидоний, епископ Вьеннский, был обвинен в насилиях и убийствах, в частности в убийстве мужа своей сожительницы. Обвинение подтвердилось, и специальный суд из провансальских епископов под председательством святого Илария Арльского постановил низложить Целидония.

Отметим, что церковным судом Целидоний был не осужден, а всего лишь низложен. Целидоний, которого в наши дни суд укатал бы на каторгу, отнюдь не чувствовал себя счастливчиком, напротив, он заупрямился и отказался покинуть свое место. И даже рискнул обжаловать решение суда перед папой: он-то понимал, что мораль святого отца весьма эластична.

И действительно, Лев I отменил решение суда. Несколько насилий, несколько убийств — не такое уж это важное дело, рассудил папа.

Когда же епископ Иларий Арльский возымел дерзость протестовать — не подобает, дескать, оставлять на епископском престоле человека, осужденного за уголовное преступление,— папа отлучил Илария от церкви. Знай свое место и впредь не вмешивайся в дела папы!

Еще через несколько лет общий собор епископов в Эфесе отлучил, в свою очередь, и самого папу Льва.

Однако все эти события не помешали благочестивым католикам одинаково почитать и Льва и Илария. Святой Иларий Арльский стоит в святцах под 5 маем, а святой Лев — под 11-м.

Вот она, логика клерикалов! Мудрено ли, что при такой логике все дозволено.

Напомним: в понтификат Льва возникло христианское братство адамитов. В эту секту входили представители обоих полов. Благочестивые церемонии (обедни, молитвы, молебны) они совершали совершенно нагими, а приступая к святому причастию, предавались непристойным объятиям.

Более подробно не стоит останавливаться на всех мистификаторских фокусах. Тошно!

Кроме Илария Арльского еще один из подчиненных Льва I имел несчастье поспорить с ним. Но он уже не отделался простым низложением. Речь идет о Присциллиане, старом священнике, понимавшем религию иначе, чем папа.

Его святейшество приказал схватить Присциллиана и подвергнуть позорной пытке. Присциллиана бросили в застенок, заковали в цепи, после чего монахи принялись выяснять: согласен ли он отречься от своих заблуждений? Признает ли папу наместником господа на земле?

Так как несчастный отказывался отвечать, палачи вложили ноги и руки его в тиски, а когда лопнула кожа и начали выходить кости из суставов, подтащили его к огню.

— Отрекись от своих ошибок, Присциллиан, и прославь Льва, отца верующих!

В страшных мучениях Присциллиан возносил молитвы к небу и отказывался славить папу.

Тогда приступили к пытке огнем. Несчастному спалили волосы и кожу на голове, прижигали тело раскаленным железом, капали на открытые раны горячим маслом, и, наконец, палач влил в него кипящую жидкость; после двух часов нечеловеческих страданий он испустил дух.

Присциллиана, как еретика, не причислили к лику святых. Иларию Арльскому повезло больше, чем замученному старцу. Ему удалось скрыться после отлучения, не то мы стали бы свидетелями того, как один святой стал мучеником с помощью другого святого.

Лев I прославил свое имя еще и тем, что якобы один отразил легионы Аттилы, завоевателя, который обрушился на Европу во главе диких и свирепых гуннов.

Вот что говорит предание.

Когда Аттила со своими полчищами двинулся на Рим, сжигая все на своем пути, испуганные жители, позабыв о старых распрях, сплотились воедино и вышли навстречу варварам.

Вполне естественно, что папа вместе со своими коллегами возглавлял этот крестный ход. Толпа, распевая во всю глотку гимны, подошла к стану короля гуннов. Потрясенный

этакой встречей, Аттила полюбопытствовал, что сие значит. Папа Лев разразился вдохновеннейшей речью, тем более убедительной, что она была подкреплена значительной суммой. Оценив по достоинству выкуп, Аттила с дарами убрался восвояси.

Счастливый исход этого события стали вскоре приписывать чуду. Нашлись даже люди, утверждавшие, что своими глазами видели, как во время речи Льва I паривший в небесах старик с белой бородой, опоясанный гигантским мечом, приказал завоевателю отступить.

Чудо Льва I сработало всего лишь раз.

Когда спустя некоторое время в страну вторглись вандалы во главе с Гейзерихом, стоившим Аттилы, римские христиане попытались повторить уже испытанный трюк. Папа организовал крестный ход со знаменами, хоругвями и песнопением. Однако, надо думать, Аттила так основательно очистил городскую казну, что римлянам нечего было предложить Гейзериху. Король вандалов не внял воплям и стонам святого владыки, и чудо, обещанное Львом, кончилось весьма плачевно.

Гейзерих опустошил Рим. Разграбление святого города длилось четырнадцать дней; вандалы неистовствовали, а старик с белой бородой, паривший в воздухе во времена Аттилы, и не подумал явиться. Вандалы покинули город лишь после того, как в домах уже не осталось ни одного носового платка и ни одной красотки.

* *
*

Перелистывая страницы истории, упомянем еще о нескольких церковных деятелях. Святого владыку Анастасия II, почившего в бозе в 498 году, сановники церкви именовали деспотом. Они же его и отравили. Это только подтверждает ту истину, что клерикалы страшнее волков, ибо волки, как они ни свирепы, не истребляют себе подобных.

Преемник Анастасия II, папа Симмах, был изобличен в адюльтере.

Святой Сабас, епископ Иерусалимский, был главой банды.

Междоусобицы среди пап

■ Мы подошли к моменту, когда папство утвердило свое главенство над христианской церковью.

Как кипят страсти соперников! Какие стоны и вопли! Епископы при живом папе уже плетут интриги, выискивая возможных преемников.

Шестидесятый папа, Сильверий, низложенный епископом Вигилием, был сослан на пустынный остров Пальмария, где прожил девять дней без пищи. В конце концов монахи, надзиравшие за ним, не дожидаясь кончины Сильверия, задушили его.

Вигилий, шестьдесят первый папа, был известен как содомит. Кроме всего прочего он убил жезлом несчастного мальчика, посмевшего оказать ему сопротивление. Это убийство привело к мятежу. Восставший народ выволок папу из дворца и на веревке протащил по улицам Рима, подвергнув его публичному бичеванию.

Жизнь Вигилия — цепь тягчайших преступлений; при этом алчном плуте, растлителе, убийце духовенство предавалось бесконечным оргиям, монастыри превратились в лупанарии.

Вигилий умер, отравленный своим преемником — епископом Пелагием. При Пелагии один восточный епископ был уличен в кровосмесительстве.

При Иоанне III, шестьдесят третьем папе, двух французских прелатов осудили за насилия и убийства. Разгневанный тем, что приговор им вынес светский суд,— ведь это же покушение на власть церкви! — Иоанн приказал восстановить осужденных в их звании. По требованию папы прелатам в награду за тягчайшие преступления были отданы две епархии.

Во времена Пелагия II Григорий, епископ Антиохийский, был обвинен в кровосмесительстве с родной сестрой. Папа вызвал Григория в Рим, запретив разбирать его дело в светском суде. Вместо того чтобы выслушать показания свидетелей, его святейшество потребовал от Григория: пусть он присягнет, что не совершал преступления. Само собой разумеется, прелат поклялся перед святым евангелием, всемогущим богом и святыми апостолами, что невинен, как младенец.

Тогда наместник Христа на земле вынес следующее замечательное решение:

«Служитель бога, избранный нами,— один из руководителей нашей паствы и уже в силу своего духовного звания не способен на ложную клятву. Он присягнул, что невиновен. Следовательно, обвинители оклеветали его. Пусть несут ответ за содеянное. Мы должны покарать их!»

И действительно, свидетелей этого процесса, которым не дали даже раскрыть рта, приговорили к изгнанию, после того как, исхлестав плетьми, протащили по улицам.

Пелагий II опубликовал знаменитую буллу, в которой предложил епископам не убивать детей своих сожительниц, а отдавать на воспитание в монастырь, чтобы в будущем вырастить священников.

Умер он от венерической болезни, которую подцепил в одном из лупанариев Рима.

Великий Григорий

■ О святой человек! Добродетельный папа! Народы, падите ниц! Шестьдесят шестого папу, носящего имя Григорий, можно назвать даже не полузверем, а вполне законченным зверем. Все необходимые для этого качества были налицо!

Именно он изобрел знаменитое чистилище. И надо признаться, это очень остроумное изобретение.

Чистилищем (ignis purgatorium — очистительный огонь) называли то место, где очищались человеческие души, чтобы в чистом виде попасть в рай.

Многие богословы еще до Григория полагали, что огонь, о котором говорил апостол Павел, мог гореть не только при наступлении конца света, но и в промежутках между смертью и страшным судом. Лактанций в «Божественных установлениях» (кн. VII, гл. 21) говорит: «Пусть не думают, будто души предстают перед судом сразу же после смерти. Все души обитают в одном общем месте, где ждут испытания, которому они должны подвергнуться перед великим судьей. Тогда те, кто жил праведно, получат бессмертие; те, у которых обнаружатся грехи, не воскреснут, а будут повержены во мрак и обречены на мучения».

Григорий Великий не стал вдаваться ни в какие рассуждения по этому вопросу, а просто заявил: «Душам могут принести облегчение молитвы, которые будут произноситься, пока они пребывают в чистилище. А освободить их из чистилища можно с помощью обеден, которые служат специально с этой целью». И далее: «Души покойных являются к живым; рассказывая о своих мучениях, они просят помочь им молитвами, а затем подтверждают, что молитвы и в самом деле облегчили их участь».

Чистилище, появившись на свет, принесло с собой массу индульгенций и обеден по 3 франка, по 100 су и 1 луидору.

Милости просим к церковной кружке, благочестивые верующие! Не скупитесь, побольше монет, а мы уж постараемся облегчить страдания вашего папаши и всех ваших близких! Аминь!

На совести святого Григория (если только она имелась у него) было еще и убийство: он отравил епископа Малхуса за бунтарство и отлучил его от церкви. Малхус умер в день своего отлучения, когда находился у легата, которому было поручено передать епископу грозную буллу папы.

Смерть Малхуса — «великое чудо», по словам самого отравителя, ибо в его внезапной кончине виден могущественный «перст божий».

При понтификате Григория произошло еще одно событие, которое в то время могли также причислить к чуду и объявить божественным промыслом. Это случилось во время ремонта огромного бассейна в главном монастыре церкви.

После того как выпустили воду, на дне водоема обнаружили несколько тысяч мертвых младенцев.

Едва ли кто поверит, что эти младенцы в женском монастыре, многократно посещаемом духовенством, произошли от духа святого.

Папа Григорий одним из первых понял, что власть клерикалов главным образом зиждется на невежестве, и всю свою деятельность направил на то, чтобы затуманивать мозги римского народа. По его указу истреблялись античные книги, манускрипты, полотна, скульптуры, памятники богатейшего языческого наследия. С этой точки зрения пребывание этого врага просвещения на святом престоле оказалось не менее роковым, чем все нашествия готов, гуннов и вандалов.

Сабиниана можно признать достойным преемником Григория. Под угрозой анафемы Сабиниан запретил народу

обучаться грамоте: по его мнению, просвещение — это монополия монахов и священников.

Античные памятники искусства по его приказу погибли под ударом топора, самые драгоценные манускрипты бросали в огонь, и человечеству, по словам историка Мориса Лашатра, оставалось только оплакивать те сокровища разума, которые были погублены Сабинианом.

Сабиниан был одним из самых ненавистных священников того времени. После смерти Григория, когда церковники собрались, чтобы избрать нового папу, они не думали над тем, кто принесет наибольшую пользу своей пастве. Их интересовало лишь то, кому из кандидатов наиболее успешно удастся приумножить богатство церкви.

Вот почему Сабиниану достался трон святого Петра.

Этот папа был алчен, как губка. В своей непомерной жадности он не остановился даже перед тем, чтобы извлечь выгоду из народного бедствия. Когда в Риме разразился голод, Сабиниан, у которого в подвалах апостольского дворца хранились огромные запасы хлеба, стал распродавать его в обмен на золото.

Люди падали на улицах от истощения, и поведение папы вызвало возмущение граждан. К нему направилась делегация, умоляя во имя Христа спасти людей от гибели и дать бесплатно хлеб тем, кто не в состоянии уплатить за него.

Во имя Христа!.. Святой отец даже не принял представителей города, плевать он хотел на Иисусово милосердие.

Тогда народ восстал, и гнусный вымогатель поплатился жизнью за свою жестокость. Он был убит в своем дворце.

После смерти Сабиниана святой престол оставался вакантным в течение года. Епископы с оружием в руках оспаривали друг у друга трон святого отца. В конце концов тиран Фока, который в то время правил империей, навязал верующим Бонифация III. Именно этот папа получил титул вселенского епископа.

* *
*

Бонифаций IV был законченным кретином. Им владела навязчивая идея: всех без исключения верующих превратить в монахов. Обратись весь мир в христианскую веру — ему и этого было бы мало. Он мечтал о подлинном воинстве Христовом, о полчищах монахов. Повсюду монахи, одни только монахи...

Бонифаций IV даже придумал монашескую одежду, которая, по его понятиям, должна была походить на одеяние ангелов.

Вот что писал этот скудоумный святой:

«Монахи своим внешним обликом подобны славным херувимам. Капюшон, покрывающий их головы,— это два сверкающих крыла; длинные рукава сутаны — два других крыла, а развевающиеся полы образуют третью пару крыльев. Не значит ли сие, что монахи шестикрылы, как серафимы, и, следовательно, принадлежат к высшей иерархии ангелов?»

Пусть читатель не думает, что я для увеселения хоть единым словом погрешил против истины. Это — буквальная цитата из послания Бонифация IV.

Приверженность идее довела его до того, что он заставил своих родителей постричься в монахи и обратил их дом в монастырь.

Омерзительные нравы

■ При Мартине I противоестественный разврат стал язвой среди служителей церкви. Священники уже не довольствовались растлением мальчиков, они стали заниматься скотоложеством.

Их постыдные деяния нельзя перечислять, не краснея от стыда. Достаточно сказать, что сам папа Мартин признал непристойность поведения этих грязных скотов, покрывших род человеческий позором.

В послании Амону, епископу Маастрихта, есть следующие строчки:

«С великою скорбью мы замечаем, что почти везде священники, диаконы и прочие клирики впадают в позорные грехи разврата, содомии и скотоложества. Те из этих гнусных негодяев, кого хотя бы раз поймают с поличным, будут низложены без надежды на восстановление когда бы то ни было».

Клир, который на пять шестых был смертельно заражен самыми ужасными пороками, не мог вытерпеть папу, пытавшегося исправить церковные нравы. Священники обвинили Мартина I в ереси и сослали на пустынный остров, где вскоре он закончил свое существование.

Святой престол занял Евгений I, пастырь, вполне достойный своего стада. Некий Максим, хризопольский аббат, попытался упрекнуть Евгения в том, что он надел тиару при жизни своего предшественника. Папа Евгений отдал распоряжение публично бичевать Максима на всех перекрестках города; после этого аббату отсекли язык и отрубили правую руку.

Папа Евгений объявлен святым. Комичнее всего, что последующие папы причислили его противника тоже к лику святых. Церковь чтит память Максима 13 августа, а Евгения — 27-го числа того же месяца.

Папа Агафон прославился тем, что отлучил от церкви папу Гонория, занимавшего престол святого Петра с 625 по 638 год.

Кто из этих двух пап более непогрешим?

Агафон умер от венерической болезни. Это, правда, не помешало его трупу совершать великие чудеса.

Ссоры и драки

■ С 687 по 701 год на престоле святого Петра восседает редчайшая каналья. Перед нами папа Сергий I.

Когда его предшественник Конон находился на смертном одре, растерявшиеся клирики, разделившись на несколько групп, избрали сразу трех его преемников: Теодора, Пасхалия и Сергия.

Можете себе представить, как горячились эти претенденты на престол, какие были драки и побоища. Впрочем, чего ж удивляться: святой престол — дело нешуточное.

В эту свалку втянули даже верующих: сторонники Теодора организовали избиение сторонников Пасхалия в базилике святой Юлии. Сергий ловко воспользовался дракой между Теодором и Пасхалием: он подпоил и подкупил вооруженный отряд и завладел апостольской тиарой.

Пасхалия и Теодора бросили в подвал. Вскоре эти доблестные молодчики утихомирили свои страсти и даже поклялись повиноваться Сергию.

Сергий выпустил их на свободу. Святой отец Теодор не стал терять драгоценного времени и тут же публично обви-

нил отца Сергия в узурпаторстве, доказывая, что только его избрание является единственно законным. Ему удалось перетянуть на свою сторону большую часть духовенства, и Сергия выставили за дверь.

Однако и Сергий не пал духом. Он направил свои стопы в Равенну. В ту пору экзархом города был некий Иоанн Платин, неистовый молодец, любитель всяких ссор и драк. Сергий пообещал Платину златые горы, если тот поможет ему вернуть престол.

Два мошенника договорились, и вскоре Сергий с помощью Иоанна Платина вновь обрел тиару, которая, кстати сказать, была ему очень к лицу.

Водворившись на троне, святой отец хотел было рассчитаться с экзархом Равеннским за оказанную услугу по всем правилам истинного католика. Да только Иоанн Платин был суровым компаньоном, шутить с такой шельмой — беды не оберешься. К тому же папа номер два, Пасхалий, в свою очередь объявил, что ему также покровительствует злополучный экзарх. Волей неволей Сергию пришлось выполнить взятые на себя обязательства.

Он снял из церквей все украшения, продал священные сосуды, канделябры, подсвечники, дарохранительницы, дошел до того, что отдал ростовщикам золотые венцы, украшавшие алтарь святого Петра.

Иоанн Платин, в конце концов ублаготворенный, покинул Рим.

Ревностно позаботившись о своем коллеге по престолу Теодоре, Сергий запер его в монастырь, а спустя девять дней, сразу же после мессы, Теодор отдал богу душу. Белое вино к причастию прислал сам Сергий. Остальное понять нетрудно.

Папа Сергий обнародовал немало любопытных булл во время своего понтификата. Так, в одной из них он позволил священникам вступать в брак с публичными женщинами, правда не более одного раза. Он разрешил монастырям брать на воспитание детей с десятилетнего возраста. Можно представить, какая судьба ожидала несчастных детей среди людей, обрекавших себя на безбрачие: в ту эпоху безбрачие было обязательно только для монахов. Зато они отыгрывались на мальчиках.

Кроме того, по настоянию Сергия вселенский собор вынес решение: воров, убийц и преступников, каковы бы ни были их прошлые преступления, принимать в монастырь.

Не правда ли, тепленькая компания собиралась в этакой смиренной обители!

Преподобный отец имел свою особую точку зрения на целый ряд вещей: он считал, что скрытый грех наполовину прощен; все дозволено, что происходит шито-крыто. Например, нельзя прелюбодействовать в святых местах, в особенности если брак не узаконен!.. Разумеется, нельзя!.. Мужу и жене разрешается вести себя в храме, как дома, но адюльтер? Боже сохрани, мораль с этим никогда не примирится. И в самом деле, в одной из булл Сергий объявил: «Предать анафеме тех мужчин и женщин, которые в преступных объятиях совершают адюльтер в святилище».

Когда константинопольский, александрийский и антиохийский патриархи после ряда громких скандалов предложили категорически запретить священникам благословлять кровосмесительные браки, непогрешимый владыка церкви отказался одобрить это предложение.

Чей же младенец?

Все четырнадцать лет своего понтификата преподобный Сергий совершал бесчисленные преступления, причем весьма однообразные: насилия и убийства сменяли друг друга. Впрочем, на одной исторической сценке стоит остановиться — она не лишена оригинальности.

Однажды папу обвинили в нарушении обета воздержания. Папа отверг это обвинение. Обвинители настаивали: владыка церкви обольстил юную монахиню, свою духовную дочь. Папа продолжал отрицать. К нему привели его жертву. И Сергий признался, что он, действительно, исповедовал монахиню, но категорически настаивал, что и мизинцем не коснулся ее. Тогда святому отцу принесли младенца, которого родила эта монахиня несколько месяцев назад; младенец был чрезвычайно похож на папу. Припертый к стене, святой отец засмеялся, затем взял младенца на руки и, перекрестив его, объявил ошеломленной толпе: «Как бы там ни было, но я родил христианина; воздадим же благодарность господу, что наша религия приобрела еще одного верующего». Паства сочла такой ответ блестящим и, почтительно склонившись перед папой, попросила разрешения облобызать его руку.

Однако не надо забывать, что Сергий распоряжался солид-

ной военной силой. Даже если бы его поймали с поличным, свергнуть его с престола было бы нелегко.

Именно Сергий ввел в обедню знаменитую формулу:

«Агнец божий, искупивший грехи мира, смилуйся над нами!» Факт непреложный: совесть святого отца нуждалась ежедневно в хорошо намыленной щетке.

Константина I не терзали противоречивые мысли и чувства — этот субъект был весьма прямолинеен. Повздорив с Феликсом, архиепископом Равеннским, он просто отдал приказ арестовать его; а еще через несколько дней по указанию папы несчастного Феликса извлекли из каменного подвала и, перед тем как отправить в изгнание, отсекли язык и выжгли глаза раскаленным железом.

Константин I добился от императора Юстиниана разрешения расправиться со своим противником патриархом Калинкием. Когда несчастный патриарх прибыл в Рим, ему выкололи глаза, после чего святой отец измывался над ним со всей изобретательностью, на которую способна папская фантазия.

Этот же первосвященник обнародовал буллу, согласно которой даже самые крупные грехи отпускались тому, кто совершал паломничество в Рим; отныне люди, на чьей совести лежали страшные преступления, могли не волноваться: достаточно было совершить паломничество и принести дары царствовавшему тиароносному злодею.

При Захарии шарлатанство католического духовенства дошло до откровенного бесстыдства. Некий епископ Адальберт поделился с верующими следующим откровением: в одну из тяжких минут его жизни ангел неба предстал перед ним и вручил чудодейственные реликвии в знак того, что он получит от бога все, что захочет. Адальберт поклялся на святом евангелии, что ему не раз являлся сам Иисус Христос. С помощью всяких басен он завоевал доверие своей паствы. В его честь сооружались часовни. Мошенник мечтал создать у себя в епархии гарем из красивых молодых девушек. И добился своего. Почтенные матроны похвалялись друг перед другом, что их дочерей почтил вниманием святой муж.

Прелат бойко торговал реликвиями и, надо думать, сколотил себе неплохой капиталец. Дошло до того, что он продавал одураченным людям обрезки своих ногтей и волос. Дело кончилось крупным скандалом: гражданские власти потребовали, чтобы папа сместил этого шарлатана.

Папа Захарий стяжал себе немалую славу тем, что под-

верг жесточайшему преследованию шотландского священника Вергилия, крупного ученого, который высказал мысль, что земля — шар и во вселенной существуют еще другие, неведомые миры. В послании к галльскому примасу святой отец пишет следующее: «Обратите внимание на философа Вергилия, этого священника, который, похваляясь лживыми истинами, внушенными ему сатаной, имеет дерзость утверждать, будто на земле существуют неведомые страны и люди, а во вселенной — луны и солнца кроме наших. Его надо изгнать из церкви, лишить сана и ввергнуть в самое черное подземелье; предварительно же подвергнуть всем мучениям, какие только придуманы людьми, ибо нет достойного наказания тому негодяю, который своим кощунственным учением подрывает святость нашей религии».

Это написал человек, считавший себя наместником того, кто всю свою жизнь якобы проповедовал прощение обид и грехов.

После смерти папы Павла I на престол был возведен Тиберий Константин, обыкновенный мирянин. Понтификат Тиберия Константина длился недолго. Не прошло и года, как духовенство возмутилось против него. Клирики разделились на две партии, и появилось два кандидата на престол — монах Филипп и диакон Стефан.

Константин II, будучи в глубине души кротким человеком, находил свое положение по меньшей мере нелепым. Он преспокойно отрекся от папского звания и удалился в монастырь, предоставив своим конкурентам добивать друг друга.

Победа досталась Стефану IV. За ним сохранилась репутация отъявленного злодея и тягчайшего преступника.

Очутившись на престоле, Стефан IV сразу же отдал приказ арестовать епископа Феодора, друга своего предшественника. Епископу выкололи глаза, отсекли язык, после чего втащили на гору и сбросили в овраг, где монахи обрекли его на голодную смерть.

Брата Константина II папские фанатики безжалостно избили железными прутьями, выкололи глаза и окровавленного бросили в подземелье монастыря святого Сильвестра.

Но и это не удовлетворило кровожадного Стефана. Вместе со своими приверженцами он пробрался в монастырь, где нашел себе приют Константин, и, когда тот попытался спастись бегством, преследовал его до самого храма. По приказу папы Константина извлекли из алтаря, подвесили к его ногам огромные гири, привязали к лошади и протащили по

улицам Рима. После этого палач на людной площади выжег ему глаза раскаленным железом. Под страхом пытки и виселицы Стефан запретил гражданам не только помогать несчастному, но даже приближаться к нему. Константин беспомощно валялся в грязи, и лишь на вторые сутки возмущение народа вынудило церковников убрать несчастную жертву и запрятать в какой-то монастырь.

Не менее позорным и зверским способом был замучен приверженец папы Филиппа — Ватриперт. Его усадили на осла задом наперед и провезли по улицам Рима, вложив ему в руки ослиный хвост вместо вожжей. После всех надругательств палач вырвал у него ногти на руках и ногах и выжег глаза раскаленным железом. Несчастный не вытерпел мук и умер во время пыток. Папа тем не менее распорядился продолжать издевательства над трупом, который потом сбросили на свалку.

Насытившись местью, наместник Христа созвал собор и заставил его принять постановление, что впредь для избрания папы необходимо иметь по крайней мере звание диакона.

На этом же соборе занялись еще раз Константином. Стефан приказал палачу нанести своей жертве двенадцать палочных ударов по голове и вырвать язык; казнь происходила в присутствии епископов, сам первосвященник руководил ею. На этот раз несчастный Константин скончался во время пыток.

Несколько позже Стефан обрек на смерть двух римских аристократов, отца и сына, возымев желание завладеть их имуществом. Стефан приказал в своем присутствии вырвать отцу глаза. Палач переусердствовал, и через три дня тот умер от кровотечения. Сын оказался выносливее отца и выдержал пытку. Тогда его бросили в подвал Латерана и там задушили.

Любопытно, что эти оба аристократа больше всех ратовали за избрание Стефана папой!

Резиновая совесть

■ У Адриана I, сменившего Стефана IV, не было за спиной стольких преступлений, как у его предшественников.

Однако расстояние между честным человеком и закончен-

ным негодяем велико — в этом пространстве легко разместить целый ряд мошенников разного калибра.

Адриан I, которым мы сейчас займемся, был чрезвычайно корыстолюбив и скареден сверх всякой меры.

Что же касается совести — она была у него подобна резине. Недаром говорят: совесть — вещь растяжимая...

Карл Великий, посетив однажды Рим, был очень удручен, узнав о нравах итальянских церковников. Он решил посоветовать папе обуздать их страсти и высказал ему мысль, что священники своей распущенностью позорят христианство: они торгуют невольниками, продают девушек сарацинам, содержат игорные дома и лупанарии и сами безудержно предаются чудовищным порокам, как некогда жители Содома

Обратите внимание, деяния их совершались столь открыто, что не требовалось никаких расследований или, скажем, опросов; они были видны и невооруженным глазом, как на ладони.

Святой отец нагло ответил Карлу Великому:

— Все это сплетни, их распространяют враги нашей церкви.

Франкский король не настаивал и вернулся в свое королевство. К папе он относился гораздо снисходительней, чем к своим епископам. Вероятно, он был заинтересован в дружбе с папой, так же как и папа с ним. Во всяком случае, когда папа попросил его «вернуть» апостольскому трону папские вотчины, имея в виду владения герцога Беневентского, осмелившегося защищать свои земли от посягательства наместника святого Петра, Карл Великий поторопился выполнить его желание. Он отнял у злосчастного герцога его лучшие города и преподнес их в дар папе.

В свою очередь, и святой отец ничего не делал даром и если оказывал услугу, то, по меньшей мере, ожидал взамен рубина на палец.

Тассилон, герцог Баварский, обратился к нему с просьбой примирить его с королем франков. Адриан согласился стать посредником за соответствующую сумму. Когда эта сумма не была вручена в условленный срок, папа прямо-таки задохнулся от ярости и отлучил Тассилона от церкви; кроме того, он заявил, что господь устами своего наместника разрешает франкам расправиться с баварцами, и посему они могут насиловать девушек, убивать женщин, детей и стариков, сжигать города, расстреливать жителей. Сколько благодушия у этих наместников Христа!

Незадолго до того как предстать перед всевышним, Адриан обстряпал весьма выгодное дельце. Английский принц Оффа бросился к стопам святого владыки, умоляя отпустить ему грехи: злосчастный принц убил одного из англо-саксонских властителей, предварительно заманив его к себе под предлогом вручения ему руки своей дочери.

Адриан I обожал такого рода дела: никаких капиталовложений, а барыши большие.

Он обещал принцу примирить его с небесами, но поставил условие: принц должен ввести особую подать — воздаяние святому Петру, а также основать приюты для верующих; святой отец заранее предвкушал доходы с этаких богоугодных заведений.

Оффа, рассыпаясь в благодарностях, конечно, согласился.

Вор, воздающий благодарность вору... Признайтесь, дальше просто некуда!

Экая досада для всех плутов и мазуриков: Адриан I не успел учредить для них высших школ!

Каков хозяин — таковы и слуги

■ Естественно, что, глядя сквозь пальцы на распутство своих сановников, папа порою сам становился жертвой собственной снисходительности, вернее, соучастия...

Два священника организовали покушение на жизнь папы. Для выполнения столь заманчивого проекта они заручились поддержкой некоторых монахов.

Однажды, когда божественный наместник возвращался в Латеранский дворец, заговорщики напали на его свиту, самого владыку стащили с коня и, волоча за бороду, проломили ему камнями череп, после чего бросили на дороге без всяких признаков жизни. Вскоре убийцы вернулись и, убедившись, что папа еще дышит, унесли его в церковь монастыря святого Стефана и Сильвестра. Здесь, в самом храме, возле аналоя, отцы церкви, пустив в ход ногти и зубы, пытались вырвать у папы глаза и язык. В конце концов они сбросили его в подземелье.

Но Льву III суждено было жить долго. Когда через три дня один из заговорщиков, по имени Эразм, спустился в

подземелье, чтобы извлечь труп и похоронить его, папа был еще жив. Тогда Льва III перенесли в другой монастырь, откуда позднее одному из приближенных папского двора, Альбину, удалось его спасти.

Эти события произошли в начале понтификата Льва III. К концу своего понтификата Льву III удалось расправиться со своими врагами.

Как известно, небольшие услуги укрепляют дружбу. Карл Великий, посвященный в императоры святым отцом 25 декабря 800 года, в свою очередь охранял папу от его многочисленных противников.

После смерти Карла Великого они решили вознаградить себя за долгое и вынужденное терпение и вновь организовали широкий заговор против жизни первосвященника.

Но Лев III опередил события. Он захватил всех заговорщиков — во всяком случае, всех, кого он подозревал; очень возможно, что среди них находились и невинные люди, ибо святой отец был очень озабочен, чтобы добыть доказательства их виновности.

Чтобы досыта насладиться приятным зрелищем, папа приказал казнить всех перед окнами Латеранского дворца. Но казнь не удовлетворила его запоздалую месть, и папа велел изгнать жен заговорщиков из Рима, а детей отдал в римские монастыри.

Церковь, разумеется, не преминула канонизировать Льва III. Бесспорно, она сочла, что папа проявил безусловно ангельскую доброту хотя бы тем, что не казнил ни жен, ни детей заговорщиков.

Превосходное общество, черт возьми!

Пасхалий I

■ Плут, злодей и распутник — таким был сто второй папа.

Вечно нуждаясь в деньгах, чтобы возместить пущенные на ветер сокровища, он прибегнул к такой уловке.

Он приказал реставрировать церковь святой Цецилии и богато разукрасить ее. Одновременно на главном алтаре была поставлена рака для мощей святой Цецилии, которые к тому времени еще не были найдены.

Приготовив все необходимые атрибуты для своего трюка, Пасхалий во время богослужения, на заутрени, притворился впавшим в летаргический сон.

Открыв глаза, он возвестил, что святая Цецилия явилась к нему со словами: «Осквернившие себя священники и папы-святотатцы уже искали мои смертные останки, но господу было угодно за тобой одним сохранить право обрести их».

После этих слов святая якобы указала папе одно из мест на кладбище Претекста.

В сопровождении духовенства Пасхалий отправился к этому месту, сам взял лопату, раскопал могилу и действительно обнаружил мощи покровительницы музыкантов; ноги святой еще хранили на себе свежие следы крови!

Никто из верующих не заподозрил жульничества, во всяком случае никто бы не осмелился выразить сомнение в достоверности чуда. Папа отдал распоряжение поместить святые мощи в церкви святой Цецилии. После этого чудесного открытия жертвоприношения верующих и подарки паломников стали стекаться в изобилии и приумножили богатство святого отца.

Производство реликвий оптом и в розницу

■ Ободренный первым успехом, папа понял, что легковерие является неистощимым источником обогащения и не воспользоваться им было бы по меньшей мере глупо.

«Он принялся, — говорит один древний писатель, — фабриковать святых для продажи их останков, и эта коммерция принесла ему огромные доходы».

Первосвященнику следовало бы открыть лавчонку с вывеской:

Святые для экспорта Оптовая и розничная продажа

Надо думать, у него было немало последователей. Дело было поставлено на широкую ногу. Огромные прибыли привлекли алчных монахов, и вскоре большинство монастырей превратилось в фабрики реликвий.

Уж во всяком случае эти лавчонки никогда не испытывали недостатка в ассортименте. Продавцы без особого труда удовлетворяли любой спрос. Изъявлял ли кто-нибудь желание приобрести зуб святой Бригитты, ноготь святого Павла, кость любого апостола или мученика — все было к услугам потребителя. Вопрос сводился лишь к цене.

Повторилось чудо с хлебом, только теперь оно превратилось в чудо с реликвиями — хлеб заменили трупами. Животворящий крест господень тоже был ходким товаром. Если бы собрать все стружки с этого креста, которые раздавали верующим в память о смертных муках Иисуса, ими можно было бы отопить немало жилищ в самую суровую зиму.

Столь выгодным дельцем церковь усердно занималась в течение многих веков. В дальнейшем мы остановимся подробнее на этом. Сейчас нам хотелось бы лишь подчеркнуть, что именно Пасхалий I основал эту отрасль церковной индустрии. Именно при нем монахи пустили в продажу некоторые части тела — их назвать-то не очень удобно! — святого Иосифа, Иоанна Крестителя и девы Марии. Крайняя плоть Иисуса Христа появилась позже, при Людовике Святом; этот сомнительный кусочек кожи был куплен герцогом Анжуйским, братом короля, и выставлен в одной церкви для поклонения верующих.

Оргии и убийства

■ Вернемся к Пасхалию I. Лотарь, старший сын французского короля Людовика Благочестивого, явившись в Рим, был потрясен тем, что он увидел в святом городе, и в особенности папским дворцом, смахивавшим на публичный дом.

Принц сурово предостерег тиароносца, и папа обещал исправиться. Но не успел Лотарь покинуть Италию, как агнец Пасхалий превратился в тигра. Он арестовал двух почтенных священников (пожалуй, единственных, которые не бесчинствовали в этом городе) и обвинил их в клевете.

Священников приволокли в Латеранский дворец, где им, несмотря на их клятвенные заверения в полной невиновности, в присутствии Пасхалия отсекли язык и выкололи глаза, после чего обезглавили.

Людовик Благочестивый, решив покарать папу за жестокое убийство, направил в Рим для расследования двух своих послов. Но хитрый мошенник не стал дожидаться допроса. Вместе со своей братией он предстал перед посланцами короля и выразил готовность созвать собор, на котором он под присягой дал бы свои показания.

Подобная процедура не сулила святому отцу никаких затруднений. Что значит ложная клятва для святоши такой закалки, как Пасхалий? Простая игра!

И в самом деле, на следующий день первосвященник созвал всех епископов, монахов и священников (а слуги были подстать хозяину!) и в присутствии всего собора клятвенно подтвердил свою невиновность.

— Тогда,— возразили послы короля,— назовите нам убийц!

Эта просьба привела бы в замешательство любого, но не такого закоренелого лицемера, каким был Пасхалий. Ничуть не колеблясь, он высокомерно ответил, что покаравшие клеветников не подлежат светскому суду и его долг — защитить их перед любым властителем.

Летопись добавляет, что Людовик Благочестивый не счел возможным подрывать авторитет церкви, поняв, что дальнейшее расследование привело бы его к необходимости предать палачам папу-убийцу.

Стоит ли добавлять, что церковь, разумеется, возвела Пасхалия в ранг святых. Откровенно говоря, он вполне заслужил такой награды!

Ежегодно 4 мая благочестивые католики чтут память этого праведника.

Верните деньги!

■ Двое пап вступили в свои права после Пасхалия I. Тиф плюс оспа после холеры морбус!

Не слишком ли много? Один за другим! Экая незадача... Это сложное положение длилось недолго.

Зосима, избранный духовенством, дворянами и городскими чиновниками, был вынужден освободить место в пользу Евгения II, выдвинутого народом.

Когда последний прочно воссел на престоле, ему пришла в голову злополучная мысль: сообщить Людовику Благочестивому о всех неурядицах, возникших в Риме во время его избрания, и попросить покарать виновных. Король внял просьбе папы и направил к нему своего сына Лотаря в сопровождении аббата из монастыря Сен-Дени.

Однако молодой принц не оправдал надежд Евгения II — он отнюдь не собирался стать слепым орудием его мести. Принцу было поручено произвести тщательное расследование, и, прибыв в Рим, он тотчас объявил, что готов выслушать жалобы всех граждан, пострадавших от церковных властей.

Бесчисленное множество семейств, оказавшихся жертвой корыстолюбия прежних первосвященников, бросилось к Лотарю, умоляя защитить их от насилий святого престола. Таким образом сын французского короля узнал о всех беззакониях, совершавшихся церковью во имя единственной цели — прибрать к рукам имущество граждан.

Лотарь приказал святому отцу вернуть пострадавшим незаконно конфискованные земли и имущество.

Как ни упрекал себя папа Евгений за свою оплошность, как ни кусал ногти, ему пришлось подчиниться, как вы сами догадываетесь, по той лишь причине, что иного выбора у него не было.

Обожествление икон

■ И все же Евгений II был довольно добродушным малым; его можно упрекнуть лишь в том, что, следуя примеру Пасхалия I, стремясь поправить свои делишки, он тоже занялся спекуляцией. Вполне возможно, что человек он был набожный, ибо, если верить многочисленным авторам того времени, он был невежествен, как копченая сельдь.

Культ икон достиг такого расцвета в ту эпоху, что Людовик Благочестивый вместе с некоторыми французскими епископами потребовал от папы созыва собора в надежде хоть как-то ограничить иконопочитание.

Многие священники, на мой взгляд, оказались удивительно предприимчивы. Так, одни счищали краски с икон и, подмешивая порошок к вину, давали его вкушать верующим во время причастия. Другие вкладывали просфору в руки камен-

ных статуй, откуда верующим не возбранялось доставать их за особую плату.

Сам Евгений II был ревностным сторонником культа икон; однако он не мог оспаривать решение французского императора, и собор был созван в Париже на следующий год.

После долгих обсуждений собор вынес следующее смехотворное решение: «Всякая икона, по закону божьему, является кумиром, но всякое поклонение ей — идолопоклонство».

Попытайтесь-ка разобраться в таких тонкостях! Кто не разберется, будет объявлен еретиком и осужден на муки вечные!

В конце понтификата Евгения II распутство, царившее среди его клира, приняло столь угрожающие размеры, в особенности в монастырях, что папа был вынужден созвать съезд всех прелатов Италии. Вслед за этим были обнародованы указы, взывающие к высокой нравственности. Но растленные клирики беспардонно продолжали грешить. Ни священники, ни монахи, ни верующие не хотели менять свои привычки.

Чтобы вы имели представление о том, сколь невежественным было тогдашнее духовенство, мы лишь укажем, что епископы, способные совершить обряд крещения в соответствии с ритуалом или прочесть «Верую» без искажения, считались людьми высокообразованными.

Убийца, вор, плут и предатель

■ Все эти эпитеты и многие другие в том же духе можно смело отнести к Григорию IV.

Этот папа занимал святой престол шестнадцать лет и совершил больше подлостей, чем полдюжины отъявленных негодяев.

Мы перечислим только самые главные его «подвиги».

По словам Папеброка, Григория IV подозревали в убийстве своего предшественника. Надо отметить, что почтенного Папеброка никак нельзя причислить к врагам святого престола: этот бельгийский иезуит, родившийся в 1628 году, закончил большую часть «Acta sanctorum» («Жития святых»), начатых Болландом.

«Римляне,— говорит историк,— боясь вызвать гнев французского короля Людовика Благочестивого, не соглашались на избрание Григория и отправили к нему послов с просьбой назначить представителей, которые должны проверить законность избрания нового папы. Когда французские послы прибыли в святой город, Григорий осыпал их дарами и получил благословление на тиару. Однако через некоторое время король, возмущенный поведением первосвященника, написал ему гневное письмо, в котором, угрожая Григорию низложением, намекал на его избрание, добытое им путем интриг и насилий; кроме того, король весьма сурово предложил ему немедленно прекратить все любовные похождения и оргии и в корне изменить весь образ жизни, дабы искупить свое прошлое».

Григорий не поскупился на обещания, но, затаив обиду, поклялся отомстить Людовику Благочестивому.

Мы увидим, что ему удалось сдержать свою клятву.

Вскоре король отдал распоряжение своим послам проверить со всей беспристрастностью жалобу аббата обители святой Марии. Аббат обвинял предшественников Григория IV — Адриана и Льва — в присвоении пяти крупных земельных участков. Разобравшись в этом деле, представители короля постановили, чтобы римский двор вернул поместья, которые он незаконно присвоил.

Приговор, справедливость которого невозможно было опровергнуть, привел Григория в исступление. Он начал действовать, и вскоре ему удалось натравить сыновей Людовика Благочестивого на отца. Когда же Лотарь открыто объявил о своем выступлении против Людовика, папа сразу же прибыл во Францию, чтобы оказать поддержку принцу.

Следуя евангельским заветам, он, как истинный миротворец, прибыл в лагерь к Людовику, будто бы для того, чтобы добиться его согласия на примирение с сыновьями. Воспользовавшись чрезмерной доверчивостью короля, он не терял даром времени. Папа изучал расположение его войск, подстрекал полководцев к измене, прибегая к посулам и угрозам.

В ту же ночь, когда Григорий отбыл из лагеря, солдаты перешли на сторону Лотаря, и Людовик, охваченный отчаянием, сраженный чудовищной изменой, сдался.

Но Григорий этим не удовлетворился: жажда мести вспыхнула в нем еще сильнее, когда он узнал, что при встрече с отцом сыновья Людовика еще оказывают ему какой-то почет.

Папа настоял на том, чтобы сыновья объявили Людовика пленником и лишили королевского звания. Облачив короля в покаянную рубаху, они заставили его в присутствии многочисленной толпы открыто покаяться во всех преступлениях, которые он якобы совершил против своих сыновей. После этого Лотарь заточил отца в монастырь и сам занял престол.

Организовав и освятив захват власти, Григорий с триумфом вернулся в Италию. Однако спустя некоторое время подданные, возмущенные поведением Лотаря, восстали против него и возвратили трон Людовику.

Старый король в свою очередь захотел отомстить первосвященнику. Что ж, согласимся, желание вызвано чувствами, вполне нам понятными. К сожалению, вместо того чтобы самому отправиться в Рим расправиться с трусливым мошенником, Людовик, по наивности, послал своих представителей, препоручив им расследовать, участвовал ли Григорий в заговоре его сыновей.

Святой отец, разумеется, разразился клятвами, отрицая свою причастность к этому делу.

Черт возьми! Его клятвы ровно ничего не стоили, как и клятвы его коллег!

Григорий присягнул на святом евангелии, что им руководили самые благие намерения, заверял Людовика в преданности, предлагал свои услуги против его сыновей, называя их мятежниками, осыпал посланцев подарками.

Небольшие подарки укрепляют дружбу!

Людовик Благочестивый — кстати, он действительно оправдывает свое прозвище — имел слабость все простить и сыновьям и папе. Позже он зашел в своей милости так далеко, что обещал оказать даже помощь святому престолу против Лотаря, когда Лотарь, возмущенный новым предательством папы, приказал своим офицерам жестоко расправиться со служителями католической церкви и самим папой.

Григорий вскоре умер. Не то бы он, несомненно, проявил свою чрезмерную доброту по отношению к французскому монарху, разыграв с ним очередной грязный трюк.

Вот каких шулеров предлагает духовенство почитать своим безропотным овцам! А папа Пий IX распространяет декрет о непогрешимости папы!

Даже и этого списка достаточно, чтобы создать отличный музей всех видов порока!

Свиное рыло

Os porci, что означает Свиное рыло,— так звали папу, сменившего Григория IV. После избрания он поторопился изменить свое имя на Сергия.

С тех пор вошло в обычай менять имя, вступая на святой престол.

Сергий II был, говорят, неплохим человеком, но, к несчастью, у него был брат Бенедикт; этот брат, облеченный административной властью, замучил людей своим лихоимством.

Шулер он был отъявленный, украсть или ограбить он мог со столь же спокойной совестью, как другой человек подает милостыню.

Бенедикт продавал с публичных торгов звания епископов, и тот, кто платил больше, одерживал победу. Если папы не бесчинствуют сами — безобразничают их близкие!

И в том и в другом случае те, кто пребывает под папской эгидой, ничего не теряют.

Монахини и святой отец

В отношении Льва IV, преемника Сергия II, мнения разделились. Большинство католических авторов превозносили его добродетель; другие же, не менее просвещенные писатели, утверждали, что святой отец основал женский монастырь в собственном доме и проводил время в самых гнусных оргиях. Его обвиняли в омерзительной скаредности, ссылаясь на свидетельство знаменитого аббата Луи де Феррье. Этот аббат рассказывает, что, перед тем как отправиться в Рим послом, он должен был запастись богатейшими дарами, «ибо без этой необходимой предосторожности невозможно и приблизиться к Льву IV».

В ту эпоху в Риме считалось вполне естественным, что сановники церкви запускали руку в карман своих подчиненных. Лев IV, как пиявка, высасывал из народа последние соки и тратил огромные суммы на свои чудовищные пиршества.

Римский народ изнывал в нищете, в то время как папа Лев реставрировал церковь святого Петра, разрушенную ара-

бами. Он скупал драгоценные ткани, балдахины, ковры, гобелены; покрыл золотом кресты, сосуды и подсвечники; водрузил на мнимой гробнице святого Петра золотую плиту, украшенную драгоценными камнями, увековечив на барельефе свой и королевский портреты. Гробницу обрамлял широкий серебряный бордюр редчайшей резьбы. Однако все перекрывала огромная дарохранительница из серебра, весом в тысячу шестьсот фунтов.

Трогательный пример христианского бескорыстия!

В общем итоге на украшение церкви святого Петра и награды ее священникам папа истратил три тысячи восемьсот шестьдесят ливров серебром и около двух тысяч золотом.

Несчастным, добывающим хлеб в поте лица своего, испытывающим куда больше лишений, нежели положено терпеть человеку за грехи прародителя нашего Адама, первосвященник обещал царство небесное, ежели они будут покорны...

Посему вооружитесь терпением!

Папесса Иоанна

■ Несмотря на энергичные протесты некоторых фанатиков, существование папессы Иоанны установлено и неопровержимо доказано. Сменив Льва IV, она восседала на святом престоле под именем Иоанна VIII около двух лет.

Чтобы не обнаружить своего пола, она была вынуждена сохранять в строжайшей тайне свои любовные похождения и благодаря этому завоевала безупречную репутацию среди населения; слава о ее высокой добродетели так прочно утвердилась в Риме, что ее единодушно избрали папой.

Впрочем, она занимает достойное место среди жестоких и порочных пап, ибо добродетель ее не что иное, как маска, которую она лицемерно носила с самых ранних лет, дабы утолить свое необузданное честолюбие.

Смерть Иоанны была трагична: в день вознесения, которое, как обычно, знаменуется крестным ходом, папесса в парадном облачении первосвятителя, в порфире, во главе процессии верхом на коне, согласно установленному ритуалу, окруженная свитой епископов и сановников, вельможами и

многотысячной толпой, торжественно направилась в базилику святого Петра.

По пути родовые схватки одолели ее с такой силой, что она упала с лошади. Терзаясь, она каталась по земле и издавала нечеловеческие вопли. Наконец, разорвав покрывавшие ее священные одежды, в страшных конвульсиях она разрешилась от бремени.

Рассвирепевшие священники не только не позволили оказать ей помощь, но, окружив ее плотной цепью, как бы желая укрыть от любопытных взоров толпы, проклинали, осыпали грязными ругательствами, пока она не испустила дух.

Во время ее предсмертной агонии эти изверги задушили ребенка, которого она произвела на свет.

Главный аргумент христианских писателей, настойчиво отрицавших существование папессы Иоанны, основан на том, что бог никогда не допустил бы такого вопиющего позора и потому престол святого Петра, учрежденный самим Иисусом, не могла занимать распутная девка.

Довод, конечно, солидный!

Нам остается только повторить тот самый вопрос, который некогда задал историк Морис Лашатр: «Как мог терпеть создатель все преступления, богохульства и гнусности епископов Рима?.. Как мог творец допустить, что святой престол растоптали в грязи папы-еретики, вероотступники, блудодеи и убийцы?»

Бароний, один из самых рьяных защитников папства, вынужден признать, что папы Бонифаций VI и Стефан VII являются мерзкими извергами, опозорившими своими деяниями дом господень; он их обвиняет в том, что они превзошли самых жестоких гонителей церкви.

Епископ Женебрар утверждает, что «в течение двух веков святой престол занимали чудовищно распутные папы, их следовало бы называть апостатическими, а не апостолическими; церковными делами управляли женщины, престол первосвященника все эти годы находился в спальне куртизанки». И действительно, Теодора и Мароция, наглые блудницы, фактически распоряжались всем Римом как хотели: они сажали на трон святого Петра своих возлюбленных или сыновей, и летопись сообщает об этих женщинах такие возмутительные подробности, что ваш покорный слуга не рискует их привести.

Это все история, господа клерикалы. Это ваша история!

Кому тиара?

■ Бенедикт III взошел на престол после смерти папессы Иоанны. Его избрание возмутило Анастасия, священника, у которого было много сторонников среди сановной знати. Честолюбивый соперник ворвался в Латеранский дворец; осыпая его ругательствами, сорвал священные одежды с Бенедикта и даже, прошу прощения, избил его своим кардинальским крестом, после чего сдал его на попечение двум священникам. Священники в свою очередь, чтобы снискать милость нового хозяина, обвязали несчастного Бенедикта веревками и, погоняя палками, выгнали из дворца.

Анастасий недолго наслаждался победой: в Риме вспыхнул мятеж, на улицах начались свалки между папистами и антипапистами, и в конце концов Анастасия с позором выгнали из дворца.

Тиара вновь перешла к Бенедикту, и он сохранил ее до своей смерти, последовавшей через три года.

Омерзительные подробности

■ Может быть, только латынь способна пристойно передать глубину гнусностей, которыми полна история папства, и тех преступлений, в которых наместники святого Петра лично или косвенно были замешаны.

По предложению архиепископа Реймсского Гинкмара Бенедикт III собрал церковников для суда над диаконом Губертом, братом Теутберги — жены короля Лотаря.

Почтенный диакон Губерт превратил женский монастырь в лупанарий и собирал огромные доходы с этого позорного промысла.

Помимо всего прочего, Гинкмар обвинял Губерта в преступной связи с королевой — его сестрой.

По сему поводу Гинкмар направил первосвященнику письмо, где подробно рассказал о кровосмесительной связи красавицы Теутберги с братом. По словам архиепископа,

королева призналась, что Губерт в порыве самых нежных чувств соблазнил ее, в результате чего она забеременела, и брат, чтобы сохранить в тайне роковое происшествие, убил плод их любви.

«Никогда,— добавляет ученый прелат,— женщина не способна зачать, не находясь в интимных сношениях с мужчиной... Пресвятая дева понесла плод только по особому разрешению господа и, сделавшись матерью, сохранила девственность нетронутой девушки...»

Исписав немало страниц на эту тему, прелат просил извинения у первосвященника за непристойности, которых он, если учесть его сан, должен был бы избежать, но не сумел этого сделать.

Несомненно, было бы гораздо умнее подумать об этом в начале письма и смягчить свой стиль; но тогда потомство лишилось бы превосходного литературного памятника, свидетельствующего как о деяниях, так и об образе мыслей церковников.

Будем считать, что нам повезло!

Дамские проделки

Бенедикт III умер, не дождавшись суда над диаконом Губертом и его сестрой Теутбергой. Святой престол пустовал целый месяц; римляне ожидали приезда Людовика Немецкого для избрания нового папы.

Когда король явился, приступили к выборам. Большинство голосов получил Николай, молодой священник из знатного рода, служивший секретарем у Бенедикта.

Уже во время церемонии посвящения новый папа энергично проявил себя как ревностный защитник авторитета папской власти; при этом он обнаружил больше наглости и высокомерия, чем все его предшественники.

Он пожелал, чтобы король стоял с непокрытой головой при его появлении и пешком сопровождал процессию, ведя под уздцы его коня от базилики святого Петра до Латеранского дворца. В довершение, прощаясь со святым отцом, король-святоша пал ниц и, трижды стукнув лбом землю, облобызал папскую туфлю!

Об обвинении, которое выдвинул архиепископ Гинкмар против Теутберги и Губерта, уже было совсем забыли (подобные скандалы случались довольно часто, и клир о них не вспоминал), если бы брата и сестру вновь не застигли на месте преступления. Супругу злополучного Лотаря заключили в монастырь до вынесения приговора епископами королевства. Но королева, страшась мести супруга, бежала из монастыря с братом Губертом, надеясь найти защиту у Карла Лысого. По-видимому, этот монарх, несмотря на лысину, все же обладал какими-то чарами, ибо госпожа Теутберга поторопилась стать его возлюбленной.

Однако королеве трудно было примириться с положением рядовой фаворитки, и потому с дерзостью, достойной ее сана, она отправилась к папе, чтобы обжаловать обвинение, выдвинутое против нее французскими епископами.

Лотарь, со своей стороны, опасаясь, как бы его неверная супруга не восстановила против него святого отца, поспешил направить своих послов в Рим, чтобы они предупредили Николая I, на какие каверзы способна распутная королева.

Но первосвященник уже попал под влияние Теутберги, равно как и все прелаты римского двора: они ни о чем другом и не мечтали, как быть соблазненными такой красоткой.

Короче говоря, собор объявил королеву невиновной и, грозя отлучением, обязал Лотаря вернуть к себе жену.

Церковная справедливость, подобно водевильной актрисе, обожает всяческие проказы!

Еще один эпизод из этой же эпохи. Немного позже, после того как короля Лотаря наградили пожизненным титулом рогоносца, папа созвал новый собор, который должен был рассмотреть обвинение в адюльтере, выдвинутое против красавицы Ингельтруды, дочери герцога Матфрида и супруги герцога Босона Ломбардского, от которого она, украв драгоценности, сбежала с любовником.

На сей раз незадачливый супруг простил виновную, но отнюдь не раскаявшуюся супругу и, все еще любящий, пытался изо всех сил вернуть ее,

Убедившись, что все его мольбы напрасны, герцог решился просить папу употребить свое влияние и заставить неверную жену исполнить свой долг перед королем и... королевством.

Вняв просьбам Босона, Николай созвал в Милане собор, куда также вызвали Ингельтруду: ее присутствие в какой-то степени помешало бы благородному собранию отлучить ее от церкви.

Если бы слово «заткнись» существовало в словаре той эпохи, то, надо полагать, бесстыдная супруга сумела бы достойно ответить первосвященнику. Но, не располагая подобным оружием, она просто отказалась отвечать и не воспользовалась приглашением.

Ее осудили, но ни анафема, ни увещевание не произвели должного действия. Получив постановление об отлучении, Ингельтруда бросила его в огонь и подняла послов на смех:

«Если вашему святому отцу угодно созывать соборы, исправлять жен, вмешиваться в адюльтеры, то передайте ему, что он попусту тратит время, издавая церковные указы. Пусть лучше займется исправлением своего омерзительного клира; пусть запретит монашкам рожать и выгонит содомитов из собственного дома!»

Известие о том, какой прием был оказан его послам, привело папу в неописуемое исступление. Он тут же приказал епископам Лотарингии изгнать распутницу из города, угрожая второй анафемой, если она не вернется к мужу.

Ингельтруда, ясно выразив свое отношение к угрозам и церковным проклятиям, преспокойно удалилась к епископу Кельнскому и, не боясь огласки, стала возлюбленной этого прелата.

Попытайся она по примеру благоразумной Теутберги поехать в Рим на личную аудиенцию к папе, вместо проклятий ее, несомненно, ожидало бы благословление святого отца. Собираясь разразиться третьей анафемой против Ингельтруды, папа и сам пообещал простить виновную, если она явится лично к нему и привезет с собой соответствующую сумму серебра.

Святой отец кроме визита дамы требовал еще и платы... Комментарии излишни!

Архиепископ осуждает Николая I

■ Если папа Николай I терпел иногда неудачи, имея дело со слабым полом, то от светской власти и церковных магнатов он требовал полного признания своего авторитета.

Его безграничное высокомерие, как и его указы, вызвали сильную оппозицию со стороны некоторых сановников католической церкви.

Собор, созванный в Меце и состоявший из епископов короля Лотаря, объявил, что, несмотря на указы святого отца, он полностью оправдывает поступок короля — его развод с Теутбергой.

Готье, архиепископу Кельнскому, и Теутгоду, архиепископу Трирскому, поручено было вручить святому отцу решение собора. Николай I обозвал съезд в Меце сборищем негодяев и воров, отменил решение собора и лишил епископского сана французских прелатов.

Теутгод и Готье не поддались угрозам и послали нижайшую просьбу королю, чтобы тот покарал папу, осмелившегося оскорбить королевских представителей.

Вот некоторые выдержки из послания архиепископа Готье к святому отцу:

«Первосвященник, ты оскорбил нас, как и наших собратьев, ты оскорбил все людские права, нарушил уставы церкви, ты превзошел в своих поступках всех твоих высокомерных предшественников. Твой совет состоит из таких же продажных, разнузданных и бесчестных священников и монахов, как и ты сам... Как алчный вор, ты захватил все церковные сокровища..., ты душитель христиан... Трусливый тиран, ты носишь имя раба рабов и прибегаешь к предательству, используешь золото и сталь, чтобы быть господином господ... Ты осмеливаешься называть нас нечестивыми! Но как же ты назовешь клир, который курит фимиам твоему могуществу, воспевает твою власть? Как ты назовешь своих медноголовых священников, этих исчадий ада, у которых сердца из металла, а чресла из грязи Содома и Гоморры? Эти служители созданы, чтобы пресмыкаться перед тобой. Гордец, они подобны тебе, они вполне достойны Рима, этого ужасного Вавилона, который ты называешь вечным и непогрешимым святым городом. Да, эта когорта священников, оскверненных прелюбодеяниями, кровосмесительством, насилиями, отравлениями и убийствами, достойна того, чтобы изображать твою проклятую свиту, ибо Рим — логово всех пороков, обиталище демонов и твое, папа, ибо имя тебе — сатана!»

Послание это, столь ярко рисующее нравы римской церкви, тем более любопытно, что оно получило одобрение довольно значительного числа епископов, которых еще не успела коснуться римская зараза.

Перст божий

■ В ответ на жалобу архиепископов Кельнского и Трирского Людовик II, возмущенный поступком папы, во главе армии двинулся на Рим для защиты низложенных прелатов.

Святой отец, собираясь дать отпор зазнавшемуся королю, приказал повсюду отслужить молебны, дабы возбудить фанатизм римлян. Но папские орды вскоре дрогнули под натиском войск монарха.

Тогда папа стал выжидать, а его верные соратники действовали исподтишка. Ждать пришлось недолго: вскоре пришла весть о внезапной кончине одного из королевских офицеров, разбившего во время общей свалки крест, украшенный драгоценностями. На его трупе выступали черные пятна, явные признаки сильного яда. Сам же король подвергся приступам мучительной лихорадки.

Клерикалы завопили о чуде: господь покарал врагов церкви. И невежественный народ уверовал в чудо.

Испуганный Людовик униженно согласился на все требования папы, и Николай I с триумфом возвратился во дворец. Свою победу он отметил грозным приказом: французским прелатам под страхом пытки предписывалось немедленно покинуть дворец.

Мораль первосвященника

■ Однажды болгарский царь Богорис, принявший христианство, направил к святому отцу своих представителей с богатыми дарами. Они должны были получить от папы указания по вопросам, касавшимся религии.

Вот ответ первосвященника:

«Вы сообщаете нам, что крестили своих подданных, вопреки их согласию, вследствие чего возник мятеж, угрожавший вашей жизни. Хвала вам, ибо вы поддержали ваш авторитет, приказав убить заблудших овец, отказавшихся войти

в овчарню; вы ничуть не согрешили, проявив столь священную жестокость; напротив, хвала вам, ибо вы уничтожили врагов, не пожелавших войти в лоно апостольской церкви, тем самым вы открыли царство небесное народам, подвластным вам. Да не убоится царь совершать убийства, если они могут держать его подданных в повиновении или подчинить их вере христианской! Бог вознаградит его за грехи в этом мире и в жизни вечной».

Какой человек не содрогнется при чтении этих строк! Быть может, кто-нибудь даже усомнится в их достоверности, но, как ни прискорбно, цитаты, приведенные здесь, взяты из подлинных исторических документов. К тому же разве мысли, высказанные в этом письме,— исключение? Увы, так было на протяжении всей истории католицизма.

Если рай существует на самом деле, не лучше ли честному человеку пустить пулю в лоб, чем случайно или по ошибке очутиться в этой святой компании!

Епископ-братоубийца

■ Во время понтификата Иоанна VIII, сто одиннадцатого папы, герцог Неаполитанский Сергий заключил альянс с сарацинами, несмотря на строгий запрет пресвятейшего отца.

В наказание за его самовольные действия разгневанный папа приказал епископу Афанасию, родному брату злополучного герцога Сергия, напасть на него ночью, выколоть ему глаза и отослать в Рим. Прелат с готовностью выполнил требование папы, ибо подобная оказия давала ему возможность унаследовать Неаполитанское герцогство.

Иоанн не только утвердил в правах узурпатора, разразившись при этом похвальными речами, но послал братоубийце четыре тысячи унций серебром — в награду за усердие.

Покарав непослушного герцога, первосвященник тут же сам договорился с неверными.

Правда, с его точки зрения (мы имеем в виду точку зрения церковную), его оправдывало одно обстоятельство: он заранее знал, что нарушит этот договор. Святому отцу надо

было потянуть время, ибо греческие войска обещали прийти ему на помощь.

Вот вам еще один штрих, характеризующий церковную мораль!

* *
*

Итак, папа ждал подкрепления, надеясь расправиться с сарацинами; он мечтал устроить хорошенькую резню и извлечь из нее все выгоды, какие возможны. По договору сарацины должны прекратить набеги на церковные владения, за что папа обязывался выплачивать им двадцать тысяч унций в год.

И вот Иоанн, вероятно, прикинул: чем платить каким-то бусурманам, дай-ка я возьму и всех их перережу!

Увы, планы святого отца были опрокинуты врагами более серьезными, чем арабы.

Ламберт, сын Гюи, герцога Сполето, и некоторые другие вельможи, возмущенные политикой Иоанна VIII, во главе многочисленных войск напали на Рим, не встретив никакого сопротивления, овладели святым городом, осадили Латеранский дворец и вскоре захватили его. Ламберт собственноручно извлек папу из-за портьеры, за которой тот прятался, и запер его в одну из зал собора святого Петра. Затем победители облачили папу в покаянную рубаху и сдали на попечение суровому иноку, а уж тот помог папе вымолить у бога прощение за все свои грехи.

Зачинщики провозгласили Карломана императором Италии, рассчитывая обрести в нем благодарного защитника, если Иоанн VIII вздумает что-либо предпринять; впрочем, проучив таким образом папу, они считали себя в безопасности от всяких поползновений со стороны святого отца.

Однако Иоанн VIII не зевал: получив свободу, он созвал собор и отлучил от церкви Ламберта и других герцогов, замешанных в этом деле. Затем святой отец отправился в Галлию, надеясь собрать там достаточно сильную армию и отомстить за перенесенные унижения.

Он созвал собор в Труа, упрашивал епископов и сеньоров вооружить корабли, умолял короля раздать оружие вассалам для защиты святого престола. Начав свою речь патетически, он кончил угрозой:

«Трепещите, как бы не навлечь на себя кару, ибо она суждена всем властителям, отказавшимся встать на защиту своего

первосвященника!.. Сеньоры и епископы, внемлите мне, я заклинаю вас без промедления пожертвовать вашим добром, вашими женами и вашими детьми и умереть во славу святого престола!»

В ответ на это собор многозначительно молчал.

И папа, возлагавший большие надежды на собор в Труа, удалился, крайне недовольный. Уходя, он пробурчал нечто невразумительное. Вполне возможно, он произнес по-латыни: «Что ни говори, а тяжела ты, шапка папы!»

Папа-фальсификатор

■ Речь идет все о том же пресловутом Иоанне VIII.

Во время одной из дискуссий на соборе в Труа епископы представили папе завещание Карла Лысого, в котором король передавал своему сыну Французское королевство, присоединив к нему духовный меч святого Петра — свидетельство того, что речь идет также об Италии и императорском звании.

Прелаты от имени короля предложили папе утвердить это завещание.

Иоанн охотно согласился, поставив одно скромное условие.

Он объявил, что имеет неотъемлемое право на аббатство Сен-Дени, якобы подаренное ему Карлом Лысым, и, предъявив документ, предложил Людовику Заике утвердить дарственную грамоту в обмен на империю.

Самые поверхностные расследования показали, что святой отец состряпал обыкновенную фальшивку. Однако этому тиароносному подлецу не дали коленкой под зад, как он этого вполне заслуживал; впрочем, аббатство приносило короне большие доходы, и у короля хватило здравого смысла не менять его на пустой и бесполезный титул.

Как видите, Иоанн VIII обладал всеми надлежащими качествами, чтобы числиться в ряду пап первого ранга. Увы, к сожалению, мы не можем добавить, что церковь причислила его к лику святых.

По забывчивости или из-за несправедливости — все равно одинаково прискорбно!

Месть римлянки

■ Иоанн VIII умер в 882 году. Анналы знаменитого Фульдского аббатства сообщают о его кончине весьма любопытные подробности.

Этот злополучный папа внезапно влюбился в... женатого мужчину; однажды он даже решился похитить своего возлюбленного, чтобы без помехи предаться с ним губительной страсти.

Супруга этого любопытного субъекта — то ли из ревности, то ли по другим соображениям — решила отомстить папе-соблазнителю. И отравила его.

Сообщники ее, увидев, что яд недостаточно быстро действует, проникли ночью в аппартаменты святого отца и ударили его молотком по черепу.

Кардинал Бароний добавляет к этому рассказу короткое примечание в духе надгробной эпитафии:

«Подобная смерть вполне достойна этого гнусного папы».

Что ж, откровенно говоря, мы всецело присоединяемся к его мнению.

Заживо разлагаясь...

■ Преемник содомита Иоанна VIII был возведен на престол под именем Мартина II.

Новый папа проявил себя таким же плутом в политике, таким же распутным и высокомерным, как его предшественник Иоанн VIII.

Его бренное существование длилось недолго: он просидел на троне всего один год и пять дней — вот и все его преимущество перед Иоанном VIII.

Скончался он в 884 году, только в его смерти не повинен никто. Папа Мартин был абсолютной развалиной ввиду своего образа жизни и заживо разложился, прежде чем испустил дух.

Брррррр!

Распродажа с публичных торгов

■ Адриан III, сменивший Мартина II, был сыном священника. В период его понтификата римский клир продолжал предаваться самым противоестественным наслаждениям. Священники уже не довольствовались куртизанками, они содержали публичные дома, где любители извращений находили как женщин, так и мужчин, всегда готовых к их услугам.

С помощью убийства или золота приобретали в ту эпоху государственные и церковные должности. Адюльтер и кровосмесительство были обычным делом, когда речь шла о достижении цели. Известно, что в Риме при папском дворе продавали с публичного торга звание епископа.

Но о каком титуле мог мечтать посредник между богом и людьми? Разве престол небесного отца не давал ему неограниченной власти? Разве он не сделал его владыкой владык, самым могущественным лицом в мире?

Папа Адриан III стремился, как и его предшественники, уничтожить всякое влияние государства на дела церкви и самовольно распоряжаться обширными княжествами. Ведь с ростом его могущества приумножалось богатство!

Адрин III осмелился даже издать указ, позволяющий священникам нарекать по своему усмотрению королем Италии наиболее достойного принца.

Легко догадаться, по каким признакам духовенство выбирало достойнейшего!..

Народ, влачивший скотскую жизнь, закоснел в невежестве, не имел сил стряхнуть с себя иго папства; и почти целое столетие Италия была добычей полоумных и жестоких тиранов.

Адриан III занял престол небесного отца в мае 884 года и умер спустя год, оставив репутацию высокомерного, алчного и распутного папы.

И церковь причислила его к лику святых.

Алчность монахов

■ Во времена Адриана III сарацины совершали частые набеги на римские территории.

Сангдам, их предводитель, не упускал из виду, что монастыри хранят несметные богатства. Сарацины захватили монастырь святого Винченца, ограбили его и тотчас же двинулись на штурм знаменитой обители Монте-Кассино, колыбели ордена святого Бенедикта.

Прежде чем монахи успели что-либо предпринять, Сангдам осадил маленькое аббатство, но не занял его, ибо высокие стены и бастионы прославленного монастыря были настоящей крепостью.

Сарацины вознаградили себя, разграбив монастырскую церковь, расположенную ниже, на склоне холма. Они нашли там неисчислимые сокровища, награбленные монахами путем вымогательства и шантажа. После этого сарацины предали церковь огню и удалились, удовлетворенные добычей, превзошедшей все их ожидания.

Чтобы возместить убытки, монахи срочно начали строить новую церковь, исполненные глубокой веры в человеческую глупость; они знали цену своему таланту, эти эксплуататоры...

И в самом деле, через некоторое время они стали еще богаче, чем прежде.

Истребление саранчи

■ В Алжире, где саранча производит страшные опустошения, применяли много способов для спасения урожая. Чаще всего расстилали по земле длинные полотнища и таким образом ловили грозных паразитов.

Римляне изобрели лучший способ.

В 885 году саранча из Алжира пробралась в Италию и принялась пожирать хлеб, виноградники и сады горожан; жителям стал угрожать голод.

Адриан III находился в это время на смертном одре. Надо было выбирать нового папу.

— Изберем священника Стефана! — кричали в один голос и клир, и сановники, и простой народ.— Только он спасет нас от саранчи.

Стефан VI был избран вопреки его желанию — то ли из-за того, что вкусы у него и впрямь были скромны, то ли он с недоверием взирал на будущее: святые отцы в ту пору не засиживались долго на престоле! Свора бандитов, окружавшая их, не слишком мучилась угрызениями совести и, чтобы извлечь хотя бы даже небольшую выгоду, преспокойно могла подсыпать крысиный яд в суп наместника Христа!

Неизвестно, какие мотивы руководили Стефаном, только он решительно отказывался возложить на голову эту неуклюжую шапку, называемую тиарой; его почти силком выволокли из уютного жилища и с триумфом понесли в Латеранский дворец.

Во время торжественной процессии внезапно разверзлись хляби небесные, хлынул сильнейший ливень, все промокли до костей, в том числе и саранча...

Как тут было не завопить о чуде! Однако в последующие дни наступила жара, за нею засуха, и саранча вновь стала неистовствовать.

Чудо лопнуло!

Святой отец, терзаясь от того, что не оправдал доверия своих избирателей, приказал раздать земледельцам святую воду для окропления полей и виноградников: надо же было как-то бороться с ужасными паразитами!

Некоторые летописцы рассказывают, что святая вода действительно возымела действие... Весьма возможно, что эти прожорливые существа умирали... со смеху!

Коснемся мимоходом разочарования, постигшего Стефана VI спустя несколько дней после его посвящения.

Он пригласил епископов, представителей королей и высших сановников войти с ним в Латеранский дворец, дабы освидетельствовать состояние папского жилища, которое передавалось в его распоряжение.

Стефан VI, естественно, рассчитывал найти во дворце неисчислимые богатства: ведь его предшественники требовали богатейших даров за самые мелкие услуги — уж такой у них был обычай, мы не раз о нем упоминали.

Увы! Пустые иллюзии! Сокровищница Латеранского дворца была совершенно пуста.

Пустыми оказались кладовые, погреба и амбары.

Что касается обстановки, то ее вообще не оказалось. Папы решительно все превратили в золото и сожрали весь священный скарб. Не оказалось даже нужного количества посуды для бедного Стефана.

Ничего себе пиршества задавали его предшественники! Ну и аппетит!

Вор, убийца и девственник!

■ Таков был Формоз I, преемник Стефана VI, сто пятнадцатый папа. В начале своей церковной карьеры, при папе Николае I, он был отправлен в Болгарию епископом. Во время своего пребывания там он скопил огромные ценности, нажившись на суеверии и невежестве народа, которому проповедовал догмы христианства. Его восшествие на святой престол оспаривали сторонники герцога Тосканелли, противопоставляя ему священника Сергия. Но Гюи, король Италии, уже провозгласил Формоза, и его водворили в Латеранский дворец.

Враги, однако, не унимались. Борьба за трон святого Петра продолжалась в течение всего его понтификата, и Рим истекал кровью от бесчисленных убийств. На этой почве у Формоза возникли разногласия с королем, и вскоре, позабыв о своих обязательствах (неблагодарность типична для церковников), он призывал Арнуля, немецкого короля, в Италию, пообещав ему империю.

Арнуль не заставил себя долго просить: во главе многочисленного войска он двинулся на Рим, овладел городом и, не теряя времени, направился прямо в базилику святого Петра, где и был коронован народом.

Вот когда Формоз дал волю своей ярости! Под предлогом расправы с еретиками за оскорбления, нанесенные религии, он предоставил возможность солдатам нового короля истребить всех видных граждан Рима.

Арнуля постигла кара за то, что он оказал помощь извергу. Один из граждан, переодевшись слугой, подлил ему в питье медленно действующий яд, и Арнуль, покрывшись язвами, через три года скончался в страшных мучениях.

Формоз тоже недолго упивался своим триумфом. Он почил в бозе, вдвойне умиротворенный: тем, что преступил порог царства божия таким же девственником, каким вышел из утробы матери, и тем, что вырезал половину населения Рима.

Двухнедельное царствование

■ В противовес Стефану VI, который, как мы уже знаем, упорно отказывался от тиары, Бонифаций VI не собирался ждать, пока труп Формоза предадут земле, а с остервенением отбивал престол святого Петра у своих соперников.

Он разбрасывал пригоршнями деньги, давал клятвенные заверения и вельможам и клиру — словом, зарабатывал свое избрание тяжелым трудом.

Над прошлым его стоило призадуматься: Бонифаций был лишен звания диакона за адюльтер и убийство.

Несчастный Бонифаций! Мог ли он предвидеть, что готовит ему судьба? Стал бы он вкладывать столько страсти в погоне за тиарой? Один из его соперников — Стефан, епископ Анежский, отравил его через четырнадцать дней после избрания.

Две недели, конечно, срок небольшой, но, по крайней мере, он досыта насладился властью. Великий любитель оргий, обжора и пьяница, этот кратковременный папа, грубо говоря, «нажирался до отвала».

Пирушки Бонифация — целая эпопея в истории апостольского престола, а ведь его святые подушки познакомились с весьма разнообразной коллекцией пьянчуг, обжор и распутников!

Кардинал Бароний опровергает версию, которой придерживаются почти все летописцы того времени; он утверждает, что Бонифаций VI — его он, между прочим, именует грязным скотом — умер не от яда, а во время оргии, за столом, из-за своей чудовищной невоздержанности.

Мы не оспариваем ни одной из двух версий. Обе правдоподобны. Изнуренный пороками разного рода, досточтимый Бонифаций уже прогнил на три четверти, когда всходил на престол. Отравив его, Стефан только ускорил развязку, которая и так не заставила бы себя долго ждать.

Стефан VII

■ Вот еще один святой отец, который не портит этой коллекции, но, подобно драгоценной жемчужине, сверкает на фоне негодяев, сменявших друг друга на престоле небесного отца.

Надо отдать ему должное: ни один его предшественник не отличался такой тщеславной тупостью. Он именовал себя князем князей, владыкой владык, королем епископов, судьей смертных! И не только не протестовал против откровенно грубой лести своих фаворитов, но даже сам считал, что отмечен божьей благодатью, а потому способен выполнять роль всевышнего. Он искренне верил, что любая его прихоть выше всякого закона.

Именно при нем был провозглашен принцип папской непогрешимости. Эта идиотская доктрина получила свое официальное одобрение позднее, уже в XIX веке, то есть после Вольтера и французской революции! При Пие IX католический мир оказался достаточно глупым и трусливым, чтобы принять догму, позволявшую человеку объявить себя всеведущим и присвоить себе всемогущую власть — ту самую власть, которую раньше верующие с благоговением приписывали только одному богу.

Преступления и безумства Стефана VII

■ В IX веке, по словам историка Платины, «святой престол стал конечной целью всех честолюбивых интриганов, логовом всех пороков. Его приобретали ценою золота и крови».

Стефан VII был настолько невежествен, что с трудом подписывал свое имя, не знал даже элементарных основ религии; кроме всего прочего, он был так же хитер, как и распутен.

Что ни сказать о нем, все будет мало: порочность его не знала предела, в омерзительных оргиях он превзошел даже Иоанна VIII.

Стефан VII, сын священника и куртизанки, в течение всей своей жизни на каждом шагу подтверждал столь благородное происхождение.

В начале понтификата ему пришла в голову мысль, одинаково мрачная и забавная: вырыть из могилы тело святейшего папы Формоза, пролежавшее в земле уже семь месяцев, и покарать бывшего узурпатора.

Перед собранием высших церковников в Риме разыгрался омерзительный спектакль: труп Формоза приволокли за ноги и усадили на трон; его облачили в парадную одежду, на голову возложили тиару, а в руки вложили жезл. Покойнику дали адвоката — правда, не столько для защиты, сколько для публичного покаяния. Выступая от имени клиента, который не мог ни подтвердить, ни опровергнуть обвинений, этот поистине странный защитник обвинял своего подопечного во всех смертных грехах. После окончания речи святой отец провозгласил приговор, отлучавший Формоза от церкви, и одним ударом ноги свалил бывшего папу с престола.

Но даже этот акт дикого зверства не укротил взбесившегося кретина; по его распоряжению с трупа сняли священные ризы, отрубили три пальца правой руки, переломали руки и ноги, и только после того, как палач отсек ему голову, изуродованные останки бросили в Тибр.

Стефан VII недолго ждал возмездия за свои преступления. 2 мая 897 года заговорщики, давно замышлявшие убийство папы, осуществили свой план. Папа был брошен в застенок и задушен веревками, свитыми из лохмотьев его царственной ризы.

Церковь в IX веке

■ Клерикалы не могут отрицать достаточной авторитетности кардинала Барония. Но вот что пишет этот вполне правоверный историк:

«Никогда никакие раздоры, ни гражданские войны, ни преследования язычников или гонения на еретиков и схизматиков не причиняли стольких страданий церкви, как эти чудовища, овладевшие троном Христа путем симонии и убийства... Римская церковь превратилась в бесстыдную девку, покрытую шелком и украшенную драгоценными камнями,

публично проституировавшую себя за золото. Латеранский дворец превратился в гнусный вертеп, где духовные лица всех наций оспаривают у продажных женщин первенство в отношении разврата и разнузданности».

Кажется, ясно, не правда ли? Более точно сформулированного признания не придумаешь — тут уже ни о какой двусмысленности не может быть и речи! Священники проституировали себя подобно гулящим женщинам! Они заставляли людей платить за их грязные ласки и мерзкую благосклонность!

По утрам они служили мессу и претворяли хлеб в тело Христово, а по вечерам продавали себя последователям Гермы.

«Никогда,— говорит Бароний,— священники, и особенно папы, не совершали столько прелюбодеяний, насилий, грабежей и убийств!»

Мы увидим дальше, что преемники перечисленных выше пап ни в чем не уступят своим предкам и что история святого престола не что иное, как гигантский архив преступлений и позора!

Воздуха! Воздуха!

■ Мы вступаем в период еще более омерзительный, чем тот, который описывали в предыдущих главах. Начинается эпоха, пользующаяся в истории дурной славой — ее называют «римским царством блудниц обоих полов». Самые низкопробные блудницы управляли христианской церковью, а папы и епископы простирались у их ног.

Платина, Женебрар, Бароний в своих творениях называют первосвященников X века отцами симонии, магии, тирании, воровства и убийства.

Мы убедимся в дальнейшем, что это отнюдь не преувеличение.

Открывает парад Роман I, сто восемнадцатый папа.

На следующий день после своего избрания он отменил указы Стефана VII, направленные против Формоза. Надо отметить, что большинство наместников Христа, объявляя себя непогрешимыми, с каким-то поразительным неистовством разоблачали деяния своих предшественников. Эти ярые

честолюбцы не понимали, что, раскрывая перед народом истинное лицо пресловутой непогрешимости, они произносили самим себе обвинительный приговор.

По словам Платины, «священники, снедаемые завистью и страхом, повергли народ во мрак невежества и суеверия».

Мы не будем особенно задерживаться на таких папах, как Роман I, Теодор II, Иоанн IX и т. д., ибо деятельность их утомительно однообразна.

Роман I занимал святой престол лишь четыре месяца. И все же, несмотря на столь короткий срок, его можно смело причислить к папам первого ранга в этой коллекции распутников.

Теодор II, преемник Романа I, умер через двадцать дней после своего избрания. Престол перешел к Иоанну IX — «наименее жестокому из всей плеяды пап», как пишет о нем Бароний. Известно, что лихоимец он был изрядный; провинившиеся епископы получали индульгенцию непосредственно от него, если, не скупясь, вносили свою лепту в кассу святого Петра. Возьмем, к примеру, историю трех прелатов — Петра, Паскаля и Сильвестра, выступавших обвинителями на соборе, где был осужден труп Формоза.

Иоанн IX, пожелавший восстановить честь этого первосвященника, созвал новый собор. Приговор над Формозом был аннулирован, а обвинители отлучены от церкви. Они смиренно попросили дать им возможность перечитать их собственные прошлые обвинения. Иоанн согласился, и уже на следующий день объявил, что прощает виновных. Петр, Паскаль и Сильвестр за сутки успели купить себе отпущение грехов у папы. Стоило это им не дешево, но они отлично понимали, что, оставаясь в лоне церкви, они с помощью верующих в короткий срок возместят свои убытки.

Итоги христианства

■ Пусть читатель простит мне небольшое отступление.

Церковники при каждом удобном случае неустанно твердят, что христианство послужило развитию человечества. Это утверждение противоположно истине, и доказать это несложно.

На протяжении многих веков, задолго до того, как изобрели эту религию, люди приобретали все новые и новые знания. Развитие науки двигалось вперед быстрыми шагами. Спустя девять веков после возникновения христианства человечество погрузилось во мрак невежества, суеверия и варварства.

После смерти Бенедикта IV, сто двадцать первого папы, преемника Иоанна IX, король английский Эдгар писал:

«В Риме можно увидеть только оргии, распутство, чревоугодие и блуд. Дома священников превратились в дома позора, в притоны блудниц и содомитов. Днем и ночью там пляшут и играют. Песни во славу Бахуса, сладострастные танцы и оргии Мессалины заменили им обедни и молитвы».

Коррупция священников охватила в скором времени все слои общества; народ изнемогал от нищеты, в то время как высшие церковные чины все больше погружались в оргии, видя перед собой лишь одну цель — наживу.

Святой Иоанн Хризостом сказал: «Все зло в этом мире идет от алтаря». Мы прибавим еще слова святого Иеронима: «Нигде не найти таких скотов, фарисеев, отравителей народа, как среди священников и королей».

Христофор-палач

■ Как это ни странно, после смерти Бенедикта IV римляне избрали папой весьма честного человека. Тут, видимо, произошла какая-то ошибка, и ее быстро исправили.

Лев V — так звали эту редкостную птицу — был низложен честолюбцем Христофором, именно тем, которому папа Лев оказал немало благодеяний.

Доброе дело всегда вознаграждается. Христофор доказал это на деле: он задушил Льва.

Выразив подобным образом свою благодарность, он срочно стал осыпать всяческими милостями своих приверженцев, которые, не колеблясь, проголосовали за его избрание.

Христофор недолго пожинал плоды своих деяний. Сергий, такой же прожженный негодяй (мы в этом скоро убедимся),

уже домогался святого престола, но всякий раз он уплывал у него из-под носа.

«Черт возьми,— вероятно, сказал он себе,— так-то гораздо легче взобраться на трон! Почему бы и мне не последовать примеру Христофора?»

Не долго думая, он осуществил свой план — и все потекло по заведенному порядку: Христофора согнали с апостольского престола и заточили в монастырь. Опасаясь, как бы он не сбежал, Сергий перевел его в темницу, где тот попросту умер с голоду.

Святые отцы и куртизанки

■ Наконец Сергий достиг своей высшей цели. Поначалу он вознаградил себя за столь длительное ожидание тем, что отменил все указы Иоанна IX и трех предшествующих ему пап, провозгласив, что четверка узурпаторов не имела никакого права занимать столь священное место.

Римом в то время правила Теодора, знаменитая куртизанка, наложница Адальберта, маркграфа Тосканского.

У Теодоры было две дочери. Распутством они намного превзошли свою мать. Старшая, Мароция, отличалась поразительной красотой, и Адальберт, будучи отнюдь не бесчувственным, не устоял и сделался ее возлюбленным.

Святому отцу Сергию, который тоже не был равнодушен к женским прелестям, Мароция пришлась по вкусу... Надо думать, что старшая дочь и наперсница Теодоры была весьма горда своей победой над главой церкви и вняла его просьбам! Кроме всего прочего, это свидетельствует об ее отзывчивом сердце!

От папы у нее родилось много детей (мы еще услышим о них, когда они начнут сменять друг друга на святом престоле). Мароция слыла хорошей матерью. Это подтверждается хотя бы тем, что она не отказывала детям в тех ласках, которыми одаривала отца.

Эти милые отроки вели себя так, будто им уже тогда были известны знаменитые строчки Альфреда де Мюссе:

Там, где прошел отец, пройдет и сын...

Прекрасная Мароция, несомненно, владела какой-то тайной, ибо сумела сохранить красоту на протяжении многих

лет. История сообщает нам (обратите внимание — не предание, а сама история), что «чудовищный кровосмесительный блуд этой куртизанки длился в течение трех поколений».

Мать и дочь

■ Эту главу можно было бы также называть «Искусство добиваться высших чинов с помощью женщин».

Иоанн, причетник из города Равенны, сын монахини и священника, был юн, красив, изящен и благодаря своим незаурядным качествам сразу поразил томившееся любовным недугом сердце Теодоры.

Эта куртизанка потворствовала шашням своей дочери Мароции с первосвященником Сергием, в то время как сама уже долгое время находилась с ним в связи.

Именно в этот период жизни ей встретился Иоанн, который покорил ее с первого взгляда. Получив от родителей весьма поверхностное представление о нравственности и зная также, какое высокое положение занимает почтенная дама, юноша сразу же сообразил, что внушенная им страсть может помочь ему достигнуть соблазнительных жизненных благ.

Возлюбленная самого папы! Черт возьми, превосходный случай! И причетник Иоанн не преминул воспользоваться этим козырем.

В те времена Теодора была еще очень могущественна в Риме, и ей не стоило большого труда подарить сан архиепископа в Равенне юному отроку. Однако отдаленность возлюбленного наводила ее на грустные размышления о его верности, и потому, воспользовавшись вакантным местом на святом престоле, Теодора пустила в ход все пружины и преподнесла своему возлюбленному... тиару.

Собственно говоря, Теодора была вынуждена совершить этот опрометчивый шаг: юношу надо было немедленно кудато определить, ибо население Равенны с позором изгнало из города мерзавца за оргии и за преступления.

Подозрения Теодоры в отношении ее возлюбленного вскоре подтвердились.

Сейчас же после своего избрания на святой престол под именем Иоанна X новоиспеченный папа, понимая, что ему

уже больше нечего ждать от знаменитой куртизанки, поторопился наградить ее соперницами. Любовные похождения и оргии отнимали у него все время. Меньше всего его занимали дела церкви. Никогда еще церковь не была настолько предоставлена самой себе, каждый орудовал по собственному произволу. На явные беззакония папа слепо давал свои санкции; впрочем, дела от этого ничуть не менялись. Когда падаешь в бездну, ниже скатиться трудно. Иоанн X превратил свою жизнь в сплошное пиршество, церковь, однако, осталась на том же месте, куда ее загнали предыдущие папы. Протеже Теодоры быстро шел к трагической развязке. Ему приглянулась Мароция, и он стал ее возлюбленным. Такова была мода в те дни — сначала мать, потом дочь.

К несчастью для злополучного Иоанна, распутной Мароции, этой всеобщей возлюбленной, пришла фантазия владеть Иоанном безраздельно. А так как святой отец распределял свои ласки поровну между Мароцией, ее сестрой — своей официальной любовницей — и их матерью, то, естественно, он не всегда оказывался к услугам Мароции. Помимо этого тройственного союза (в коем папа не усматривал никакого зла: все оставалось в семье!) Иоанн находил еще время добиваться лавров и у других милых девиц. Кончилось тем, что Мароция не на шутку разгневалась. Не считая множества возлюбленных, она имела еще и законного супруга — некого Гюи, маркиза Тосканского. Этот поистине удивительный супруг с готовностью согласился отомстить папе-ловеласу за неверность его супруге.

Под его предводительством и также под наблюдением самой Мароции, желавшей убедиться в точном исполнении своей воли, наемные убийцы ворвались в Латеранский дворец, связали Иоанна X, предварительно задушив его брата, а злосчастного распутника бросили в подземелье и задушили перинами.

Перинами!.. Человека, прожившего большую часть своей жизни на перинах! Поистине, судьба порою безжалостно насмехается над людьми!

Как опасно иногда любить императрицу...

■ Лев VI, преемник Иоанна X, занимал престол святого Петра всего несколько месяцев. За это время никаких скандальных происшествий не произошло.

Приведем лишь исторический анекдот, рассказанный историком Лиутпрандом, епископом Кремонским.

Во время понтификата Льва VI Италией правил император Беренгар, горячо любивший свою супругу Виллу.

У императрицы был любовник — священник, неслыханно безобразный: черен он был, как крот, зарос волосами, будто медведь, лицом и телосложением — настоящее чудище; вдобавок природа одарила его невероятной тупостью. Кроме всего прочего, он питал страсть к вину и употреблял его весьма неумеренно, отчего частенько бывал чрезвычайно груб, как все заядлые пьяницы. Словом, нетрудно представить, каков был этот соблазнитель!

Чтобы иметь неотлучно рядом с собой эту привлекательную личность, Вилла поручила ему воспитание своих дочерей. История умалчивает, чему их учила эта образина. Но и без того ясно, какое воспитание получили девушки.

Однажды ночью, когда верный возлюбленный, боясь разбудить дворцовую стражу, крался босиком к спальне императрицы, он споткнулся и упал в коридоре. По всей видимости, в тот вечер он пропустил несколько лишних стаканчиков.

Перепуганные слуги, услыхавшие шум, решили, что в покои пробрался вор, и схватили злосчастного церковнослужителя.

Опасаясь, что преступная связь будет разоблачена, Вилла без колебания, стремясь спасти свою репутацию, обвинила его в попытке совратить одну из ее дочерей.

Священник не счел нужным опровергать заявление своей возлюбленной и даже мысленно одобрил ее находчивость; он безропотно последовал за стражей, будучи твердо уверен, что императрица сумеет в кратчайший срок вызволить его из темницы.

Однако Вилла уже давно пресытилась своим любовником и только ждала благоприятного случая избавиться от гнусного клирика. Поэтому она попросила ускорить суд над ним

и под предлогом, что несчастный урод может отомстить ей, оскорбив ее императорское достоинство, добилась того, чтобы в день оглашения приговора его лишили слова и для полной безопасности заткнули рот кляпом.

Суд приговорил обезглавить преступника.

Вероятно, незадачливый любовник, убедившись, что дело принимает трагический оборот, испытывал яростные муки, желая рассказать всю правду судьям о любовных похождениях императрицы. Но поздно. Приказ императрицы был выполнен: священник, отправляясь на плаху, не имел возможности заговорить.

Мораль анекдота такова: короли, завоевавшие себе право вершить судьбы народов, поистине вполне достойны дружбы, которой удостаивают их первосвященники.

Интимное благословение

■ О Стефане VIII, унаследовавшем тиару после смерти Льва VI, почти ничего существенного не сказано в летописях.

Некоторые набожные авторы утверждают, что он выказал себя очень суровым в борьбе за чистоту нравов духовенства. Как бы ни были скупы наши сведения о понтификате Стефана VIII, мы позволим себе усомниться в их достоверности.

Именно при понтификате Стефана VIII римские церковные законодатели выдвинули следующее смехотворное утверждение:

«Миряне не вправе никогда обвинять священников, даже если поймают их с поличным со своими женами или дочерьми. Верующие должны думать в этом случае, что священник пожелал дать их близким благословение в более интимной обстановке».

Как вам нравится этакое интимное благословение? Представьте себе супруга, который, внезапно вернувшись домой, находит свою жену в объятиях цветущего аббата. Вместо того чтобы прийти в умиление от этого необычайного зрелища, он, крайне разгневанный, восклицает:

— Черт возьми, что это значит, мадам? Вы, кажется, наставляете мне рога?!

Аббат же, устремив печальный взор на рогоносца-супруга, ничуть не смущаясь, отвечает ему:

— Как могла взбрести вам в голову сия нечестивая мысль? Я благословляю вашу супругу... Пройдите, сын мой, в соседнюю комнату. Когда я закончу благословение, я позову вас.

Что и говорить, указ приятный, но, конечно, не для мужа.

Однако эта булла доказывает, что святой отец Стефан не так уж рьяно боролся за чистоту нравов духовенства, как хотят нас в этом убедить ортодоксальные писатели.

Иоанн XI, возлюбленный своей матери

С восшествием на святой престол Иоанна XI, преемника Стефана VIII, мы вновь встречаемся с куртизанкой Мароцией.

От папы Сергия у нее был сын Октавиан, и она с нетерпением ждала его совершеннолетия. После смерти папы Стефана VIII Мароция, владевшая огромными землями и имевшая в своем распоряжении многих вассалов, использовала свое влияние в Риме, чтобы без труда отвоевать папский престол для Октавиана, который вдвойне был дорог ее сердцу — как сын и как возлюбленный.

Когда Октавиана возвели на святой престол, ему было восемнадцать лет.

Слабохарактерность и нерешительность Октавиана внушали опасения красавице Мароции. Желая заручиться сильным покровителем, она решила отравить своего мужа, который не так давно столь отменно расправился с Иоанном X.

Одним убийством больше или меньше — какое это имеет значение для возлюбленной многих пап? Сущие пустяки!

Очаровательная вдова предложила руку и влиятельное положение в Риме своему деверю — Гуго, королю Ломбардскому. Короля нисколько не смутило то обстоятельство, что его двоюродного брата Мароция отравила: он хорошо был осведомлен о всех проделках этой гетеры, воскресившей в полной мере нравы античного Лесбоса и не менее древней Гоморры.

Может, он все же колебался, когда она изъявила желание вступить с ним в брак? Нет, он с восторгом принял предложение! В вопросах нравственности ни папам, ни христианским королям неведомы угрызения совести.

Отличная семейка

■ Женившись на вдове и отравительнице собственного мужа, Гуго, выражаясь языком практичных людей, сварганил выгодное дельце. Этот союз расширил владения короля и укрепил его могущество. Но король переоценил свои возможности, и это погубило его.

От некого маркиза Адальберта (одного из первых ее возлюбленных) Мароция имела сына Альберика, братски делившего с Иоанном XI чудовищные ласки их матери.

Король Гуго не находил ничего дурного в том, что супруга его была любовницей папы; возможно, что верный католик усматривал в этом особую честь для себя. Но к Альберику он питал глубочайшее отвращение.

Когда его положение окрепло, он не счел нужным сдерживаться и, поскольку его добродетель была возмущена, наградил Альберика пощечиной. Разъяренный Альберик поднял бунт в Риме и напал на замок святого Ангела. Король Гуго, захваченный врасплох, с трудом спасся, оставив Рим своему противнику.

Победитель принял титул герцога и фактически стал диктатором Рима. Сделав своим пленником Иоанна XI, он выпускал его на свободу лишь в самые торжественные праздники — для совершения богослужения. Поэтому смерть явилась для Иоанна XI сущим избавлением (он умер в 936 году от обжорства и пьянства).

Что касается Мароции, то Альберик, не очень-то доверяя ей после всей авантюры, держал ее неотлучно при себе. От их преступного сожительства родился сын, которого мы вскоре видим на папском престоле под именем Иоанна XII; он продолжит традиции этой гнусной семейки в третьем поколении.

Папа Иоанн XII, сын своего брата по матери, в известном смысле был изнасилован этой гнусной женщиной еще

задолго до того, как он достиг половой зрелости. Он втянулся в разврат, и Мароция вскоре обрела пылкого любовника.

С годами Иоанн XII если не стал самым порочным среди преемников святого Петра, то уж, во всяком случае, перекрыл всех предшественников своими оргиями. Совершенно невозможно перечислить всех женщин, которых этот папа соблазнил или изнасиловал, ибо он не останавливался и перед насилием, если кто-нибудь осмеливался не уступить ему.

Некоторых своих любовниц папа окружил величайшей роскошью. Впрочем, в отношениях с женщинами Иоанн XII вообще был весьма щедрым. Правда, щедрость пап и королей имеет ту особенность, что она им лично ничего не стоит.

Вдове одного из своих вассалов, которую он особенно пылко любил, святой отец отдал в управление несколько городов и монастырей.

Другой возлюбленной, очевидно, также угодившей ему, он подарил золотые кресты и сосуды из церкви святого Петра.

Итальянские вельможи, не желавшие больше терпеть бесстыдного ловеласа на святом престоле, обратились к Оттону, императору Германии, с посланием. Они писали, что папа интригует против него, ибо фактически как церковными, так и государственными делами руководит не папа, а дежурная фаворитка или фаворит. Помимо примеров вероломства Иоанна XII в этом послании приводились и такие факты:

«Одна из сожительниц Иоанна XII — Стефанетта — после продолжительной связи с папой умерла на наших глазах в Латеранском дворце, родив сына, отцом которого, по ее словам, был папа. Обитель первосвященника стала местом разврата, приютом публичных женщин! Его тетка вместе с его матерью Мароцией погрязли в грехе кровосмесительства. Римские женщины, как и чужестранки, боятся входить в храм святых апостолов, ибо даже на ступенях алтаря это чудовище находит себе жертвы среди жен, вдов и девушек! Храмы апостолов обрушиваются, небо, содрогаясь от слез, грозит верующим гибелью!»

Потеря престола

■ Оттон, получив послание римлян, несмотря на всю тяжесть содержавшихся в нем обвинений, не захотел прибегать к крайним мерам. Он удовлетворился строгим предостережением, на что Иоанн XII ответил тем, что пообещал исправить свои ошибки (он называл это ошибками!), ссылаясь в качестве оправдания на свою молодость.

Поверив его лицемерным заверениям, император в знак того, что он намерен поддерживать хорошие отношения с папой, послал в Рим Мюнстерского и Кремонского епископов.

Иоанн XII оказал им в Латеране самый радушный прием, но уже через восемь дней, отослав их, приказал открыть ворота Рима конкуренту Оттона — Адальберту (сыну Беренгара), который с триумфом вошел в город и утвердился в древнем дворце патрициев.

Оттон, возмущенный предательством Иоанна XII, немедленно двинулся во главе целой армии на Рим. Иоанн и Адальберт сочли благоразумным не дожидаться Оттона и бежали, захватив с собой все сокровища святого Петра.

«Спасем кассу!» — таков всегда был девиз первосвященников.

К моменту появления императора римское население разделилось на два лагеря; к одному примкнули все честные граждане, к другому — бандиты и воры. Излишне добавлять, что последние были сторонниками папы.

Появление многочисленной армии сразу охладило воинственный пыл этой шайки; не оказывая сопротивления, они выразили свою покорность и присягнули в нерушимой верности императору. Однако Оттон, решив сурово наказать папу, поспешил созвать собор. На соборе присутствовало сорок епископов, тридцать кардиналов, три диакона, много монахов и мирян. Что касается Иоанна XII, то он не соблаговолил явиться. Когда император выразил свое сожаление по поводу того, что папа не счел нужным защищаться, один из епископов воскликнул: «Его преступления совершались на глазах у всех, слух о них дошел до народа, живущего в далекой Индии. Иоанн XII покрыл имя свое позором!»

Оттон потребовал, чтобы обвинения были сформулированы более точно. Тогда епископы и кардиналы один за

другим принялись перечислять малые и великие прегрешения папы, все случаи святотатства, все тягчайшие преступления, совершенные им.

По словам епископа Петра, Иоанн XII служил обедню, будучи пьяным; епископ же Нарни своими глазами видел, как папа посвящал кого-то в диаконы... в конюшне.

Иоанн провозглашал тосты за здоровье сатаны и призывал на помощь Юпитера, играя в карты; во время оргий Иоанн назвал себя жрецом Венеры.

Подобные обвинения сыпались со всех сторон под возмущенный ропот ассамблеи.

Если для нас собор — обыкновенный фарс, то не надо забывать, что в ту эпоху собор был событием особой важности. Кроме того, обвиняли не простое лицо, а человека, носившего высшее духовное звание.

Представьте себе, если какой-нибудь шут вздумает смеха ради посылать амурные записочки в облатке святого причастия. Или вдруг какому-то балагуру придет на ум кормить золотых рыбок в сосуде со святой водой с помощью клистирной трубки древнего образца. Мы усмотрим в этих проделках шутку сомнительного вкуса, но все же шутку — и, пожалуй, невинную. Ну, а если это проделки служителя церкви — что сказать тогда? Разве его профессия сама по себе не обязывает его верить в благодать гостии — так же как и в благодать священного сосуда с жидкостью? Нет, тогда эти проделки становятся фактами, весьма знаменательными; по ним можно судить о лицемерии служителей церкви.

Перечислив все, так сказать, легкие грешки Иоанна XII, на соборе приступили к чтению списка его грехов, из ряда вон выходящих: Иоанн XII за деньги продавал епархии; посвящал в звание епископа и священника несовершеннолетних детей; публично предавался чудовищному прелюбодеянию с матерью своей Мароцией и теткой; роздал храмовые деньги бедняков куртизанкам; превратил папский двор в публичный дом; выколол глаза Бенедикту — своему духовному наставнику, погибшему от рук палача; приказал задушить в своем присутствии кардинала Иоанна, предварительно оскопив его.

В заключение собор торжественной клятвой подтвердил правдивость этих обвинений.

Несмотря на все неоспоримые доказательства, император отказался судить папу заочно и повелел солдатам отправиться за ним. Вскоре они вернулись с донесением, что свя-

той отец в боевом облачении с мечом, в шлеме, окруженный куртизанками, движется во главе обоза, набитого доверху канделябрами, распятием, чашами и прочей церковной утварью.

Виновность Иоанна XII была окончательно установлена. Однако Оттон, желавший, чтобы суд носил абсолютно беспристрастный характер, послал Иоанну XII письмо, предлагая ему оправдаться.

В ответ Иоанн пригрозил, что он проклянет императора.

Оттон повторил приглашение, но папа оставил его без ответа.

Тогда император, опросив всех членов собора, объявил Иоанна XII низложенным.

Доблестный первосвященник, однако, не сказал еще своего последнего слова.

Цель оправдывает средства

■ Цель, то есть святой престол, отняли у Иоанна. А средства? Сейчас мы познакомимся с ними.

После низложения Иоанна народ с неописуемым энтузиазмом приветствовал римского священника Льва.

Когда новый папа Лев воссел на престоле, порядок был восстановлен, и Оттон счел возможным отправить свою армию на зимние квартиры, оставив при себе лишь небольшой отряд телохранителей.

Вскоре император понял, что совершил грубую ошибку. Не успела его армия покинуть Рим, как в городе начались волнения. Священники, умолявшие императора о помощи, первыми восстали против Оттона.

Иоанн XII, который до сих пор играл в молчанку, внезапно вышел на арену и начал действовать. Его агенты распространяли по городу воззвания, в которых низложенный папа обвинял собор, созванный Оттоном, в нарушении всех божеских и человеческих законов, ибо только одному богу принадлежит право судить папу. Называя своего преемника антипапой, императора — тираном и язычником, он предал обоих анафеме, вкупе со всеми епископами, кардиналами, священниками и вельможами, выступавшими против него. Он, «Иоанн XII, истинный первосвященник, возведенный на

трон по всем правилам церкви, дает отпущение грехов и от имени святого Петра, властью врученной ему самим небом, призывает верующих любыми средствами, железом или ядом, бороться против его врагов». И приказывает римлянам немедленно осадить дворец Оттона и убить его, ибо на то есть воля господня.

Нетрудно себе представить, как подействовали его воззвания на суеверный и фанатичный народ. В конце концов путем обещаний и подкупа он сколотил довольно значительную партию.

Священники, еще недавно осуждавшие Иоанна, стали его пылкими союзниками. 2 января 964 года под звон римских колоколов скопище церковников и всяких проходимцев направилось ко дворцу Оттона.

Мужество, очевидно, не являлось самым главным достоинством этих импровизированных вояк. Маршируя, они вопили во все горло, как делают трусы, когда хотят подавить в себе страх.

Довольно примитивное средство, чтобы обезоружить врага.

Услышав еще издали их вопли, Оттон во главе своих телохранителей двинулся им навстречу.

При первом же выстреле панический ужас охватил священников, и, сбивая друг друга, падая, как карточные капуцины, они обратились в бегство, оставив без защиты взбешенных солдат.

На следующий день Оттон объявил, что готов простить мятежников при условии, что они выдадут ему сто заложников и снова присягнут на верность.

Заложников выдали. Присягу дали. Правда, одновременно они поклялись нарушить присягу при первом удобном случае, подтвердив справедливость известного принципа: обет всегда можно преступить.

Карнавал в соборе

■ Бегство соратников вынудило Иоанна XII отступить, но он не сложил оружия.

Римские куртизанки с нетерпением ожидали восстановления папы на троне. Они явно ощущали на себе его благо-

дать и прекрасно понимали, что как только Иоанн обретет тиару, власть снова окажется в их руках. Воодушевленные, они без устали носились по всем кабакам и притонам, сыпали золотом направо и налево, участвовали в омерзительных пирушках с ворами и бандитами и в короткий срок сколотили армию проходимцев, готовых броситься в бой по первому сигналу.

Сам Оттон дал им возможность действовать.

Этот император совершенно не понимал истинной природы духовенства; он считал, что вполне может положиться на его обещания, и верил, что последняя присяга принесет ему наконец долгожданный покой.

Чтобы еще больше связать церковников узами благодарности, он решил вернуть им заложников. Оказав эту милость и уверенный в их чистосердечном расположении к нему, он покинул Рим и направился к своей армии. У сторонников Иоанна руки были развязаны. Они не преминули воспользоваться опрометчивостью Оттона, и Иоанн XII снова вступил в Рим в торжественном окружении бандитов и священников.

Он водворился в Латеранском дворце, откуда папе Льву VIII удалось ускользнуть, и созвал новый собор, на котором присутствовали в основном те же епископы, которые еще так недавно громогласно обвиняли его. На этот раз они с восторгом приветствовали папу-победителя и с той же решимостью голосовали за его восстановление, с какой собирались растерзать, когда он был низложен.

Этот неожиданный поворот великолепно характеризует низменную и рабскую натуру духовенства, его постыдное заискивание перед сильными и беспощадную суровость к слабым.

Иоанн XII появился в зале собора, устало опираясь на плечи двух куртизанок, в сопровождении целой процессии, состоящей из девиц легкого поведения и всякого сброда.

Перед своими грязными сателлитами (которым более пристало валяться пьяными у себя в чулане, чем присутствовать на таком помпезном сборище) святой отец произнес пламенную речь, заклеймив собор, осмелившийся низложить его.

Под конец он лишил Льва VIII всякого священного звания и под угрозой анафемы запретил ему приближаться к святому городу. Некоторых прелатов он было разжаловал, но они принесли повинную и так пресмыкались перед ним, что на следующий день папа восстановил их в прежних правах.

Безобразный карнавал закончился кошмаром. Для острастки, конечно, полезна анафема, но пытка — средство более убедительное. Иоанн XII осудил двух почтенных священников, которые раньше требовали его низложения, а теперь, не страшась последствий, не последовали примеру остальных и не стали пресмыкаться перед ним. Одному из них отрубили правую руку, другому лишь два пальца, но зато, чтобы восстановить попранную справедливость, отсекли нос и язык.

Куртизанка, причисленная к лику святых

■ В течение некоторого времени Беренгар настойчиво преследовал принцессу Адельгейду — вдову Лотаря, графа Парижского, герцога Французского — уговорами выйти замуж за его сына.

Принцесса, считая, что отпрыск свергнутого короля недостаточно блестящая партия для нее, обратилась за поддержкой к Оттону; последний согласился не только взять ее под свою защиту, но и жениться на ней. Оттон знал, что, перед тем как стать женой Лотаря, Адельгейда находилась в любовной связи с его отцом — Гюи. Кроме того, Оттону было известно, что, вступив в брак, Адельгейда с присущей ей щедростью одаривала своими милостями и супруга, и свекра и, даже став вдовой, сохраняла преступную связь с Гюи, несмотря на то что ложе покойного супруга она по очереди предоставляла многим молодым вельможам приятной наружности, отличавшимся и умом, и богатством (история добавляет, что Адельгейда вела тщательный подсчет: молодые люди были все пронумерованы, подобно современным омнибусам).

Словом, Оттон отлично понимал, что, предложив ей руку и сердце, он станет великим рогоносцем своего времени. Но стоит ли обращать внимание на такие мелочи?..

Госпожа Адельгейда приносила в приданое крупные провинции, а когда приданое молодой или даже пожилой женщины составляют обширные поместья, кто из титулованных особ откажется от чести стать обладателем земель, даже если они прибавят к его короне несколько нелепых украшений?

Читатель может прийти в недоумение: зачем в книге о жизни и деяниях святых распутников уделять место анекдоту? Разрешите пояснить: мы воспользовались случаем познакомить читателя с прелестной Адельгейдой, потому что сия благородная дама, прелюбодейка и кровосмесительница, в конце концов станет возлюбленной первосвященника и займет достойное место в списке праведников, удостоившихся канонизации.

Понимая, что не все обитатели рая находят наслаждение в музыке, заботливая церковь помимо упражнений на тромбоне, кларнете и других инструментах стремится предоставить своим избранникам, попавшим на небо, не менее достойные развлечения.

Воздадим же благодарность святой церкви за ее заботливость!

Потасовка на святом престоле

Но вернемся к Иоанну XII. Отвоевав престол, он недолго предавался наслаждениям. Однажды ночью какой-то римский вельможа застиг свою супругу с папой... в момент интимного благословления. Иоанн довольно часто развлекался подобным образом; обычно благочестивые мужья смущенно обращались в бегство, предпочитая закрыть глаза на ниспосланную им благодать.

На сей раз Иоанн XII, по-видимому, наткнулся на отъявленного безбожника. А быть может, осчастливленный супруг просто не узнал Иоанна: вряд ли в такой момент папа находился в полном парадном облачении. Как бы там ни было, ревнивец изо всех сил стукнул Иоанна по голове, и тот потерял сознание.

Пострадавшего перенесли в патриарший дворец, и через восемь дней он отдал богу свою праведную душу (20 мая 964 года).

Священники распустили слух, будто Иоанн XII сражался с дьяволом и рана на его голове — удар рога самого сатаны.

Что ж, эта маленькая деталь не лишена некоторого правдоподобия.

Римляне отлично понимали, что им теперь не избежать кары Оттона (вряд ли кто-нибудь поверит их новым

клятвам!), и принялись энергично готовиться к защите города. Папой же провозгласили кардинала Бенедикта.

Оттон со своей армией не заставил себя долго ждать и вскоре осадил Рим.

Население защищалось с мужеством отчаяния. Даже святой отец, взобравшись на баррикады, метал громы и молнии, проклиная разбойников... Увы, его анафемы никому не причинили ни малейшего вреда.

Сопротивление длилось до тех пор, пока голод не истощил силы осажденных. Римляне были вынуждены открыть ворота Оттону и Льву VIII.

Епископы, уже дважды предавшие и Иоанна и Льва, нисколько не смутясь, и на этот раз выразили полную покорность Оттону и единодушно опять признали Льва VIII папой.

У этих церковников, действительно, поразительно гибкий позвоночник!

Бенедикта осыпали проклятиями те, кто еще совсем недавно возвели его на престол.

В присутствии всего собора, созванного для восстановления Льва VIII, Бенедикту по приказу нового папы надлежало, сорвав с себя церковное облачение, растянуться на земле.

Его приговорили к ссылке. И папа Лев VIII смог вздохнуть спокойно.

Так закончилась кутерьма на папском престоле. Лев VIII и Иоанн XII по очереди одерживали победу друг над другом. Вопреки басне Лафонтена, третий козел, попав в огород, потерял все. Бедный Бенедикт!

Месть и утехи первосвященников

■ Боги, как известно, очень мстительны. Мы все же думаем, что папы, будучи всего лишь помощниками богов, далеко превзошли их. Они умеют придавать своей мести такую утонченность, перед которой пасуют обычные палачи. В этой области папы настоящие артисты.

После смерти Льва VIII, через год после его реставрации, с согласия императора Оттона был избран папой Иоанн XIII.

Взойдя на престол, он начисто позабыл судьбу своих предшественников. Преисполнившись безумного тщеславия, он стал страдать манией величия, и так измывался над всеми,

от мала до велика, что вскоре восстановил против себя все население Рима — от сановной знати до ремесленников. И его изгнали из вечного города.

Во главе движения стояли герцог Рофред, префект города Петр и старшины цехов.

Просидев одиннадцать месяцев в Капуе, Иоанн XIII пришел к выводу, что Ганнибал явно преувеличил прелесть этого городка. Разумеется, жизнь к Капуе менее приятна, чем в Латеранском дворце!

Наконец луч счастья озарил долгие тоскливые дни изгнанника: бандиты Калабрии, подкупленные им, пробрались к Рофреду (которого тем временем римляне избрали консулом) и вскоре сообщили Иоанну, что уплатили свой долг сполна.

Святой отец заранее предвидел, что смерть Рофреда нанесет роковой удар всему движению. Лишенные вождя, римляне в отчаянии и страхе ожидали Оттона.

Надо заметить, что императору наскучили вечные распри и беспорядки в Риме; слишком часто римляне вынуждали его предпринимать утомительные переходы, а длительные путешествия весьма дурно отзывались на его нервной системе.

Охваченные паникой горожане решили, что им ничего не остается, как вернуть Иоанна XIII и восстановить его на престоле; к тому же они еще надеялись, что страх перед гневом императора укротит и его нрав. Какая наивность! Впустить тигра в овчарню стеречь овец, страшась волка, который вот-вот нагрянет!

К празднику рождества Оттон прибыл в Рим и посвятил весь день молитве и благочестивым делам. А на следующий день по распоряжению императора двенадцать достойнейших граждан и префект Петр были отданы на милость папы.

Святой отец дал волю своей ярости. Объявив, что смерть на виселице слишком мягкое наказание преступникам, он подверг несчастных чудовищным пыткам; самым страшным истязаниям подвергали префекта Петра: ему отрезали нос, губы, затем привязали к конной статуе Константина и палачи измазали ему лицо человеческими испражнениями. Потом, раздев донага, посадили на осла, привязав бубенчики к голове и ногам. В таком виде его провезли по улицам города, избивая плетьми, и, наконец, окровавленного, заточили в страшное подземелье!

В своей неуемной ярости этот гнусный папа никак не мог примириться с мыслью, что Рофред, убитый его же наемниками, избежал пыток. В конце концов он доставил себе

удовольствие — приказал вырыть тело Рофреда из могилы и вывалять в грязи, после чего труп был выброшен на свалку города.

Цена крещению

■ Пока Польша оставалась языческой страной, она процветала; приняв христианство при Иоанне XIII, она впала в нищету.

Вот что рассказывает летопись об этой прискорбной метаморфозе. Наследник престола князь Мешко, ослепший в семилетнем возрасте, внезапно прозрел, после того как ему обрили голову.

Естественно, загадочное событие было объявлено чудом. Созванные со всех концов страны кудесники хором возвестили, что в царствование Мешко Польшу озарит великий свет!

Польская знать твердо уверовала в пророчество, ибо увидела в нем счастливое и славное будущее своего государства. Поначалу ее постигло жестокое разочарование: едва взойдя на престол, Мешко потерпел ряд крупных поражений в битвах с соседями; кроме того, слепо веря в предсказания кудесников и свой счастливый гороскоп, он пренебрегал государственными делами и, уединившись во дворце с наложницами, веселился и пировал в ожидании великого света!

Спустя некоторое время изнуренный подобными занятиями князь, убедившись в своем бессилии, разослал гонцов по всей Польше, обещая награду тому, кто его исцелит и даст возможность заиметь наследника.

Несколько римских священников, которые к тому времени уже проникли в Польшу, тотчас явились и, как истинные пророки, заверили князя, что желание его сбудется, как только он отречется от язычества, прогонит наложниц и женится на христианке.

Невежественный и суеверный Мешко легко поддался на уговоры, тем более что ему обещали в жены дочь короля Богемского Болеслава — девицу неслыханной красоты.

Князь направил послов к Болеславу, поручив им объявить о его согласии немедленно раскрыть объятия для христианства и христианки.

Результаты печального обращения дали себя знать сразу

же после того, как Мешко сочетался браком с богемской королевной... Молодой князь, как и обещал, отрекся от веры своих предков и стал ревностным христианином.

Он приказал разрушить идолов, которым столь истово поклонялся прежде, конфисковал имущество подданных, продолжавших упорно отстаивать старую веру, и распорядился кое-кого из них отправить на костер.

Пламя этих костров — не тот ли «великий свет», который, по предсказанию оракулов, должен был озарить Польшу?

В свою очередь и папа не терял времени даром. Он срочно отправил своих легатов в Польшу, чтобы закрепить ее за своим престолом: назначил двух архиепископов, учредил семь епископств, множество церквей, аббатств. Словом, заполнил всю страну монахами и священниками. Церковная рать, рассыпавшись по всей территории Польши, принялась энергично собирать налоги в пользу апостольского трона.

Фанатик Мешко, послушное орудие в руках первосвященника, подарил святому престолу немалые суммы на постройку новых церквей. Короче говоря, несчастную Польшу разграбили, расхитили, разорили во имя интересов римского двора. Дорого заплатила Польша за крещение своего князя!

Добрые останки тоже... укрепляют дружбу

■ Когда все богатство Польши перешло в руки ксендзов, а землю захватили монастыри и епископства, разоренные крестьяне под предводительством обедневших дворян стали грабить церкви. Преступно, скажут некоторые. Но когда вы заставляете мошенника вернуть похищенный им кошелек, разве вас мучают угрызения совести?

— На помощь! На помощь! — завопили испуганные священники, почувствовав, что их схватили за горло.

— Иду! — ответил Бржетислав, герцог Богемский, и не замедлил явиться.

Но когда герцог воочию убедился, какие несметные богатства скопились в церквах и монастырях, и наряду с этим увидел голодный, исступленный народ, он прикинул:

«Какая из сторон сильнее в настоящее время? Крестьяне. Но, с другой стороны, священники сказочно богаты. Я был бы

вдвойне идиотом, если бы выступил против последних. Действовать против священников — большой грех, но и оказать им помощь было бы большой глупостью».

Архиепископ Пражский согласился с Бржетиславом, и они выработали новую, самостоятельную линию поведения. Они начали захватывать крупнейшие города королевства, и в первую очередь Гнезно, столицу Польши. Засев в этом городе, войска Бржетислава принялись обирать местные церкви. Собор в Гнезно считался одним из самых богатых храмов Польши; главной гордостью собора было массивное золотое распятие и три аналоя, украшенных драгоценными камнями. Бржетислав и его епископы не замедлили прибрать их к рукам.

В том же храме находились мощи блаженного Адальберта, которые очень приглянулись обоим богемцам. Однако местное духовенство, пронюхав, что Бржетислав имеет виды на святого, решило сыграть с ним злую шутку. Сохраняя полную тайну, ксендзы ночью вынули мощи Адальберта и заменили их телом брата Гауденция. Тот тоже был святым, но значительно ниже рангом.

Бржетислав и пражский архиепископ, не заметив подмены, счастливые, увезли мнимого Адальберта. Польские же ксендзы лишь посмеивались над обманутыми мошенниками. Радость от удачной операции несколько облегчила горе, которое они испытали от потери остальных богатств. Ксендзы отлично понимали, что с почтенным покойником, зная ему цену, в убытке не останешься.

Словом, полное согласие воцарилось между бандитами, и расстались они друзьями... А благодаря кому? Благодаря Гауденцию.

Можно смело сказать: добрые останки тоже укрепляют дружбу!

Два чуда

■ Без чудес не бывает религии! Лишь поражая воображение невежественных и легковерных людей фактами, которые кажутся сверхъестественными, священники в состоянии утверждать свое господство над умами и навязывать в качестве не подлежащих сомнению истин самые нелепые догмы,

Иоанн XIII очень ценил это оружие. Современные летописцы рассказывают об одном сногсшибательном чуде, совершенном им. Один вельможа из свиты Оттона считал, что в него вселился бес. Несчастный во время припадков царапал свое лицо, кусал пальцы на руках и ногах.

Император, опечаленный состоянием своего любимца, попросил папу надеть больному на шею знаменитую цепь святого Петра, обладавшую будто бы способностью изгонять бесов. Святой отец согласился, сделал все необходимые приготовления и разослал приглашения.

В присутствии многочисленной избранной публики на шею больного стали накладывать одну за другой несколько цепей, похожих на цепь святого Петра, однако никакого эффекта не последовало. Но едва к больному прикоснулись «настоящей» цепью — густой дым окутал бесноватого и страшные крики раздались над его головой. Никто не сомневался, и сам одержимый меньше других, что вопли испускал сам диавол.

Все очевидцы в один голос завопили о чуде. Любопытно, как бы они реагировали, доведись им присутствовать на сеансе современного фокусника?

Второе чудо. Иоанн XIII ввел нелепый обычай крестить колокола. Если крещение ставит своей целью очищение от грехов, то спрашивается, в каких же грехах мог быть повинен кусок металла? Но если освободить религию от всех бессмыслиц, которыми она заполнена, священникам нечего будет делать.

Согласно некоторым легендам, большой колокол церкви святого Иоанна в Латеране обладал способностью обращать в бегство бесов. Один монах утверждает, что был свидетелем такого изгнания.

«Некая молодая девушка,— рассказывает он,— в сопровождении своей матери направилась в базилику. В то время как они поднимались по ступенькам паперти, зазвонили колокола, призывающие римлян к молитве. Бедная девушка тотчас упала в ужасных судорогах, и я заметил, как дух тьмы, выскользнув из-под края ее одежды в виде новорожденного младенца, быстро испарился в воздухе».

Разве не поучительно такое чудо? Честная молодая девушка идет к обедне. Поднимаясь по ступенькам, падает на пол, корчится в судорогах в тот момент, когда зазвонил колокол. Все свидетельствует о том, что она одержима... или, точнее, была одержима... месяцев девять тому назад.

Но каким образом добрый монах угадал, что «новорожденный младенец», который выскользнул из-под края одежды девушки, являлся духом тьмы? Мы скорее склонны думать, что то был маленький ангел, и вместо того, чтобы отправиться в небытие, он унесен был самой матроной, любовно предоставившей ему свою грудь. Правда, эта гипотеза бросает некоторую тень на невинность молодой девушки... Впрочем, не будем шутить. История эта наивна, не правда ли? И все же, если ее расскажет со всеми подробностями какой-нибудь церковник, имеющий ясное представление о своей клиентуре, верующие люди сочтут своим долгом поверить в это чудо!

Убирайся с моего места!

■ Вскоре после того, как Бенедикт VI сменил на святом престоле Иоанна XIII, мужественный римский гражданин Кресценциус призвал народ к восстанию во имя освобождения отчизны от ига пап и королей.

Кресценциус мечтал воссоздать древнюю Римскую республику, но планы его заранее были обречены на провал. Церковное владычество, повергнув народ в невежество, подавляло всякую смелую мысль, все, что хоть в самой ничтожной степени отклонялось от церковных канонов. И благородная идея Кресценциуса не могла воплотиться в жизнь.

Чтобы призвать народ к оружию, надо было прежде всего освободить его от присяги Бенедикту VI. Кресценциус и остальные руководители движения предложили убить папу. Бенедикта, такого же изверга, как и самые худшие его предшественники, задушили в его дворце.

Бесспорно, этот акт был продиктован самой справедливостью. Но в то же время пылкий патриот-энтузиаст Кресценциус колебался отдать приказ об убийстве, хотя искренне верил, что от этого шага зависит победа восстания. Священник, по имени Франкон, поспешил огласить зловещий приказ, но отнюдь не во имя победы народа: этот злодей мечтал занять место Бенедикта. Еще на площади раздавался стук ружейных прикладов, когда одержимый Франкон ворвался в Латеранский дворец и возложил на себя тиару.

Наглость принесла успех: народ встретил его с ликованием, и он был провозглашен папой — Бонифацием VII.

Новый первосвященник, сын диакона и куртизанки, получивший в наследство гнусные инстинкты, ознаменовал свою жизнь омерзительнейшими преступлениями.

Правда, ему почти не удалось воспользоваться плодами своего первого злодеяния. Представители могущественной феодальной группировки, графы Тосканелли, объявили ему войну не на жизнь, а на смерть, а знаменитые магнаты не останавливались ни перед чем для достижения своих целей.

Бонифаций обессилел в борьбе с многочисленными противниками. Ежеминутно опасаясь западни, удара ножа в спину или яда, он решил бежать из Рима. Разумеется, прежде всего он позаботился о том, чтобы не отправиться в путь с пустыми руками. Ограбив церковь святого Петра и обеспечив тем самым себе роскошное и привольное житье, Бонифаций тайком проник на судно и отплыл в Константинополь.

Похищенные сокровища — дароносицы, распятия, подсвечники, сосуды и другую церковную утварь — надо было обратить в деньги. Бонифаций мог бы сбыть свой товар перекупщикам, но грязный мошенник прикинул, что гораздо выгодней самому заняться торговлей, и вот его увидели на улицах Константинополя, бесстыдно продающим священный скарб.

Он прожил несколько месяцев на Востоке, беспрерывно предаваясь оргиям со своими фаворитками и фаворитами; когда же «доходы» его иссякли, он вернулся в Италию. Мы скоро вновь увидим его на святом престоле, который он завоюет, убив своего соперника Бенедикта VII. И Рим, привыкший ко всяким ужасам, содрогнется от злодеяний Бонифация VII.

Покровитель и подопечный

■ Могущественный дом Тосканелли не без труда нашел преемника Бонифацию VII.

На апостольский трон прочили одного клюнийского аббата, человека честного и, стало быть, совершенно не пригодного для этой должности. Впрочем, эта уникальная личность вопреки настояниям императора Оттона и императрицы Аделаиды наотрез отказалась от тиары. Другой священник, по

имени Домн, менее щепетильный, поспешил изъявить свое согласие, воссел на престол и... неожиданно скончался.

После смерти Домна Бонифаций VII попытался было захватить престол, но спасовал перед Бенедиктом, которого поддерживали все те же Тосканелли. Благодаря столь высокому покровительству Бенедикт VII стал сто сорок вторым папой.

Кроме обычных пороков, свойственных представителям его касты, он отличался невероятным лицемерием. Прикидываясь суровым аскетом, он, укрывшись от всех в покоях своего дворца, предавался отвратительным оргиям. Однако стены папской обители оказались недостаточно глухими, чтобы сохранить тайны папы-распутника.

* *
*

После короткой и победоносной кампании над греками, пытавшимися вторгнуться в Калабрию, Оттон вернулся в Рим на рождественские праздники — в действительности же лишь для того, чтобы успокоить дрожавшего от страха Бенедикта. Дело в том, что бывший первосвященник Бонифаций вместе со своими сторонниками беспощадно терроризировал беднягу-папу, да и все римское население.

Страх, как известно, плохой советчик. Именно постоянный страх, испытываемый Бенедиктом, толкнул его на дикий поступок, который он совершил при поддержке своего покровителя.

По настоянию своего питомца его величество император Оттон решил устроить блистательный пир в ознаменование праздника рождества Христова. Он пригласил на ужин крупных сановников Рима, а также магистров и депутатов из соседних городов.

Все было подготовлено для веселья королевских гостей. Великолепно сервированный стол ломился от изысканнейших яств, лакомые дорогие блюда сменялись одно за другим, редчайшие вина лились в изобилии. В разгар трапезы державный человеконенавистник подал знак. Музыка заиграла воинственный марш, словно призывающий к атаке, и в зал, грохоча сапогами, вошел отряд солдат. Музыканты смолкли, солдаты с саблями наголо, подобно телохранителям, заняли место возле каждого гостя, и в мертвой тишине офицер, вынул длинный список, поименно стал называть каждого приговоренного к смерти.

Шестьдесят жертв, уведенных с торжественного пира, были тут же казнены.

Между прочим, во время этого дикого представления император и папа продолжали застольную беседу и, как ни в чем не бывало, посмеиваясь, потчевали остальных гостей!

Новые подвиги Бонифация

■ В то время как Оттон и Бенедикт развлекались в меру своих сил и способностей, Бонифаций, стремившийся к власти и богатству, с помощью подарков и обещаний вербовал приспешников и усердно сколачивал войско.

Было бы оскорбительно для памяти этого мерзавца думать, будто он хоть на минуту предполагал сдержать свои обещания. Бонифаций разработал даже специальную теорию, каким путем устранить в будущем своих кредиторов.

Оттон, убедившись, что друг его Бенедикт вполне успокоился после дикой расправы в канун рождества, занялся пополнением своей армии как в Риме, так и в его окрестностях. Греки, объединившись с сарацинами, вновь напали на Калабрию, и Оттон немедленно двинулся против них. Но при первом же столкновении итальянцы обратились в бегство. Сражение происходило на морском берегу. Оттон, прыгнув на баржу, случайно находившуюся поблизости, был ранен. Стрела оказалась отравленной, и он скончался несколько месяцев спустя.

Стрела была пущена не кем иным, как... Бонифацием, который не счел зазорным сражаться в рядах неверных.

Бенедикт недолго пережил своего покровителя и, сраженный той же рукой, умер в июле 983 года.

«Уж на этот раз престол наместника достанется наконец Франкону»,— говорил себе Бонифаций.

Увы, и на этот раз он просчитался. Папой стал епископ Павийский, взошедший на престол под именем Иоанна XIV.

Но Бонифаций не позволил ему засидеться на престоле. Не останавливаясь ни перед чем, он пустил в ход остатки всех своих сокровищ на подкуп разного сброда и вскоре, собрав многочисленное войско, стал полновластным хозяином Латеранского дворца, предварительно арестовав Иоанна XIV.

Заточив его в подземелье замка Святого ангела, Бонифаций через четыре месяца приговорил его к голодной смерти.

А чтобы запугать сторонников Иоанна (если бы таковые обнаружились у него), Бонифаций привязал труп своей жертвы, в парадном облачении, к подъемному мосту дворцовой крепости.

Это было совершенно излишне и могло лишь повредить Бонифацию, ибо, по словам историка Платины, папа, который погиб голодной смертью, сразу вызвал сострадание и симпатию у народа.

Как только трон оказался вакантным, Бонифаций немедленно провозгласил себя папой. Учитывая отношение римлян, он не строил никаких иллюзий и понимал, что только жесточайшими репрессиями и террором ему удастся удержать власть.

В течение целого года улицы города были обагрены кровью. Бонифаций не щадил ни врагов, ни друзей — в его глазах все были врагами. Более того, приспешников своих он особенно ненавидел, ибо не мог забыть тех сумм, которые ему пришлось истратить на них.

Ужас и отчаяние царили в Риме. Всем грозила одинаковая участь; люди всех сословий ежедневно спрашивали себя, не пробил ли их последний час. Кроме обычных палачей, так сказать законных убийц, Бонифаций располагал шайкой наемников, которые без всякого суда расправлялись с намеченными жертвами.

А сам Бонифаций? Чем же он занимался во время этой непрерывной резни? Он развлекался! Вопли жертв тонули в непристойных и бесстыдных песнях его куртизанок и фаворитов, с которыми он бесчинствовал в своих покоях.

Спустя одиннадцать месяцев после восшествия на апостольский трон Бонифаций отдал богу свою праведную душу, и сонм ангелов протрубил вознесение непогрешимого наместника на небеса!

Посмертная месть

■ Излишне говорить, что римляне и не собирались объявлять траур по случаю смерти Бонифация VII.

Умер он скоропостижно. Произошла ли его смерть от

апоплексического удара, как утверждают многие летописцы? Весьма возможно: его образ жизни вполне располагал к смерти подобного рода, если вспомнить о его чревоугодии и непрерывных оргиях с женщинами; да и в связях с мужчинами он находил немалое удовольствие. Другие же авторы решительно заявляют, что римляне освободились от папы с помощью сильнодействующего яда.

Точно известно одно: всеобщему ликованию не было конца. Узнав, что отъявленный злодей свел счеты с жизнью, простолюдины и знатные вельможи столпились возле церкви святого Петра. Труп первосвященника вытащили из гроба и нещадно избили, затем, сняв с изуродованного покойника саван, поволокли по улицам до площади Марка Аврелия. Там его подвесили за ноги, сделав мишенью для плевков.

На следующий день решено было устроить ему достойные похороны, сбросив чудовище в сток для нечистот, и несколько священников, чтобы спасти от позора главу христианской церкви, ночью стащили труп и наспех похоронили за пределами города.

Суеверия

■ Перейдем к XI веку, отличавшемуся грубым суеверием, диким фанатизмом и распутством под маской благочестия.

Окончания X века во всем христианском мире ждали с трепетом. Многочисленные пророчества связывали с этой датой конец света и наступление «страшного суда». Духовенство, естественно, пыталось извлечь из этого всяческие выгоды.

На пороге близкой и неизбежной кончины люди заботились исключительно о будущей загробной жизни, о покаянии, способном умилостивить праведного судью. Самые отъявленные скряги отдавали церкви свои богатства, а священники, со своей стороны, всячески убеждали паству избавиться от бремени губительных земных благ, которые, как сказано в евангелии, являются главным препятствием на пути в рай.

Когда страшный год миновал, многие почувствовали себя оставшимися в дураках и горько пожалели о безрассудном

страхе, побудившем их отдать все добро церквам и монастырям. Но было поздно! Клир никогда не отдает назад того, что, пусть даже по ошибке, попало в его карман. Напротив, ремесло духовенства как раз и заключается в том, чтобы околпачивать недалеких людей, готовых верить самым абсурдным пророчествам.

В тот век люди предавались магии, колдовству, астрологии; всякое суеверие воспринималось как нечто совершенно реальное. Надо отметить, что и священники не отставали от своей паствы. Магия пользовалась такой популярностью, а невежество было столь велико, что многие церковники сами занимались всякой чертовщиной, заменяя церковные таинства гаданием и колдовством.

Запуганный народ верил, что дьявол низложил бога и наступает царство антихриста.

Про папу Сильвестра II, пришедшего на смену Григорию V, упорно говорили, что он заключил союз с сатаной. Папа Сильвестр поражал современников математическими и философскими познаниями, которыми он якобы был обязан дьяволу. Некоторые летописцы всерьез утверждают, что Сильвестр достал из Севильи гнусную книгу, заключавшую в себе каббалистические формулы, с помощью которых Сильвестр заставлял Люцифера повиноваться себе; что дьявол обещал папе спасти его от смерти, если он откажется отслужить обедню в Иерусалимском храме.

«Сильвестр,— продолжают летописцы,— надеясь продлить свою жизнь, не совершал никогда паломничества в святую землю и продолжал предаваться кощунственному колдовству. Однако он испытал на себе, как коварны и обманчивы посулы дьявола. Однажды, когда святой отец совершал богослужение в базилике Святого Креста, называвшейся также Иерусалимским храмом, дьявол внезапно возник перед папой на алтаре и, схватив золотое распятие, знаменитое украшение часовни, ударил им папу с такой силой, что тот скончался через несколько минут».

Эта наивная легенда очень точно характеризует силу суеверия, которое грозило погасить в народе последние искры разума, уже весьма основательно омраченного религиозными формулами и обрядами.

Камни плачут и... пляшут!

■ После смерти Сильвестра II священники не преминули использовать в своих интересах легенду о сговоре между папой и дьяволом.

Они распространили слух, будто папа Сильвестр перед смертью покаялся в том, что такой договор существовал, и попросил приближенных возложить его труп на катафалк, запряженный белыми лошадьми, добавив, что кони остановятся сами в том месте, где надлежит его похоронить.

Воля папы Сильвестра была исполнена в точности — кони якобы остановились перед Латеранским храмом, где останки папы и были преданы земле со всеми соответствующими почестями.

«С того времени,— пишет летописец,— более шести веков подряд каждый раз накануне смерти первосвященника, словно предвещая его кончину, стучат кости Сильвестра и плита на гробнице его покрывается кровавыми слезами...»

Не правда ли, жуть! Камни плачут кровавыми слезами, и кости, как костяшки домино, прыгают в могиле, будто говорят игрокам: «А ну, кому выпал шестерочный дубль,— начинай!»

Согласитесь, к подобным вещам надо привыкнуть, не каждый день они происходят. А если еще представить себе, что испытывает могильный червь во время работы, видя, как лакомый кусок содрогается, а затем пускается в пляс! Тут даже безмозглый червяк придет в ужас!

С другой стороны, какой блаженный покой сулит такое чудо любому святому отцу, тому, кто устремляет печальный взор в будущее, с трепетом ожидая последнего часа... Ему достаточно перед сном прогуляться к могиле папы Сильвестра, и, если там тихо, он может вернуться домой и спокойно предаваться ночным усладам.

Впрочем, не известно ни одного случая, чтобы кто-либо из святых отцов воспользовался пророчеством и пожелал узнать, когда неумолимые Парки оборвут нить его суетной жизни.

В середине XVII века при перестройке Латеранского дворца открыли пресловутую гробницу с телом папы, которую по преданию лукавый дьявол время от времени превращал в танцкласс. Как говорит легенда, тело казалось еще

живым и благоухало («О-ля-ля,— воскликнул бы наш Гаврош,— пока не поздно, пора давать тягу!»)... но вдруг луч света озарил тело, адское пламя вырвалось из него, освещая все вокруг, и тело превратилось в пепел, остался только серебряный крест да пастырский перстень...

Разгадка проста: пламя — сам сатана, который, как последний дурак, позволил замуровать себя в гробнице и целые столетья играл в пасьянс с костями Сильвестра. Разумеется, когда открыли темницу, он поторопился удрать. Однако всякий благочестивый христианин обязан проникнуться благодарностью к сатане; ведь, сохранив останки святого отца, дьявол облегчил работу всевышнему, когда тот начнет воскрешать мертвых в день страшного суда.

После этого события на могиле Сильвестра не случалось больше ничего необыкновенного. Священники и тут не преминули объяснить прекращение чудес то ли колдовством покойного папы, то ли исчезновением дьявола. А в XVIII веке, когда Монтескье, Вольтер и Дидро опубликовали свои знаменитые труды, предвещавшие Великую французскую революцию, церковный историк Муратори издал панегирик Сильвестру. Общий тон всего опуса характеризует следующее утверждение: «Чудо на могиле Сильвестра не должно никого поражать, так как и последующее прекращение его. Ведь сколько плит на могиле святых, некогда источавших масло и манну, теперь не совершают таких чудес!»

Но зачем удаляться в XVIII век? Совсем недавно, при обсуждении закона об обучении в палате депутатов Франции, Поль Берт с трибуны процитировал ряд религиозных трудов, посвященных вопросам воспитания. Приведя возмутительные по своей безнравственности цитаты, он воскликнул, обращаясь к правым:

— Осмелитесь ли вы одобрить подобные предписания и наставления?

И один из клерикалов тут же ответил:

— Мы не имеем права обсуждать то, что написано отцами церкви.

Это заявление было встречено аплодисментами со стороны ультрамонтанской банды!

Таким образом, позиция церковников ничуть не изменилась за многие столетия: самые дикие и чудовищные утверждения воспринимаются как должные в наш просвещенный век, их не оспаривают. Тем хуже для них!

Прогресс гигантскими шагами идет вперед, и недалеко

то время, когда воинствующая церковь, застывшая в своем грубейшем суеверии и фанатизме, будет выглядеть как едва уловимая точка на горизонте минувших времен.

Пчелы-прорицательницы

■ О личности папы Иоанна XVII, сменившего Сильвестра II, мало известно. До нас дошли только сведения о его мстительности и жестокости; в этом смысле он ничем не отличался от большинства своих предшественников. Святой престол он занимал всего пять месяцев.

При нем произошел курьезный эпизод: один монах в Шалоне, Левтард, рассчитывая выудить деньги у доверчивых глупцов, провозгласил себя духовидцем; собрав народ, он сообщил, что ночью, когда он спал в поле, с ним случилось чудо: пчелы, как бы пронзив его тело, вошли сквозь анальное отверстие и, вылетев с шумом и шипением изо рта, возвестили, что ему предстоят великие дела, непосильные для простого смертного, с той поры он ощутил в себе божественную благодать.

Ему поверили. Он стал пророчествовать и довольно скоро сколотил сильную партию, которая стала требовать, чтобы ему предоставили епископскую кафедру в городе.

Жебуин, шалонский епископ, увидев, что дело принимает нешуточный оборот, счел необходимым вмешаться. Ему удалось развеять ореол вокруг этого духовидца. Разочарованный и оскорбленный народ так затравил монаха, что жалкий проходимец бросился в колодец.

Другому монаху пришла в голову сумасбродная мысль провозгласить Вергилия, Горация и Ювенала пророками. Странствуя по Италии, монах повсюду советовал верующим следовать их заветам, дабы удостоиться вечной жизни.

Первоначально он тоже имел успех, возникла даже целая секта его последователей.

Когда Иоанн XVII услышал о них, он приказал епископам нещадно истреблять всех членов этой шайки, где бы ни появились эти юродивые.

Убийство служило католикам ultimo ratio (крайним доводом), когда необходимо было навязать людям свои догмы.

■ Иоанн XVIII сменил Иоанна XVII и продержался на святом престоле пять лет. Было бы утомительно скучно приводить нудный список всех его безобразий.

Перейдем к Бенедикту VIII, получившему тиару благодаря заговору графов Тосканелли.

Звериная жестокость Бенедикта VIII заранее восстановила против него народ. Не успел он взойти на престол, как вокруг него начала сплетаться густая сеть заговоров. Даже среди духовенства образовалась сильная партия, которой удалось провозгласить нового папу — Григория.

Бенедикт энергично сопротивлялся. Какое-то время он оставался хозяином Латеранского дворца, но Григорий не менее решительно отстаивал свои права и в конце концов изгнал соперника.

Бенедикт бежал в Германию, рассчитывая на поддержку Генриха II. Он получил ее без особого труда. Генрих II снарядил армию, и Бенедикт прибыл в Ломбардию. Испуганные римляне во избежание нового вторжения послали депутатов к Бенедикту, умоляя его вернуться в Латеранский дворец, и Григорию ничего не оставалось, как поскорее покинуть Рим.

Спустя несколько дней Генрих II одержал крупную победу над одним самозванцем и, чтобы утвердить себя единовластным правителем, вместе со своей супругой Кунигундой прибыл в Рим на торжественное помазание.

Папа извлек выгоду из этого торжества: помимо того, что возрос его авторитет, он подтвердил некоторые привилегии, данные первосвященникам еще при Карле II и Оттоне III.

Не успел Генрих II покинуть Италию, как сарацины вторглись в Тоскану. Бенедикт поручил епископам снарядить солдат и, возглавив войско, сам ринулся в бой.

Битва продолжалась три дня. Поначалу христиане терпели неудачу за неудачей, но в конце концов заняли все позиции противника. Еще бы, сам господь бог сражался с ними в их рядах!

Мы вовсе не собираемся умалять заслуги великого Саваофа, но, право, с тех пор как он появился на земном шаре, военные кампании, проводившиеся под его знаменем и во имя него, частенько заканчивались полной катастрофой. Не надо

требовать от милосердного боженьки больше того, что он может дать! Совершенно очевидно, несчастный старик Саваоф оказывается в полной растерянности, когда, скажем, два короля, оба правоверные, объявляют друг другу войну по той лишь причине, что его величество Икс, принимая посла короля Зет, чихнул семьдесят пять раз, а посол-невежа пожелал страдающему насморком августейшему королю долго здравствовать лишь семьдесят четыре раза!

От всех этих тонкостей и бог может потерять голову! Представьте себе положение господа, когда в одно прекрасное утро он находит в своей обширной почте две молитвы следующего содержания:

Первая молитва

■ Милосердный и возлюбленный господь бог мой!

Я собираюсь захватить с моими доблестными войсками королевство моего кузена Зет. Уповаю на твою помощь. Даруй мне силы изничтожить всех его солдат!!

Твой сын и раб король Икс и прочее, и прочее...

Вторая молитва

■ Прародитель мой!

Любовь моя безгранична к тебе, и потому внемли моим молитвам: мой кузен Икс, молодой отрок, возымел желание помериться силами с моими войсками. Сердце мое возликует, если чело мое украсится лаврами. Будь милосерден и даруй мне победу над этим хвастуном. Да исполнится молитва моя, но не раньше, чем две армии в поединке истребят друг друга, ибо, чем больше убитых, тем значительней победа.

Твой... К твоему милосердию... В помыслах
о тебе... Король Зет и прочее, и прочее...

«Черт побери,— говорит Саваоф,— что же предпринять, чтобы ублажить двух монархов? Эти скоты, расплодившись по земле, заводят меня в тупик, уповая на мое всемогущество!

Ей-богу, пусть сами распутываются! Не стану вмешиваться в их дела!»

Каков бы ни был исход, имеет ли право побежденный обвинять бога, что тот не внял его молитвам?

Разумеется, нет!

Вы видите, как беспристрастно мы оцениваем положение Саваофа. Разрешите же нам добавить, что битва состоялась, и, по всем признакам, бог нисколько не повинен в победе солдат святого отца над сарацинами.

Да и сам первосвященник, видимо, не очень-то рассчитывал на божественную помощь в своих бранных делах: он заранее построил в боевом порядке свои войска, укрепил берег стрелками, помешав кораблям противника доставить подкрепление.

Обычно язычники просто захватывают своих врагов в плен. Христиане же этим не довольствуются — религия повелевает устроить великое кровавое пиршество в ознаменование победы над неверными. И даже когда сарацины были перебиты, войска первосвященника предали всю местность огню и мечу. Дележ огромной военной добычи происходил тут же на поле брани. Самому папе досталась, представьте... жена сарацинского вождя, женщина поразительной красоты.

Святой отец слыл первостатейным распутником. Возможно, он отдавал предпочтение юношам, впрочем, он не отказывался и от прекрасного пола. Но ни одного поцелуя не сорвал он с губ прелестной сарацинки. Жестокость этого изверга была сильнее, чем похотливость. Схватив обеими руками огромную саблю, он одним ударом обезглавил пленницу.

После этого наместник святого Петра обыскал труп, сорвал золотой обруч и драгоценности с тюрбана, украшавшего жертву...

Как остановить землетрясение

■ Разумеется, заголовок звучит, мягко выражаясь, немного наивно. Но удивляться нечему — мы сообщаем исторические эпизоды, заимствованные нами из церковной летописи, и вполне естественно, нам приходится попеременно сталки-

ваться то с чудовищным преступлением, то с неслыханным образчиком глупости. Это неизбежно!

Вслед за крупной победой, одержанной Бенедиктом VIII над сарацинами, в Риме произошло землетрясение. Случилось это в страстную пятницу, причем весьма знаменательно, что верующие почувствовали первые толчки в момент поклонения кресту.

Почему земля вздумала колебаться, повергая благочестивых римлян в ужас, в тот самый момент, когда народ распростерся ниц перед распятием?

На этот вопрос святейший отец, не колеблясь, дал разумный ответ: ниспослав такое бедствие, господь показал, что он гневается на людей, оскорбивших его в столь скорбные дни.

Оставалось лишь найти виновных. За этим дело не стало. Бенедикт объявил, что, по его сведениям, в тот самый час, когда благочестивые христиане поклонялись кресту, евреи совершали свои религиозные церемонии в синагоге. Небесный гнев могли вызвать только эти несчастные нехристи! Надо их подвергнуть суду и покарать!

Впрочем, зачем же их судить? Разве папа не является непогрешимым?.. И Бенедикт обнародовал декрет, приговоривший к обезглавливанию всех римских евреев. Их немедленно привели на лобное место и передали в руки палачу.

Ужасно, не правда ли?

Предыдущие главы нас, конечно, ко многому подготовили, и все же человеческий разум не может примириться с подобными фактами. Начинаешь даже надеяться, уж не преувеличены ли эти сведения или, может, они и вовсе ошибочны? Увы! Мы говорим на этих страницах только о реальных событиях, очищенных от всякого налета легендарности. Мы, правда, боремся с папизмом, но боремся честным оружием. Мы говорим: вот она, ваша церковь, хотите знать, чего она стоит? Познакомьтесь с теми, кто ее возглавляет (воры, убийцы, педерасты — все они таковы или почти все... Простите, среди них есть еще и деятели, вроде папы Пия IX, но с ним вы познакомитесь позже).

Возвратимся к землетрясению. Оно прекратилось после избиения евреев. Может, вы думаете, что церковные историки, повествуя об этом эпизоде, ищут смягчающих обстоятельств, пытаясь объяснить это кошмарное мероприятие? Что за вздор! Они прославляют первосвященника! И с потрясающим хладнокровием добавляют:

«После их казни ветер утих и земля не испытывала больше ужасных колебаний, которые раньше сотрясали святой город».

Невозможно найти более наглую апологию гнусного преступления.

Чистилище в Сицилии

■ Бенедикт VIII, которого вовсе нельзя считать образцом благочестия, все же решил хоть как-то обуздать распущенный клир. Почтенный апостол, несомненно, завидовал своим подчиненным и хотел отобрать у них всех любовниц...— иначе чем объяснить внезапное пробуждение нравственности у его святейшества?

В 1020 году он созвал в Павии собор и, несмотря на противодействие многих прелатов, добился, чтобы было принято постановление, согласно которому все духовенство, как черное, так и белое, лишалось права жениться или иметь сожительниц.

Генрих II по просьбе первосвященника утвердил этот декрет, нарушителю грозил духовный и уголовный суд.

Сразу же отметим: разгул духовенства нисколько не уменьшился после декрета; никакие угрозы не помогли, и священники даже не считали нужным скрывать свои похождения. Как и до указа, церковники публично предавались разврату, чувствуя себя в полной безопасности. Да и как могло быть иначе? Ведь для того, чтобы осуществить на деле обнародованный указ, пришлось бы осудить все духовенство целиком. Все алтари опустели бы сразу. Что, несомненно, было бы крайне огорчительно!

Бенедикт VIII умер в начале 1024 года. Католические историки вполне серьезно сообщают, что после смерти он несколько раз являлся разным лицам с просьбой поминать его в молитвах. Какой же репутацией пользовался достопочтенный папа, если даже благочестивые церковники не считали его достойным сразу попасть в рай!

Летописец Платина уверяет, что какой-то прелат видел скелет святого отца Бенедикта в папском облачении, который мчался куда-то на черном жеребце. Епископ спросил его, куда он спешит, в ответ призрак крепко обхватил епископа,

поднял с земли и перенес к месту, где были спрятаны сокровища. Он приказал епископу раздать все сокровища беднякам, дабы облегчить страдания, которые он, Бенедикт, испытывает в загробном мире за свои преступления.

Сигиберт и Петр Дамиани также утверждают, что однажды мертвец явился к своему преемнику и просил молиться за него, дабы смягчить пламя чистилища, на которое он был осужден за свои злодеяния; о масштабе преступлений можно судить по тому, что срок пребывания папы в чистилище был определен в тысячу лет.

Все эти легенды, однако, по своей комичности намного уступают басне Винцента из Бове, жившего двести лет спустя после смерти Бенедикта VIII и выполнявшего функции чтеца у короля Людовика Святого. Винцент торжественно заверял, что божественный приговор Бенедикту был условным и что один из клюнийских монахов получил откровение от самой пречистой девы, согласно которому «папу Бенедикта могли освободить от мук молитвы монахов Клюнийского монастыря и заслуги их аббата — святого Одиллона».

Значит, бог-отец, которого священники рисуют грозным судьей, не является таким уж неумолимым? Представьте себе, что на суд к нему является христианин, отягощенный преступлениями.

— Как зовут тебя? — спрашивает его всевышний.

— Бенедикт VIII, праведный судья.

— Ты обвиняешься в том, что воровал, убивал, совращал и насиловал, преступал все законы божеские и человеческие. Что ты скажешь в свое оправдание?

— Ничего, праведный судья.

— Отлично! Я приговариваю тебя к тысяче годам чистилища. Хочешь ли ты что-либо возразить против приговора? Отвечай. Каковы твои соображения по этому поводу?

— Я просил бы о том, чтобы наказание отбывалось мною на земле, в этой юдоли слез...

— Которую ты превратил в мусорную свалку?

— Господи, каждый делает, что в его силах.

— Так ты надеешься, что я верну тебя туда, где ты совершил столько мерзостей? Никогда в жизни. Все, что я могу сделать,— это осудить тебя условно. Если клюнийские монахи будут молить меня о спасении твоей души, я завизирую тебе пропуск в рай. Но запомни: молитва наспех, в несколько строк, или жалкая обедня за двадцать су меня не удовлетворят. Ты получишь полное освобождение от наказания, если

монахи будут молиться как следует: денно и нощно служить молебны, соблюдать посты и снова молиться.

— Словом, они должны задобрить вас?

— Вот именно. Мой тебе совет: обратись к святой деве и проси ее стать твоей заступницей. Пречистая дева милосердна, и я склонен думать, монахи достаточно галантны и не откажут в просьбе прекрасной даме... что я говорю — молодой девушке, ибо материнство нисколько не испортило цветка ее невинности.

Этот гротесковый диалог в действительности является точным пересказом торжественного заявления Винцента из Бове. Это даже не пародия, а всего лишь шарж, который подчеркивает детали, но не искажает их. Он показывает, что церковные басни, которыми священнослужители пичкают верующих, являются, по существу, не чем иным, как грандиозной буффонадой.

По словам Винцента, после явления пречистой девы клюнийские монахи удвоили молитвенное рвение и добились освобождения Бенедикта VIII.

«И тогда,— добавляет Винцент,— покойный первосвященник сам явился в аббатство поблагодарить за спасение. В один прекрасный день, когда монахи стояли на молитве в храме, Бенедикт VIII, представ перед ними, сообщил о своем выходе из пламени Этны и описал божественные радости, которыми он наслаждается в небесном Иерусалиме».

Итак, приговоренные к чистилищу выходят из самого кратера и попадают прямо в рай! Какие счастливцы, эти жители Сицилии: на их острове находится само чистилище, а они, вероятно, и не догадываются о своем счастье!

Письмо Иисуса Христа

■ Бенедикта VIII на папском престоле сменил его брат Иоанн XIX.

Приблизительно в это же время умер Генрих II, оставив корону Западной Римской империи своему сыну Конраду. В 1027 году Конрад с супругой Жизелью прибыл в Рим, чтобы получить освящение от папы. На этой церемонии присутствовал Канут, король Англии и Дании, приехавший к

святому отцу с жалобой на чрезмерные налоги, взимавшиеся римской курией с паломников его королевства, а также с требованием уменьшить суммы, вносимые его архиепископами в папскую казну.

Денежный вопрос являлся самым уязвимым местом Иоанна XIX. Непомерной жадностью и корыстолюбием он превзошел всех своих предшественников, а они, как известно, тоже не были образцом бескорыстия. Впрочем, ко многим первосвященникам Рима можно отнести эпиграмму: «Принимай, бери, воруй — вот три заветных слова у папы».

Никаких преград для него не существовало, когда речь шла об обогащении его казны. Чтобы получить аудиенцию у его святейшества, верующие должны были преподносить папе не просто подарочек (как современным гетерам за честь позавтракать с ними под одной крышей), а настоящие дары. Чем крупнее подношение, тем лучше прием. Не только паломники королевства Канута страдали от непомерной алчности святого отца, паломникам других стран приходилось не легче.

Иоанн XIX делал деньги решительно из всего: из отпущений, из благословлений и даже из отлучений.

Епископов очень раздражал меркантилизм папы. Спустя некоторое время после коронаций Конрада в Лиможе собрался съезд французских епископов, запретивший римскому двору давать отлученным отпущение грехов без ведома местных епископов.

Смысл этого запрещения был примерно таков: занимайтесь своей коммерцией сколько угодно, но будьте деликатны, предупреждайте нас, чтобы и мы имели какую-то прибыль с этого дела.

Собор обсуждал также меры по установлению порядка во Французском королевстве. Дело в том, что после смерти ханжи Людовика Кроткого в империи Карла Великого началась полная анархия. Во Франции, Германии и Италии мелкие князьки воевали между собой, города подвергались разграблению, жителей безжалостно убивали, земледельцев, ремесленников, купцов преследовали как диких зверей. Народ непомерно страдал, а духовенству не было никакого дела до этого. И вдруг французские епископы проявили заботу о населении. Все объясняется очень просто: феодальные беспорядки ударили по казне. Во-первых, обнищание населения сильно отразилось на доходах церкви; во-вторых, алчные феодальные князьки дошли до того, что стали нападать на

монастыри, сжигать храмы, убивать монахов, насиловать монахинь.

Вот почему епископы, собравшись в Лиможе, решили положить предел подвигам разнузданных феодалов.

Убедившись, что отлучением не очень запугаешь зазнавшихся герцогов и князьков, епископы решили заставить самого бога вмешаться в это дело. Было объявлено торжественное собрание, на которое приглашались верующие всей провинции. После обычных молитв и песнопений один из епископов обратился к огромной толпе со следующими словами:

— Братья мои, сообщаю вам великую новость: сам Иисус Христос в своем послании приказывает установить мир на земле. Я предлагаю вам выбрать представителей, которые убедились бы в подлинности письма, а затем мы ознакомим вас с волею бога.

Собор с ликованием встретил шарлатанское выступление. И тут же избрали комиссию из десяти епископов для проверки драгоценной корреспонденции.

Говорят, что авгуры античного Рима не могли смотреть друг на друга без смеха; надо полагать, что и христианские прелаты, достойные преемники этих авгуров, затратили много усилий, чтобы сохранять серьезное выражение лица во время столь ответственной экспертизы!

Процедура длилась недолго. Подлинность подписи Иисуса Христа была признана непреложной, и на том же соборе епископы присягнули, что послание действительно упало с неба.

В итоге Лиможский собор предписал: разослать письмо по всем христианским церквам, чтобы все верующие, независимо от ранга, обязались следовать наставлениям и заповедям, посланным свыше.

Мудрено придумать что-либо более нелепое и непристойное, чем эти наставления.

Иисус Христос, которого позднее скопирует старый муж в «Декамероне» Боккаччо, предлагал в письме своего рода «календарь любви».

Говоря точнее, бог разрешал супругам исполнять супружеские обязанности лишь в определенные, точно указанные им дни.

Понедельник, например, объявлялся запретным днем для супружеских отношений.

Кроме того, предписывалось: в пятницу сидеть на воде и хлебе, в субботу воздерживаться от мяса. Запрещалось с оружием в руках мстить врагам, а также захватывать монастырское имущество. Наконец, послание строго определяло отношения между полами: мужчинам разрешалось молиться с женщинами, но не насиловать их!

Только не думайте, что все это хоть в малейшей степени является вымыслом. Я еще раз подчеркиваю: мною ничего не выдумано! Можно оспаривать мои оценки, но в отношении фактов я соблюдаю величайшую осторожность: не искажаю их и не преувеличиваю. Да и к чему? История церкви в ее подлинном виде достаточно полна цинизма, глупости и мерзости, чтобы служить сокрушительным обвинительным актом против христианства.

В каждой епархии верующих заставляли присягать на евангелии в верности предписаниям, содержащимся в послании Иисуса Христа. Наказания, которые грозили ослушникам, были достаточно серьезны, чтобы у кого-то возникло искушение спорить или не соглашаться. Речь шла не только об отлучении, но и о конфискации имущества, а также о лишении прав на христианское погребение. В крайнем случае еще можно было рискнуть и быть готовым к первому и последнему наказанию, но конфискация имущества страшна всем: и благочестивым христианам, и неверующим.

Не скрою, нас интересует, разумеется, вопрос, каким образом священники могли проверить соблюдение супругами «календаря любви»? Собирались ли они подсылать пономарей во все спальни духовных детей своих?

По сему поводу церковные авторы ничего не говорят, о чем мы искренне сожалеем.

Долой тирана!

■ Римляне с нетерпением ожидали конца владычества Иоанна XIX. Они ничего не имели против того, чтобы он каждую ночь окружал себя хороводом привлекательных девушек и юношей, доставляемых ему со всей щедростью божественного провидения; но необузданный деспотизм первосвященника принял столь невыносимую форму, что против папы был организован заговор.

Святой отец, вероятно, не питал особых иллюзий относительно своей популярности и никогда не появлялся один, без достопочтенной свиты. Тогда заговорщики решили прибегнуть к оружию и открыто восстать.

Когда многочисленная толпа окружила Латеранский дворец, Иоанн XIX, поняв, что сопротивление бессмысленно, бежал в Германию под защиту Конрада II. Он не ошибся в своих расчетах: Конрад вскоре снова водворил его на святой престол, при помощи своих штыков, и Иоанн перед смертью еще успел насладиться местью и расправиться с заговорщиками.

Папа-младенец

■ Без преувеличения можно сказать, что Бенедикт IX, едва успев освободиться от объятий кормилицы, стал преемником Иоанна XIX; во всяком случае, когда наступила нежная отроческая пора, ему помогли вскарабкаться на святой престол. Короче, ему минуло всего двенадцать лет.

Возраст не помешал ему проявить вскоре все пороки, которыми отличались самые распутные и жестокие его предшественники.

Бенедикту IX (настоящее имя его было Феофилакт) престол достался благодаря мошенничеству графов Тосканелли; знатные разбойники добились его избрания путем интриг, подкупа и угроз.

Император Конрад II из политических соображений покровительствовал этим могущественным феодалам; таким образом, и на нового папу распространилась его высочайшая милость.

Когда народ, пресытившись бесчинствами Бенедикта IX, изгнал его из Рима, Конрад II охотно пришел на помощь молодому первосвященнику и с триумфом вернул ему тиару.

Сила восторжествовала над законом — увы, не в последний раз!

Еще несколько слов о Бенедикте IX

Этот первосвященник запятнал апостольский престол наолько чудовищными преступлениями, что христианские исатели даже не пытались замалчивать или затушевывать озорные деяния святого отца.

Кардинал Бенно обвинял папу в том, что он сознательно ользовался дьявольскими средствами, прибегал к магии и олдовству, принуждая своих наложниц выпивать волшебные надобья, чтобы вызвать пылкую страсть к себе. Кардинал тверждал также, что папа приносил жертвоприношения дьяолу, принимал участие в шабаше и неоднократно в лесу сноился с духами тьмы.

Эти утверждения наивны, вызывают улыбку и все же дают екое представление о Бенедикте IX. Пороки его столь безбразны, что историки в поисках объяснения вынуждены ыли прибегнуть к мистике и к ссылкам на дьявола.

Народ все больше и больше тяготился его властью, и нанец, после двенадцати лет насилий, грабежей и убийств, енедикта IX вторично изгнали из Рима.

Не будем радоваться раньше времени: нам еще придется стретиться с ним. Тиара ему к лицу, и он не откажется вновь венчать ею свою августейшую голову!

Времяпрепровождение папы в отставке

После того как Бенедикта «отстранили», епископ Сабинский, уже пытавшийся доказать свои права на престол, вновь инулся в бой. Благодаря посулам, подкупу, щедрым дарам уховенству он был возведен на святой престол 26 декабря)44 года под именем Сильвестра III. Понтификат его длился ри месяца.

За это время Бенедикт IX с помощью могущественного ома Тосканелли подкупил разбойничью шайку, орудовавшую окрестностях Рима, и всячески терроризировал наеление.

Чтобы покончить с пожарами и убийствами мирных жителей, римляне были вынуждены вновь открыть ворота города прожженному негодяю. Правда, на этот раз Бенедикт недолго оставался на престоле. Его оргии вызвали новый мятеж, и, не осмеливаясь больше рисковать — гнев народа был велик,— Бенедикт сам отказался от управления церковью.

Однако он считал, что такое самоотречение, естественно, должно быть соответствующим образом вознаграждено. Место, которое он уступал, настолько соблазнительно, что отдавать его даром было бы непростительной глупостью. После продолжительных переговоров и торгов Бенедикт продал святой престол священнику Иоанну за пятнадцать тысяч ливров золотом.

Если читатель думает, что, обстряпав выгодное дельце, мошенник бесследно исчез, то он ошибается. Папа еще не сказал своего последнего слова!

Три первосвященника одновременно на святом престоле

■ Получив деньги за тиару, Бенедикт IX считал, что он вполне честно узаконил эти действия, объявив своим преемником Иоанна XX. Однако и Сильвестр III дорого заплатил за свое избрание: три месяца на престоле никак не могли компенсировать тех сумм, которые он потратил на избирателей. И тогда оскорбленный в своих лучших чувствах Сильвестр III во главе вооруженной банды вошел в Рим и напал на папский дворец. Иоанн XX энергично сопротивлялся, и разгорелось ожесточенное сражение.

Тем временем Бенедикт IX, успевший растратить свои капиталы, пришел к выводу, что и ему следует попытаться овладеть тиарой, чтобы продать ее во второй раз. Долго не раздумывая, он ворвался в Латеранский дворец и с шайкой проходимцев выгнал папу, которого он же туда водворил. В свою очередь и Иоанн XX не пожелал покинуть город: деньги ведь он выложил на бочку! Словом, в Риме одновременно обосновались трое пап. Один обитал в церкви святого Иоанна, другой нашел приют у святого Петра, третий пригрелся в соборе святой Марии.

Что и говорить, Бенедикт IX, Сильвестр III и Иоанн XX

отлично устроились! Почтенная троица заключила союз, разумно разделив между собой церковные доходы и плоды своих вымогательств и хищений. Каждую ночь веселые разбойники устраивали грандиозные оргии со своими наложницами и наложниками.

Как бледнеют перед теми пиршествами наши современные пирушки! Эти тиароносные сарданапалы в поисках новых запретных наслаждений стремились воскресить нравы Содома.

Соблюдая церковные традиции, почтенная троица отличалась необыкновенной щедростью в отношении своих возлюбленных и в короткий срок опустошила сокровищницу римских церквей. Драгоценные предметы божественного культа первосвященники приносили в дар культу Венеры. Ночь наслаждений они оплачивали драгоценным сосудом, дароносицей, распятием.

Апостольский престол уже не представлял для них никакого интереса, и потому надо было от него избавиться. Окончательно обанкротившись, святая троица устроила совещание; папы нашли поистине замечательный выход — они пустили святой престол с публичного торга.

После смерти Иоанна XIX, во времена понтификата Бенедикта IX, престол святого Петра продавался с аукциона в четвертый раз, как мебель старой кокотки!

Святая четверка

Как только стало известно об открытой продаже папской тиары, нашлись любители, которые тотчас же предложили хорошую цену.

Мы представляем, какая горячка царила на этом аукционе! В конце концов тиара досталась римскому священнику Джованни Грациано, который оказался в состоянии предложить наибольшую сумму. Он и был провозглашен папой под именем Григория VI.

По законам церкви папское звание является пожизненным; таким образом, в это время католическая церковь имела сразу четырех святых отцов, хотя функции папы выполнялись только одним.

В начале понтификата лицемерный первосвященник прикинулся кротким и добродетельным, чтобы люди забыли об истории его скандальных выборов. Он провел несколько реформ и в какой-то степени приобрел симпатию народа.

Когда положение его укрепилось, он не счел нужным больше сдерживаться и решил наверстать упущенное. Не заботясь о соблюдении приличий, Григорий VI пустил в ход самые разнообразные приемы, вплоть до конфискации имущества у состоятельных граждан, подвергая их пыткам и казням, чтобы не распускали язык и не жаловались.

Благодаря своей предприимчивости Григорий VI с избытком вернул огромную сумму, истраченную на покупку престола.

Кровавая баня

■ Несчастная Италия, разоренная первосвященником, дошла до полного обнищания. По дорогам бродили шайки разбойников, так что паломники осмеливались идти в Рим лишь большими толпами.

В самом Риме жить стало опасно. Дошло до того, что грабители обворовывали могилы апостолов, уносили дары, которые щедро приносили верующие.

До тех пор пока от грабежей страдали частные лица, Григорий VI ничего не предпринимал. Но когда дошло до ограбления церквей и гробниц святых, когда стала терпеть ущерб его собственная казна, он счел необходимым вмешаться. Он опубликовал грозный декрет, касающийся церковного имущества; о личной же собственности граждан он не упомянул ни слова. Впрочем, декрет не дал желанного эффекта. Напротив, грабежи даже усилились.

Тогда Григорий VI пустил в ход угрозу отлучения. Эта мера оказалась более действенной, но вызвала гневный протест не только у бандитов, но и у всего населения — народ, выведенный из терпения все возрастающими аппетитами папы, рад был придраться к любому поводу, чтобы избавиться от тирана.

В один прекрасный день перед папским дворцом собралась весьма внушительная толпа, осыпавшая святого отца оскорбительной бранью.

— Истребить всех! — воскликнул святой отец.
Его приказ выполнили буквально.

Кровавая резня была столь ужасна, что даже духовенство ie выдержало и отказалось повиноваться папе. Кардиналы и пископы обратились с жалобой к императору Генриху Черюму. Он тотчас явился и созвал собор для суда над іапой.

Григория VI низложили, но не за чудовищную резню, 'строенную по его приказу (что значит жизнь нескольких отен человек в глазах церковной иерархии!), а за покупку постольского престола. Если бы избрание Григория VI осуществилось законным путем, он, несомненно, был бы процен и даже получил бы одобрение высшего духовенства.

Климент II

Претерпев такое количество негодяев на святом престоле, иимлянам следовало бы, как нам кажется, возненавидеть институт папства. Между тем он существует и поныне.

Низложив Григория, Генрих Черный стал разыскивать му преемника. Он собрал клир, сенат и представителей корораций в церкви святого Петра и предложил немедленно ізбрать нового папу. Он обратился к епископам, чтобы они іазвали достойного кандидата на апостольский трон. Ответа не последовало. Император попросил объяснить, поіему собор молчит. Тогда один из прелатов от имени всего лира чистосердечно признался, что римское духовенство находится в состоянии упадка и оно не может найти в своей реде человека, достойного носить звание первосвященника.

Императору ничего не оставалось, как предложить кандидатуру своего соотечественника, епископа Бамбергского, который и был возведен на трон под именем Климента II. Этот прелат прославился своей эрудицией и умом. К тому ке он отличался отменной скромностью — пришлось даже ірибегнуть к силе, чтобы облачить его в священные ризы. Однако тотчас после своего избрания он стал таким же, как се его предшественники: высокомерным, алчным и отнюдь іе щепетильным в делах материальных.

■ Еще несколько слов о Клименте II.

Первое, что он сделал,— это созвал собор, который должен был утвердить привилегии итальянских епископов и тем самым покончить с нелепым местничеством.

В первый день собора епископ Аквилейский и архиепископ Равеннский, воспользовавшись отсутствием архиепископа Миланского, заняли два первых места возле пустующего трона императора. Запоздавший архиепископ Милана, войдя в сенат и убедившись, что оба почетных места заняты, нахмурился и... решительно опустился в императорское кресло. Почтенные клирики замерли от неожиданности, а затем с яростью набросились на дерзновенного нарушителя. Епископ Аквилейский заявил, что глава Милана по своему рангу не имеет больших прав, чем они, и потому обязан покинуть занятое им кресло.

Обступив архиепископа, почтенные конкуренты пытались его согнать, прибегая даже к силе. Они цеплялись за полы его одеяния, но архиепископ энергично отбивал атаки противников, и согнать его с места не было никакой возможности — он, как пиявка, присосался к почетному креслу. Ввиду того что мнения разделились, возникли прения, посыпались цитаты из священных текстов и уставов. Все говорили хором, кричали с пеной у рта, прокли.., простите,— прерывали друг друга. Наконец усталость взяла верх над оскорбленным самолюбием; достопочтенные клирики, поостыв немного, стали выступать по очереди, произнося длинные, убедительные речи. В конце концов почетное место досталось архиепископу Равеннскому.

Разве эпизод этот не рисует тупого высокомерия представителей церкви?

На следующий день собор занялся обсуждением прав священников, возведенных за деньги в сан во время предыдущего понтификата.

Некоторые епископы высказались за то, чтобы таковых просто низложить; папа, однако, проявил больше снисходительности, разрешив им оставаться на своих должностях при одном лишь небольшом условии...

Вы догадываетесь?

Еще бы! Догадаться не трудно, черт возьми! Они должны уплатить штраф святому престолу.

Римляне не очень жаловали первосвященников, избранных непосредственно императором. И Климент II не избежал этой участи; правда, неприязнь носила пассивный характер из-за присутствия в Риме Генриха Черного и его армии.

С отъездом императора враждебное отношение к папе усилилось. Когда слухи о заговоре дошли до Климента II, он решил не испытывать судьбу и временно вернуться на родину. Однако судьба смеется над самыми осторожными людьми. Прибыв в родные края, Климент II умер, просидев в общей сложности на троне девять месяцев.

Старый знакомый

■ Готов побиться об заклад, что вы не ожидали в четвертый раз встретиться с достопочтенным Бенедиктом IX, с которым мы расстались в тот критический период его жизни, когда при участии двух своих коллег — Иоанна XX и Сильвестра III — он продал святой престол с торгов.

И все же именно его, Бенедикта IX, мы имеем честь представить вам как преемника Климента II.

Поразительно цепкий папа: присосался к престолу — не оторвешь.

Перед тем как покинуть Италию, Генрих Черный изгнал оттуда Григория VI, дабы помешать «разжалованному» папе воспользоваться временным отсутствием Климента II и занять его место. Именно это обстоятельство помогло Бенедикту IX вновь завладеть престолом.

Когда римляне узнали о смерти Климента II, они отправили послов к императору с просьбой утвердить папой архиепископа Лионского. В то время как послы выполняли свою высокую миссию, Бенедикт, «клятвопреступник, прелюбодей, кровосместитель», покинул город Пезаро, где он укрывался, явился в Рим во главе шайки разбойников и как ни в чем не бывало провозгласил себя папой.

На этот раз он продержался на престоле немногим более восьми месяцев. Не хватило бы целого тома для перечисления всех преступлений, совершенных им за такой короткий

срок. Грабежи, убийства, оргии, как и в прежние времена, оставались его основным занятием.

Ему не было полных тридцати лет, но на вид это был дряхлый восьмидесятилетний старец — настолько измотал его распутный образ жизни.

Для того чтобы избавить Рим от такого чудовища, императору пришлось пустить в ход самые страшные угрозы. 17 июля 1048 года Бенедикт отрекся от сана, но предварительно нашел лазейку для своего возвращения. Он попросил аббата Варфоломея, который пользовался у народа репутацией святого, явиться в папский дворец, изъявив желание покаяться ему во всех своих преступлениях. Честный аббат, настоятель обители Гротта-Феррата, видимо, и впрямь обладал недюжинным чутьем, раз князья, когда у них возникали прения, приглашали его в качестве арбитра. Но на этот раз он остался в дураках, когда тиароносный притворщик после публичной исповеди заявил ему о своем решении уйти от мира и закончить жизнь в полном уединении.

В следующей главе мы увидим, как он сдержал свое слово.

Бенедикт IX — на веки вечные...

■ Итак, Бенедикт IX на что-то еще надеялся, когда разыгрывал сцену покаяния и отречения. Мерзкий комедиант, выступая в роли кающегося грешника, рассчитал правильно: римляне не стали преследовать его, поверив, что он отрекся от мирской суеты и решил принять монашество; Бенедикт беспрепятственно готовил новый трюк для своего возвращения.

Сейчас же после отъезда Бенедикта из Рима епископ Бриксенский, назначенный императором, взошел на святой престол под именем Дамасия II.

Через двадцать три дня Бенедикт IX, укрывавшийся в окрестностях города, подослал к новому папе отравителей и, не дождавшись его погребения, при поддержке солдат графов Тосканелли напал на Латеранский дворец.

Последнее царствование тиароносного чудовища длилось шесть месяцев. Проводя все время в оргиях, описывать кото-

ые мы отказываемся, он дошел до последней степени истощения.

Генрих Черный отправил тогда в Рим своего кузена Бруно, который был провозглашен папой под именем Льва IX.

Бенедикт, окончательно изнуренный оргиями, не нашел в себе сил, чтобы противодействовать императору и римскому населению. Он удалился в монастырь Гротта-Феррата, где вскоре и умер в возрасте тридцати трех лет.

Смерть была единственным разумным актом его жизни.

Гони монету!

«Гони монету!» — кричит у входа в балаган скоморох; этот призыв следовало бы запечатлеть на фронтоне каждого балагана, называющегося храмом. «Гони монету! Раскошеливайся!» — вот девиз всех священников: в прошлом, настоящем и будущем. Династия священников всегда почитала деньги.

Папы, оставившие по себе добрую славу, тоже не являются исключением в этой области. Это относится и ко Льву IX. Весьма возможно, что он и не был плохим человеком. Большинство историков изображает его мягким и благожелательным правителем. Однако и этот папа, являющийся белой вороной, не упускал случая и, где мог, со священным рвением спекулировал на глупом легковерии паствы.

В 1049 году он созвал собор епископов Италии и Галии, чтобы аннулировать все должности, проданные некогда его предшественниками. Однако после внимательной проверки оказалось, что, если низложить всех клириков, которые купили свои звания, останется только закрыть на замок все церкви.

Что же вы думаете, как поступил строгий священник Лев IX? Воспользовавшись этим обстоятельством, он, не дрогнув, пошел по стопам Климента II, сохранив за клириками купленные ими звания при условии уплаты штрафа в пользу святого отца.

Через год после созыва собора аббат монастыря Сан-Реми воздвиг новую церковь, и папа прибыл на ее освещение.

О предстоящей церемонии знала вся Галлия; народ стекался толпами не только из соседних городов и деревень, но также из далеких провинций. Легковерные простаки, окружив гробницу святого Реми, возлагали на алтарь богатейшие дары. Энтузиазм был велик, тот, кто не смог продвинуться поближе, бросал свои дары через головы верующих на склеп блаженного святого. Монахи, трудясь, как пчелы, собирали лепту богомольцев, перетаскивая дары в недра монастыря и в свои кельи. Время от времени первосвященник показывался верующим, дабы возбудить еще большее рвение у разгоряченных и без того дураков. «Жертвуйте,— как бы говорил он всем своим видом,— жертвуйте святому Реми!»

Наконец к вечеру измученные непрерывной беготней монахи вынуждены были закрыть базилику.

Мы не знаем, какую именно сумму преподнес монастырь Льву IX за участие в благочестивом обмане. Надо думать, монахи не поскупились, ибо выручка была огромна, да к тому же известно, что первосвященники не имеют обыкновения раздавать свои благословения даром!

Признание святого отца

■ В конце понтификата Льва IX знаменитый богослов Петр Дамиани обратился к нему с посланием, достаточно любопытным, чтобы его процитировать здесь. Петр Дамиани обратился к святому отцу за советом по поводу скандальной жизни духовенства.

«Наши прелаты,— писал богослов,— открыто предаются распутству, бражничают, скачут верхом, бесстыдно сожительствуют с любовницами в епископских дворцах. Эти недостойные служители толкают верующих в пропасть, а простое духовенство дошло до последней степени развращенности, и нам ничего не остается, как лишить священников права совершать обряды святых таинств. Звание священнослужителя заслужило такое презрение, что мы вынуждены набирать служителей бога среди продажных людей, прелюбодеев и убийц.

Некогда апостол объявил достойными смерти не только тех, кто совершает преступление, но и тех, кто терпимо от-

носится к ним. Что сказал бы он, ежели, возвратясь на землю, увидел бы духовенство наших дней! Распутство духовенства ныне так велико, что священники грешат с собственными детьми. Негодяи ссылаются на развращенность римского двора, а так как у них есть такса для отпущения всех грехов, то они совершают преступления со спокойной совестью».

Петр Дамиани приводит несколько папских постановлений, отличающихся возмутительной непристойностью. Из уважения к нашему читателю мы отбираем из них наиболее пригодные для печати. Но даже эти тщательно выбранные цитаты дают достаточно ясное представление о церковном кодексе.

«Священник, не являющийся монахом, случайно согрешивший с девственницей, должен каяться два года и поститься в течение трех великих постов, вкушая лишь хлеб и воду по понедельникам, средам, пятницам и субботам. Если молодая девушка посвящена богу и если грех совершался систематически, то эпитимия должна продолжаться пять лет. Простой клирик за такой проступок должен нести эпитимию в течение шести месяцев, а каноник — в течение двух лет».

Приведя ряд подобных примеров, Петр Дамиани умоляет папу принять необходимые меры к тому, чтобы положить конец разнузданности духовенства.

Ответ Льва IX звучит как признание, далеко не беспристрастное; оно стоит того, чтобы его процитировать.

«Грехи, упомянутые вами,— писал он Петру Дамиани,— достойны самой суровой кары. Совершившие хотя бы один из них вполне заслуживают отлучения от сана. Однако число священнослужителей, повинных в этих грехах, делает меру эту совершенно неприемлемой и заставляет меня сохранять в церкви даже преступников».

Как много нынешних церковников сокрушается, вероятно, что прошли времена, когда духовенство пользовалось такой свободой. В наши дни светская власть карает носителей рясы, не сумевших скрыть свои грехи. Церковники называют это «гонением на религию».

Было бы глубочайшим заблуждением думать, что моральный уровень клириков вырос. Дело просто в том, что теперь им приходится лицемерить и скрывать свои гнусности: они не столь могущественны, как прежде, чтобы пренебрегать общественным мнением, ибо главенство их над миром все же ограничено,

Как две лавочки конкурировали друг с другом

■ После смерти Льва IX святой престол оставался вакантным в течение целого года; римляне не решались выбирать первосвященника без санкции императора Генриха III. Во время этого междуцарствия споры между римской и греческой церковью, поднятые некогда знаменитым патриархом Фотием, разгорелись с новой силой и приняли совершенно непристойный характер.

Греческая церковь утверждала, что ни учение, ни дисциплина западной церкви не согласуются со священным писанием и со священной традицией, а следовательно, являются еретическими. Римская курия отвергала греческую церковь как антихристианскую организацию.

Они спорили по поводу причастия, значения субботы и по ряду других вопросов, которым обе церкви придавали огромное значение; по существу, их дискуссия носила совершенно комический характер.

Это была настоящая борьба двух лавчонок, конкурирующих между собой.

Одна церковь, например, упрекала другую в том, что она покупает хлеб для причастия в городских булочных, а затем крошит этот хлеб в церковное вино и раздает причастие ложкой!

«Более того,— писал патриарху Михаилу Керуларию римский епископ Гумберт, один из легатов, посланных Львом IX в Константинополь для борьбы с ересями греческой церкви,— вы режете ваши гостии железным ножом, вместо того чтобы ломать их пальцами по святой традиции, сохраненной иерусалимской церковью».

«После причастия,— продолжает Гумберт,— если останется несколько крошек гостии, мы их не сжигаем, а благоговейно складываем в драгоценный ларец и раздаем верующим на следующий день во время богослужения. В ваших же греческих церквах частицы священного тела господня выбрасывают с мусором ваших ризниц».

Слыханное ли дело, божественный хлебец, символизирующий тело и душу Христа, бросают в мусор, священную гостию разделывают как обыкновенную пулярку, на четыре части: два бедра, два крыла... простите, пожалуйста,— две

руки сына Марии! Мало того что несчастного распяли, его еще режут, мнут, крошат, чтобы потом искромсанные части тела бросить на свалку! И голодный пес, роясь в отбросах, не ведая, что творит, проглотит святое сердце Христа.

Как ужасно быть богом — есть от чего содрогнуться!

С другой стороны, если римская церковь поступает более благочестиво, сохраняя хлебные крошки в драгоценном ларце, вряд ли такая процедура приходится верующим по вкусу: ведь они вынуждены есть вчерашние остатки! Подумайте только, какое чувство гордости охватывает каждого верующего, когда он, тщательно очистив свою совесть, стоит, преклонив колени, собираясь проглотить гостию, воображая тем самым, что бог обитает в его внутренностях; колени ноют, а он, закатив глаза, умиленный, как и подобает в таких случаях, высунул трепещущий язык в ожидании чего-то вкусного и мысленно произносит при виде приближающегося священника: «Наконец! После устриц, ничего я так не люблю, как бодрящую кровь моего бога... сейчас меня попотчуют ею...» И взамен получает черствые остатки!

Нет, это уж слишком, это совсем не смешно!

Гумберт, продолжая свою параллель между римской и греческой церковью, выражался так:

«Что касается нас, то, следуя обычаям иерусалимской церкви, мы кладем на алтарь тонкие, чистые и цельные гостии. После освящения мы преломляем их руками и даем народу. Затем мы подносим к устам чашу с вином как символ крови Христа и вкушаем его с наслаждением».

С наслаждением!.. Каков сластена!

Вместе с другими обычаями греческого культа, которые рассматриваются святым престолом как еретические, Гумберт порицает восточную церковь за то, что она запрещает носить кальсоны монахам и монахиням.

Слов нет, запрещение нелепое! И непонятное... Впрочем, возможно, что отсутствие этой части туалета позволяет, что называется... раздеться в мгновение ока. Трогательная заботливость о людях, которые торопятся забраться в постель!

Мы не касаемся длинного и ожесточенного спора по поводу обедни и других малоинтересных вещей. Любопытен только последний пункт в этом списке, приводимый римским легатом: Гумберт обвиняет греческих патриархов в том, что они приносят на алтарь овощи и жареное мясо, чтобы вкушать их одновременно с телом Иисуса Христа!

Не так уж это глупо, с нашей точки зрения! Ломтик хлеба сам по себе не бог весть как вкусен. Если прибавить к нему парочку котлет, несколько картофелин, десерт, запивая еду исподтишка хорошим вином,— таким завтраком можно отлично полакомиться во время обедни. И даже церковное вино покажется вкусней и приятней!

В конце концов головоломные дискуссии закончились обоюдной анафемой. Гумберт отлучил от церкви константинопольского патриарха, а последний в свою очередь отлучил римского легата. Обе стороны наговорили друг другу много обидных слов: легат и патриарх обзывали друг друга послом сатаны, узурпатором, нечестивцем, преступником, каторжником, варваром и другими благозвучными эпитетами.

В течение двух веков, с короткими интервалами, восточная и западная церкви пребывали в состоянии войны друг с другом. В результате яростных дебатов разрыв между двумя конкурирующими лавчонками стал полным и окончательным.

Дьявол у обедни

■ Если на пороге XX века, когда наука шаг за шагом опрокидывает дряхлые религиозные суеверия, церковь еще осмеливается спекулировать на легковерии идиотов, если она дерзает публично утверждать, что женщина, жившая якобы восемнадцать столетий назад, явилась к пиренейским пастушкам и объявила себя богородицей, и все эти нелепости не вызвали во Франции гомерического хохота, то можно ли удивляться тому, что в века невежества самые нелепые, сверхъестественные легенды пользовались полным доверием?

Вот рассказ, взятый нами у историка Мэмбура, иезуита, жившего в конце XVII века.

Некий Гильдебранд был послан к Генриху III с просьбой утвердить преемником Льва IX епископа Гедегарда, которого римляне единодушно решили посадить на святейший престол.

Испытывая нежные чувства к этому епископу, император, состоявший с ним в родстве, боялся, что тиара превратит епископа, как это часто бывало, в отъявленного негодяя. Он словно предвидел, что, оказавшись на престоле, Гедегард изменит отношение к императору и превратится в его врага.

Гильдебранд упорно настаивал, император долго колебался, но в конце концов уступил.

Новый первосвященник был провозглашен папой 16 апреля 1055 года под именем Виктора II.

«Через некоторое время,— говорит Мэмбур,— один диакон из собора святого Петра, находившийся в преступной связи со своей сестрой и подвергшийся за это каре, решил отомстить папе: он подмешал в чашу святого причастия большую дозу яда, рассчитывая, что папа будет сам служить торжественную обедню».

Прежде чем продолжить рассказ, остановимся на следующем моменте. Итак, Виктор II покарал диакона за те самые проступки, которые совершались чуть ли не ежедневно более высокими чинами уважаемого клира! И потому охваченный страстью диакон решил в ярости угостить достопочтенного первосвященника крысиным ядом. Явление весьма обычное для нравов духовенства.

Но почему сам Христос не покарал диакона? И почему господь бог разрешил диакону подмешать яд к собственной крови?..

Благочестивый историк, повествуя о преступлении своего героя, не задумался над этим вопросом.

В тот самый момент, когда Виктор II, закончив торжественную молитву, протянул руку за чашей со святым причастием, ему показалось, что чаша словно прилипла к престолу; он вновь попытался поднять ее, но чаша не сдвинулась с места... И тогда святой отец понял, что имеет дело с чудом.

Когда происходит чудо, нельзя скупиться на поклоны. Это плод наших собственных размышлений, а не историка Мэмбура. Возьмем, к примеру, маленькую пастушку из Лурда: как только перед ней предстала пречистая дева, взволнованная беседой со святым духом, и заявила: «Я — непорочное зачатие!» — пастушка сразу бросилась ей в ноги и замерла на месте!

Когда имеешь дело с чудом, всегда надо падать ниц, закрыв глаза, не то чудо может улетучиться.

Виктор II согласно обычаям стукнулся об пол, распростершись перед алтарем (Мэмбур описывал это происшествие в иных выражениях, мы слегка изменяем его стиль, не трогая фабулы). Святой отец обратился к богу с пылкой молитвой — открыть ему тайну, отчего он не смог поднять чашу перед народом и тем самым лишен был возможности

совершить обряд причастия. Святой отец усматривал в этом явлении выходку злого духа и уж никак не дружескую услугу.

«Не успел папа громким голосом произнести первые слова молитвы, как отравитель, стоявший на коленях возле папы, был схвачен дьяволом и опрокинут на спину».

Дьякон — на спине, святой отец — на животе, зарывшись носом в пол... Восхитительная сценка!

Преступник покаялся в своем преступлении. Виктор II, счастливый из-за того, что чудом избежал смерти, был охвачен состраданием к одержимому бесом (радость делает людей снисходительными); он предложил всем верующим вознести благодарственную молитву богу и молиться вместе с ним об изгнании духа тьмы.

«...Когда сатана исчез, святой отец легко поднял чашу и запер ее в ризнице».

Зачем, черт побери, ему захотелось сохранить вино, то бишь отравленную кровь Христа? Чтобы присоединить сию чашу, как утверждает Мэмбур, к реликвиям католической церкви.

Что ж, это утверждение так же вразумительно, как и сам анекдот. Однако клирики чаще всего иначе обходились с прохладительным напитком подобного рода. Если бы Виктор II припрятал чашу, чтобы в конце концов попотчевать напитком одного из своих друзей, он бы остался верен традициям церкви и духу своей курии.

Судьи и подсудимые

■ Во время понтификата Виктора II во Франции неоднократно созывались соборы, на которых действительно пытались навести порядок среди духовенства.

Клирики продолжали вести разгульную жизнь, соперничая друг с другом в лихоимстве, обирая всеми способами наивный народ, не понимавший, что религия — это коммерция, более безнравственная, чем любая другая.

Церковь уже не довольствовалась тем, что изнуряла налогами и морила голодом простой народ, она стремилась распространить свою власть на феодалов. Управление страной

напоминало пирамиду, на вершине которой царствовал клир, в центре — знать, а внизу находился трудовой люд, изнывавший под игом своих поработителей.

На соборах прелаты, провозглашавшие себя судьями, частенько бывали виновны в тех же прегрешениях, в которых обвиняли своих подсудимых, и часто даже в гораздо большей степени. Естественно, что подсудимый никак не мог понять, почему ему надо считаться с их приговором.

В Тулузе епископы Арльский, Эскский и Нарбоннский созвали собор на правах папских легатов, после того как Беранжер — герцог Нарбонна — принес жалобу на своего архиепископа Жоффруа. В свое время Жоффруа получил епископат в Нарбонне при помощи Беранжера, поклявшись, что ни герцог, ни его приверженцы, ни епископат не пострадают от его управления.

Разумеется, Жоффруа очень скоро нарушил клятву; он начал продавать церковное имущество и земельные участки каноников, одаривая своих наложниц и наложников. Он тратил огромные суммы денег на постройки крепостей и в конце концов обрек тысячу людей на смерть, объявив кровавую войну герцогу Беранжеру.

Кроме того, он купил своему брату Вильгельму за сто тысяч экю золотом кафедру, уплатив эту сумму крестами, чашами, драгоценными реликвиями, золотыми и серебряными сосудами, которые он продавал ростовщикам.

Герцог Беранжер попросил легатов уговорить папу, чтобы он покарал архиепископа. Но церковники, подобно волкам, не пожирают друг друга без особой нужды. Жоффруа, который присутствовал на суде, был признан невиновным. Легаты быстро договорились друг с другом. Беранжеру отказали в иске, и вскоре он был вынужден набирать новые войска против архиепископа.

Кому платить за разбитые горшки? Разумеется, народу! Всегда народу, и только народу.

Чего стоит наилучший папа?

■ Чего стоит наилучший папа? Можно, не задумываясь, ответить: ничего он не стоит — грош ему цена.

Виктор II прославился в истории католической церкви

как наилучший из всех пап. Церковные летописцы воспевали его мудрость, добродетель, справедливость.

Насколько он был справедливым, видно из следующего эпизода.

Духовенство и земельные магнаты разоряли французские провинции (архиепископ Жоффруа из Нарбонна, о котором мы рассказывали, имел немало подражателей): набеги и войны не прекращались. Приносить жалобу римскому двору было бессмысленно — выигрывал тот, чьи покровители оказывались сильнее.

Во время понтификата Виктора II самые ожесточенные баталии происходили вокруг Монте-Кассинского аббатства, знаменитого своими обширнейшими землями, движимым и недвижимым имуществом.

После смерти аббата Ришара монахи выбрали настоятелем монастыря благородного старца Петра, посвятившего всю жизнь изучению священного писания.

Больших благ человечеству труды его не принесли — с тем же успехом он мог играть в бирюльки; но уж, во всяком случае, покуда этот чистый сердцем человек корпел над евангелием, он никому не причинял зла; к тому же гораздо благороднее заниматься всяким вздором, чем содержать публичные дома или предаваться содомии, или заниматься стяжательством.

Решительно, аббат Петр был человеком честным; однако его кандидатура не понравилась клиру, главным образом потому, что его избрание не принесло никаких выгод. Если бы избиратели выказали свою щедрость и внесли соответствующую сумму в казну святого Петра, дело можно было бы еще исправить, и нашелся бы способ примириться со святым отцом! Монахи пренебрегли этой важной формальностью, и несчастный Петр поплатился жизнью за проявленную ими не то скупость, не то забывчивость.

Разгневанный Виктор II отправил в Монте-Кассино кардинала Гумберта с предписанием аннулировать избрание нового аббата. Чтобы заставить строптивых монахов уважать волю папы, кардинал ввел в Монте-Кассинский монастырь целый отряд солдат, силой захватил почтенного Петра и отправил его в Рим.

Святой отец заточил почтенного старца в подземелье Латеранского дворца, где он и умер от голода.

Вот этого Виктора II летопись считает одним из лучших пап!

Совершив упомянутый подвиг, Виктор II направил стопы в Германию, к смертному одру своего родственника Генриха III. Перед смертью короля епископы и сановники Германии присягнули на верность пятилетнему сыну Генриха, а королеву Агнессу провозгласили регентшей.

Виктор вскоре вернулся в Италию. Прибыв в Тоскану, он почувствовал себя плохо и скоропостижно скончался 28 июля 1052 года.

Загадочный характер его внезапной кончины позволяет предположить, хотя летопись об этом умалчивает, что Виктор II пал жертвой такого же покушения, от которого он чудом спасся в начале своего понтификата. Добрый боженька на этот раз был занят в другом месте, а может, у него просто не было охоты заниматься чудесами.

* *
*

Стефан X, сменивший Виктора II, как и его предшественник, пытался завладеть сокровищами Монте-Кассинского аббатства. С этой целью он отправил Дидье, настоятеля монастыря, в Константинополь с миссией, заведомо обреченной на провал. Он надеялся, что в отсутствие аббата ему легче будет расправиться с монахами. Однако после того, как монахи выполнили его строжайший приказ и привезли свое сказочное состояние, Стефан X внезапно отступил от своего решения, потребовав, чтобы монахи убирались восвояси вместе со своим кладом. Летописец объясняет неожиданный поступок Стефана X «божественным внушением», ниспосланным ему. Но тут же добавляет, что речь исступленного монаха, вручившего святому отцу сокровища монастыря, была исполнена угроз.

Вскоре после этого Стефан X отправился в Тоскану обсудить с братом, как вести дальнейшую борьбу против императора, явно пытавшегося оспаривать у папы свое влияние на христианский мир. Прибыв во Флоренцию 29 марта 1058 года, Стефан X скоропостижно скончался.

Трудный выбор

■ В ту же ночь, когда Рим узнал о внезапной кончине Стефана X, старейшины города избрали первосвященником Джованни Минчио, епископа из Веллетри. Надо отметить, что еще перед своим отъездом Стефан X заставил кардиналов и наиболее влиятельных представителей духовенства присягнуть, что в случае его смерти они не изберут преемника до возвращения Гильдебранда, посланного им в Германию.

Петр Дамиани, желая соблюсти клятву, данную Стефану X, попытался противиться провозглашению нового папы, но потерпел крах, и ему пришлось бежать, спасаясь от преследований солдат графов Тосканелли, которые грозили смертью всем противникам нового святого отца.

Какого-то архиепископа силой привели в собор и там чуть ли не под клинком кинжала заставили возложить священную тиару на голову Минчио, принявшего имя Бенедикта X.

К тому времени вернулся Гильдебранд. Узнав об избрании Бенедикта, он обрушился на духовенство и римских нотаблей, упрекая их в слабохарактерности, позволившей графам Тосканелли навязать им папу против воли. Гильдебранд настоятельно требовал изгнать Бенедикта и назначить новые выборы.

Среди прелатов произошел раскол: императорские сторонники приняли сторону Гильдебранда, ставленники феодалов поддерживали Бенедикта X. Партия Гильдебранда избрала другого папу, который был возведен на престол под именем Николая II. Таким образом, еще раз у власти оказались одновременно два первосвященника.

Первый был невежда и отличался неслыханной тупостью. Он не умел даже читать! Что касается второго, то он был честолюбив, алчен и лицемерен до крайности.

Трудно определить, чей же ставленник лучше. Бенедикт X корчил из себя вельможу и в то же самое время вставал в тупик при решении любого вопроса, унижая тем самым апостольский трон; чувствуя себя бессильным продолжать борьбу, несчастный кретин предпочел уступить место своему конкуренту.

В 1059 году Николай II вместе с Гильдебрандом издал декрет, на основании которого только высшие чины церкви, составляющие особую коллегию — конклав, получали право избирать первосвященника. Императору (германские короли в то время назывались императорами Священной Римской империи) предоставлялось лишь право отвода лиц, неугодных ему. Этот декрет наносил удар не только по правам феодалов, но и по императорской власти.

Николай II мало чем отличался от своих предшественников. Он лихо торговал всякими должностями, грамотами и титулами. Кроме того, этот продувной плут оказался и весьма жестоким.

Некий Беранжер, субдиакон в Сан-Морице, разошелся с римской церковью в вопросах таинства святого причастия. Святой отец, собираясь якобы его пожурить, очень милостиво пригласил его в Рим; когда Беранжер оказался во власти первосвященника, его безо всякого суда или допроса заперли в тюрьму и не выпускали из нее до тех пор, пока он под угрозами не отказался от своих ошибок.

Во всем остальном история понтификата Николая II не представляет особого интереса. Любопытна лишь одна небольшая деталь: как уверяют летописцы, Николай II не пропускал дня, чтобы не омыть ноги двенадцати нищим. Если эта деталь действительно верна, то она служит лишь иллюстрацией его лицемерия. Не лучше ли было просто накормить несчастных, чем глупейшей церемонией пародировать легенду о Христе?

Папа Николай II умер во Флоренции в июле 1061 года.

Фанатизм

Коснемся мимоходом одного случая фанатизма, который ярко рисует падение человеческого разума под влиянием мистических нелепостей, узаконенных церковными догмами.

Во время понтификата Александра II, вступившего на папский престол после Николая, в Лучеольском монастыре, в Умбрии, жил отшельник святой Доминик, прозванный кольчугоносцем, ибо он вместо вериг носил железную кольчугу. В монастыре жило восемнадцать человек, пили они только

воду, совершенно отказались от мяса и масла, вареные овощи позволяли себе лишь по воскресеньям; в остальные дни ели один хлеб, да и то в очень малом количестве. Кроме того, они обрекли себя на полное молчание, и лишь по воскресеньям, между вечерней и всенощной, по ходу службы обменивались несколькими словами.

Святой Доминик считал этот режим недостаточно строгим и увеличил свои постные дни, подвергая себя жесточайшим мучениям. Зимой он спал перед дверью кельи в одной рубахе, связанной из железной проволоки, укрываясь панцирем; он терзал себе лицо и все тело колючими шипами. Как-то раз, представ с окровавленным лицом перед аббатом, он бросился к его ногам с воплем:

— Отец мой, я согрешил тяжко, наложи на меня суровую эпитимию.

Этот святой юродивый вместе с хлебом позволил себе съесть несколько листьев!

Доминик молился, сложив руки в виде креста, прочитывал двенадцать псалмов по восемьдесят раз, прибавляя к ним гимны и литании.

Отличное упражнение!

За несколько лет до смерти, убедившись, что ремни из кожи жестче, чем прутья, он принялся истязать себя ими. В конце концов кожа стала черной, как у негра, от рубцов. Под кольчугой он носил также восемь железных обручей, впивавшихся в его тело.

Утверждают, что этот помешанный прожил очень долго. Уж не оттого ли, что он соблюдал «железный режим»? Вместо того чтобы поглощать белок, лимонную кислоту или другие приправы, он постепенно вгонял в свой организм железную нитку, кольцо из того же металла. Возможно, такая процедура и полезна, но мы не осмеливаемся предлагать ее нашему читателю.

Среди «отцов пустыни» многие отшельники приобрели исключительную репутацию святости отчасти благодаря тем неслыханным мучениям, которым они себя подвергали, отчасти благодаря чудесам, приписываемым им. От тяжких истязаний страдал также и их разум, и потому не удивительно, что у этих людей были видения, галлюцинации, принимаемые ими за действительность. Это способствовало еще большему помешательству и без того расстроенного рассудка.

■ Обычно избрание каждого нового папы происходило с согласия германского императора. Несмотря на то что римлянам не раз уж приходилось горько расплачиваться за непослушание королям Священной Римской империи, они после смерти Николая II попытались провести независимые выборы. Монах Гильдебранд, с которым мы уже познакомили читателя, решил, что юный возраст короля Генриха позволяет римскому двору самостоятельно выбрать папу. Большинство кардиналов и епископов поддержало Гильдебранда, но графы Тосканелли и другие знатные феодалы, чьи интересы шли вразрез с интересами духовенства, выступили на сей раз в роли защитников императорского престижа, а так как они имели веский аргумент — сильную армию, то Гильдебранд не посмел им противиться!

Впрочем, он попытался использовать декрет Николая II, согласно которому первосвященники должны были избираться из высших чинов римской церкви; только в том случае, если в Риме не окажется ни одного клирика, достойного стать наместником Христа на земле, позволялось избирать иностранного священника, указанного императором. Гильдебранд отправил в Германию нескольких послов к императрице Агнессе, матери короля Генриха и регентше империи, с просьбой разрешить созыв конклава для избрания папы на основании декрета Николая II.

Через три месяца делегаты вернулись, не добившись аудиенции у Агнессы. Тогда Гильдебранд решил действовать на свой страх и риск: он призвал в Рим норманские отряды, затем созвал кардиналов и преданных ему вельмож и предложил им возвести на престол Ансельмо, епископа Луккского. Ансельмо провозгласили папой под именем Александра II.

Бессильная помешать этому избранию, феодальная партия во главе с Тосканелли, в свою очередь, отправила послов к императрице. Хлопоты увенчались успехом: был созван собор, низложивший Александра и провозгласивший папой пармского прелата Кадала Палавиана под именем Гонория II.

Лучшего кандидата нельзя было и придумать: Кадал Палавиан славился огромным штатом наложниц; мужья всех красивых женщин в его округе удостаивались чести носить

почетное звание рогоносцев. Кроме того, Кадал Палавиан имел весьма своеобразное представление о собственности: церковные деньги, проходившие через его руки, чаще всего не доходили до места назначения и попадали в альковы его бесчисленных любовниц. Бедные священники тщетно ожидали жалованья! Правда, большинство епископов одновременно служило и Венере, и Христу. Говоря проще, они содержали публичные дома и так ревностно заботились о своих клиентах, что дела их процветали. Но даже такое прибыльное совместительство не покрывало фантастических расходов самого Кадала Палавиана.

Как видим, Кадал обладал всеми необходимыми качествами для первосвященника!

Тотчас после избрания Кадал, он же Гонорий II, собрав значительную армию, двинулся на Рим, заблаговременно подкупив сторонников Александра II. Поняв, что его предали, Александр поспешил покинуть Латеранский дворец и, надеясь заручиться поддержкой герцога Готфрида, бежал в Тоскану. Соблазнившись императорской короной, Готфрид начал собирать солдат, чтобы ринуться в бой против Гонория.

К тому времени Дидье, монте-кассинский аббат, тоже сторонник Александра, пустив в ход золото и дары, склонил римлян восстать против Гонория. Но наемные отряды, состоявшие из недисциплинированных и к тому же не очень храбрых воинов, повернули назад, не выдержав первой атаки. Гонорий отдал приказ беспощадно истреблять отступавших и в священной ярости сам фехтовал более неистово, чем того требовали обстоятельства, ибо расстроенные ряды солдат уже не представляли никакой опасности.

Однако военное счастье переменчиво. В тот момент, когда победа Гонория казалась уже несомненной, герцог Готфрид напал на его банды и вдребезги разбил их; папа, охмелевший от резни, даже не заметил приближения своего противника.

Гонорий II был взят в плен, но его сторонники подкупили сторожививших его офицеров, и он оказался на свободе. Вернувшись в Парму, Гонорий продолжал, несмотря на свое поражение, выступать в роли папы. Пользуясь всеми привилегиями, он торговал должностями, набивая свои карманы. Будь Гонорий поскромнее, он бы жил припеваючи, но его честолюбивые замыслы не позволяли мириться с положением полупапы. После второй попытки захватить тиару этот властолюбец закончил свое земное существование.

Альдобрандини, или неопалимый монах

■ В начале понтификата Александра II Флоренция, охваченная церковными раздорами, превратилась в поле сражения. Епископ Петр Павийский и аббат Иоанн Гвальберт — новый настоятель обители Валломброзе — вступили друг с другом в открытую борьбу.

Гвальберт публично обвинял Петра в симонии и отвергал его право на богослужение и назначение священников. Пылкий оратор, Гвальберт своим красноречием увлек и без того фанатичный народ, в результате чего между приверженцами двух противоположных лагерей возникли кровавые уличные побоища.

Епископ Петр решил обуздать строптивых монахов и дерзкого оратора. Понимая, что никакие словесные доводы ни к чему не приведут (Петр отлично знал нравы своих собратьев!), он во главе вооруженного отряда напал на монастырь Валломброзе и захватил наиболее рьяных сторонников аббата, приказав всем раздеться донага. Того, кто медлил выполнить приказ, раздели силком. Когда «избранники» предстали перед епископом в одежде прародителя Адама, он распорядился бичевать их по мягким частям тела (по тем, которыми заботливая природа одарила человека, дабы он имел возможность сидеть).

Сомневаюсь, чтобы во время экзекуции монахи распевали «Аллилуйя»! Урок был суров и полезен. Гвальберт и его монахи прекратили публичные выступления против епископа и даже не осмеливались выходить за ограду монастыря. Однако в глубине души они не могли забыть полученных ударов и мечтали о мести.

(Вопреки завету Христа, священники никогда не подставляют второй щеки; напротив, у них всегда нож за пазухой — разумеется, если это не сопряжено с риском.)

Монахи тайком послали своих представителей к папе с просьбой созвать собор, который бы осудил Петра Павийского за симонию, прелюбодеяния и убийства. А для доказательства справедливости своих обвинений они предложили учинить суд божий, то есть испытание огнем.

Папа не выразил никакого восторга по этому поводу: фокусника обычно не трогает трюк, тайны которого ему

известны. К тому же Александр II, очевидно, счел невыгодным для себя подрывать авторитет епископа, да и монахи не пользовались особой популярностью в городе. И потому, отказавшись созвать собор, он послал монахам предписание, обязывающее их под угрозой анафемы сидеть в своих кельях, не выходить ни в город, ни в замки, даже если они будут приглашены кем-либо из жителей. Затем папа срочно отправил Петра Дамиани во Флоренцию, поручив ему успокоить взволнованное этим указом население. Однако ни мудрость Петра Дамиани, ни его просьбы и увещевания ни к чему не привели. Иоанн Гвальберт явился во главе своих монахов в убежище Дамиани, подверг его всяческим оскорблениям и призывал народ с оружием в руках прогнать епископа и папского легата.

Дело могло принять трагический оборот, если бы не вмешательство герцога Готфрида. Он пригрозил монахам, что повесит их на деревьях у монастырской ограды, если они посмеют впредь показаться на людях.

Угроза несколько утихомирила воинствующих монахов. Однако население не успокоилось. На следующий день толпа явилась к Иоанну Гвальберту с просьбой устроить тот суд божий, который он в свое время предложил папе.

Жаль, что к подобному суду не прибегают в наши дни. Действительно, чем предавать суду провинившихся церковников, не лучше ли сажать их на часок-другой в приличный костер! Выйдет обвиняемый невредимым,— значит, невиновен, а если, напротив, обуглится, как обыкновенный кусок мяса (по вине рассеянного повара), следовательно, таков приговор всемогущего и суду нечего заниматься им. Подобное судопроизводство вполне соответствует учению церкви о всеведении господа, без воли которого ни один волос не падает с головы верующего.

Могу себе представить, как завопили бы клерикалы, отнесись кто-либо всерьез к этакому проекту!

Монахи Валломброзе (вера которых мало чем отличалась от веры наших современных церковников) согласились, как гласит предание, подвергнуть себя испытанию, которого ждал народ.

Они устроили это невероятное зрелище в среду на первой неделе поста, в 1063 году.

Поначалу вся монастырская братия объявила о своем желании взойти на костер, но когда час пробил, монахи предпочли, чтобы этот пиротехнический опыт был проделан

только с одним из них. Монах, избранный в качестве представителя монастырской общины на суде божьем, именовался Петром Альдобрандини.

В назначенный день сложили два огромных костра, из которых каждый имел тридцать шагов в длину и десять в вышину. Между этими кострами оставили узенькую тропинку, не больше трех шагов в ширину, усыпанную мелким и очень сухим хворостом.

После торжественного крестного хода и обедни монахи выстроились в два ряда, у каждого в руках была свеча, а на груди висел крест. Что и говорить, спектаклем руководил опытный постановщик!

Распевая гимны, монахи окружили костры и стали их разжигать. Через некоторое время жара стала столь невыносима, что монахам пришлось отойти. И тогда взволнованная толпа увидела, как Петр Альдобрандини двинулся к пылающим кострам; он снял с себя клобук, в котором служил обедню, и торжественными шагами приблизился к тропинке. В одной руке он держал распятие, в другой — платок, которым вытирал пот со лба.

Можно, конечно, спросить: почему огонь, который не касался Альдобрандини, вызывал у него испарину?.. Несомненно, такова была божеская прихоть — не будем разбираться в этих психологических тонкостях...

Альдобрандини шагал по тропинке, разделявшей два пылающих костра, по колено усыпанной горящими углями, затем остановился и осенил себя крестным знамением. В торжественной тишине (черт возьми, зрелище достаточно интересное, чтобы публика замерла. Никто бы из нас не отказался взглянуть на священника или монаха, разгуливающего по горящим углям)... итак, в торжественной тишине раздался голос монаха. Обращаясь к толпе, он потребовал от граждан, клириков и нотаблей поклясться, что они отрекутся от епископа Петра, если Альдобрандини выйдет невредимым из этого ужасного испытания.

Все, разумеется, поклялись. Тогда Альдобрандини запел церковный гимн, умоляя бога сохранить его невредимым. Дальше — точная выдержка из кардинала Барония:

«Все увидели, как он с обнаженными ногами величественно передвигался среди гигантских языков пламени, между которыми он шел так же спокойно, как если бы шел по аллее, обсаженной розовыми кустами, освежающими своей тенью воздух, накаленный солнечными лучами. Трепещущее пламя,

повинуясь какой-то чудесной силе, окутывало его, освещая лучезарным светом, более ослепительным, чем снег на солнце. Языки пламени, не оставляя никакого следа, лизали края его одежды, касаясь волос на голове и бороде». «Присутствующие заметили,— продолжает благочестивый историк,— что в тот момент, когда Альдобрандини вошел в пламя, огонь костров потерял свой жар и сохранил только свет, озарявший торжество святого монаха».

И еще одна не менее забавная деталь, которую подчеркивает Бароний: «Когда Альдобрандини дошел до конца костров, он заметил, что потерял свой платок посреди тропинки. Он спокойно вернулся, подобрал платок и, лучезарный, вышел из огня».

Почему «лучезарный», кардинал Бароний? Потому ли, что удалось испытание, или потому, что потеря платка была бы непоправимой?..

Кардинал Бароний не дает потомкам точных сведений на этот счет — он подробно описывает сцену народного энтузиазма, последовавшую за представлением, которое дал неопалимый монах. Мы не будем цитировать дифирамбов Барония и укажем только, что аббат из Валломброзе не замедлил послать папе донесение о чуде, требуя назначения нового епископа вместо того, которого суд божий изобличил в ереси и прелюбодеянии.

Жонглеры всевышнего

■ Посылая папе донесение о состоявшейся церемонии, Иоанн Гвальберт не сомневался, что дело против епископа Петра выиграно. Но, по-видимому, Александру II была хорошо известна тайна прохождения сквозь полыхающий костер, ибо он не выразил ни малейших признаков умиления по этому поводу. Однако, будучи по натуре лукавым дипломатом, он, с одной стороны, не хотел портить ни с кем дружеских отношений, с другой стороны, естественно, не желал оспаривать совершившееся «чудо», дабы не дискредитировать религию в глазах верующих. И он нашел выход из положения, послав монахам Валломброзе ответ такого рода:

«Я поздравляю вас с тем, что в вашем монастыре имеется монах, который своей святостью удостоился столь несомнен-

ного и очевидного покровительства бога. После такого доказательства я, не колеблясь, низложил бы епископа Флорентийского, не предложи он мне подвергнуть себя такому же испытанию огнем, и на том же месте, что и святой Альдобрандини. Я не дал согласия на новое испытание из страха, что господь, совершив второе чудо, тем самым лишит ваш монастырь приобретенной им славы. Епископ Петр в течение нескольких месяцев будет пребывать вне Флоренции; я не вправе лишить его епископата, отказав ему в разрешении подвергнуть себя суду божию. И потому убеждаю вас, в интересах вашей общины, успокоить народ и приготовиться к достойной встрече вашего прелата, когда он вернется».

Разве не является это послание, которое мы лишь несколько сократили, не исказив его смысла, шедевром отъявленного вероломства... смягчим слово — дипломатии?..

Опасаясь, что второе испытание раскроет их плутовство, монахи больше не настаивали; они поспешили оповестить верующих, что епископ Петр покаялся и что Иисус Христос, вняв молитвам Альдобрандини, простил его.

Что касается Альдобрандини, то его вскоре стали именовать Петром Игнацием, или Петром Неопалимым. До того как произошло «чудо», он выполнял функции монастырского пастуха. Добродушный рогатый скот, вероятно, отдавал ему должное в те времена... Разумеется, его вскоре назначили аббатом одной обители, а немного позднее удостоили должности кардинала епископа Албанского.

Однако же как изменились времена! Как часто мы видим теперь на подмостках человека, разгуливающего по раскаленному железу с горящими углями в руках. За это зрелище платят двадцать су, и никто особенно не приходит в восторг. Никто не вопит о чуде, никто не собирается выносить фокусника с триумфом на руках. А ведь в давние времена церковь вознесла бы его на такую высоту!

Века беспросветного невежества, золотой век духовенства, вы миновали навсегда!

„In vino veritas!“ [1]

■ Случилось так, что глава именитого дома попал в крайне неприятное положение (мы этим вовсе не хотим сказать, что в подобной ситуации не мог очутиться и простой смертный). Событие это разыгралось в период понтификата Александра II, и надо отметить, что достопочтенный первосвященник, будучи ловким дипломатом, не преминул воспользоваться благоприятным случаем, чтобы распространить папское влияние на светские дела западноевропейских государств.

Императора Генриха уже давно мучили смутные подозрения в отношении его супруги. А в один прекрасный день он убедился, что рогат...

Мольер произнес это слово, и мы позволим себе повторить его.

Поначалу император страдал молча, в надежде, что супруга его Берта, удовлетворив свой каприз, снова станет ему верной женой. Однако за первой вспышкой последовало множество других. По-видимому, благородная дама вошла во вкус и категорически не желала лишать себя тех удовольствий, которые доставляли ей маленькие любовные утехи. В конце концов дело дошло до открытого скандала. Любовные шашни императрицы стали притчей во языцех, и вскоре несчастный муж оказался не в состоянии найти ни одного человека среди придворных, который, говоря об императрице, не назвал бы ее «нашей крошкой». Естественно, это было очень неприятно!

Не желая быть посмешищем, оскорбленный Генрих принял решение расстаться с легкомысленной императрицей. Он уведомил архиепископа Майнцского о своем намерении. Последний одобрил решение императора и обратился к папе с просьбой утвердить развод.

Представитель папы в Германии Петр Дамиани, вместо того чтобы дать императору согласие на развод, от имени папы запретил расторгать брак с неверной женой и даже низложил архиепископа, поторопившегося дать согласие, ибо

[1] Истина в вине! *(лат.)*

«разрешение на развод должно исходить только от самого папы».

На соборе, созванном во Франкфурте, Петр Дамиани произнес от имени Александра II следующую речь:

«Ваше поведение, сеньор, по отношению к вашей целомудренной супруге Берте недостойно не только верховного властителя, но и христианина. Человеческие и церковные законы осуждают вас! Берегитесь нарушить их! Рим имеет в своем распоряжении оружие, которое лишит вас императорской власти. Я приказываю вам подчиниться высшим велениям первосвященника, в противном случае вы заставите нас употребить против вас церковные каноны во всей их строгости и отнять у вас императорскую корону, которой вы уже оказались недостойны, поправ религию...»

В ответ на эту речь, которую восторженно приветствовали епископы, бедняга император смиренно заявил: «Я претерплю свой позор и покорюсь велению святого отца в назидание моим народам!»

Факт весьма поучительный! Церковь возводит даже прелюбодеяние в степень национального института! Христиане, обманутые женами! Несите смиренно ваше звание рогоносцев во имя спасителя: так приказывает папа, наместник Христа!

Разве этот инцидент не говорит о том, что Александр II весьма удачно плел свои интриги как против вельможной знати, так и против короля Генриха?

Разумеется, униженный Генрих своим поведением доказал, как мало он разбирался в делах и традициях римской курии. Он мог найти для себя выход более благоприятный, чем терпеть похождения своей ветреной супруги Берты, и избежать глумления со стороны папы. Ему следовало бы призвать к себе Петра Дамиани и сказать ему: «Завтра, когда вы явитесь во дворец, мой казначей отсчитает вам некую сумму золотом, которую вы с моей превеликой благодарностью передадите его преосвященству».

И весь вопрос разрешился бы к всеобщему удовольствию.

Епископ Герман Бамбергский, отлученный папой за продажу должностей, кровосмесительство, оказался более догадливым и ловким. Он продолжал исполнять функции епископа, несмотря на папскую анафему. Александр, уведомленный об этом акте открытого неповиновения и мятежа, отправил епископам Анону и Зигфриду распоряжение явиться

в Рим со строптивым Германом, чтобы вторично предать виновного анафеме в присутствии всего собора. Прелаты повиновались. Но предусмотрительный Герман Бамбергский захватил с собой в Рим сумму, соответствующую его светлейшему достоинству. Александр сразу сменил гнев на милость и не только восстановил его в звании, но и удостоил всех привилегий, связанных с кафедрой архиепископа.

Немецкий монах Ламперт Герсфельдский, автор хроник, относящихся к XI веку (кстати, на редкость беспристрастных), рассказывает об этой истории следующее: «Святой отец пригласил трех прелатов — Германа, Анона и Зигфрида — на торжественный пир. К концу пиршества, когда винные пары расположили папу к откровенности, он признался, что симония вовсе не является в его глазах столь великим преступлением; он низлагает клириков, обличенных в симонии и прелюбодеянии, лишь для того, чтобы продать им отпущение грехов. При этом папа подчеркнул, что с уважением относится к церковникам, которые, став священниками, не превратились в камень и, не отказываясь от любовных утех, умеют приумножить свои богатства».

Справедливость изречения «In vino veritas!» редко когда получала более наглядное подтверждение.

Григорий VII

■ Перед тем как вступить на престол, Григорий назывался Гильдебрандом. Этот знакомый уже читателю монах, по существу, был папою задолго до того, как получил папское звание, ибо фактически управлял церковью в течение двадцати пяти лет. Это он поддерживал избрание Григория IV, купившего престол (рассчитывая использовать последнего для проведения своих реформ), а впоследствии выступал за его низложение. Это благодаря его влиянию и интригам Николай II получил тиару; это он заставил кардиналов избрать Александра II без санкции императора. Это ему Петр Дамиани написал: «Я уважаю папу, но тебе я поклоняюсь, простершись ниц: ты делаешь его господином, а он тебя богом». И далее, жалуясь на его безграничный деспотизм и огромное

честолюбие, он называет его «святым сатаной». Позднейшие историки именовали Григория VII еще и «адской головешкой».

После смерти Александра II Гильдебранд решил, что наконец пришла пора взять в свои руки ту власть, которой он уже много лет распоряжался от имени других.

Когда в день похорон Александра церковные сановники собрались в базилике святого Петра, чтобы обсудить двух кандидатов на папский престол — Дидье, монте-кассинского аббата, и кардинала Иеронима,— на улице раздались настойчивые возгласы: «Да будет Гильдебранд нашим епископом!», «Святой Петр избрал его!»

Как выяснилось, инициаторами этого народного волеизъявления были два священника, затесавшиеся в толпу. Народ ворвался в базилику, где собралась коллегия. Услышав настойчивые требования толпы, кардиналы тут же поспешно опубликовали декрет, возводивший Гильдебранда в сан первосвященника.

Григорий VII, итальянец по происхождению, родился в Тоскане в 1020 году. Его отец, Бонизо, был ремесленником. Называя его отцом, мы, собственно говоря, исходим лишь из формальных признаков, подобно тому как евангелисты считают отцом Иисуса святого Иосифа, супруга Марии. По всей вероятности, Гильдебранд был сыном своего дяди. Таким образом, роль легендарного голубя по отношению к матери Григория сыграл аббат Авентинского монастыря — брат Бонизо.

Начальное образование Григорий получил в монастыре своего дяди, после чего, на пятнадцатом году жизни, отец Григория отправил его во Францию, где он закончил свое духовное образование.

Устроившись при дворе императора Генриха Черного, он добился большого влияния и вскоре приобрел известность в церковных кругах. Вернувшись в Рим с папой Львом IX, он сделался одним из его советников. Кроме того, Лев IX отдал под его управление монастырь святого Павла, в котором Гильдебранд ввел жесточайшую дисциплину, требуя от монахов, чтобы они хотя бы внешне соблюдали правила благочестия и воздержания. После смерти Льва IX Гильдебранд был возведен в сан архиепископа и выполнял неоднократно роль легата при дворе нескольких князей и королей.

Ему было шестьдесят лет, когда он взошел на папский престол. Однако годы не отразились на нем. Воля его осталась

непреклонной. Человек он был жестокий, хитрый, лицемерный политик, который под маской смирения мог раздавить человека, как паука. Он мечтал подчинить церковь абсолютной власти папы, освободить ее от светского влияния, от власти императоров и королей. Словом, Григорий VII мечтал об абсолютной церковной монархии. Чтобы достичь этого, он не останавливался ни перед каким преступлением, ни перед каким предательством, действуя испытанным оружием клириков и владея им в совершенстве.

Прежде чем перейти к главным событиям его понтификата, мы позволим себе изложить некоторые его принципы, которые он сам сформулировал в своей обширной переписке:

«Бог есть дух, он господствует над материей. Точно так же и духовная власть стоит над светской властью».

«Только римский первосвященник может быть называем вселенским».

«Он один непогрешим. Только он один может издавать новые законы, соединять или делить епархии».

«Без его повеления никакой собор не может называться вселенским».

«Он не может быть судим никем».

«Римская церковь никогда не ошибалась и никогда не впадет в ошибку».

«Римский первосвященник имеет право низлагать императоров».

«Он может освобождать подданных от клятвы верности неправедным государям».

«Папа должен носить на себе знаки императорской власти: народы и короли обязаны целовать ему ноги. Христиане обязаны безоговорочно повиноваться его велениям. Они обязаны даже убивать своих властителей, своих отцов и детей, когда это приказывает папа. Они должны служить лишь орудием в его руках».

Разумеется, папа Григорий был не автором этих теорий, а лишь носителем традиций. Все это уже встречалось в посланиях пап, в арсенале канонического права, в сборнике «Лжеисидоровых декреталий», так что, приведя в систему эти материалы, он лишь построил единую теорию теократического государства, о котором издавна мечтало столько пап до него.

* *
*

Дидье, монте-кассинский аббат, сильно рассчитывал на папский престол после смерти Александра II. И действительно, он собрал бы большинство голосов, если бы не ловкий трюк Гильдебранда. Понимая, что Дидье чрезвычайно оскорблен, Григорий VII на следующий день после своего избрания направил ему письмо следующего содержания:

«Папы Александра нет больше среди нас, брат мой; смерть его обрушилась на меня, потрясла до основания, толкает в пропасть. В то время как над его смертными останками справляли заупокойную службу, в народе поднялось сильное волнение. Какие-то обезумевшие священники схватили меня и понесли в Латеранский дворец, где и посадили на трон апостола. Я не стану утруждать тебя моими горестями, я только прошу твоих молитв и молитв твоих братьев, чтобы Иисус Христос протянул мне, несчастному, руку и избавил от мук и опасности, которых я хотел бы избежать. Мы ожидаем тебя, брат мой, в нашем дворце, ибо ты знаешь, как нуждается римская церковь в твоей преданности и мудрости».

Дидье откликнулся на призыв лицемерного Гильдебранда, который встретил его с распростертыми объятиями не только потому, что учитывал популярность монте-кассинского аббата, а еще и потому, что хотел использовать его влияние для освобождения святого престола от инвеституры императора. Добиваясь этого еще при своих предшественниках, Григорий VII, сам сделавшись папой, считал, что первая его задача — освободить церковь от всех уз, которые ставят ее в зависимость от власти королей и императоров. Избранный без участия последнего, Григорий VII тотчас направил к императору Дидье в качестве легата; сообщая о своем избрании, он умолял Генриха IV не утверждать его, ибо он предпочитает смиренный кров монастырской кельи блеску папского дворца. Результат оказался неожиданным. Созванный Генрихом IV собор объявил избрание Гильдебранда незаконным и отказался утвердить его. Лицемерный монах, убежденный, что его смиренная просьба об отречении вызовет симпатии к нему, спокойно ждал решения собора. Получив постановление о низложении, он пришел в ярость и отослал Дидье полное упреков послание с требованием добиться от императора интронизации Гильдебранда, вопреки постановлению собора.

Монте-кассинский аббат, который в глубине души затаил обиду на коварного монаха, отбившего у него тиару, ответил ему: «Если я излишне медлителен, то ты излишне тороплив, ибо, не дождавшись погребения Александра, узурпировал святой престол, вопреки всем каноническим законам».

Генрих IV, желая проверить обвинения, выдвинутые против папы, отправил в Рим графа Эбергарда, поручив ему выяснить у кардиналов, что побудило их избрать папу без согласия императора. Гильдебранду в это время еще не хватало смелости, для того чтобы пойти на разрыв. Выступив навстречу Эбергарду во главе духовенства, он горячо доказывал свою невиновность, поклявшись, что никогда не добивался папского престола. «Бог мне свидетель,— заявил он,— римляне избрали меня против моей воли. Я отказывался от папского звания, несмотря на все их настояния, я впредь буду отказываться от него до того момента, пока полномочная депутация короля и сеньоры Германии сообщат мне свою волю».

Обманутый лицемерным смирением, Генрих IV утвердил избрание своего старого врага. Почти тотчас Григорий сбросил маску и начал ожесточенную войну против императора. Мы приведем лишь некоторые эпизоды этой борьбы, продолжавшейся и после их смерти. Борьба эта сопровождалась таким количеством предательств и жестокостей, что можно было бы усомниться в их достоверности, не будь они подтверждены непререкаемыми свидетельствами.

Папа с нетерпением ожидал случая, чтобы нанести удар. Ждать ему пришлось недолго. Как только против Генриха выступили саксонцы, Григорий, воспользовавшись затруднительным положением короля, созвал собор из епископов, преданных римской курии, и торжественно отлучил императора.

Григорий — поборник аскетизма

■ На этом же соборе обсуждался вопрос о целибате. Григорий решительно выступил против брака священников, предпочитая, как он говорил, кровосмесителей и содомитов тем, кто, сочетавшись законным браком, хотел якобы воздержаться от постыдных пороков.

Сам Григорий имел трех любовниц, не считая мимолетных связей. Все три его любовницы состояли в близком родстве с злополучным императором. Одной из них была Агнесса, мать Генриха IV! Другой — Беатриса, тетка того же Генриха, а третьей — Матильда, дочь и наперсница Беатрисы и жена Готфрида Горбатого, герцога Лотарингского.

Как видит читатель, Григория отнюдь не обошла судьба, и он мог отлично обойтись и без законной супруги.

Защитник целибата меньше всего заботился о целомудрии священников. Запрещая брак, властолюбивый папа хотел лишь разрушить узы, связывающие духовенство с обществом, превратить его в особую, господствующую касту.

«Церковь не может освободиться от порабощения мирянами,— писал он,— пока духовенство не освобождено от уз брака».

Он запретил всем верующим под страхом анафемы присутствовать на богослужениях, совершаемых женатыми священниками, и направил соответствующий декрет церквам Франции, Италии, Англии, Германии. Французское духовенство отказалось подчиниться этому декрету и обратилось к первосвященнику с весьма резким посланием: «Ты еретик, пресвятой отец, ибо проповедуешь нелепую и противную словам Христа нравственность».

В Париже епископы, аббаты и священники, собравшись на съезд, отказались подчиниться декреталиям Григория VII о безбрачии. «То, чего он хочет,— говорили они,— неосуществимо и противно разуму». Когда один аббат произнес речь, в которой советовал подчиниться требованиям папы, члены собора «с помощью королевских слуг выгнали божьего человека, били его, плевали ему в лицо и всячески оскорбляли». В Камбрэ каноники объявили, что намерены держаться обычаев, «мудро установленных предками», и привлекли народ на свою сторону.

Не следует, конечно, переоценивать французских епископов, они далеко не ангелы. Но справедливость требует отметить, что французское духовенство в XI веке было куда независимее, чем современные церковники. Наше нынешнее духовенство и словом не обмолвилось, когда впавший в маразм папа Пий IX провозгласил догматы непогрешимости и непорочного зачатия. Ко всем порокам своих предшественников нынешние клирики присоединили величайшее раболепие...

Заговор против Григория VII

■ Сын префекта Стефана — Ченьчо, отлученный Григорием от церкви, вместе с другими сеньорами, тоже подвергшимися отлучению, организовали заговор против папы. Григорий в это время вел борьбу с Генрихом IV. Желая заручиться поддержкой императора, Ченьчо написал ему письмо, обещая прислать Григория, связанного по рукам и ногам.

Восстание было назначено на канун рождества.

Папа по обычаю совершал богослужение в церкви. Когда верующие стали подходить к причастию, заговорщики, обнажив мечи, бросились к папе и оттащили его от алтаря. Завязалась отчаянная схватка. Григорию пришлось пережить немало неприятных минут: заговорщики таскали его за волосы, били плашмя мечами, оставив папе на всю жизнь рубец на лбу. Сорвав с него священные регалии, они собирались вывезти его за пределы города, но ввиду тревоги ворота города оказались заперты. Ченьчо ничего не оставалось, как отвезти изрядно избитого и помятого папу в свой замок. На рассвете вокруг башни, где находился папа, собралась вооруженная толпа, подстрекаемая духовенством, и принялась осаждать ее. Ченьчо храбро защищался. Но когда в ход были пущены осадные машины и сторонники Григория захватили крепостную стену замка, Ченьчо, желая положить конец кровопролитию, вступил в переговоры со святым отцом. Обе стороны сошлись на том, что Григорий получает немедленную свободу, а Ченьчо — полное прощение.

Григорий сразу продемонстрировал, чего стоит папское слово. Едва он вступил в Латеранский дворец, как тотчас опубликовал буллу, осуждавшую Ченьчо на вечное изгнание с конфискацией имущества и лишением всех видов владений.

Вскоре, однако, и духовенство, недовольное реформами Григория, объединилось с баронами и архиепископом Гибертом, приверженцем императора. Ободренный восстанием Ченьчо, архиепископ Гиберт, стремившийся овладеть апостольским престолом, организовал новый заговор против папы. Но в то время, как Ченьчо и его сторонники были проникнуты республиканскими идеями, Гиберт и его союзники стремились лишь к достижению личных целей. Сговорившись

с восставшими, император 24 января 1076 года созвал в Вормсе собор, на котором кардинал Гуго Белый изложил свои обвинения против Григория. Он представил документы, изобличающие папу в целом ряде преступлений, в частности в том, что он отравил семь своих предшественников и покушался на жизнь нескольких суверенов. Кроме того, кардинал представил собору письма от кардиналов, членов римского сената, епископств разных провинций.

Приведем несколько цитат из приговора, вынесенного собором.

«Гильдебранд, высокомерно принявший имя Григория, издевается над правосудием, выступая одновременно в роли обвинителя, свидетеля и судьи. Он отрывает мужей от жен; предпочитает продажных женщин законным супругам; освящает прелюбодеяние; возбуждает население против сеньоров; пытается принудить суверенов и епископов оплачивать диадемы и митры римской курии. Он делает предметом торга сан священника, покупает провинции, продает церковные звания и стремится собрать в своей сокровищнице все золото христианского мира. А посему мы от имени императора Германии, от имени сеньоров, прелатов, сената и народа христианского заявляем, что Григорий низлагается с апостольского трона, который он запятнал позором».

Выслушав обвинения, император обратился к римскому народу и духовенству с посланием, которое кончалось следующими словами: «Мы отдаем монаха Гильдебранда на вашу волю. Поднимитесь против него, и пусть тот, кто наиболее верен нам, первый осудит и покарает его. Мы не требуем его крови, мы желаем только, чтобы этот гнусный человек был изгнан с кафедры апостола, ибо после низложения жизнь будет для него горше смерти».

Вслед за этим император отправил папе письмо: «Генрих, король не по захвату, а по воле божьей,— Гильдебранду, уже не папе, а лжемонаху... Преданный анафеме, осужденный приговором наших епископов,— изыди. Оставь захваченное тобою место, чтобы воссел на престол святого Петра другой, который не скрывал бы насилия под покровом веры...»

Пармский священник Роллан был отправлен с этим посланием в Рим вместо императора Генриха, которого вызывал Григорий VII. Роллан прибыл как раз во время собора и направился прямо к папе со словами: «Господин мой император, а также немецкие и итальянские епископы повелевают тебе оставить апостольский трон, который ты обесчестил

своими преступлениями». И тут же сообщил народу и духовенству, что на троицу должен быть выбран новый папа. Не успел Роллан кончить речи, как римский префект арестовал его, и, не вмешайся сам пресвятой отец, солдаты тут же прикончили бы его на месте. Но Григорий VII, как искусный дипломат, понимал невыгодность для себя публичного самосуда. В патетической речи он убеждал присутствующих «со смирением перенести оскорбление безумцев, изменяющих законам бога».

На объявление войны Григорий VII ответил отлучением от церкви короля и его сообщников и, основываясь на своем праве короновать и низлагать, лишил его престола: «...полученной властью от бога освобождаю всех христиан от клятвы верности, которую они дали или дадут ему, и запрещаю всем служить ему как королю».

Григорий, однако, не собирался ограничиться одними словами.

Генрих IV в Каноссе

■ Война между папой и императором длилась долго. Победа доставалась поочередно то одной, то другой стороне. Григорий не останавливался ни перед какими средствами, пуская в ход отлучение, анафемы, а если и это не помогало, подсылал к Генриху IV отравителей.

Генрих, в свою очередь, в борьбе с папой рассчитывал на поддержку немецких князей. Но самые могущественные из них, встревоженные победой Генриха над Саксонией, объединились с папой и епископом Меца — Германом. Таким образом, когда Саксония вновь восстала, Генрих оказался одинок.

В сентябре 1076 года папа в письме епископам и всем верующим Германии изложил план действий: если Генрих хочет покориться, он должен доказать свою искренность и впредь относиться к церкви «не как к служанке, а как к госпоже». А если он будет упорствовать, пусть они выберут другого короля, которого утвердит первосвященник.

Когда папские посланцы явились к императору, он пытался вступить с ними в переговоры, обещая управлять в согласии с князьями. Но они отказались слушать его, заявив, что если до 22 февраля король не получит прощения у папы,

они будут считать его низложенным. А до тех пор пусть он пребывает в Шпейере и временно откажется от власти.

Генрих будто бы покорился их требованиям — ему надо было выиграть время, чтобы найти средства для борьбы с мятежными князьями. Однако положение короля было трагичным. Через несколько месяцев собирался собор под председательством Григория VII. Генрих понимал, что он погиб, если собор состоится. Надо было любым способом помешать приезду папы. Узнав, что Северная Италия настроена в его пользу, Генрих внезапно покинул Шпейер и в сопровождении жены Берты и малолетнего сына Конрада отправился в Бургундию. Несмотря на необыкновенно суровую зиму, на снег и трудности переходов, он перевалил через Альпы и достиг Павии.

Король покинул Германию не для того, чтобы начать борьбу, сомнительный исход которой страшил его,— прежде всего он хотел расколоть союз папы с немецкими князьями. Надо было торопиться, пока Григорий, покинувший Рим, находился в Каноссе, в замке своей союзницы и любовницы графини Матильды. Император, по-видимому, возлагал надежды, что Матильда, приходившаяся ему родственницей, употребит все усилия, чтобы примирить их. Однако когда Генрих появился в Каноссе, Григорий отказался принять его.

Было ли и впрямь появление Генриха неожиданностью для папы? Какие условия он хотел поставить Генриху? Два главных летописца, Бернольд и Ламперт, расходятся во мнениях, но в одном пункте они согласны: в течение трех дней, с 25 января, король вынужден был босиком, не принимая пищи, ожидать в снегу перед оградой, когда Григорий смилуется и простит его. Наконец на четвертый день папа допустил его к себе и снял с него отлучение. Король предварительно дал клятву помириться с немецкими епископами и князьями и не препятствовать Григорию приехать в Германию, когда он того пожелает.

В тот же день Григорий известил своих союзников о происшедшем. Описав унижение короля, он добавлял: «Все окружавшие нас ходатайствовали слезно, удивляясь даже, что мы обнаруживали не строгость служителя церкви, а жестокость тирана».

Как рассказывают некоторые летописцы, Григорий отслужил обедню в присутствии Генриха. Когда гостия была освящена, он обратился к королю со следующими словами: «Уже

давно я получаю от тебя и твоих приверженцев письма, в которых вы обвиняете меня во многих преступлениях, которые по правилам церкви делают меня недостойным духовного звания. Вот тело Христово, которого я приобщусь... Пусть всемогущий господь, если я невинен, освободит меня от подозрений в проступках, в которых меня обвиняют. Если же я виновен, да поразит он меня мгновенной смертью».

Его святейшество предложил королю подвергнуться тому же испытанию, но последний из боязни уклонился.

Не доказано, достоверен ли этот драматический эпизод. Многие церковные авторы видели в нем «самоосуждение» императора. Эти наивные авторы, видимо, забыли о том, как часто вино причастия служило верным оружием против врагов наместника святого Петра.

Дьявольский трюк папы

■ Генрих IV склонил голову перед папой в Каноссе, но тяжелое унижение не принесло ему ни одной из тех выгод, на которые он рассчитывал. Враги папы в Северной Италии были возмущены поведением короля, усматривая в этом примирении предательство.

На съезде в Форхгейме (куда король отказался прибыть, несмотря на приглашение папы) сторонники Григория VII, саксонцы и швабы, избрали королем Рудольфа Швабского. Последний не мог рассчитывать на покорность всей Германии: большинство немецких князей были настроены против него, и он вынужден был удалиться в Саксонию. Сначала Григорий притворялся и делал вид, будто колеблется, чью сторону принять; он даже поговаривал, что хочет отправиться в Германию, чтобы разобраться в споре между соперниками, хотя совершенно очевидно, что главным инициатором избрания Рудольфа был сам великий дипломат — папа. Наконец после длительных переговоров, получив долгожданные сведения о крупной победе Рудольфа при Мюльгаузене, папа поспешно поддержал его и объявил, что Генрих лишается власти и королевского звания. Однако неподалеку от берега Эльстера Рудольф был тяжело ранен и умер вскоре после сражения. Положение папы поколебалось в ту самую минуту, когда он уже готовился торжествовать.

Генрих снова одержал победу над папой как в Италии, так и в Германии. Возвращая Григорию все удары, какие тот ему нанес, он стремился противопоставить папе антипапу, как ему самому противопоставляли антикоролей. Ему удалось собрать значительную армию и осадить Рим. При помощи огромной суммы денег король добился того, что римляне открыли ему ворота города, и в сопровождении архиепископа Гиберта Генрих торжественно вступил в Латеранский дворец.

После того как Гиберт был возведен на святой престол под именем Климента III, он, в свою очередь, возложил на Генриха IV корону Западной Римской империи.

Осажденный в замке святого Ангела, бывший папа не сказал еще своего последнего слова. Убедившись, что его сторонникам не одолеть многочисленные войска императора, он втихомолку обдумывал план убийства Генриха IV.

Узнав от своих шпионов, что император каждый вечер молится в одной и той же церкви, он перетянул на свою сторону кардинала, в ведении которого находилась базилика. По распоряжению духовного владыки в своде часовни над тем местом, где обычно стоял император, было проделано отверстие, замаскированное большим камнем. При помощи веревки камень легко можно было обрушить на голову человека, стоящего под указанным отверстием. Когда приготовления были закончены, кардинал стал ждать подходящего момента. Однажды, когда Генрих стоял коленопреклоненный, кардинал дернул веревку, и камень с грохотом обрушился вниз. Однако то ли падение камня не было точно рассчитано, то ли король стоял в часовне не на своем обычном месте, но Генрих остался невредим. Огромная глыба разбилась у его ног, лишь слегка ранив короля несколькими осколками. Кардинал, видя, что покушение не удалось, попытался бежать, но телохранители императора схватили его и убили на ступеньках алтаря. Труп кардинала поволокли по улицам Рима и затем бросили на свалку.

Как видим, убийца — Григорий VII,— когда нужно было, прибегал и к фокусам.

Отлично понимая, что папа принадлежит к числу тех людей, которые не остановятся ни перед каким преступлением для достижения своих целей, и что вслед за камнем может последовать яд или удар наемника из-за угла, Генрих счел благоразумным удалиться из Рима. Кроме того, по наущению Григория воинствующая графиня Матильда, возлюбленная

папы, вела неустанную борьбу в Ломбардии против своего родственника. И Генрих решил на время покинуть Рим, захватив с собой перепуганного Климента III.

Учитывая, что ряды его приверженцев в Риме поредели, Григорий обратился за помощью к Роберту Гюискару. Вождь норманских пиратов с многотысячной армией пехотинцев и всадников, в составе которой было несколько отрядов сарацин, прибыл на помощь римской церкви. Население пыталось защищаться, но через несколько дней норманскому герцогу удалось проникнуть в город. Отданный на произвол норманских и сарацинских полчищ, Рим подвергся всем ужасам резни, насилий и пожаров. Целые кварталы исчезали, разрушенные солдатами Гюискара. Тысячи римлян были проданы в рабство.

Григорий не мог оставаться в городе, опустошенном и обезлюдевшем из-за него. Он поспешно последовал за Робертом Гюискаром в Салерно, где созвал собор и вновь предал анафеме Генриха IV, Климента III и их приверженцев.

Через несколько месяцев Генрих во главе своей армии вернулся в Рим. Ему тоже пришлось применить силу, чтобы вернуть в Латеранский дворец папу Климента III.

Что касается Григория, то он оказался не в состоянии пережить торжество своего врага и вскоре слег. Находясь при последнем издыхании, этот правоверный христианин на просьбы духовника снять проклятия и простить врагов своих прохрипел, что проклинает Генриха, антипапу Гиберта и мерзавцев, которые его поддерживают.

Он умер 25 мая 1085 года и был погребен в Салерно.

Святая апостольская римско-католическая церковь решила, что злодей-преступник, известный под именем Григория VII, совершил в течение своей долгой и плодотворной жизни достаточно гнусностей, чтобы заслужить нимб святого. Что ж, ей виднее!

Чудотворная тиара

■ Церковные историографы, видимо, немало потрудились для оправдания этого папы, пытаясь обнаружить хоть какие-нибудь его подвиги, помимо совершенных им преступлений. Так, некоторые из них утверждают, что Григорий был наде-

лен даром чудотворца и не только творил чудеса, но еще и наделял этим даром неодушевленные предметы. По этому поводу каноник Павел, автор одного из житий Григория VII, приводит весьма любопытный факт. (Совершенно излишне подчеркивать, что нами ничего не придумано в данном рассказе — подобные сюжеты возникают лишь в воспаленном мозгу клирика.)

Итак, некий Убальд, епископ Мантуанский, вел жизнь весьма целомудренную — в соответствии с правилами содомита. В конце концов бедный прелат захворал. Болезнь его была необычна и мучительна. Опытный врач, определив причину появившегося у него нарыва, признал себя бессильным вылечить его. Епископ обошел всех врачей Италии и даже устраивал консилиумы, но, несмотря на усилия докторов, мучился пуще прежнего. Человеком он был набожным, с усердием молился богу, и бог наконец, сжалившись над ним, послал ему откровение, вселившее в страдальца новую надежду. Повинуясь совету свыше, прелат вымолил у Григория VII тиару и приложил ее к больному месту. Разумеется, совершая ритуал, он выполнял все необходимые почести в отношении священного головного убора. Надо ли добавлять, что он мгновенно исцелился. И неужели одного этого чуда недостаточно для канонизации Григория?

Междоусобицы на троне и святом престоле

■ Спор между троном и алтарем не прекратился со смертью Григория VII: сторонники его отказывались признавать Климента III. Они выдвигали кандидатуру известного нам Дидье, которого Григорий на смертном одре назначил своим преемником. Но почтенный аббат был болен и, вернувшись в Монте-Кассино, указал перед смертью на прелата Остии Оттона как на самого достойного кандидата на апостольский трон. Оттон был объявлен первосвященником, согласно воле покойного, под именем Урбана II. По словам одного летописца, будучи еще архидиаконом, Оттон провел несколько лет в Клюнийском аббатстве, замаливая грех молодости (его поймали с поличным в келье молодой и красивой монахини, которую он слишком интимно исповедовал).

Этот Урбан был в свое время приближенным Григория. Избрание его на папский престол являлось, таким образом, враждебным актом в отношении императора. Новый папа разослал всем епископам Италии и Германии энциклику, в которой заявлял, что приложит все силы для завершения дел своего предшественника.

Первые годы после избрания он провел на юге Италии, подготавливая почву для возвращения в Рим. Понимая, что открытая борьба приведет неминуемо к поражению, Урбан, как искусный политик, прибегал к интригам и козням и перетянул на свою сторону многих сторонников императора. С его благословения графиня Матильда (верная памяти своего усопшего возлюбленного) вступила в брак с девятнадцатилетним сыном Вольфа Баварского (в то время ей минуло сорок три года). Благодаря этому браку сторонникам Урбана удалось перетянуть духовенство на свою сторону, и Клименту III ничего не оставалось, как бежать.

Урбан вернулся в Рим. Его могущество настолько возросло, что император забеспокоился. Он понял, что ему надо действовать как можно скорее и решительнее, чтобы разбить приверженцев святого отца. Несмотря на отчаянные интриги духовенства, Генрих напал на Ломбардию и довольно быстро разбил папскую армию. Узнав о приближении императорских войск, испуганные римляне поспешили призвать Климента III, и тот вступил на престол после двухлетнего перерыва.

Тогда Урбан применил против Генриха излюбленный папский трюк: по его наущению Конрад, сын Генриха IV, восстал против отца. Не ясно, какими средствами Урбан перетянул его на свою сторону; известно лишь то, что попытка Конрада увенчалась успехом. Он был провозглашен королем Италии и во главе многочисленного войска достиг границ Германии, предварительно изгнав Климента III из Рима. Правда, часть императорских отрядов еще продолжала занимать несколько кварталов в Риме. Но тут Урбану помогли деньги: за тысячу ливров начальник императорских войск в Риме оставил город, и Урбан, победитель, водворился в Латеранском дворце.

Правда о крестовых походах

■ Еще в 1074 году Григорий VII, по словам некоторых летописцев, выражал желание лично «повести христианских рыцарей на борьбу с врагами господа до гробницы спасителя». Но война с немецким императором затянулась, и он ничего не мог предпринять. Урбан II, укрепив свое положение не только в Риме, но и во всей Италии, мог осуществить наконец заветные мечты Григория VII. Кроме того, Алексей Комнин, царствовавший тогда в Византии, пообещал папе подчинить апостольскому престолу все церкви своей империи, если святой отец побудит властителей Запада вступить в борьбу с неверными. Соблазнившись выгодной сделкой, Урбан II с удвоенной энергией взялся за выполнение давно задуманного плана.

Отправившись во Францию, Урбан II созвал Клермонский собор, где было принято решение относительно первого из безумных и преступных походов, известных под названием крестовых.

Когда собор закончил свою работу, папа, собрав под открытым небом многотысячную толпу, произнес пламенную и воинственную речь, в которой увещевал рыцарей защищать Христа против неверных.

— Не забывайте,— воскликнул он под конец,— что бог моими устами обещает вам победу и отдает в ваши руки неисчислимые сокровища неверных! Всякий, кто отправится для освобождения церкви божьей, удостоится венца мученика и заслужит полное отпущение грехов.

Папа издал также указ относительно похода: никто не смеет воспользоваться владениями тех сеньоров, которые отправляются в священный поход, никакие кредиторы не могут преследовать их; всякий, кто поднимет руку на имущество рыцарей, подлежит отлучению.

Надо ли добавлять, что речь первосвященника была встречена с энтузиазмом. Ведь кроме своего благословения, папа наперед давал отпущение за все грабежи и убийства, которые могут быть совершены. Толпа разразилась воплями: «Так хочет господь! Так хочет господь!» Это стало боевым кличем крестоносцев.

Существует легенда, возникшая несколько лет спустя, что

настоящим инициатором крестового похода был Петр Пустынник, который убедил папу взяться за это дело. Во время своего паломничества в Иерусалим он заснул в Церкви святого гроба и во сне увидел спасителя, якобы сказавшего ему: «Петр, дорогой сын мой, встань, пойди к своему патриарху и расскажи на твоей родине о гонении на христиан, и побуди верующих освободить Иерусалим от язычников». Петр Пустынник вернулся в Рим и рассказал обо всем папе.

Историк Жюрье утверждает, что Петр не был отшельником и никогда не посещал «святых» мест, а просто-напросто был агентом папы, который выбрал его за смелость и красноречие проповедником идеи священной войны. «Петр,— добавляет историк,— получил изрядную сумму денег за то, что сумел увлечь одураченных людей на завоевание земли Хананской, которая 300 лет орошалась кровью крестоносных фанатиков».

Никогда не совершалось столько чудес, сколько в ту эпоху. У изнуренных голодом и жаждой людей посты и молитвы нередко вызывали видения. Так, одному священнику явился во сне апостол Андрей и, указав место в церкви, где зарыто копье, которым был пронзен Христос, сказал, что это копье даст победу христианам. Когда копье нашли, многие люди стали утверждать, что священник сам зарыл его. Тот предложил подтвердить истину своих слов испытанием огнем, поклявшись, что пройдет сквозь пылающий костер с копьем в руках. Суд божий он выдержал, но почти тотчас умер. Священники стали утверждать, что он погиб якобы потому, что в какую-то минуту поколебался в своей вере. Однако пресловутое копье было причислено к святым реликвиям.

Другой летописец рассказывает, что при невыносимом зное, когда для утоления жажды нельзя было найти ничего, кроме луж зловонной воды, священник, чтобы поднять боевой дух крестоносцев, уговорил их совершить крестный ход вокруг города: так якобы повелел некий святой, явившийся ему во сне. Крестоносцы босиком, вооруженные, трижды обошли город, а потом двинулись штурмовать мечеть, где спрятались мусульмане. «Кровь доходила до колен рыцаря, сидевшего на коне. На минуту они прервали резню, чтобы отправиться босиком на поклонение святому гробу, а затем снова принялись убивать и грабить».

Кроме фанатизма и суеверия, на котором чудовищным образом спекулировало духовенство, были и другие предпо-

сылки, игравшие огромную роль в этом «святом деле». Во всяком случае, как говорит один историк, «если некоторые крестоносцы и стремились прежде всего достигнуть гроба господня, чтобы исполнить свой обед, то вожди их, напротив, хотели использовать их, чтобы завоевать себе княжество на Востоке. Большинство людей отправлялось в Азию лишь из любви к разбоям, а также потому, что на родине уже нечего было грабить».

Один католический автор утверждал: «Эти банды крестоносного войска состояли из авантюристов, клятвопреступников, прелюбодеев, разбойников и убийц; грабеж являлся для них истинной целью этого святого похода». Каноник Гвиберт и иезуит Мэмбур признают, что армия крестоносцев походила на гигантскую банду разбойников.

Бейль, сторонник реформации, чья терпимость и беспристрастие, однако, были столь велики, что реформаторы обвиняли его в неверии, дает такую оценку крестовым походам: «Кто осмелится назвать эти чудовища воинами Христа? Эти лицемеры только грабили и убивали, насиловали женщин и девушек, оказывавших им гостеприимство. Христиане Азии испытывали при приближении этих гнусных варваров, якобы идущих им на помощь, более гнетущий страх, чем при появлении турок или сарацинов. Несомненно, крестовые походы представляют собой самые отвратительные страницы в истории человечества».

Первая банда крестоносцев отправилась в путь 8 марта 1096 года. Это скопище людей, покрытых лохмотьями, почти сплошь состояло из пехотинцев. Ни у кого из них не было средств для покупки лошадей. Если кто-нибудь умудрялся добыть лошадь, то нужда заставляла продать ее. Предводителем их был Вальтер Голяк, или Безденежный — прозвище достаточно знаменательное. Можно не сомневаться, что освобождение святого гроба меньше всего привлекало этого проходимца. В действительности он мечтал о наживе, о землях на Востоке и замене своего нелестного прозвища каким-либо пышным титулом.

Мы останавливаемся на некоторых подробностях только для того, чтобы точнее обрисовать этих мнимых героев, освященных церковной легендой.

Вальтер направился со своей бандой вдоль рейнских областей к Дунаю, оттуда в Константинополь. Впереди его отряда выступали коза и гусь, священные животные древней германской мифологии. Перед выступлением крестоносцы

перебили в рейнских городах евреев, как врагов Христа, и разграбили их дома; когда архиепископ Кельнский спрятал кельнских евреев в первом этаже своего дома, толпа разбила дверь топорами и перерезала несчастных. «В Майнце и Кельне,— говорил монах Гвиберт,— жители устраивали баррикады в своих домах, чтобы спасти себя от этих чудовищ. Матери в исступленном отчаянии душили своих детей, мужья закалывали своих жен, девушки кончали самоубийством, чтобы не попасть в руки безжалостным фанатикам с крестом на плече».

За первой бандой крестоносцев шли полчища в сорок тысяч бродяг во главе с Петром Пустынником. Часть крестоносцев, под водительством монаха Готшалька, погибла в битвах с венграми и болгарами, которые, охваченные гневом и ужасом, решили не пропускать их через свою страну. Некоторое время спустя двести тысяч мародеров обрушились на эти несчастные народы, разрушая города, сжигая деревни, истребляя жителей.

Крестоносцы отдельными отрядами прибыли в Константинополь. Западные рыцари были поражены при виде этого огромного города с мраморными дворцами, золотыми куполами церквей и широкими многолюдными улицами. Богатство вызывало их зависть, а греки-схизматики не внушали почтения. Алексей Комнин приготовил заранее огромные запасы продовольствия для войска и принял ряд предосторожностей, чтобы предупредить грабежи. Но все оказалось бесполезным: крестоносцы срывали свинец с церковных крыш, поджигали дома, убивали землевладельцев, не щадили даже женских монастырей. Подвиги этих ревностных воителей креста невозможно описать.

Анна Комнина, дочь императора (жизнь которого она описала в сочинении «Алексиада»), так рассказывает о подвигах солдат Петра Пустынника: «Они рубили детей на части, заставляли матерей своих жертв выпивать их кровь. Они насиловали природу с мальчиками и юношами, а затем, вешая их, упражнялись во владении мечом на их трупах». По ее словам, сам Петр Пустынник подавал своим мародерам пример в разбоях и зверствах. И этого Петра Пустынника церковь рисует нам пламенным апостолом, чем-то вроде пророка!

Даже те немногие, кто покинули родину в порыве искреннего фанатизма, подогретого пламенными речами Урбана II и его агентов, и не принимали участия в грабежах, презирали греков, как еретиков.

Иезуит Мэмбур, чье перо всегда восхваляло действия католической церкви, признавал, что святой престол извлек колоссальные доходы из крестовых походов.

Некоторые прелаты за бесценок скупили владения, которые продавали рыцари, нуждавшиеся в деньгах для снаряжения своих отрядов. Священники, милостиво согласившиеся оберегать имущество рыцарей, не преминули перекачать в свои карманы их доходы. Впоследствии, когда чума, голод, болезни и героическое сопротивление мусульман почти уничтожили армию Христа, многие клирики постарались завладеть доверенным церкви имуществом.

Баснословное умножение богатств церкви — вот основной результат первого крестового похода.

Пасхалий II — верный последователь Григория VII

■ Урбана II, скончавшегося в июле 1099 года, сменил Пасхалий II. Новый папа поспешил избавиться от того, кто был старым конкурентом его предшественника и внушал ему также тревогу: он отравил Климента III. Когда сторонники Климента III избрали нового первосвященника, Пасхалий заточил того в подземелье в монастыре святого Лаврентия. Третьего антипапу постигла та же участь, с той только разницей, что его посадили в подземелье другого монастыря. Четвертый был изгнан Пасхалием и умер в ссылке.

Казалось бы, теперь Пасхалий мог вздохнуть спокойно. Но передышка у трудолюбивого папы оказалась кратковременной, ибо вскоре пришла весть о внезапной кончине итальянского короля Конрада (коронованного Урбаном II), и Пасхалий, опасаясь, что власть снова перейдет в руки Генриха IV, обвинил его в отравлении сына и повелел верующим вооружиться против императора, чтобы отомстить за «мученика». На этот раз Генриху IV удалось справиться с мятежниками, и Пасхалий запросил мира. Но когда Генрих IV не явился на созванный в Риме собор, его отсутствие было признано непростительным преступлением, и папа вновь отлучил его.

Просто поразительно, сколь живучим оказался этот злосчастный император. Ему бы давно в пепел превратиться, а

он выдержал все анафемы, которые поочередно обрушивали на него папы начиная с Григория VII!

На упомянутом соборе присутствовала знакомая нам маркграфиня Матильда. Продолжая испытывать к императору ту же ненависть, что и восемнадцать лет назад, мстительная ханжа обвинила Генриха IV в похищении у нее акта, которым она передавала все свое имущество святому престолу. Лишение наследства главы своего рода не удовлетворило злобную возлюбленную бывшего первосвященника; она подстрекнула второго сына императора восстать против отца. Вокруг принца, поддавшегося без особых сопротивлений внушению могущественной тетки, образовалась многочисленная партия. Среди прочих царственных качеств, юный негодяй отличался еще изрядным лицемерием.

Не будь он наследником короны, которую принц торопился надеть раньше положенного срока, из него бы вышел превосходный священник.

Подняв против императора — своего отца — несколько провинций, принц в то же время повсюду заявлял о своем бескорыстии и о сыновнем почтении. Тем не менее в своей декларации он сделал существенную оговорку: «Если король решит повиноваться преемникам святого Петра, мы вложим меч в ножны для того, чтобы подчиниться нашему отцу как самые смиренные из его подданных. Но если король будет упорствовать в своем неповиновении великому наместнику святого Петра, то в силу того, что мы прежде всего обязаны считаться с волей божьей, собственной рукой поразим его, если это потребуется для защиты религии, ибо так повелел нам первосвященник Пасхалий».

Генрих IV, покинутый своими солдатами, склонил повинную голову перед папой, признав незаконными все свои притязания и постановления. Его святейшество, верный своей тактике, подкупил офицеров, окружавших Генриха, и они выдали старого императора на милость сыну. Но мятежный принц не вспомнил о своем обещании признать авторитет отца, даже когда он изъявил покорность святому престолу.

Клятвы горьких пьяниц гораздо надежнее обещаний королей и священников!

Генриха IV заставили отречься от престола в пользу сына, который провозгласил себя императором под именем Генриха V. В Кобленце отец на коленях умолял сына о пощаде. Но, несмотря на данные ему обещания, его заковали в цепи и заключили в тюрьму. Жестокие меры, предпринятые про-

тив старого императора, грозили нанести удар интригам Пасхалия. Население в рейнских областях отказалось признать молодого Генриха, а Генриху Лимбургскому удалось даже спасти императора из заточения, что было сделано весьма вовремя: святой отец уже отдал приказ задушить Генриха IV.

Оказавшийся в Льеже старый император, понимая, что его наследником руководит Пасхалий II, обратился ко всем христианским князьям с просьбой о помощи, обвиняя папу в преступлении против его величества. Взбешенный Пасхалий разослал энциклику епископам, сеньорам и князьям Франции, Германии, Баварии, Швабии и Саксонии.

«Преследуйте всюду,— писал он,— Генриха, главу еретиков, и всю его шайку. Вы никогда не сможете принести богу более приятной жертвы, чем жизнь этого врага Христа, который намеревался вырвать у первосвященников верховную власть. Мы повелеваем вам и вашим вассалам замучить его самыми жестокими пытками. Мы дадим вам отпущение грехов, как прошлых, так и будущих, и вы после смерти своей войдете в небесный Иерусалим».

Это послание, которое может служить образцом клерикального стиля, привело в негодование даже некоторых церковников. Льежский епископ отправил первосвященнику послание, в котором он с большим достоинством и очень энергично выразил чувства, вызванные свирепой буллой папы. Вот наиболее примечательные строки из его ответа первосвященнику:

«Кто дал право святому престолу предписывать совершение убийства в качестве достойного деяния, святость которого может очистить человека не только от прежних грехов, но и от будущих? Даже таких грехов, как кровосмесительство, воровство и убийство? Рекомендуйте такие преступления гнусным наемникам Рима; что касается нас, то мы отказываемся повиноваться. Даже в древнем Вавилоне не было варварства, гордости, идолопоклонства подобных тем, которые царят ныне в святом городе!..»

Послание льежского епископа осталось холостым выстрелом. Пасхалий твердо укрепился в мысли убить Генриха IV. Вторая его попытка оказалась более удачной. Старый император умер от яда, отравленный святым отцом, в то время как сын его осаждал Люттих. Пока император был жив, население защищалось весьма упорно, когда же Генрих IV умер, сопротивление стало бесполезным. Достойный исполнитель воли гнусного папы потребовал, чтобы труп отца выдали

палачу и подвергли тем издевательствам, о которых говорил Пасхалий в своем послании. Только в 1111 году его останки, над которыми тяготело проклятие, могли быть преданы погребению по церковному обряду (до этого они находились в каменной усыпальнице возле собора, на которой было написано: «Здесь покоится враг Рима»).

Учитель и его достойный ученик

■ Преступный сын, отравивший своим вероломством последние дни отца, не мог быть верным слугою папства. Он воспользовался помощью первосвященника, чтобы захватить власть, а когда это ему удалось, ученик оказался вполне достойным своего учителя. Во время собора, созванного в Труа Пасхалием II (1107 год), представители Генриха потребовали для императора «право назначать епископов, данное некогда Карлу Великому», то есть церковную инвеституру (посох и кольцо). Папа отказался, и послы императора ответили: «Не здесь, а в Риме меч решит этот спор».

Судьба благоприятствовала Генриху V. После двухлетней войны с Венгрией, Польшей и Богемией с многочисленной армией он двинулся в Италию. Ломбардские города покорились ему, даже маркграфиня Матильда не посмела сопротивляться. В Сутри послы Пасхалия объявили Генриху V, что папа отказывается от всех феодальных владений, приобретенных церквами в течение всех веков, от права чеканки монет и других привилегий, требуя взамен свободы церковных выборов и отмены светской инвеституры. Пасхалий пытался спасти независимость церкви ценою ее мирских богатств. Генрих V благосклонно принял условия и 12 февраля прибыл в Рим для обряда коронования. Храм святого Петра, в котором происходило посвящение, охранялся немецкими рыцарями. Но как только было прочитано соглашение, храм огласился воплями. Церковные сановники категорически отказались отдавать поместья, которыми они владели. Коронация была прервана. В церкви произошла свалка. Король захватил папу и кардиналов и отослал своих пленников в Альбано. В конце концов Пасхалий уступил притязаниям короля, признав за ним все права его предшественников.

Какая месть за Каноссу! Словно для того, чтобы подчеркнуть триумф своей победы, Генрих V торжественно предал погребению останки своего отлученного от церкви отца.

Победа над папством была недолговечна. Церковь отказалась принять условия, на которые согласился папа. Римское духовенство упрекало его в том, что он вопреки церковным уставам возложил императорскую корону на короля Генриха, разрушителя государств и церквей, и дал ему привилегии. На Латеранском соборе в 1112 году Пасхалий объявил привилегии, которые Генрих вырвал у него силой, недействительными: «...принимаю декреты моего учителя Григория VII и Урбана... утверждаю то, что они утверждали, и проклинаю то, что они прокляли...»

Римские легаты огласили повсюду постановление Латеранского собора и анафему, которой был предан бывший ученик Пасхалия Генрих V.

Мы не станем останавливаться на борьбе, которую продолжали вести между собой папы и светские властители в XII веке. В этой борьбе мерзавцы стоят друг друга. Коснемся лишь самых характерных эпизодов из деятельности наместников святого Петра.

После смерти Пасхалия папой был избран монте-кассинский монах Джованни Каэтани, принявший имя Геласия II. Королевские ставленники, возглавляемые могущественным феодалом Ченьчо Франджипани, напали на него и бросили в темницу. Прибыв в Рим, Генрих V добился интронизации старого архиепископа Мориса, принявшего имя Григория VIII. Геласию II удалось бежать в Бургундию, где он и умер, пробыв на святом престоле год. Его преемником духовенство избрало архиепископа Гвидо, принявшего имя Каликста II. Он был давно известен как один из самых ярых противников Генриха V.

Каликст II, завладев Латеранским дворцом, собрал войско. Одному из кардиналов он поручил осадить резиденцию Григория в Сутри. Сгорая от нетерпения поскорее захватить конкурента, Каликст II сам присоединился к отряду и лично руководил приступом. После упорного сопротивления гарнизон Сутри был вынужден сдаться. Как только Григорий оказался в его руках, Каликст II приказал выколоть ему глаза и кастрировать. Несчастного Мориса посадили на верблюда, заставив взять в руки хвост, и в шутовской одежде привезли в Рим. Затем его заточили в монастырь, где он и умер через несколько лет.

Понтификат Каликста II ознаменован непрекращающейся борьбой с феодальными князьями. Мятежные фамилии сооружали укрепления на улицах, не щадя даже древних памятников. На улицах города происходили кровопролитные бои. Затаив в душе ненависть против знатного дома Ченьчо Франджипани, рьяно защищавшего убитого папой соперника, Каликст вел с ним непрерывную борьбу, пока крепость Франджипани — «обитель тирании и деспотизма» — не сровняли с землей.

Гонорий II, преемник Каликста II, избранный семейством Франджипани, имел противника в лице не менее знатного дома Пиерлони. Чтобы покончить с довольно сильной оппозицией, угрожавшей ему, Гонорий использовал традиционное оружие своих предшественников. Истратив огромную сумму денег, он завоевал себе популярность, и враждебно настроенные сеньоры вынуждены были смириться. Тогда Гонорий разыграл такую комедию: помня о том, что кое-кто выступал против его избрания, он притворился оскорбленным и заявил, что отказывается от тиары, ибо не желает управлять церковью против воли верующих. Созвав своих приверженцев в базилике святого Иоанна Латеранского, Гонорий торжественно сложил с себя тиару. Его трюк произвел желанный эффект — присутствующие слезно упрашивали папу остаться, заверяя его в своей преданности.

Расположившись уютно на святом престоле, этот плут стал размышлять, как бы ему прославить свое правление, и решил, что пришла пора заняться обращением в христианство стран, «погруженных еще в сумерки язычества».

Грубо говоря, Гонорий задумал перетащить в свою лавочку клиентов, которых до сих пор обирали усердно жрецы и служители языческого культа — конкуренты Иисуса Христа.

Померания была куском весьма лакомым, и деляга Гонорий поручил епископу Оттону ускорить обращение в христианство этой территории. Померанами управлял польский князь Болеслав, и Оттон отправился к нему.

Болеслав с воодушевлением принял предложение святого отца подчинить Христу язычников, упорно отказывавшихся принять его завет. Вероятно, их отчаянное сопротивление усиливалось смутным патриотическим чувством, ибо они понимали, что вместе с идолами лишатся устьев своих рек. Болеславу пришлось истребить тысячи померан, чтобы доказать превосходство христианства над их древней религией. Аргу-

менты его были столь убедительны, что оставшиеся в живых уже не сопротивлялись. Гонорий поспешно прислал новообращенным отряды своих черных монахов, призванных наставлять их во славу святой троицы. Что касается Болеслава, то среди прочих свидетельств папской благодарности он получил еще обещание вечного блаженства.

Князь честно заслужил указанную награду, ибо в глазах христианского бога нет подвига более достойного, чем истребление людей, отказавшихся поклоняться ему.

Гонорий был чрезвычайно жаден и корыстолюбив. Приведем характерный эпизод: в 1128 году французский канцлер и архиепископ Парижский Стефан де Санлис отправил к папе послов с донесением о неблаговидных поступках короля Людовика Толстого. Прелат обвинял монарха в том, что он потворствует распущенности французского духовенства, извлекая из этого позорную выгоду. По-видимому, почтенного прелата раздражало, что сливки снимает король, а не он сам. Если бы дело обстояло иначе, он бы ничего не имел против самых скандальных похождений духовенства.

Стефан де Санлис обвинял короля в захвате церковного имущества, а также в попытке покушения на его жизнь, в котором участвовали солдаты короля. Разумеется, Стефан де Санлис не забыл подкрепить свои жалобы ценными подарками.

Благодарный Гонорий благословил послов архиепископа — на подобные жесты папы никогда не скупились — и повелел архиепископу предать короля анафеме и наложить интердикт на Французское королевство.

Стефан де Санлис исполнил приказ папы и привлек на свою сторону изрядное число церковников.

Людовик Толстый отлично знал, что папская благодарность — товар, который можно приобрести согласно установленной таксе. И потому он, в свою очередь, отправил в Рим послов с поручением за приличное вознаграждение добиться от папы снятия анафемы и прочих угроз. Предприятие это стоило ему дорого, но он счел более благоразумным пожертвовать деньгами, чем рисковать папской милостью.

Разумеется, святой отец не отверг даров и выполнил просьбу монарха. Между тем ему и в голову не пришло вернуть деньги архиепископу, как поступил бы любой честный коммерсант, будь он на его месте.

Вскоре два епископа — приверженцы Стефана де Санлиса — обратились в Рим с патетическим посланием, в котором

они обвиняли короля в новых преследованиях архиепископа, а также в неблаговидных поступках по отношению к церкви. Послание это осталось без ответа: наивные авторы не догадались снабдить свои жалобы соответствующим приложением.

Стефан де Санлис разгадал причину молчания. Он занял у ростовщика под залог своей церковной утвари порядочную сумму и отправил в Рим четыре тысячи динариев золотом... Стоит ли добавлять, что они были милостиво приняты папой?

Однако такое дорогое состязание между прелатом и королем не могло продолжаться до бесконечности.

Людовик Толстый попытался было остановиться... Но не тут-то было. Обиженный Гонорий уполномочил Стефана де Санлиса собрать в Реймсе собор для суда над королем и предать его анафеме от имени апостола, если... если Людовик откажется возместить нанесенную им обиду...

В конце концов Людовик смирился, и святому отцу не пришлось прибегать к грозным проклятьям.

Борьба двух соперников

■ После смерти Гонория II разгорелась борьба между двумя конкурентами. В то время как одна часть кардиналов избрала Иннокентия II, которого поддерживала семья Франджипани, другая партия противопоставляла ему кардинала Петра, принявшего имя Анаклета II. Позднее в официальном списке он попал в число антипап.

Мотивы, по которым церковь отдала предпочтение Иннокентию, нам так же неведомы, как пути господни; мне лично кажется, что Иннокентий все же был куда бóльшим проходимцем, чем его конкурент Анаклет.

Вначале победа досталась Анаклету; прогнав Иннокентия с престола, он утвердился в Риме, продолжая негодовать по поводу того, что соперник выскользнул из его рук и нашел себе убежище в неприступной крепости в Пизе.

Разогнав священников из собора святого Петра, расхитив драгоценные украшения и из этого собора, и из остальных богатых церквей, Анаклет несколько утолил свою ярость и принялся энергично сколачивать войска против Иннокен-

гия. Благоразумный соперник к тому времени оставил Италию и переселился во Францию.

Понимая, что вести вооруженную борьбу ему одному не по силам, Анаклет переменил тактику и обратился с посланием к Лотарю II. Но ввиду того, что оба достойных конкурента одновременно обратились к нему за помощью, Лотарь мудро воздержался от ответа.

Тем временем Иннокентия, которого поддержало влиятельное Клюнийское аббатство, признали во Франции папой.

Потерпев фиаско у европейских властителей, Анаклет стал укреплять свое положение в Италии на тот случай, если Иннокентий вздумает возвратиться в Рим. Ему удалось заключить союз с герцогом Рожером, которому он уступил княжество Капуанское, неаполитанские владения и титул короля Сицилии. Сверх того, чтобы закрепить союз, святой отец пошел на самопожертвование в буквальном смысле этого слова: он отдал герцогу в жены свою сестру. Последний дар особенно ценен, ибо Анаклет, как пылкий брат, не расставался со своей сестрой ни днем ни ночью.

Однако вскоре его спокойствию пришел конец. Иннокентий и Лотарь договорились. Поначалу они медлили, не осмеливаясь наступать на Рим с небольшим отрядом, но в конце концов папа и монарх решили попытать счастья. Уж очень они торопились: одному не терпелось поскорее возложить на себя императорскую корону, другому — завладеть престолом апостолов.

Когда Лотарь с небольшой армией спустился в Италию, Анаклет, узнав об измене некоторых своих приверженцев, оставил Латеранский дворец и укрепился в замке святого Ангела. Слухи, дошедшие до Анаклета, не были лишены основания. Некоторые нотабли, присягнувшие недавно на верность Анаклету, с триумфом встретили его конкурента и короля.

Утвердившись на Авентине, Иннокентий был лишен возможности короновать Лотаря в соборе святого Петра, где обычно происходило посвящение императоров, так как эта церковь, как и большая часть римских кварталов, оставалась во власти другого папы. Поэтому ему пришлось возложить на своего друга корону в Латеране.

Как пишет Оттон Фрейзингенский, Иннокентий II впоследствии заказал картину, изображавшую его на троне, в то время как коленопреклоненный Лотарь получает из его рук корону.

В течение нескольких месяцев армия Лотаря, состоявшая всего из двух тысяч человек, безуспешно осаждала замки, занятые сторонниками Анаклета; королевские войска заметно редели, осыпаемые градом камней и стрелами осажденных. Пока Лотарь колебался, штурмовать ли ему башни, в которых засели приверженцы Анаклета, до него стали доходить слухи, что Рожер во главе значительного отряда вышел на помощь своему деверю. Тогда Лотарь поспешил возвратиться в Германию, предоставив Иннокентия милости божьей. Увы, Саваоф оказался слабым защитником! Иннокентию пришлось покинуть Рим и временно обосноваться в Пизе, откуда он стал бомбардировать соперника новыми анафемами.

Почти целый год прошел более или менее спокойно; грозные проклятья не вызывали никакого волнения среди приверженцев Анаклета. Тогда Иннокентий решил применить более действенное средство: он заключил с императором соглашение относительно владений графини Матильды и убедил Лотаря второй раз перейти Альпы. Момент был выбран удачно: римская курия находилась в состоянии полного развала. Анаклет, истратив суммы, добытые благодаря разграблению церквей, оказался не в состоянии поддерживать верность своих сторонников. Во дворце наступили унылые дни: кончились оргии, разбежались веселые женщины, папе и его сателлитам пришлось вести спартанский образ жизни. Эффект не замедлил сказаться — партия Анаклета таяла с каждым днем.

Иннокентий, отлично осведомленный о положении при папском дворе, направился в Рим во главе трех тысяч конников Лотаря. Последний в это время изгнал Рожера из Калабрии. Святой отец и император соединились в городе Бари. Здесь произошел инцидент, который мог бы обеспечить победу Анаклету, будь его соперник менее расторопен.

Иоанн Комнин, глава Восточной империи, прислал к Лотарю своих послов, среди которых находился один весьма красноречивый монах. Монаху, вероятно, было кем-то поручено разоблачить Иннокентия; он обвинял его в нечестивости, прелюбодеянии, содомии. Пламенные речи монаха произвели большое впечатление на императора, и он решил покинуть своего друга и перейти на сторону его врага. Но раньше, чем Лотарь осуществил свое намерение, загадочная болезнь желудка (очевидно, промысл божий!) в течение двух дней унесла его в могилу. Иннокентий уже в одиноче-

стве завершал свой поход на Рим. Между тем король Сицилии, воспользовавшись смертью императора, разграбил Калабрию и Апулию и двинулся освобождать Анаклета от римского пленения. Положение Иннокентия было далеко не блестящим. С небольшой конницей нечего было и думать о разгроме многочисленной армии Рожера. Но предприимчивый Иннокентий не растерялся. Всевышний, который уже однажды помог святому отцу избавиться от Лотаря, и на этот раз не отказал ему в поддержке. Анаклет внезапно захворал странной болезнью, по признакам весьма похожей на болезнь Лотаря; через несколько дней Анаклет умер в страшных мучениях.

Враги Иннокентия выбрали преемником умершего папы кардинала Григория. Но у того вскоре не оказалось сторонников. Памятуя об участи Анаклета, сателлиты его разбежались, а некоторых из них подкупил неуемный папа. После долгих испытаний Иннокентий вернулся в Рим. Но конец его мытарствам не наступил. Рожер не сложил еще оружия и продолжал продвигаться со своей армией. Собрав несколько отрядов, Иннокентий двинулся навстречу врагу. Королю Сицилии без труда удалось разбить папское войско и его самого захватить в плен. Иннокентию пришлось согласиться на условия Рожера, который принудил его подписать договор, по которому все земли и привилегии, данные Рожеру Анаклетом, оставались за ним.

6 января 1139 года Иннокентий (его имя в переводе с латыни означает невинный!) вернулся в Рим и оставался на престоле до 1143 года.

Война, возникшая в результате конкуренции двух пап, продолжалась девять лет!

Христианство — религия милосердия

■ Преемник Иннокентия Целестин II пробыл на престоле пять месяцев. В это время на Востоке происходили гонения на секту богомилов, которых еще раньше, при Алексее Комнине, подвергали преследованиям и осуждали на сожжение.

Эти схизматики утверждали, что у бога-отца было два сына. Старший, по имени Сатанаил, восстал против отца и был изгнан им на землю.

Таким образом, наш земной шар богомилы превратили в место ссылки для жителей рая!

Сатанаил, как явствует из учения этих одержимых фанатиков, заполнял свой досуг на земле тем, что сотворял весь видимый мир...

Затем богомилы утверждали, что Иисус Христос, младший сын милосердного бога-отца, явился на землю по повелению своего родителя, чтобы разрушить могущество Сатанаила и водворить его в преисподню, отняв от его имени ангельский слог — «ил».

В сущности, эта легенда так же нелепа, как все басни о сотворении мира и земном рае. Беда ее заключалась в том, что в некоторых деталях она противоречила канонической легенде.

Как бы там ни было, учение богомилов считалось ересью, а с еретиками церковь не церемонится. По утверждению Матвея Эдесского, десять тысяч еретиков были брошены в море, в том числе родная бабка Алексея Комнина.

Глава секты, монах Нифонт, был осужден на ужасные пытки. Только религиозное исступление способно на что-либо подобное. Монаху из бороды вырывали по одному волосу (а борода, по словам летописцев, была густой и длинной), затем на допросе палач, мастер своего дела, выдавил ему глаза из орбит. В заключение несчастного Нифонта сожгли на костре.

Не забудьте: христианство — это религия милосердия!

Когда умер Целестин II, кардиналы и нотабли римской курии, не предупредив ни народ, ни духовенство, собрались в Латеранском дворце и тайком возвели на престол кардинала Жерардо, принявшего имя Луция II. В смысле нравственности Луций ничем не отличался от остальных пап XII века. Его оргии не являются особой достопримечательностью в истории святого престола: грешил Луций, так сказать, умеренно. Только его страсть к господству не знала никакой меры.

Главой Западной империи в это время был Конрад Благочестивый, характер которого целиком оправдывал это прозвище.

Какие бы преступления папы ни замышляли, они всегда могли рассчитывать на поддержку такого императора.

Вскоре после восшествия Луция II на престол по всей Италии вспыхнули восстания. Грубый и надменный Луций не допускал сопротивления ни малейшим своим желаниям и

строго пресекал даже самые незначительные проявления самостоятельности у своей паствы. Сгорая от нетерпения как можно скорее сломить римлян, Луций, не дожидаясь прихода солдат, которых предоставил в его распоряжение король Сицилии, перегнул палку, и это привело к народному восстанию.

Вождем восстания был Арнольд Брешианский, ученик прославленного французского ученого Абеляра; он поднял римлян на вооруженную борьбу, и они силой добыли те свободы, в которых им отказывал папа. Они организовали сенат, избрав одного патриция для управления Римом. Сенат в полном составе направился в Латеранский дворец и от имени всей нации объявил Луция лишенным всех прав, которые были приобретены папами. Сенат потребовал от представителей церкви отказаться от светских владений, от мирских забот и дел и ограничиться исключительно духовной деятельностью.

Святой отец с присущим этому тирану высокомерием пригрозил страшной карой. Но проникнутые революционным духом римляне не испугались; стремясь возвратить городу его былое величие, они учредили на Капитолии новую коммуну и выбрали пятьдесят шесть сенаторов, по четыре от каждого округа.

Тогда Луций обратился к императору Конраду за помощью. Сенат, узнав об интригах папы, в свою очередь, отправил к императору послов, чтобы они поведали ему об истинном положении дел.

Конрад Благочестивый не ответил на обращение римлян и даже не удостоил их послов приема, в то время как папских легатов он принял весьма благосклонно и отдал приказ о комплектовании в его владениях армии для защиты святого престола.

Еще до того как легаты получили распоряжение императора, Луций, поддерживаемый знатью, пошел на штурм Капитолия. Вооружившись топором, святой отец стал ломиться в ворота древнего здания, где некогда находились сенаторы и консулы, управлявшие миром. Но камень (разумеется, не тот, на котором Иисус Христос собирался воздвигнуть свой храм) ударил его по голове. На следующий день Луций II предстал перед Саваофом — богом войны. Он пробыл на престоле апостолов меньше года (10 марта 1144 года — 3 февраля 1145 года).

■ Автор, которого никак нельзя назвать антиклерикалом, ибо он сам был монахом, оставил потомкам весьма занятную книжицу о нравах, царивших в монастырях в середине XII века. Сочинение его нельзя причислить к жанру веселого анекдота, сатиры или памфлета. Скорее всего это ряд предписаний, касающихся вопросов дисциплины. Это — свод законов клюнийского аббата Петра, в свое время оказавшего поддержку Иннокентию II. Уже один этот факт говорит о том, что он был человеком весьма гибким в смысле нравственности. И если даже такой человек не выдержал безобразий монашеской братии и счел нужным опубликовать свой законник, призванный исправлять нравы духовенства, можно представить, до чего они дошли в своей распущенности.

Первая часть этой любопытной книжицы посвящена размышлениям о заблуждениях Магомета. Мы не будем останавливать на ней внимание нашего читателя. Гораздо интереснее вторая часть этого произведения. Приведем несколько цитат из монастырских статутов того ордена, к которому принадлежал Петр.

«Запретить монахам на третий день недели, по средам, есть диких уток и водяных курочек, ибо они относятся к породе птиц, хотя и плавают...»

Предписание это свидетельствует, что Александр Дюма не клеветал на патера Горанфло, который, по его словам, поглощал в постный день жирную пулярку, окрестив ее предварительно карпом.

«Запретить монахам после ужина распивать всякие настойки из сахара, меда или перца...»

Намерения благочестивого монаха вполне понятны: напитки эти оказывают возбуждающее действие, и монахи потребляли их, видимо, не зря.

«Запретить монахам принимать пищу более трех раз в день».

Сколько же раз в день они обжирались за счет округи, эти святоши?! Наверняка, они убили и слопали не одного барана.

«Запретить монахам носить украшения и драгоценные ткани.., а также содержать более двух слуг...»

Недурно устраивались эти господа!.. Спрашивается, какое же количество слуг обслуживало этих бездельников?

«...Оставаться в приемных с молодыми женщинами в ночные часы...»

Обычно в приемных беседуют с посетителями. И разумеется, не по ночам. Можно поручиться, что они занимались чем-то иным.

«Запретить монахам брать на воспитание обезьян, а также уединяться в кельях с новичками под предлогом обучения их молитвам...»

Обучения молитвам! Великолепно! Однако следует призадуматься над явным несоответствием таких слов, как: «воспитание обезьян» и «уединение с послушниками». Почему Петр объединяет это? Мы не смеем ничего утверждать и только смутно подозреваем, что монахи даже обезьян «обучали молитвам».

Вот еще одна цитата:

«Запретить принимать молодых монахов без специального разрешения аббата, иначе аббатства станут сборищем бродяг и гнусных развратников...»

Какие тут могут быть сомнения? Автор уже не намекает, а категорически утверждает: монахи, не довольствуясь обществом друг друга, давали приют у себя бродягам и развратникам. Заметьте притом, как часто достопочтенный аббат любит употреблять прилагательное «молодые»: «молодые монахини, молодые монахи». Он явно проговаривается... До чего же они сластолюбивы, эти благочестивые клюнийские монахи!

В послесловии автор назидательного труда оплакивает возрастающую испорченность монахов. Небесполезно привести оценку этого авторитетного очевидца.

«Эти обители,— писал он,— воздвигнутые благочестивым святым Бенедиктом для нравственного улучшения христианского общества, забыли святой завет своего основателя и превратились в блудилища Содома».

Штаб-квартира католического воинства в опасности

■ После трагической смерти Луция II народ хотел выбрать первосвященника, сочувствующего революционным идеям. Кардиналы мыслили иначе. Они собрались тайком и единодушно избрали папой одного монаха — аббата монастыря святого Анастасия. Сенат, узнав о тайном совещании конклава, объявил кардиналам, что новоизбранному папе надлежит принять новую конституцию и подчиниться ее законам. Кардиналы попросили день на размышления, и сенат согласился. Ночью кардиналы со своим папой Евгением III удрали из Рима и заняли крепость Монтичелли.

Приняв сан первосвященника в монастыре Фарса, Евгений III явился в Рим с твердым решением сломить римлян, дерзнувших поставить какие-то законы выше воли первосвященника.

По призыву Арнольда Брешианского римские граждане взялись за оружие и напали на Латеранский дворец. Святой отец, напялив на себя одежду паломника, бежал из своей резиденции. Тогда народ излил свой гнев на защитников папы. Дворцы кардиналов, епископов и аристократов, поддерживавших идею абсолютной власти папы, были разграблены, сожжены или разрушены. Затем толпа направилась к собору святого Петра, где обычно паломники складывали свои приношения папе, и принялась распределять эти даяния среди беднейшего населения Рима. Произошла кровавая стычка — в ход были пущены копья и палки; священники попытались оказать сопротивление, ссылаясь, несомненно, на христианское милосердие. Это сопротивление обошлось им дорого — они были безжалостно убиты. У Евгения III не оставалось никаких надежд на возвращение в свою резиденцию. Ему пришлось бежать из Рима. Вернулся он в вечный город лишь три года спустя. Во время его скитаний Римом управлял Арнольд Брешианский.

Кто еще из святых сподобился такой милости?

■ Не всякий кретин обязательно бывает фанатиком, но уж во всяком случае всякий фанатик — обязательно кретин.

Главным учителем и покровителем Евгения III был Бернард, или, как его называет церковь, святой Бернард. Этот глава христианского мира, перед которым преклонялся весь Запад, взялся объединить всех христиан в одну великую армию, во главе которой стояло бы духовенство. Он легко склонил к этому Евгения III, которому, кстати говоря, нечем было заняться во время своих скитаний.

В учебниках истории пространно изложено, сколь трагичен был второй крестовый поход, и потому мы не будем распространяться о нем. Достаточно сказать, что из двух громадных армий, отправившихся на восток, до Палестины добралось лишь несколько отрядов.

По словам одного историка, пламенный фанатик Бернард, ратуя за святой поход, заставил пустить слезу даже короля Людовика VII, а ведь этот благочестивый король незадолго перед тем сжег церковь, в которой была заперта тысяча человек.

В красноречивой проповеди Бернард говорил об опасностях, грозящих церкви, о заслугах крестоносцев, принявших обет отомстить за спасителя; он обещал от имени папы отпущение грехов каждому, кто возьмет крест. В заключение Бернард предсказал блестящие победы и триумфальное возвращение христиан после полного истребления неверных. По словам того же историка, «толпа ликующими криками, как некогда в Клермоне, отвечала на проповедь Бернарда. Когда у него не хватило готовых крестов, он разорвал на себе платье, чтобы приготовить из него новые».

Однако, будучи святым, Бернард заблуждался, как обыкновенный смертный. Никогда еще предсказания очковтирателей не проваливались с таким треском. Но даже и после полного крушения крестового похода святой плут пытался изворачиваться. Прибегая к ловким увerткам, он объяснял удивленным христианам, будто пророчество его не сбылось главным образом потому, что их позорные грехи вызвали гнев Христа и в наказание за совершенные преступления он помешал крестоносцам выполнить их обет.

Таких шарлатанских приемов не мог вытерпеть даже иезуит Мэмбур. «Подобными рассуждениями,— пишет он,— каждый жулик может объяснить свои лживые пророчества».

Несмотря на то что святой Бернард одному обману противопоставил другой, он не утратил ни одной крупицы своей славы святого. Он скончался приблизительно через месяц после смерти Евгения III, и кончина его вызвала настоящее религиозное помешательство у тогдашних фанатиков. Огромная толпа заполнила часовню, в которой было выставлено его тело, облаченное в священные одежды. Из окрестных городов и провинций вереницей стекались верующие в Рим на поклонение новоявленному святому. Дикая свистопляска вокруг тела Бернарда длилась целых два дня. В первый день верующие довольствовались тем, что прикладывали к трупу монеты, ткани, куски хлеба и другие предметы. Монеты становились реликвиями, ткани предназначались для целебных перевязок, а из хлеба изготовляли пилюли для исцеления больных. Если больные, проглатывая эти пилюли, не выздоравливали, добрые христиане слепо верили, что они либо одержимы сатаной, либо закоренелые преступники. На второй день верующие стали отрезать клочки одежды святого, вешая их на шею в виде ладанок, затем они перешли к волосам, а когда волос не осталось, обезумевшие фанатики принялись за останки. У трупа срезали ногти, отрезали нос, уши и разные частицы кожи. Эта благочестивая профанация останков Бернарда кончилась тем, что перед погребением тело святого превратилось в страшную бесформенную массу.

Адриан IV

■ После смерти Евгения III на папском престоле в течение года восседал Анастасий IV, понтификат которого не оставил никакого следа в истории. После него папой стал англичанин, принявший при интронизации имя Адриана IV.

В ранней юности этот папа, происходивший из беднейших слоев, нищенствовал в буквальном смысле слова. Невероятный случай словно по волшебству изменил всю его жизнь. Переплыв Ла-Манш, молодой англичанин каким-то образом встретился с настоятелем одного французского мо-

настыря; почтенный аббат, находившийся уже на склоне лет, сразу почувствовал расположение к юноше, сделал его монахом, а позднее, на смертном одре, наказал братии избрать своего любимца настоятелем. Молодой аббат вздумал заняться исправлением нравов вверенной ему обители и, естественно, восстановил против себя всю братию, привыкшую к беспечной и веселой жизни. Монахи отправили делегатов в Рим, непосредственно к папе Анастасию IV, с жалобой на аббата, обвинив его в чудовищных преступлениях. Туда же явился и сам аббат; вероятно, он и впрямь родился в сорочке, потому что сразу покорил папу, и тот не только прогнал монахов, но даже оставил аббата при себе. После смерти Анастасия народ выдвинул его кандидатом на папский престол в надежде, что он будет более демократичен и либерален, чем его предшественник.

Адриан IV, однако, обманул ожидания народа. Этот баловень судьбы очень быстро забыл о своем происхождении и показал себя столь же высокомерным, сколь смиренным он казался в начале карьеры.

Через несколько дней после его интронизации к нему явились сенаторы с просьбой возвратить Риму его старинные вольности. Адриан IV тоном, не допускающим никаких возражений, заявил сенаторам, что власть папы, установленная богом, выше всех законов — она безгранична — и он не намерен уступать ее никому. Как только ему попытались возразить, папа прекратил аудиенцию, а попросту говоря, прогнал сенаторов. Превосходно понимая, что его поведение вызовет недовольство народа, Адриан IV, опасаясь за свою жизнь, превратил свой дворец в крепость.

Опасения папы были не напрасны. Арнольд Брешианский немедленно возобновил борьбу против папской тирании и поднял всеобщее восстание против Латерана.

Несмотря на крайнее возбуждение, мятежники вели себя поразительно сдержанно. Повинуясь вдохновенному проповеднику, римляне не предпринимали никаких насильственных мер против церкви.

Арнольд Брешианский мечтал без пролития крови добиться торжества справедливости и свободы. Последующие события показали, сколь ошибочны были действия этого мечтателя: с духовенством нельзя было поступать так, как советовал римлянам этот пламенный, но наивный реформатор.

Поначалу римлянам казалось, что они победили; волнения в городе понемногу улеглись. Тогда расчетливый папа,

который умел выжидать, пустил в ход превосходное средство для восстановления своей власти. Он наложил на римлян общее отлучение: церковная служба была прекращена до того момента, пока папа не даст прощения, двери церкви наглухо заперты, иконы завешены, колокола замолкли. Папа действовал наверняка. Этот мастерски задуманный трюк поверг в отчаяние население города. В ту пору любовь к обрядам у суеверного народа была гораздо сильнее их любви к свободе. Не прошло и двух дней, как народная депутация явилась к Адриану и стала умолять его отменить интердикт.

Депутаты поклялись на евангелии, что приложат все усилия к изгнанию из Рима Арнольда Брешианского и всех его сторонников. Папа ответил, что снимет отлучение лишь после того, как римляне исполнят обещанное.

Гибель Арнольда Брешианского

■ В то время как развертывались эти события, Фридрих Барбаросса, который в 1152 году, во время понтификата Евгения III, занял императорский престол, осадил итальянские города, отказавшиеся признать его власть. Испуганный Адриан поспешно отправил в Тоскану трех кардиналов, чтобы договориться с Фридрихом относительно его коронования.

Фридрих Барбаросса, польщенный расположением папы, не нашел лучшего способа выразить свою благодарность, как выдать Адриану IV Арнольда Брешианского, имевшего неосторожность прибегнуть к защите императора. Кардиналы с большой радостью приняли дар Фридриха и возвратились в Рим, захватив с собой закованного в цепи пленника.

По словам некоторых историков, римляне бросились в Леонов город в надежде освободить своего вождя; кровопролитный бой, длившийся весь день, ни к чему не привел.

Насколько Арнольд был либерален по отношению к своим противникам, настолько церковники были свирепы, заполучив в руки врага. Арнольда Брешианского приговорили к казни, прах его бросили в Тибр из опасения, как бы «его останки не сделались предметом поклонения для безрассудной черни».

Папы умеют мстить своим врагам.

Оба великих соперника — папство и империя — в лице двух властолюбивых владык снова столкнулись в поединке. Каждый из них считал свою власть божественным установлением. Уже при первой встрече Фридрих, как пишут историки, отказался держать под уздцы лошадь папы, как того требовали традиции того времени, и оскорбленный Адриан отказал королю в разрешении лобызать его туфлю. Целый день прошел в переговорах, чтобы склонить высокомерных повелителей к уступкам.

Согласие между папою и императором возможно, когда им надо поддержать друг друга против их народов. Обыкновенно подобное согласие приводит к непрочному перемирию.

Через некоторое время Адриан IV направил своих легатов к Фридриху с просьбой освободить от податей и пошлин владения апостола; считать итальянских епископов подданными, а не вассалами, иначе говоря, освободить их от оммажей; вернуть владения графини Матильды папскому престолу, и наконец, папа требовал для себя полного суверенитета в Риме. Соглашение не было достигнуто; началась война, которая длилась больше двадцати лет и кончилась поражением императора (при папе Александре III).

Александр III

■ После смерти Адриана IV был избран папой кардинал Роландо Бандинелли — тот самый кардинал, который, будучи папским легатом, на одном из сеймов чуть не был убит немецким вельможей за надменные слова, в гневе сказанные Фридриху: «От кого же император и держит свою власть, как не от папы?»

Новому папе, принявшему имя Александра III, сторонники императора тотчас противопоставили Виктора IV. Чтобы прекратить раздоры, Фридрих созвал собор в Павии. Однако Александр III, оспаривая у него право созыва собора, не явился в Павию. «Никому не дано меня судить,— заявил он,— я один владею этим правом». Несмотря на то что собор высказался за Виктора IV, весь христианский мир, исключая Германию, признал папою Александра III. Даже греческий

император предложил подчинить папской власти греческую церковь при условии, что Александр отдаст ему корону Фридриха.

Вынужденный из-за происков Фридриха покинуть Рим, Александр удалился во Францию. Однако убежавший папа остался папой. Тщетно Фридрих противопоставлял ему после смерти Виктора IV Пасхалия III. Папа Александр возвратился в Рим и объявил императора низложенным, а его подданных — свободными от присяги на верность. Итальянцы, недовольные вымогательством императорских чиновников, узнав о приговоре, встали на сторону святого престола.

Однако неуемный Фридрих снова двинулся на Рим, чтобы водворить своего папу — Каликста III (всех трех пап, которых в период долгой борьбы Фридрих пытался противопоставить Александру, церковь называет антипапами). После восьмидневной осады он вступил в Рим. Александру ничего не оставалось, как в одежде паломника бежать из своей резиденции. Внезапно в германской армии вспыхнула страшная эпидемия, и Фридрих был вынужден вернуться на север.

Тем временем поднялась Северная Италия. По-видимому, ненависть к германскому тирану пробудила в стране общенациональное сознание. Возмущенные деспотизмом императора, жадностью и насилиями его чиновников, города забыли свои старые распри; многие из них объединились в один союз, и таким образом возникла знаменитая Ломбардская лига, сыгравшая немалую роль в разгроме Фридриха. Пятый неудачный поход на Италию закончился кровопролитной битвой; ломбардцы мужественно защищались, немецкие же князья отказали императору в своей помощи. Фридрих был вынужден уступить и, забыв о своем императорском достоинстве, пал к ногам папы.

Все земли, отнятые у апостольского престола, были возвращены ему; оба великих тирана обязались помогать друг другу. Папа обещал относиться к императору как к любимому сыну, император к папе — как к возлюбленному отцу.

Несмотря на заключение мира, противники Александра после смерти антипапы Каликста II пытались избрать четвертого конкурента папы. Выбор их остановился на Ландоситино, который был провозглашен папой под именем Иннокентия III.

Победитель Барбароссы изобрел очень остроумное и чисто клерикальное средство для устранения соперника.

Некий римский магнат, пообещав Иннокентию покровительство, уступил ему в качестве резиденции свой замок около Рима. Узнав об этом, Александр уговорил упомянутого магната продать свой замок, предложив владельцу огромную сумму, превышающую его реальную стоимость, с условием, что замок будет отдан ему со всем содержимым. Владетельный князь «по-рыцарски» согласился на эту бесчестную сделку, прекрасно понимая, какая участь ждет человека, которому он оказал гостеприимство. И действительно, Ландоситино, захваченный в замке, был посажен в каменный мешок. По приказу святого отца пленника подвергли ужасным пыткам. В конце концов палач задушил несчастного антипапу.

Этот эпизод проливает свет на одну из характернейших черт Александра III — на его кровожадную жестокость. Больше всего прославился Александр своей расправой над альбигойцами. Память об этом до сих пор жива в Лангедоке. За два года до своей смерти, в 1179 году, Александр III отправил Генриха, клервосского аббата, с заданием очистить от ереси Лавор и другие города. Достойный легат гнусного папы со святой ревностью выполнил веления своего господина. Кровь полилась рекой по всей Южной Франции. Рассказывая о следующих папах, мы еще вернемся к этой мрачной трагедии, но первый акт ее разыгрался во времена Александра III.

Расправа с вальденсами

■ Еретиками, как известно, католическая церковь называет всех, кто посмел подвергнуть сомнению нелепые церковные догматы. Секта вальденсов также подверглась гонениям со стороны Александра III.

Вот что пишет Перрен в своей «Истории вальденсов» о законах того времени: «В угоду господу нашему в 1160 году была объявлена смертная казнь тем, кто не верит священным словам, что Христос пребывает в гостии под видом хлеба. Да не дерзнет никто усомниться, что гостия, оставаясь хлебом, заключает в себе тело Христово. Под страхом смертной казни было приказано устилать улицы коврами и тканями в дни крестных ходов, а также становиться на колени перед иконами, призывая бога, и бить себя в грудь».

Сейчас мы безбоязненно высмеиваем всю эту чепуху и испытываем всего лишь чувство жалости к людям, которые позволяли священникам дурачить себя. Но в то же время, думая о далеких веках невежества, о тех варварских эпохах, когда церковь была всемогущей владычицей европейских народов, мы невольно восхищаемся людьми, дерзнувшими открыто протестовать против ее чудовищной власти.

Основателем секты вальденсов был богатый лионский купец Пьер Вальд, который, раздав свое имущество бедным, бродил по стране, призывая народ отказаться от суеверий, осквернивших истинную веру. Подкрепляя свои доводы безупречным поведением, Вальд привлек на свою сторону многих последователей, которые стали именовать себя вальденсами.

Учение вальденсов отвергало всякое церковное служение, кроме проповеди, все таинства; оно утверждало, что хлеб может питать лишь тело, духовной же пищей является милосердие. Вальд считал, что всякий христианин — священник; он осуждал индульгенцию и внешнюю обрядность римско-католической церкви. Секта разделялась на «верующих», продолжавших жить как миряне, и «совершенных», которые давали обет целомудрия и занимались проповедью.

Александр признал секту преступной, обрушил на вальденсов поток проклятий и объявил крестовый поход против ее последователей. По его приказу, тысячи фанатиков, схватив оружие, ринулись в Южную Францию. В Тулузе, которую считали оплотом ереси, консулом был Дюран — славившийся своей добротой, честностью и милосердием.

Невзирая на высокое положение и возраст Дюрана, легат папы конфисковал имущество почтенного старца и изгнал его из Франции. Такой же участи подверглись все родственники и друзья Дюрана и даже граждане, связанные с ним деловыми отношениями. В вальденской ереси подозревали многих людей, и легаты папы применяли к своим пленникам жестокие пытки, чтобы добиться от них признания или навета.

Александр направил в Тулузу Генриха Клервоского, известного своими «подвигами» при расправе с альбигойцами. Ему были даны широчайшие полномочия. Не успел изверг явиться в Тулузу во главе своей банды, как повсюду запылали костры. Несчастные последователи Вальда терпели самые изощренные пытки, которые могут зародиться только в исступленном воображении клирика. Тысячи стариков, жен-

щин, детей были повешены, распяты на колесе, сожжены заживо, имущество их было конфисковано в казну короля и святого престола.

Расправляясь с вальденсами, трон и алтарь показали себя в полной красе.

Жестокость была не единственной характерной чертой Александра. Этой духовной особе присущи были все пороки, ведущие свое начало от алчности, которая направляла все его помыслы на то, чтобы расставлять сети, строить козни и обогащать свою казну, не гнушаясь никакими средствами.

Раз я об этом заговорил, то приведу один типичный эпизод.

Духовник короля Сицилии Готье получил кафедру архиепископа без согласия духовенства Палермо, которое отвергло его назначение. Жалоба на этот акт короля дошла до Рима. Сама королева умоляла папу аннулировать назначение Готье. У королевы были достаточно веские причины: она давно мечтала вознаградить этим теплым местечком одного из своих возлюбленных — канцлера Стефана. Надо полагать, королева сумела обнаружить в нем достоинства, необходимые хорошему архиепископу.

Папа, умевший иногда быть галантным, ответил через своего легата, что он почтет за счастье сделать приятное королеве, но при одном небольшом условии — назначение Стефана обойдется всего в тысячу унций. Королева была озадачена этим предложением. Вполне понятно, она призадумалась: если каждый любовник будет стоить ей такую уйму денег, то, сколько бы ни трудился в поте лица своего ее добрый народ, все равно она вылетит в трубу. Она долго колебалась, но щедрое королевское сердце взяло верх над благоразумием, и она уплатила требуемую сумму.

К несчастью для королевы, Готье нельзя было упрекнуть в нерадивости. И он хорошо знал своего папу. Королева уплатила тысячу унций, чтобы его сместили. Готье отпустил святому отцу две тысячи унций, чтобы его оставили на месте. В случае надобности Готье удвоил бы эту сумму. В те счастливые времена митра архиепископа кое-что значила!

Папа принял маленький подарок Готье и решил вопрос в его пользу. А королеву уведомил, что «духовенство Палермо нашло веские аргументы против ее просьбы, и он ожидает возражений королевы».

Мало того, что лукавый тиароносец обвел вокруг пальца женщину,— он еще вздумал потешаться над королевой.

Дело кончилось тем, что бедняга Стефан не получил места архиепископа.

Папа Александр был властолюбив и высокомерен, а насколько он был спесив, ясно из следующего факта.

Когда Фридрих Барбаросса, вынужденный закончить войну с папой, запросил мира, Александр III, как рассказывает историк Фортунат из Ульма, установил для него следующий церемониал: «Когда с него было снято отлучение, Фридрих с большой пышностью вступил в Венецию; приведенный к Александру III, который вместе с кардиналами и епископами ждал его в атриуме храма святого Марка, он снял с себя королевскую мантию и пал ниц на оба колена, головой касаясь земли. Александр выступил вперед, положив ногу на шею государя, в то время как кардиналы громко запели слова псалтыря: «Ты наступишь на василиска и сокрушишь льва и дракона». Фридрих воскликнул: «Первосвященник, эти слова относятся к святому Петру, а не к тебе». «Лжешь,— ответил Александр,— эти слова написаны об апостоле и обо мне». И прижав изо всей силы шею императора, заставил его замолчать, после чего он позволил ему подняться и благословил его. В это время собор запел: «Тебя, бога, хвалим».

Если принять во внимание, что бог, чьим наместником был Александр, родился в хлеву от любовной интрижки голубя с простолюдинкой, то топтать ногами императора, будто он не император вовсе, а просто коврик,— достижение немалое!

Может, вы думаете, что этот церемониал утолил тщеславную душу наместника? Ничуть не бывало!

Его святейшество придумало ряд новых трюков. На следующий день после упомянутой церемонии Александр III отправился в храм святого Марка на торжественную обедню и Фридрих с жезлом в руке исполнял функции церемониймейстера, шествуя впереди святого отца и расчищая для него путь среди толпы.

Гораздо достойнее было бы, мне кажется, воспользоваться жезлом и угостить им святого наместника!

«Всю обедню, которая продолжалась немало времени, император простоял на хорах. При выходе папы из храма император простерся ниц, облобызал ему ноги и пешком сопровождал папу во дворец, держа под уздцы его коня».

Этот исторический факт свидетельствует о том, какую власть имели религиозные предрассудки в те времена над

людьми. Один из самых могущественных монархов на земле согласился заменить папе ковер, лакея и конюха! Во имя чего, спрашивается, Фридрих Барбаросса подверг себя подобным унижениям? Что побудило этого деспота так позорно распластаться перед ненавистным ему тиароносцем? Поступил он так главным образом из-за того, чтобы снять с себя отлучение, которое наложил на него папа.

О, дряхлая католическая церковь! Ты и теперь еще ублажаешь себя, прибегая к своему древнему оружию, но твои анафемы вызывают только смех у того, на кого ты обрушиваешься. Я сам подвергся твоим проклятиям. Беззубое чудовище, ты не способно служить даже пугалом для младенца!

Луций III

■ После Александра III тиара досталась полному кретину, который доказал самым убедительным образом, что глупость не исключает жестокости.

Убальдо, так звали этого кровожадного кретина до того, как он взошел на престол, был избран папой именно потому, что был глуп и хвор.

Для того чтобы стала яснее подоплека его избрания, мы вернемся на несколько лет назад.

В 1179 году в Риме состоялся вселенский собор, созванный Александром III, якобы с целью улучшения нравов. На этом соборе утвердили двадцать семь канонов; последний из них — более смертоносный, чем батарея орудий, предписал гонение на еретиков, а также исполнение своего долга в отношении лиц, подозреваемых в ереси.

Другой канон был направлен против прелатов, слишком рьяно взимавших церковную дань с подчиненного им духовенства. Прелаты имели обыкновение объезжать свои диоцезы по нескольку раз в году в сопровождении многочисленной свиты. Сельским священникам и монахам приходилось содержать за свой счет огромное количество народа. Прелаты, таким образом, перекладывали содержание своей свиты на подчиненных.

Канон этот заслуживает не меньшего внимания, чем свод законов аббата Клюнийского; церковные моралисты с таким

красноречием раскрывают перед нами быт высшей иерархии, что стоит воспроизвести здесь некоторые отрывки.

«Если апостол кормил себя и семью свою трудами своих рук, то почему же, вопрошаем мы, апостолы наших дней действуют иначе? Почему им дано право доводить своих служителей до обнищания, вынуждая их продавать украшения церкви, закладывать монастырские земли на предмет оплаты расходов епископов? В то же время они содержат целую свиту лакеев, пожирающих запасы, которых могло бы хватить приходу на целый год.

И потому мы оглашаем: воспрещается впредь держать архиепископам более сорока лошадей, кардиналам — более двадцати пяти, епископам — от двадцати до тридцати, архидиаконам — не более семи, низшим чинам — не более двух...

Воспрещается: брать в путешествия псов и птиц для охоты... требовать угощения из мудреных блюд и чужеземных вин...»

Как вам нравится эта революция? И что за умеренность! Какая простота нравов!

Конечно, никто не отнесся серьезно к этому канону. Епископы скорее бы устроили баррикады из своих митр, чем согласились подчиниться такому режиму.

«Равным образом воспрещается: требовать вознаграждение за посвящение епископов и аббатов, за назначение служителей, за похороны, свадьбы и другие обряды, что привело к злоупотреблению и святотатству, ибо стали отказывать в таинствах тем, кто не имеет средства оплачивать их».

Главной целью собора, на котором установили эти лицемерные каноны, было укрепление могущества церкви путем устранения мирского элемента из коллегии, которой надлежало выбирать первосвященника. Первый канон закреплял за кардиналами исключительное право избрания папы: по этому канону тиара доставалась тому, кто получал две трети голосов кардинальской коллегии. Отныне оппозиция и народа и духовенства уже ничего не стоила.

После смерти Александра III кардиналы договорились выбирать первосвященника только из членов коллегии. Им легко было это осуществить, так как они стали хозяевами положения. Все же выборы кандидата тянулись дольше обычного: каждый хотел быть папой. Кандидатов оказалось столько же, сколько было голосующих. А так как на свете нет людей более честолюбивых, чем священнослужители, то апостольский трон какое-то время оставался вакантным, пока

кардиналы не сошлись на кандидатуре Убальдо. Он был стар и глуп. Коллегия надеялась, что он не долго будет занимать папский престол и с ним будет не так хлопотно: его легко будет держать в руках. Кардиналы несколько ошиблись в расчетах: Луций III просидел на троне четыре года.

Все помыслы этого папы были направлены на увеличение доходов папской казны, и он не брезговал никакими средствами.

Он отменил прежний обычай раздавать во время крупных торжеств одежду и хлеб бедной части римского населения, побуждал священников увеличить поборы с паствы. Его вымогательства довели римлян до того, что они подняли восстание. Луций был вынужден покинуть город. Обозленный народ разгромил папский дворец, некоторые владения крупных магнатов были разорены дотла. Граждане поклялись умереть с оружием в руках, но не подчиниться Луцию.

Святому отцу вскоре удалось обуздать восставших. Он разослал своих агентов по всем дворам Европы с поручением добыть побольше средств для подавления римлян. На такое святое дело сеньоры откликнулись охотно, и жатва оказалась обильной. Луций использовал собранное золото, подкупив вождей народного восстания. Последние, позабыв о клятве, торжественно водворили папу в Латеранский дворец, и Луций с удвоенной энергией стал наверстывать утраченное. Он обложил римлян тяжелым чрезвычайным налогом. Разъяренные горожане снова восстали, и притом столь решительно, что папе во избежание кровавой расправы вторично пришлось бежать.

Так как истина нам дороже всего, мы не можем не отметить, что на сей раз народ свирепо расправился с духовенством. Начался общий погром. Римляне, которых еще недавно натравливали на еретиков, теперь с той же злобой набросились на церковников. Они грабили и сжигали церкви, насиловали на площадях монахинь, издевались над священниками, бичевали и пытали кардиналов и епископов. Некоторые летописцы сообщают, что после разгрома одного монастыря монахам вырвали глаза и заставили их пойти крестным ходом под предводительством послушника, которому выбили всего один глаз.

Кто посмеет еще усомниться, что религия смягчает нравы?

Ведь все эти люди, с такой жестокостью преследовавшие служителей церкви, были людьми религиозными... Нет никакого сомнения, что впоследствии они искренне раская-

лись в своем преступлении, после чего попали в рай. А вот несчастный, скончавшийся скоропостижно в среду после скоромного обеда, наверняка будет вечно жариться в адских недрах.

Луций III обосновался в Вероне, куда явился император Фридрих, чтобы совместно обсудить, как усмирить римлян. Императорской армии ничего не стоило укротить мятежников, однако император поставил ряд условий: прежде всего он потребовал возвращения владений, принадлежавших маркграфине Матильде, спор о которых между империей и алтарем продолжался полтора века. Святой отец согласился на эту жертву, но про себя решил надуть императора.

Церковные политики всегда и во всем верны себе. В секретных инструкциях участникам собора Луций предписал затянуть обсуждение вопроса о наследстве Матильды и заняться главным образом усмирением римлян и их наказанием.

По-видимому, император заметил, что его собираются надуть, ибо отдал приказ войскам занять выжидательную позицию и не выступать.

Кончилось тем, что святой отец умер, не дождавшись исхода переговоров.

Собор, который Луций созывал, чтобы подготовить свое возвращение в Рим, занимался не только этим вопросом. На этом соборе был обнародован указ, направленный против вальденсов и других изобличенных или заподозренных в ереси, точнее, в сопротивлении самой невыносимой тирании, той тирании, которая душит человеческую мысль. Этот указ со всей отчетливостью обнаружил жестокость дряхлого Луция. Мы не будем цитировать его целиком, а предложим вниманию читателей лишь несколько отрывков:

«Нет таких суровых мер, перед которыми дрогнет церковное правосудие, чтобы уничтожить ересь, расплодившуюся в наши дни во множествах провинций. Даже Рим дерзнул воспротивиться святому престолу, и гнусный его народ посмел поднять кощунственную руку на наших священников. День возмездия близок, и в ожидании возможности воздать римлянам за все беды, что они нам причинили, мы предаем анафеме всех еретиков, как бы себя они не именовали...»

Сколько ненависти в этих строках, сколько бешенства! И этот человек, призывающий к мести,— глава церкви, которая проповедует прощение и рекомендует, когда бьют по одной щеке, подставлять вторую:

«Мы сразим этих гнусных сектантов вечным проклятием; мы осуждаем на вечную кару тех, кто даст им убежище или защиту, тех, кто посмеет называть их «совершенными верующими» или какими-либо другими еретическими именами. Мы повелеваем всех, кого изобличат в содействии еретикам, будь они клирики или духовные лица, лишить церковного звания и предать светскому правосудию. Если же они окажутся мирянами, мы повелеваем: предать их самым страшным пыткам, подвергнув испытанию огнем, железом, бичеванию и сожжению заживо».

Великолепно! Пытка, бич, железо, огонь за одно преступление — именовать «совершенным верующим» человека, усомнившегося в наличии тела Христова в кусочке хлеба...

«Каждому прелату надлежит посетить несколько раз в году все города своего диоцеза, и в особенности те места, где, по его мнению, могут обитать еретики; прелатам вменяется допросить стариков, женщин и детей, в каких краях нашли убежище вальденсы или люди, устраивающие тайные собрания, а также тех, чье поведение отлично от поведения остальных верующих, или тех, кто осмеливается толковать священное писание». «Города, которые посмеют противиться нашим повелениям или пренебрегут своей обязанностью преследовать еретиков, будут исключены из всяких сношений с другими городами и потеряют свой ранг и свои привилегии; граждане будут отлучены, их покроет вечное бесчестье, и они лишатся навсегда права заниматься честным промыслом. Всем верующим дается право убивать их, завладевать их добром и уводить их в рабство».

Вот какой указ был принят Латеранским собором.

Комментировать его излишне. Мы позволим себе сделать лишь один вывод: среди хищных зверей на первое место следует поставить клирика.

В конце XII столетия положение папства, несмотря на успехи, одержанные в борьбе с Фридрихом Барбароссой, было чрезвычайно шатким. Луций так и не посмел вернуться в Рим. После его смерти папой был провозглашен архиепископ Уберто Кривелли под именем Урбана III. Он занимал апостольский трон недолго и в течение всего понтификата прожил в Вероне. К концу его правления пришла весть о взятии Иерусалима Саладином. Святой отец был так потрясен, что слег и умер на третий день.

Летописец Рожер Говеденский сообщает, что победа мусульман повергла в скорбь весь христианский мир. Саладин

велел сбросить с церквей кресты, разбить колокола и обкурить мечети ладаном. Христиан Саладин согласился милостиво отпустить, но без имущества, причем они должны были уплатить по десять золотых монет с мужчин, по пять с женщин и тридцать тысяч за всю массу бедняков. Большинство изгнанников погибло от нужды и лишений.

Римские кардиналы дали письменные обязательства отказаться от своих сожительниц, не садиться верхом на лошадь, не ходить на охоту до тех пор, пока святая земля будет оставаться в руках неверных. Некоторые даже поклялись взять на себя крест и отправиться воевать в Сирию.

Излишне говорить о том, что все эти обещания были сплошным лицемерием, призванным поднять фанатизм верующих. Кардиналы сохранили своих любовниц, лошадей и собак и не отказались ни от каких радостей жизни. Римский двор продолжал представлять собой огромный лупанарий.

Григорий VIII

■ Преемник Урбана III Григорий VIII не совершил ничего примечательного, так как умер спустя два месяца после своего избрания. Однако перед смертью он успел объявить новый крестовый поход.

Климент III, сменивший Григория на престоле, вернулся в Рим, но вынужден был принять условия римского сената; хотя коммуна и присягнула на верность папе, она все-таки сохранила свою автономию.

Климент III продолжал осуществлять затею своего предшественника. Ему удалось убедить трех государей — Франции, Англии и Германии — двинуться в Палестину. Первым отправился в путь Фридрих Барбаросса, но вместо победы нашел свою смерть: отобедав на берегу реки Салеф, он захотел выкупаться и был унесен быстрым течением. Корона императора перешла к его сыну Генриху VI, который был вынужден оставить крестоносное войско и отправиться на коронацию в Рим.

В это время Климент III скончался, и место его занял дряхлый больной старик, известный в истории церкви под именем Целестина III.

Мы не станем распространяться о борьбе между Генрихом VI и первосвященником, о злополучной судьбе этого императора, о подробностях третьего крестового похода. Перейдем к XIII веку.

Папы XIII века

XIII век в истории католической церкви открывает Иннокентий III, преемник Целестина. Сто восемьдесят первый наместник святого Петра принадлежал к знатной фамилии графов Сеньи и был возведен в кардиналы своим дядей Климентом III.

Убежденный в необходимости подчинить весь мир папской власти, новый первосвященник во многом напоминал Григория VII. Честолюбие его было безгранично. «Власть королей простирается только на отдельные области, власть Петра обнимает все царство»,— писал он в одном письме. Дальше мы увидим, что в смысле жестокости он превзошел последних своих предшественников.

Сразу же после избрания Иннокентий преобразовал городскую префектуру, превратив префекта из имперского чиновника в папского. Муниципалитет, правда, сохранился, но подчинился верховной власти папы.

В ту пору в Германии шли междоусобные войны между регентом сына Генриха VI и Оттоном Брауншвейгским. Папа решил выступить судьей в этом споре и приказал немцам признать Оттона, за что тот поклялся сохранять все права и имущество церкви, в том числе и наследство Матильды.

В течение нескольких лет папа изо всех сил помогал своему приверженцу.

Но едва Оттон стал императором и был коронован в Риме (1209 год), он тут же нарушил все обещания и клятвы: овладел землями маркграфини Матильды и напал на владения сицилийской короны в Южной Италии. Обманутый Оттоном Иннокентий отлучил его от церкви (в ноябре 1210 года) и освободил его подданных от присяги на верность императору. В течение всего этого периода, энергично борясь против Оттона, Иннокентий держал в запасе сильного союзника. Еще в 1198 году Констанция, вдова Генриха VI и наследница

Сицилийского королевства, согласилась принять папскую инвеституру и перед смертью поручила Иннокентию опеку над своим сыном Фридрихом.

Возмущенный поведением Оттона, папа горячо взялся за организацию коалиции против него, и его старания увенчались успехом. Семнадцатилетний Фридрих, после того как он прибыл в Рим и присягнул на верность Иннокентию, разгромил Оттона и вскоре был коронован в Майнце. Добиваясь власти, Фридрих не скупился на обещания: он обязался во всем повиноваться святому престолу и помогать папе в его борьбе против еретиков. Иннокентий не подозревал, что его питомец через несколько лет станет самым опасным противником.

Государи, столь покорно уступавшие Иннокентию, были слабы и нуждались в его поддержке. Например, слабые властители Швеции, Дании, Португалии приносили вассальную присягу и платили дань своему сюзерену — папе. Но когда Иннокентий III попытался вмешаться в распри Филиппа Августа и Иоанна Безземельного, энергичный Филипп заявил: «Папе нет дела до того, что происходит между королями». За это Иннокентий наложил на него интердикт.

В Англии же королевская власть унизилась перед ним, но интриги Иннокентия привели лишь к междоусобной войне. В ходе борьбы с мятежными баронами и народом Иоанн Безземельный обратился к папе за помощью. Иннокентий немедленно предал Великую хартию анафеме, запретив королю исполнять ее, а баронам — требовать ее исполнения. Он отлучил прелатов и баронов, сопротивлявшихся королю, но те продолжали упорствовать. Кровавые войны разоряли Англию, и народ считал виновником своих бедствий папу.

Иннокентий мечтал объединить всю христианскую Европу, чтобы организовать грандиозную экспедицию для освобождения гроба господня. В 1213 году он снова направил посланцев проповедовать крестовый поход, поручив им давать крест всякому, кто пожелает, даже уголовным преступникам. Но вместо того, чтобы освободить святые места, крестоносцы покорили Византийскую империю. Насилия, которым подверглись греки, еще больше усилили их ненависть к западным народам. Восстановить же религиозное единство и политическое согласие стало теперь труднее, чем когда-либо.

Другой крестовый поход Иннокентий III организовал внутри христианского мира — против альбигойцев.

Он начал с того, что отправил в Южную Францию монахов, которые обязаны были добиться отречения еретиков, причем им даны были полномочия прибегать к любым пыткам — железом, огнем, водой — в зависимости от упорства альбигойцев. «Добрым» легатам предоставлялась полная свобода действий с одним лишь условием — чтобы они были неумолимы.

Такими они и оказались на деле. «Весь христианский мир,— пишет Перрен в своей «Истории альбигойцев»,— был потрясен страшным зрелищем: люди, вздернутые на виселицах, сожженные на кострах, замученные пытками только за то, что они отдавали свои помыслы одному всевышнему богу и отказывались верить в пустые церемонии, придуманные людьми».

Папа, однако, нашел, что его эмиссары не проявили нужного рвения и недостаточно быстро достигли желаемых результатов. Он отправил в помощь им трех легатов, поручив истребить всех еретиков, иначе говоря, большую часть населения Южной Франции. Вскоре к эмиссарам Иннокентия присоединился гнусный монах Доминик, основоположник инквизиции.

Избиение альбигойцев приняло ужасающие размеры. Симон де Монфор во главе многочисленной армии осадил город Безьер. В течение целого месяца жители этого цветущего города героически защищались, но в конце концов, измученные голодом, вынуждены были капитулировать. Однако их мирные предложения были отвергнуты. Фанатики поклялись истребить всех без исключения, вплоть до грудных младенцев.

Ведь речь шла об уничтожении ереси, широкое распространение которой весьма тревожило папу, ибо угрожало самому существованию папства. Вот почему святой престол решил любой ценой утверждать свое господство, вот почему папы, не брезгуя никакими средствами, огнем и мечом приводили к повиновению страны, обнаруживавшие стремление к независимости и свободе.

Что касается Симона де Монфора, то религия для него была лишь ширмой, за которой скрывались личные интересы: он претендовал на титул и владения Раймунда, графа Тулузского, одного из главных вождей альбигойцев.

Армия де Монфора в огромном своем большинстве состояла из бандитов, заслуживавших виселицы, или из фанатичных христиан, которые видели в крестовом походе против

еретиков отличный случай потрудиться во славу церкви и для спасения души.

Легаты Иннокентия III нашли в шайке Монфора ту силу, которая была необходима для выполнения их преступных замыслов. Когда граф Безьерский и другие почтенные люди города явились к папским легатам с заявлением о капитуляции, Доминик прогнал их, заявив, что по повелению святого отца город будет сожжен, а все население: мужчины, женщины, дети и старики — будет предано виселице или мечу.

Осажденные, узнав, что им нечего рассчитывать на милость победителей, решили защищаться до последнего. Несмотря на их отчаянное мужество, город был взят. Началась страшная резня. Солдаты на улицах насиловали женщин, а затем убивали их. Доминик с крестом в руке обходил городские кварталы, подстрекая бандитов к грабежам и поджогам. Кровь лилась ручьями. Тщетно кое-кто пытался обратить внимание папских легатов на то, что большая часть обитателей Безьера не является еретиками: эти чудовища готовы были уничтожить скорее сотню невинных, чем пощадить хотя бы одного виновного. «Убивайте,— восклицал Арнольд Амальрик,— убивайте всех! Бог узнает своих!» Этот призыв был осуществлен буквально. Город Безьер превратили в пепел, шестьдесят тысяч жертв было погребено под его дымившимися развалинами.

Покончив с Безьером, папские агенты обрушились на остальные города. Были разгромлены Каркассон, Тулуза, Альби и другие города Южной Франции, примыкавшие к альбигойскому движению. Они тоже сделались ареной чудовищных избиений. Особенно ревностно убивал и пытал во время этого крестового похода Доминик, вполне заслуживший того нимба, которым его наградила церковь.

Гонения на альбигойцев несколько утихли, когда Иннокентий III созвал в Латеране собор для коронования Фридриха II. На этом соборе обсуждались также важные вопросы, связанные с преобразованием вселенской церкви. И вдруг явились графы Тулузы и Пуа с жалобой на Симона де Монфора, захватившего их владения. Святой отец, услышав о свирепости Симона и Доминика, с беспримерным цинизмом заявил, что не может осуждать преданных христиан за чрезмерную ретивость в выполнении святой миссии. Но затем, внезапно сменив тон, он пообещал обиженным сеньорам вернуть их владения. Нечего и говорить, что обещание было лживым. Святой отец не только не выполнил его, а поспешил отпра-

вить Доминику и Симону де Монфору тайный приказ усилить строгость в отношении альбигойцев, чтобы передышка не ободрила еретиков. Вместе с тем он закрепил за Монфором захваченные им земли.

Франциск Ассизский

■ На этот же собор явился основатель ордена францисканцев, знаменитый Франциск Ассизский. Ему необходимо было утвердить устав для своих монастырей. Иннокентий III, который обычно получал богатые дары от верующих, удостоенных чести облобызать папскую туфлю, на сей раз сделал исключение: он не только ничего не потребовал от Франциска, но даже сам дал ему денег. Папе, разумеется, ничего не стоило принести небольшую жертву для жалкого идиота, который безумными галлюцинациями и пророчествами невероятным образом действовал на воображение невежественных и суеверных людей.

Биография Франциска совершенно легендарна. Ныне любой из небылиц было бы достаточно, чтобы упрятать этого героя в сумасшедший дом. Например, Франциск якобы понимал язык животных и всерьез беседовал с ними. В припадках экзальтации тело Франциска тряслось, как в лихорадке, а ноги безостановочно двигались. Речи его выдавали полнейшую бессвязность мысли — впрочем, в те времена бессвязность и нелепость речи считались вдохновением свыше.

Франциск был настоящим сокровищем для церкви: его способность приводить в экстаз верующих снискала ему благосклонность папы, который отлично знал, как использовать юродивого, уверившего народ в своей особой благодати.

За Франциском Ассизским утвердилось также мнение как о святом, отличавшемся необычайным целомудрием. Трудно судить, насколько заслужена такая репутация. Один летописец рассказывает, что, «желая победить демона плоти и предохранить от пожара страстей белую ризу своего целомудрия», Франциск зимой окунался в прорубь. Но и ледяная вода, по-видимому, слабо помогала, ибо, по словам того же летописца, «когда Франциск однажды испытал сильное искушение при виде красивой девушки, явившейся к нему за благословением, он снял с себя одежду (в присутствии девушки!)

и, до крови отхлестав себя плетью, выбежал во двор, где, катаясь по снегу, кричал, что дух святой вошел в него. Вскоре все увидели семь огромных шаров, которые он вылепил из снега, окрасив их своей же кровью. Душа Франциска в то же самое время говорила ему: самая крупная и красивая из снеговых баб — твоя жена, четыре следующих — сожительницы твои, а две последних — служанки. Торопись привести всех к своему очагу, ибо они умирают от холода».

Заключение летописца просто бесподобно: «Снежные бабы растаяли, а душа Франциска заявила ему следующее: «О, тело мое, прими к сведению этот урок и смотри, как должны испаряться и таять все радости плоти пред лицом духа»».

Летописец, к сожалению, не указывает, какой голос был у души Франциска и на каком языке она говорила с ним.

Анекдот столь же нелеп, как и все анекдоты из биографии святых. Если же этот факт имел место, то он служит лишним доказательством безумия Франциска — ничего другого сказать нельзя.

В действительности основатель францисканского ордена был в юности беспутным гулякой, не пропускавшим ни одной женщины. В один прекрасный день он превратился в религиозного фанатика. Значит ли это, что он угомонился? Ни в коем случае! Страсти его лишь изменили объект, и он принялся со всем рвением новообращенного практиковать нравы Содома. Вот характерный эпизод, который мы позаимствовали у Агриппы д'Обинье: «Если какой-либо епископ или кардинал влюбится в пажа, он не должен считать себя грешником, напротив, он может надеяться, что когда-нибудь его канонизируют — ведь он следует примеру святого Франциска Ассизского, который называл свои плотские сношения с братом Мацеем святой любовью. Этот сластолюбивый монах рассказывает, что в нем загорелся пожирающий огонь, как только он увидел молодого послушника Мацея, что во время одной службы, когда тот исполнял обязанности служки, он воскликнул: «О, Мацей, отдайся лучше мне, чем богу».

«И мы,— говорит далее святой Франциск,— сейчас же погасили наше пламя в поцелуях на ступенях алтаря»».

Вот как достойный муж понимал целомудрие. Это не помешало ему стать святым. В наши дни его благочестивые подражатели удостаиваются иной участи: они попадают в руки исправительной полиции.

На том же соборе была выработана обширная инструкция

для предстоящего крестового похода. Определили даже места сбора отдельных отрядов, и папа обещал приехать, чтобы лично благословить их. Но ему не суждено было дожить до этого дня: он внезапно скончался — его погубило чревоугодие.

Гонорий III

■ Преемник Иннокентия Гонорий III ознаменовал свое вступление на престол приказом усилить преследование альбигойцев. Таких людей, как святой Доминик и Симон де Монфор, подстегивать было излишне. Они продолжали усеивать Южную Францию кострами и плахами. В конце концов Симон был убит под стенами Тулузы, а вскоре умер и Доминик, счастливый от сознания, что он подвел крепкую базу под учрежденный им святой трибунал инквизиции. Гонорий горько сожалел об этих двух столпах апостольского трона, но, не теряя времени, начал искать им заместителей. Это было не так-то легко. Не каждый день встречаются люди, способные истребить население целого города. В конце концов святому отцу удалось уговорить французского короля Людовика VIII, и тот отправил свою армию на помощь сыну Симона де Монфора, который продолжал расправу над альбигойцами. Дело закончилось поголовным избиением еретиков. Те, кому удалось спастись от гибели, бежали в Ломбардию, но и там их не оставляли в покое. Тех, кто давал приют беглецам, папа отлучал от церкви.

Григорий IX

■ Гонорий III умер 20 марта 1227 года, в тот момент, когда он энергично готовился к новому крестовому походу. Преемник его, восьмидесятилетний Григорий IX, продолжал его дело, не забывая, однако, и о еретиках в Европе. Бланка Кастильская, которая была регентшей при малолетнем сыне Людовике IX, рьяно помогала папе. Немало костров зажглось от священного пламени, которое бушевало в сердце этой

жестокой государыни. Властолюбивую Бланку многие историки даже обвиняют в том, что она ускорила кончину Людовика VIII. Эта царственная особа заявила, что успокоится лишь тогда, когда узнает о гибели всех нечестивцев, осмелившихся оспаривать учение святой церкви. Однако вопреки всем гонениям число еретиков непрерывно росло: чем больше их избивали, тем больше последователей у них находилось.

Пользуясь своим влиянием на Бланку, папа без труда убедил ее отправить против еретиков многочисленные войска под командованием одного из самых жестоких фанатиков того времени, который подобно Симону де Монфору организовал кровавую расправу над альбигойцами. Пленников своих он незамедлительно выдавал палачам, которые после страшных пыток умерщвляли всех без исключения. Не щадили никого: ни тех, кто в надежде на спасение сам отдавал себя в руки победителей и молил о милости, ни тех, кто отрекался от ереси и клялся в верности церкви.

Но если крестовый поход против альбигойцев принес успех святому отцу, то с походом против турок дело обстояло иначе.

Император Фридрих II, который начал свою деятельность как «поповский король» (так называли его современники), еще при своем короновании поклялся совершить крестовый поход. Но после смерти Иннокентия III он явно издевался над своим бывшим учителем — папой Гонорием и под разными предлогами откладывал свое выступление. В конце концов, подчинившись требованиям папы Григория, Фридрих посадил свою армию на суда, но через три дня вернулся, извинившись перед папой, что качка замучила его и помешала продолжать путь. Благочестие уступило морской болезни.

Узнав о возвращении Фридриха, рассвирепевший Григорий не принял извинений и отлучил его от церкви. В ответ Фридрих прислал грамоту, где оправдывал себя и нападал на римскую церковь. Кроме того, он отменил указы, предоставлявшие церкви широкие привилегии.

В своей грамоте, которую он приказал зачитать в Капитолии, он высказал несколько истин, касающихся святого престола. Например:

«Народы Италии! Римская церковь не только растрачивает средства, которые она вымогает, пользуясь суеверием христиан, но она осмеливается низвергать суверенов и делать их своими данниками. Мы не будем сейчас говорить о поборах, симонии и торговле церковными должностями, обо всем,

чем она оскверняет весь Запад, ибо всякий знает, что папы подобны ненасытным пиявкам. Священники утверждают, что церковь — наша мать. Напротив, она обращается с нами, как жестокая мачеха, лицемерно называющая нас детьми; она рассылает во все края легатов, которые подстрекают к погромам, воруют богатства правителей и народов. В руках церкви мораль Христа служит оружием во имя накопления богатств, оружием, позволяющим церковникам действовать так, как действуют разбойники на большой дороге. С помощью индульгенций церковь бесстыдно торгует правом совершать преступления, она беззастенчиво раздает лучшие места в раю тем, кто приносит ей больше денег».

Что ж, приговор суров, но справедлив!

Когда святой отец узнал об этом воззвании, тем более неприятном, что оно было обнародовано, ярости его не было пределов. Он обратился к епископам с энцикликой, приказав им наложить интердикт на все города и селения, через которые проходил император. Фридрих же, не испугавшись папских угроз, направился к Риму и вступил в город благодаря содействию сеньоров, враждебных папе. По наущению Фридриха партия гибеллинов подняла мятеж против Григория. В тот момент, когда папа служил обедню в соборе святого Петра, вооруженный отряд ворвался в храм и бросился к алтарю. Папа едва успел спастись бегством. Покинув Рим, он обосновался в Перузе, где стал ожидать лучших дней.

Некоторое время спустя Фридрих II, женатый на наследнице Иерусалимского королевства, узнал о смерти дамасского султана и решил отправиться на завоевание Палестины: теперь он не боялся морской болезни и благополучно высадился в Сирии.

Коварный Григорий сразу же воспользовался отсутствием императора. Он отправил армию против герцога, на которого Фридрих возложил управление Сицилией, Апулией и Калабрией. Сыграв на низменных инстинктах своих солдат, Григорий предоставил им привилегии, которые давались участникам войны с неверными. Получив заранее полное отпущение грехов, эти бандиты стали безжалостно расправляться с населением захваченных провинций. Во главе их стоял Жан де Бриенн, тесть Фридриха. Вот что писал один из приверженцев Фридриха II о том, как воевала папская армия:

«После вашего отъезда государь святой отец собрал многочисленную армию с помощью Жана де Бриенна. Его легаты проникли в наши земли, заявляя, что сразят вас мечом, раз

им не удалось сразить вас анафемой. Их войска жгли селения, грабили землевладельцев, насиловали женщин, опустошали поля. Не останавливаясь ни перед чем, не уважая ни храмов, ни кладбищ, они разворовали священную утварь и разграбили могилы. Никогда ни один первосвященник не позволял себе столь гнусных дел. Ныне они поставили стражу во всех портах, чтобы захватить вашу особу, если вы явитесь с небольшой свитой. Нам также известно, что его святейшество интригует против вас даже на святой земле, где вы теперь находитесь. Он заключил соглашение с храмовниками, чтобы сразить вас кинжалом подосланного убийцы. Да хранит вас бог от неверных, а еще больше от папы и его приверженцев».

Предостережение оказалось весьма кстати. По распоряжению Григория храмовники дали знать египетскому султану Малек-эль-Камелю, что Фридрих намеревается совершить паломничество пешком, почти без свиты, к берегу Иордана. Они даже точно указали день, чтобы султан без труда мог захватить императора или убить его. Фридрих не успел еще получить предупреждение и, вероятно, пал бы жертвой заговора, пожелай султан воспользоваться сообщением храмовников. Но египетский султан смотрел на вещи иначе, чем наместник Христа, и переслал послание храмовников императору. Немедленно заключив соглашение с султаном, Фридрих отправился в Италию.

Его прибытие сразу же изменило положение дел. Папские войска потерпели поражение и, так как они лишились возможности грабить, начали разбегаться.

Тогда папа, не желая прекращать борьбу, приказал продать весь урожай на корню, пустить с молотка церковную утварь и предметы культа. На вырученные деньги ему удалось сколотить новую армию, но и она была разбита. Единственным его оружием остались анафемы.

Но император, не боявшийся такого рода снарядов, продолжал свой триумфальный путь к Риму. Он уже находился у его стен, когда произошло неожиданное событие. В результате грозы Тибр разлился настолько, что его воды затопили город. После того как река вошла в свое русло, в городе воцарился смрад от нечистот. Вспыхнула эпидемия. Римское духовенство моментально воспользовалось этим и стало проповедовать, что бог покарал римлян за то, что они отвернулись от святого отца. Проповеди церковников произвели должное впечатление, и римляне отправили к Григорию де-

путацию с просьбой, чтобы он вернулся в Рим и утихомирил гнев божий.

Фридрих не осмелился пойти против враждебно настроенного суеверного населения и предложил папе мир.

Поколебавшись немного, Григорий решил начать переговоры с императором. Два новых союзника явились вместе в Рим и, опустошив множество бутылок в честь своего примирения, поклялись в вечной дружбе. Вечность, однако, оказалась весьма кратковременной.

Григорий IX, обменявшись с Фридрихом любовным поцелуем, обдумывал новый план борьбы со строптивым императором. Возобновив свои происки, он сумел восстановить против Фридриха его сына Генриха. Приняв все меры предосторожности, чтобы Фридрих не узнал о его вероломстве, святой отец надел на себя личину глубокой скорби по поводу недостойного поведения Генриха.

Фридрих был не из тех людей, которых легко обмануть. Он отлично разгадал двойную игру папы и не замедлил отомстить ему. Когда через некоторое время в Риме вспыхнули мятежи против святого престола и Григорий обратился к нему за поддержкой, Фридрих ответил: «Я не только не собираюсь прийти к вам на помощь, но не могу скрыть, какую радость доставило мне ваше послание».

Получив ответ Фридриха, Григорий поклялся отомстить монарху, сумевшему вывести его на чистую воду. Он отправил восставшему сыну Фридриха крупную денежную сумму и солдат.

Не рискуя продолжать борьбу с превосходящими силами, Фридрих предложил Григорию мир. Условия его были настолько выгодны, что старый негодяй, без зазрения совести бросив на произвол судьбы честолюбивого принца, которого он же склонил к мятежу, принял предложение императора и отозвал свои войска.

Генрих вынужден был сложить оружие. Он прожил несколько лет в строгом заточении и умер в Апулии в 1242 году.

Наступил короткий период относительного спокойствия. Фридрих, наученный горьким опытом, держался начеку, следя за тайными махинациями папы. Вскоре он узнал, что Григорий предпринял ряд закулисных маневров, которые должны были привести либо к низложению императора, либо к его убийству.

Фридрих быстро предупредил грозившую ему опасность. Он собрал значительную армию и направил ее в Сардинию.

Святой отец уже давно предъявлял претензии на этот остров, и Фридрих знал, что, захватив Сардинию, он нанесет папе весьма чувствительный удар.

Разъяренный Григорий обрушился на императора с новой, обстоятельно мотивированной анафемой, заключительная часть которой представляет безусловный интерес:

«Мы отлучаем Фридриха, ибо он называет нас антихристом, Валаамом и князем тьмы, ибо он помешал нашему легату преследовать альбигойцев, ибо он завладел землями церкви, в частности Сардинией, ибо он отказался вернуться в святую землю. Мы объявляем всех его подданных свободными от присяги и запрещаем под страхом смерти повиноваться ему до того дня, когда он придет просить нашей милости».

Григорий тешил себя надеждой, что анафема устрашит Фридриха и заставит его каяться и молить о прощении. Надежда оказалась иллюзорной. Император, не потрудившись даже ответить святому отцу, опубликовал манифест, который поражает мужественным тоном и независимым духом.

«Знайте же, легковерные народы,— писал Фридрих,— что настало время открыть вам глаза на верования, навязанные вам тремя обманщиками — Моисеем, Христом и Магометом. Неужто разум не подсказывает вам, что лишь бездельники, заинтересованные в обмане, могут утверждать, будто бога произвела на свет девственница? До каких же пор вы будете верить в силу пап, этих кровосмесителей, воров и убийц? Не бойтесь их жалких и смешных угроз, на которые я сумею ответить оружием!»

К сожалению, подобные голоса в ту пору раздавались крайне редко и не находили отклика; могущественная церковь могла продолжать творить свои мерзкие дела.

После опубликования манифеста Фридриха папа полагал, что император двинется на Рим, но и на этот раз он ошибся.

Император решил сломить папу иным путем. В то время Сицилия была наводнена всякого рода монахами, среди которых особенно отличались воины святого Франциска. Эти ревностные служители проповедовали священную войну и восстанавливали народ против императора. Фридрих не только стал изгонять монахов из Сицилии, но и потребовал, чтобы церковники платили ему своеобразную десятину. Последние, привыкшие сами получать десятину, без особого удовольствия отнеслись к требованию императора. Однако пришлось платить.

Что касается папы, гнев его не знал границ. Но и на этом не кончились тяжелые испытания, выпавшие на его долю.

Раньше из владений Фридриха в Рим постоянно приходили бесчисленные паломники, стремившиеся попасть к папе и удостоиться чести облобызать его туфлю. Они приносили папе огромный доход.

Фридрих решительно пресек паломничество своих подданных в Рим, запретив жителям отправляться в вечный город без особого разрешения.

Григорию необходимо было найти способ отразить удары, нанесенные ему императором. Нужны были солдаты, а главным образом деньги. Вскоре Григорий нашел выход: он стал задерживать у себя отряды крестоносцев, которые обычно проходили через Рим, чтобы получить благословение и отпущение грехов у папы, перед тем как отправиться на борьбу с неверными. Наместник Христа без долгих церемоний завладел денежными средствами крестоносцев.

И все-таки этого было недостаточно. Выручила папу возлюбленная дочь святого престола — Франция.

Царствовал там в это время Людовик IX. Монарх, которого церковь вскоре провозгласила святым, конечно, не мог отказать в поддержке главе христианского мира. Легаты Григория получили от Людовика IX разрешение распоряжаться двадцатой долей доходов королевства. Когда они вернулись в Рим, выполнив свою миссию, папа пришел в такой восторг, что счел необходимым выразить святому Людовику свою признательность.

Что же он сделал? Он подарил брату короля Роберту Артуа... императорскую корону. Король, однако, не счел возможным принять подобный дар. Людовик не мог не учитывать интересов, которыми Франция была связана с отлученным императором, да к тому же он знал подлинную цену Григорию IX.

Однако на деньги, собранные во Франции, Григорий сколотил значительную армию, и вскоре Италия превратилась в арену вооруженной борьбы. В самом Риме жители, разделившиеся на две группы: гвельфов, сторонников папы, и гибеллинов, сторонников императора, боролись между собой не на жизнь, а на смерть. Когда Фридрих, одержав ряд побед, приступил к осаде вечного города, Григорий внезапно скончался.

Это счастливое событие произошло 20 августа 1241 года.

Целестин IV

■ В этот момент в Риме находилось лишь десять кардиналов. Остальные были в плену у императора. После длительной борьбы на святой престол возвели кардинала Джофредо под именем Целестина IV. Новый папа, видимо, был порядочным человеком: он проявил твердое намерение искоренить пороки духовенства, и это его погубило. Прелаты решили убрать не подходящего для них папу. Не выступая открыто, они пустили в ход испытанное средство церковников, и через две недели после своего избрания Целестин скончался от яда.

После этого папский престол свыше года оставался вакантным. Римляне настойчиво требовали расследования обстоятельств смерти Целестина. Когда обнаружилось, что в смерти его повинны кардиналы и архиепископы, напуганные власти решили прекратить дело. Многие виновники преступления бежали из Рима, и в Латеране осталось всего шесть кардиналов. Как известно, еще при Александре III было принято постановление, согласно которому первосвященника можно избирать только из среды кардиналов, причем он должен получить две трети голосов. В данном случае положение оказалось особенно затруднительным: все шесть кардиналов претендовали на тиару. Между тем император пригрозил повесить всех, если они не договорятся между собой.

Но все было безрезультатно, и Фридрих осадил вечный город. Осада была суровой, в Риме начался голод. Римляне отправили в императорский лагерь своих делегатов, которые говорили, что несправедливо карать все население за действия священной коллегии, и они обещали изгнать из города злополучную шестерку, если только осада будет немедленно снята.

Тогда Фридрих обрушился на партию гвельфов, разорил владения кардиналов и не успокоился до тех пор, пока они не пришли к соглашению о кандидатуре папы.

■ В июне 1243 года священная коллегия наконец выбрала папу, принявшего имя Иннокентия IV.

Император, считавший Иннокентия своим старым другом, приказал отслужить повсюду благодарственные молебны и выразил надежду, что новый папа поможет ему восстановить мир.

Однако едва новый папа очутился на престоле, он возненавидел императора и до самой смерти остался его врагом.

Разрыв произошел сразу же после интронизации. Иннокентий предложил Фридриху назначить делегатов для переговоров, назвав в качестве кандидатов людей, преданных римской курии. Естественно, что делегаты приняли все условия, продиктованные папой. Подписанный ими договор включал, между прочим, следующие пункты: «Император обязуется возвратить земли, отнятые им у святого престола, а также в публичной исповеди признать, что, по внушению дьявола, он отказался подчиниться требованиям Григория IX. Кроме того, император обязан заявить, что первосвященник, будь он даже величайшим преступником, один обладает верховной властью над всеми христианами, независимо от их ранга...»

Фридрих пришел в ярость от того, что папе удалось обмануть его, и предупредил Иннокентия, что в ближайшем будущем он лично ответит ему. Понимая, что Фридрих выполнит свою угрозу, Иннокентий счел более разумным не дожидаться этого момента: он тайно бежал из Рима и обратился за помощью к некоторым монахам. Но он нигде не нашел поддержки. В конце концов Иннокентию удалось найти убежище в Лионе, который номинально принадлежал империи, а фактически был совершенно независим.

Вскоре папа созвал там собор. На первом же заседании Иннокентий зачитал приговор об отлучении императора, виновного в клятвопреступлении, ереси и святотатстве, и объявил императорский трон вакантным. Представитель Фридриха объявил решение незаконным, так как собор не дождался приезда Фридриха, а кроме того, Иннокентий IV выступил в роли судьи, тогда как он был заинтересованной стороной. Однако на следующий день первосвященник направил

епископа Феррарского в Германию с приказом утвердить римским императором Генриха, ландграфа Тюрингского и Гессенского. Одновременно он уполномочил майнцского архиепископа объявить крестовый поход против Фридриха.

Многие немецкие князья поддались агитации папы. Военные отряды стали опустошать и разорять империю. Особенно ожесточенной была война в Италии; заговоры, восстания, осады, сражения, пожары, насилия и убийства причинили населению страшные бедствия.

В течение целого года по вине папы лилась христианская кровь...

Ничего не добившись военным путем, Иннокентий IV организовал заговор против Фридриха.

Ему удалось уговорить постоянного врача Фридриха — Пьера де Виня рекомендовать императору нового итальянского лекаря, который согласился отравить своего пациента.

Вскоре заговорщикам представился удобный случай. Император, утомленный непрерывными войнами, почувствовал недомогание. Пьер де Винь предложил пригласить на консилиум еще одного врача. Больной согласился. Однако то ли врач не внушал ему доверия, то ли он был предупрежден о заговоре, так или иначе, но Фридрих потребовал, чтобы лекарь сам сначала выпил микстуру. Не посмев отказаться, отравитель как бы случайно выронил чашу. Окончательно убедившись в правильности своих подозрений, Фридрих приказал отнести оставшуюся в сосуде жидкость трем осужденным на смерть преступникам. Приняв микстуру, они через несколько мгновений скончались.

Пьер де Винь и Итальянский лекарь были казнены.

Что касается главного виновника, то он остался безнаказанным. Незадолго до смерти (в 1250 году) Фридрих попытался помириться с Иннокентием, чтобы обеспечить корону за своим сыном Конрадом. Но Иннокентий не желал ничего слышать о «змеином отродье» и отказался вести переговоры.

Весть о кончине Фридриха застала Иннокентия в Лионе. Папа сразу же попытался увенчать императорской короной Вильгельма Голландского. Но Конрад, сын умершего императора, возглавив армию, разгромил своего соперника. Папа выдвинул другого кандидата, но результат был тот же.

Положение Иннокентия стало критическим. Он истратил все деньги на организацию похода в святую землю. Снова пустить в ход ту же идею было неудобно, по крайней мере в

ближайшее время. И Иннокентий придумал новый трюк: он призвал к крестовому походу против императора! Его легаты громогласно объявляли, что всякий, кто примет участие в походе или поддержит его своими средствами, получит отпущение грехов, притом более широкое, чем то, которое давалось за участие в походе против неверных; в то время как палестинские крестоносцы получали прощение лишь за свои собственные грехи, участникам крестового похода против императора отпускались не только грехи их самих, но и их детей, и других членов семьи.

Но так как Англия и Франция отвергли планы папы, ему пришлось довольствоваться лишь тем, что дала Италия. Денег Иннокентий собрал немного, но на его призыв откликнулось немало фанатиков, что позволило ему организовать армию.

Конраду пришлось нелегко. В Италии его поддерживал только побочный сын Фридриха Манфред, наместник империи в южной части полуострова. Объединившись с ним, Конрад овладел Неаполем. Тогда Иннокентий организовал покушение на императора. Ему удалось поссорить братьев, и в результате Манфред оказался вовлеченным в заговор. На этот раз старания папы привели к успеху: в мае 1254 года Конрад скончался от яда. Святой отец получил возможность почить на лаврах: сын Конрада, которому было три года, не мог считаться серьезным противником.

Вскоре после этого подвига Иннокентий IV отдал свою возвышенную душу богу, которого он столь достойно представлял на земле в течение одиннадцати лет.

Александр IV

■ Преемник Иннокентия Александр IV был вполне достоин своего предшественника. Еще за 600 лет до Пия IX, провозгласившего непогрешимость пап, первосвященники ни минуты не сомневались в своей непогрешимости, причем всегда распространяли ее только на себя. Александр IV по примеру большего числа своих предшественников, не колеблясь, торжественно отменил некоторые решения непогрешимого Иннокентия IV. В его булле говорилось: «Нет ничего необычного в том, что папа отменяет декреты тех, кто предшествовал ему

на апостольском троне, особенно если их установления отмечены заблуждениями или продиктованы низменными намерениями».

Александр IV прославился своим деспотизмом и безжалостными расправами со своими противниками. Но однажды, когда он вздумал заточить в темницу главу римской общины, чтобы посадить на его место своего фаворита, терпение римлян лопнуло, и они восстали против тирана. Узник был освобожден и с триумфом доставлен в Капитолий. Когда народный энтузиазм несколько поостыл, Александр отлучил сенатора от церкви. Но тот, не испугавшись, предупредил, что расправится со святым отцом, если он не прекратит своих козней. Александр не на шутку струхнул, покинул Рим и перенес свою резиденцию в Витербо, где он и умер в 1261 году.

* *
*

В период понтификата Александра IV возникла странная секта фанатиков, известных под именем флагеллантов (бичующихся). Одержимые своего рода религиозной истерией, мужчины и женщины разного возраста (иногда даже дети) бегали нагими по улицам сел и городов и бичевали себя до тех пор, пока плетка не вываливалась из их рук.

Эта секта очень быстро приобрела популярность. Некоторые историки утверждают, что нередко толпы фанатиков достигали десяти тысяч человек, которые при всем честном народе предавались упомянутому выше благочестивому упражнению. Процессии флагеллантов можно было видеть и ночью, и днем; самые суровые зимние холода не отрезвляли безумцев, носившихся по улицам в костюмах Адама и Евы.

Сначала духовенство поддерживало секту. Священники и высшие чины церкви, принимавшие участие в церемониях, шествовали во главе процессий; правда (за редким исключением), сохраняли на себе одежду и не особенно усердствовали в самобичевании. Довольно скоро, однако, флагелланты лишились покровительства духовенства, так как отклонились от основных положений вероучения и пытались заменить некоторые старые догмы новыми. Они, например, ввели обычай взаимной исповеди и, несмотря на то что были мирянами, давали друг другу отпущение.

И вот тут-то им пришлось убедиться в том, что церковь, снисходительная ко всем порокам и преступлениям верующих, не терпит ни малейшего посягательства на свои догматы.

* *
*

Когда Александр IV скончался, в Витербо находилось всего лишь восемь дряхлых кардиналов. Возникло довольно сложное положение. Никто из них не в состоянии был управлять римской курией. И кардиналам пришлось нарушить закон Александра III: они провозгласили папой патриарха Иерусалимского, случайно оказавшегося в Витербо. Новый папа получил имя Урбана IV. На престоле он просидел недолго. Ему пришлось вести непрерывную борьбу с врагами, заставившими его бежать из Витербо. Он умер в 1264 году.

После него правил до 1268 года Климент IV, а затем в течение трех лет римский престол оставался свободным. Каждый из кардиналов, входивших в священную коллегию, хотел быть папой. В конце концов после длительных распрей папой стал один из кардиналов, принявший имя Григория X.

Собор, созванный им, занялся церковными делами.

Чтобы получить представление о нравах духовенства той эпохи, достаточно прочесть послание, с которым святой отец обратился к льежскому епископу незадолго до открытия собора.

«Мы осведомлены,— писал папа,— что вы взяли себе в качестве сожительницы аббатису из ордена святого Бенедикта и хвастались, будто за четырнадцать месяцев имели двадцать двух детей от сорока разных любовниц. Нам известно, что в одном из ваших епископских владений вы держите гарем из монахинь и с этими дочерьми сатаны предаетесь разврату. Нам сообщили, что после смерти одной аббатисы вы нарушили канонический порядок избрания, чтобы посадить на место умершей одну из ваших дочерей, которая одновременно является вашей любовницей. Наконец, не довольствуясь ограблением церквей и монастырей, вы осмелились продавать церковные должности. Вы покровительствуете ворам и убийцам, вы никогда не появлялись в алтаре в трезвом виде».

Надо сказать, что большинство тогдашних церковников ничуть не уступало льежскому епископу. Поэтому прелаты так встревожились, узнав о взглядах Григория X. Вскоре, однако, они успокоились: не проведя никаких реформ, святой отец ограничился тем, что потребовал от епископов десятой доли их дохода.

На соборе был опубликован декрет Григория X, касающийся процедуры выборов папы. В нем в частности, говорилось:

«После смерти папы присутствующие при апостольском дворе кардиналы должны в течение десяти дней поджидать своих отсутствующих коллег. По истечении этого срока они обязаны собраться в папском дворце, оставив при себе единственного слугу мужского пола. Мы обязываем их находиться безотлучно в большом зале без каких бы то ни было перегородок, даже при удовлетворении естественных потребностей. Если после трехдневного обсуждения выборы все еще не закончатся, то участникам конклава следует давать лишь одно блюдо на обед и одно на ужин. Если через пять дней после этого кандидат на папский престол не будет избран, то им следует давать лишь небольшое количество хлеба, немного вина и воду — до того момента, пока, наконец, не будет провозглашен новый первосвященник. В течение всего периода выборов кардиналы теряют право на всякие доходы и бенефиции, которые они получают от церкви или апостольской казны».

Возможно, что преемник Григория X Иннокентий V оказался на престоле именно в результате спешки на выборах, которые проводились на основе декрета Григория X. Иннокентий был простым человеком и стал папой явно по недоразумению. Он вздумал всерьез изменить политику римской церкви. Члены священной коллегии быстро разобрались что к чему и избавились от Иннокентия V с помощью яда.

После его смерти кардиналы решили действовать осмотрительней. Но когда миновало восемь дней и им пришлось перейти на хлеб и воду, они заторопились и выбрали папой Адриана V. Но и на этот раз они попали впросак. Адриан оказался слишком порядочным человеком. Пришлось вновь прибегнуть к испытанному средству: папе подсыпали сильнодействующий яд, а затем кардиналы объявили, что он скончался от таинственной болезни желудка.

* *
*

Конец XIII века был отмечен жестокими гонениями на еретиков и евреев. Особенно тяжело пришлось евреям в Германии и Франции. Натравливая на них народ, церковники обвиняли их в самых чудовищных преступлениях, придумывали дикие басни, изображая евреев слугами сатаны. Но эти басни вызывали ярость невежественных и суеверных людей.

При папе Николае IV усилились гонения на еретиков. Этот папа расширил привилегии доминиканцев, дав им возможность как угодно истолковывать церковные законы. Доминиканцы должны были искоренять ересь огнем и железом, конфисковывать имущество, карать всякого, кого подозревали в сочувствии к еретикам. Папа разрешил сносить дома еретиков и даже близлежащие жилища, которые тоже считались оскверненными. Он опубликовал буллу, обязывавшую сеньоров и городские власти поддерживать доминиканцев и повиноваться им во всем. Не случайно папа так симпатизировал этому ордену: он сам был столь же мстителен и жесток, как доминиканцы. Даже смерть врагов не утоляла его жажды мести. Например, после смерти двух монахов, обличавших его, он приказал выкопать их трупы и сжечь на костре, а пепел развеять по ветру.

Вот что писал о Николае IV и его окружении современник граф Тирольский: «Если вы вздумаете дать епископам ваш кафтан, они стянут и ваш плащ. Как можно быть столь неразумным и трусливым, чтобы терпеливо сносить высокомерие, скупость, вероломство, разнузданность и прочие преступления папского двора?

Все дело церковников заключается в том, чтобы плодить незаконнорожденных детей, бражничать и придумывать новые способы для выманивания денег у народа.

Неужто недостаточно, что пастухи стригут своих овец? Неужели надо, чтобы они еще и душили их? Долго мы были одурманены ими. Долго они запугивали нас адом, которого не существует. Довольно нас топтали ногами священники! Поднимемся наконец и воскликнем: смерть и уничтожение растлителям человечества!»

Бонифаций VIII

После смерти Николая IV на папский престол избрали монаха Пьетро, принявшего имя Целестина V.

Во время выборов энергичнее всех домогался тиары заносчивый и властолюбивый кардинал Бенедетто Гаэтани. Даже после восшествия Целестина на святой престол он не сложил оружия и продолжал исподволь вести упорную борьбу за тиару.

Почти всю свою жизнь смиренный схимник Пьетро провел в келье, распевая псалмы или предаваясь благочестивым размышлениям; роскошь и блеск папского двора, а также беседы с деятелями римской курии были ему только в тягость. Так как у блаженного старца не было больше времени ни на молитвы, ни на благочестивые размышления в связи с его новыми обязанностями, он облюбовал себе маленькую часовню, где проводил все ночи и куда никто, кроме него, не имел доступа.

Однажды, проведя всю ночь в молитве на коленях перед огромным распятием, занимавшим всю стену, Целестин явственно расслышал слова, исходившие из уст Христа: «Целестин! Сбрось с себя бремя папской власти — ноша эта слишком тяжела для тебя!»

За короткий срок пребывания на святом престоле Целестин успел убедиться в разгульном образе жизни своей паствы и не раз вопрошал себя, не должен ли он уступить место более сильному и энергичному пастырю, способному исправить духовенство.

Таинственный голос укрепил возникшие у него сомнения. В то же время подобное совпадение показалось ему подозрительным. Нет ли чего-нибудь дурного в его намерениях? Не дьявольские ли это козни? Мучительные сомнения терзали Целестина, воспоминания о голосе, услышанном в часовне, не покидали его ни на минуту, и, чем больше он размышлял о происшедшем, тем труднее ему было принять решение.

Прошло несколько недель, и однажды в часовне Целестин снова услышал таинственный голос; на этот раз он грозил Целестину вечными муками ада, если тот и впредь будет медлить с отречением. Бедный затворник разрыдался. «Господи,— молил он,— разве ты не слышишь, что я взываю к тебе? Просвети меня, ты ли говоришь со мной? Зачем ты призвал меня на трон, которого я не добивался? Не лучше ли мне отвергнуть тиару и бежать из нечестивого Вавилона?

Неумолимый голос ответил: «Отрекись от папского звания, Целестин».

На следующее утро блаженный старец призвал к себе кардиналов, среди которых был и Бенедетто Гаэтани. Целестин сообщил им, что не способен управлять да и недостоин того высокого сана, в который его возвели.

«Я уверен,— закончил он,— что не избежать мне вечного осуждения, если я останусь первосвященником. И потому прошу передать тиару более достойному, чем я».

Слезы, застилавшие глаза папы, помешали ему увидеть торжествующую улыбку на устах Гаэтани.

Читатель, вероятно, уже догадался, что небесный голос, приказавший Целестину сложить с себя папский сан, исходил от лукавого кардинала. Он занимал помещение, находившееся этажом выше, над молельней, где уединялся святой отец. Гаэтани воспользовался этим и просверлил отверстие как раз над головой распятого Христа.

Кардиналы выразили сожаление, но в конце концов заявили, что не смеют противиться желанию папы. Правда, они потребовали, чтобы Целестин опубликовал закон, разрешающий первосвященникам слагать с себя сан, а кардиналам принимать отречение.

Слух об уходе Целестина распространился по Риму. Народ, считавший его святым, был крайне взволнован. Большие толпы стали собираться перед папским дворцом, умоляя Целестина отказаться от своего намерения. Растроганный такой любовью и доверием, Целестин заколебался и сказал кардиналам, что хочет хорошенько поразмыслить и обратиться за помощью к святому духу.

Вечером, когда папа уединился в часовне, он снова услышал грозный глас бога. «Вот как ты повинуешься мне,— злобно шипел голос,— истинно говорю тебе, Целестин, ты будешь осужден, ибо ослушался меня».

«Милости молю, святой отец!» — завопил Целестин и всю ночь пролежал, распростертый перед распятием.

В то же утро, надев валасяницу и одежды схимника, он созвал кардиналов и сообщил им, что небесный голос утвердил его первоначальное решение и он немедля возвращается в свою келью.

Наконец-то Гаэтани мог воспользоваться плодами своих ночных трудов. Через десять дней после ухода Целестина кардиналы избрали его наместником Христа.

Новый папа принял имя Бонифация VIII. Сразу же после интронизации он потребовал от священной коллегии оформить постановление об отречении Целестина.

Огромная популярность святого не могла не обеспокоить Гаэтани. Новый папа боялся, что Целестин в один прекрасный день вернется в папский дворец, поддавшись уговорам своих сторонников.

Постоянная тревога отравляла существование Бонифация, и он приказал арестовать Целестина. Вот что рассказывается по этому поводу в «Житиях святых»: «Отшельник

Целестин был взят в своей келье папской стражей. По дороге толпы верующих теснились вокруг блаженного старца, прося у него благословения, целовали ему ноги, отрезали кусочки от его сутаны, вырывали волосы у осла, на котором он ехал, чтобы сохранить их как драгоценные реликвии. Когда Целестина доставили во дворец, его милостиво принял лицемер Бонифаций. Но в тот же вечер стража отвела бывшего папу в его замок, куда вскоре явился священник, предложивший ему исповедоваться и приготовиться к смерти. Покуда Целестин раскрывал тайны своего сердца, Бонифаций прятался за портьерой, а по окончании исповеди предстал перед старцем и набросился на него с гневными упреками за якобы кощунственные высказывания после отречения. После этого Бонифаций распорядился посадить его в каменный мешок, а у наружных ворот замка, где находилось подземелье, поставить тридцать солдат, чтобы помешать тем, кто попытается освободить Целестина. Опасаясь народных волнений, Бонифаций решил уморить старца голодом и через несколько дней объявил, что святой монах умер от старости, благословляя первосвященника. Преступление, однако, было раскрыто, и убийцу возненавидели все христиане».

Мы не прибавили ни единого слова к рассказу болландистов. Заметим только, что благочестивые историки не преминули бы защитить Бонифация, будь у них малейшая возможность сделать это.

Обуреваемый непомерной гордыней, властолюбивый папа вел непрестанную борьбу со многими государями Европы. Особенную славу стяжал он в борьбе с Филиппом Красивым, который категорически отказался подчиниться ему, оспаривая притязания первосвященника на светскую власть.

Политическая роль Бонифация расценивалась историками по-разному, зато его личность не вызывает никаких разногласий. Все историки, светские и духовные, сходятся на том, что убийца Целестина был отъявленным негодяем.

Мы вынуждены вступиться за Бонифация: он отнюдь не является исключением среди пап. Большинство других первосвященников не уступало ему в злодеяниях. Только кое-кто из них не афишировал так явно своих преступлений.

Кардинал Бенедетто Гаэтани, до того как завладел тиарой, являлся одним из лидеров гибеллинов; очутившись на папском престоле, он стал ярым противником этой партии. Перемена же взглядов произошла из-за того, что два кардинала

из рода Колонна, самого могущественного и богатого среди гибеллинов, энергично выступали против кандидатуры Гаэтани. Злопамятный Бонифаций, получив ключи и посох первосвященника, отлучил все семейство Колонна от церкви, проклял их потомков, наложил запрет на поместья, приказал срыть их дворцы и, чтобы привести мятежников к покорности, призывал на помощь всех христиан, будто дело шло о настоящем крестовом походе.

Членам семейства Колонна пришлось бежать из Рима, но они не прекратили борьбы.

Первосвященник пошел даже на переговоры с французским королем, лишь бы собрать деньги для войны с Колонна. В угоду королю Бонифаций канонизировал Людовика IX. Кроме того, он подарил Карлу Валуа, брату Филиппа, германскую корону, которую тот собирался отнять у Адольфа Нассауского. Обманутый покорным поведением Бонифация, Филипп разрешил эмиссарам папы увезти с собой в Рим все, что им удалось выманить у верующих.

Жатва была значительной, так что игра стоила свеч.

Как только деньги, вывезенные из Франции, попали в папскую сокровищницу, Бонифаций не только не выполнил своих обещаний, но еще постарался натравить английского короля Эдуарда и герцога Фландрии напасть на Францию.

Прежде чем решиться на крайние меры, Филипп отправил в Рим посла, который потребовал у папы объяснений.

Бонифацию вновь удалось обмануть Филиппа. Больше того, французский король, поддавшись его уговорам, дал согласие на новый крестовый поход; правда, у Филиппа хватило здравого смысла принять кой-какие меры для предотвращения вмешательства папы в дела его королевства. Поняв, что король не скоро отправится в путь, Бонифаций послал к французскому монарху легата, который держал себя столь высокомерно и оскорбительно, что Филипп прогнал его, не пожелав выслушать до конца.

Разъяренный и униженный легат отправился в Южную Францию, где начал подстрекать население к восстанию и убийству Филиппа, обещая кроме многочисленных отпущений грехов значительную сумму денег тому, кто освободит мир от Филиппа.

Когда эти интриги были раскрыты, легата арестовали, обвинив в оскорблении его величества, мятеже, ереси и богохульстве.

Филипп немедленно отправил посла к папе с требованием отдать виновного под суд и лишить духовного звания.

Ответ Бонифация явился для короля полной неожиданностью. «Знай, что ты подвластен нам и в церковных делах и в мирских»,— писал папа. Обвинив короля в посягательстве на права церкви, он заявил, что легат достоин похвалы за мужество, которое он проявил. Впрочем, добавлял папа, он только исполнял мои приказания. Одновременно с письмом Бонифаций опубликовал буллу, в которой провозглашал себя владыкой Франции.

Филипп, разумеется, пришел в ярость. 10 апреля 1302 года он созвал в Соборе Парижской богоматери представителей знати, духовенства и третьего сословия, чтобы обсудить поведение папы. Все члены совещания, не исключая духовенства, высказались за необходимость положить конец преступным махинациям главы церкви. После торжественной церемонии сожжения папской буллы на паперти собора король обратился к Бонифацию с посланием: «Знай, негодный священник, что в мирских делах мы не подвластны никому, и твое непомерное честолюбие должно склониться перед нами». Папа ответил на это послание отлучением: он объявил, что Филипп низложен и корону получит тот, кто доставит его живым или мертвым.

Тогда король собрал прелатов и баронов в Лувре. Там его представитель, Гильом Ногаре, зачитал настоящий обвинительный акт против Бонифация, который был назван антипапой и еретиком, запятнавшим себя страшными преступлениями.

Указывалось на то, что папа не верит в бессмертие души, не соблюдая постов, что «гнусный первосвященник вынуждает служителей церкви открывать ему тайны исповеди под тем предлогом, что ему должны быть известны замыслы его врагов. Он преследует странствующих монахов и монахинь и отнимает у них деньги, ссылаясь на то, что лицемерные бездельники обирают народ».

Никто не выступил в защиту Бонифация. Генеральные штаты потребовали созыва вселенского собора. Король сообщил о решении Генеральных штатов всем европейским монархам, и повсюду это известие встречали с энтузиазмом. В самом Риме многие сеньоры, чиновники, граждане и священники, изнемогавшие от тирании святого отца, приняли сторону Филиппа Красивого. Бонифацию грозила явная опасность. Он решил покинуть город, где число его против-

ников росло с каждым днем. Прихватив с собой племянниц, фаворитов и детей, он бежал в Ананьи. Обосновавшись в новой резиденции, он обрушился на французского короля новой отлучительной буллой, еще более яростной, чем первая. Он проклинал Филиппа, его семью, все его потомство, наложил интердикт на Францию. В этой же булле он призывал немцев, англичан и фламандцев выступить против Франции, обещая райское блаженство всем участникам похода.

Созыв вселенского собора, где должны были осудить Бонифация, был поручен Ногаре. С помощью одного из племянников кардинала Колонна он собрал отряд в восемьсот человек. Под знаменем французского короля на рассвете 6 сентября 1303 года солдаты внезапно ворвались в Ананьи с криками: «Смерть Бонифацию!» Захватив по дороге дворец папского племянника, они начали осаду крепости, в которой укрывался святой отец. Увидев, что сопротивление бесполезно, тот вступил в переговоры и попросил дать ему несколько часов на размышление и на совещание с кардиналами. Просьба его была уловкой: папа надеялся, что жители Ананьи откликнутся на его призыв и благодаря их помощи он выйдет победителем из борьбы. Но папа просчитался. Население отказалось выступить в его защиту. Когда истек срок, данный на размышление, Ногаре и Колонна приказали солдатам штурмовать крепость.

Надеясь произвести впечатление и напугать врагов, Бонифаций в тиаре, облаченный в папские одежды, держа в руках апостольский ключ и крест, воссел на трон, ожидая победителей. Но и здесь он ошибся. Ногаре потребовал от него, чтобы он явился на собор. Увидев, что папа хранит презрительное молчание, Колонна спросил, отрекается ли он от папского сана. Вопрос привел Бонифация в бешенство: он проклял короля Франции, его род и потомство, прибавив несколько оскорбительных слов и по адресу Колонна. Последний, не стерпев, отвесил папе пощечину. Рука его в железной перчатке нанесла удар, от которого папа потерял сознание. Полуживого его унесли и заперли в одной из зал замка.

Три дня папа просидел в заключении. На четвертую ночь церковникам удалось поднять жителей Ананьи: они напали на замок и освободили Бонифация. Когда папа вернулся в Рим и обнаружил, что там царит полнейшая анархия, он пал духом: он не отдавал распоряжений, а говорил лишь о

проклятиях и отлучениях; потом у него началась горячка, и в припадке ярости он кусал себе руки. Умер он восьмидесяти шести лет от роду, просидев на престоле девять лет.

Так как в ту эпоху добро и зло олицетворялись богом и дьяволом, то у современников Бонифация не вызывало никакого сомнения, что душа святого отца находилась в руках сатаны. Сами церковники нередко заявляли, что Бенедикт Гаэтани осужден на вечное горение. Из рук в руки передавались рисунки, на которых Бонифаций изображался в недвусмысленных положениях.

Данте, современник Бонифация, поместил его в своем «Аду». А один наивный летописец совершенно серьезно сообщает, что статуя девы на могиле Бонифация, высеченная из белоснежного мрамора, на следующий день, после того как ее установили, почернела и никакими усилиями ее не удалось привести в первоначальный вид.

Для полной характеристики Бонифация приведем несколько его изречений. Они взяты из подлинных документов:

«Дал бы мне бог благополучие в этом мире, о другой жизни я не тревожусь».

«Души людские не более бессмертны, чем души животных».

«В евангелии больше лжи, чем правды. Непорочное зачатие — нелепость, воплощение сына божьего — смехотворно, а догмат пресуществления — просто глупость».

«Сумма денег, которую дала церковникам легенда о Христе, неисчислима».

«Религия сотворена честолюбцами для обмана людей».

«Клирики должны говорить то, что говорит народ, но это не значит, что они обязаны верить в то, во что верит народ».

«Надо продавать в церкви все, что угодно покупать простакам».

Святой год

■ Посмотрим теперь, каким образом Бонифацию удалось сколотить колоссальное богатство, которое обнаружили французские солдаты, когда они заняли дворец. Хронист Уолсингем, английский монах, утверждает, что «у всех королей, вместе взятых, не нашлось бы столько золота и драгоценных

камней, сколько их обнаружено было в ларцах папской сокровищницы».

Прежде всего, Бонифаций получал огромные доходы от сборов со всей Европы, от ежегодных взносов церковников, принимавших подарки от паломников. Но папе, постоянно воевавшему с разными монархами, денег все же не хватало. И надо признать, Бонифаций был подлинным гением в отношении церковного вымогательства. Именно ему папство обязано установлением юбилеев. Бонифаций декретировал, что святой год празднуется каждые сто лет (впоследствии срок был уменьшен до пятидесяти, а при Павле II — до двадцати пяти лет).

Собственно говоря, юбилей означал обычное паломничество к гробнице апостола Петра. Пилигрим оставлял свой дар у гроба и получал пачку драгоценных отпущений. Мы видим, что выдумка Бонифация VIII гениальна по своей простоте. Первый юбилей был отпразднован в последний год тринадцатого столетия (1300). Следующий же мог состояться лишь через столетие. И многие фанатики, понимая, что им не придется отпраздновать юбилей 1400 года, не могли отказаться от участия в торжестве. Этим, вероятно, объясняется гигантский успех первого юбилея, превзошедший ожидания папы. Флорентинский хронист Виллани утверждает, что на первом юбилее в Риме побывало более двухсот тысяч паломников. «Я жил в этом городе,— рассказывает он,— когда верующие начали сходиться в Рим огромными толпами. Они шли со всех четырех стран света старыми римскими дорогами, это было что-то вроде переселения народов. Два клирика днем и ночью собирали лопатами добровольные пожертвования с гробницы святого Петра. Юбилей сказочно обогатил Бонифация, да и римляне нажились, продавая разные товары по дорогой цене простакам, пришедшим в Рим, чтобы получить отпущение грехов и опустошить свой кошелек».

Домик в Лорето

■ Юбилей не единственное изобретение убийцы Целестина. Постоянно нуждаясь в деньгах, святой отец всегда размышлял над тем, какие пути ведут к кошелькам верующих.

Однажды он заявил, что ангелы обещали ему перенести из Назарета в Галилее (с территории мусульман) домик, в котором родилась святая дева, где она обручилась со святым Иосифом и зачала Христа от святого духа. И действительно, не прошло и восьми дней, как Бонифаций обратился к христианам с приглашением посетить Далмацию, чтобы увидеть домик богоматери, помещенный ангелами на пустынной горе. Но вскоре святой отец обнаружил, что большое расстояние, которое приходится преодолевать многим верующим, направляющимся к домику богородицы, сильно отражается на его доходах. И добрые ангелы перенесли домик в другое место — в Реканати. Церковники стали рассказывать, какие чудеса происходят ежедневно вокруг домика: ветры напевают чудесные мелодии, дубы склоняют свои вершины, приветствуя богоматерь, лес озаряется невиданным светом. Результат не замедлил сказаться. Паломники толпами потянулись к домику. Никакая знаменитая куртизанка не имела таких доходов, как мадонна Реканати. Правда, сама-то она не пользовалась теми дарами, которые ей приносились. Время от времени папа посылал своих агентов, которые забирали сокровища, скопившиеся в домике. Следует отметить, что нередко и разбойники, которых было немало в той местности, до прихода папских агентов обирали бедную деву Марию.

Бонифацию решительно не нравилась конкуренция его коллег с большой дороги. Он попросил ангелов в третий раз перенести недвижимость и поместить ее в таком месте, которое было бы недоступно для нечестивцев. Ангелы опустили домик на какое-то поле. Однако двое соседей начали спорить из-за участка, на котором приземлился летающий дом.

И папе снова пришлось обратиться к услугам ангелов. Те перенесли домик в Лорето, и с тех пор домик там остался. Надо думать, что и ангелы были довольны тем, что наконец ублажили Бонифация: вновь переносить домик было бы трудновато, ибо его поместили в огромную великолепную церковь, специально выстроенную для сохранения святыни. Такова история домика в Лорето.

Папа Бонифаций очень талантливо умел спекулировать на человеческой глупости, извлекая из нее огромную прибыль.

Триумф шарлатанов

■ Итак, мы вступаем в XIV век. Но прежде чем перейти к нему, мы позволим себе рассказать о некоторых любопытных событиях, относящихся к царствованию Людовика Святого, самого ничтожного из французских королей. Официальные историки, являющиеся нередко союзниками клерикалов, окружили имена этого отвратительного монарха и его матери легендой, которую следует разоблачить.

Людовику IX было двенадцать лет, когда умер его отец, отравленный графом Тибо, любовником благочестивой королевы Бланки.

Сын этой достойной женщины получил блестящее воспитание: никто не мог сравниться с ним в пении гимнов, в чтении «Житий святых» и в молитвах. Этим, правда, ограничивались все его познания, но много ли нужно знать для того, чтобы выполнить божественную миссию, то есть чтобы проливать кровь во славу Христа и его церкви. О некоторых подвигах Людовика мы уже говорили, добавим еще несколько деталей.

Достигнув совершеннолетия, Людовик IX взял из государственной казны восемь тысяч унций золотом, чтобы купить у венецианцев терновый венец Иисуса Христа. Безграничная глупость Людовика IX проявилась во всем блеске во время этой сделки. Монахи аббатства Сен-Дени утверждали, что подлинный терновый венец находится не у венецианцев, а в их руках: они ссылались на то, что шипы этого венца сохраняют зеленый цвет. Подобная аргументация смутила короля, и, прежде чем принять решение, он назначил экспертов, которые должны были проверить подлинность реликвии.

Обман обнаружился очень скоро: венец, который монахи выставили для верующих и который приносил им огромные доходы, оказалось, был сделан из крашеного дерева. Тогда Людовик, гордясь своей проницательностью, срочно отправил посланцев в Венецию, приказав, не останавливаясь перед ценой, приобрести терновый венец, ибо, как он заявил своей матери и придворным, уж этот венец, конечно, подлинный, поскольку у монахов Сен-Дени — фальшивый.

Сделка произвела сенсацию. Мелкие князья, как правило не слишком богатые, последовали примеру Венецианской

республики и сыграли на невероятном суеверии Людовика. Ему наперебой стали предлагать самые удивительные реликвии, и Людовик все принимал с благодарностью. Он собрал у себя такие редкостные вещи, как перекладину животворящего креста, копье, губку, молот, гвозди и прочую бутафорию распятия. За все он платил огромные деньги, которые, разумеется, брал из государственной казны. Увидев, что торговля святыми реликвиями — весьма прибыльное дело, этим промыслом стали заниматься и другие подданные. Бойкую торговлю развернули во Франции греческие монахи и итальянские священники. Волосы, обломки костей, кусочки засушенной плоти шли за баснословную цену. Естественно, покупатели были убеждены, что эти остатки принадлежали какому-нибудь святому. Так, Генуя купила ослиный хвост, заплатив за него, не торгуясь, тысячу экю золотом. Хвост якобы принадлежал ослу, на котором Иисус въехал в Иерусалим. История с хвостом особенно ценна тем, что продавцом оказался один из церковных иерархов, которому нельзя было не верить. Другой прелат продал сено из яслей, которые будто бы служили колыбелью младенцу Христу.

У порога лавочек, где продавались эти редкие товары, чужеземные монахи отчаянно зазывали покупателей.

«Сюда! Сюда! — вопили они.— Смотрите: вот фиал, в котором кровь спасителя, собранная у подножия креста Марией! Вот сосуд со слезами Иисуса Христа! А вот молоко богородицы!»

И верующие выворачивали кошельки. Французские клирики сначала завидовали чужестранцам, а потом и сами занялись изготовлением реликвий. Они вполне резонно решили, что подорвать конкуренцию можно лишь товарами, еще более необычайными, и дали полную волю своей необузданной фантазии. На рынке стали появляться такие вещи, которые могут вызвать лишь гомерический смех. Рясники предлагали пустые коробки, в которых, по их словам, содержался... вздох Иисуса Христа, ларцы с невидимыми рогами Иосифа. А добрый король Людовик Святой усердно покровительствовал торговле, твердо уверенный, что господу ничего не может быть приятнее этого, если, конечно, не считать избиения еретиков.

Шайка бандитов

■ Папа, стоявший на пороге XIV века, был бесхитростным и сравнительно добропорядочным человеком. Оттого и понтификат его длился недолго. Он был возведен на престол 27 октября 1303 года под именем Бенедикта XI. Спустя несколько месяцев к нему во время обеда явился молодой клирик, переодетый монахиней, и преподнес серебряное блюдо с фигами, которые якобы были присланы аббатисой какого-то монастыря. Ничего не подозревавший Бенедикт принял подарок, съел две фиги, предложив остальные сотрапезникам. Те отказались под предлогом, что не хотят лишать папу вкусных плодов. В тот же вечер Бенедикт XI скончался в страшных конвульсиях. Таким способом кардиналы избавились от неудобного для них папы.

Преемник Бенедикта XI Климент V был вполне достоин своих кардиналов.

Сначала местом своей резиденции он сделал Лион. В течение какого-то времени к нему являлось много епископов и аббатов, но он так беззастенчиво обирал их, что вскоре визиты прекратились. Тогда Климент V начал лично объезжать епархии. Повсюду он опустошал сокровищницы церквей и монастырей, так что церковникам пришлось пожалеть, что они заставили ненасытного паука вылезти из своего дворца. Сообщают, что алчному папе понадобилось целых пять дней на то, чтобы вывезти золото и серебро, взятое им из подвалов Клюнийского аббатства.

Когда папа выжал все, что было возможно, он прибегнул к старому, испытанному средству. Он вспомнил, что IV Латеранский собор постановил: «Имущество еретиков и их соучастников принадлежит святому престолу, причем ни дети, ни родственники осужденных не вправе претендовать хотя бы на малейшую часть этого имущества». Опасаясь, что Филипп Красивый воспротивится применению этого декрета, Климент V предложил ему делить доходы пополам. Они быстро сговорились, и бесчисленные костры запылали в Италии, Испании, Германии, а в особенности во Франции. Когда пламя этих костров поглотило жертвы, два коронованных бандита поделили между собой награбленное богатство.

Климент занимал папский престол в течение десяти лет.

Не преувеличивая, можно сказать, что все свое время, свободное от распутства, он тратил на умножение своих сокровищ, применяя самые омерзительные средства. Он предал суду инквизиции не только еретические секты, но даже храмовников. Последним актом его преступной деятельности было отравление императора Генриха VII.

После этого обессилевший от распутства Климент V скончался.

Иоанн XXII

■ После смерти Климента V апостольский престол в течение двух лет оставался вакантным.

В период этого междуцарствия клирики безнаказанно обирали граждан, а инквизиторы преследовали еретиков. Особенно жестоко они расправлялись с сектой лоллардов, проповедовавших, что Люцифер и мятежные ангелы были изгнаны из царства небесного за то, что потребовали от деспота-бога свободы и равенства. Лолларды также утверждали, что архангел Михаил со своей свитой — защитники тирании — будут низвергнуты, а люди, повиновавшиеся царям, осуждены навеки.

Наконец французский король Филипп V решил навести порядок в священной коллегии. Чтобы положить конец междуцарствию, он придумал следующий трюк. Король приглашал в Лион каждого кардинала в отдельности и обещал ему тиару, но при этом просил держать все в секрете. Никто не заподозрил ловушки. В указанный срок все собрались в монастыре, где их ожидал король. И тогда Филипп заявил, что не выпустит их, пока они не выберут преемника Климента V. Затем он запер их и приставил надежную стражу. Просидев целый месяц на хлебе и воде в соответствии с постановлением папы Григория IX, кардиналы капитулировали и избрали папой Иоанна XXII.

С яростью невежды и тупицы Иоанн XXII преследовал ученых, расценивая новые открытия в физике, химии, астрономии как дьявольские изобретения. Немало людей науки, очутившихся в застенках инквизиции, были в то время замучены и сожжены. Приведем отрывок из послания Иоанна XXII, из которого видно, сколь нелепые обвинения церковь

выдвигала против мужественных людей, двигавших вперед человечество. «Мы узнали,— писал папа,— что Жан Даман, врач Жан из Лиможа, Жак Барбансон и некоторые другие занимаются магией: они пользуются волшебными зеркалами и колдовскими предметами, рисуют кабаллистические знаки, вызывая духов тьмы, губят людей силой своих заклинаний, засовывают демонов в бутылки и в кипящей воде заставляют их открывать будущее; они утверждают, что способны сократить и продлить бытие; к тому же они устраивают заговоры против нас и пытаются с помощью чародейства и заклинаний лишить нас жизни и тиары. Посему мы повелеваем: поступать с ними так же, как поступаете с еретиками. Отдайте их в руки инквизиторов — пусть пытки вырвут у них признания, а затем предайте их огню».

Чтобы пополнить опустевшую казну, Иоанн XXII расправился с орденом фратичеллов, утвержденным Целестином V. Ссылаясь на то, что Бонифаций VIII аннулировал распоряжения Целестина, Иоанн признал монахов еретиками и поделил с инквизиторами имущество этого ордена.

Когда среди францисканцев возник раскол, он поступил с ними точно так же, отправив раскольников на костер. Тогда генерал ордена опубликовал резкий протест, заявив, что папа больше, чем кто-либо другой, заслуживает костра. Строптивые монахи обратились с жалобой к германскому королю Людовику Баварскому и просили положить конец жестокостям папы. Вот отрывок из этого документа:

«Государь, вот уже много лет на троне церкви восседает преступник, дерзающий именем Христа доказывать свое право на безнаказанное совершение всех преступлений, на ограбление королей и народов, на умерщвление неслыханными пытками мужественных людей, отвергающих его дерзкие претензии на непогрешимость. От имени наших братьев мы умоляем вас, государь, употребить все усилия, чтобы сокрушить этот страшный теократический деспотизм, позорящий человечество. Не дожидайтесь того момента, когда содомиты и преступники свяжут по рукам и ногам народы и своим распутством погубят здоровую сущность трудолюбивых народов. Свергните папу, государь, чтобы мы увидели конец этому позору!»

На письмо Людовика Баварского папа ответил отлучением. Тогда король направился с армией к стенам вечного города, и после ожесточенной битвы, в которой было много жертв с обеих сторон, Рим был взят. Население встретило

Людовика как освободителя, требуя низложить Иоанна. Король вновь попытался закончить дело миром, но Иоанн XXII ответил новой анафемой. Тогда Людовик Баварский, убедившись, что дряхлый папа впал в маразм, созвал большой собор, на котором один из монахов прочитал длинный перечень преступлений, совершенных святым отцом, и предложил выступить защитникам папы. Ввиду того что никто не откликнулся на этот призыв, Людовик счел себя вправе низложить того, «кто называл себя Иоанном, а в сущности был не кем иным, как нечестивцем и еретиком, ненасытно жаждавшим обогащения». Вслед за тем мантию, тиару и пастырский перстень получил из рук Людовика простой монах, принявший имя Николая V.

Таким образом, у церкви снова оказалось два папы. В то время как один из них тщетно пытался исправить нравы духовенства, другой, сидя в своем великолепном Авиньонском дворце, игнорировал постановление собора и продолжал приумножать свое богатство. Николай V первое время вел скромную жизнь, стремясь дать личный пример своим кардиналам и монахам. Однако обстоятельства вынудили его продолжать финансовую политику своих предшественников: он стал продавать бенефиции, церковные звания и привилегии. Но поскольку авиньонский папа поступал так же, то на каждую вакантную епископскую кафедру оказывалось по два претендента. Легко представить, какие происходили драки и побоища!

Агенты Иоанна XXII не жалели золота и в конце концов сколотили в Риме отряд вооруженных наемников, наводивших панику на всех сторонников Николая V. Затем Иоанн XXII обнародовал манифест, в котором объявлял короля виновным в ереси и низлагал его с немецкого престола. Николаю V пришлось бежать из Рима.

Вот отрывок из его послания к Иоанну XXII, в котором он сообщает о своем отречении: «Я слышал, как вас обвиняли в ереси, симонии, убийствах и всяких преступлениях. На основании этого я считал вас самым недостойным из пап. Впоследствии я узнал, что никто больше вас не достоин папского звания. Вот почему я отказываюсь от тиары и готов торжественно отречься в вашем присутствии в любом месте, какое вам будет угодно мне указать».

Иоанн XXII, поблагодарив Николая за покаянное послание, пригласил злополучного антипапу к себе. И едва доверчивый Николай прибыл в Авиньон, агенты тиароносного не-

годяя запрятали его в подземелье, где ему пришлось просидеть свыше трех лет. Однажды утром тюремщик, приносивший узнику хлеб и воду, нашел дверь его камеры открытой. Николай V лежал мертвым: Иоанн XXII велел ночью задушить его.

Отпущение грехов по прейскуранту

■ В конце своего понтификата Иоанн XXII попробовал потрясти весь мир, высказав ряд соображений по поводу того, как подобает вести себя праведнику, дабы попасть в царство небесное. Мысли святого отца, несомненно, вызвали бы среди церковников серьезные разногласия, если бы Филипп V не потребовал от папы публичного отречения от своих положений, пригрозив сжечь его как еретика перед Авиньонским дворцом.

Мы считаем небезынтересным привести несколько параграфов из труда, удостоверяющего, что святой отец был настоящим знатоком своего дела. Документ, о котором идет речь, носит заголовок «Такса апостольской канцелярии». Итак:

«Клирик, виновный в плотском грехе с монахинями, племянницами или крестными дочерьми, получает отпущение за сумму в 67 ливров 12 су».

«Клирик, желающий получить отпущение за противоестественное распутство, платит 219 ливров 15 су».

«Священник, лишивший девственности девушку, уплачивает 2 ливра 8 су».

«Монахиня, неоднократно грешившая в своем монастыре, а также за пределами его и пожелавшая стать аббатисой, уплачивает штраф в размере 131 ливра 15 су».

«Священник, желающий получить разрешение на сожительство с родственницей, уплачивает 76 ливров 1 су».

Как видим, прощение предлагалось по таксе как за грехи совершенные, так и за те, которые еще предстояло совершить!

«Отпущение за прелюбодеяние, совершенное мирянами, стоит 27 ливров. За кровосмешение прибавить 4 ливра».

«Женщина, желающая приобрести отпущение и в то же время продолжать греховные сношения, уплачивает 87 лив-

ров 3 су. Если в подобном преступлении повинен муж, то и на него распространяется сия такса».

Перейдем к другим преступлениям.

«Отпущение и гарантия против преследования за такие преступления, как грабеж, кража, поджог, обходятся виновникам в 15 ливров 4 су».

«За нанесенное жене увечье муж вносит в канцелярию 3 ливра 4 су. В случае, если муж убил жену, он уплачивает 17 ливров 15 су. Если же убийство совершено с целью вступить в брак вторично, — 32 ливра 9 су».

«За убийство брата, сестры, отца или матери — 17 ливров 4 су».

«За убийство епископа или прелата — 131 ливр 14 су».

Как тут не умилиться: епископ оценивается в восемь раз дороже отца и матери!

«Если убийца убил несколько священников в разное время, то он уплачивает 137 ливров 6 су за первого и половину цены за каждого последующего».

«Еретик, обратившийся снова в католическую веру, уплачивает за отпущение 269 ливров. Сын сожженного или казненного еретика получает отпущение, уплатив 218 ливров 16 су».

«Клирик, который не в состоянии уплатить свои долги и хочет избежать преследования кредиторов, должен заплатить в канцелярию 17 ливров 3 су, и долг его будет прощен».

Любопытно узнать, удовлетворила бы такая комбинация кредиторов?

«Тому, кто нарушил права влиятельной особы, а также за контрабанду платить штраф в размере 87 ливров и 3 су».

Все равно виновника повесят, если он попадется в руки агентов влиятельной особы, но зато у преступника останется клочок пергамента, а у святого отца — 87 ливров и 3 гроша, что весьма существенно!

«Если монастырь намерен изменить дисциплину, дабы установить более строгий режим, он вносит в казну 146 ливров и 5 су».

Разве это не гениально? Глава церкви стирает всякую грань между понятиями «порок» и «добродетель»: на все есть такса, она же все превращает в источник дохода.

На редкость одаренным папой оказался этот Иоанн XXII! Выработанный им кодекс — своего рода шедевр. Все предусмотрено — глаза стервятника не упустили ни одной мелочи.

Сделаем оговорку. Предшественники Иоанна XXII тоже

продавали отпущения грехов и тоже торговали церковными должностями и званиями. По существу, Иоанн XXII не внес ничего нового, а лишь необычайно расширил этот промысел. Но в этой таксе Иоанна — вся подлинная мораль церкви.

* *
*

После Иоанна XXII, умершего в возрасте девяноста лет, члены священной коллегии остановили свой выбор на сыне умершего папы и его сестры, которую он любил не совсем по-братски. Как ни был туп этот наследник, он все же отлично понимал, что в папы не годится. Убедившись, что кардиналы твердо решили увенчать его тиарой, он произнес историческую фразу: «Братья мои, вы собираетесь выбрать осла для управления вами». Следует признать, что за семь лет понтификата Бенедикта XII кардиналы ни разу не раскаялись в своем выборе.

Бандиты в тиаре

После смерти Бенедикта XII кардиналы лихо поделили папскую казну и приступили к избранию нового папы. Им стал Климент VI, великий распутник того времени. Как и его предшественники, он старался собрать побольше доходов с трудолюбивой паствы.

Вечный город представлял в ту пору крайне печальное зрелище. Могущественные сеньоры старались завладеть городом по примеру североитальянских тиранов. Народ изнемогал от насилия и безрассудных выходок влиятельных князей и вельмож. Пламенный республиканец Кола де Риенци призывал народ сбросить иго двойного деспотизма — аристократии и духовенства. В Риме утвердили республиканский строй, и Риенци был с триумфом принесен в Капитолий, где ему присвоили титул трибуна и освободителя Рима.

Сын трактирщика, Кола де Риенци не позволил опьянить себя успехом; несмотря на простое происхождение, он был очень развитым человеком и притом самоотверженным патриотом. Отдавая себе отчет в том, что нельзя сразу преодолеть предрассудки, коренящиеся в вековом невежестве, Риенци призвал папского легата и водворил его в Ватикане.

Этой уступкой он рассчитывал парализовать интриги папы, ибо отлично понимал, какую ненависть питают император, князья и святой престол к республиканскому строю в Риме.

Климент VI был слишком хитер, чтобы открыто напасть на Риенци, и только исподволь, через своих агентов, готовил в Риме контрреволюционный переворот. Как только наступил благоприятный момент, он обрушился на трибуна с анафемой, объявил его еретиком, отменил все соглашения с ним и приказал верующим бороться с Риенци, угрожая отлучением тому, кто осмелится поддерживать трибуна. В Риме вспыхнул мятеж, организованный папским легатом. Когда Риенци распорядился ударить в набат, призывая народ к оружию, все церкви были уже захвачены восставшими. В одежде монаха Риенци удалось бежать. Император Карл Люксембургский принял Риенци и тут же выдал его папе. Доставленный в Авиньон, Риенци был брошен в подземелье в ожидании судебного процесса, исход которого был предопределен. Но тут на помощь Риенци явилась чума. Черная смерть унесла в те годы сотни тысяч по всей Европе. В самом Авиньоне ее опустошительное действие оказалось столь страшным, что папа с перепугу забыл о пленнике. Риенци удалось вырваться на свободу, лишив папу возможности совершить еще одно преступление. Впрочем, у Климента VI было достаточно злодеяний, и он с честью мог носить тиару наместника Христа.

Еще в начале своего понтификата Климент VI объявил святым 1350 год, сократив, таким образом, промежуток между юбилейными годами до пятидесяти лет.

Фанатичных паломников в Риме оказалось даже больше, чем во время первого юбилея. Все дома в городе превратились в гостиницы, самые жалкие клетушки сдавались за бешеные цены; население охватила золотая лихорадка.

По окончании празднеств легат Климента VI выехал из Рима в Авиньон во главе огромного каравана в пятьдесят возов, нагруженных золотом и серебром.

После смерти Климента VI первосвященником был избран Иннокентий VI, глубокий старик, но закоренелый негодяй. Вот что писал Петрарка об Авиньоне и его владыке: «В этом городе не существует ни жалости, ни милосердия, в нем нет ничего святого, ничего человеческого... Воздух, земля, дворцы, дома, улицы, рынки, храмы, суды, папский престол и алтари, посвященные богу,— все осквернено ложью, все запятнало себя мошенничеством. В адском лабиринте его камен-

ных подземелий властвует хищный Минос... Одно лишь золото способно обуздать это чудовище, вызвать у него улыбку... Золото дает право в этом городе растлевать собственных сестер, убивать родителей; за золото покупают ангелов, святых и самого Христа. Папа продаст вам все, все за исключением своей тиары...»

* *
*

После смерти Иннокентия VI священная коллегия избрала первосвященником Урбана V, а его преемником стал племянник Климента VI Григорий XI.

Массовое избиение еретиков

■ Григорий XI был таким же тираном и вымогателем, как и его предшественники. Еретики отправлялись на костер, а их имущество конфисковалось в пользу папы.

Первой сектой, подвергшейся гонению, была секта тюрлепенов. Старая поговорка: «Когда хотят убить собаку, говорят, что она бешеная», видимо, была придумана в связи с религиозными гонениями. Как бы там ни было, церковников никак нельзя упрекнуть в недостатке воображения, когда дело касалось приумножения их казны.

По всей Франции запылали костры. Число жертв папской алчности и королевского фанатизма было столь велико, что во многих городах пришлось строить новые тюрьмы. Вся секта тюрлепенов была истреблена целиком, а сундуки папской казны ломились от золота.

Григорий XI отнюдь не спешил покинуть Авиньон, где его пребывание превратилось в сплошной праздник. Дворцы папы и кардиналов, обставленные с царственной роскошью, были забиты куртизанками, музыкантами, танцовщицами и шутами. Один из епископов, которому папа приказал вернуться в Рим, позволил себе заявить: «Ты хочешь заставить пастыря жить среди своей паствы? Так почему же ты сам не возвращаешься в Рим? Не потому ль, что твой новый дворец сверкает золотом и пурпуром и население города, в котором ты пребываешь, рукоплещет твоей разнузданной свите? Не

потому ль, что ты можешь безнаказанно совершать здесь прелюбодеяния, насилия и прочие преступления? Что ж, и мы, подобно тебе, хотим приносить жертвы богам, которые ты здесь воздвиг».

Святой отец, терпеливо выслушав тираду, с улыбкой ответил: «Наш дорогой епископ провел ночь в таверне, и пары винных бочек, видимо, повлияли на его рассудок».

Роскошная жизнь авиньонского двора обходилась папе очень дорого. Постоянно нуждаясь в деньгах, он предложил своим легатам в западноевропейских государствах добиться новых взносов в папскую казну. Но на этот раз легаты натолкнулись на упорное сопротивление правителей и потерпели полное поражение.

Григорий XI испытал еще одно фиаско: английский ученый богослов Уиклиф, проповедовавший независимость британского духовенства от римской курии, давно досаждал папе. Григорий направил лондонскому архиепископу послание, в котором приказывал арестовать еретика Джона Уиклифа и подвергнуть его пытке. Но Уиклифа поддержали Оксфордский университет и сам король, и он продолжал в своих речах и сочинениях разоблачать жестокость инквизиторов, преступления и скандальные дела папского двора. Это было чувствительным ударом для Григория XI и, возможно, ускорило его смерть.

Потасовка хищников и бандитов

Борьба между Римом и Авиньоном последовала тотчас после смерти Григория XI. С этого момента начинается «великий раскол» христианской церкви, продолжавшийся полсотни лет. Христиане раскололись на две части, каждая из которых признавала своего папу. Соперники вели между собой ожесточенную борьбу, стоившую больших жертв народам Европы.

Французские и итальянские папы состязались между собой в бесчинствах и злодеяниях. Иезуит Мэмбур пишет по этому поводу: «В течение тринадцати веков ни одна схизма не была ужаснее этой. Раскол был страшен не только тем, что в течение пятидесяти лет церковь не имела законного

папы, а еще и теми жестокостями и преступлениями, которые совершались с обеих сторон».

Преемником Григория XI был избран Урбан VI. Через два месяца после его вступления на престол стало известно, что французские кардиналы, собравшись в Ананьи, избрали другого папу. Им удалось подкупить одного из приближенных Урбана VI, который тайком вывез из Рима тиару, ключ святого Петра, пастырский перстень и прочие знаки папского достоинства. Разъяренный Урбан поспешно собрал армию и отправился в Ананьи, рассчитывая без труда угомонить французских кардиналов. Однако он ошибся: ему пришлось иметь дело с солдатами, тогда как он думал, что встретится только с клириками. Вернувшись в Рим, он узнал, что у него появился конкурент, чье имя Климент VII. Взбешенный Урбан приказал перебить всех французов, проживавших в вечном городе, не щадя ни детей, ни женщин, ни стариков.

Климент VII был вполне достоин Урбана. Вот что пишет о нем иезуит Мэмбур: «Роберт Женевский (таково было мирское имя папы) на 36-м году жизни был избран на престол. У него были наклонности и повадки императора. Он не жалел никаких средств на приемы; герцогов, посланников и сеньоров он принимал по-царски. Он совершенно был неспособен серьезно заниматься делами. Главным его пороком было безмерное сладострастие; любовниц и фаворитов он выбирал среди родственников, осыпая их почестями и подарками».

Как только Климент VII обосновался в Авиньоне, среди верхов римского духовенства началось сильное волнение. Епископы и кардиналы стали перебегать к молодому и распутному папе, который собирался восстановить придворные нравы эпохи Климента VI. Скоро Ватикан опустел. Между наместниками Христа развернулась ожесточенная борьба, в которой приняли участие все бандиты Италии и Франции — клементисты и урбанисты.

Но положение дел не улучшилось и после смерти Урбана VI. Римские кардиналы могли бы покончить с расколом, если бы признали папой Климента VII, но они опасались французского влияния и выбрали из своей среды нового папу, принявшего имя Бонифация IX.

Бонифаций был скопидомом, Климент VII — мотом. Первый копил золото и наслаждался тем, что обладал им. Второй видел в золоте средство для удовлетворения своих страстей. Но в одном папы сходились: оба, не задумываясь, обогащались любыми средствами.

Парижский университет еще в 1380 году делал попытки прекратить раскол. Он возобновил их после избрания Бонифация IX, направив Клименту VII весьма энергичное послание, которое произвело на папу столь сильное впечатление, что он умер.

Авиньонские кардиналы, по примеру римских, поспешили выбрать преемника умершему папе, несмотря на протест Парижского университета. Но прежде чем приступить к выборам, каждый кардинал дал клятву, что, если его сделают папой, он в случае надобности во имя объединения церкви сложит с себя сан.

Выбор французских кардиналов пал на хитрого и упрямого Бенедикта XIII. Бенедикт клялся отказаться от власти, если это будет признано необходимым, но и не подумал исполнять свое обещание. Когда французский король категорически поставил перед ним вопрос об отречении, Бенедикт заявил послу монарха: «Я не отрекусь! Пусть ваш властитель знает, что я избран верховным первосвященником по воле бога и никогда не подчинюсь воле человека!» Предвидя, что подобный ответ папы вызовет осложнения, кардиналы поспешно покинули Авиньон. Их страхи оказались не напрасны. Через несколько дней город был окружен королевскими войсками, потребовавшими выдачи папы. Власти и граждане Авиньона категорически отказались защищать Бенедикта XIII, и ему ничего не оставалось, как самому из своего дворца командовать гарнизоном. Положение его казалось безнадежным, но с помощью одного командира королевских войск Бенедикт бежал из Авиньона и укрылся в крепости, которая считалась неприступной. Оттуда он сообщил королю, что «с помощью бога, ангелов и архангелов и всего воинства небесного одержит победу над князьями и сенаторами, во имя торжества святой церкви».

Король отказался бороться с противником, которого поддерживает само небо: он заключил мир с Бенедиктом, и тот торжественно возвратился в Авиньонский дворец.

Зная о безграничной алчности Бонифация IX, Бенедикт попытался с помощью денег добиться того, чтобы его соперник отказался от папского звания, и отправил в Рим делегацию для переговоров. Бонифаций IX торжественно выслушал представителей своего конкурента и попросил, чтобы ему дали время подумать. На следующий день он тайно вызвал иностранных послов, кардиналов, епископов, а также военных и гражданских представителей Рима, а затем пригласил

депутатов Бенедикта. Когда делегаты вошли в зал, Бонифаций, восседая на троне в позе триумфатора, заявил: «Я обвиняю антипапу, называющего себя Бенедиктом XIII, в том, что он осмелился предложить мне позорную сделку, обещав 10 миллионов золотых флоринов за папскую тиару. Я предлагаю его агентам засвидетельствовать правильность моих обвинений».

Делегаты авиньонского папы, однако, не были застигнуты врасплох, так как, видимо, ожидали любого трюка со стороны первосвященника. Они клятвенно заверили, что не Бенедикт XIII, а сам Бонифаций предложил им столь гнусную сделку. Разъяренный папа приказал арестовать представителей Бенедикта и подвергнуть их допросу, чтобы заставить сознаться во лжи. Но делегаты не струсили и сослались на неприкосновенность парламентеров.

Все это подкосило и без того подорванные распутным образом жизни силы Бонифация. Через несколько дней после описанного события, когда его святейшество искал забвения в объятиях одной из своих возлюбленных, у него началось сильнейшее кровотечение, которое не удалось остановить. Делегаты авиньонского папы не успели еще покинуть Рим, как похотливый Бонифаций IX отдал душу... Венере.

Об этом папе с бóльшим правом, чем о многих других мучениках, которых так восхваляет церковь, можно сказать, что он пролил свою кровь за веру.

Узнав о смерти Бонифация, делегаты Бенедикта задержались в городе и стали раздавать деньги направо и налево, надеясь склонить кардиналов к признанию авиньонского папы. Положив щедрые подношения в карман, кардиналы тем не менее выбрали преемником Бонифация Иннокентия VII.

Итальянское духовенство в большинстве своем признало Иннокентия VII, гражданское же население поставило перед новым папой ряд условий. Прежде всего, римляне потребовали, чтобы городские дела находились в ведении народа. Папа ответил кратко и выразительно — он прогнал народную депутацию. Римляне возмутились и с оружием в руках выступили против первосвященника. Ватикан был захвачен, и папе пришлось бежать из Рима.

Узнав об этом, неуемный Бенедикт XIII тотчас собрал войско и направился в Италию. Он высадился в Генуе, где добился признания его законным папой. Но пока Бенедикт находился в пути, Иннокентий VII с помощью интриг и подкупов торжественно возвратился в Рим. Тогда Бенедикт

отправил в вечный город своих агентов, которые, подкупив приближенных римского папы, отравили Иннокентия.

Но и это не помогло Бенедикту XIII. Римские кардиналы, понимая, что авиньонская курия будет чинить им препятствия в выборах, не дожидаясь погребения Иннокентия, избрали ему в преемники Григория XII.

Но как ни упорствовали римские и авиньонские папы, раскол не мог продолжаться вечно. Светские властители начали обнаруживать явное нетерпение. Содержание двух папских дворов вместо одного плюс расходы, связанные с борьбой этих пап, начали их сильно тревожить. Григорий XII и Бенедикт XIII, почуяв опасность, срочно разыграли комедию: оба изъявили желание встретиться, чтобы положить конец взаимной конкуренции.

Вся Европа попалась на эту удочку. Но вскоре стало ясно, что папы договорились сохранять прежнее положение.

Возвратившись в свою резиденцию, Григорий XII в назидание своей возлюбленной пастве конфисковал имущество тех церковников, которых подозревал в стремлении положить конец расколу. Кроме того, он учредил цензурный комитет для надзора за проповедями. Мера эта вызвала протест даже у кардиналов. Многие из них покинули двор Григория. И хотя он обрушился на них с анафемой и велел изловить и подвергнуть пытке огнем, большинству удалось бежать в Пизу. Очутившись в безопасности, кардиналы Григория опубликовали очень резкий манифест против папы. К итальянскому духовенству присоединились и авиньонские кардиналы, которые готовы были отказаться от повиновения Бенедикту. Французский король Карл VI предупредил Бенедикта XIII, что, если раскол не прекратится, папе будет запрещен въезд в королевство.

В ответ Бенедикт разразился посланием: «Верховный отец верующих, Бенедикт XIII, объявляет: если в течение 20 дней Франция не покорится ему, он наложит общий интердикт на все французские владения и освободит верующих от присяги королю. Кроме того, он передаст корону монарха тому, кто будет предан делу святой церкви».

Подобное послание привело Карла VI в ярость. Поведение обоих пап переполнило чашу терпения и светских князей. Дело кончилось тем, что, пока Бенедикт и Григорий метались из города в город, вербуя сторонников, в Пизе открылся собор, который низложил обоих первосвященников и провозгласил папой Александра V.

Оба разбойника, Бенедикт и Григорий, отказались подчиниться решению собора, и вместо двух пап оказалось три. Таким образом, возникло троепапство.

Понтификат Александра V продолжался немного меньше года. Все это время фактически главой церкви был Балтазар Косса, один из фаворитов папы. Балтазар с первых же дней понтификата Александра стремился завладеть тиарой. После долгих интриг он подговорил лейб-врача папы отравить его, и вскоре Балтазар Косса взошел на святой престол под именем Иоанна XXIII.

Иоанн XXIII

Даже в этой коллекции негодяев и преступников Иоанн XXIII выделяется своими подвигами. Нет ни одного преступления, которым бы не запятнал себя Балтазар Косса (как рассказывают, до принятия духовного сана он был обыкновенным морским пиратом).

Народ сразу возненавидел Иоанна XXIII, и неаполитанскому королю без труда удалось организовать заговор против него. Однако вовремя предупрежденный Иоанн спасся бегством в Болонью и обратился за помощью к императору Сигизмунду. Вновь был созван собор — в Констанце. Иоанна беспокоило, что местом съезда был выбран имперский город, однако он полагался на свои способности интригана и на продажность участников собора.

Всего съехалось более четырех тысяч человек, представителей духовенства, знати, ремесленных корпораций, и среди них золотых дел мастера, сапожники, брадобреи, каменщики, музыканты.

История не сообщает нам, захватили ли музыканты с собой инструменты, чтобы дать возможность сеньорам и прелатам поплясать в перерывах между заседаниями. Вполне возможно, что так оно и было, ибо на соборе не было недостатка в дамах. Семьсот восемнадцать публичных женщин были приглашены, чтобы специально обслуживать участников собора. А ведь церковные иерархи еще захватили с собой своих возлюбленных и совершенно открыто прогуливались с ними по городу.

Первые заседания обнадежили Иоанна: он был уверен, что, раздав втихомолку подарки, титулы и бенефиции, он тем самым привлечет на свою сторону наиболее влиятельных членов собора. Но император, внимательно следивший за маневрами Иоанна, неожиданно поставил на голосование вопрос о низложении Иоанна, и предложение было принято подавляющим большинством. Иоанн, вскочив со своего места, бросился к императору и заявил, что покинет Констанц, но не допустит подобного унижения. Тогда Сигизмунд приказал офицерам усилить охрану городских ворот и потребовал от папы немедленного отречения. В ответ на оскорбительные угрозы Иоанна Сигизмунд распорядился отвести первосвященника в занимаемое им помещение и тщательно охранять его. Но через несколько дней Иоанн, подпоив стражу, переодевшись монахом, бежал. Пытаясь добраться до Авиньона, он укрылся в Шафгаузене, а затем во Фрейбурге. В своем послании собору он выдвинул условия, при которых соглашался отказаться от папского сана: сохранение титула постоянного легата в Италии, пенсия в тридцать тысяч золотых флоринов, а также передача в его руки Болоньи, Авиньона и еще нескольких городов.

Участники собора, видя, что все переговоры бессмысленны и что Иоанн добровольно не откажется от сана, решились наконец опубликовать постановление о его низложении.

В этом постановлении перечислены главные преступления папы. На основании непререкаемых фактов констатировалось, что Иоанн XXIII добился тиары, подослав к своему предшественнику отравителя, которого он впоследствии сам же отравил; он изнасиловал триста монахинь; состоял в преступной связи с женой своего брата; предавался содомии с монахами; растлил целую семью, состоявшую из матери, сына и трех сестер, причем самой старшей было двенадцать лет; беззастенчиво торговал епископскими кафедрами и даже отлучениями; замучил тысячи невинных людей в Болонье и Риме.

За все эти преступления собор объявлял Иоанна XXIII низложенным и предавал светскому суду как «закоренелого грешника, безнравственного негодяя, симониста, поджигателя, изменника, убийцу и растлителя». Всего в приговоре содержалось семьдесят четыре пункта, из которых двадцать не были оглашены: настолько ужасны были злодеяния Иоанна.

* *
*

Констанцский собор, начав свою деятельность справедливым актом — низложением Иоанна XXIII, в дальнейшем опозорил себя, приговорив к смертной казни двух ученых — Яна Гуса и Иеронима Пражского.

Ян Гус был образованным человеком, отличавшимся нравственной чистотой, готовым пожертвовать всем ради своих убеждений. Таким же был его ученик Иероним Пражский.

Ян Гус и Иероним Пражский давно вели борьбу против церковных проделок, против шарлатанства священников. Они отрицали также некоторые догматы, утверждая, что не папа, а бог прощает грехи, не признавали непогрешимости пап.

Гус отправился в Констанцу, положившись на данное ему императором обещание, что ему будет дозволено отстаивать свои убеждения. Сигизмунд даже дал ему охранную грамоту. Но как только Гус явился в Констанц, его арестовали. Закованный в цепи, он выслушал смертный приговор и вслед за тем был отдан в руки светских властей. Его даже лишили права оспаривать достоверность свидетельских показаний.

Иероним Пражский приехал в Констанц помочь Гусу, но был по дороге арестован. Его тоже объявили еретиком и сожгли.

Память о них навсегда останется в истории.

* *
*

Чтобы покончить с троепапством, Констанцский собор решил низложить и двух других пап — Григория XII и Бенедикта XIII, которые продолжали выдавать себя за наместников Христа. Григорий XII отрекся добровольно и был назначен епископом, но вскоре умер. Бенедикт же оставался непоколебимым, и после тщетных уговоров собор низложил его, как раскольника и клятвопреступника.

Тиара первосвященника досталась Мартину V.

Едва он стал папой, как сразу же столкнулся с энергичной оппозицией. Некоторые кардиналы даже начали публиковать направленные против него анонимные сатиры. Чтобы отомстить, Мартин V не придумал ничего лучшего, как отправить на костер множество последователей Гуса, которые были ни в чем не повинны; по мнению Мартина, их казнь должна была запугать всех его противников.

Когда Балтазар Косса изъявил желание покориться един-

ственному законному представителю Христа, святой отец с восторгом встретил его, осыпал подарками и назначил кардиналом, но через два месяца отравил его. Избавившись от Коссы, который доставил ему немало хлопот, Мартин V решил избавиться тем же способом и от другого конкурента — Бенедикта XIII.

Убийство не дало желаемого результата: перед смертью Бенедикт поручил двум кардиналам избрать ему преемника, и в течение нескольких лет в роли антипапы выступал Климент VIII. Но легату Мартина V удалось добиться того, что епископы и феодалы Арагонии стали угрожать королю Альфонсу низложением, если он будет покровительствовать Клименту VIII. Тогда Альфонс решил покончить с Климентом, и тот вынужден был сложить тиару. Акт отречения был подписан в июле 1429 года. Так завершился великий раскол, который почти пятьдесят лет держал в непрерывной лихорадке христианские государства Европы.

Мартин, довольный тем, что наконец сделался единственным главой церкви, решил отметить свое торжество. Он стал подстрекать польского короля объявить войну гуситам. Как ни энергично было послание первосвященника, польский король все же не сразу рискнул ввязаться в авантюру, исход которой казался ему весьма сомнительным. Папа, однако, настаивал, и король в конце концов повиновался. Был объявлен крестовый поход против еретиков с обещанием отпущения грехов для всех его участников. Наемники короля и папы хлынули в Богемию, но и на этот раз католический бог, сражавшийся, вероятно, в рядах папских войск, спасовал перед еретиками. Чехи одерживали одну победу за другой. Гуситская армия наводила такой страх, что одно известие о ее приближении сеяло панику в рядах неприятеля.

Когда весть о поражении дошла до святого отца, уверенного в победе своей многочисленной армии, Мартин V не смог пережить такого разочарования, и с ним случился удар.

Просвещенный шарлатан и распутник

■ В 1458 году на апостольский трон взошел Пий II — Эней Сильвио Пикколомини. Он не уступал своим предшественникам в жестокости, похотливости, жадности и высокомерии.

Но Пий II получил самое разностороннее образование, его никак не назовешь невеждой, и хотя бы уже потому он достоин самого беспощадного осуждения. Кроме всего прочего, Эней Сильвио считал себя писателем. Причудливая смесь язычества и христианства в его сочинениях свидетельствует о том, что религия была для него лишь выгодным дельцем. Разве мог он верить в те нелепости, которыми полна христианская мифология?

Убедившись, что апостольская сокровищница расхищена наследниками предыдущего папы, Пий II прежде всего занялся устройством своих финансовых дел. На заседании Мантуанского собора он провозгласил поход против турок и получил от государей разрешение обложить новыми налогами несчастных подданных, хотя ни папа, ни короли не имели ни малейшего намерения отправляться в Турцию, а тем более сражаться с неверными. На последнем заседании Пий II опубликовал декрет, утверждающий верховную власть папы не только над всеми государями, но даже над самим собором. После этого святой отец срочно сколотил отряды наемников и двинулся на Рим, где во время его отсутствия жители провозгласили республику. Город был осажден, и население, не подготовленное к осаде, капитулировало. На следующий день папа приступил к массовым расправам с мятежниками. В течение нескольких дней палачи приводили к нему римских граждан, которых вешали и обезглавливали. Надолго запомнил Рим эту резню!

Незадолго перед смертью Пий II разыграл комедию: он отрекся от своей литературной деятельности, которой занимался до восшествия на престол. В творениях Энея Сильвио рассказывалось о его пикантных похождениях, описывались достоинства дам, даривших ему свою благосклонность, их тайные прелести и т. п. Его разнузданная эротическая фантазия не поддается описанию.

Сад пыток

■ Преемником Пия II был избран кардинал Пьетро Барбо. Очутившись перед необходимостью выбрать себе имя, он заявил, что предпочитает имя Формоз (красивый). Когда кардиналы услышали это, раздался оглушительный смех: новый папа был уродом. Тогда он решил взять имя Павла II.

Кардиналы поставили Павлу II ряд условий, и папа поклялся соблюдать их. Одним из условий было: собрать чрезвычайный налог, под предлогом организации крестового похода, и поделить с кардиналами всю прибыль от этой финансовой операции.

Первую часть условия Павел аккуратно выполнил; что же касается второй, то он счел более выгодным для себя оставить все деньги в собственной казне. Разумеется, кардиналы не на шутку рассердились. Тогда папа согласился назначить комиссию из трех кардиналов для наблюдения за сбором чрезвычайного налога и дележа. Великодушный жест папы умиротворил кардиналов, и они предоставили ему полную свободу действий. Золото из всех стран широким потоком текло в Рим. Но аппетит приходит во время еды — и Павел II стал изобретать другие способы для умножения своих доходов. Например, он очень ловко пользовался отлучением. В его руках оно было подобно пистолету, который приставляет разбойник с большой дороги к груди перепуганного путника. Затем он отстранил от должности ряд офицеров и чиновников курии, чтобы потом продать их бенефиции. Некоторые из чиновников протестовали против этого мероприятия. Особенно энергично выступил знаменитый историк Платина — папский переписчик.

— Ты смеешь судить меня? — свирепо спросил святой отец.— Разве ты не знаешь, что все законы рождаются в моей голове? Какое мне дело, что ты и твои коллеги будут жить милостыней? Такова моя воля, выше которой нет ничего на земле.

Некоторые чиновники, убедившись, что Павла переубедить невозможно, решили обратиться ко всем государям с просьбой созвать вселенский собор, чтобы разрешить тяжбу со святым отцом. Платина, преданный престолу, убеждал папу не подвергать себя унижениям и отменить свой приказ. Вместо того чтобы внять его советам, Павел II распорядился арестовать Платину.

Следует отметить, что святой отец, будучи невежественным как копченая сельдь, питал ненависть к ученым и писателям. Его излюбленным изречением было: «Религия должна уничтожить науку, ибо наука — враг религии».

Римские власти и цеховые старейшины, взволнованные арестом одного из популярнейших римских граждан, потребовали освобождения Платины. Павлу II пришлось уступить, но он не отказался от своего намерения расправиться с пи-

сателем. Через некоторое время он подкупил лжесвидетелей, которые обвинили Платину и нескольких других ученых в заговоре против папы. Их подвергли допросу инквизиции. Но ни Платина, ни его друзья по несчастью не подтвердили показаний лжесвидетелей. Тогда святой отец решил вырвать у них признание пытками.

Первым стали мучить Платину. Его раздели донага и привели в сводчатую комнату, разделенную пополам стеклянной стеной. В одной половине комнаты на троне восседал папа, окруженный фаворитами, в другой происходила пытка. Заключалась она в том, что осужденного сажали на кол в три фута вышиной, кончавшийся алмазной пикой. Это было пострашнее, чем турецкий кол, — там смерть наступает быстрее. Здесь же все было предназначено для того, чтобы страдания длились несколько часов.

Но Платина не признал выдвинутых против него обвинений. Все усилия папы оказались напрасными, и Платину отправили в каменный мешок. Его место заняли другие обвиняемые. Их тело рвали раскаленными щипцами, лили в раны расплавленный свинец, но палачам не удалось добиться, чтобы они оговорили Платину.

Тогда Павел II, будучи не в состоянии назвать Платину и его друзей государственными преступниками, обвинил их в ереси. Но тут вмешался император Фридрих. Явившись в Рим за своей долей налогов, собранных папой с его подданных, он настоял на освобождении Платины.

В заключение сообщим, что достойный первосвященник запретил римлянам посылать своих детей в школы, ибо считал, что читать и писать — это привилегия священников.

Тиароносный убийца

■ Франческо Альбесколо делла Ровере — так звали кардинала, воссевшего на трон апостолов после смерти Павла II. Достопочтенный прелат был сыном бедного рыбака и в детстве сам занимался этим славным делом. Разумеется, он никогда бы не увидел римского двора, как своих ушей, если б на его долю не выпало счастье встретиться с сеньором делла Ровере. Могущественный вельможа взял юношу к себе во

дворец и в дальнейшем с упорством завоевывал церковную карьеру своему любимцу.

Став папой — под именем Сикста IV,— Франческо ознаменовал свое восшествие на престол буллой, провозгласившей, что незаконнорожденные сыновья как настоящего папы, так и его преемников отныне будут пользоваться правами римских князей. Бесстыдство декрета никого не поразило, ибо святой отец и до избрания не заботился о том, чтобы скрывать свое беспутство.

Помимо княжеского звания Сикст пожаловал своему незаконному сыну Пьетро Риарио кардинальскую шапку и ежегодную пенсию в миллион пятьсот тысяч экю — сумма и в наши дни огромная, а в те времена казалась просто сказочной. Но чудовищные прихоти Терезы Фульгора, куртизанки, любовницы Пьетро, не укладывались ни в эту, ни в какие другие суммы. Пьетро усиленно помогали — любвеобильная Тереза не отказывала никому в своих любезностях, и все члены священной коллегии перебывали в ее алькове. К счастью, прекрасная Тереза заразилась дурной болезнью, которую она передала своему возлюбленному, и Пьетро Риарио, превратившись в развалину, умер после двух лет страданий.

Сикст IV был на редкость щедрым папашей. Он предоставлял членам своего семейства правительственные должности, обогащал своих любовников и племянников подарками и огромными пенсиями, прибегал к любым мерам, стараясь добыть княжества для своих бесчисленных детей, и возбудил своими действиями междоусобную войну в Италии. В конце концов кардиналы выразили первосвященнику протест по поводу столь беззастенчивого непотизма. Сикст IV счел ниже своего достоинства обращать внимание на их недовольство. Не ограничиваясь папской казной, щедрый папаша устремил свой алчный взор на владения Флоренции и других княжеств, граничивших с Римом. Он пытался передать эти княжества во владение своему побочному сыну Иерониму; ему после смерти Пьетро Риарио были посвящены все заботы святого отца. Понимая, что правители Флоренции — могущественные Медичи — отнюдь не возрадуются такому проекту, и не решаясь объявить войну Флоренции, Сикст вместе со своим любимым сыном состряпал заговор против двух внуков Козимо Медичи — Джулиано и Лоренцо.

Архиепископ Франческо Сальвиати, соблазнившись кардинальской шапкой, согласился руководить заговором. Другой сообщник святого семейства, племянник Иеронима, от-

правился в Рим, чтобы установить день и место покушения. Братьев решено было убить в церкви во время обедни, которую согласился вести архиепископ Сальвиати, который должен был дать сигнал.

Накануне назначенного дня архиепископ, собрав главных участников покушения, дал им следующие наставления: вести себя непринужденно, чтобы никто не заподозрил их намерений; успеть каждому занять место позади намеченной жертвы и во время коленопреклонения, как только он поднимет чашу со святыми дарами (это будет условным знаком), наносить удар.

Заговорщики выполнили инструкцию архиепископа, но то ли со страха, то ли из-за того, что окружавшие люди помешали им расположиться правильно, они все разом набросились на Джулиано и убили его, а Лоренцо, хотя и был ранен, успел спастись бегством.

Узнав, что во главе шайки стоял Сальвиати, возмущенные флорентинцы повесили архиепископа и четырех его сообщников перед окнами дворца синьории. Они требовали расправы и над кардиналом Рафаэлем Риарио, который был пойман в одной из ниш храма. Но когда тот публично подтвердил, что заговорщики выполняли приказания святого отца, Лоренцо Медичи помиловал его. Прибыв в Рим, Рафаэль Риарио сообщил папе о результатах покушения. Сикст, охваченный яростью, немедленно потребовал от флорентинцев выдачи Лоренцо Медичи, обвинив его в убийстве архиепископа. Получив решительный отказ, папа наложил на Флоренцию интердикт под тем предлогом, что республика нарушила неотъемлемые права церкви, присудив архиепископа к смертной казни через повешение. Он, святой отец, уже принялся разрабатывать план мести, но, к великому счастью флорентинцев, новые заботы отвлекли на время его внимание.

Рубите головы, но платите!

■ Предаваясь роскоши и распутству, расточительный Сикст IV внезапно обнаружил, что апостольская казна пуста. Прошло уже несколько лет, как с христианских народов прекратили взимать налоги на поход против турок. Этот трюк

никого уже не воодушевлял: слишком злоупотребляли им папы и легионы монахов, рыскавших по всей Европе. Обстоятельства требовали срочно изобрести что-нибудь новенькое. Папа отдал распоряжение взимать со всех христиан налог особого рода: христиане обязаны были отчислять святому отцу тридцатую часть своих доходов. Евреям пришлось более туго — с них взимали двадцатую часть. Впрочем, им еще повезло, что его святейшеству не пришла мысль конфисковать все их имущество.

Монахи с присущим им усердием энергично выполняли приказ папы, и вскоре подвалы Ватикана ломились от золота, собранного путем бесстыдного вымогательства. Сикст IV, войдя во вкус, немедленно придумал новый трюк. Он разослал своих легатов по всем христианским столицам, обязав их собирать золото, не останавливаясь перед пытками, виселицами, кострами и всеми видами казни, угодными богу. Испанским легатом он назначил Родриго Борджиа, который в дальнейшем, сделавшись папой, приобретет славу одного из величайших преступников в человеческой истории.

Этой омерзительной личности оказали торжественный прием в Мадриде. Сам король вышел ему навстречу и сопровождал его в отведенный для него дворец. Борджиа рьяно приступил к своим обязанностям. Даже духовенство не спаслось от контрибуции. Следует отметить, что испанское духовенство в те времена было в высшей степени растленным. Испанские церковники не только лишены были всякого понятия о чести и совести, но к тому же были крайне невежественны — в этом они даже превзошли своих итальянских братьев. Занимались они главным образом ростовщичеством. Словом, это было войско, вполне достойное такого гнусного вождя, как Борджиа. Под его опытным руководством еще более окрепла инквизиция в Испании.

С особенной силой исступленные католики обрушились на евреев, в руках которых скопились значительные богатства. Алчное духовенство давно жаждало прибрать к рукам их имущество. Наконец наступил долгожданный момент. В ту пору в Испании проживало около ста пятидесяти тысяч еврейских семей. Король-ханжа, прозванный Католиком, возложил на знаменитого доминиканца Томаса Торквемаду, «великого инквизитора», миссию обратить нечестивых в христианскую веру. Торквемада немедленно приступил к кровавой бойне, объявив всех евреев вне закона. После издания этого чудовищного эдикта солдаты королевской армии и

сеньоры в течение одной недели перебили больше десяти тысяч евреев. Подобно тому как вид крови приводит в ярость быка, так и это избиение усилило бешенство короля. Впрочем, ему не надо было подстрекать Торквемаду — тот и без его указаний с неумолимой яростью преследовал несчастных израильтян. Многие из них бежали в другие города, но у инквизиции были длинные руки, и она настигала беглецов всюду, где бы они ни укрывались; даже другие государства не были для нее препятствием. Подвиги Торквемады достаточно известны из учебников истории. Мы отметим только, что финансовые успехи в результате массового истребления евреев привели Фердинанда Католика в такой восторг, что он сделал инквизицию постоянным учреждением и создал особый совет при инквизиции, главой которого, разумеется, назначил Торквемаду. Последний вполне заслужил столь высокое звание. С этого момента инквизиция стала непрерывно работать в Испании. По всему королевству замелькали виселицы, запылали костры и кровь полилась под ударами топора во славу любвеобильного Христа.

Как известно, инквизиция существовала вплоть до XVIII века. Лишь Великая французская революция упразднила ее!

Золотая феерия

■ Разумеется, Сикст IV получал немалые проценты с доходов инквизиции. Отличаясь непомерной жадностью, этот папа был также неслыханно щедр в отношении своих фаворитов и любовниц, и потому деньги были для него всегда источником неиссякаемых мучений. Правда, изобретательная фантазия Сикста не раз выводила его из затруднительного положения. Так и теперь, в момент острого денежного кризиса, он внезапно вспомнил, что Павел II свел промежуток между двумя юбилеями к двадцати пяти годам, но юбилей не был отпразднован, так как папа перешел в иной мир. Сикст IV воспользовался декретом Павла и опубликовал новую буллу, восстанавливающую пропущенный юбилей. Булла призывала верующих прибыть в Рим и запастись индульгенциями. Юбилей был объявлен на 1475 год. Несмотря на войны, которые в это время опустошали Европу, фанатизм был столь

силен, что множество паломников откликнулось на призыв Сикста IV.

Когда страх перед адом начинает мучить человека, как же не воспользоваться благодатью, которая дает возможность наслаждаться настоящим и освобождаться от страха за будущее?

Случалось, что рыцари покидали своих солдат на поле битвы, дабы совершить паломничество к гробницам апостолов. Верующие, которые то ли по недостатку рвения, то ли по другим соображениям оставались на месте, ничего не выигрывали: полчища монахов, носивших титул сборщиков святого престола, вымогали у них такое количество денег, что они с лихвой покрыли бы расходы по путешествию и покупку индульгенций. Все христианские государи присылали Сиксту богатейшие дары, а послы их взамен привозили отпущение грехов. Многие монархи лично явились в святой город. Знатные и прекрасные дамы прибыли в Рим для искупления своих прошлых преступлений или для того, чтобы получить прощение за свои бесчисленные любовные похождения. Некоторые летописцы уверяют, что папа весьма галантно отнесся к прекрасным грешницам, прибывшим к нему за отпущением. Он не только раздавал индульгенции, но и почтил некоторых из них дарами своего святого духа. Впрочем, святой отец здорово содрал с них как за пергаментное свидетельство об отпущении грехов, так и за свои ласки. Деньги прежде всего — таков был всегда девиз церкви.

Горестная история трех храбрых юношей

■ К концу понтификата Сикста IV в Италии все чаще стали вспыхивать мятежи против тирании духовенства.

Ольгиати, Лампанчио и Висконти — так звали трех юных миланцев, которые, возмутившись жестокостями тирана Сфорца, задумали освободить от него народ. Они решили заколоть его на глазах у всех, даже если их тут же растерзает его стража.

«Сфорца, жесточайший тиран,— пишет один из летописцев,— любил развлекаться тем, что зарывал людей живыми в землю».

Разумеется, духовенство жило душа в душу с этим гнусным и презренным государем.

На второй день рождества, в 1478 году, Сфорца отправился в базилику святого Амвросия. В этот день обедню служил высокий церковный сановник. В разгар торжественной мессы Лампанчио и его друзья ворвались в церковь, расталкивая придворных, окружавших деспота, якобы для того, чтобы передать важное сообщение светлейшему.

С пакетом в руках Лампанчио опустился на колени перед тираном и... вонзил ему кинжал в живот. Одновременно Ольгиати и Висконти поразили его в грудь и спину.

Убийство было совершено молниеносно, и Сфорца замертво свалился на руки послов Феррары и Мантуи, прежде чем те осознали, что произошло. Воспользовавшись замешательством, юноши бросились к выходу. Молящиеся молча расступились. Но Лампанчио, запутавшись шпорами в юбках коленопреклоненных женщин, упал, и придворные тут же прикончили его. Висконти схватили уже у самого выхода, и он подвергся той же участи. Одному Ольгиати удалось убежать, но и его вскоре разыскали и подвергли ужасным пыткам.

«Солдаты,— рассказывает летопись,— схватили мужественного борца за волосы и поволокли к дворцу инквизитора, осыпая его ударами и бранью. Он был приговорен к чудовищной казни: его растерзали раскаленными щипцами. С поразительным мужеством Ольгиати переносил все пытки. Когда перед казнью инквизитор спросил, будет ли он молить о милости, мученик ответил: «Я молю об одном: молю тело свое, которое находится во власти палачей, сохранить силы и выдержать страдания, предназначенные ему, чтобы я был в состоянии воскликнуть на эшафоте: «Смерть королям! Смерть священникам! Да здравствует свобода! Да здравствует республика!»»

Сила воли, которая обезоружила бы даже людоедов, подхлестнула ярость инквизиторов. Ольгиати не дошел до лобного места, испустив дух под пыткой. Ему было всего лишь двадцать два года.

Таков страшный конец трех мужественных юношей, история которых заслуживает, чтобы ее знали потомки.

Финансовые операции святого отца

■ Гигантские суммы, собранные Сикстом во время юбилея 1475 года, растаяли очень быстро. Тогда тиароносному распутнику пришла в голову мысль создать новые церковные должности и пустить их с аукциона. Например, он продал управление арагонской церковью шестилетнему ребенку — сыну неаполитанского короля. Однако охотников, польстившихся на эти звания, оказалось немного, и затея не дала ожидаемых результатов. Святому отцу пришлось довольствоваться лишь случайно выпадавшими на его долю прибыльными делами.

Так через год после юбилея португальский король Альфонс V, уже глубокий старик, влюбился в принцессу Иоанну, свою близкую родственницу. Спекулируя на старческой страсти короля, папа разрешил ему жениться на принцессе за очень крупную сумму. Не успел он отправить буллу, в которой давал разрешение на брак, как Фердинанд, король неаполитанский, предложил отменить эту буллу, пообещав за это папе сумму в два раза больше. Естественно, его святейшество отменил разрешительную буллу, но, разумеется, не вернул денег, которые португальский король имел глупость уплатить.

Отсюда видно, что, совершая свои грязные сводническиe махинации под личиной богоугодных дел, предписанных религией, Сикст был еще менее щепетилен в своих финансовых операциях, чем римский император Веспасиан, утверждавший, что деньги не пахнут.

Одно из самых позорных его деяний — проект договора, который не был реализован из-за обстоятельств, не зависевших от его воли. Но существование его засвидетельствовал ряд историков и летописцев. Речь идет о вероломном плане Сикста изменить своим союзникам-венецианцам, которые вели в ту пору кровавую войну с Мехмедом II.

Венецианскую республику оставили без всякой помощи ее союзники, и ей ничего не оставалось, как заключить мир, уступив туркам ряд крепостей и уплатив колоссальную контрибуцию с обязательством вносить ежегодную дань.

Кто знает, весьма возможно, что Иисус, святой голубь и его супруга покоились бы теперь в одном музее мифологии

с прочими древними божествами? Конечно, такая гипотеза несколько парадоксальна; надо полагать, что Сикст IV не собирался уступать султану духовной и светской власти, находившейся в руках преемников апостола. Речь, очевидно, шла только о территориях... Как бы то ни было, но эксперимент не получился — папа выставил слишком большие требования. Султан Мехмед торговался, и переговоры в конце концов сорвались.

Трезвые мысли

■ Вынужденный отказаться от крупной аферы, папа постарался вознаградить себя целым рядом мелких операций, и в результате набежала довольно круглая сумма.

Самым удачным предприятием была организация публичных домов, поставленных под высокое покровительство первосвященника. Дома эти специально предназначались для знати и духовенства, персонал подбирался с величайшей тщательностью. Ежегодный доход от лупанариев приносил папе двадцать тысяч дукатов. Достоверность этих цифр подтверждается историком Корнелием Агриппой, который по этому поводу сообщает любопытные вещи.

«Прелаты апостольской курии,— говорит он,— также имели некоторые права на часть доходов в этих домах. Дело это считалось настолько обыденным, что мне часто приходилось слышать, как епископы, подсчитывая доходы, говорили: «Два бенифиция дают мне три тысячи дукатов в год, один приход приносит пятьсот, монастырь — триста, а пять шлюх в лупанариях папы мне приносят двести пятьдесят»».

Не желая подменять факты догадками, мы не станем утверждать, что организация аристократических лупанариев была доходной статьей для Сикста IV. Возможно, что разрешение на организацию лупанариев кардиналу Санта Лючиа дано было Сикстом бесплатно, в виде вознаграждения за какие-нибудь заслуги. Как бы то ни было, но самый факт этот бесспорен и заслуживает того, чтобы о нем упомянуть. Отметим также, что по каким-то причинам Сикст IV разрешил кардиналу Лючиа и всем членам его семьи предаваться содомии в течение трех самых жарких месяцев в году.

Некоторые церковные авторы осмелились заявлять, что Сикст IV покровительствовал наукам и искусствам. Это утверждение совершенно несостоятельно. Поводом для него послужила покупка известного количества драгоценных манускриптов, продававшихся за бесценок греческими беженцами.

Обогащая этими сочинениями библиотеку Ватикана, святой отец просто, что называется, пользовался случаем. В действительности он относился к писателям и художникам с оскорбительным равнодушием и даже жестокостью.

Бейль сообщает по этому поводу характерную деталь.

«Несчастный Теодор из Газы всю свою жизнь провел над переводом «Зоологии» Аристотеля. Он представил папе один экземпляр, богато разукрашенный золотом и драгоценными камнями. Сикст принял книгу и поинтересовался, сколько стоил переплет. Когда автор сообщил цифру, папа приказал уплатить за переплет, не прибавив к этой сумме ни единого гроша.

Теодор из Газы бросил в Тибр деньги святого отца и уморил себя голодом».

Да разве у его святейшества было время интересоваться писателями, Аристотелем и его переводами, когда надо было все время думать о деньгах и, как говорил позднее Данте, «обогащать своих медвежат», раздавать своим мнимым племянникам или сыновьям ленные владения, подыскивать им невест, расширяя вместе с тем собственные владения?!

Сиксту нужны были деньги, чтобы осуществить проект, который он давно вынашивал; кроме того, он не забыл о своевольных флорентинцах, осмелившихся повесить Сальвиати.

Благодаря своим коммерческим операциям папа сколотил необходимую сумму, чтобы организовать войско, и, поставив во главе его своих сыновей, объявил войну не только Флоренции, которую он предназначал своему сыну Джеромо Риарио, но и Венецианской республике, мечтая превратить ее в герцогство для одного из своих племянников.

Достопочтенный первосвященник!

Сначала папское войско одержало несколько побед, но в самый последний момент, когда оставалось сделать еще несколько усилий, чтобы овладеть Венецией и Флоренцией, главный нерв войны был поражен. В папской казне не оказалось денег! Разумеется, солдаты сражались не из любви к богу и его представителям; они объявили, что бросят оружие, если им не заплатят. Захваченный врасплох, святой отец

ничего лучшего не придумал, как ввести новый налог для войны с турками.

Это было уже слишком — как ни отупели люди, но эта булла вызвала всеобщее возмущение. Папские сборщики вернулись в Рим с таким жалким уловом, что Сикст оказался не в состоянии удержать свои войска. После трех лет грабежей, пожаров и убийств пришлось запросить мира.

Когда папа окончательно понял, что ему не удастся подарить герцогство своему любимому Джеромо Риарио, он с горя заболел и умер.

После смерти Сикста римский народ сжег дворцы его племянников Риарио и делла Ровере; гнев и ненависть были столь велики, что не пощадили даже деревьев в великолепных садах этих царственных сынков.

Толпа сожгла замок, который первосвященник воздвиг для себя на деньги паломников, разгромила склады с провиантом святого отца и раздала продукты беднякам.

А когда порядок в городе был восстановлен, кардиналы могли спокойно приступить к выборам нового папы, чтобы заменить усопшего негодяя другим.

Избирательный кавардак

■ Избрание преемника Сикста IV — блестящий образец той коррупции, которая царила в святой коллегии. В первый же вечер, когда собрался конклав, кардинал святого Марка получил шестнадцать голосов. Ему не хватило трех, чтобы завоевать кубок, то есть тиару. Тогда его коллега — кардинал святого Петра — предложил ему добыть три голоса в обмен на дворец упомянутого кардинала, находившийся вблизи замка святого Ангела.

Кардинал святого Марка нашел, что его коллега хватил через край, и предложил ему выбрать из его владений нечто менее ценное. Но кардинал святого Петра не уступал и требовал только дворец. Сделка не состоялась, и оскорбленный кардинал стал разрабатывать с вице-канцлером план, как наказать упрямого кардинала святого Марка.

Посреди ночи они разбудили всех прелатов и убеждали их отдать голоса Чибо, кардиналу Мельфскому. Они предло-

жили кардиналу Савелли за его голос замок и должность легата в Болонье, кардиналу Колонна — замок и должность легата в папской церкви, а кроме того, ренту в двадцать пять тысяч дукатов и другие привилегии, которые давали бы еще семь тысяч дукатов.

С кардиналом Орсини они сошлись на замке и титуле хранителя казны святого престола. Кардиналу Мартинузино обещали замок и епископию в Авиньоне. Сыну короля Арагонского отдали в полную собственность город Понтекорво; кардинала Пармского ублажили тем, что предоставили ему дворец святого Лаврентия со всеми его доходами. Миланского кардинала обещали посвятить в сан архиепископа в Латеране и дать должность легата в Авиньоне. Наконец самого себя кардинал святого Петра вознаграждал огромным доменом с пятью примыкающими к нему поместьями и званием генералиссимуса армии святого престола.

Кардинал Мельфский получил большинство голосов и был избран под именем Иннокентия VIII. Его коллега из храма святого Марка понял козни, направленные против него, и попытался оспаривать правильность выборов. Он осыпал оскорблениями членов священной коллегии, ссылаясь на недопустимость такого быстрого изменения в голосовании: ведь накануне он получил большинство голосов, а на следующий день за него был подан один голос — и тот его собственный!

Кардиналы только посмеивались. Они заявили, что за ночь святой дух успел просветить их, и под смех и шутки всего благочестивого собрания избрание Иннокентия было утверждено.

Убийство по доверенности

■ Иннокентий VIII к моменту своего восшествия на папский престол имел шестнадцать незаконнорожденных детей. По примеру своих предшественников, едва расположившись в Ватикане, он тут же позаботился о том, чтобы обеспечить свое потомство бенефициями, епископствами и княжествами. Он попытался даже захватить часть Неаполитанского королевства для своего сына Францисиска, но король Фердинанд

помешал этому сначала дипломатическими мерами, а потом и с помощью оружия. Святой же отец высокомерно заявил послам, что их государь подчиняется небесному властителю, которого он, его святейшество, представляет на земле.

Война потребовала от папы крупных средств. Он пустил в ход все приемы, которыми пользовались его предшественники. У него хватило даже наглости пустить пыль в глаза, объявив пресловутый поход против турок, который столько раз уже служил прикрытием для удовлетворения алчности пап.

Стремясь сосредоточить все силы на борьбе с неаполитанским королем, который был грозным противником, Иннокентий решил сначала покончить с неким сеньором Буколини, который, засев в городе Озимо, вблизи важного пункта Анконы, совершал набеги на папские владения. Ходили слухи, что Буколини был связан с султаном Баязидом, которому он обещал покорить Италию, если тот высадит десять тысяч турок на побережье Романьи.

Иннокентий попытался силой захватить Буколини. Он направил к Озимо двенадцать тысяч конников и восемь тысяч пехотинцев. Однако гарнизон города храбро отразил все удары папской армии.

Тогда святой отец написал кардиналу Джулиани, командовавшему его кавалерией, что если невозможно победить врага, то надо его купить.

Буколини имел неосторожность согласиться на это предложение и, уступив Озимо за семь тысяч золотых экю, распустил своих солдат. Спустя два дня после прибытия Буколини в Милан его нашли задушенным в спальне: ночью какая-то проститутка задушила сеньора, чтобы возместить его святейшеству расход в семь тысяч экю.

Охота на человека

■ Иннокентий VIII не мучился угрызениями совести, убив человека, который стоял у него на пути. Впрочем, правильнее будет сказать, что он вообще не искал никаких мотивировок для оправдания своих преступлений. Послания, с которыми Иннокентий обращался к легатам, чтобы подстегнуть

их более рьяно преследовать еретиков,— это памятники его хладнокровной жестокости. Вот как описывает историк Перрен крестовый поход против вальденсов:

«Альберт, архидиакон Кремонский, посланный Иннокентием VIII во Францию для истребления вальденсов, получил от короля разрешение действовать против них без всяких судебных проволочек, пользуясь помощью королевского лейтенанта Жака Лапаля и советника Жана Рабо. Трое этих негодяев, легат, королевский лейтенант и советник, обрушились на долину Луары во главе банды свирепых наемников, чтобы истребить ее обитателей. Однако они никого не нашли там. При их приближении несчастные еретики, захватив своих детей, скрылись в горах, окружающих плодородную долину, испещренную многочисленными пещерами. Тогда архидиакон и его помощники организовали настоящую охоту на людей. Они обращались с людьми как с лисицами. Каждый раз, когда они обнаруживали пещеру, в которой укрылись несчастные, они закладывали вход соломой или хворостом и поджигали их. Люди в пещерах задыхались от дыма, а если они пытались выбраться, то натыкались на копья солдат, которые толкали их обратно в огонь.

Расправа вызвала такой ужас, что большинство людей, умудрившихся скрыться от папских палачей, кончали жизнь самоубийством: несчастные убивали друг друга или бросались в пропасть, лишь бы не быть сожженными живьем.

Если у палачей не было под руками топлива, они замуровывали вход пещеры или закладывали его огромными камнями. После отъезда легата в горах произвели раскопки, в пещерах было обнаружено более восьмисот детских трупов: дети задохлись от дыма в своих колыбелях или на руках матерей, либо погибли от голода.

Палачи папы добросовестно выполняли свою миссию: из шести тысяч вальденсов, населявших эту плодородную долину, осталось шестьсот человек, оплакивающих смерть своих братьев. Все добро этих несчастных разделили между собой Жак Лапаль, архидиакон Кремонский и Жан Рабо. Кроме того, легат получил от папы звание епископа в награду за свою энергию и беспощадность».

Последние зверства Иннокентия VIII

■ После смерти султана Мехмеда II двое его сыновей, Баязид и Зизим, начали между собой борьбу из-за трона, во время которой пролилось много крови. Побежденный Зизим бежал в Египет, чтобы спастись от мести брата, оттуда перебрался во Францию и, наконец, отправился в Италию искать покровительства святого отца, надеясь, что там он обретет безопасность скорее, чем в королевстве Карла VIII.

Он явился в Рим в то время, когда Иннокентий, исчерпав все ресурсы, был вынужден отказаться от своих планов насчет Неаполитанского королевства и заключить мир с Фердинандом.

Появление турецкого принца окрылило папу: он сразу сообразил, какую выгоду может ему принести раздор двух братьев.

Когда на публичном приеме церемониймейстер предложил Зизиму поцеловать туфлю папы, мусульманин пришел в негодование и поклялся бородой Магомета, что никогда не прикоснется к этой образине. Переводчик благоразумно не перевел слов Зизима, ограничившись заявлением, что Зизим просит освободить его от целования туфли.

В иной обстановке Иннокентий, конечно, разделался бы с упрямым принцем, но Зизим был ему необходим. Поэтому он стал заверять его в своей дружбе и даже торжественно поклялся завоевать ему константинопольский трон.

Прежде всего папа, как гостеприимный хозяин, прибегнув к шантажу, выудил у Баязида крупную сумму, угрожая поднять восстание на Востоке в пользу Зизима. Кроме того, он принудил Баязида подписать договор, по которому Блистательная Порта обязывалась поставлять папе солдат всякий раз, когда он этого потребует. Это дало возможность его святейшеству возобновить борьбу с Фердинандом. Однако этим не исчерпывались все выгоды от истории с турецким принцем.

Как мы уже видели, крестовый поход против турок не раз служил предшественникам Иннокентия VIII поводом к обиранию европейских народов. Весьма возможно, что римская курия собиралась организовать против султана экспедицию при содействии его брата, который в качестве претендента

охотно возглавил бы это предприятие и у которого в Турции, вероятно, было еще много сторонников.

Святой отец не мог не воспользоваться такой ситуацией, но он, разумеется, не ограничился сбором налогов для войны с турками; в голове у него созрел более хитроумный план.

С одной стороны, он разослал по всем дворам Европы легатов, чтобы они известили о созыве собора, на котором будет провозглашен новый крестовый поход. С другой стороны, он вел энергичные переговоры с султаном, торгуясь насчет цены за мир.

Иннокентий, как видим, погнался сразу за двумя зайцами и, вопреки народной пословице, поймал сразу обоих.

На соборе, куда все королевства, провинции, а также более или менее значительные города прислали своих депутатов, было решено, что все христиане обязаны взять на себя издержки войны с неверными и папа уполномочен налагать подати, производить сборы, продавать индульгенции, разрешительные грамоты и привилегии в такой мере, в какой он сочтет это необходимым во имя крестового похода.

Иннокентий не преминул максимально использовать данное ему право. Он собрал во Франции, Германии, Испании, Венгрии, Богемии, Польше и Англии такую обильную жатву, что пришлось приделать к апостольскому хранилищу несколько пристроек для размещения золота и серебра, доставленных сборщиками.

В то же время переговоры на Востоке тоже увенчались успехом. Султан Баязид, опасаясь угроз Иннокентия, согласился уплатить ему ту сумму, которую он требовал. Больше того, он прислал папе и его кардиналам богатейшие подарки из драгоценных камней, сопроводив их тридцатью красивыми черкешенками в придачу.

Дары вызвали энтузиазм при дворе папы — многие даже объявляли, что перейдут в мусульманство. Разумеется, это была лишь шутка: вовсе незачем было принимать магометанство, для того чтобы содержать у себя гарем.

Помимо этого роскошного подарка Баязид прислал еще сто шестьдесят тысяч экю золотом на содержание Зизима и его свиты. Успех плана его святейшества превзошел все ожидания!

Спустя несколько дней после прибытия в Рим турецких послов к Иннокентию явилась новая делегация. Ее прислал калиф Египта, который обещал папе четыреста тысяч дукатов, передачу Иерусалима в полную собственность христиан

и содействие во всех завоевательных предприятиях папы на Востоке в обмен на Зизима.

Послы не скрыли от Иннокентия своих намерений: египетский калиф задумал поставить Зизима во главе своих войск и низложить Баязида, к которому питал непримиримую вражду.

Иннокентий принял предложение: не в обычаях папы отказываться от денег, за что бы они ни предлагались. Это решение было явным вероломством по отношению к Баязиду, но папа считал ниже своего достоинства считаться с такими пустяками.

К тому же разве он не обещал помощь Зизиму? Что ж, теперь его святейшество выполнит свое обещание — неважно, что с помощью другого. И он дал слово послам при первой возможности отправить Зизима в Каир.

Переговоры велись в полной тайне; но не успели послы калифа покинуть Рим, как турецкому послу стало известно, что папа собирается освободить Зизима, несмотря на все дары, полученные им от султана.

Каким образом турецкий посол узнал о переговорах с калифом? Летопись об этом не сообщает, но можно полагать, что ловкий деляга-папа сам известил посла о предложении, полученном им из Каира.

Турецкий посол предложил папе шестьсот тысяч экю золотом за то, чтобы отравить Зизима. Первосвященник согласился. Он получил шестьсот тысяч экю и дал свое высочайшее разрешение, но потребовал, чтобы его поставили в известность, как этот план будет осуществлен.

Посол, не подозревая подвоха, уведомил папу, что на следующий день офицер из охраны его дворца, Кристофор Макрен, вольет яд в графин с водой, который стоит на столе принца.

Историк Райнальд, которому мы обязаны этими сведениями, сообщает: «Иннокентий одобрил этот план, и посол в тот же день передал яд убийце. Но святой отец, который приобретал огромную сумму в этой игре, не имел никакого желания лишаться своего пленника. В тот же вечер Кристофор Макрен был арестован папской стражей и отдан на пытку. Он признался и был приговорен к четвертованию раскаленными клещами. После казни его изуродованные члены были прибиты к воротам города». «Это вопиющее вероломство и мошенничество,— добавляет Райнальд,— расторгнуло все переговоры, и на следующий день посол отплыл в

Константинополь, разглашая повсюду, что святой отец — наглый жулик».

Иннокентий не слишком заботился, что о нем думает или говорит султан, он только посмеивался: он получил огромные суммы — единственное, что для него имело значение, — все остальное его мало интересовало.

Папа продолжал еще некоторое время шантажировать и вымогать деньги, распространяя слухи, что представители Баязида уехали взбешенными, потому что он отказался подписать с ними мир. Эти слухи, подхваченные его сателлитами, давали возможность увеличить сбор податей. Последняя мошенническая афера первосвященника не только не обесславила его, но принесла ему еще пользу.

Апогей бурных успехов папы пришелся на конец его жизни. Перед кончиной он испытал еще большое удовлетворение, заставив наконец короля неаполитанского отречься от тех владений, которые святой отец с такой неистовой страстью хотел передать своему сыну.

Он умер вскоре после этого события от апоплексического удара.

По словам историков Инфессуры и других, его врач, пытаясь пробудить в нем жизненные силы, прибегнул к преступному средству — впустил в жилы умирающего кровь трех мальчиков. Папа знал об убийстве этих мальчиков, и согласился на это.

Что ж, мы считаем, что он был вполне способен на такой поступок!

Александр VI

■ Борджиа!.. Имя, которое стало синонимом всех пороков. А между тем немногим известны все злодеяния этого сущего дьявола на земле.

Мать его, урожденная Иоанна Борджиа (родословную которой некоторые историки вели от арагонских королей), супруга некого Готфрида Лензоло, находилась в длительной связи со своим братом Альфонсо Борджиа, восседавшим на троне апостолов под именем Каликста III.

Родриго явился плодом их преступной связи; этот факт был настолько очевиден, что Готфрид Лензоло развелся с же-

ной, отказался признать ребенка, и, таким образом, Родриго унаследовал имя матери и своего фактического отца.

Уже в раннем возрасте он отличался недюжинными способностями и необузданностью нрава. Изучив юриспруденцию, он в короткий срок снискал себе репутацию на редкость красноречивого адвоката, специализировавшегося на темных и грязных делах. Очень скоро он стал тяготиться своей профессией, обязывающей его обуздывать себя, и в один прекрасный день променял тогу адвоката на военный мундир. Теперь уже ничто не мешало ему дать волю своим низменным инстинктам.

В те времена у него была связь с одной испанкой; эта вдова, на редкость хороша собой, была, правда, намного старше его и имела двух дочерей. Соблазнив мать, Родриго растлил ее детей, привив им любовь к чувственным наслаждениям. Когда мать умерла, он заточил старшую дочь в монастырь, сохранив для себя младшую, более красивую. Она родила ему пятерых детей, из которых в живых остались Франческо, Цезарь, Лукреция и Джифрид.

В течение семи лет слава о веселой и распутной жизни Родриго гремела по всей Испании, и это немало способствовало тому, что его отец и дядя Альфонсо Борджиа был избран папой.

Достопочтенный первосвященник горячо любил юношу. Как только его увенчали тиарой, он сразу вызвал Родриго к себе; по его настоянию молодой человек сбросил мундир и надел сутану. Естественно, что с помощью высокого покровителя Родриго Борджиа быстро сделал церковную карьеру. Уже через несколько лет он получил сан архиепископа Валенсии. После его прибытия в Рим папа пожаловал ему бенефиций, что давало двенадцать тысяч экю годового дохода. Эта сумма вместе с тридцатью тысячами дукатов ренты от родовых поместий позволила Родриго вести жизнь знатного вельможи.

Считая, что соблюдение внешних приличий необходимо для завершения его честолюбивых замыслов, Родриго не взял с собой свою возлюбленную в Рим, а поселил в Венеции, время от времени навещая ее там.

Получив архиепископство в Валенсии, Родриго был освобожден от непосредственного управления своей епархией. Каликст III неотлучно держал его при себе, ибо любовь, которую папа питал к своему незаконному сыну, отнюдь не была только отцовской. Тем не менее внешняя строгость

поведения и лицемерная маска благочестия очень быстро создали Родриго репутацию святого человека. Лишь очень немногие догадывались о подлинном характере связи его со святым отцом. Вскоре папа назначил Родриго вице-канцлером церкви и кардиналом-диаконом святого Николая с пенсией в двадцать восемь тысяч золотых экю.

С этого момента все помыслы Родриго были направлены к одной лишь цели: проложить себе путь к апостольскому трону. Он стал вести образ жизни подлинного отшельника, как сообщает Морис Лашатр: на людях появлялся всегда скрестив руки на груди, со взором, потупленным ниц, говорил проникновенно и важно, усердно посещал церкви, больницы, богоугодные заведения, раздавал щедро милостыню, объявил, что имущество свое завещает беднякам. Он проявлял глубокое презрение к богатству, ревностную любовь к религии и нравственности. И римский народ, хотя его столетиями обманывали священнослужители, и на этот раз позволил одурачить себя. Родриго прозвали Соломоном за мудрость, Иовом — за терпимость и Моисеем — за верность закону божьему.

Продолжая неутомимо трудиться на своем посту, Родриго Борджиа никогда не пропускал заседаний святой коллегии, усердно завоевывая симпатии своих коллег и выказывая необычайное смирение и благожелательность к людям — те качества, которые у него как раз полностью отсутствовали. В меру важный и в то же время простой, серьезный и шутливый, он привлек на свою сторону многих кардиналов, послов и итальянских сеньоров, толпившихся возле престола святого отца. Умея удивительно ловко скрывать свои страсти под маской полного бесстрастия, он упорно и продуманно шел к осуществлению заветной цели.

Дурача таким образом доверчивых людей, он в то же время вел переписку со своей возлюбленной и в письмах сам раскрывал мотивы, побудившие его разыгрывать описанную выше комедию:

«Роза, возлюбленная моя, следуй моему примеру: живи целомудренно в ожидании того дня, когда у меня появится возможность снова слиться с тобой в бесконечном блаженстве. Пусть ничьи уста не осквернят твоих прелестей, и ни одна рука не дерзнет сорвать покров с тела, которое принадлежит мне одному. Еще немного терпения — и тот, кто слывет моим дядюшкой, оставит мне в наследство трон святого Петра. Все придет со временем и своим чередом. А пока прояви величай-

шую заботу о воспитании наших детей, ибо им предстоит управлять народами и королями...»

Однако Родриго просчитался!

Он переусердствовал и пылкостью религиозных чувств лишь повредил себе. Добродетель в ту эпоху не являлась лучшим средством для завоевания апостольского трона. Ему стало ясно, что он заблуждался, когда тиара, которой он так добивался, досталась сначала Пию II, затем Павлу II, Сиксту IV и Иннокентию VIII, а уж их никак нельзя было назвать отшельниками.

Когда папой провозгласили Сикста IV, Родриго, убедившись, что трудился впустую, купил звание легата Арагонии и Кастилии и отправился в Испанию, где его разнузданные оргии приняли такие размеры, что Генрих Слабый был вынужден изгнать его.

Родриго возвратился тогда в Рим. Терять ему уже было нечего, и он поселил Розу и ее пятерых детей во дворце, расположенном в отдаленном квартале. Роза приобрела титул графини Кастильской (таково было имя интенданта дворца, который вступил с ней в фиктивный брак). Под предлогом визитов к своему другу кардинал Борджиа каждый вечер навещал свою возлюбленную, проводя ночи напролет в оргиях, которые он устраивал с Розой, с дочерью Лукрецией и сыновьями Франческо и Цезарем.

После смерти Иннокентия VIII он уже не стал бесплодно заигрывать с кардиналами, а просто купил их голоса. Средство самое надежное, чтобы ключи святого Петра снова не уплыли из-под его носа! Кардинал Орсини продал ему свой голос за замки Монтичелли и Сариани; кардинала Сфорца он назначил вице-канцлером римской церкви. Кардинал Колонна потребовал за свой голос аббатство святого Бенедикта, со всеми его владениями. Кардинал святого Ангела получил епископство в Порто, а также замок и погреба, полные вина. Получивший кардинальскую шапку венецианский монах, у которого тряслась голова, продал свой голос за пять тысяч дукатов золотом и за обещание, что Лукреция Борджиа проведет с ним ночь. Купив всю священную коллегию, Родриго был провозглашен папой под именем Александра VI.

«Итак,— вскричал он, когда имя вице-канцлера римской церкви Борджиа было вынуто из избирательного ящика,— итак, я — папа! Наместник святого Петра!»

«Да, ваше святейшество,— ответил ему Сфорца,— вы избраны первосвященником по всем церковным канонам, и мы

надеемся, что избрание ваше даст отдых церкви на радость всему христианскому миру, ибо вы избраны святым духом, как самый достойный из наших братьев».

Однако, когда новоиспеченный папа облекся в священные ризы и, не скрывая торжества, возложил на голову долгожданную тиару, кардинал Медичи не удержался и шепнул на ухо сидевшему рядом с ним члену конклава: «Мы попали в пасть волка, он сожрет всех нас, если мы не найдем средства избавиться от него».

Восшествие Александра VI на папский престол пришлось по вкусу далеко не всем европейским королям. Некоторые монархи Испании отнеслись недоверчиво к новому папе, ибо Борджиа достаточно прославился там своими подвигами.

Наконец Борджиа дал полную волю своим природным инстинктам и страстям и смело стал афишировать свои позорные связи. Этот алчный человек не останавливался ни перед каким преступлением, стремясь обогатить своих детей. Бенедиктинский монах, современник Борджиа, утверждает, что при Александре VI Рим превратился в бойню.

Все его интересы и стремления сводились к тому, чтобы сделать своих детей могущественными людьми. Первенца, Франческо, он провозгласил герцогом Кандии; второму сыну, Цезарю, он подарил архиепископство в Валенсии. Но все эти назначения были лишь частью того обширного плана, который вынашивал Александр VI. Он хотел, чтобы его дети стали повелителями Неаполя, Венеции, Флоренции, господствовали над всей Италией и ее провинциями. Он мечтал о победах, о крупных завоеваниях; именно это и побудило его принять имя Александра — в честь величайшего завоевателя древних времен.

В то время Италия была раздроблена на множество мелких государств. Отдельные княжества вели между собой смертельную борьбу. Борджиа решил использовать междоусобные раздоры и постепенно прибрать к рукам мелких и крупных властителей, а из их земель и замков создать княжества для своих детей.

Прежде всего ему удалось одержать победу над Венецианской республикой, которая не нашла поддержки у мелких тиранов полуострова, завидовавших ей. Затем он с необычайной, чисто макиавелливской ловкостью, прибегая к тайным убийствам и открытым военным действиям, сокрушил могущество властителей богатейших провинций.

Чтобы обеспечить поддержку своей завоевательной поли-

тике, Александр VI попытался заключить ряд соглашений. Пользуясь тем, что французский король Карл VIII собирался напасть на Неаполитанское королевство, он предложил союз Фердинанду с условием, что тот отдаст свою внучку в жены младшему сыну папы вместе с владениями в Неаполитанском королевстве. Предложение папы было отвергнуто в оскорбительной для него форме. Тогда Александр начал переговоры с герцогом Миланским, рассчитывая объединиться с Францией против короля Неаполя. Но к этому времени скончался старый Фердинанд, а его сын Альфонс Калабрийский, предпочитая иметь папу союзником, согласился выдать свою дочь за молодого Джифрида Борджиа.

Договор между папой и королем двух Сицилий был торжественно подписан в Риме. Свадьбу организовали с невероятной пышностью. Альфонс отдавал молодым супругам княжество Сквилатти и графство Кариати и обязался выплачивать Франческо Борджиа пенсию в пять тысяч дукатов. Что касается его высокопреосвященства, то он получил в подарок на мелкие расходы десять тысяч дукатов, в которых он в то время сильно нуждался. Дело в том, что церковная казна была пуста: оргии папы поглотили все золото.

Александр VI прибегнул к старому способу, который столь часто применялся его предшественниками: он провозгласил крестовый поход против мусульман. «Необходимо,— говорил он,— совершить последние усилия, чтобы вырвать из рук магометан гробницу Иисуса Христа». По всему христианскому миру рассеялись монахи с призывом жертвовать на святое дело. Даяния потекли в папские ларцы. Много еще оставалось идиотов, желавших принять участие в походе; много людей еще верило, что от грехов можно откупиться деньгами.

Когда папа решил, что дойная корова дала все, что могла, он преспокойно положил себе в карман золото благочестивых верующих и вместо крестового похода заключил союз с султаном Баязидом.

Но это мошенничество блекнет перед новым преступлением папы.

Это было время, когда Христофор Колумб открыл Америку. Испанцы и португальцы хлынули в Новый Свет. Богатство казалось столь соблазнительным, что два народа, недавно дружественные, не замедлили вступить в ожесточенную драку из-за новых владений. Короли Португалии и Испании были католиками, и они обратились к папе с прось-

бой рассудить их. Александр VI за соответствующее вознаграждение, разумеется, согласился взять на себя роль посредника. Он определил, кто из королей какой частью Нового Света будет владеть, и опубликовал буллу, в которой требовал обращения в католичество всех жителей новооткрытых стран. На основании этой буллы миссионеры нагрянули в Америку и стали грабить и убивать несчастных индейцев. Именно благодаря буллам Борджиа открытие нового континента сопровождалось жестоким избиением миллионов туземцев.

Тем временем Борджиа выдал свою дочь Лукрецию за Иоанна Сфорца. А так как она еще раньше была обручена с одним арагонским дворянином, то папа освободил дочь от данного ею обета.

По случаю этого брака, пишет Инфессура, были устроены торжественные празднества, вполне достойные Лукреции. Вечером его святейшество кардинал Цезарь, его брат Франческо, куртизанки и благородные дамы присутствовали на пиру, во время которого, к удовольствию присутствующих, актеры изображали непристойные сцены. Утром Александр VI лично отвел молодых супругов в свадебную комнату, посреди которой возвышалось роскошное ложе без балдахина. Здесь, по словам летописца, происходили такие возмутительные вещи, которые невозможно передать. Святой отец исполнял у ложа своей дочери функции матроны. Лукреция, эта Мессалина, которая уже в ранней юности была участницей вакханалий отца и братьев, разыгрывала девственницу, что делало всю комедию еще больше непристойной, и в конце концов брак был завершен в присутствии всей семьи первосвященника.

Папа согласился на брак своей дочери, ибо в ту пору его захватила новая страсть. Он влюбился в девушку, которую звали Джулия Фарнезе, сестра некого Александра Фарнезе, обвинявшегося в подлоге. Борджиа простил ему его преступление; более того, Джулия Фарнезе добыла брату сан кардинала и тем самым подготовила почву для того, чтобы в недалеком будущем он вступил на папский престол.

Медовый месяц Лукреции длился лишь неделю. Она третировала мужа, предпочитая общество отца и его утонченные пиршества, и осталась в Ватикане, наотрез отказавшись последовать за сеньором Сфорца в его владения. «Она не покидала комнат святого отца»,— сообщает Иоганн Бурхард, епископ Читта ди Кастелло, неизменный свидетель достойной

жизни Александра VI. Он был папским церемониймейстером и с наивной добросовестностью час за часом записывал все, что происходило в папском дворце. Именно епископу Бурхарду мы обязаны многочисленными разоблачениями «подвигов» Александра.

Александр не только не протестовал против желания дочери остаться в Ватикане, но и разрешил помогать ему в управлении церковью; она вскрывала папские депеши, созывала священную коллегию. Очень часто сразу же после пиршества она председательствовала на совещании святой коллегии в одежде гетеры, с открытой грудью, едва прикрытая прозрачным муслином. В таком виде она, развлекаясь, задавала щекотливые вопросы при обсуждении самых непристойных дел. Присутствие кардиналов не мешало ей быть нежной с папой или принимать его ласки, так что даже привыкший ко многому епископ Бурхард, описывая происходящее, восклицает: «Позор! Ужас!»

В его дневнике мы находим следующий эпизод: «Сегодня его святейшество, чтобы развлечь госпожу Лукрецию, велел вывести на малый двор папского дворца несколько кобыл и молодых огненных жеребцов. С отчаянным взвизгиванием и ржанием табун молодых лошадей рассыпался по двору; гогоча и кусая друг друга жеребцы преследовали и покрывали кобыл под аплодисменты госпожи Лукреции и святого отца, которые любовались этим зрелищем из окна спальни. После этого отец и дочь удалились во внутренние покои, где и пребывали целый час».

Бурхард не комментировал этот эпизод, и мы последуем его примеру.

Перейдем к договору, заключенному между папой и султаном — между главами христианского и мусульманского мира.

Султан Баязид пребывал в постоянной тревоге, после того как узнал, что египетский калиф предложил папе Иннокентию VIII уплатить выкуп за его брата Зизима. Баязид боялся, что однажды Зизим встанет во главе египтян и низложит его с трона. В течение нескольких лет он выплачивал Риму крупные суммы за содержание Зизима. Но потом ему пришла в голову мысль возобновить переговоры насчет отравления принца Зизима, которые велись при Иннокентии VIII и были прекращены по известным читателю причинам.

В своем послании папе он писал: «По сей день, монсиньор, я аккуратно выплачивал вашему святейшеству сорок

тысяч дукатов ежегодно за содержание моего брата Зизима. Однако, когда до меня дошли сведения, что ваш предшественник Иннокентий VIII одновременно, получая от меня значительные суммы для охраны честолюбивого принца, договорился с египетским калифом и принял от него деньги за освобождение Зизима, у меня возникли опасения, что ваш преемник позволит соблазнить себя, снабдив моего брата войском, и поможет ему выступить против меня.

Ваши послы отлично поняли причину моих тревог и дали мне совет обратиться к вашему святейшеству с просьбой, чтобы вы успокоили мой встревоженный дух и устранили причину моего беспокойства. Они также заверили меня, что вы отнесетесь к моему предложению с благосклонным вниманием.

Я обязуюсь выплатить 300 тысяч дукатов, присовокупив к этой сумме несколько городов и, кроме того, тунику Иисуса Христа, если ваше святейшество пожелает убрать султана Зизима из этого мира тем способом, какой будет угодно выбрать вашему святейшеству. Тогда Зизим избавился бы от огорчений земной жизни и его душа перенеслась бы в более счастливый мир. Это будет услугой, оказанной самому пленнику, ибо по закону Магомета он должен предпочесть смерть рабству, так же как и вы, достопочтенный повелитель, не совершите никакого преступления против вашей религии, ибо христианам приказано истреблять еретиков и неверных...»

Можно себе представить, в какое отличное расположение духа пришел святой отец! Туника Иисуса Христа несколько его позабавила, но мысль пересчитать дукаты несказанно обрадовала. Конечно, он не отказался от святой туники; именно эта реликвия продавалась и перепродавалась неоднократно, пока ее в конце концов не приобрела Аржантейльская церковь; если даже считать ее подлинной, то, как мы видим, она себя полностью окупила.

Предложение Баязида было особенно приятно папе: он знал, что французский король Карл VIII — такой же враг его, как и султана — не скрывал своего намерения посадить Зизима на оттоманский трон.

Александру следовало торопиться. Карл VIII уже выступил в поход против Италии во главе грозного войска и в короткий срок овладел крупными городами. Папа именем Христа торжественно запретил ему продвигаться дальше. Но Карл VIII, отлично зная цену папской святости, не обращал

внимания на анафемы и, покорив Ломбардию, подошел к папским владениям.

Мы знаем, как ведут себя те храбрецы, которые грозят издалека. Александр сдал на хранение свою посуду и тиары в замок святого Ангела, приказал оседлать лошадей и обратился в бегство. Французская армия без потерь взяла Рим, и Карл VIII заявил папе, что он склонен созвать собор для низложения Александра VI, как прелюбодея, кровосмесителя, вора и убийцу. Папа стал более уступчив, и от имени Иисуса Христа разрешил французскому королю завладеть королевством обеих Сицилий.

Карл мог бы обойтись и без благословения папы, но в ту эпоху нельзя было заполучить титул короля завоеванных земель без высочайшего одобрения наместника святого Петра. Однако Карл не довольствовался одним благословением и поставил жесткие условия наместнику святого Петра: Александр уступал Франции четыре города: Витербо, Чивита-Веккия, Террачино и Сполетто. Цезарь Борджиа оставался по договору у Карла VIII в качестве заложника; принца Зизима передавали королю. Александр VI поклялся на святом евангелии выполнить все, что от него потребовал Карл. Цезарь Борджиа тоже поклялся на распятии остаться в лагере Карла VIII, пока тот не утвердится на неаполитанском троне. Что касается Зизима, то его в полном здравии отвезли во Францию.

Карл VIII и его войска покинули Рим и направились в Неаполитанское королевство. Не успела, однако, армия Карла VIII выйти за пределы папских владений, как Цезарь Борджиа нарушил клятву и совершил побег. Одновременно несчастный Зизим скончался в страшных конвульсиях, по словам Бурхарда, «от таких вещей», которые не годились для его желудка. Перед тем, как его выдали Карлу VIII, он был отравлен ядом, который оказывал свое действие лишь через несколько дней. Таким образом папа сразу выполнил оба противоречащих друг другу обещания: он отдал Зизима королю и вместе с тем избавил Баязида от конкурента.

Спустя некоторое время Карл VIII завоевал обе Сицилии. Но против него образовалась коалиция в составе Венецианской республики, миланского герцога, короля английского и курфюрста Максимилиана. И Карл поспешил во Францию охранять собственные владения.

Проходя на обратном пути через папскую территорию, король надеялся наказать Борджиа, но последний, разумеется,

поспешил скрыться и вернулся в Рим лишь тогда, когда Карл VIII окончательно покинул Италию.

Когда опасность возвращения Карла миновала, Александр решил сам осуществить то, о чем честолюбиво мечтал его противник. Папа обвинил в измене итальянских сеньоров, чьи владения Карл завоевал. Он пригласил их на совещание, но обсуждение кончилось тем, что некоторых из них тут же на месте закололи кинжалом, а тех, кто спасся бегством, умертвили чуть позже; имущество их перешло к дому Борджиа.

Лишь одни Орсини избежали западни и мужественно сражались против папы. Цезарь Борджиа, полусолдат, полукардинал, нагрянул на Романью, чтобы покорить вассалов Орсини, и учинил там столько расправ, что доведенное до отчаяния население с позором прогнало его.

Тогда Александр изменил тактику и заключил союз с королями Кастилии и Португалии, которые во главе своих войск вошли в Неаполь, чтобы восстановить там власть короля Фердинанда, которого Карл VIII лишил короны. Взбаламутив воду, Александр принялся удить рыбку и, как истинный виртуоз в таких делах, добился передачи своему сыну Франческо княжества Беневентского вместе с тремястами тысячами золотых экю.

Франческо недолго пользовался своими титулами и привилегиями. Прибыв в Рим, чтобы получить инвеституру из рук святейшего отца, он устроил пышные празднества, окружив себя таким блеском, что вызвал зависть своего брата Цезаря. Кроме того, Лукреция весьма опрометчиво оказывала благосклонность Франческо, не обращая внимания на младшего брата. Цезарь, считая, что природа ошиблась, создав Франческо раньше его, решил исправить ошибку и стать первенцем Александра VI и его наследником. Однажды около полуночи после ужина у своей матери Франческо — новый князь Беневентский — подвергся нападению. Четыре человека в масках нанесли ему девять ран, и его труп с перерезанным горлом был брошен в Тибр.

Весть об исчезновении герцога быстро распространилась по Риму. На следующий день Цезарь Борджиа выехал в Неаполь. Этот внезапный отъезд был достаточно выразительным подтверждением его причастности к преступлению. «Тем не менее,— рассказывает Бурхард,— встревоженный папа еще питал какие-то надежды увидеть своего Франческо и отправил нас разыскивать его по всем лупанариям Рима».

Спустя несколько дней римские лодочники выловили труп

герцога Беневентского. Александр продолжал верить, что его первенца зарезали враги дома Борджиа; не зная, кого подозревать, он отправил на пытку многих знатных нотаблей Рима, выбранных наугад, и не прекращал арестов и пыток до тех пор, пока не убедился, что преступление совершил его возлюбленный сын.

«Тогда,— пишет Бурхард,— он осушил слезы и, запершись в своих покоях, утешался в объятиях Лукреции, тоже повинной в убийстве».

Спустя некоторое время Цезарь, полагая, что Рим уже забыл о гибели Франческо, вернулся из Неаполя и предстал как ни в чем не бывало перед светлейшим взором отца. Папа поцеловал и обнял сына в присутствии всех членов консистории; вняв его просьбам, он освободил его от церковных обетов, предоставив ему выбрать себе карьеру, соответствующую его вкусам и духу. Более того, по повелению святого отца Цезарь Борджиа унаследовал титул, княжество и все привилегии старшего брата; словом, Цезарь сбросил опротивевшую ему кардинальскую шапку, сменив ее на меч, и стал гонфалоньером папского престола.

В знак примирения с отцом Цезарь устроил охоту. Огромную свиту, состоявшую из придворных фаворитов, светских дам, куртизанок, шутов, плясунов и танцовщиц, сопровождали пятьсот всадников и шестьсот пехотинцев.

«Четыре дня,— пишет Томази,— они провели в лесах Остии, свободно предаваясь порывам плоти; пиры сменялись пирами, и там царило такое распутство, какое в состоянии придумать лишь самое извращенное воображение. Вернувшись в Рим, они превратили его в притон, в святилище гнусностей. Невозможно перечислить все грабежи, убийства и преступления, которые совершались ежедневно при дворе папы. Человеческой жизни не хватило бы описать все подробности».

Кардиналы проявляли полную покорность Александру и рукоплескали всем подвигам святого отца и его детей. Они распластывались перед Цезарем, как только он появлялся в консистории, ибо отлично знали, что он совершает преступления не только для того, чтобы избавиться от врагов своего дома, но и для того, чтобы завладеть их наследством.

«Он с лихорадочной алчностью обирал и живых и мертвых,— пишет Бурхард.— Величайшим наслаждением для него было лицезрение человеческой крови. Так же, как некогда император Коммод, он жаждал все новых и новых убийств,

чтобы удовлетворить свою тигриную породу. Однажды он приказал оградить площадь святого Петра, согнав за ограду военнопленных — мужчин, женщин, детей. Сидя верхом на породистом скакуне, вооруженный, он носился по площади, усеивая ее трупами, в то время как святой отец и Лукреция любовались этим зрелищем с балкона...» Но даже эти подробности не самые чудовищные из тех, о которых нам сообщает капеллан.

Мы уже упоминали, что Александр VI заключил союз с королями Кастилии и Португалии. Интересы этих двух монархов совпадали во всем, если не считать, что Фердинанд Кастильский, как ближайший родственник, добивался португальской короны. У короля Португалии была дочь, которую он поместил в монастырь. Когда наследница португальского короля подросла, монастырская жизнь показалась ей не столь уж приятной. Осознав свою ошибку, она пожелала вернуться в мир и тайно обратилась к Александру за помощью. Папа милостиво принял ее объяснения вместе с дарами, освободил от монашеских обетов и разрешил вступить в брак с принцем королевской крови.

Это не входило в расчеты Фердинанда Кастильского: замужество принцессы лишало его надежд на португальскую корону, и он направил послание папе, упрекая его в вероломстве.

Александр, у которого было немало оснований заботиться о Фердинанде, прикинулся удивленным. Португальской принцессе разрешили покинуть монастырь и расстаться с клобуком? Может ли это быть? Это просто невероятно! Если же это так, то в том повинен кардинал-канцлер, ведающий делами подобного рода. Что же касается самого папы, то его даже не поставили в известность. Он поклялся самим господом богом, что ничего не знал об этом деле.

Для пущей убедительности папа посадил в тюрьму кардинала, секретаря папской канцелярии, обвиняя его в подлоге: он, дескать, послал разрешительную грамоту принцессе, воспользовавшись его, папы, именем. Несчастного посадили в каменный мешок почти голым, оставив при нем деревянное распятие, бочонок с водой, светильник и предупредив, что пищу он будет получать только два раза в неделю.

По истечении двух месяцев, считая, что воля кардинала достаточно ослаблена, папа подослал к нему одного из своих сбиров, чтобы тот убедил несчастного принять вину папы на себя. Если тот откажется — пригрозить пожизненным заклю-

чением. А если согласится — папа обещает ему не только свободу, но и возвращение всех его должностей. Кардинал, которому не оставалось никакого пути для спасения, подписал заявление в присутствии свидетелей. Получив желанную подпись, пресвятейший отец немедленно созвал консисторию и приговорил несчастного архиепископа к виселице за подлог. Опасаясь неприятного сюрприза в день казни, Александр приказал отравить архиепископа, а затем распустил слух, что преступник сам отравился, чтобы избежать позора. Что касается имущества кардинала, то оно было конфисковано его святейшеством.

Добавим, что этот чудовищный обман не убедил Фердинанда Кастильского, так как преступления Борджиа были известны всей Европе. Он уполномочил своего посла в Риме присоединиться к другим правителям, пославшим свои предостережения папе-предателю.

Во время одной аудиенции послы разных католических государств, заявив Александру VI, что его действия наносят большой ущерб религии, предложили ему соблюдать сдержанность и положить конец злодеяниям. Само собой разумеется, что Александр вознегодовал, услышав подобные речи, и даже грозил послам выбросить их в окно. Он не стеснялся в выборе выражений и по адресу королей: «Эти деспоты осмеливаются упрекать наместника святого Петра и ставят мне в вину какие-то убийства и грабежи, в то время как сами отказывают целые королевства своим детям и убивают миллионы людей в своих кровавых драках! Подите прочь, жалкие сателлиты, и передайте пославшим вас, что мне еще многое надо совершить, чтобы сравняться с ними в их преступлениях!» Вот уж цинизм, дальше которого идти некуда!

По поводу этого не лишенного юмора высказывания папы Савонарола, проповедник и реформатор, иронически заметил: «Что должны думать народы о своих тиранах, если Александр считает короля более омерзительным, чем он сам?» Эти смелые слова дорого обошлись тому, кто их произнес. Савонарола был арестован во Флоренции, доставлен в трибунал инквизиции и сожжен 23 мая 1498 года.

В день казни мужественного проповедника Александр VI устроил в Риме празднество в ознаменование рождения сына от Джулии Фарнезе. По этому случаю папа приказал поместить в одной базилике, выбранной для церемонии крещения, великолепный портрет Розы Ваноццо, которому должны были поклоняться вместо иконы пречистой девы. Затем он расторг-

нул брак Лукреции и Иоанна Сфорца, обвинив его в бесплодии, и выдал свою дочь замуж за юного Альфонса, герцога Бисалья, побочного сына короля обеих Сицилий Альфонса Арагонского. Этот союз укреплял влияние папы в Италии.

Между тем Карл VIII умер, и французская корона перешла к представителю Орлеанского дома — Людовику XII. Новый король мечтал заменить надоевшую ему жену Иоанну новой супругой — Анной Британской. Александр продал ему разрешение на развод и вступление во вторичный брак. Воспользовавшись случаем, Цезарь направился в Париж с буллами святого отца, надеясь на встречу с Фридрихом — неаполитанским королем, который в это время находился во Франции. Цезарь рассчитывал добиться руки неаполитанской принцессы. Фридрих принял его благожелательно, но дочь его высокомерно отказалась выйти замуж за незаконного сына священника. Можно себе представить, как велика была ярость этого деспота. Людовик XII, не желая портить отношения с Ватиканом, постарался загладить обиду, нанесенную Цезарю в его королевстве: он пожаловал ему титул герцога Валентского, обвенчал с дочерью короля наваррского и в придачу предоставил в его распоряжение шесть тысяч пехотинцев и две тысячи лошадей.

Возвратившись в Италию, Цезарь Борджиа возобновил истребительную войну против мелких княжеств Романьи.

Покорив Романью, Цезарь прибыл в Рим, чтобы совершить новые преступления, которые он задумал вместе со своим отцом. Заключив союз с французским королем, Цезарь мечтал втравить Людовика XII в войну против Неаполитанского королевства: он жаждал отомстить за оскорбление, нанесенное ему дочерью Фридриха, и, воспользовавшись междоусобицами, подчинить себе мелкие княжества Италии. Однако все они были связаны с разными монархами полуострова, в том числе с герцогом Бисалья, вторым мужем Лукреции. Что же делать? Надо избавиться от Бисалья, черт возьми!

Цезарь и его пресвятейший отец решили во время празднества по случаю юбилея, на который прибудет Лукреция с мужем, умертвить герцога.

И вот летней ночью, когда герцог поднимался по ступенькам папского дворца, он был опасно ранен наемными убийцами. Они нанесли ему пять ран кинжалом, а затем убежали, уверенные, что он мертв. Но герцогу удалось добраться до внутренних покоев и позвать на помощь.

Его святейшество, узнав о происшедшем, распорядился вызвать врачей. «Врачи,— замечает Бурхард,— не усомнившись в искреннем горе папы, приложили все усилия и спасли раненого. Но однажды ночью, когда он уже поправлялся, несколько людей в масках задушили лежавшего в постели молодого герцога».

При каждом удобном случае Александр вмешивался в матримониальные дела правителей. Ему удалось дорого продать санкцию на развод королю Венгерскому, а также королю Португалии; последний даже удвоил сумму, чтобы получить разрешение жениться на своей близкой родственнице. (А в наши дни духовенство поднимает крик против развода, ссылаясь на святость брака!)

Кроме того, святому отцу пришла мысль разыграть очередной водевиль с крестовым походом. Снова наивные верующие наполнили папские сундуки золотом и серебром, предназначенным для отвоевания Иерусалима и гроба господня. Летописцы сообщают, что одна Венецианская республика дала папе семьсот девяносто девять фунтов золотом.

Эти грандиозные суммы пошли на устройство празднеств его святейшества и на завоевательные походы Цезаря.

Не прошло и четырех лет, как брат Лукреции подчинил себе ряд больших и мелких владений. Крупных магнатов покоренных городов удавили или повесили по приказу Цезаря Борджиа. В то же время святой отец с помощью своего знаменитого яда отправлял в иной мир родителей или родственников замученных жертв. Самое верное средство, чтобы никто не потребовал возврата захваченных владений.

Цезарь мечтал провозгласить себя государем. Его святейшество отправился со своими придворными, возлюбленными и любовницами посетить земли, завоеванные Цезарем. Повсюду на пути он щедро раздавал подарки, устраивал праздники для одурманенного религией народа, всячески стараясь вызвать энтузиазм. На острове Эльба папа устроил народные празднества, распорядившись прислать красивых поселянок, чтобы они исполнили местные танцы в его дворце.

Вернувшись в Рим и, по словам одного историка, «очистив свой желудок от меланхолии», Александр вместе с Цезарем занялся обсуждением вопроса относительно торжественного коронования Цезаря королем Умбрии и Романьи. Необходимы были крупные денежные средства и военные силы, для того чтобы заставить другие государства признать этот акт. Кроме того, его святейшество хотел устроить судьбу

своих остальных детей, а уж потом целиком заняться великими делами возлюбленного сына, которым он восхищался. Он отдал своей дочери Лукреции Сполетто, а сыну Родриго, которого родила ему его дочь,— Сермону; герцогство Непи он отдал одному из своих сыновей — Иоанну Борджиа. Наконец, он освятил третий брак Лукреции с Альфонсом д'Эсте, наследником герцога Феррарского.

Свадьба Лукреции состоялась в 1501 г. «Всего только восемь лет прошло, как Лукреция вышла замуж за Иоанна Сфорца, своего первого мужа,— невозмутимо рассказывает Бурхард.— Свадьбу отпраздновали с такой пышностью, какой не знала даже языческая древность. На ужине присутствовали все кардиналы и высшие придворные священники, причем каждый из них имел у себя по бокам двух благородных блудниц, вся одежда которых состояла из прозрачных муслиновых накидок и цветочных гирлянд. После ужина пятьдесят блудниц исполнили танцы, описать которые не позволяет приличие,— сначала одни, а потом с кардиналами. Наконец по сигналу Лукреции накидки были сброшены, и танцы продолжались под рукоплескания святого отца. Затем перешли к другим забавам. Его святейшество подал знак, в пиршественном зале были симметрично расставлены в двенадцать рядов огромные серебряные канделябры с зажженными свечами. Лукреция, папа и гости кидали жареные каштаны, и блудницы подбирали их, бегая совершенно голые, ползали, смеялись и падали. Более ловкие получали от его святейшества в награду шелковые ткани и драгоценности. Наконец папа подал знак к состязанию, и начался невообразимый разгул. Описать его и вовсе невозможно: гости проделывали с женщинами все, что им заблагорассудится. Лукреция восседала с папой на высокой эстраде, держа в руках приз, предназначенный самому пылкому и неутомимому любовнику».

Что после этого можно сказать о церковной нравственности!

Следует иметь в виду, что все эти омерзительные факты не являются вымыслом, это не роман, а бесстрастная история.

Очень многое из подобного рода деятельности Александра VI мы вынуждены опустить...

Вполне понятно, что для удовлетворения чудовищных страстей ему всегда нужны были деньги, и для достижения этой цели все средства были хороши. Он не только дурачил наивных христиан крестовыми походами или юбилеями, не

только обагрял руки кровью ограбленных им богачей, он прибегал и к другим отвратительным средствам.

Весьма поучителен перечень разрешительных грамот Александра VI. Чтобы показать, до чего способно докатиться папство, претендующее на абсолютную власть над людьми, и раскрыть сущность этого религиозного деспотизма, считающего себя непогрешимым, мы приведем образец этих грамот.

Папа Борджиа, глава римской церкви, позволил себе именем божественного провидения утвердить акт содомии отца с собственным сыном. Этим презренным отцом был кардинал Мендоза, архиепископ Валенсии, попросивший у его святейшества разрешение взять в любовники одного из своих побочных сыновей — Заннета. «Следует быть добрым государем,— добавил цинично Александр,— поэтому мы не можем отказать нашим подданным в том, что мы столько раз позволяем самим себе».

Наступил такой момент, когда даже изобретательная фантазия Борджиа оказалась исчерпанной. Не осталось больше рыцарей и баронов, которых можно было бы умертвить, никто не просил разрешительных грамот. Было также ясно, что никто не попадется больше на удочку фантастического крестового похода.

Тогда Александр VI задумал отравить своих кардиналов, чтобы унаследовать их богатства, и заменить их новой священной коллегией, целиком образованной из его ставленников.

Скажем несколько слов о знаменитом яде Борджиа. Для того, чтобы не затягивать нашего повествования, мы обошли молчанием бесчисленные отравления простых римских граждан, единственное преступление которых заключалось в том, что они были богаты.

Надо отдать справедливость Борджиа — он довел способ убийства до совершенства. Благодаря своим специальным знаниям в этой области и содействию преданных ему химиков ему удалось создать целый арсенал чрезвычайно тонких ядов. Александр, Цезарь, Лукреция действовали сами или через своих сбиров. Достаточно было сбирам, прогуливаясь по улицам и площадям, уколоть иголкой указанных им прохожих, чтобы последние падали замертво. В резервуаре иглы находился яд, капля которого могла сразить здорового быка.

Излюбленным у этого семейства был яд, лишенный запаха и цвета; получая одну каплю этого яда раз в неделю, паци-

ент умирал постепенно, в какие угодно установленные сроки. Именно на это и рассчитывал отравитель, чтобы замести свои следы. Яд сохранял свое действие, будучи подмешан в кофе или в шоколад, но в вине он утрачивал силу, и потому папа расстался с ним.

Когда открыли Новый Свет, Александр VI приказал миссионерам доставить из Америки различные ядовитые травы, из которых его химики выработали многочисленные виды страшных ядов. Цезарь Борджиа наловчился разрезать отравленным ножом персик так, что сам, съедая одну его половину, оставался невредим, а приглашенный к обеду гость, которому доставалась другая половина, погибал.

Знаменитое вино Борджиа имело то свойство, что действие его сказывалось лишь через несколько лет: у человека выпадали зубы, волосы, сходила кожа, и он умирал после долгой и мучительной агонии.

У Лукреции был ключ, с виду самый обыкновенный, с помощью которого она отправляла на тот свет любовников, когда хотела от них избавиться. Рукоятка этого ключа заканчивалась неприметным острием, которое она натирала ядом. Обычно она давала какое-либо поручение и вручала ключ к замку, который туго открывался. Галантный любовник, крепко сжимая ключ в руке, слегка царапал себе кожу и через сутки умирал.

У Цезаря, в свою очередь, был не менее любопытный перстень. Гладкий с внешней стороны, он состоял из двух львиных когтей, сделанных из острой стали. Эти когти находились на внутренней стороне и вонзались в тело во время рукопожатия под нажимом среднего пальца. Они были покрыты глубокими желобками; вероятно, эти желобки выпускали яд. Где-нибудь в толпе, на балу например, Цезарь, скрытый под маской, схватывал руку человека, которого он решил отправить на тот свет, вонзал глубоко «львиные когти» и тут же ронял роковой перстень. Разве можно было в толпе масок найти преступника? И даже когда способ был разгадан, кто посмел бы обвинить сына первосвященника?

Ключ Лукреции и перстень Цезаря долго были в ходу и после их смерти: у преступников оказалось много учеников и последователей.

Борджиа в тех случаях, когда им необходимо было моментально избавиться от врага, прибегали к помощи кинжала или же к быстродействующим ядам.

Именно такой яд и решил применить Александр VI, когда

он задумал расправиться с кардиналами. Его злодейский план должен был осуществиться на торжественной обедне.

Заманить к себе на обед церковных иерархов было делом нелегким. Прелаты, разумеется, отнеслись с большим недоверием к трапезе. И папа понял, что большинство из них найдет удобный предлог и отклонит его приглашение, если он пригласит их в свой дворец. Тогда он попросил кардинала Корнето уступить ему на один день дворец для устройства пира. Замысел папы имел успех: кардиналы приняли приглашение.

В назначенный день утром Александр послал своего дворецкого во дворец Корнето наблюдать за сервировкой, вручив ему две бутылки вина. Он распорядился принять все меры предосторожности, спрятать их в надежном месте и подавать безошибочно только тем, на кого он укажет.

Ни один из кардиналов не преминул явиться на пир, и его святейшество, прибыв во дворец с сыном, мог сразу подсчитать, какую прибыль он получит с этого обеда. Дело происходило в августе, и жара была томительная. Александр и Цезарь пришли на пиршество пешком и, жалуясь на усталость, попросили прохладительного напитка. Дворецкий на минуту вышел, и один из слуг бросился выполнять просьбу его святейшества. Александр, как обычно, выпил свой кубок залпом. Цезарь разбавил вино водой. Опорожнив бокалы, они почти мгновенно ощутили сильную боль в желудке. Слуга, которому ничего не было известно, подал им графин, припрятанный дворецким. У святого отца начались страшные конвульсии. Его пришлось тут же перенести во дворец, где он и скончался ночью; врачи были даже бессильны облегчить его страдания. Это произошло 18 августа 1503 г.

Цезарь находился между жизнью и смертью, но яд, разбавленный водой, потерял свою силу, и крепкий организм сумел победить его. Цезарь остался жив, проболев десять месяцев. Несмотря на жестокие страдания, он все же не терял самообладания: по его приказу гонцы непрерывно сообщали ему о состоянии агонизирующего Александра VI. Узнав о его кончине, он приказал начальнику своей стражи запереть ворота Ватикана и с кинжалом в руке заставил кардинала-казначея выдать ему ключи от апостольской казны.

На следующий день, едва весть о смерти папы распространилась по городу, в Риме вспыхнуло ликование. Народ стал толпами стекаться к собору святого Петра. Римляне хотели взглянуть на останки того человека, который в течение один-

надцати лет держал в подчинении и страхе могучих сеньоров. Вся базилика святого Петра, где покоился Александр, была запружена народом. «Страшное зрелище представлял собой,— сообщает Рафаэль Волатеран,— черный, обезображенный, вздутый труп, распространявший вокруг себя отвратительный смрад; темная слизь покрыла его губы и ноздри, рот был широко раскрыт, и язык, распухший от яда, свисал почти до подбородка. Не нашлось ни одного фанатика, который осмелился бы приложиться к руке или ноге покойного, как это обычно бывает».

К шести часам вечера в церкви стоял столь невыносимый смрад, что кардиналы были вынуждены дать распоряжение о погребении папы, хотя по обычаю того времени перед погребением следовало служить заупокойные обедни в течение десяти дней. Ни один священник, ни один кардинал, никто из офицеров стражи не согласился присутствовать при церемонии погребения. Труп был предоставлен на усмотрение гробовщиков и крючников. Отбросив в сторону папскую тиару, они кое-как пинками втиснули распухший от яда труп в гроб, который был слишком короток и слишком узок. Потом гроб Александра VI опустили в склеп, находившийся под главным алтарем слева.

После смерти своего отца Цезарь Борджиа распорядился перенести себя в замок святого Ангела. Он приказал стрелять из пушек в монастырь Минервы, где члены священной коллегии, окружив себя баррикадами, собрались на совещание. Родственники ограбленных князей восстали против Цезаря и силой оружия вернули себе свои владения. В конце концов после долгих увещеваний со стороны кардиналов Цезарь согласился удалиться в свое владение — в герцогство Романью, куда уже возвращались родственники прежних феодальных владык. Он вел там довольно жалкое существование, а потом поступил на службу к наваррскому королю и был убит в 1513 г.

Лукреция же никогда не возвращалась в Рим. Она дожила до преклонного возраста, покровительствуя церкви и поощряя художников писать картины на религиозные темы. Любовником ее в последний период жизни был кардинал, который жил при дворе ее мужа Альфонса д'Эсте. Возможно, что и ее когда-нибудь канонизируют.

Вот как охарактеризовал Цезаря Борджиа Поль Сен-Виктор: «Историку следует как можно хладнокровнее подойти к нему. Разве натуралист приходит в ужас, изучая дикого

зверя? Именно таким зверем был Цезарь Борджиа, герцог Валентский, существо, рожденное для зла, столь же чуждое идеям человеческой морали, как житель другой планеты чужд физическим законам нашей земли. Великие преступники, повергшие в ужас мир жестокостью своих злодеяний, пусть недолго, но все же порою испытывали угрызения совести. Бывали минуты в их жизни, когда их охватывала душевная тревога, и они с ужасом оглядывались назад.

В молодости Нерон еще сохраняет человеческий облик; Иоанн Грозный, убив сына, запирается в Кремле и предается самоистязанию. Сыну Александра VI неведомы какие-либо сомнения, он искренне считает, что стоит над законами. Страсти его не знали пределов, жестокость его была безгранична. Он жил, как тигр в джунглях. В нем все от тигра — напор, сила, гибкость, страшная грация, молниеносность прыжков и движений; подобно тигру, он раб своих хищных инстинктов. Кровь была его стихией, в которой он чувствовал себя точно рыба в воде».

Вспомним также, что Макиавелли, современник Борджиа, рассуждая о тирании в своей книге «О государе», воспевает тирана-виртуоза, взяв в качестве примера Цезаря Борджиа.

Такова история Александра VI. Церковники никогда не отступались от него, поскольку несут тяжелую ответственность как соучастники его преступлений. Впрочем, они не только не отрекаются, но кипят негодованием, когда кто-нибудь упомянет о злодеяниях этого тирана.

Я уверен, что любой мракобес ответит историку, осмелившемуся описать подвиги Александра Борджиа и его сына: «Пусть правда, что каждый из них перебил и ограбил множество могущественных вельмож в Италии. Но Борджиа действовал в интересах святого престола, стараясь расширить владения апостола Петра, и мы благодарны ему. Он жил в ту эпоху, когда поборники цивилизации вынуждены были идти на крайние меры. И потому, если Борджиа и совершал преступления, мы все же ставим его в первый ряд среди покровителей Возрождения. И какое значение имеют его поступки, раз он перед смертью успел исповедоваться в своих грехах и получить полное отпущение, чтобы вознестись на небо и воссесть по правую руку небесного отца? Таинство веры не подлежит обсуждению: религия учит, что всякий человек, попросивший прощения у бога, получает отпущение. Он после причастия так же чист, как только что крещенный

младенец. Такова наша вера! Проклятие тому, кто считает это учение преступным. Было бы неплохо, если бы на земле появился такой Борджиа, который своими благословленными ядами истребил бы все племя вольнодумцев: нет греха на том, кто трудится для торжества церкви, а цель оправдывает средства».

Будем же счастливы, что мы живем в эпоху, когда церковники не в силах осуществить свои угрозы. Иезуиты, палачи инквизиции и все борджиа в мире прокляты честными людьми.

Юлий II

Необузданные страсти соперников вокруг опустевшего престола апостолов привели к тому, что посох первосвященника достался кардиналу Пикколомини, человеку, безукоризненно честному. Водворившись в Ватикане, он сразу же заявил о своем намерении изменить церковные нравы, главным образом нравы римской курии.

Тогда кардиналы решили как можно скорее исправить свою ошибку. В тот день, когда папа Пий III (так звали эту белую ворону) открыто заявил о своем намерении, его угостили зельем, которое тут же возымело свое действие. После обеда у святого отца начались резкие боли в желудке, и, несмотря на помощь врачей, Пий III, восседавший три недели на троне апостолов, скончался в страшных мучениях.

Сразу же после похорон кардиналы собрались на конклав. Пять конкурентов долго и упорно домогались тиары, пока не вмешался шестой разбойник — Джулиано делла Ровере, кардинал святого Петра. Возложив на голову тиару, он громогласно объявил, что не даст никому права оспаривать ее, ибо скупил все голоса.

Его аргумент произвел впечатление на прелатов, и они провозгласили Джулиано папой под именем Юлия II.

Юность нового папы протекала весьма бурно. Джулиано сам хвастался своими подвигами. Он долго плавал по морям, но не в поисках рыбы, а как обыкновенный пират, грабил торговые суда, похищал девушек и продавал их в рабство.

Жестокий, мстительный, высокомерный Джулиано вызывал всеобщую ненависть римлян. Его избрание восприняли как народное бедствие.

Он отлично знал о чувствах, которые внушал окружающим, но ему было глубоко безразлично, вызывает он симпатию или отвращение. Власть была в его руках — это все, что ему было нужно.

Вначале он не прибегал к методам Александра VI, не убивал представителей знати, а пытался дипломатическим путем перетянуть их на свою сторону. С этой целью он выдал свою дочь Фелицию за одного из Орсини, а другую, которую ему родила его сестра, обвенчал с Антонием Колонна.

В отношении мелких итальянских княжеств он вел себя иначе: он потребовал от Бентевиоли отдать Болонью, и когда они отказались, отлучил их от церкви и не только разрешил подданным завладеть их имуществом и землями, но и пообещал полное отпущение грехов тем, кто истребит большинство членов этого дома.

Кроме того, Юлий потребовал вернуть города и замки тем сеньорам, которые вновь овладели своими конфискованными землями после смерти бандита Александра VI. Могущественные князья и сеньоры отказались выполнить его требования. Решительнее всех возражала Венецианская республика, заявлявшая, что не отдаст папе ни одной пяди своих земель, не заплатит ни одного медяка в виде подати или налога, под каким бы предлогом они ни взимались. Заносчивый папа пригрозил, что низведет Венецию до положения рыбацкой деревни. Понимая, что армия его недостаточно сильна, для того чтобы без посторонней помощи наложить узду на честолюбие венецианцев, он обратился за помощью к европейским монархам. Он предал отлучению дожа Лоредано, Совет десяти и весь народ Венеции, разрешил захватить их корабли, имущество и забирать или продавать — как кому заблагорассудится — женщин и детей.

В булле, содержавшей отлучение, он потребовал от Венеции прислать ему в назначенный день ключи от нескольких городов.

Вместо того чтобы подчиниться, Совет десяти принял энергичные меры против публикации папской буллы на территории Венеции. Взбешенный папа направил легатов к своим союзникам, требуя ускорить военные действия, и стал готовиться к войне.

Несмотря на свой преклонный возраст, надев каску и латы, он сам возглавил войска. Одержав ряд легких побед, он захватил Перуджу и Болонью, с триумфом вступил в эти города, предав жителей мечу и огню. Превосходный метод

представителя той религии, которая призвана проповедовать мир!

«После одержанных побед,— рассказывает историограф Людовика XII,— святой отец, бряцая доспехами и считая себя по меньшей мере Тамерланом, решил напасть и на остальных повелителей Европы. Семидесятилетний хвастун, которому военные подвиги были так же к лицу, как танцы монахам, объявил войну французам».

В борьбе против слабоумного Людовика XII он, соблюдая церковные традиции, без стеснения прибегнул к предательству. Он отправил в Геную (уроженцем которой был) своих эмиссаров, чтобы подстрекнуть генуэзцев к восстанию, пообещав им поддержку от имени папы. Генуэзцы, доверившись его слову, подняли мятеж и прогнали французских офицеров. Но Людовик XII без труда подавил восстание. Тогда Юлий II, вопреки данному слову, не только не пришел на помощь генуэзцам, а, напротив, со всем рвением помог королю расправиться с мятежниками.

Так первосвященники держат свое слово, если оно не приносит им прибыли.

Мы не будем останавливаться на интригах воинственного папы, вынуждавшего Венецианскую республику уступить апостольскому престолу города, которые она отказалась отдать. Он натравил императора Максимилиана против французского короля, убедив его, что Людовик XII стремится поработить Италию, а затем предложил свое посредничество в их ссоре. В результате его козней был подписан договор о создании лиги против Венецианской республики, причем ему удалось склонить на свою сторону ряд княжеств, с помощью которых он рассчитывал раздавить Венецию.

В результате Венеция оказалась окруженной одновременно с трех сторон — Францией, Германией, испанскими и папскими войсками, впереди которых по-прежнему гарцевал на коне Юлий II.

Осуществив свои замыслы — оставив Венеции лишь незначительную часть ее владений,— Юлий II внезапно изменил свою политику, обвинил своих союзников в расправе с Венецией, разорвал узы, связывающие его с лигой, и приказал Людовику XII возвратиться во Францию. Глупый монарх поспешил повиноваться его приказу.

До самой смерти Юлий II вел непрерывные войны. Вступив в союз с Фердинандом Католиком, он долго боролся против Людовика XII, который в конце концов отказался быть

марионеткой в руках римской курии. Затем, когда французы были изгнаны из Италии, он объявил поход против Испании, вступив в союз со швейцарцами, которые сколотили тридцатитысячную армию. Договор был подписан, но, к счастью для народов, воинственный честолюбец Юлий II скончался.

Его сразила дурная болезнь, которая уже несколько лет держала его на краю могилы. Тело его давно было покрыто страшными язвами, что не мешало ему иметь любовниц и любовников.

Их борьба за счастье быть фаворитом папы нередко приводила к смертельному исходу. Например, кардинал Павии, льстивший себя надеждой оказаться главным фаворитом, в один прекрасный день был публично обвинен герцогом Урбино, племянником его святейшества, в том, что пытался продать Болонью французам. «Ложь,— ответил кардинал Павии,— клеветник хочет лишить меня милости святого отца».

Кардинал Павии действительно занимал положение главного фаворита в гареме Юлия II и весьма гордился этим. Герцог Урбино, взбешенный тем, что его намерения разоблачены, поклялся отомстить кардиналу Павии. На следующий день, встретив ехавшего верхом кардинала, он на глазах свиты проломил ему голову шпагой. Избавившись от соперника, герцог надеялся занять его место в сердце святого отца. Но расчет не оправдался. Обезумевший от скорби Юлий II не переставал оплакивать утрату своего любимца, и герцогу Урбино пришлось на некоторое время скрыться.

Мы могли бы привести бесконечное число примеров злодеяний Юлия II: многие писатели того времени, историки, поэты-сатирики мужественно разоблачали в своих произведениях преступные деяния этого изверга, прославившегося неумолимой жестокостью и сверхчеловеческой разнузданностью.

Этот отец всех христиан обходился со своими детьми как настоящий палач: захватывая какой-либо город, он с величайшим удовольствием уничтожал не только его защитников, но и вообще всех жителей обоего пола, не принимавших участия в борьбе. Ему доставляло неизъяснимое наслаждение зрелище пожаров, насилий и избиений.

Во время войны Юлия II с Людовиком XII римляне осмелились добиваться свободы: они начали изгонять из города своих угнетателей — церковников. Узнав об этом, Юлий во главе огромного отряда, состоявшего из испанцев, поспешил усмирить мятежников. Он перебил около пятнадцати тысяч

граждан и, возможно, перебил бы больше, если бы военные действия не вынудили его прекратить это занятие.

Как известно, война с Людовиком кончилась поражением французов, армия короля вынуждена была капитулировать. Но, вопреки договору о капитуляции, большинство солдат было заколото или повешено по распоряжению Юлия.

Высокомерие его было безгранично. Даже при самых тяжелых неудачах он больше всего заботился о своей славе. Микеланджело он заказал свою статую для Болоньи и поручил соорудить себе гробницу в Риме.

Вскоре после смерти папы была опубликована сатира, где приводился разговор Юлия с апостолом Петром. Небесный ключник, прежде чем пропустить папу в рай, перечислял его преступления. Список получился длинный. Святой Петр обвинял его в кровосмесительной связи с сестрой и дочерью, в содомии с побочными сыновьями, племянниками, кардиналами. Он называл его клятвопреступником, предателем, пьяницей, вором, убийцей, отравителем и, наконец, объявлял ему, что врата рая заперты для тех, кто заражен болезнью, которая в ту эпоху называлась неаполитанской болезнью.

Болезнь, ниспосланная провидением

■ Смерть Юлия II вызвала у римлян не меньший восторг, чем смерть Александра VI. Они слишком долго страдали от папской тирании и теперь попытались освободиться от церковного ига.

Прежде чем кардиналы успели собраться на конклав, в Риме вспыхнуло восстание. Восставшие направили свой гнев против церквей, монастырей и начали их грабить, не щадя ни монахов, ни священников. Но кто может упрекнуть народ, восставший против своих тиранов?

К несчастью, граждане отдали руководство движением в руки аристократов. Сановники и князья немедленно воспользовались мятежом и захватили власть в свои руки. В результате борьбы двух партий — партии дома герцога Урбино и Колонна — Рим превратился в арену жестокой гражданской войны. Кровь потекла потоком, трупы загромождали улицы, множество замечательных дворцов погибло в пламени. Но

вскоре воодушевление сменилось тревогой: восставшие поняли, что они лишь орудие в руках честолюбивых сеньоров, которые ведут истребительную войну во имя своих корыстных целей. Тщетно сеньоры пытались зажечь их сердца — народ остался глух к их призывам, ибо понимал: надо быть безумцем, чтобы верить обещаниям знати и духовенства.

Когда спокойствие было восстановлено, кардиналы вышли из своих крепостей и собрались на конклав.

Энергичнее всех оказался кардинал Джованни Медичи, сын Лоренцо Великолепного. Хотя шансов у него было меньше, чем у остальных, глупейший случай (который верующие, вероятно, сочли божественным знаком) изменил настроение коллегии и дал возможность Медичи получить большинство голосов.

Вот что сообщает историк Варилас о случившемся:

«Не прошло и трех месяцев после того, как кардинал Медичи обосновался в своем дворце во Флоренции, когда пришла весть о внезапной кончине Юлия II. Кардинал тотчас принял решение бороться за тиару и отправился в путь. В ту пору его очень мучила дурная болезнь, которую он получил от папы, чьим фаворитом он был. Нарывы мешали ему ходить, ездить верхом, и ему пришлось совершить путешествие в носилках, которые были прикреплены к двум мулам, передвигавшимся шагом. Таким образом он попал в святой город, когда останки Юлия были погребены и конклав уже приступил к выборам. Джованни Медичи приказал открыть ворота Ватикана и занял место среди других кардиналов.

Члены святой коллегии, молодые и старые, энергично отстаивали своих кандидатов. Все понимали, что борьба будет ожесточенной и выборы затянутся надолго. Неожиданный инцидент изменил направление умов и положил конец разногласиям.

Несмотря на жестокие страдания, которые испытывал измученный недугом Медичи, он развил бурную деятельность, добывая себе голоса. От резких движений нарывы его прорвались, и невероятное зловоние распространилось в помещении, сделав пребывание в конклаве невыносимым.

Старые кардиналы, испугавшись, что воздух пагубно отразится на их здоровье, обратились за советом к врачам. Врачи ответили, что кардинал проживет не больше месяца, конец его близок, так что-де потерпите!

Приговор врачей потряс весь конклав; раздоры тотчас прекратились, и кардиналы единодушно возложили тиару на

тридцатисемилетнего Джованни Медичи, провозгласив его первосвященником под именем Льва X».

Прошло немного времени, и прелаты, уверенные, что они голосовали за умирающего, убедились, что врачи столь же непогрешимы, как и папы. С каждым днем состояние больного заметно улучшалось, и святой отец, предвкушая будущее, мог только радоваться болезни, благодаря которой он взошел на престол апостолов. Разочарованные кардиналы считали выздоровевшего папу предателем, но понемногу досада их улеглась, ибо они отлично знали, что жизнь первосвященника зависит от многих случайностей, нередко имевших место в истории святого престола.

Лев X на продырявленном кресле

■ Как только силы Льва X окрепли, он с роскошью и великолепием отпраздновал церемонию своего избрания.

11 апреля святой отец, облаченный в одежды, усыпанные бриллиантами и рубинами, увенчанный ослепительной тиарой из драгоценных камней, направился в Латеранский храм.

Его сопровождала многочисленная пышная свита; по мнению современных историков, коронация даже самых могущественных императоров никогда не сопровождалась такими почестями.

Римское духовенство, знать, магистры, монашество всех орденов, отряды ремесленников, войска в полном блеске своих доспехов составляли официальный кортеж, окруженный огромной жадной до зрелищ толпой.

На всем пути молодые девушки и дети, одетые в белое, осыпали кортеж цветами и лаврами.

Лев X восседал на чистокровном арабском скакуне, покрытом богатой попоной, окруженный кардиналами и ближайшими родственниками, среди которых особенно выделялся командор Медичи в золоченом шлеме, закованный в латы.

Не успел кортеж подъехать к базилике, как пришло известие о кончине архиепископа Флоренции. Папа, прочитав депешу, обратился с довольным видом к командору.

«Милый кузен, рад сообщить вам,— сказал он, специально

повысив голос, чтобы его слова услыхала вся свита,— завтра вы покинете ваш пост командора и займете место только что скончавшегося прелата».

Возгласы удивления прошли по рядам папской свиты.

Солдафон, которому папа собирался подарить (и подарил через несколько дней) сан архиепископа, ни разу не совал своего носа в требник, а всю жизнь занимался грабежами, насилием, убийством. Это, конечно, дало ему опыт, чтобы успешно проявить себя на новом поприще.

Посвящение папы совершалось по установленному обычаем церемониалу, но когда наступил момент проверки перед народом — coram populo — мужского пола папы, произошел непредвиденный инцидент.

Его святейшество, полураздетый, восседал на продырявленном стуле, повернувшись спиной к присутствующим; молодой священнослужитель, на которого возложили процедуру исследования, торжественными, медленными шагами направился к папе. Этот неопытный отрок не представлял себе, как жестоко расправляется Венера со своими неосторожными служителями. Взволнованный важностью возложенной на него миссии, сложив руки на груди и благоговейно склонив голову, юноша смиренно приблизился к священной особе. Затем, подняв взор, он застыл на месте, подобно Моисею, когда пред ним предстал господь бог. Но не священный страх сковал юношу. Крик ужаса вырвался из его груди, и он, насколько позволяла ему сутана, ринулся в конец зала, повторяя с омерзением: «Нет, не могу, не могу!»

Между тем Лев X, восседавший в кресле, очутился в крайне глупом положении. Наконец он не выдержал и поднялся. Инцидент удалось замять: другой диакон облачил папу в священные ризы, кардинал возложил на его чело тиару, и святой отец, благословив народ, вернулся в Ватикан, где его ждал лукуллов пир, обошедшийся в сумму свыше ста тысяч экю золотом. В нем также принимали участие римские женщины, славившиеся красотой и не очень большой строгостью поведения.

На следующий день первосвященник, вспомнив об унижении, которому он подвергся на продырявленном стуле, и не желая, вероятно, подвергать своего преемника подобному испытанию, аннулировал декретом эту церемонию исследования. Собственно говоря, эта церемония была бесполезна: почти все, кто занимал апостольский трон, дали неопровержимые доказательства своего пола.

Великий лицемер

■ С восшествием Льва X на престол в римской курии произошли довольно существенные изменения. Не то, чтобы Лев X был менее распутен, чем его предшественники, но его распутство носило утонченный характер и было облечено в более эстетические формы. Правление его отмечено пышностью и блеском и сопровождалось всеми безумствами, какие жажда развлечений может внушить правителю, преданному только наслаждениям. Он окружил себя красивейшими женщинами, учеными, артистами, художниками. Что касается религии, то он над ней откровенно подшучивал, публично заявляя, что религия — институт, предназначенный для того, чтобы держать народ в узде, но она отнюдь не должна связывать богатых и власть имущих.

Склонный к насмешке, он вдохновенно издевался над простаками, с почтением относившимися к ритуалам богослужения.

Лютер утверждает в своих сочинениях, что Лев X отрицал бессмертие души и даже как-то, выслушав спор двух искусных богословов, обсуждавших этот коренной вопрос христианства, высказал следующее замечание: «Соображения, приведенные вами в пользу утвердительного ответа, кажутся мне глубоко продуманными, но я предпочитаю отрицательный ответ, потому что он побуждает нас с большим вниманием относиться к нашему телу и сильнее дорожить сегодняшним днем».

В то же время, будучи лицемером, как все священники, и отлично понимая, какую выгоду приносит лживый вздор, который стоит за церковными догмами, Лев X издал декрет, предписывавший всем философам, преподававшим в университетах, «вести борьбу с учениями, уклоняющимися от вероучения церкви и утверждающими, что душа так же смертна, как и тело, и мир вечен».

При этом папе необычайно расцвели науки, искусство и литература. Рафаэль, Микеланджело, Корреджо, Ариосто и другие придали эпохи небывалый блеск. Не следует, правда, преувеличивать роль Льва X. Все эти знаменитые люди прославились еще до того, как он вступил на престол; на его же долю выпало счастье быть современником великих людей. Он

сумел использовать их многообразные таланты для собственной славы — в этом его единственная заслуга.

Многие факты свидетельствуют в то же время о том, что сам Лев X был человеком недалеким и ограниченным. Взять хотя бы его декрет, направленный против свободы печати.

Декрет указывал на тяжелые для религии последствия, которые повлекли за собой книгопечатание и жажда просвещения, внезапно овладевшая умами.

Далее папа ограничивал свободу писателей следующими пунктами. Все труды, предназначенные к опубликованию, проходили предварительную цензуру: ни одна книга не могла быть напечатана, не получив одобрения папского викария, или «хозяина святого дворца».

Таким образом, плоды человеческой мысли — философские, литературные произведения — были отданы на суд невежд, знакомых только с книгами священного писания; невежество этих господ ни с чем не сравнимо, и им-то вменялось в обязанность запрещать и проклинать все, что хоть как-то противоречило нелепейшим басням, на которых держалась религия.

Непослушному художнику или писателю грозило отлучение. «Отлучение? Экая глупость,— возразит читатель.— Не так уж оно страшно». Однако не улыбайтесь презрительно, а дочитайте до конца. «Виновные,— гласит декрет,— будут отлучены как еретики». А мы знаем, что отлучение еретиков от церкви означало сожжение их заживо.

Вот как Лев X покровительствовал наукам и искусствам!

Папа, которого прославляли за щедрость по отношению к художникам, кроме того, тратил огромные суммы на развлечения. Женщины стоили ему очень дорого: помимо обычных преподношений он устраивал в их честь пышные празднества. Он содержал в Ватиканском дворце шутов, комедиантов, танцовщиц, музыкантов, осыпая их благодеяниями; чтобы развлекать папу, кроме спектаклей всякого рода устраивались скачки лошадей или буйволов. Страстный охотник, он обставлял охоту со всей роскошью и изысканностью церковника. Если охота была удачной, он щедро награждал всех, кто находился возле него. При неудаче несчастный, попавший ему под горячую руку, рисковал не только свободой, но и жизнью. Такое веселое времяпрепровождение пагубно отразилось на делах римской церкви. К тому времени, когда был созван Латеранский собор, папская казна была опустошена.

Обрушившись жестокой буллой на книгопечатание, Лев X на этом же соборе опубликовал буллу в пользу ростовщичества. Разумеется, его благосклонность к этому ремеслу не была бескорыстна. В ту эпоху церковь сама являлась крупнейшим ростовщиком, и булла облегчала ей финансовые операции; увеличивая проценты в пользу ростовщиков, этот указ требовал вносить половину процентов в папскую казну.

Лев X спекулировал на бедности и нужде своих подданных. Он заставлял бедняков оплачивать его роскошь, вынуждая их обращаться к услугам ростовщиков.

Трагедия после водевиля

■ На последнем заседании Латеранского собора Лев X потребовал, чтобы кардиналы проголосовали за чрезвычайную десятину, которая предназначена на войну с турками. Просто невозможно понять, как старое, уже давно использованное средство могло принести успех: сколько раз уже верующие жертвовали деньги на фантастические походы, и их даже не ставили в известность, на что эти деньги были израсходованы. Послав своих сборщиков, Лев X правильно рассчитал, что глупость и легковерие христиан неистощимы.

Это происходило в то время, когда Франциск I, одержав крупную победу над швейцарцами, союзниками святого престола, прибыл в Болонью для переговоров об условиях мира с папой. Тщеславный Лев X, желая поразить французского короля, расточал деньги, собранные его агентами.

Пиры сменялись пирами. В свите короля было множество прелестных дам, составлявших, так сказать, его походный гарем. Лев X, как ценитель прекрасного пола, открыто ухаживал за красивыми француженками, и возлюбленные монарха не смели отказывать богатому, расточительному и гостеприимному хозяину.

К тому же, как добрые христианки, они добросовестно выполняли свой долг перед религией: принадлежать наместнику господа — разве это не то же самое, что и самому господу?

Беспечный первосвященник не скрывал своих галантных похождений. Франциск I знал о них, но вовсе не испытывал

досады, а напротив, считал себя польщенным, и его уважение к главе христианского мира возросло еще больше.

Скоро, однако, Льву Х наскучили его легкие победы, вернее, любовь его сосредоточилась на одной, и это чувство приняло характер подлинной страсти.

Мария Годен, покорившая сердце ветреного первосвященника, была наделена небывалой красотой; перед ее очарованием трудно было устоять. Она блестяще использовала любовь первосвященника и дорого обошлась папской казне. Возвратившись с Франциском во Францию, эта христианка увезла с собой больше денег, чем отряды неверных. А перед отъездом первосвященник преподнес ей на память кольцо баснословной цены, так называемый «Бриллиант Марии Годен».

Как видите, папа распорядился собранными со всей Европы деньгами так же, как и его предшественники.

После отъезда короля у Льва Х почти ничего не оставалось из того, что принесла ему его авантюра. Опасаясь вновь увидеть свою казну пустой, он, не колеблясь, решил забрать у своих кардиналов не только драгоценности, но и дворцы и поместья.

Кардиналам пришлось подчиниться — против силы не пойдешь. Но они были глубоко оскорблены: тому, кто сам привык грабить, особенно унизительно оказаться в положении ограбленного.

Трое из них: Альфонсо Петруччи и два его брата, у которых папа отнял Сиену, организовали покушение на Льва Х, остальные кардиналы охотно примкнули к заговору. Было решено подкупить папского хирурга, чтобы тот отравил Льва Х.

Неизвестно, по каким причинам, но папа переменил врача. Испуганные кардиналы отказались от участия в заговоре, а некоторые из них для большей безопасности даже покинули Рим. Спустя некоторое время Петруччи, убедившись, что папа ни о чем не подозревал, решил сам покончить с ним и заколоть его кинжалом. Он имел неосторожность раскрыть свои планы некоторым коллегам. Каким-то образом папу и теперь заблаговременно предупредили. Письма Петруччи, в которых излагались планы жестокой мести, были перехвачены.

Несмотря на то что остальные кардиналы не принимали на этот раз участия в заговоре и давно в страхе покинули Рим, Лев Х решил расправиться и с ними. Он написал

дружеское письмо и отправил грамоту, гарантировавшую неприкосновенность, если кардиналы вернутся в Рим.

Большинство из них имело глупость поверить его словам. Тотчас по приезде они были арестованы. Некоторых из них задушили вместе с Петруччи, других отравили.

Ярмарка индульгенций

Жестокость, деспотизм и распутство Льва X довольно скоро вызвали сильное недовольство. Оно начало обнаруживаться не только в Италии, но и во всей Франции, Испании, Англии, Германии, Швейцарии.

Видя рост оппозиции, папа не нашел ничего другого, как удариться в еще большую роскошь, стремясь затмить всех остальных повелителей Европы.

«Ах, вот оно что,— говорил он,— они про меня говорят, что я кичливый тиран, деспот; искусство для меня лишь орудие моего тщеславия. Прекрасно. Так я обещаю вам, если господь продлит мне жизнь, мы прославимся на весь мир великолепием наших празднеств, нашими пирами, которые по обилию и роскоши затмят все, что было до сих пор».

Но для этого нужны были деньги, много денег. Не мог же папа ежедневно продавать красные шапки и убивать новых кардиналов — дело кончилось бы тем, что никто не захотел бы вступать на это поприще!

Тогда Лев извлек на свет божий старую таксу преступлений, составленную некогда Иоанном XXII, которая уже давно покрылась пылью в папских архивах. Он изменил в ней несколько пунктов, прибавил новые и, приказав отпечатать в огромном количестве экземпляров, распространил по всей Европе. Папа извещал христиан о том, что за деньги дает отпущение грехов, даже таких, как насилие, прелюбодеяние, кровосмешение, содомия, скотоложество, убийство и т. п.

Затем его святейшество провозгласил новый поход против турок. Но это было уже слишком! И папские сборщики вернулись изо всех стран с пустыми руками.

Чтобы изыскать средства, Лев X принял чрезвычайные меры, тем более что на него стали наседать кредиторы. По традиции он прибегнул к продаже индульгенций. Дело было

очень искусно организовано с коммерческой точки зрения. В каждой провинции в церквах и монастырях назначили особых агентов для торговли милостями Христа. Там продавались индульгенции в любом количестве для живых и мертвых. Кроме того, Лев X мобилизовал целые полчища доминиканцев, которые обходили города и села и навязывали населению грамоты, содержащие отпущение грехов.

Вот текст одной из них. Мы воспроизводим ее по подлинным документам.

«Да простит вас господь наш Иисус Христос, принявший смерть на кресте за грехи ваши. Я властью Иисуса Христа, блаженных апостолов святого Петра и святого Павла и властью нашего святого отца освобождаю вас от всех церковных нарушений, совершенных вами; от всех грехов, проступков, излишеств, как бывших, так и будущих, как бы они ни были велики. Да будете вы причастны к святым подвигам воинствующей церкви нашей. Я приобщаю вас к святым таинствам, к чистоте невинности, равной чистоте крещеного новорожденного; и да будут врата ада закрыты для вас и врата райского блаженства откроются вам после вашей смерти. Аминь».

Эту формулу можно назвать попросту идиотской, но она не столь непристойна, как формула одного торговца индульгенциями, промышлявшего в Саксонии. Мы имеем в виду знаменитого Иоанна Тецеля. Для того чтобы привлечь покупателей, этот шарлатан, приводя длинный список грехов, заканчивал следующими словами:

«Да, братья мои, его святейшество облек меня большой властью, по одному голосу моему врата небес отворяются даже перед такими грешниками, которые испытывали вожделение к святой деве, чтобы оплодотворить ее».

Покупатели толпами стекались отовсюду к Иоанну Тецелю. Он продавал им отпущение грехов по разным ценам, в зависимости от их категорий. Некоторые из этих индульгенций, называвшиеся «личными», давали их владельцу право выкупить девяносто девять раз в году преступления десяти человек по своему выбору.

Он продавал также право на освобождение из чистилища душ, количество которых равнялось числу посещений церкви в течение двадцати четырех часов между первым и вторым днями августа.

По самым доступным ценам Иоанн Тецель сокращал на сорок восемь тысяч лет пребывание в чистилище молящихся, посещавших церковь святого Себастиана, и на четыре тысячи

лет тем, кто в определенное время года совершает паломничество в храмы, посвященные богоматери.

Наконец — и это поистине гениальная выдумка! — Тецель за немалую сумму продавал обещание уговорить богоматерь лично явиться к доброму христианину перед тем, как он испустит дух, чтобы унести его душу в приют блаженства.

В течение короткого времени Лев X вновь скопил баснословные суммы; да и его агенты немало заработали, торгуя индульгенциями.

Больше всего доходов приносила булла, разрешавшая разбойникам безнаказанно предаваться их почтенному ремеслу при условии отдавать папе часть награбленного. Если же рыцари большой дороги вносили регулярный взнос, им разрешали преступления покрупнее и давали полное отпущение грехов. Кроме того, индульгенция обеспечивала им безнаказанность в этом мире и вечное блаженство в потустороннем.

Уверяют, что бандиты весьма точно выполняли свои обязательства в отношении Льва X. Соглашения между папой и грабителями разрешали обирать вдов и сирот, вымогать деньги у беззащитных людей, захватывать чужое наследство, подделывать документы и завещания и даже грабить церкви и монастыри.

Доминиканцы носились по Европе, ревностно исполняя свою миссию: они убеждали христиан, что лучше умереть от голода в этом мире, чем упустить случай купить себе блаженство в загробном. Сами монахи жили превесело: днем играли в кости или карты, а по ночам бушевали в кабаках и публичных домах. Вот что рассказывает набожный историк той эпохи о монахах, торгующих индульгенциями:

«Полюбуйтесь на этих воров, присланных папой, посмотрите, как они высасывают соки из бедного народа! Они бродят по горам и долинам, вымогая у простых людей последний грош. Чтобы им было спокойнее, они договариваются со священниками. «Собери-ка своих гусей,— говорят они,— ощиплем их вместе и пух поделим пополам». И эти мерзкие священники — развратники, пьяницы и торгаши — сговариваются с монахами и обирают идиотов, опустошающих свои кошельки ради спасения душ из чистилища... О господи, кто же опишет все низости, совершаемые доминиканцами, и эту бесстыдную торговлю индульгенциями!»

Успех окрылил монахов и священников — агентов торгового дома «Лев X и К°» (компания состояла из любовников, куртизанок и побочных сыновей его святейшества). Агенты

становились изо дня в день все наглее, бесстыднее и навязчивее. Папе совсем не надо было подгонять их. Доходы были пропорциональны количеству проданных пергаментных бумажек. Европа превратилась в гигантскую ярмарку индульгенций.

Не следует думать, что успех торговли был связан с благочестием верующих. Напротив, большинство покупателей усматривало в индульгенции возможность безнаказанно совершать преступления. Ведь указ Льва X гласил, что «первосвященнику в качестве наместника святого Петра и Иисуса Христа дано непререкаемое право... отпускать любую вину и любой грех — он отпускает вину таинством покаяния, а кару на земле заменяет индульгенциями». Перспектива безнаказанности, разнузданное поведение монахов, торгующих грамотами,— все это повлияло на моральный уровень христиан.

Лютер и Лев X

■ Несмотря на общую подавленность и отупение умов, нашлись люди, которые храбро сражались с папством, пытаясь вырвать народ из-под власти церкви, погрязшей в разврате, ханжестве и грехах. Как бы ни были тщетны усилия реформаторов, среди которых выделялся тогда Лютер, мы все же должны воздать должное их мужеству, ибо, вступив в борьбу с римской церковью, они рисковали жизнью.

В 1510 году, во время понтификата Юлия II, монах августинского ордена Лютер был отправлен с поручением в Рим.

«Я был свидетелем таких безобразий,— говорит он в одном из своих сочинений,— что с того времени принял решение посвятить свою жизнь уничтожению папства, искоренению лжи, которая осквернила религию из-за корыстолюбия священников и безнравственности пап».

Вернувшись из города апостолов, Лютер бесстрашно выступил против папской непогрешимости:

«Народы, слушайте, я хочу показать вам подлинное лицо вашего угнетателя — папы. Я пришел во имя Иисуса Христа и взываю к вам: не покоряйтесь папе, всадите нож в его сердце, считайте всех его приверженцев разбойниками, будь они короли или императоры. Будь я главой империи, я связал

бы в один узел и папу, и его кардиналов и кинул бы их в Тибр. Пусть искупаются! Вода вылечит этих свиней, она принесет пользу их тушам, изъеденным позорными болезнями. Я клянусь вам в этом, и пусть спаситель будет тому свидетелем».

Уже это выступление предвещало ту жестокую, кровавую, беспощадную войну, которую впоследствии с неслыханным упорством вели два противоположных лагеря — католики и реформаторы. У первых было оружие, тюрьмы, пытки, к их услугам была инквизиция, они опирались на невежество народа, привыкшего видеть в папе божьего наместника. У противников римской церкви не было иного оружия, кроме слова: им пришлось призвать на помощь все свое красноречие, чтобы проповедь их стала понятной народу, заговорить всем доступным языком, не страшась вульгарных, а порой и просто циничных выражений, чтобы вложить в невежественные, отупевшие от суеверий умы нравственные представления о жизни.

Таким был ораторский метод проповедников той эпохи. Любопытным примером служат выступления Томаса и Оливье Майяра — правоверных клириков, которых никак нельзя заподозрить во враждебном отношении к церкви и религии.

«До каких же пор вы, нечестивые священники, будете позорить нас распутством и грехом?! — восклицал монах Томас с амвона церкви в Бордо.— Когда вы перестанете набивать ваши утробы всякой снедью и хмельными напитками? Долго ли вы еще будете обворовывать бедняков, укладывать потаскух на свое ложе?.. Я знаю, вам наплевать, что люди подыхают с голоду у ваших дверей, в то время как вы бесстыдно торгуете святым причастием, поглощаете добро вдов и сирот под предлогом спасения душ из чистилища. Будь вы прокляты, дьяволы, соблазнители молодых девушек и женщин, которых вы призываете к исповеди, чтобы ввергнуть их в грех. Будь вы прокляты, священники, люциферы, осмеливающиеся затемнять умы человеческие и вводить в соблазн несовершеннолетних вашим грязным сластолюбием. Позор вам, превратившим дома свои в блудилища!..»

Оливье Майяр, бывший проповедник Людовика XI, еще резче разоблачал церковников:

«Я долго наблюдал, как аббаты, священники, монахи и прелаты набивают свои сундуки, расхищают церковное имущество, подобно ночным громилам грабят добрых христиан;

я видел, как сутаны, клобуки и рясы проводят дни и ночи в публичных домах, предаваясь распутству. Каноники и досточтенные клирики содержат места разврата, продают вино, оплачивают сутенеров и потаскух. Видел не раз клириков переодетыми в солдатскую одежду или в костюмы щеголя, с модной бородкой, прогуливающимися с веселыми девицами. Я знал епископа, который ежедневно заставлял голых девушек подавать ему ужин для возбуждения аппетита. Я знал и такого, который содержит у себя целый гарем подростков... Перед тем как предаться позорному сластолюбию, этот развратник вытряхивал из кошелька серебряные монеты, заставляя подростков драться друг с другом.

Как это ни гнусно, существуют еще более постыдные вещи. Некоторые епископы раздают приходы только тем священникам, мать, сестра, племянница или родственница которых заплатила за приход своей честью.

Отвечайте же, гнусные епископы и священники, неужто евангелие проповедует вам: блаженны продажные? Блаженны пьяницы и сутенеры? Блаженны те, кто добивается высоких должностей, подло прислуживая? Ступайте к дьяволу, мерзавцы! Как осмелитесь вы в час вашей смерти предстать перед ликом Христа — охмелевшие от вина, с награбленным вами золотом, в окружении блудниц, ваших сожительниц, племянниц и прочих жертв ваших грязных наслаждений? Будь проклята вся ваша свора шарлатанов, мошенников, вымогателей!

Я знаю, заклеймив ваши преступления, я рискую быть убитым из-за угла, как это не раз случалось с теми, кто пытался преобразовать капитулы и монастыри. Но страх перед вашим кинжалом не заткнет мне рта, не заглушит моего гнева. Я не буду молчать и скажу вам всю правду.

Выходите же, женщины, продающие свое тело сановникам и монахам, выходите, пьяницы и воры!..

Пожалуйте-ка сюда, монахини, заполняющие погреба и подвалы монастырей трупами новорожденных! Какой приговор вы услышите, когда дети назовут своих отцов и палачей? Неужели огненный дождь не испепелит эти обители, как некогда он испепелил Содом и Гоморру? Неужели священников и епископов не поглотит земля?..

Да, братья мои, близится час, когда господь свершит строгий и праведный суд над сворой тунеядцев, паразитов, блудодеев, грабителей, воров и убийц!»

Падение нравов бросалось в глаза с вопиющей очевидностью. Лютер смело обрушился на развращенность римской

курии. Тезисы, в которых он нападал на исповедь, чистилище и индульгенции, были вывешены у входа в церковь.

Доминиканцы несколько раз пытались убить августинского монаха, но его тщательно охраняли. Папа был вынужден искать другое средство для расправы с опасным противником. Потребовав, чтобы Лютер явился в Рим и там изложил свою доктрину, он написал курфюрсту Саксонскому, чтобы тот выдал его римскому легату в Германии.

К счастью, курфюрст не дал себя одурачить лицемерным смирением святого отца и догадался о преступном замысле. Он ответил папе, что реформатор может быть подвергнут допросу у себя на родине так же, как и в Риме. Льву Х ничего не оставалось, как направить своих знаменитых богословов на процесс Лютера.

Лютер немедленно воспользовался предоставленным ему случаем торжественно защитить свои взгляды. Перед тем как отправиться на суд в Аусбург — город был выбран папой,— он позаботился об императорской охранной грамоте.

Поначалу представители римской курии пытались склонить монаха на сторону первосвященника, соблазняя его всяческими почестями, богатством, лишь бы он публично покаялся перед его святейшеством. Убедившись в его неподкупности, эмиссары Льва Х перешли к угрозам. Но реформатор остался непоколебим, заявив, что никакие соображения не заставят его изменить ни одной строчки из того, что им написано.

Кардинал-легат, видя его упорное сопротивление и понимая, что необходимо как можно скорее покончить с расколом, решил арестовать Лютера. Догадавшись о его намерении, августинский монах (помня о судьбе сожженного Гуса) рассудил правильно: не полагаясь на охранную грамоту императора, он бежал из Аусбурга и тем самым избежал трагической судьбы первых апостолов Реформации.

В то время как учение Лютера, пробуждая совесть народов, стремительно распространялось по Европе, папа предавался развлечениям, не понимая важности происходившего. Он пропустил момент, когда власть первосвященника была поставлена на карту. Число приверженцев Лютера росло с каждым днем. Множество сеньоров, чьи земли были захвачены папой, встали под знамя реформатора, не желая иметь пастыря, думавшего только о взыскании налогов.

Новые идеи распространялись широко и быстро. И наконец Лев Х, несмотря на свою беспечность, испугался не на

шутку. Он перечитал сочинения, в которых он подвергался резким нападкам, но не взял на себя труд ответить на них. Это была крупная ошибка, ибо его декларация в ту пору еще могла найти какой-то отклик у верующих. Постепенно авторитет папы падал все ниже и ниже, и, соответственно, возрастал авторитет его противника. Поняв наконец опасность, Лев X решил действовать энергичнее, но время уже было упущено.

Он направил Карлу V послание с просьбой арестовать Лютера и предать его суду инквизиции. Совершив столь решительный поступок, папа вновь погрузился в удовольствия и спокойно ожидал ответа императора, полагая, что нет ничего более легкого, чем арестовать взбунтовавшегося против церкви монаха. Каково же было его негодование, когда в ответном послании Карл сообщил, что при всем желании быть полезным его святейшеству он не может посягнуть на свободу монаха, принимая во внимание состояние умов в Германии, где проповедь реформатора нашла множество сочувствующих.

Карл опасался вызвать междоусобную войну или, во всяком случае, недовольство влиятельных князей, в чьей поддержке он нуждался. В то же время, как всякий заправский император, он не мог не оказать услуги первосвященнику, когда речь шла о подавлении свободной мысли, хотя бы в ее зародыше. И могущественный император пообещал созвать сейм, на котором, как он надеялся, Лютера осудят. В ожидании сейма он просил папу провозгласить еще раз анафему против вождя реформации, дабы устрашить сеньоров и добиться осуждения.

Святой отец имел неосторожность последовать совету императора.

Лютер воспользовался текстом этой анафемы и разразился самой неистовой речью, закончив ее следующими словами:

«Подобно тому, как сжигают мои труды в Риме, я предаю огню буллы и декреталии этого князя тьмы и заклинаю всех людей прийти мне на помощь, чтобы бросить в тот же костер Льва X и его апостольский трон со всеми кардиналами святой коллегии».

Попросив принести ему жаровню, он в присутствии бушевавшей народной толпы сжег папскую буллу о его отлучении.

Таким образом, проклятие святого отца вызвало восторг

у его противников, ибо простой монах, осмелившийся публично уничтожить декрет первосвященника — дерзость, которую не позволил бы себе ни король, ни император,— заслуживал восхищения.

Карл V явился на заседание сейма, чтобы выполнить обещание, данное Льву X. Римскому легату, представителю обвинения, было поручено следить за тем, чтобы грозный враг папства не ускользнул, даже если он публично покается.

Друзья Лютера сильно встревожились и заклинали его не испытывать лицемерие папских эмиссаров.

«Я знаю,— ответил он им,— какой опасности я подвергаюсь, но я всуну руку в горло этих дьяволов, переломаю им зубы и буду исповедовать учение божье».

Его сопровождал конвой из ста отлично вооруженных людей. Близ Вормса Лютера встретила восторженная толпа, и его прибытие в город, в котором уже собрались судьи, носило характер триумфального шествия.

Энтузиазм, с которым встретили Лютера, привел его врагов в уныние, как ни старались они скрыть это. А их ненависть явно обнаруживалась в том пристрастии, с каким они его допрашивали.

Мы питаем к лютеранству, кальвинизму и прочим бесчисленным разновидностям протестантства не больше симпатии, чем, скажем, к католичеству. Все религии, какого бы бога они ни провозглашали — Яхве, Христа, Будду, Вишну, Индру или любого другого, вплоть до идолов, которым поклоняются дикари,— стремятся поработить человека. Все они одинаковы. Но мы должны признать, что в первые годы Реформации новое движение было почти исключительно народным и нанесло сокрушительный удар теократической тирании. Правда, впоследствии протестанты застыли, не продвинулись ни на шаг вперед и погрязли в предрассудках, которые основатель их религии, будучи столь же робким реформатором, сколь и мужественным борцом, считал нужным сохранить.

Сам Лютер был, по существу, консерватором. За его горячими речами скрывались весьма умеренные устремления, но тем не менее он помимо своей воли, ниспровергая папский абсолютизм, возрождал свободу человеческой мысли.

На все вопросы римского легата Лютер отвечал твердо: он не только не отказывается от своих взглядов, но готов защищать их публично. Предложение его было отклонено. Представители сейма не были столь наивны, чтобы дать реформатору вновь восторжествовать. Легат заявил, что поведе-

ние Лютера оскорбительно для церкви и огласка прений только усилит позор, нанесенный ей; обвиняемый обязан оправдаться перед своими судьями. После того как новые попытки уговорить Лютера ни к чему не привели — реформатор твердо стоял на своем,— обвинители опять пустили в ход старый прием: они пообещали ему бенефиции и кардинальскую шапку. Но ни обещания, ни угрозы не поколебали упрямца.

Бессильные посягнуть на свободу и жизнь знаменитого монаха, опасаясь вызвать открытый мятеж, судьи приняли решение изгнать его из пределов империи.

Чтобы предохранить Лютера от покушения, друзья встретили его, когда он возвращался из сейма, и тайно перевезли в один замок, где он и прожил почти год. Речь его смолкла, но его сочинения продолжали начатое им дело. Короли, знать, кардиналы, епископы, монахи объединились в священный союз и железом, огнем, ядом боролись с врагом, угрожавшим навсегда подорвать их власть.

В разгар событий Лев X по-прежнему избегал всего, что могло помешать ему наслаждаться жизнью. Такое равнодушие папы в сложной обстановке, требовавшей от католической церкви напряжения всех сил, вызвало естественное негодование его сторонников. Папу обвиняли в слабости, трусости, в недальновидности, упрекали за бездумную светскую жизнь, которую он продолжал вести, за охоты, концерты, спектакли, банкеты и прочие развлечения.

Лев X ни на что не обращал внимания. Когда депутация дворян явилась к нему с настойчивой просьбой стряхнуть с себя апатию, он отделался шутками и пригласил всех принять участие в пиршествах. Незадолго до осуждения Лютера на Вормсском сейме во Флоренции умер брат Льва X Джулиано Медичи, оставивший единственным наследником огромных богатств своего побочного сына. Тогда же папа женил своего племянника Лоренцо Медичи на молодой французской принцессе; свадьба была отпразднована с большой пышностью в Париже. Бедный народ и на сей раз оплатил издержки. Принцесса вскоре умерла от родов, оставив дочь, которая снискала впоследствии столь печальную славу,— Екатерину Медичи. Лоренцо ненадолго пережил свою жену и умер 29 апреля 1511 года.

Папа остался единственным представителем — по мужской линии — старшей ветви Медичи. Это было тяжелым ударом для Льва X. Все его усилия скопить большие богатства

для своего рода оказались бесполезны. Честолюбивые замыслы покинули его. Может быть, еще и поэтому Лев X с удвоенной горячностью предался развлечениям.

Страсть к охоте, о которой мы уже упоминали, проявлялась у него еще неистовей. Можно с уверенностью сказать, что охоту на оленя или вепря он в глубине души предпочитал созерцанию высоких творений. Если зверь уходил, он тут же на месте, распаленный гневом, порол несчастного егеря, до тех пор пока тот, окровавленный, не валился на землю. В случае удачи егеря осыпали щедротами. Не меньше он любил и изысканный ужин в Ватикане. За новый способ приготовления рагу ценитель тонких блюд награждал высокими чинами. Стол Льва X обслуживали четыре специалиста, занимавшиеся изобретением новых яств. Благодаря их стараниям человечество познакомилось с рецептом особенных сосисок, нашпигованных мясом павлина. Один стол папы обходился христианам в семь миллионов в год!

В папских празднествах участвовали сотни шутов, актеров и поэтов, забавлявших его святейшество стихами и непристойными комедиями. Красивые девушки и юноши, искушенные в распутстве, услаждали достопочтенных гостей. Папа подбирал их после тщательного изучения их свойств и способностей.

Словом, оргии Льва X ни в чем не уступали оргиям Борджиа. Беспечный первосвященник развлекался до самой смерти. Умер он внезапно (1 декабря 1521 года), без каких-либо видимых причин. Доктора подозревали отравление.

Миллионы жертв

Прежде чем перейти к следующему папе, мы остановимся на одном кровавом эпизоде из времен понтификата Льва X.

Датский король Христиан долго, но тщетно пытался завладеть Швецией. После посвящения Карла V в императоры Тролле, архиепископ Упсальский, был изобличен в предательстве и его изгнали из Швеции — кара отнюдь не суровая для такого преступления.

Прелат сразу же стал открыто интриговать в пользу короля Христиана. Получив крупное вознаграждение от дат-

ского короля, святой отец, не утруждая себя раздумьем, опубликовал отлучительную буллу против шведов и предложил императору отправить армию на помощь Христиану. Карл V поспешно откликнулся на предложение: подавлять народ — его кровное дело, и он не мог отказаться: корона обязывает!

С благословения папы и Карла V Христиан собрал войска и осадил Стокгольм. Но шведы под предводительством Стена Стуре — правителя Швеции — оказали мужественное сопротивление и обратили противника в бегство. Дело в том, что Христиан, сгорая от нетерпения, не дождался войск, которые по просьбе святого отца обещал ему Карл V, и довольствовался лишь моральной поддержкой своих могущественных союзников. Но как только императорские войска прибыли в его лагерь, он возобновил военные действия. Однако после удачной атаки противника, не рискуя больше испытывать судьбу, он по совету папских прелатов, которые его сопровождали, решил стать на путь вероломства. Он стал добиваться встречи со Стеном Стуре и согласился прибыть для переговоров в Стокгольм в сопровождении небольшого конвоя, если ему выдадут несколько отобранных им заложников в качестве гарантии его безопасности.

Предложение было принято. Едва заложники — шведские сенаторы и представители власти — прибыли к королю, он велел их связать и объявил, что заложников повесят у стен города, если Стокгольм не будет сдан.

В подкрепление угрозы он двинулся с войсками к городу и осадил его.

Возмущенные вероломством, шведы героически сражались, выдерживая осаду многочисленных наемников Христиана. Но в одном из боев Стен Стуре был убит; после смерти доблестного вождя шведы пали духом и сдались.

Христиан торжественно вступил в город, причем в его свите находились несчастные пленники, которых он предательски захватил. На следующий день он созвал на коронационные торжества всех вельмож королевства, сенаторов, епископов и прелатов. Эти господа готовы всегда петь хвалебные гимны любому победоносному бандиту. После церемонии посвящения он устроил в замке пиршества для командиров своей армии, длившиеся целый месяц. В течение всего этого времени солдатам было разрешено насиловать женщин и девушек.

Вполне понятно, что население не могло оставаться спокойным. Папские нунции и гнусный Тролле советовали

королю принять энергичные меры для предупреждения восстания. Меры были простые — предать суду и смертной казни множество граждан, чтобы терроризировать остальных.

Христиан нашел идею блестящей. Ввиду того что Лев X объявил в своей булле всех шведов еретиками — а ересь являлась смертным грехом,— король составил список граждан, влияния которых он больше всего опасался. От имени святого отца он приказал арестовать их и предать суду комиссии, составленной из священников-инквизиторов.

В назначенный для казни день все улицы Стокгольма были запружены солдатами, которым дали приказ убивать на месте всех, кто посмеет показаться у ворот или у своих окон.

Осужденных казнили на площади. Их было, по словам одного очевидца, девяносто четыре человека. Всех их обезглавили.

На следующий день топор сменила виселица. Среди казненных оказались самые видные граждане страны, незнатные дворяне, бургомистры, горожане и даже простые зрители, смело выражавшие свое возмущение. В тот день число жертв дошло до двухсот.

Но все это было только прелюдией. В течение недели казни продолжались непрерывно. Во избежание однообразия способ казни ежедневно меняли. Священники, главные организаторы стокгольмской кровавой расправы, предложили Христиану прекратить расправу лишь после того, как была истреблена четверть населения. Но и тогда они обратили внимание Христиана на то, что святой отец отлучил не только жителей столицы, но и все население Швеции, а следовательно, жители остальных городов тоже должны понести наказание за ересь.

Это послужило сигналом к новой серии убийств. И в других частях королевства люди умирали на виселице или на эшафоте.

И все же Христиану далеко было до испанских священников, свирепствовавших в Мексике и руководствовавшихся буллой того же Льва X.

Если в Швеции было перебито несколько тысяч человек, то в Мексике служители религии передушили несколько миллионов индейцев; на церковном жаргоне это называлось евангелизацией туземцев.

■ Кардинал Адриан, выбранный первосвященником после смерти Льва X, был полной противоположностью своему предшественнику. Этот скромный, простой, даже немного наивный человек искренне попытался исправить нравы папского двора.

Принять тиару, обладая такими качествами, столь же рискованно, как войти ягненку в клетку с тиграми.

Вопреки установленным обычаям Адриан удовлетворился тем, что прибавил к своему имени цифру «VI».

До того как обосноваться в Ватикане, он жил в Испании и приобрел там много врагов. Когда он высадился в Генуе (а город после войн Карла V лежал в развалинах), прелаты, явившиеся на церемонию целования папской туфли, просили отпущения грехов за участие в распрях, которые привели к разрушению города. Папа отклонил просьбу, сказав им: «Я этого не сделаю, ибо не могу да и не хочу».

После Генуи Адриан остановился в Ливорно, где его встретили одетые весьма фривольно епископы. Святой отец с укоризной отметил их модные бородки и усы на испанский манер и предложил им расстаться со светскими украшениями, не показываться на балах и спектаклях при шпаге и с кинжалом у пояса.

Подобная критика была не по душе прелатам и вызвала сильное раздражение против новоизбранного первосвященника.

Прибыв в Рим, где шли приготовления ко дню его коронации, Адриан тотчас приостановил работы, запретил сооружение в его честь арок и даже распорядился сломать одну из них, еще не законченную, на которую уже истратили более пятисот дукатов золотом.

«К народным деньгам надо относиться бережливо»,— ответил он прелатам, не привыкшим к такой скаредности.

Тотчас же после церемонии интронизации он созвал членов святой коллегии обсудить срочные меры против растущего зла.

Положение, действительно, было более чем критическое: деяния церковников известны всем; финансы церкви исчерпаны; Германия и Швейцария полностью откололись от Рима;

к реформации день за днем примыкают новые сторонники; папским областям угрожает вторжение герцога Феррарского, и, наконец, весь Апеннинский полуостров находится в бедственном положении после войн императора Карла с Франциском I.

Никогда еще церкви не угрожала столь большая опасность. Она находилась на краю пропасти, и надо было принимать крайние меры, дабы предотвратить народное восстание против католической церкви. Адриан начал с того, что запретил монахам продавать индульгенции; отменил и сократил различные подати и налоги; запретил передачу бенефициев по наследству; пытался пресечь продажу должностей и запретил их совместительство. Словом, сделал все, чтобы его возненавидели церковники.

Желая показать личный пример, он отказал своему племяннику в присвоенном ему почетном звании. Но этим он вызвал еще большее возмущение среди священнослужителей.

Задача оказалась непосильной. Кардиналы и офицеры его двора бешено противились всем его указам. Оправдывая свое неповиновение, они ссылались на укоренившиеся привычки клириков и добавляли, что первосвященнику следует бороться со всякими вредными учениями, полными безверия и свободомыслия, ибо они порождают беспорядок и являются смертельными врагами религии; свою власть он обязан употреблять только во имя торжества креста.

Адриан энергично возражал против подобных доводов, но, убедившись в полном разложении церкви, пал духом и принял благородное решение. Он созвал своих кардиналов и обратился к ним со следующими словами: «Вы все являетесь преступниками! Во всем христианском мире нет ни одного священника, который не был бы распутником, вором или убийцей. Церковь превратилась в вертеп, ею невозможно управлять, не заглушив в себе чести и совести. Мне остается только уйти. Я принял решение не только покинуть трон апостолов, но и расстаться навсегда со зловонной лужей, именуемой римским католичеством. Я пригласил вас, чтобы попрощаться с вами и предложить вам выбрать нового преемника, более достойного управлять шайкой негодяев, которую вы составляете».

Подобная речь (мы передали ее суть, лишь слегка изменив форму), выслушанная посреди гробового молчания, произвела ошеломляющее впечатление на кардиналов. Они не хо-

тели верить своим ушам. Первосвященник, отрекающийся по собственной воле от всемогущей власти,— подобная ситуация неправдоподобна, абсурдна, невозможна, чудовищна. Можно было бы предположить, что первосвященник потерял рассудок, но он говорил хладнокровно, логично, и положение церкви обрисовал безукоризненно.

Придя в себя, кардиналы рассудили, что публичное отречение папы по указанным мотивам будет скандалом, которым неминуемо воспользуются враги католиков. Они начали упрашивать Адриана остаться на престоле, обещая ему исправиться.

Папа ответил, что в истории церкви было столько скандалов, что его поступок ничего не прибавит к ее позорной славе. Кстати, он относится к ней равнодушно, ибо собирается после отречения отправиться в Германию, дабы там изучить доктрину Лютера и вместе с ним работать над уничтожением теократического здания католической церкви.

Кардиналы убедились в бессмысленности дальнейших переговоров, и совещание закончилось. Но если папа упорствовал в своем намерении, то и члены святой коллегии, в свою очередь, пришли к твердому решению убрать Адриана.

Они срочно известили римское духовенство о планах святого отца. В результате среди римских клириков нашлось множество убийц, предлагавших прикончить незадачливого преемника Льва X.

Первая попытка провалилась. Убийца-священник был арестован в Ватикане в тот момент, когда он вытащил спрятанный в сутане кинжал и собирался заколоть святого отца.

Тогда кардиналы, соблюдая все предосторожности, организовали новое покушение. Цоколь под сводом базилики по их приказу был распилен примерно над тем местом, где обычно находился первосвященник. Но и этот тщательно продуманный план закончился неудачей: злоумышленники пустили смертоносное оружие слишком рано, и глыба, разбившись при падении, убила полдюжины швейцарцев.

Обдумывая новое покушение, кардиналы, не теряя времени, принялись настраивать против Адриана римское население: его выставляли в смешном виде, издеваясь над его удручающей скупостью и воздержанием, ибо папа тратил всего двенадцать экю в день, пил пиво вместо вина, сидел за обеденным столом не более получаса! Довольствуясь самой дешевой из рыб, он доказал, что он так же плохо разбирался

в выборе яств, как и в управлении церковью. Наконец, его обвинили в увлечении магией: он-де целыми ночами трудится с алхимиками над отысканием философского камня.

Между тем Адриан VI отправил в Нюрнберг легата с посланием к сейму, созванному Фердинандом Австрийским, который решил заняться вопросами реформации.

«Вместе с вами я скорблю, братья мои, о том тяжелом положении, до которого довели нас преступления духовенства и распущенность римских первосвященников. Я признаю, что смутой, которая царит в церкви, мы обязаны лишь порочности клириков: вот уже много лет, как среди священников мы не видим ничего, кроме злоупотреблений, излишеств и позорных действий. Зараза перешла от головы к членам, от пап к прелатам, от прелатов к простым клирикам и монахам; трудно найти хотя бы одного клирика, не вовлеченного в симонию, воровство, прелюбодеяние и содомию. Однако с помощью божьей я надеюсь вывести церковь из плачевного состояния и возродить римскую курию. Зло, однако, столь велико, что я смогу продвигаться по пути исцеления лишь шагом».

Легат, который отвозил это послание, был, как и все прелаты, настроен против Адриана и его реформаторских затей. Содержание послания стало известным другим кардиналам и только подлило масла в огонь. Они снова стали разрабатывать план устранения Адриана VI. Вскоре их усилия увенчались успехом. 14 сентября 1523 года Адриан внезапно скончался. Враги не потрудились даже замести следы. Цинизм их дошел до того, что на следующий день дверь врача, который по их поручению отравил Адриана VI, была украшена гирляндами цветов с надписью: «Освободителю отечества».

Не меньше цинизма было и в заупокойной речи кардинала Паллавичини, произнесенной при погребении Адриана VI: «Адриан VI,— говорил он,— был благочестивым, ученым и бескорыстным человеком, желавшим религии добра. Тем не менее он был посредственным папой, ибо не знал всех тонкостей искусства управления, не сумел приспособиться к нравам римского двора. Первосвященник, который, подобно ему, забыл плоть и кровь человеческую, мог лишь дурно управлять церковью».

Климент VII, Генрих VIII и Карл V

■ При Адриане VI управление делами захватил в свои руки кардинал Джулио Медичи, тот самый командор, которого во время церемонии коронации Лев X возвел в сан архиепископа. Получив кардинальскую шапку, Джулио Медичи с вожделением помышлял о тиаре. На конклаве после смерти Льва X его главным противником был Помпео Колонна. Затянувшаяся борьба двух противников надоела кардиналам, и они отдали голоса незнакомцу Адриану.

Джулио Медичи стал полным хозяином Ватикана; можно смело сказать, что он был главным вдохновителем убийства святого отца.

Когда после смерти Адриана кардиналы собрались на заседание, Джулио Медичи снова встретился там со своим соперником Помпео Колонна. В течение шести недель между ними шла ожесточенная борьба — голоса святой коллегии разделились. Чтобы заставить искушенного соперника отказаться от притязаний на престол, Медичи предложил ему должность вице-канцлера церкви, уступил великолепное палаццо — одну из лучших резиденций Рима — и крупную сумму денег.

Он принял имя Климента VII, провозгласив антипапой другого Климента VII, который находился в Авиньоне во время великого раскола на Западе.

Достигнув своей цели, Климент сбросил маску кроткого смирения, так как больше не нуждался в ней, и стал тем, чем всегда был — истинным солдафоном. Одиннадцать лет его понтификата были годами непрерывных войн — то с Карлом V, то с Франциском I. В 1527 году императорские войска захватили Рим и предали его огню и мечу. В течение двух месяцев они не щадили ни базилики, ни древние монастыри; императорская солдатня мучила и убивала римлян, насиловала женщин, девушек, даже юных мальчиков. Матери закалывали своих детей, чтобы избавить их от позора насилия; женские монастыри были обесчещены. Жителей подвергали невообразимым пыткам: их бросали в костер, жгли им ноги на медленном огне, пытали раскаленными щипцами, отрезали уши, носы, выкалывали глаза. Трупы изрубленных римлян устилали улицы. А святой отец, успевший спастись бегством

в замок святого Ангела, с высоты башни хладнокровно наблюдал за резней.

Не следует забывать, что в этой дикой войне, напоминающей схватку разбойников, обе стороны сражались за религию. Армия Карла V состояла из испанцев, пламенных католиков, и немцев, фанатичных лютеран. И те и другие рассматривали папу и кардиналов как нечестивцев и бесов, исторгнутых адом. Папские войска, со своей стороны, были уверены, что они защищают законного наместника бога против еретиков.

А еще смеют утверждать, что религия смягчает нравы!

Войне между Климентом VII и императором пришел конец. Генрих VIII, король английский, решил расторгнуть брак с Екатериной Арагонской — теткой Карла V. Король был без памяти влюблен в прекрасную Анну Болейн и собирался жениться на ней. Официальным поводом к расторжению брака послужило бесплодие королевы, с которою Генрих прожил двадцать лет и не имел наследников; король знал, что больная королева не в состоянии дать их ему.

Папа не мог исполнить прихоть Генриха, находясь в зависимости от императора, который, как племянник Екатерины Арагонской, надеялся управлять Англией от имени своей тетки, если бы Генрих VIII скончался раньше ее. Прибегая к разным способам, стараясь отсрочить время, император вступил в переговоры с Климентом VII. Последний не отвечал ни на его мирные предложения, ни на просьбу короля Англии. Святой отец увиливал, тянул, изворачивался, доведя до совершенства свое коварство, пытаясь одурачить одновременно обоих. Он стремился помириться с первым, не поссорившись со вторым, и воздерживался от решительного ответа.

Игра его кончилась ничем. Карл в ожидании ответа держал его пленником в замке святого Ангела, и папа предстал перед необходимостью открыто встать на сторону Карла. Угрожая отлучением, папа запретил королю расторгать брак с Екатериной Арагонской. Однако Генрих проявил полное неуважение к громовым стрелам папской буллы: он пошел напролом и женился на Анне Болейн. Тогда святой отец разразился еще более яростной буллой, которую Генрих VIII разорвал на глазах у парламента.

Таким образом, война между папой и императором привела к тому, что Англия откололась от Рима. Генрих опубликовал указ, запрещавший его подданным признавать авторитет римской курии. Однако англиканская церковь лишь через

несколько лет (во время понтификата Павла III, преемника Климента) прекратила сношения с папами.

Заставив Климента VII предать анафеме Генриха, Карл умиротворился и подсунул пленнику мирное соглашение, которое последний подписал безоговорочно, торопясь возвратить себе свободу. Затем святой отец направился в Болонью на встречу с императором. Он дал ему полное отпущение грехов за все его преступления во время римской оккупации. Разве имело значение, что десятки тысяч его подданных были перебиты императорской армией? Он пошел бы и на бо́льшие жертвы, если бы таким способом мог сократить печальные дни своего пленения.

Два достойных друга скрепили соглашение подарками. Карл преподнес Клименту серебряные шкатулки с золотыми медалями, а папа презентовал своему другу массивного золотого орла. Уж не в знак ли того, что императорский орел вонзил свои острые когти в тело окровавленной Италии?!

Закончив предварительные переговоры, два фигляра покинули подмостки и скрылись за кулисы. Дальнейшие беседы проходили при закрытых дверях, в интимной обстановке. Обсуждались важные вопросы, главным образом касающиеся их подданных; последним, разумеется, полагалось оставаться в неведении: повара не спрашивают птицу, под каким соусом ее вкуснее зажарить и подать к столу.

Император с тревогой следил за возрастающим влиянием реформации. «В мире существуют только две могущественные власти,— говорил он,— сам бог поручил им охранять порядок: папство и империя неразрывно связаны между собой, они служат одному и тому же делу; удар, нанесенный папству, разит империю, равно как и удар по короне обрушивается на крест». Папа и император могут сражаться между собой до тех пор, пока жертвою борьбы являются их подданные. Но когда удар исходит от народа, положение становится опасным. Поразмыслив, Карл V предложил Клименту VII созвать в Германии собор для восстановления отношений между германскими церквами и святым престолом, а кроме того, обсудить вопросы улучшения церковных нравов и тем самым помешать распространению еретической пропаганды.

«Что я слышу,— воскликнул Климент,— всемогущий государь, крупнейший политик намеревается созвать собор, на котором вольнодумцы, почувствовав себя независимыми, пожелают защищать свои догмы и опровергать наши! Созыв собора чреват опасными последствиями, он может опроки-

нуть папство и разрушить трон. Мы оба, император и первосвященник, помазанники божьи, олицетворяем на земле его божественную власть. Мы должны уничтожить всякое свободомыслие, ибо, если неверующие захотят, чтобы мы предъявили свои полномочия, мы окажемся в безвыходном положении».

Затронув любимую тему, папа говорил долго и закончил свою речь с пафосом:

«Какое нам дело, во что верят лютеране и их приспешники? Нам нет нужды вникать в их догмы! Нам нужно полное повиновение. Народы должны быть извечно покорны власти священников и королей. Для достижения нашей цели, чтобы предупредить восстания, надо покончить с вольнодумством, колеблющим наш трон. Надо проявить силу! Превратить солдат в палачей! Зажигать костры! Убивать и сжигать, дабы очистить религию от скверны! Истребить в первую очередь ученых! Упразднить книгопечатание! Тогда ваши подданные возвратятся в лоно истинной веры, прекратят смуты и падут ниц пред вашим императорским величеством!»

Невежество и террор — вот сила, на которую опиралось и будет опираться всякое самодержавие.

Карл не мог не признать справедливости доводов Климента VII и согласился, что мысль о созыве собора абсурдна. Повеселев, первосвященник предложил императору короноваться, и на следующий день церемония была отпразднована со всей торжественностью.

Убийства, интриги и развлечения

■ Получив из папских рук корону, Карл V, хозяйничавший на Апеннинском полуострове как в завоеванной стране, в свою очередь, вознаградил первосвященника, пообещав ему восстановить власть семейства Медичи во Флоренции.

И вот Климент VII вместе с императорскими войсками, в жестокости которых он мог убедиться еще когда был в Риме, двинулся против своего родного города.

Не успев закончить одну войну, воинственный папа уже мечтал о новой!

Но к покорению Флоренции его побуждал не только воинственный нрав. Этот маньяк собирался уничтожить рес-

публиканскую власть в городе и отдать его в распоряжение своего внебрачного сына Александра Медичи, которого ему подарила какая-то служанка постоялого двора. Как видите, у святого отца был не такой уж изысканный вкус!

Флорентийцы, застигнутые врасплох, решили защищаться, хотя и понимали, что одного мужества мало перед лицом огромной вражеской армии, идущей под знаменем Саваофа! Они собрали десять тысяч человек и обратились за помощью к Микеланджело как к выдающемуся инженеру; несмотря на трагическую обреченность, простой народ проявлял горячий патриотизм.

Падение республики было ускорено тем, что папа торжественно пообещал своим землякам простить все обиды и потери, которые он понес во время штурма, и сохранить независимость города.

Но как только капитуляция была подписана и папские войска вступили во Флоренцию, начались убийства, погромы и грабежи.

Вопреки собственному обещанию, Климент VII, верный церковным традициям, тотчас уничтожил последние следы городского самоуправления, арестовал всех своих противников, конфисковал их имущество, а затем, предав их жесточайшим пыткам, приказал умертвить.

Насытившись местью, Климент короновал Александра Медичи, присвоив ему титул герцога Флорентинского.

Этот распутный и жестокий герцог, окруживший себя наемными убийцами и шпионами, наводил ужас на всю Италию.

Карл V некоторое время еще пробыл в Италии, помогая своему другу приводить в покорность вассалов нового хозяина, но вскоре ему пришлось перейти Альпы, потому что в Германии назревали новые события.

В это время на Западе усилились распри между различными течениями среди реформаторов. Карл V решил, что раздоры облегчат ему восстановление религиозного единства, и созвал съезд в Аугсбурге. Протестантов по настоянию Лютера возглавлял Меланхтон. Сам Лютер, как осужденный императором еретик, не имел права присутствовать на съезде. Когда съезд закончил свою работу, император пришел к выводу, что совещание доказало несовместимость двух христианских учений. Помня о своих беседах с глазу на глаз с первосвященником, император обнародовал указ, предписывавший повсюду учредить судебную власть епископов, ввести святое причастие, исповедь, крещение, конфирмацию, отпу-

щение грехов, почитание святых — словом, восстановить весь ритуал католического богослужения. Он потребовал возвратить церквам и монастырям их бывшие владения. Кроме того, он возродил целибат, приказав священникам немедленно расстаться с женами и детьми; те, кто окажет сопротивление и непослушание, обрекались на изгнание с конфискацией всего имущества.

Этот акт тирана объявлял настоящую войну реформаторам и был чистейшим безумием. Приказы императора при поддержке Климента VII выполнялись беспощадно и в короткое время привели к значительным жертвам.

Императорский эдикт, призывавший мстить, карать и грабить, довел до отчаяния реформаторов. Они сплотились под одним знаменем, чтобы бороться против жестокого врага и непреклонно защищать свою веру.

Вскоре Карл V понял, что сопротивление со стороны немецких князей-протестантов наносит ущерб королевскому престижу. Стало очевидно, что, слепо доверившись святому отцу, он совершил промах. Религиозные вопросы отодвигались на второй план перед вопросами политическими, все яснее обнаруживалось влияние феодальных князей, которые отказывали в своей поддержке императору.

Столкнувшись с силой, с которой нельзя было не считаться, император начал во всем обвинять папу. Святой же отец со свойственной ему заносчивостью, в свою очередь, упрекал императора в недальновидности и слабости. В конце концов обоюдные нападки привели к разрыву.

Между тем Франциск I, внимательно следивший за всеми фазами этого разрыва и стремившийся по разным соображениям сблизиться с римской курией, попросил у папы руку его племянницы Екатерины Медичи для своего сына Генриха, герцога Орлеанского.

Предложение французского короля превзошло все честолюбивые ожидания святого отца: брак закреплял союз папы с Францией и сулил ему опору в борьбе с Карлом V.

Недовольный сближением папы с Франциском I — его старым соперником — и сознавая трудность положения, в котором он очутился, император отложил осуществление своих мстительных планов и поспешил исправить отношения с немецкими протестантскими князьями. Он огласил декрет, которым прекращал все религиозные процессы и предоставлял протестантам свободу вероисповедания до созыва всеобщего собора.

Этот тяжелый удар омрачил радость тщеславного папы. Он понимал, что декрет Карла ставит его перед альтернативой: либо ему придется признать самостоятельность германских церквей, либо, в случае отказа от союза с Францией, подчиниться воле собора, который один только мог ввести реформы и настоять на их исполнении.

Но времени для размышлений у папы осталось немного: свадьба французского дофина с Екатериной Медичи была уже назначена. И папа, отогнав печальные мысли, начал готовиться к веселому путешествию.

Невесте было всего четырнадцать лет, однако ее порочность и извращенность были широко известны в Риме, своим беспутством она могла соперничать с искушенными блудницами.

Франциск I и Генрих в сопровождении всего двора выехали в Марсель навстречу папе и его племяннице. Сославшись на срочные дела, не позволяющие ему долго задерживаться во Франции, папа настоял на ускорении бракосочетания. В действительности, зная характер своей племянницы, Климент VII не мог поручиться, что Екатерина не оттолкнет своим поведением и распущенностью молодого принца.

Брантом, историк и собиратель анекдотов, приводит несколько пикантных эпизодов, относящихся к пребыванию Климента VII во Франции. Один из них, рисующий нравы того времени, мы приведем здесь.

Несколько дам обратилось к герцогу Альбани, высокому сановнику папской курии, чтобы он разрешил им не воздерживаться от мясного во время поста. Герцог, сделав вид, будто толком не разобрался в их просьбе, препроводил милейших дам к его святейшеству и сказал: «Пресвятой отец, позвольте представить вам трех молодых дам, которые просят не лишать их плотских сношений в дни великого поста».

Климент VII тотчас поднялся, расцеловал щечки красоток и, рассмеявшись, ответил: «Ваша просьба малоспасительна для души, но все же я даю вам разрешение потакать плоти три раза в неделю — вполне достаточно для такого греха, как любострастие».

Дамы вспыхнули и заметили его святейшеству, что у них было только желание вкушать мясное и ничего более. Папа долго смеялся, а потом обласкал и отпустил их с миром.

Развлекаясь в Марселе, Климент не возвращался в Италию, до тех пор пока не закончил переговоров с Франциском относительно мер по борьбе с Реформацией. Он заставил

французского короля издать приказ о восстановлении инквизиторского суда над лютеранами. Союзники обдумали также, какие шаги им следует предпринять, дабы ослабить влияние Карла V. Наконец, получив множество роскошных подарков и значительную сумму денег на покрытие расходов по путешествию, папа отправился домой, уверенный, что французский король будет преследовать еретиков в своей стране.

Прибыв в Рим, он почувствовал мучительные боли в желудке и вскоре умер. Некоторые историки утверждают, что его отравили кардиналы. Версия эта вполне правдоподобна.

Совесть на аукционе

■ Кардинал Александр Фарнезе, не дожидаясь смерти Климента VII, заблаговременно позаботился о занятии престола. Благодаря огромному состоянию он без труда скупил все голоса священной коллегии, и, когда собрался конклав, был убежден, что его кандидатура не вызовет никаких возражений. Но ошибся. Пять кардиналов, в глубине души надеявшихся, что Карл V заплатит им больше чем Фарнезе, стали интриговать против Александра. Надо признаться, что на этот раз обвинение против кандидата на апостольский трон вполне соответствовали действительности. Фарнезе обвиняли в преступлениях, совершенных им вместе с его сыном, в распутных оргиях, в том, что он занимается магией, не скрывает своего увлечения астрологией и некромантией, не верит ни в бога, ни в святых да еще похваляется своим неверием.

Не забыли и его чревоугодия: действительно, во время оргий, насытившись множеством блюд и вин, он, следуя древнеримской манере, искусственно вызывал у себя рвоту, чтобы иметь возможность вновь приняться за еду.

Кардиналы распространили также множество памфлетов, написанных ими, где разоблачали связь Фарнезе с его дочерью и сестрой и обвиняли его в убийстве пяти дворян, виновных только в том, что они разделяли вместе с ним ласки этих двух распутниц.

И все-таки Александра Фарнезе избрали папой: он сумел привлечь на свою сторону членов священной коллегии, пообещав им величайшие милости. Агенты кардинала шли на

самые невероятные уловки. Они ссылались на то, что Фарнезе шестьдесят шесть лет, здоровья он слабого и хотя бы по этой причине его стоит избрать, ибо не за горами выборы его преемника.

Такого рода соображение возымело свое действие, и противники начали колебаться. Но это еще не была окончательная победа. Тогда агенты кардинала нанесли решительный удар: они обратились к двум прелатам со следующими словами: «у кардинала Фарнезе роскошные дворцы. Он может уступить вам четыре из них — по два палаццо каждому из вас! Обратите внимание: роскошная меблировка, золоченая посуда и все прочее остается на месте!»

Это предложение сломило упорство прелатов, хотя они все еще колебались. В конце концов пятьдесят тысяч дукатов золотом преодолели сопротивление: столь веский аргумент превратил злейших противников Фарнезе, которого они же совсем недавно обвиняли в безбожии, содомии, кровосмешении и убийствах, в его горячих сторонников.

Непреклонные прелаты и других убедили голосовать за Александра Фарнезе. Он был избран единогласно и принял имя Павла III.

Павел III и его семейство

■ Павел III был одним из распутнейших пап на апостольском троне.

Он содержал банду наемных убийц, которые выполняли его кровавые распоряжения. Для папы и его ублюдка Пьера-Луиджи Фарнезе специальные поставщики силой или хитростью завлекли в Ватикан красивейших девушек и юношей, которых затем умерщвляли и сбрасывали в Тибр.

В интимном кругу Павел III хвастался своим атеизмом. Обыкновенный человек может гордиться, что пришел к такому выводу. Глава же христианского мира только доказывал этим свое лицемерие. Однако, отрицая существование бога, папа слепо верил астрологам. Любые, самые незначительные решения он принимал лишь тогда, когда выяснял положение звезд.

Так же, как Лев X, Александр VI, Сикст IV и многие другие папы, Павел III рьяно заботился об интересах своего

семейства: он раздавал родственникам и незаконным детям огромные денежные подарки, осыпал их величайшими милостями; особенную щедрость он проявлял (за счет народа, конечно!) к Пьеру-Луиджи, своему возлюбленному сыну и фавориту.

Другой его сын, шестнадцатилетний Гвидо, являвшийся одновременно его внуком (он родился от родной дочери папы — Констанции), получил кардинальскую шапку. Затем он стал возлюбленным своей матери (которая в то же время была и его сестрой).

Нежную привязанность питал папа к Александру Фарнезе, сыну Пьера-Луиджи: едва ему исполнилось четырнадцать лет, как его одарили титулами и церковными званиями.

Скандальные назначения папы вызвали протест даже со стороны членов священной коллегии. Но кардиналам, которые доказывали, что юноши ввиду своего возраста не в состоянии выполнять возложенные на них высокие обязанности, папа цинично ответил: «Я достаточно опытен, чтобы преподать им все, чего они еще не знают».

Большинство назначений осуществлялось по указанию Констанции, щедро награждавшей своих любовников.

Однажды святой отец, не посоветовавшись с ней, назначил семь кардиналов, младшему из которых было за пятьдесят. Констанция стала горько сетовать и попрекать Павла, но тот остался глух к ее упрекам и ответил: «На сей раз я предпочел интересы дела твоим удовольствиям. Мне важно разгромить Реформацию, а для этого необходимо содействие способных и образованных людей».

Действительно, положение церкви требовало энергичных мер. Религиозное влияние лютеран переросло в политическое. Даже Франциск I стал добиваться союза с ними, что, впрочем, не мешало ему жестоко преследовать реформаторов в самой Франции.

В борьбе с протестантами папа прибегал к совершенно иным методам, нежели его предшественник. Силе он предпочитал хитрость. Притворившись, будто он горит желанием передать все религиозные вопросы на обсуждение вселенского собора, папа устроил в присутствии послов разных европейских государств заседание священной коллегии, где заявил, что беспорядки в христианском мире весьма огорчают его и потому он в ближайшем будущем намерен созвать собор. Была намечена дата его открытия — 16 октября 1534 года. Павел III назвал даже имена кардиналов, которым поруча-

лось предварительно разработать вопросы, выносившиеся на собор. Наконец папа обратился к прелатам со строгим предупреждением, потребовав, чтобы они исправили свое поведение и перестали смущать своим распутством верующих.

Все это было бесстыдной комедией. Святой отец рассчитывал таким плутовским приемом привлечь будущий собор на свою сторону.

Готовясь к открытию собора, папа развернул бурную деятельность: он попытался перетянуть Лютера на сторону римской курии. Реформатору предлагали блестящие должности, но тот оставался непреклонным. Разочаровался папа и в кардинальской комиссии, куда он подобрал людей, крепко связанных с его партией.

Павел III пребывал в полной уверенности, что доклад комиссии разобьет аргументы противников. Но когда обширный доклад был составлен, то вместо того, чтобы представить его первосвященнику, кардиналы отпечатали его и постарались распространить не только среди духовенства, но и среди вождей протестантской партии. Они понимали, что, если рукопись доклада попадет сначала в руки святого отца, она никогда не увидит света божьего.

Выводы кардиналов и в самом деле оказались направленными против римской церкви. Суровость суждений вызвала всеобщее удивление: от кардиналов никто не ожидал открытого порицания нравов католической церкви. Прелаты смело выступили против злоупотреблений духовенства, против абсолютной власти пап над человеческой совестью, обвиняли первосвященников в том, что они произвольно толкуют основные догмы христианства, в нарушении древних традиций евангелия. Они обрушились на невежество и растленность римского духовенства, на торговлю индульгенциями, на фантастическую раздутость придворного штата папы, состоявшего из пятидесяти тысяч человек, на привычку прелатов устраивать для себя гаремы из молодых монахинь, на мерзкий обычай кардиналов держать в своих дворцах в роли пажей красивых мальчиков и т. д. и т. п.

Опубликование доклада привело Павла III в бешенство. Он осыпал кардиналов оскорблениями и угрозами и приказал немедленно прекратить заседания комиссии.

За эту ошибку он поплатился. Реформаторы, обнаружив вероломство папы, отказались принять участие в соборе.

Его святейшество все же решил созвать собор. Местом для него была выбрана Мантуя, но открытие его перенесли с 16 октября 1534 года на 23 мая 1535 года.

За этот промежуток времени в Западной Европе появился новый реформатор в лице Кальвина. Римско-католическая церковь кроме Лютера приобрела еще одного грозного противника.

Когда наступил день собора, герцог Мантуанский по наущению Франциска I сообщил папе, что он не разрешает открывать заседания в своем городе. Никакие увещевания не подействовали, и Павлу III пришлось перенести собор на 31 мая 1538 года, на этот раз в Виченцу.

Неудачи преследовали Павла III одна за другой. Английский король, присоединившись к решению немецких лютеран, запретил своим подданным принимать участие в соборе. И Павлу III пришлось отсрочить открытие собора на неопределенное время. Все эти удары подорвали бы энергию павшего духом святого отца, если бы не случилось событие, благодаря которому папа без страха взирал на будущее римско-католической церкви.

В печальной памяти 1534 году Игнатий Лойола основал общество, которое впоследствии приобрело такую грозную силу и причинило столько бедствий человечеству во славу того бога, имя которого это общество носило.

Религиозная мораль в действии

■ После тайного совещания Павла III с Игнатием Лойолой был созван Тридентский собор. Иезуиты тем временем, наводнив всю Европу, подготавливали почву для того, чтобы сколотить сильную партию сторонников папы.

Как ни ловки были члены нового ордена, они еще не располагали тем грозным оружием, которое появилось впоследствии, и все их усилия разбились о стойкость протестантов и равнодушие католиков.

В назначенный день на открытие собора никто не явился. В течение месяца на призыв папы откликнулись лишь четыре епископа, но они, разумеется, не могли представлять вселенское духовенство.

Павла III не обескуражила эта неудача. Он продолжал воздействовать на преданных его делу прелатов и в результате зазвал в Тридент четырех митрополитов, одного кардинала, шесть епископов и пять генералов разных орденов.

Этого было маловато, но, так как прибывшие церковники были слепо преданы римской курии, папа счел момент подходящим и объявил собор открытым, поручив ведение его своим легатам, которым дал в помощники нескольких иезуитов.

На первом же заседании возник щекотливый вопрос: надо было решить, будет ли голосование производиться по странам или поименно; не была также достаточно ясна и повестка дня собора.

Собор отправил к святому отцу, оставшемуся в Риме, депутатов за инструкциями. Когда делегаты явились в Ватикан, папа совещался с послом короля Эфиопии, который, приняв католичество, просил папу прислать миссионеров.

Папа сиял от счастья, слушая посла. Получить возможность освободить заблудшие души от власти сатаны и передать их милосердному богу — что может быть приятнее для наместника Христа? Павел предвкушал все выгоды от этой операции. Его мало заботили Иисус и святой голубь, да и Люцифер со всей сворой чертей также не трогал его. Но просьба короля предвещала огромную прибыль — было от чего повеселеть!

В ожидании будущих благ святой отец тут же продал по повышенной цене изрядный комплект старых костей, объявив их реликвиями знаменитого святого (весьма вероятно, кости были доставлены из ближайшей скотобойни!). Затем он пообещал послу выполнить просьбу короля и направить нескольких иезуитов в помощь народу и святому престолу.

Закончив приятные переговоры, папа принял депутатов собора. В ответ на их вопрос выразил желание, чтобы голоса собирались поименно. Павел III, конечно, понимал, что участников собора легче будет обработать в одиночку. Кроме того, папа потребовал обсуждать все вопросы предварительно на закрытых заседаниях конгрегаций, а уж затем выносить их на публичные заседания. Папа отлично помнил доклад комиссии кардиналов в начале своего понтификата и не хотел рисковать вторично.

Он категорически запретил подымать опасный вопрос о папской непогрешимости, а также принимать какие-либо решения относительно преобразования конституции, нравов

или обрядов духовенства без предварительного подробного осведомления папы.

Зато Павел III предоставил собору полную свободу действий в обсуждении чисто религиозных вопросов, которые мало волновали его. Он не раз заявлял, что, если бы реформаты, анабаптисты, лютеране и другие схизматики согласились признать его первосвященником, он предоставил бы им полную свободу проповедовать какие угодно суеверия. Он был, конечно, откровенной канальей, но отнюдь не дураком!

Павел III, кроме всего прочего, обратился к членам собора с посланием, где настойчиво убеждал их вести достойный образ жизни во время съезда и расстаться с любовницами, которых они привезли с собой в Тридент. «В крайнем случае,— писал папа,— принимая во внимание слабости, присущие человеку, мы разрешаем вам пользоваться услугами ваших фаворитов».

Как видите, к церковной морали всегда можно приноровиться!

Через несколько дней Павел III отправил собору еще одно послание, в котором рекомендовал по возможности затянуть совещания. Он надеялся, что вот-вот произойдут какие-нибудь события, благоприятные для церкви. И в самом деле, внезапная весть о смерти Лютера доказала прозорливость папы.

Совпадение казалось тем более странным, что состояние здоровья реформатора вовсе не предвещало быстрой кончины. Протестанты обвиняли иезуитов в отравлении, и, поскольку причины, подорвавшие силы Лютера, оставались неизвестными, обвинение казалось правдоподобным.

В свою очередь, ученики Лойолы стали распространять вздорные слухи о пылком противнике папства. Они даже заявляли, что он повесился, что его задушил дьявол, что на следующий день после погребения вокруг гробницы распространился запах серы и смолы и оттуда вылетел огромный ворон. Все его учение, обстоятельства жизни стали объектом нелепых вымыслов. Появились памфлеты, где утверждалось, что Лютер был сыном дьявола, что за пятьдесят лет безмятежной жизни на земле он продал свою душу, что он отрицал существование бога и бессмертие души.

Папа воспрял духом и решил нанести смертельный удар Реформации. Он немедленно вступил в переговоры с Карлом V, убеждая его выступить против протестантов. В конце концов оба тирана пришли к соглашению: папа обязался

уплатить императору двести тысяч золотых экю и снарядить за свой счет двенадцать тысяч пехотинцев и пятьсот конников; Карл V обещал прислать свою армию, чтобы помочь папским войскам преследовать и сокрушать врагов римской церкви.

Союзники немедленно взялись за дело. Павел III опубликовал буллу, в которой призывал католиков предавать огню и мечу города, селения и даже деревушки, поддерживавшие протестантов. Кровавой затее, однако, не суждено было осуществиться: при первом же столкновении на границах Саксонии солдаты папы и императора обратились в бегство.

Святой отец поспешил отозвать свои войска, предоставив императору самому выпутываться из того положения, в которое он его вовлек. Последний был взбешен, увидев, что папа снова надул его. Он пришел в еще большую ярость, когда узнал, что Павел, воспользовавшись тем, что император задерживается в Германии, собирается перенести заседания собора из Тридента в один из городов папской области. Отправляясь в поход против реформаторов, Карл V в то же время хотел сохранить хотя бы видимость соглашения с протестантскими князьями, понимая, что в случае поражения реформаторов его обвинят в нарушении законности, в результате чего члены собора окажутся во власти папы. Он категорически потребовал, чтобы Павел III отказался от намерения переносить собор в Болонью. Его святейшество пропустил это мимо ушей. Тогда император отправил своих представителей в Тридент, приказав им бросить в реку кардинала, выступавшего на соборе от имени первосвященника, если там осмелятся перенести или закрыть собор.

Угроза подействовала. Но папа не сложил оружия, попросту изменил тактику: он спровоцировал во многих городах беспорядки, а затем объявил, что совещание близится к концу, и поторопил участников собора закончить обсуждения.

Возмущенный вероломством папы, Карл V решил отомстить ему и организовал заговор против Пьера-Луиджи Фарнезе.

Узнав о смерти возлюбленного сына, Павел III пришел в исступление: в течение нескольких часов обезумевший папа кричал, бранился, извергал хулу на бога, на богоматерь, на апостолов и всех святых. Обессилев, он заявил, что обратится за помощью к потусторонним силам, лишь бы уничтожить императора. Запершись в своей лаборатории, он множество

ночей провел с алхимиками и магами, изучая движение звезд и слушая их заклинания. Но все это не вызвало даже самых ничтожных колик у Карла V.

Убедившись, что дьявол не обнаруживает желания заступиться за него, святой отец решил рассчитаться с Карлом лично: он вызвал его на поединок, предложив сразиться на конях или пешими, на шпагах или клинках и предоставив выбор оружия врагу. Но тот не принял вызова обезумевшего первосвященника.

Когда боль утраты стихла, святой отец перенес всю свою нежность на внука Октавио Фарнезе. Но и здесь его постигло жестокое разочарование. Подарив Октавио герцогство Пармское, он поручил ему командование папскими войсками, которые в это время сражались с Фердинандом Гонзаго, захватившим с помощью Карла V Пьяченцу. Убедившись, что Октавио никудышный военачальник, и боясь, что имперские войска отнимут у внука наследство, святой отец отозвал Октавио в Рим и поставил во главе своих войск Камилла Орсини — гонфольера войск папской курии.

Октавио, однако, очень обиделся, хотя папа и пообещал ему всяческие почести. То, что его отозвали в Рим, он расценил как немилость и, вступив в переговоры с Фердинандом Гонзаго, выступил против своего деда.

Когда стало известно о предательстве Октавио, с папой случился удар. Через час он пришел в сознание, но затем последовал второй удар. Понимая, что настал его последний час, святой отец, однако, прежде чем испустить дух, доказал свою бесконечную любовь к внуку и подписал буллу, в которой оставлял за ним пармскую корону.

Одна на двоих

■ Павел III, вводя в священную коллегию сыновей и внуков, руководствовался не только желанием увеличить число своих сторонников. Честолюбивые замыслы папы шли гораздо дальше: он мечтал обеспечить за династией Фарнезе апостольский трон.

Его мечты осуществились только частично. Когда кардиналы собрались на конклав, сразу обрисовались три группи-

ровки: приверженцы императора, Франции и семейства Фарнезе. Последнее возглавлял кардинал Александр. Прелат предвидел, что ни он, ни его родственники не соберут большинства голосов: священная коллегия отлично знала о неприязни императора к его семейству и никогда не пошла бы против воли императора.

Тогда Александр сделал ловкий ход и поддержал кандидатуру кардинала дель Монте, на которого он оказывал сильное влияние.

Одного из кандидатов отвергли, заподозрив в сочувствии лютеранам. Другого также отклонили, но по более веским мотивам: у него не было ни фаворита, ни любовниц. Он отличался добродетелью — по крайней мере такая нелестная слава ходила за ним,— и он не получил ни одного голоса!

Кардинала дель Монте избрали большинством голосов. Нечего было опасаться, что он вздумает заняться преобразованием церковных нравов. Серьезные занятия вообще не были в его вкусе. Он думал только об удовольствиях, а все остальное было ему глубоко безразлично.

Достойный папы, один из любимых фаворитов Павла III принял имя Юлия III. Уроженец Рима, выходец из бедной семьи ремесленников, он шаг за шагом поднимался по высокой иерархической лестнице и обязан своей карьере, как говорит Бейль, тем, что «был очень красив в молодости; не трудно догадаться, каким путем он достиг высоких званий при римском дворе».

Он был столь же циничен, сколь и распутен. Он не скрывал своего влечения к отрокам, прислуживавшим ему; не раз его ловили на месте преступления, хотя он не делал из этого никакой тайны, ибо отлично понимал, что именно подобные нравственные качества приближают его к цели. И он не ошибся!

Бейль собрал любопытнейшую корреспонденцию Юлия III — его переписку с римской куртизанкой, возлюбленной святого отца и еще одного кардинала. Оба любовника никогда не были соперниками, а напротив, оставались ближайшими друзьями. Они сообща воспитывали детей куртизанки, а также сообща приглашали их впоследствии на свои оргии. Никакие разногласия не омрачали трогательной дружбы внутри этого тройственного союза.

Письма Юлия III, опубликованные Бейлем, свидетельствуют о распутстве, по сравнению с которым все, о чем мы рассказывали выше, является невинным пустяком. Мы совер-

шенно не в состоянии изложить их здесь. Да и к чему: все, что уже сказано, дает ясное представление о нравственном облике святого отца Юлия III.

Оргии в Ватикане

■ Желая задобрить Карла V, Юлий пообещал открыть собор в Триенте, который его предшественник преждевременно закрыл, не доведя до конца. Папа знал, как важно было монарху сохранить равновесие между протестантами и католиками.

Удовлетворенный этим сообщением, император направил посла поздравить нового папу и уточнить дату созыва собора. Юлий III восторженно принял посла, но, когда встал вопрос об открытии собора, потерял дар речи и стал бессвязно бормотать. Обещание было дано слишком поспешно — во всяком случае он не рассчитывал столь скоро его выполнить. Беседа с послом привела его в уныние — а этот почтенный человек так ценил спокойствие и безмятежность!

Он попытался робко возражать, ссылаясь на то, что надо заручиться согласием французского двора и монархов главных областей Италии, и добавил с лукавой усмешкой: «Мы всего несколько дней, как взошли на апостольский трон. Согласитесь, что прежде всего надо отпраздновать это событие, заняться пиршествами, а уж потом приступать к делам...»

После аудиенции посол написал императору о впечатлении, вынесенном им из беседы с папой: «...он готов на любые уступки, лишь бы ничто не нарушало его беспутной и праздной жизни в Ватикане».

«При дворе Юлия III,— рассказывает один заслуживающий доверия летописец,— дни и ночи проходили в пирах и сатурналиях. Очень часто во время пиршества папа, окруженный кардиналами и куртизанками, снимал с себя одежду, предлагая гостям последовать его примеру. Затем, напялив на голову маскарадный колпак, он во главе этого причудливого хоровода начинал бегать по садам Ватикана, приплясывая и распевая непристойные песни».

Тот же автор приводит следующее циничное замечание, брошенное папой во время обычной ночной пляски. «Послушайте,— обратился он к своим кардиналам,— как бы повел

себя народ, если бы мы днем со свечами в руках устроили шествие, распевая непристойности и шутки вместо гимнов?»

«Он бы нас забросал камнями»,— ответил без запинки один из кардиналов.

«В таком случае,— заявил папа,— мы обязаны нашей одежде избавлением от заслуженной кары».

Летописец отмечает, что последние слова папы не встретили ни у кого возражения. «Ничто,— пишет он далее,— не даст точного представления обо всем, что творилось при дворе Юлия III. Его святейшество почти всегда во хмелю и большую часть своих ночей проводит в оргиях с куртизанками, отроками и кардиналами».

Надо думать, что и священная коллегия была в восторге от сделанного ею выбора.

Про сторожа обезьян и влюбленного папу

■ В те времена, когда Юлий III был епископом в Болонье, он поселил у себя во дворце юношу, которого прозвал в шутку Иннокентием (что значит невинный). Юноша был его фаворитом и одновременно сторожем обезьян, с которыми у него было много общего. Своим усердием и нежной привязанностью юноша покорил сердце повелителя и вскоре получил право распоряжаться во дворце, как у себя дома. Молодой проказник порой позволял себе лишнее, но когда обезьяны по его наущению гурьбой налетали на почтенных епископов дель Монте, захлебывался от восторга.

По словам некоторых летописцев, Иннокентий (его еще звали Бертучино — обезьянка) был внебрачным сыном будущего папы.

После восшествия Юлия на престол фаворит продолжал жить в Болонье. На все просьбы папы приехать в Рим он упорно отвечал: «Приеду, когда назначите меня кардиналом. Пришлите красную шапку, не то остаюсь в Болонье».

Первое время Юлий III не отваживался ставить вопрос на обсуждение, опасаясь недовольства священной коллегии; он ждал, когда положение его окрепнет. Но как-то после бурной ночи в порыве нахлынувших чувств он решил проверить, как отнесутся кардиналы к этой идее. Солнце уже приблизилось к зениту, пир, начавшись накануне вечером,

затянулся, как обычно. Папа был сильно пьян, да и гости были немногим трезвее его. И тогда захмелевший первосвященник попросил кардиналов не расходиться, пробормотав, что он намерен провести совещание.

Решив, что ретивость папы вызвана опьянением, пораженные кардиналы пытались отговорить его: время, действительно, было неподходящим для заседания. Но истосковавшийся по своему любимцу Юлий III продолжал настаивать. Видя, что папу не переспоришь, кардиналы поплелись за ним в зал заседания.

Воссев на троне, в окружении почтенных коллег покровитель Бертучино, не мешкая, разъяснил причину столь экстренного совещания. «Я прошу,— сказал он,— наградить моего Бертучино кардинальской шапкой и кафедрой епископа».

По рядам почтенной ассамблеи прошел ропот возмущения; однако выпитое вино укрепило дух папы — неважно, что язык у него заплетался,— и он не смутился. Он стал горячо расхваливать достоинства своего возлюбленного, его поразительные способности доставлять новые и острые ощущения, о которых мы не решаемся здесь рассказывать. В качестве последнего аргумента папа сообщил, что еще в детстве астрологи обещали Бертучино богатство и величайшие почести и, несомненно, судя по гороскопу, судьба уготовила ему трон наместника святого Петра.

Заявление папы вызвало яростный протест. Некоторые кардиналы, забыв, что всего лишь час назад предавались чревоугодию и любострастию, пришли в благородное негодование.

Один из них в порыве благопристойных чувств заявил, что кардиналы сочтут позором появление в их среде сторожа обезьян. И неужели его святейшество впрямь считает, что перечисленные пороки его возлюбленного дают право на звание кардинала?

Выпад против Бертучино отрезвил папу, и он разразился обличительной речью, словно настоящий трибун.

«Клянусь чревом девы, Бертучино будет кардиналом! — воскликнул папа громовым голосом.— Какие пороки смутили вас, что вы отказываетесь принять его в священную коллегию, когда сами вы изъедены позорными болезнями, погрязли в чудовищном распутстве?! Пусть тот, кто не прелюбодействовал, бросит в него камень! Вы молчите? Значит, признаете, что все мы — позор человечества! Начнем с меня... Какие добродетели мои, какие особые знания побудили вас избрать

меня папой? Или моя разнузданность не была известна вам? Я во много раз растленней моего любимца, сторожа обезьян, которого я совратил. Он гораздо чище меня, верховного отца христиан, избранного по вашей милости. Так как же вы смеете отказывать ему в кардинальской шапке и епископской кафедре?»

Возражать, разумеется, трудно, когда доводы столь неоспоримы. Ошеломленные кардиналы смолкли, точно завороженные, и Бертучино единогласно избрали кардиналом. В тот же день Юлий III отправил своему любимцу в Болонью кардинальскую шапку и двенадцать тысяч экю из апостольской казны. Новоизбранный прелат тотчас отправился в путь.

Излишне описывать радость первосвященника, когда он заключил нежного друга в объятия. Наконец-то они вместе! Папа пышно отпраздновал назначение Бертучино; отвел ему одно из лучших помещений в Ватикане, рядом со своими покоями; возвел его на должность первого министра папской курии, предоставив заниматься управлением делами церкви. Бертучино распределял бенефиции, звания, доходы от церковного имущества. Все свободные часы он проводил в личных покоях папы, на мягких подушках, в окружении четвероногих друзей, в то время как куртизанки жгли ароматные благовония и потчевали его винами.

Мы могли бы закончить эту историю словами доброй сказки: «И стали они жить да поживать в согласии и радости...», вот только детей у них не было.

Яблоко Евы и павлин святого отца

■ Погруженный в удовольствия Юлий III редко вмешивался в политические дела. Он занимал апостольский трон с 8 февраля 1550 года по 23 марта 1555 года и умер от заворота кишок.

Обжорой и пьяницей он был не меньшим, чем распутником. Выбору блюд он придавал чрезвычайно важное значение. Историк по этому случаю рассказывает характерный анекдот: из всех блюд его святейшество предпочитал свиной окорок и жареного павлина. Но врачи запретили подавать к столу всякие яства ввиду того, что излишества подточили

здоровье папы. Однажды Юлий III, не обнаружив излюбленных блюд, вызвал мажордома дворца и приказал немедленно зажарить павлина, пригрозив виселицей, если его желание не будет выполнено.

Когда мажордом удалился, кардинал Иннокентий, находившийся рядом, успокаивая разбушевавшегося папу, заметил, что не следует приходить в ярость за-за всяких пустяков.

«Нет не пустяки,— возразил папа,— если сам бог разгневался из-за яблока, то мне, как наместнику его, вполне подобает бушевать из-за павлина. Разве можно павлина сравнить с простым яблоком?»

Павел IV, друг иезуитов

■ Марцелл II, сменивший Юлия III на апостольском троне, на следующий день после избрания обнаружил твердое намерение исправить нравы духовенства. Он приказал офицерам и сановникам римской курии в корне изменить образ жизни, предупредив, что не потерпит никаких скандалов и распутства. Чтобы подать пример, он сократил штат придворных Ватикана, разогнал фаворитов, ограничил число блюд своего стола, а также время трапезы, велел продать золотую и серебряную посуду, чтобы погасить долги святого престола, и вообще проявил себя крайне добродетельным и скромным.

Естественно, такой необычный папа не мог просуществовать долго. Кардиналы поторопились исправить совершенную ошибку. Марцелл II умер 30 апреля 1555 года, через три недели после своего избрания. Специально приготовленное питье помогло церковникам освободиться от притеснителя.

Через несколько дней после погребения Марцелла папой был избран кардинал Джан Пьетро Караффа, принявший имя Павла IV. При нем возобновились гонения, казни, пытки. В свое время он был послан Львом X в Испанию, где заслужил благодарность короля Фердинанда, неутомимо преследуя еретиков и тем самым способствуя умножению доходов благочестивого монарха: как известно, часть имущества жертв инквизиции поступала в королевскую казну. Последней должностью Караффа, перед тем как он стал папой, был

пост великого инквизитора Рима; возглавляя чудовищный трибунал, он называл его могущественным нервом святого престола.

Как только закончилась церемония интронизации, Павел IV вообразил, что на него возложена миссия сделаться великим инквизитором всего католического мира. Он расширил прерогативы инквизиторов, позволил им прибегать к пыткам для отыскания соучастников преступления и опубликовал буллу, в которой предписывал применять самые жестокие меры не только против еретиков, но и против подозреваемых в ереси. Он провозгласил, что князья, короли, императоры, епископы, архиепископы и даже кардиналы будут безжалостно подвергнуты пыткам и сожжению, если их признает виновными святая инквизиция.

Нововведения папы вызвали бурю негодования. Лишь иезуиты восхваляли папу, который осыпал их всевозможными милостями и деньгами; он тратил огромные суммы на постройку иезуитских коллежей, дарил им роскошные виллы в окрестностях Рима. В течение всего понтификата он проявлял к этому жуткому обществу свою особую благосклонность.

Павел IV был не только жесток, он отличался еще и резкостью, грубостью, необузданностью, несмотря на преклонный возраст. Когда английский посол, присланный Марией Тюдор, прибыл, чтобы поздравить новоизбранного первосвященника и выразить ему свою преданность, папа подверг его унизительной церемонии, заставив после целования туфли стать на колени и каяться в грехах Великобритании перед папским престолом. А затем, узнав, что английская королева титулует себя также королевой Ирландии, папа с пеной у рта стал кричать о наглости королевы, осмелившейся присвоить корону без его благословения, и, прежде чем ошеломленный посол успел что-либо ответить, папа выгнал его из Ватикана.

Привыкнув к мысли, что религия призвана главным образом служить средством обогащения, первосвященники порой настолько забывались, что признавались в этом публично.

Когда малодушная королева Англии приказала послам, не останавливаясь ни перед какими унижениями, добиться инвеституры Ирландии, святой отец не постеснялся обнародовать буллу, в которой продавал королевский титул за двести тысяч экю...

Тирания и жестокость папы создавали ему каждый день новых противников. Месть его была чудовищной: всем гражданам, которых он подозревал во враждебном к нему отношении, грозили изгнание, тюрьма и суд инквизиции. Процедура трибунала инквизиции была несложной, и судьи действовали без проволочек. После лицемерного допроса — ибо эти ужасные трибуналы призваны были дать лишь некоторую видимость законности заранее предрешенным убийствам — виновных тут же подвергали разнообразным пыткам и отправляли на костер...

Когда его святейшество отдал богу душу, римский народ восстал против священников, ревностно помогавших Павлу IV выполнять инквизиторские обязанности.

Тиран умер! Смерть его соратникам!

Римляне освободили тюрьмы, сожгли дворец, где инквизиторы расправлялись со своими жертвами. Они не посягнули ни на чью жизнь, не совершали насилий и преступлений. Римляне устроили демонстрацию с зажженными факелами возле монастыря доминиканцев, а затем разбили статуи и гербовые щиты умершего папы. Они даже не выполнили своего намерения — протащить труп Павла IV по улицам Рима и сбросить его на свалку.

Жаль, останки этого бандита заслуживали подобного погребения!

Пий IV

■ Когда волнения в Риме улеглись, кардиналы приступили к выборам нового папы. Конклав был очень бурным и продолжался более четырех месяцев. Священной коллегии стоило немало труда прийти к соглашению. Как обычно шла торговля, конкуренты, оспаривавшие тиару, занимались самыми позорными махинациями. Наконец при поддержке племянников Павла IV Карла и Альфонсо Караффа большинство голосов получил Джованни Медичи, провозглашенный папой под именем Пия IV.

Пий IV обладал всеми необходимыми для порядочного папы нравственными качествами. Он был ленив, алчен и скуп, мстителен и кровожаден, жесток и коварен. Главной его страстью было чревоугодие. Он тратил бешеные деньги

на свой стол, ему доставляли из разных стран самые изысканные фрукты и вина. Как и многим другим папам, специальные поставщики добывали ему красивых женщин. Правда, в отличие от своих предшественников, Пий IV требовал, чтобы его агенты не прибегали к насилию, а действовали с помощью мошенничества и обмана. Своим жертвам Пий IV дарил драгоценные камни, золотые украшения, а потом отдавал распоряжение слугам, и те отбирали подарки. Хроника того времени сообщает, что любовные похождения папы ничего ему не стоили.

Чрезмерная признательность губительна

■ Однажды кардиналов Карла и Альфонсо Караффа, шедших на заседание консистории, окружил патруль. Офицер стражи, связав им руки, промолвил: «Приказ его святейшества».

Кардиналам пришлось подчиниться. Они не знали за собой никакой вины, не участвовали в заговоре против первосвященника; напротив, именно им он был обязан своим возведением в папский сан и они всегда оставались его верными приверженцами.

Семье Караффа принадлежали несметные богатства, огромные поместья, дворцы, предметы роскоши, которым могли бы позавидовать короли; ни у кого не было таких коней, такой псарни, таких красивых женщин и изнеженных юношей.

Братьям, бесспорно, завидовали, и у них было много врагов. Они, конечно, жертвы наглой клеветы, но все выяснится после первого допроса. Они докажут свою невиновность, поэтому волноваться нечего. Так размышляли кардиналы, очутившись в ватиканской тюрьме.

И не ошиблись в одном: им завидовали, их погубило собственное богатство, а виновником несчастья явился сам папа: он возымел желание завладеть сокровищами Караффа и обогатить своих родственников.

Конфисковать имущество — дело нехитрое: надо быть уверенным, что никто не потребует его обратно. Единственная гарантия этого — смертная казнь. Так решил папа.

Но подобный приговор требовал хоть какой-то мотиви-

ровки. И папа объявил, что пленники владеют награбленным имуществом, которое они добыли благодаря Павлу IV, их родственнику.

«Надо положить конец вредной форме непотизма,— заключил он,— я хочу дать моим преемникам наглядный урок, дабы они не занимались обогащением своих родственников».

Циничный мошенник говорил о злоупотреблениях непотизма, в то время как имущество Караффа перекочевало к племянникам папы, прежде чем приговор успел войти в силу.

Кардинала Карла — того самого, который больше всех помог Джованни Медичи, обеспечив ему голоса священной коллегии, удавили, других обезглавили и трупы бросили в Тибр.

Лишь Альфонсо Караффа удалось откупиться (за сто тысяч экю), после чего он исчез из Рима.

Однако в ту пору иезуиты уже распространились по всему миру, и никто не мог ускользнуть от папы, где бы намеченная им жертва ни нашла себе пристанище. Спустя три месяца во время пребывания в Неаполе Альфонсо Караффа внезапно занемог и умер в тяжелых мучениях. Какой-то иезуит, умудрившийся проникнуть к нему, отравил его.

Зловещее предостережение

■ Расправа с родом Караффа потрясла кардиналов. Она явилась зловещим предостережением. Разумеется, дело не в смерти их коллег — не так уж чувствительны были кардиналы. «Все мы более или менее богаты,— рассуждали они,— каждый из нас может стать жертвой ненасытной жадности святого отца».

Страх перед ним был настолько велик, что они не могли вспомнить без содрогания о происшедшем. При появлении папы они терялись и бледнели, как провинившиеся дети.

Пий IV не мог не заметить состояния кардиналов. Понимая, что сейчас никто не осмелится восстать против него, он, не теряя времени, назначил на ответственные гражданские и военные посты своих племянников, не говоря уже о том, что делами римской курии распоряжались многочисленные род-

ственники папы. Таким образом, папа сколотил вокруг себя сплоченную, сильную группу.

Вскоре, однако, церковные дела заставили Пия IV установить более дружеские отношения со священной коллегией. Единства церкви в Западной Европе уже не существовало — раскол принял широкие размеры. В Шотландии победили протестанты. В Богемии король Максимилиан стал на сторону лютеран. В Германии Фердинанд открыто защищал новую религию. Во Франции король и сеньоры издали «эдикт терпимости». Все это вынуждало Пия IV и кардиналов объединить усилия для борьбы с общим врагом — еретиками. Впрочем, Пия IV распутный образ жизни довел до такого умственного состояния, что руководство церковными делами ускользнуло из его рук и перешло в руки его ставленников. Всей церковной политикой стал заправлять кардинал Марк, бывший фаворит Пия IV. Ему подчинялась также и папская армия. Пий IV, предоставив кардиналу Марку заниматься государственной деятельностью, ударился в разгул. Днем он присутствовал в застенках инквизиции, когда пытали обвиняемых, а ночи проводил с фаворитами и любовницами.

Рост протестантизма в Германии на короткий срок вывел первосвященника из того состояния идиотизма и старческого маразма, в которое он впал. Испанский король настойчиво призывал его уделить внимание печальному положению дел католической церкви. Пий IV обратился к императору Максимилиану и к Альберту III, герцогу Баварскому, с просьбой провести в жизнь постановления Тридентского собора.

В лице герцога Баварского папа нашел преданного союзника. Альберт уже давно находился под влиянием иезуитов и горячо откликнулся на призыв святого отца, заявив, что готов перебить три четверти своих подданных, лишь бы возвратить оставшуюся четверть в лоно католической церкви.

Как еще можно доказать превосходство одной религии над другой? Очевидно, лучшим богом является тот, во имя которого проливается больше крови. Что ж, по количеству пролитой крови наше триединое божество занимает первое место в мировом пантеоне.

Для начала герцог закрыл протестантскому учению доступ в свои владения, приказав сжечь сочинения еретического содержания. Он заставил профессоров и представителей Ингольштадтского университета под страхом трибунала инквизиции дать клятвенное обещание исповедовать католическую веру.

Максимилиан оказался менее послушным, чем Альберт III. Он не только отказался навязывать силой своим подчиненным католические догматы, но предложил Пию IV утвердить своим апостольским авторитетом некоторые из новшеств, принятых уже большинством немцев, и предупредил папу, что если тот не соблаговолит пойти на уступки, то это приведет к углублению раскола.

Почуяв угрозу, скрывавшуюся в заявлении Максимилиана, Пий IV умерил тон. Требования императора заключали в себе два момента: они касались замены евхаристической гостии католиков причастием под двумя видами и разрешения брака для священников. Пий IV ответил Максимилиану, что согласен разрешить христианам Германии причащаться под двумя видами, но второй пункт слишком важен, чтобы он мог удовлетворить его.

Святой отец, видимо, считал, что гораздо проще изменить ритуал таинства святого причастия, чем разрешить священникам заменить наложниц женами! С господом богом наместник может не церемониться!

Максимилиан, однако, не хотел удовлетворяться частичной уступкой, стремясь угодить протестантским священникам, которые требовали отмены целибата. Он считал, что запрещение брака вынуждало церковнослужителей содержать наложниц, и, чтобы прекратить безобразия, нужно было уничтожить их причину.

Пий IV продолжал настаивать на своем. Но как ни замутнен был его разум, папа все же сообразил, что император крайне раздосадован оказанным ему сопротивлением. Страшась гнева монарха, Пий IV стал подыскивать новых союзников. Ему удалось убедить Карла IX и Филиппа II, будто император решил вступить в союз с французскими гугенотами, чтобы завладеть их тронами и уничтожить католицизм. Оба монарха заключили союз против Максимилиана. А чтобы одним ударом расправиться с еретиками, было решено, что Екатерина Медичи организует избиение гугенотов во Франции, в то время как испанский король расправится с Наваррой и Нидерландами.

Для выполнения преступного плана папа решил поначалу усыпить бдительность врага. Святой отец приказал инквизиции ослабить гонения на реформаторов и даже освободить некоторых заключенных — все равно, пройдя через все пытки, они были обречены на смерть.

Он пошел и на большую жертву, чтобы окончательно усы-

пить бдительность протестантов: проявлял к ним дружелюбие, приглашал немецкого посла и других гугенотов на вечерние трапезы, где, напиваясь, провозглашал бесконечные тосты в честь приглашенных.

Невоздержанность погубила его. Однажды после затянувшейся оргии, во время которой он опустошил дюжину фужеров (его обычная порция), с ним случился удар, и он скончался 9 декабря 1569 года.

Злодейства папы — пытки и казни

■ Римский народ ликовал, узнав о кончине Пия IV: наконец-то умер жестокий тиран! Но не прошло и двух месяцев, как радость сменилась глубоким отчаянием. За короткий промежуток времени новый первосвященник совершил столько злодеяний, что люди с сожалением вспоминали о его чудовищном предшественнике. Никогда еще на апостольском престоле не восседал столь лютый зверь.

После жарких дебатов в конклаве, длившихся месяц, Антонио Гислиери, исполнявший почетные обязанности великого инквизитора, одержал верх над остальными конкурентами и был провозглашен главой церкви под именем Пия V.

Родом он был из очень бедной семьи, и его отдали в доминиканский монастырь, где он служил поваренком.

Юный отрок сразу обратил на себя внимание приора: он был изящен, хорош собой и к тому же обладал незаурядным умом. Все говорило за то, что в будущем он завоюет сердца высоких сановников.

В свободные часы приор обучал юношу богословию, и очень скоро ученик вознаградил усердие учителя: он вполне мог дать сто очков вперед лучшим ученикам.

Напичкав своего любимца церковной премудростью и зная его рвение и прочие достоинства, приор устроил юношу на должность инквизитора в Комо, где он, преследуя еретиков, проявил такую ретивость, что скоро прославился на всю Италию. Вероятно, и сам святой Доминик с нежностью взирал на своего молодого последователя и говорил себе: «Если этот плутишка не остановится, то он переплюнет меня в своих доблестных делах». В Комо установился режим террора. Смерть косила людей как чума, но в конце концов

терпению пришел конец: влиятельные люди города добились изгнания свирепого инквизитора.

Его направили сначала в Бергамо, где за короткий срок его неумолимая свирепость вызвала настоящее восстание: народ осадил дворец инквизиторов, и ему пришлось бежать.

Достаточно полное представление о кровожадности этого чудовища можно составить по тем инструкциям, которые он давал после своего назначения на должность генерального инспектора трибуналов инквизиции венецианскому инквизитору.

«Дорогой мой брат,— писал он,— ваше преподобие, я уверен, вы всегда будете помнить о том, что власть, которою вы облечены, должна простираться на весь мир. Пусть ваша воля будет бесстрастной, непоколебимой и неумолимой, как божье правосудие, которое вы призваны осуществлять на земле. Дабы всегда помнить о высоком своем назначении, повесьте над вашим трибуналом железное распятие со следующими словами писания: «Место сие страшно, это врата ада или неба...» Пусть никакие размышления о милосердии духа не собьют вас с того пути, на который вы вступили. Помните, что наш божественный учитель сказал: «Не думайте, что я пришел принести мир на землю; не мир пришел я принести, но меч.

Ибо я пришел разделить человека с отцом его и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее.

И враги человеку — домашние его.

Кто любит отца или мать более, нежели меня, не достоин меня; и кто любит сына или дочь более, нежели меня, не достоин меня.

И кто не берет креста своего и следует за мною, тот не достоин меня».

Пусть эти благочестивые слова послужат основным правилом, определяющим ваше поведение.

Пытайте без жалости, терзайте без пощады, убивайте, сжигайте, истребляйте ваших отцов, матерей, братьев, сестер, если окажется, что они не преданы слепо католической, апостольской и римской церкви».

Дальше генеральный инспектор точно указывал штат лиц, необходимый для верховного трибунала (оплачиваемый конфискованным имуществом арестованных): помимо офицеров стражи и агентов, трибунал для успешной работы нуждался в шести испытанных богословах, способных разобраться во

всех религиозных вопросах, шести сбирах и двадцати четырех палачах. Двадцать четыре палача на один город! И все они работали без передышки!

«Перед тем как принять кого бы то ни было,— писал он дальше,— и посвятить в наши страшные тайны, неофит должен принести следующую клятву: «Клянусь всемогущему богу, сыну его Иисусу Христу, апостолам святым Петру и Павлу, святой апостольской церкви, верховному первосвященнику, святейшей инквизиции в Риме и вашему преподобию, здесь присутствующему, в вечной моей покорности церкви и святому трибуналу. Обязуюсь приложить все свои усилия, дабы обнаружить, изобличить и задержать всякого, на кого падет подозрение в ереси. Я обязуюсь защищать до последней капли крови верховного первосвященника и дело святой инквизиции».

А вот как заканчивалась инструкция генерального инспектора трибуналам инквизиции: «Заведите столько шпионов, сколько вы в состоянии оплатить. Обяжите их наблюдать за мирянами, а равно и за церковниками и доносить вам обо всех общественных и частных непорядках. Никогда не ставьте под сомнение их показания, поражайте всех, на кого они вам будут указывать, невинных или виновных, ибо лучше умертвить сто невинных, чем оставить в живых хотя бы одного виновного.

Мы осведомлены о том, что совет десяти является врагом нашей святой инквизиции, ибо мы оспариваем власть, на которую он претендует в отношении церковных дел. Но примите также во внимание те дипломатические отношения, которые связывают вас с некоторыми могущественными домами в Венеции; вам надлежит проявить величайшую осторожность, дабы не усиливать раздражение умов.

Что же касается народа или буржуазии, будьте безжалостны. Хотя бог сам стоит за себя, помните, нам дан в руки меч, чтобы направить его против злонамеренных людей. Без колебания удвойте суровость, если вы увидите рост какоголибо противодействия церкви. Мы вынуждены закрывать глаза на бесчинства знати лишь до тех пор, пока провидение не даст нам необходимых средств, чтобы поразить зло в самом его корне. В отношении же народа и буржуазии будьте беспощадны».

Автор этой выразительной инструкции был назначен великим инквизитором при Павле IV. С этого момента трибуналы и палачи работали без передышки. Став папой, тиран

продолжал свои кровавые подвиги. Прежде всего, он решил отомстить за смерть членов рода Караффа — не потому, что питал к ним дружеские чувства, а потому, что они находились в близком родстве с тем приором доминиканского монастыря, который вывел его когда-то в люди. Кроме того, Павел IV, содействуя его продвижению, осыпал его величайшими милостями.

Пий V отдал распоряжение арестовать судей, приговоривших Караффа к казни, свидетелей, нанятых Пием IV, солдат, стражу, палачей, исполнявших приговоры, и предал всех трибуналу инквизиции. Пощаду получил только иезуит, отравивший кардинала Альфонсо Караффа: общество Игнатия Лойолы к тому времени стало столь могущественным, что помешало розыскам монаха. Всех остальных после страшных пыток сожгли живьем.

На этом Пий V не остановился. Террор царил в Риме. На виселицах, на кострах гибли тысячи людей. Людей казнили за совершенные десять лет назад преступления, о которых они не имели понятия. Города были наводнены фискалами, ждущими своей доли в имуществе жертвы или просто жаждущими мщения. Человек, восстановивший против себя сыщика папы Пия V, попадал в застенок, из которого у него был один путь — на костер. О еретиках же, как бы нелепы ни были обвинения, и говорить нечего.

Казнь матери

■ В течение шести лет понтификата Пия V он занимался только казнями и пытками. Вид крови ему был также необходим, как простому смертному воздух.

Среди многих историй, свидетельствующих о беспримерной жестокости этого чудовища, особенно выделяется горестный рассказ одного историка конца XV — начала XVI века.

Молодую женщину редкой красоты фискалы инквизиции обвинили в том, что она содействовала побегу одной из своих сестер, примкнувшей к кальвинистам.

Когда несчастную арестовали, она была на последнем месяце беременности. Ее бросили в страшное каменное подземелье, где она преждевременно родила. Несчастная мать, по-

забыв о страхе и своих страданиях, думала только о ребенке, которого она произвела на свет. Всю ночь она не спускала его с рук. На утро Пий V приказал привести ее в трибунал, хотя несчастная еле держалась на ногах. Зверь не сжалился над ней. Тщетно молодая женщина валялась у него в ногах и клялась, что о намерениях своей сестры ей стало известно только после оглашения приговора. Ни клятвы, ни слезы, ни мольбы не тронули каменного сердца.

«Исполняйте свой долг!» — приказал он палачам-монахам.

Трое доминиканцев тотчас набросились на молодую женщину, раздели донага и привязали к дыбе. Руки и ноги кольцами прикрепили к стене, так, что железо врезалось в тело почти до кости. Затем начали пытку водой. Но не успели в нее влить восьмую воронку, как у женщины изо рта хлынула кровь, и она потеряла сознание.

Папа, воодушевленный зрелищем, приказал привести жертву в сознание и приложить раскаленную медь к самым чувствительным местам, а ноги подвинуть к огню. Несчастная издавала вопли, которые тронули бы тигра — ведь у тигров нет религии.

Пытка над молодой и красивой женщиной доставляла садисту удовольствие. Заботясь о том, чтобы жертва не умерла сразу, святой отец распорядился отнести обвиняемую в подвал. Она не подавала никаких признаков жизни, лишь изредка слабо стонала. Но как только перед ней раскрылась тяжелая дверь, она ожила, вспомнив о ребенке.

Она попыталась подняться на окровавленных, израненных ногах, но тут же упала. Ей пришлось долго кричать, прежде чем тюремщик вошел к ней. «Дайте ребенка»,— простонала женщина, показав на угол, куда положила тщательно закутанного младенца, перед тем как отправиться на допрос. Тюремщик бросил ребенка на руки матери. Когда она его раскрыла, то убедилась, что младенец мертв: он замерз. Прижав трупик к груди, женщина тут же скончалась.

На следующее утро Пий приказал продолжить допрос и, к великому огорчению, узнал, что страдания женщины кончились.

В тот же день агенты папы выяснили, что обвиняемую оклеветали. Но папа не наказал клеветников, а похвалил за усердие, хотя и снизошел к жертве, разрешив выдать труп женщины ее семье.

Веревку на шею за слово...

■ Можно было бы написать целый том о зверствах святейшего отца Пия V. Спустя полгода, после того как он взял бразды правления, многие римляне, охваченные страхом, покинули город. Рим превратился в кладбище. Испуганные кардиналы попытались внушить папе, что суровые меры могут подорвать авторитет церкви. Взбешенный первосвященник прикрикнул на них, и они смолкли. Его исступление росло. Он увеличил число сыщиков, требовал, не ожидая проверки, забирать каждого, на кого падет подозрение. Доносите — таков был приказ,— пытка вырвет у обвиняемого признание.

Гнусные сыщики святого отца в точности выполняли данные им инструкции. Они стали хозяевами города, грозными правителями, ибо от них зависела жизнь или смерть самого почтенного человека; одного слова было достаточно, чтобы послать на виселицу или на костер.

Известный писатель Аоний Палеарий стал их жертвой, сказав, что инквизиция является кинжалом, клинок которого направлен против сердца всех ученых людей. Пий V отправил сбиров в Милан, где жил Палеарий, чтобы арестовать его. Из уважения к его профессии папа засадил его в одно из самых грязных подземелий Ватикана.

Как обычно, писателя подвергли допросу. Надеясь сохранить жизнь, если он будет отрицать свою вину, Палеарий, несмотря на самые жестокие пытки, мужественно отрицал, будто произнес злосчастную фразу. Тогда папа прибегнул к чудовищной уловке. В перерыве между пытками он пообещал несчастному писателю, что немедленно выпустит его на свободу, если тот подпишет следующее заявление и тем самым признает, что «папа имеет право убивать еретиков, так же как церковь вправе назначать чиновников для исполнения приговоров инквизиции, и верховный первосвященник вправе собственной рукой по примеру поражать мечом своих врагов».

Палеарий имел наивность поверить обещанию Пия V и подписать эту бумагу. Но едва он поставил свое имя, как Пий V, изменив тон, сообщил ему, что он подписал собственный приговор, ибо признал, что папа вправе убивать еретиков.

Потрясенный вероломством папы и понимая, что просьбы

бесполезны, писатель с презрением высказал его святейшеству все, что думал о его коварстве, низости и жестокости.

«На что вы жалуетесь, брат мой,— спросил его лицемерно один из монахов, окружавших папу, в то время как святой отец, задыхаясь от ярости, пронизывал убийственным взглядом свою жертву.— Не вы ли сами признали, что его святейшество вправе убивать еретиков?»

Приговоренный не успел ответить. По знаку папы палачи накинули на шею писателю веревку, прикрепленную блоком к своду, тело несчастного забилось в конвульсиях и вскоре замерло.

Но для отдыха времени не было. Труп Палеария отвязали и тотчас послали за новым обреченным, который занял место ученого на дыбе и на козлах, прежде чем подвергнуться казни. Святой отец не терпел праздности. К тому же обилие арестованных вынуждало действовать быстро, чтобы не загромождать тюрьмы.

Христианские священники и жрицы любви

■ Пий V твердо убежден, что его воля должна господствовать над миром, подобно воле божьей. Никаких возражений он не терпел. Горе тому, кто пытался ослушаться его.

И все же в первые месяцы понтификата ему пришлось отступиться от изданного им декрета, вызвавшего возмущение среди всего римского духовенства. И если бы не искусная политика священной коллегии, гордый владыка, вероятно, лишился бы трона.

Дело заключалось в следующем. Папа получил сведения, что несколько кальвинисток, чтобы избежать инквизиции, зарегистрировались как публичные женщины, хотя вовсе не собирались заниматься этой профессией. Папе не представили никаких доказательств, шпионы не могли привести ни одного конкретного примера, но, как мы уже знаем, достаточно было и подозрения. И Пий V издал декрет, который обязал всех публичных женщин Рима выйти замуж в течение месяца или убираться из города под страхом публичного бичевания.

Римское духовенство — главная клиентура римских проституток — начало роптать. Убедившись, что святой отец продолжает упорствовать, священники стали выражать свое

недовольство открыто. Кардиналы, учитывая обстановку и понимая, что дело может кончиться мятежом, указали папе, что из-за ареста нескольких кальвинисток не стоит рисковать тиарой.

Они обратили его внимание на то, что сорок пять тысяч римских проституток — число не столь уж большое для вечного города и они не всегда успевают обслужить клириков; упразднение же этой женской армии может вызвать полный переворот в быту духовенства и привести к совершенно непредвиденным последствиям.

В ответ на эти столь же веские, сколь и безнравственные соображения Пий V заявил, что не позволит никому обсуждать свои действия и требует, чтобы принятое им решение выполнялось безотлагательно. Гордый дух папы не удалось бы сломить, если бы кардиналы не сообразили прибегнуть к последнему аргументу: они напомнили святому отцу, что исчезновение проституток сильно отразится на судьбе мальчиков Рима. И заметив, что этот довод смягчил папу, добавили, что закрытие лупанариев нанесет большой ущерб апостольской казне.

Потерять такую значительную статью дохода было отнюдь не желательно, и папа сдался и отменил свой эдикт, ограничившись распоряжением, согласно которому проституткам надлежало проживать в специальном квартале, без права выходить оттуда как днем, так и ночью.

Три чудовища

Папе было мало превратить в кладбище Италию, маньяк возымел желание терроризировать весь христианский мир. В Испании у него нашелся достойный союзник, поборник католицизма — Филипп II. Испанские инквизиторы, заливавшие кровью страну, в своем фанатическом рвении не уступали папским инквизиторам. Но, воздавая хвалу жестокому монарху, святой отец был крайне раздражен равнодушием, которое, по его мнению, проявила к еретикам герцогиня Маргарита Пармская, регентша Нидерландов, сестра Филиппа II.

Маргарита Пармская изо всех сил старалась угодить первосвященнику. Ежедневно издавались приказы об аресте ре-

форматоров. Но судьи, потому ли, что втайне сочувствовали Реформации, или же боялись народной смуты, освобождали арестованных.

В отчаянии Маргарита неоднократно обрушивалась на судей, имевших наглость проявлять свою независимость. Продолжая преследовать еретиков, она пробовала запрещать публичные сборища, закрывала дома, где собирались слушать проповеди. Но народ не давал себя запугать и оказывал вооруженное сопротивление, вешал агентов, разгонял солдат. Убедившись, что эксперименты не приносят желательных результатов, сестра Филиппа II прекратила преследования.

По наущению папы король Испании опубликовал новый эдикт, направленный против протестантов Нидерландов, в котором приказывал князьям и сеньорам принудить вассалов принять постановления Тридентского собора, пригрозив конфискацией имущества и лишением должностей и званий.

Вопреки ожиданиям короля угрозы его не подействовали, а, напротив, привели нидерландских вельмож в крайнее ожесточение. По их призыву более тридцати тысяч граждан и крестьян, собравшись в долине перед воротами Брюсселя, поклялись защищать свою независимость.

Затем пятьсот делегатов, сопровождаемые одобрительными возгласами толпы, прошли со знаменами по городу и остановились около дворца регентши. Вид толпы выражал непреклонную волю.

Совершенно растерявшись, Маргарита позабыла инструкции брата и торжественно обещала декретировать свободу веротерпимости. Делегаты молча разошлись. Но не успели они удалиться, как регентша, упрекая себя за проявленную слабость, тут же решила нарушить данное обещание.

Организаторы демонстрации терпеливо ожидали отмены эдикта о ереси, прежде чем предпринять новые действия. Наконец они отважились направить делегацию непосредственно к королю с просьбой не на словах, а на деле смягчить строгости религиозных законов.

Святой отец, опутавший сетью шпионов все дворы Европы, сразу был оповещен своими агентами и в свою очередь немедленно поручил нунцию в Мадриде проследить за приездом посланников, а также настроить должным образом Филиппа II, чтобы тот расправился с посланцами, как они того заслуживают.

Агенту папы не стоило труда выполнить поручение. Папа и король ничем не отличались друг от друга в смысле разнуз-

данности. Монарх и без совета папы поступил бы точно так же.

В день прибытия фламандцев арестовали, отдали на суд инквизиции и сожгли.

Когда страшная весть о подлой расправе распространилась в Нидерландах, разгневанный народ восстал против испанского короля. Пятьсот тысяч граждан, взявшись за оружие, поклялись освободить страну от ига священников.

Такова была подоплека доблестного восстания гезов. Возмущенные патриоты в ответ на злодейский акт короля сжигали церкви, монастыри, убивали священников. Но как бы ни были жестоки их действия, все это было слабым отражением того, что проделывала партия католиков.

Сопротивление католиков было сломлено, восставшие патриоты одержали победу. Регентша была поставлена перед необходимостью отказаться от услуг инквизиции и издать эдикт о свободе совести.

Это произвело неслыханный эффект. Гезы успокоились. И хотя они еще не сложили оружия — на случай оборонительных мер,— но все же были настроены миролюбиво, и восстание могло бы закончиться, если бы папа не навязал свою волю сестре Филиппа и она вторично не нарушила бы данное ей слово.

Узнав о событиях во Фландрии, Пий V немедленно приказал Маргарите уничтожить эдикт и двинуть отборную армию против мятежников, угрожая на сей раз в случае неповиновения отлучением самой герцогини Пармской.

Одновременно папа отправил испанскому королю письмо, где упрекал регентшу в снисходительности. Непрерывно посылая один указ за другим, он советовал, настаивал, требовал предпринять решительные меры против реформаторов.

«Надо утопить всех в море,— заканчивал он одно из своих посланий,— пусть меч и огонь превратит в пустыню их плодородные поля и сравняет с землей зазнавшийся город, дабы истинные христиане возликовали, радуясь торжеству нашей веры».

Филипп II поспешил изъявить покорность и отправил во Фландрию грозную армию под командованием неумолимого герцога Альбы, который полностью оправдал доверие правителя и святого отца.

Получив широчайшие полномочия, защитник католицизма отдал приказ о поголовном аресте всех граждан; вынес смертные приговоры сеньорам с конфискацией имущества (состоя-

ние казненных перешло в казну наместника, и он выстроил крепости вокруг городов). Вслед за тем полновластный хозяин поспешно принялся умерщвлять несчастных, переполнивших тюрьмы. Никогда еще казни не совершались столь молниеносно.

Герцог Альба учредил «трибунал смерти», целью которого было уничтожение всех обвиняемых, вне зависимости от их пола, возраста и даже религии. «Все бельгийцы заслуживают смерти,— писал наместнику скорее кровью, чем чернилами, Филипп II,— протестанты за то, что разрушили церкви, а католики за то, что не оказали должного сопротивления».

Приняв бразды правления, Альба в точности следовал инструкции короля.

В городах и селах замелькали виселицы, костры, плахи, даже на дорогах гнили привязанные к деревьям трупы. Казни длились несколько месяцев. Однажды за один лишь день, между восходом и заходом солнца, сожгли, обезглавили, четвертовали более шестисот граждан. Знатных вельмож, не подчинившихся декрету, постигла та же участь.

Более тридцати тысяч кальвинистов бежали в Германию и во Францию, спасаясь от смерти.

Очутившись в безопасности, изгнанники подняли голову и стали готовиться к тому, чтобы с оружием в руках освободить отечество от тирании Альбы. Большинство французских гугенотов присоединились к ним. Принц Вильгельм Оранский и его брат Людовик возглавили армию.

К несчастью, войска Альбы были многочисленнее и дисциплинированнее. Уже на подходе к Брюсселю протестанты потерпели поражение и были вынуждены бежать во Францию.

Свой триумф герцог Альба решил отметить новыми казнями.

Триумф испанской армии переполнил сердце папы радостью. Он разослал поздравительные грамоты всем палачам Фландрии, восхваляя их усердие. За безжалостное истребление гезов папа вознаградил герцога Альбу шляпой, украшенной драгоценными камнями, и почетной золотой шпагой с надписью: «Доблестному победителю ереси». Благодарный герцог, воздвигнув себе памятник в Антверпене, приказал высечь на цоколе эти слова.

Взаимная привязанность этих злодеев вполне закономерна.

■ Его святейшество Пий V мог потирать руки от удовольствия и благодарить провидение, ибо в то время, как герцог Альба истреблял еретиков во Фландрии, благословенный король Карл IX с помощью своей матери Екатерины Медичи, фактической правительницы Франции, творил богоугодные дела.

Пий V не только зорко следил за политикой французского короля, но и снабжал его деньгами из собственной казны. В то время во Франции шла война с гугенотами, и в таком святом деле алчность отступала перед ненавистью.

Когда король, втянутый в игру мощных сил, обнаруживал нерешительность, Пий V немедленно подстегивал его словами такого рода: «Именем Христа мы повелеваем вам повесить или обезглавить взятых вами пленников, независимо от их звания, пола и возраста, не поддаваясь чувству жалости. Ибо как невозможно существование мира между сыновьями сатаны и детьми света, так невозможно допустить, чтобы племя нечестивых размножалось впредь. Никакой пощады еретикам: самым справедливым делом во имя нашего бога является пролитие крови врагов католической религии. Пусть потоками льется кровь на алтарь всевышнего. Пусть страх охватит сердце того, кто не повинуется!»

Войска гугенотов потерпели крупное поражение. Но маршал, возглавлявший армию палачей, вместо поздравлений, на которые он рассчитывал, удостоился гневных упреков папы: сколько он ни перебил еретиков, не все оказались убиты — некоторые спаслись бегством.

На помощь маршалу Пий V направил одного иезуита. Верный ученик Лойолы был человеком методичным. Сначала, как обычно, запылали костры, но этот избитый способ он нашел слишком простым и скорым. Он обрек мужчин на пытки, приказав сдирать кожу с живых. Что же касается женщин и детей, то их пытками он руководил самолично.

Мы воздерживаемся пересказывать зверства этого садиста.

Святой отец, узнав о выполнении его инструкции, наконец-то почувствовал удовлетворение.

Последние преступления святого

■ Папа ликовал. Во всех церквах шли торжественные богослужения. Считая, что гугеноты во Франции окончательно разбиты, папа собирался отозвать свою гвардию. Однако вскоре радость сменилась яростью: в Рим пришли дурные вести — на юге армия гугенотов двинулась форсированным маршем к западным границам Франции, угрожая Парижу. Екатерина Медичи, опасаясь осады столицы, предложила прекратить военные действия. Помимо общей амнистии правительство готово было возвратить конфискованные земли и разрешало протестантам открыто совершать богослужения, а также занимать шесть должностей в парламенте. Кроме того, в их руках оставались четыре крепости.

Уступки, сделанные в пользу гугенотов, казались католикам чрезмерными. Но Екатерина Медичи писала святому отцу, что мирный договор — лишь тактический вольт и что она и ее сын принимают меры для нанесения гугенотам последнего, сокрушительного удара.

Пий V не удовлетворился этим ответом. Вместе с иезуитами, чье влияние чрезвычайно возросло при всех дворах Западной Европы, он стал готовить поход против еретиков и направил ко всем христианским государям своих легатов, сообщая о кровавом замысле.

Архиепископ Миланский, на которого возлагалась миссия по организации разбойничьих банд в Пьемонте и Швейцарии, охотно откликнулся на предложение Пия V. Папский кардинал, явившийся к Сигизмунду Августу, польскому королю, тоже встретил благосклонный прием. Карл IX и его мать сообщили, что полностью поддерживают политику его святейшества. Одна лишь Германия (помимо Англии, которую никакими доводами нельзя было соблазнить) сопротивлялась. Пий тщетно прибегал к разным дипломатическим уловкам, пытаясь воздействовать на императора, но Максимилиан, не столько из гуманных побуждений, сколько из опасения восстановить против себя протестантов обширной империи, отказался от авантюры, которая казалась ему рискованной.

Его отказ так разгневал святого отца, что он занемог и спустя несколько дней умер в возрасте шестидесяти восьми лет.

Смерть первосвященника сохранила жизнь немалому числу протестантов. Лишь французским гугенотам суждено было подвергнуться той участи, которую папа Пий готовил всем протестантам Европы.

Не забудем также добавить, что церковь канонизировала Пия V.

Впрочем, он действительно достоин галереи нимбоносных бандитов.

Григорий XIII

■ Как только мрачное чудовище, именовавшееся Пием V, прекратило свое бренное существование, придворные, учитывая ненависть народа к усопшему, расставили гарнизон солдат, закрыв доступ во дворец; они опасались, что народ осквернит труп его святейшества и протащит его с позором по улицам Рима.

Когда церемония погребения Пия V была закончена, кардиналы заперлись для избрания нового папы. После упорной борьбы большинство голосов получил кардинал Бонкомпаньи, принявший имя Григория XIII.

Новый глава римско-католической церкви родился в Болонье в 1502 году. Сначала он изучал право и получил докторское звание в двадцать восемь лет. Затем преподавал в университете, где читал лекции до 1539 года, но, рассудив, что карьера профессора не столь доходна и не сулит ни почести, ни власти, он сменил ее на профессию, более блестящую. Благодаря Павлу III он стал продвигаться вперед; Юлий III возвел его в должность секретаря апостольской канцелярии; при Павле IV он добыл себе епископство, и уже при Пие IV деньги набожных дураков помогли ему напялить на себя кардинальскую шапку.

Григорий XIII постарался прежде всего укрепить отношения с французским королем. Когда Карл IX обратился к нему за разрешением на бракосочетание своей сестры Маргариты Валуа с Генрихом Наваррским, Григорий XIII поспешил дать свое величайшее согласие.

«Я не нахожу лучше средства покончить с еретиками, чем этот союз». Эти слова короля, адресованные племяннику

папы Пия V, вполне объясняют действия новоизбранного первосвященника.

Зловещая фурия Екатерина Медичи и ее достойный сын с нетерпением ожидали возможности навсегда освободиться от заклятых врагов.

Варфоломеевская ночь

■ Четыре посланца папы разработали план и направились в кабинет Карла IX. Роковой час настал. Перед Карлом IX стоял выбор: либо разделить славу с адмиралом Колиньи, либо быть преданным вечному позору с Екатериной; либо искупить грехи молодости, либо навлечь на себя проклятия современников и потомства. От слова человека неуравновешенного, почти полоумного зависела судьба Франции; одно слово могло предотвратить неисчислимые бедствия, избиение многих тысяч.

По слухам, король какое-то время боролся с матерью и ее зловещими советчиками, но в конце концов, когда его обвинили в трусости, взревел: «Вы хотите убить адмирала? Клянусь богом, и я этого хочу! Но тогда и остальных гугенотов во Франции! Всех до единого! А не то они явятся упрекать меня! Клянусь богом, отдавайте приказ! Но только скорее, скорее!»

Собственно говоря, все давно уже было подготовлено к избиению: по всем дорогам королевства мчались курьеры с тайными приказами губернаторам провинции. Накануне праздника святого Варфоломея, в достопамятную ночь 24 августа 1572 года, по сигналу из Лувра, раздался звон с колокольни Сен-Жерменской церкви, а затем крики, вопли, звон клинков, стрельба мушкетов известили о парижской заутрене. Банды разбойников врывались в дома протестантов, и в течение двух только дней тысячи французов — мужчин, женщин, детей — были уничтожены благочестивыми католиками.

Так завершилось святое дело, над которым Пий V, наместник милосердного бога, потрудился с таким усердием.

28 августа, спустя четыре дня после страшной трагедии, духовенство, гордясь своими подвигами, торжественно отпраздновало кровавую победу; Карл IX и его двор не посты-

дились принять участие в благодарственных молебствиях и в прочих религиозных фарсах.

Массовое избиение гугенотов, последовавшее сразу за восшествием на престол Григория XIII, почти совпало с церемонией коронования нового папы. Римский двор встретил сообщение о резне с неописуемым восторгом. В замке Святого ангела гремели пушечные салюты. Его святейшество распорядился устроить народные празднества в ознаменование счастливого исхода Варфоломеевской ночи, а затем в окружении кардиналов торжественно проследовал в три римских храма, чтобы вознести благодарность за радостную весть.

Кроме того, Григорий приказал отчеканить памятную медаль, а также заказал известному итальянскому художнику Вазари картину, изображающую избиение еретиков, с надписью: «Папа одобряет убийство Колиньи». Картина и теперь еще красуется в Сикстинской капелле.

В свою очередь, кардинал Лоррен (один из Гизов) приказал поместить в храме святого Людовика благодарственную надпись по поводу позорной победы, одержанной сыном Екатерины Медичи благодаря советам и молитвам святого отца.

Во всех церквах Италии, даже в Венеции, церковные проповедники, главным образом иезуиты, произносили пламенные речи, восхваляя Карла IX и его мать.

Филипп II Испанский ликовал не меньше папы. Вся же остальная Европа приняла весть с ужасом и отвращением.

Всем известно, что Варфоломеевская ночь привела к четвертой религиозной войне, ибо, несмотря на массовое избиение, не все гугеноты были истреблены; вскоре они стали еще сильнее и еще более независимыми, чем прежде.

Кроме того, произошло еще нечто невероятное: кровавая резня уничтожила старую, средневековую церковь; ее вдохновители считали, что стоят на верном пути, но их победа оказалась самоубийством. Именно с той поры от католичества отвернулись многие честные, прямодушные верующие. Варфоломеевская ночь вызвала также возмущение многих иностранных правительств, а королевская власть и церковь во Франции стали подвергаться нападкам и оскорблениям.

В то время как почтенный Григорий XIII и его верные иезуиты прославляли подвиги Карла и его преступной мамаши, испанцы опустошали Фландрию и совершали там столь же гнусные злодеяния. Казалось, герцог Альба хотел перещеголять Екатерину Медичи и ее сына.

Прежде чем покинуть Нидерланды, герцог утопил в крови несколько городов. Он хвастался, что его солдаты уничтожили более ста пятидесяти тысяч бельгийцев, а двадцать тысяч человек он замучил в застенках.

Но Григорий XIII не удовлетворился расправой над еретиками, он стремился также захватить их имущество. Папа потребовал, чтобы Карл IX учредил суд инквизиции во Франции и провел в жизнь знаменитые постановления Тридентского собора — те самые, которые были отвергнуты парламентом. Естественно, претензии папы вызвали всеобщее недовольство. И вот в тот момент, когда считали, что с реформаторами покончено, они подняли голову, укрепились в ряде городов и объявили, что двинутся к Лувру требовать у короля отчета за страшное избиение их единоверцев.

Новые жертвы религии

■ Карл IX, напуганный угрозами гугенотов, стал смиренно заискивать перед теми, чьих братьев он беспощадно истребил. Король пытался снять с себя вину за Варфоломеевскую ночь и взвалить ответственность на Гизов и римскую курию. Он дошел до того, что наперекор папскому легату приказал возвратить гугенотам конфискованное имущество, а в конце концов вообще объявил себя покровителем реформаторской церкви.

После смерти Карла IX королевский скипетр достался его брату Генриху III, вполне достойному сыну католической церкви. При нем французский двор превратился в настоящий вертеп. «Жизнь королевского двора,— рассказывает один летописец,— проходила в балах, пирах и оргиях, после которых Генрих III вместе со своими фаворитами шатался по ярмаркам, рынкам, площадям, оскорбляя честь женщин и девушек, насилуя мальчиков, избивая отцов и матерей, посмевших защищать своих детей. Повеселившись, распутники устраивали комедию покаяния, обряжались в рясы с красными, черными, синими, зелеными или белыми капюшонами и отправлялись в церковь, а затем шли к астрологам и гадателям: старики покупали любовные снадобья, молодые — яды для устранения старых мужей своих возлюбленных. В эту эпоху растления

нравов мужчины и женщины без угрызения совести пользовались кинжалом или ядом, чтобы избавиться от соперников».

Таковы были нравы набожного двора содомита Генриха III, верного друга и союзника Григория XIII.

Иезуиты за работой

■ Между тем подошел срок всемирного юбилея. Григорий с нетерпением ожидал его, надеясь пополнить опустевшую папскую казну.

Как и в прежние годы, в Рим отовсюду стекались благочестивые глупцы, чтобы сложить богатые дары к ногам наместника Иисуса Христа. Золото позволило папе сколотить банду наемных убийц и вновь призвать к священной войне.

В то время как Григорий поправил свои финансовые дела, Генрих III испытывал немалые затруднения. Он требовал новых налогов, а это вызвало сильнейшее волнение среди парижан.

«Священная лига» подняла голову; ее члены подстрекали народ к восстанию, обличая короля, чье распутство перешло всякие границы. Они называли его узурпатором и требовали передать власть подлинному потомку Карла Великого Генриху Гизу, главе Лиги. Иезуиты со всех кафедр призывали присоединиться к Лиге.

Чувствуя свое бессилие, Генрих III собрал Генеральные штаты; депутаты, находившиеся под влиянием иезуитов, высказались за поход против кальвинистов. Казалось, война была неизбежна. Но королю не хватало главного — презренного металла. Дерзкие выходки Гиза, ненависть Лиги заставили его заключить соглашение с реформаторами. Король предоставил им свободу вероисповедания, вернул отнятые у них земли и привилегии и восстановил доброе имя тех, кто пал жертвой во время Варфоломеевской ночи. В довершение король согласился отменить целибат для священников.

«Эдикт,— по словам одного историка,— мог бы привести страну к благоденствию, но никто не верил в искренность заманчивых обещаний Генриха III. Папа же и Гиз были заинтересованы в том, чтобы разжечь кровавую гражданскую

войну во Франции. С этой целью папа немедленно выслал на помощь Лиге одного из самых ловких дипломатов того времени — иезуита Генриха Сомье, который умело воздействовал на умы и возбуждал мятежи и смуты. Со своей стороны, Генрих Гиз набирал себе приверженцев: с помощью денежных раздач он сколотил армию, хранил в своем дворце запасы оружия и открыто призывал к свержению династии Валуа.

Решив, что дни его сочтены, король удвоил численность гарнизона, охранявшего Лувр, и в свою очередь создал армию из гвардейцев и наемников-швейцарцев для защиты короля и религии».

Неудачи папы

■ Григорий XIII стал искать новых союзников. Он восстановил орден святого Василия, объединявший в одном Неаполитанском королевстве пятьсот монастырей.

В Риме папа основал около двадцати коллежей, управляемых черной ратью; он старался распространить иезуитскую заразу по всему свету, вплоть до Японии.

Помимо этого тиароносный миротворец не прекращал тайком сеять семена раздора между властителями Европы, чтобы использовать их распри в интересах римской курии. Он убеждал Хуана Австрийского вступить в брак с Марией Стюарт и низложить королеву-еретичку Елизавету, но прежде всего объявить войну Голландии и тем самым лишить возможности принца Оранского оказать помощь Великобритании.

Хуан, находившийся до этого в затруднительном положении, вступил было в переговоры с бельгийцами, но, как только пришла долгожданная поддержка от папы, он нарушил договор, заключенный с протестантами. Вероломство, однако, не принесло выгоды. Брюссельцы взялись за оружие, выгнали наместника Филиппа II и провозгласили правителем Нидерландов принца Оранского.

Но предприимчивого Григория XIII не так-то легко было обескуражить. По его приказу тучи иезуитов ринулись в Ирландию, чтобы поднять восстание против Елизаветы.

«Его святейшество,— рассказывает историк Лашатр,— основал орден особых миссионеров, призванных подготовить

восстание в Англии: он организовал целый отряд, в состав которого вошли шестьдесят четыре иезуита из англичан, шотландцев и ирландцев. Иезуиты поклялись приложить все усилия, чтобы лишить короны и жизни еретическую королеву Елизавету. Фанатики отправились в Лондон за мученическим венцом. Трое из них, изобличенные в заговоре на жизнь государыни, были задушены, обезглавлены и четвертованы. Папа предписал их канонизировать, а оставшимся в живых приказал организовать новый заговор, действуя более осмотрительно».

Филипп II обходит папу

■ В Португалии иезуитам повезло значительно больше, чем в Англии: они приобрели влияние и превратились в грозную силу. Наследникам Лойолы удалось уговорить короля Португалии Себастьяна, племянника Филиппа II, предпринять военную экспедицию в Африку. Увы, обращенные в христианство марокканцы оказались ненадежными католиками и убили дурака Себастьяна.

Корона слабоумного короля, не имевшего потомства, перешла, не без помощи черной рати, к его дяде кардиналу Генриху. Едва старый проказник уселся на трон, как у него появилось желание иметь потомков. Он попросил у папы Григория разрешения вступить в брак с молодой особой, которую ему подыскали иезуиты. Хитрый папа, который давно с вожделением поглядывал на Португальское королевство, отклонил брак по религиозным мотивам. А Филипп II, ближайший наследник, тоже мечтавший прибрать к рукам Португалию, пригрозил королю-кардиналу, что захватит его владения, если тот вздумает ослушаться папу. Больной старик недолго томился и через полтора года отошел в лучший мир.

Испанский король немедленно двинул свои войска в Португалию, не обращая внимания на вопли иезуитов и разгневанного Григория XIII, который собирался передать этот трон своему побочному сыну. Папа, однако, не решился отлучить Филиппа II, так как весьма нуждался в нем, и ему пришлось поздравить победителя.

■ Положение в папских владениях день ото дня становилось все более тяжелым. Милану пришлось испытать сразу два бедствия: чуму и племянника папы архиепископа Шарля Барроме. Рим был доведен до истощения махинациями святого отца и его возлюбленного сына, скупивших зерно, чтобы потом спекулировать им.

Со всех сторон Григория XIII осыпали проклятиями. «Вскоре,— рассказывал летописец,— появились шайки разбойников, которые бродили по дорогам, грабили путешественников и купцов, совершали набеги даже на святой город.

Несчастных, доведенных голодом и отчаянием до разбоя, поддерживали иногда некоторые могущественные сеньоры, ненавидевшие папскую тиранию и предоставлявшие в своих дворцах убежище бандитам.

Папа распорядился произвести обыск во всех домах в окрестностях Рима, а особенно тщательный — во дворце Раймондо Урсино.

Сбиры, выполняя приказ папы, арестовали во дворце Урсино несколько невинных людей. Но когда они собрались уже отвозить арестованных, чтобы бросить их в подземелье замка Святого ангела, явился хозяин со своей свитой. Он потребовал освободить пленников, но офицер римской курии отказался. В результате произошла стычка, в которой Раймондо Урсино был убит.

Убийство вызвало волнение в народе, римляне бросились в Ватикан, и Григорию удалось успокоить толпу только тем, что он приказал немедленно обезглавить офицера и солдат, убивших Урсино.

Глубокая ненависть, которую испытывали все классы общества к папскому деспотизму, помогла брату Раймондо Урсино поднять мятеж и напасть на замок внука Григория. Убив его собственной рукой, Урсино с огромной толпой недовольных бежал из Рима, где начался страшнейший террор».

Как ни отвлекали разбойничьи шайки внимание Григория XIII, он все же не забывал о других лелеемых планах: соблюдая интересы Испании, он поддерживал герцога Анжуйского, продолжая интриговать против Нидерландов. А когда казна его вновь стала истощаться, папа принял твердое

решение нанести окончательный удар и убрать со сцены принца Оранского, одного из наиболее грозных противников римской курии. Однако иезуит, которому было поручено выполнить святую миссию, промахнулся (перст божий не вмешался вовремя!); его поймали с поличным, и народ расправился с ним.

Неудача заговора привела в ярость неутомимого Григория XIII. С помощью учеников Лойолы он нашел фанатика, который, оказавшись более удачливым, чем его предшественник, и заколол грозного врага апостольской римской церкви.

Папа-убийца попытался таким же путем и как можно скорее избавиться от Елизаветы Английской. Вооружив другого фанатика, он отправил его в Англию. Но там заговор провалился, незадачливого агента изобличили и казнили.

Дорого обходится венец мученика!

Королева Елизавета, выведенная из терпения, разразилась грозным эдиктом против католиков и иезуитов, запретив им под страхом смертной казни появляться на Британских островах.

Фиглярство Григория XIII

В некоторых странах дела иезуитов шли неважно. Григорий XIII счел необходимым поднять их авторитет в глазах Европы. Хитрый первосвященник инсценировал торжественный прием в Ватикане мнимых японских послов. Роль посланцев исполняли четверо рыбаков, доставленных иезуитами из Японии. Прибывших в Рим так называемых послов встретила депутация священной коллегии, и их отвели с большой помпой к папе, давшему им аудиенцию.

Рыбаки вручили старому комедианту Григорию три послания японских принцев. Светлейшие принцы, выражая глубочайшую преданность и любовь к наместнику царя небесного на земле, глубоко сожалели о невозможности лично засвидетельствовать свою благодарность и покорнейше просили наградить доблестных иезуитов — ревностных защитников истинной веры.

Заслушав послания, преемник апостола Петра патетически воскликнул: «Слава, слава мужественным детям Иисуса!

Слава ученикам Игнатия Лойолы! Мне довелось увидеть торжество иезуитов! Теперь господь может призвать к себе раба своего!»

Несмотря на эффективную инсценировку, комедия, разыгранная Григорием XIII, никого не ввела в заблуждение.

До конца жизни Григорий продолжал строить козни в Европе, ибо вся его политика основывалась на том, чтобы интриговать и сеять семена раздора. Но внезапно его сразил апоплексический удар, и он умер 10 апреля 1585 года.

Так кончил свои дни гнусный папа, дерзнувший прославлять вдохновителей Варфоломеевской бойни!

Преемник Григория XIII

■ Как сообщает нам летопись, Феличе Перетти родился в семье бедного виноградаря. Когда сбиры безжалостно расправились с его отцом за мелкое браконьерство, мальчика отдали в услужение к соседнему фермеру. Как-то вечером францисканский монах Салери, заблудившись, встретил юного свинопаса. Мальчик вывел монаха на дорогу и по пути рассказал ему о печальной судьбе своей семьи. Тронутый участью мальчика, Салери забрал его в монастырь. Юный послушник попал в обучение к монаху-богослову. Не по летам развитый, Феличе сразу же обнаружил редкие способности и огромное усердие в занятиях науками. Он был подвержен страшным припадкам вспыльчивости, которые, правда, быстро проходили, за что однокашники прозвали его «вспыхивающим огоньком».

Других недостатков у юного Феличе не было.

В двадцать шесть лет он получил звание доктора богословия и кафедру профессора. Спустя восемь лет он отличился как проповедник, и карьера монаха Перетти, бывшего свинопаса, изменилась. В проповедях он рьяно призывал изобличать еретиков и обратил на себя внимание иезуитов. Его назначили инквизитором в Венеции. Его неумолимый характер и жестокие меры, проводимые в стране по требованию Пия V, который в то время был инспектором трибунала святой инквизиции, вызвали широкое возмущение, и Перетти был вынужден бежать, спасаясь от народного гнева.

Рассказывают, что, когда коллеги упрекали его за это, он ответил: «Я поклялся стать папой в Риме и не мог позволить себе быть повешенным или убитым в Венеции». Лукавый монах — будущий Сикст V — не проявил желания стать мучеником.

Благодаря покровительству гнусного Пия V Перетти стал быстро продвигаться по иерархической лестнице: он был генералом францисканского ордена, затем епископом и, наконец, кардиналом. До того как он надел пурпурную мантию и шапку кардинала, Перетти был преданным соратником святого отца, точной копией своего могущественного и кровавого патрона. Но, вступив в ряды банды священной коллегии, он, видимо, рассудил, что получил от папы все, что можно, и резко изменил свое поведение: волк надел шкуру ягненка.

Ухищрения будущего папы

■ После смерти Пия V кардинал Монтальто (таково было теперь его имя) покинул роскошную резиденцию и поселился в скромном домике вблизи церкви Санта Мария Маджоре. До конца понтификата Григория XIII кардинал оставался в уединении, заявив окружающим, что отныне будет заботиться о спасении своей души. Внешне он также очень изменился: сгорбился, одряхлел, говорил тихо, прерывистым голосом; весь его облик напоминал человека, близкого к смерти. К концу понтификата Григория он и вовсе перестал показываться на людях.

Когда кардиналы собрались в конклав, после похорон Григория XIII, Монтальто выглядел еще более немощным и дряхлым. Ввиду того что все члены священной коллегии стремились завладеть тиарой, они остановили свой выбор на кардинале Монтальто, считая, что новый папа проживет недолго, а тем временем они придут к тому или иному решению. Избрание лукавого Монтальто состоялось 24 февраля 1585 года.

«Как только Монтальто,— пишет Морис Лашатр,— отсчитал двадцать шесть голосов, произошла совершенно неожиданная сцена, которая привела конклав в смятение: кардинал Монтальто гордо выпрямился, отбросил в сторону палку и вздохнул полной грудью, как здоровый тридцатилетний че-

ловек. Кардиналы в ужасе переглянулись. Старейшина, поняв, что коллеги его поторопились и раскаиваются в этом, воскликнул: «Повремените, братья мои, возможно, произошла ошибка при подсчете!»

«Нет,— твердо возразил Монтальто,— баллотировка прошла по закону». И человек, который час назад не мог произнести слово, не задохнувшись от кашля, зычным голосом, потрясая своды капеллы, пропел: «Тебя, бога, хвалим». Затем он опустился на колени перед престолом для молитвы. Но кардинал Медичи, стоявший рядом, заметил, что уста его не шевелились и он, не выказывая ни малейшего волнения, спокойно взирал на лик спасителя. Когда новый папа поднялся, один из членов конклава поздравил его с происшедшей в нем переменой. «Я сгибался,— ответил Монтальто,— надеясь обрести на земле ключи католического рая; теперь, когда они у меня в руках, я могу смотреть богу прямо в лицо». Когда церемониймейстер, приблизившись к нему, согласно обычаю спросил, согласен ли он принять сан первосвященника, Монтальто ответил: «Я не могу получить больше того, что уже получил, но я бы не отказался от большего, ибо чувствую в себе силы управлять не только церковью, но и всей вселенной». После этого он взял одежду первосвященника и облачился, не прибегая к помощи камергеров. Все было настолько необычно, что кардинал Рустикуччи не удержался и сказал: «Я вижу, пресвятой отец, что скипетр исцеляет больных кардиналов и возвращает им молодость».

«Я убедился в этом на собственном опыте»,— невозмутимо ответил Монтальто и возложил тиару на голову. Он был возведен на престол под именем Сикста V».

Печальный дебют

■ В день коронации новый папа, вместо того чтобы согласно установленным традициям объявить об амнистии, отправил на виселицу шестьдесят особенно упорствующих еретиков — в назидание остальным.

Летописцы рассказывают, что Сикст V не проявил милости и к мнимым японским послам. Отлично зная, что в жалком фарсе виновен умерший папа, он предпочел скрыть

следы неприглядного мошенничества, чтобы не бросить тень на папство: он не отказал им в почестях, допустил к церемонии целования туфли, присвоил звание «кавалеров золотых шпор», римских патрициев, на торжественном богослужении сам лично потчевал святыми дарами и, что более существенно, пригласил на роскошный банкет, после чего, вручив письма к японским принцам, отправил их восвояси.

Со дня отплытия никто не слыхал, какая участь постигла бутафорских послов. Авторы хроники — злоязычники — имеют дерзость утверждать, что «иезуит, которому надлежало сопровождать послов, сообщил своему генералу, что в секретной беседе с его святейшеством ему было сказано: «Комедия окончена, выполняйте нашу волю, и да будет море им могилой»».

Очутившись на престоле, Сикст сразу же вызвал к себе сестру Камиллу и ее потомство, подарил ей дворец, поместья и назначил огромную пенсию. На следующий день в Риме из уст в уста передавался анекдот о прачке, превратившейся в принцессу. Когда Сикст узнал об анекдоте, он рассвирепел и распорядился во что бы то ни стало разыскать автора, обещав в награду сорок тысяч экю.

Хотя жестокость Сикста была всем известна, автор по наивности сам явился к святому отцу. Он дорого поплатился за свою неосторожность: папа распорядился, чтобы казначей отсчитал ему сорок тысяч экю, а затем приказал палачу отсечь ему язык и правую руку. Оба распоряжения тотчас были выполнены.

Варварский способ внушать, что гораздо умнее — держать язык за зубами!

Как видно, бывший свинопас не был чувствителен. Он отрешил от должности всех судей, которые при папе Григории оказывали снисхождение еретикам, расширил полномочия внутренней полиции в папских областях, разрешив ей действовать по своему усмотрению. Кроме того, он издал эдикт, осуждавший на смертную казнь всех, кого уличат в адюльтере (это весьма заметно отразилось на численности населения вечного города!).

Летописцы рассказывают следующую историю, свидетельствующую о суровости Сикста: некий сеньор из Салерно, не будучи подданным первосвященника, считал, что страшный эдикт не имеет к нему отношения. Сикст V пришел в ярость, когда узнал, что иноземец осмелился не повиноваться приказу, и потребовал, чтобы губернатор строго следовал за-

кону. Губернатор заметил, что нарушители являются подданными Неаполитанского королевства и потому их нельзя судить по законам чужой страны. «Это все, что вас останавливает? — спросил папа.— Если вы столь добросовестны, повесьте любовников и мужа на веревке, купленной в Неаполе». Достопочтенный отец признавал только те законы, которые изобретал сам. Бедняга муж слишком дорого заплатил за свою снисходительность: его обрекли на виселицу за то, что он был рогат. Не слишком ли много бед на одну голову?

Решив искоренить преступность, папа возымел странную идею — обуздать обнаглевших клириков. Это касалось, в частности, кардиналов, членов священной коллегии, которые, злоупотребляя правом неприкосновенности, никогда не платили долгов. Чтобы дать пример святошам, папа уплатил все старые долги (заметим, кстати, что сделать это ему было нетрудно: одной рукой платил, а другой — брал). Он обложил население своей столицы чрезвычайными налогами и со всей строгостью следил за сборами податей, что привело к народным смутам.

Трусливый, как большинство тиранов, Сикст V дрожал за свою жизнь и потому запретил всем гражданам носить оружие в городе. Всех, кто осмеливался нарушить приказ, ожидала смертная казнь. Он не пощадил даже отрока, поднявшего кинжал на сбиров, оскорбивших его,— приговорил и шестнадцатилетнего юношу к смертной казни. Когда защитник сослался на закон, запрещавший применение смертной казни в отношении несовершеннолетних, пресвятой отец воскликнул: «Властью, доверенной мне господом, я даю ему мои собственные десять лет — приведите закон в исполнение!»

Сикст V пытается угрожать королям

■ Сурово расправившись с врагами, Сикст решил вступить в борьбу с европейскими монархами, и даже с таким ревностным католиком, как Филипп II.

Прежде всего он начал интриговать против Франции, продолжая политику Григория XIII. Он натравливал католиков против Бурбонов и разразился грозной буллой против

еретика и раскольника Генриха Наваррского и всех протестантов. Генрих, в свою очередь, поносил папу-предателя и антихриста в воззваниях, которые расклеивались на стенах домов, и папе оставалось только дивиться его мужеству, восхитившему весь христианский мир.

Восшествие Сикста на престол произвело сенсацию в Англии. Королева Елизавета отправила в Рим посла выяснить намерения папы относительно новой, англиканской церкви. Елизавета вручила дипломату свой портрет, украшенный драгоценными камнями (он предназначался для кардинала Александра, племянника папы), и приказала любыми средствами завоевать расположение первосвященника.

Сикст оказал милостивейший прием молодому послу, с живейшим интересом расспрашивал его о повелительнице Англии. Когда молодой дипломат, воспользовавшись случаем, передал портрет императрицы, его святейшество, внимательно разглядывая его, печально воскликнул: «Благородное лицо! Замечательная женщина! Как часто я жалею, что мой сан лишает меня возможности вступить в брак. Клянусь бородой Христа, я бы выбрал только Елизавету, и наши дети были бы достойны нас!»

Закончив аудиенцию, его святейшество поручил своему племяннику оказать послу должное внимание.

В беседе с племянником посол мог почерпнуть немало благоприятных сведений об отношении его святейшества к планам Елизаветы, касающимся Испании. В знак своего уважения к королеве папа уполномочил племянника подарить ей свой портрет. Обрадованный посол тут же написал Елизавете об успешно выполненной миссии и предложил королеве, не мешкая, подписать соглашение с Нидерландами и двинуть войска против испанцев.

Как легко догадаться, наивный посол был просто одурачен вероломным папой. В действительности Сикст V преследовал лишь одну цель: стравить двух монархов и ослабить того и другого в интересах Рима. По отношению же к республикам хитрый Сикст вел себя весьма миролюбиво.

Однажды он сделал строгий выговор своему нунцию, приказавшему арестовать протестантского священника на швейцарской территории. Вот что папа написал чересчур ретивому слуге: «Разве вы забыли, что мы направили вас в Швейцарию для того, чтобы установить мир между кантонами, а не для усиления смут? Мы поручили вам установить согласие между еретиками и католиками, а не натравливать их

друг на друга. Пора понять, что не в наших интересах обращаться со свободными народами так, как мы действуем по отношению к государям. Всякие волнения и революции у независимых народов всегда опасны для христиан и, напротив, всегда благоприятны для еретиков. Я категорически предлагаю вам действовать осторожно и вести себя сдержанно со швейцарцами, которые отказываются войти в лоно нашей церкви. Не подражайте неуклюжей ретивости иезуитов, которые, стремясь защитить наш престол, иногда наносят ему самые тяжелые удары».

Папа и благочестивые отцы

■ И действительно, иезуиты, которые не останавливались ни перед каким преступлением во славу святого дела, не раз дискредитировали папство. Дипломатическая игра Сикста V была отнюдь не по вкусу сынам Лойолы. Они попытались привлечь на свою сторону племянника Сикста, и тот предложил святому отцу взять духовником иезуита. Дядюшка ответил на это строжайшим нравоучением: он запретил племяннику якшаться с грязными плутами и добавил: «Им пошло бы впрок самим у меня исповедоваться, а не выслушивать мою исповедь». Когда же его гнев приутих, он рассудил, что гораздо выгоднее в интересах святого престола постараться перехитрить иезуитов, и, вняв просьбам племянника, согласился даже присутствовать на богослужении у иезуитов.

Рассказывают, что после мессы, торжественно освященной присутствием первосвященника, благочестивые отцы попросили оказать им милость — посетить их общину. Однако, когда папа выразил желание обозреть также подвалы, где хранились их сокровища, руководитель общины с грустью ответил: «Увы, подвалы пусты; никогда еще общество не было столь бедным, как ныне, под властью вашего святейшества». «А куда же девались богатства, которые вы сколотили в Америке и Японии? — не удержался Сикст V.— Вам немало платят за ваши убийства. Теперь я вижу, что все обвинения в ваш адрес — отнюдь не поклеп: вы лицемерно скрываете ваши преступления, так же как и сокровища. В ближайшее время я займусь вашим поведением и кассой.

Уж я позабочусь о том, чтобы сделать вас наилучшими христианами».

Но, несмотря на сильное желание обуздать черную рать, святой отец не был в состоянии осуществить задуманное. Он назначил кардинала Альдобрандини для расследования всех жалоб на иезуитов. Результат оказался весьма любопытным. Члены комиссии заявили, что «не нашли в Италии ни одного монастыря, где бы монахи не предавались пьянству, праздности, содомии и прочим мерзостям. Посетив сто двадцать два мужских и женских монастыря в Австрии, они насчитали в мужских монастырях сто девяносто девять проституток, пятьдесят пять мальчиков или девочек моложе двенадцати лет; в женских монастырях — четыреста сорок пять мужчин, исполнявших роль слуг и возлюбленных».

Что касается монастырей, расположенных во Франции, то положение там было признано еще более скандальным.

Моралист Сикст энергично обрушился также против излишней роскоши в одежде и быту, что возбудило особую ненависть к нему со стороны купцов и женского пола.

Лицемерная политика

■ Сикст V, весьма тонкий интриган, играл очень странную роль в той войне, которая известна под названием войны трех Генрихов. Натравливая отдельные партии одну на другую, он не поддерживал Лигу, но в то же время сурово порицал выходки французского короля и предавал анафеме Генриха Наваррского. Жестокий и коварный папа желал поражения всех трех партий и в междоусобице видел выгоду для святого престола.

Такую же политику глава церкви вел и в отношении Елизаветы. Уважение, которое он выказывал королеве, было притворным, внешним и нисколько не мешало ему помогать испанскому послу и иезуитам в организации заговора против английской королевы, в результате которого окровавленная корона перешла бы к Марии Стюарт.

Но «честных» людей, действовавших во славу милосердного бога, постигла неудача: заговор был раскрыт, все его участники арестованы и казнены по обвинению в государст-

венной измене, а Мария Стюарт по приговору Елизаветы обезглавлена.

«Не проявляя ни малейшего волнения по поводу трагической смерти шотландской королевы,— пишет историк Лети,— папа, выслушав своего посла, воскликнул: «Завидую тебе, Елизавета, ибо ты отмечена богом, к твоим стопам упала коронованная голова, тогда как я проливаю кровь нечестивых сеньоров, темных авантюристов и несчастных писак!»» И он немедленно предложил своему дружку Филиппу II извлечь выгоду из казни Марии Стюарт!

Испанский король одобрил замысел Сикста, выдвинув ряд условий, в том числе пожалование кардинальской шапки англичанину Алану — предателю, продавшемуся Испании. Папа принял условия и отправил сэра Алана в качестве своего легата в Испанию, чтобы поторопить короля с подготовкой армии для борьбы с Англией.

В тайном соглашении папа обязался уплатить миллион экю, как только испанские войска завладеют хотя бы одним английским городом. Больше того, папа обещал снять чрезвычайные подати с владений Филиппа II. Однако Филипп, не слишком доверяя папе, не начинал военных действий и, боясь обмана Ватикана, потребовал торжественного отлучения британской королевы. Папа поспешил удовлетворить требование своего достойного соратника и выступил на собрании кардиналов и иностранных послов с длинной буллой:

«Мы, Сикст V, всемирный пастырь стада Христова, верховный правитель на земле, узрели, что народы Англии и Ирландии из-за того, что подчинились правлению нечестивой, кровавой Елизаветы, ныне погрязли в ереси, грозящей затопить весь христианский мир, и подобно ей отказываются признать власть римской церкви. Чтобы спасти от мук и страданий заблудшие души, во имя спокойствия и единства в христианском мире, мы низлагаем еретичку Елизавету, которая незаконно претендует на титул королевы Британских островов. По внушению святого духа, во имя общего блага церкви, мы подтверждаем решение, вынесенное нашими предшественниками Пием V и Григорием XIII против новой Иезавели. Мы лишаем ее королевского звания, всех прав и привилегий. Мы освобождаем всех подданных от клятвы верности и запрещаем оказывать презренной еретичке какие-либо услуги. Пусть ни одна рука не протянется ей на помощь! Пусть она будет одинока и гонима, как одержимая бесом! Клеймите и преследуйте всех ее приверженцев, живых

и мертвых, и пусть их судит трибунал инквизиции! Мы обещаем вознаградить не только в вечной жизни, но и в этом мире всех, кто выполнит свой долг перед святою церковью. Мы даем отпущение грехов всем, кто, взявшись за оружие, под предводительством дорогого нашего сына Филиппа II пойдет сражаться с нечестивой Елизаветой. Мы отдаем Британские острова в полное владение монарха в награду за ревностное служение святому престолу и за проявленную им любовь к благочестивым католикам Нидерландов».

Отлучение было обнародовано во всех христианских церквах под колокольный звон, при свете тысяч свечей. В Мадриде, в часовне Эскуриала, затянутой трауром, испанский король весь в черном, в окружении высших чиновников повелел нунцию огласить грозную анафему против «презренной Елизаветы».

Гнусное предательство

■ Похоже было на то, что Сикст V и в самом деле вознамерился принять сторону Филиппа II и обеспечить ему английскую корону. Молодой английский посол, убедившись, что был обманут римской курией, уже собирался покинуть вечный город, когда его пригласил к себе первосвященник. Сикст долго беседовал с ним «о тяжкой доле властителей, о необходимости скрывать свои мысли и действовать против своих чувств»; он снова заверил посла в глубоком уважении и в искренних дружеских чувствах к Елизавете и даже попросил его немедленно написать королеве предостережение против Филиппа II, указав, что, «возбудив против себя гнев испанца убийством распутной шотландки, Елизавета подвергает себя риску быть убитой его агентами». Он дошел до того, что заявил: «...титул папы вынуждает его выступать на стороне ненавистного Филиппа, с которым он охотно бы расправился так же, как Елизавета с Марией Стюарт». Наконец, папа поклялся, что обещанная им Филиппу помощь является иллюзорной, поскольку она сводится к пурпурной шапке для дурака Алана и к смехотворному отлучению Елизаветы, что обещанный им Филиппу миллион экю он обязался уплатить лишь через шесть месяцев, после того как испанские войска завладеют частью английской территории, чего, несомненно,

королева не допустит. Сикст передал послу Елизаветы подробное письмо короля Испании о состоянии его армии, военачальниках и о плане его похода. Словом, Сикст V предал Филиппа!

Получив эти сведения и услышав комментарии посла, Елизавета разыграла такую же комедию, как и ватиканский Юпитер; как глава англиканской церкви, она опубликовала анафему против святого отца и его священной клики, против всех, кто поставил свою подпись в булле отлучения.

Борьба между Англией и Испанией закончилась поражением Филиппа II. Весть об этом вызвала бурную радость Сикста V. Когда английский посол читал Сиксту депеши о победе Елизаветы, вошел племянник папы кардинал Монтальто, и Сикст V не мог удержаться от восклицания: «Радуйся, племянник, Филипп II побежден, Королевство неаполитанское теперь в наших руках!»

Спор между папой и императором

■ Стравив Англию и Испанию, Сикст V обратил свой взор к Германии и предложил епископам и католическим орденам не подчиняться императору Рудольфу II.

Германский посол при римском дворе выразил энергичный протест от имени императора. Ему, однако, ответили, что жалобы его не могут быть приняты во внимание, что ему должно быть известно, как официальному представителю императора, сколь многим обязаны германские императоры папам, что папы давали корону императорам для защиты интересов святого престола, что наместники Христа подчиняются только богу и не позволят светским владыкам назначать служителей алтаря.

Императорский посол ловко отпарировал доводы папы, указав, что «если несправедливо вмешательство светских владык в церковные дела, то не менее несправедливо вмешательство его святейшества в дела светские». И посол настаивал на праве императора назначать префекта Рима.

Тогда взбешенный Сикст V заявил: «Ваш господин является королем римлян в Германии — это верно; но он не имеет никакой власти над Римом, ибо я являюсь здесь

единственным законным владыкой! Некогда папы испрашивали разрешения императоров на назначение римских префектов. Больше этого не будет. Я император Рима! Город принадлежит мне, и я решил защищать мое право против всех, кто вздумает вмешиваться в дела моего государства! Евангелие предписывает отдать кесарю кесарево и богу божье, но мир принадлежит богу и его наместникам, значит, кесарь имеет право лишь на то, что папе угодно! Короли и императоры являются нашими подданными».

И это говорил наместник Христа, провозглашавшего: «Царство мое не от мира сего»!

Месть сынов Игнатия Лойолы

После англо-испанской войны отношения между Сикстом V и Филиппом II окончательно испортились. Королевства неаполитанского папа не получил и продолжал интриговать против испанского короля, подстрекая теперь Елизавету напасть на Филиппа II и разделаться с ним.

Елизавета послушалась советов Сикста и попыталась захватить Португалию. Попытка окончилась неудачей, и святой отец был чрезвычайно раздражен. Он сообщил ей, что «она вела себя в Португалии как женщина, а не как королева» и что «Филипп II победит, если она будет так же мешкать во Франции».

Убедившись, что Лига находится при последнем издыхании, а иезуиты продались Испании, Сикст V стал открыто поддерживать Генриха IV, осаждавшего Париж.

Когда во французской столице начался голод, черные мужи, чтобы поднять боевой дух населения, организовали пышную процессию.

Автор одной хроники рассказывает: «Папский легат и епископ Санлис присутствовали на этой церемонии, возглавляя процессию с крестом в правой руке и алебардой в левой. За ними следовали тысяча двести монахов, одетых в кирасы поверх сутаны и с касками поверх капюшона. Шестьсот иезуитов и двести священников, вооруженных старыми мушкетами, пиками и саблями, составляли центр кортежа. Но больше всего привлекал к себе внимание хромой монах, шар-

латан, именуемый отцом Бернардом. Время от времени перебегая с необычайной легкостью то на ногах, то на руках от головы процессии к ее хвосту, он делал короткие остановки, схватывал огромную саблю и с ловкостью настоящего фокусника глотал ее».

Эта затея вызвала бурный гнев папы против организаторов празднества, и он решил принять суровые меры. Сикст приказал генералу ордена запретить членам своего общества пребывание при дворах принцев и князей в роли духовников. Он потребовал также отозвать всех иезуитов — миссионеров в Шотландии, Нидерландах, Ирландии и Англии — как организаторов всех смут и беспорядков. Наконец, святой отец объявил, что считать орден иезуитов монашеским — кощунство и что в дальнейшем ученики Игнатия Лойолы должны называться не иезуитами — по имени Иисуса, а игнатианами. Кроме того, папа сказал, что терпение его истощилось и что преступления, предательства и ненасытное честолюбие членов этого общества побуждают его думать о радикальной реформе и о полном искоренении зла.

На следующий день после этого выступления на цоколе одной из статуй в Риме приклеили объявление: «Папа Сикст устал жить».

И в самом деле, через несколько дней его святейшество умер от яда.

Как мы видим, Сикст совершил большую ошибку — он выступил против тех, кто был сильнее его.

По утверждению многих историков, Сикста отравил какой-то аптекарь по наущению испанского короля. Аптекарь будто бы подмешал яд в пилюли папы. Существует также версия, что виновники убийства — игнатиане.

Сам святой отец, по-видимому, допускал обе возможности. Умирая, он признался своему племяннику Монтальто: «Богу не угодно было, чтобы Королевство неаполитанское присоединилось к церкви, ибо король Филипп разгадал наши планы, а иезуиты меня покарали».

Сикст V был так ненавистен римскому населению, что в день его смерти в вечном городе вспыхнуло восстание: граждане взялись за оружие, разбили вдребезги все статуи его святейшества и осадили папский дворец, чтобы захватить останки Сикста и бросить их в Тибр.

Лети так оценивает Сикста V: «В роли верховного владыки он неизменно прибегал к лжи и обману, интригам и предательству и не останавливался перед преступлением для

осуществления своих целей. Но, выполняя свои священные обязанности, он оставался неизменно святым среди святых, правоверным среди правоверных...»

Мы позволим себе еще добавить: и непревзойденной канальей!

Урбан VII

■ Многочисленные враги Сикста V радостно отпраздновали его кончину. Больше всех ликовали иезуиты.

Говорят, что один из последователей Игнатия Лойолы произнес с кафедры весьма необычное надгробное слово:

«Господь освободил нас, братья, от гнусного папы. Если бы он прожил дольше, мы были бы вынуждены отлучить его от церкви, ибо он был прелюбодей, колдун, мужеложец и еретик. Господь сам уничтожил сатану, увенчанного тиарой».

Сразу же после погребения «сатаны» почтенные кардиналы собрались для избрания нового папы.

Как обычно, начались козни, и уже на седьмой день несколько человек отказались от своих кандидатур в пользу кардинала Кастанья, который получил две трети голосов и стал главой христиан под именем Урбана VII.

Джованни Баттиста Кастанья родился в Риме в 1521 году. «Достигнув зрелого возраста,— говорит Лашатр,— он ревностно штудировал гражданское право и церковный устав, что было в ту эпоху более полезным, чем изучать священное писание».

При Григории XIII он выполнил важное поручение в Кельне, наблюдая за переговорами между Филиппом II и Объединенными провинциями. За проявленную при выполнении этой миссии ловкость он получил крупное вознаграждение и кардинальскую шапку.

Сикст V также осыпал Кастанья милостями, обращался к нему при решении важных государственных вопросов. Говоря о нем, его святейшество неизменно повторял, что надеется с его помощью обуздать иезуитов и просит у господа только одной милости — пусть Кастанья будет его преемником.

Пожелание Сикста V, как видим, сбылось.

Население Рима с радостью приняло весть об избрании нового папы, сумевшего своей честностью и справедливостью — добродетелями, столь редкими среди клириков, — снискать симпатию народа.

На святом престоле — честный человек!

■ Урбан VII не утратил своих достоинств и после восшествия на папский престол. В день коронования он уплатил собственными деньгами все долги, приказал раздать хлеб и мясо беднякам Рима и его предместий. Кроме того, святой отец взял на себя заботу об инвалидах. Наконец, он опубликовал невероятный указ, обязывающий хлебопеков «улучшить качество хлеба, уменьшить цену, чтобы народ получал полноценный продукт и его не обманывали при покупке».

Враг непотизма, Урбан VII ответил кардиналам, убеждавшим его пожаловать своим родственникам высшие чины римского двора: «Я не хочу быть связанным родственными узами, ибо, если они окажутся предателями, я буду вынужден их покарать».

Честный первосвященник не побоялся открыто порицать воинственную и вероломную политику Сикста V. Представителям властей он заявил, что «в его правление народы должны узреть мир, королям надлежит трудиться над воссоединением христиан и бороться за мир не путем террора, а убеждением, проявляя терпимость».

Решительно, Урбан VII был слишком честен для папы! Непонятно, какими соображениями руководствовалась коллегия кардиналов, избрав его главой римской церкви. Пути конклава неисповедимы!

С добрыми отцами шутки плохи!

■ Его святейшество сразу приступил к реализации своих миролюбивых планов и назначил комиссию для преобразования религиозных орденов, а главным образом чтобы обуздать слишком могущественное общество Иисуса. Не означало ли

это борьбы с превосходящими силами противника? Очень скоро Урбан VII получил, как и его предшественник, исчерпывающее доказательство этого.

26 сентября 1590 года, через двенадцать дней после своего восшествия на апостольский трон, он скончался, отравленный добрыми отцами.

Черные мужи не уповают на перст божий, когда хотят избавиться от своих врагов,— они предпочитают действовать сами, отлично зная, что их средства гораздо оперативнее и, главное, вернее.

Григорий XIV

Тотчас после похорон смелого и милосердного Урбана VII пятьдесят два кардинала собрались, чтобы избрать его преемника. По инициативе Монтальто они провозгласили папой кардинала Николая под именем Григория XIV.

Новый папа преподнес каждому из выбравших его кардиналов тысячу экю. Он, без сомнения, отлично знал старую поговорку: «Маленькие дары поддерживают большую дружбу».

Летописцы говорят, что это был человек, не способный повелевать, ленивый, себялюбивый, не обладавший познаниями, необходимыми даже простому епископу,— павлин по своему тщеславию, гусыня — по своей глупости.

Опасаясь яда иезуитов, Григорий XIV после восшествия на престол объявил себя сторонником сынов Лойолы и установил добрые отношения с Испанией и руководителями католической лиги.

«Он сделал еще больше,— говорит Мезерей,— отдал сокровища, оставленные Сикстом V в Ватикане, для снаряжения четырнадцатитысячной армии, посланной на помощь священной Лиге. Командование он поручил своему племяннику. Затем он опубликовал послание, предписывавшее всем духовным лицам, сеньорам, магистратам под страхом отлучения от церкви в течение 15 дней покинуть земли герцога Бурбона. Он провозгласил новые буллы, в которых предавал короля-раскольника анафеме, лишив его всех поместий и королевской власти».

Беда за бедой

■ Угрозы «его глупейшества» Григория XIV не произвели должного эффекта. Парламент постановил сжечь буллы и арестовать привезшего их нунция. Высшее французское духовенство заявило, что эти буллы «противны канону, соборному уставу, духу евангельской доктрины, ибо противозаконны по существу и по форме».

В результате Генрих IV стал еще сильнее прежнего и в ответ на нелепейшие буллы Григория упразднил все прежние указы против протестантов.

Неудача не остановила папу: он начал активно переписываться с испанским королем, намереваясь передать ему французскую корону. Увы, бедному Григорию не удалось дожить до такого счастья: 16 октября 1591 года он навсегда расстался с подушками апостольского трона.

Иннокентий IX

■ Новый папа принял имя Иннокентия IX.

Испанцы были твердо уверены в поддержке нового наместника Христа: они немало интриговали и недешево заплатили за его избрание. Но они жестоко ошиблись. Как и его предшественник, Иннокентий полагал, что первейшая обязанность папы — использовать свою власть на благо человечества. Он облегчил тяжесть податей, которыми жестокий Сикст V обложил Рим, уменьшил численность войск, сократил большую часть придворных, благодаря чему сумел помочь неимущему населению вечного города, не прибегая к апостольской казне. В довершение он объявил о своем намерении начать политику умиротворения в Европе, устранить причины несогласий и разрешить иезуитам обращать еретиков только путем убеждения и примером добродетели.

Эта декларация предрешила его участь. Испания ясно поняла, что ей нечего надеяться на папу, преисполненного миролюбия, поэтому гибель его была предрешена. 30 сентябрь

1591 года, два месяца спустя после его избрания, те, кто возвел Иннокентия IX в высший сан, отравили его ядом — излюбленным средством добрых католиков.

Климент VIII

Через девять дней по окончании погребальных церемоний по несчастному Иннокентию IX на конклаве собрались пятьдесят два кардинала. Несмотря на ловкие маневры испанского посла в пользу своего протеже, папой избрали кардинала Ипполита Альдобрандини под именем Климента VIII.

Новому папе к этому времени было пятьдесят шесть лет. По свидетельству итальянского летописца, Климентий VIII был «более наглым, чем Бонифаций VIII и Иоанн XXIII, более высокомерным и честолюбивым, чем Григорий VII и Сикст V, более вероломным, чем Александр VI».

Он начал свое правление с решительных мер. Парижскому архиепископу, который собирался везти в Рим мирные предложения Генриха IV, он сообщил, что не желает слышать ни о каких переговорах с королем-еретиком, запретив архиепископу покидать Париж под страхом лишения сана и папского благословения.

Климент начал энергичную борьбу против Генриха IV и издал буллу, в которой обязывал всех французских католиков «избрать себе повелителя, соответствующего их верованиям».

Обращение нечестивого Генриха

Испанцы, с нетерпением ожидавшие чудодейственных результатов собора, созванного Климентом VIII, были весьма разочарованы. Появилась знаменитая «Мениппова сатира». Эта сатира способствовала поражению Католической лиги и ее иностранных сообщников. Кроме того, решительный удар Лиге нанесло отречение короля от протестантизма. Генрих IV, который считал, что «Париж стоит мессы», совершил

«смертельный прыжок» (как он писал своей возлюбленной) и 25 июля 1593 года в старинной церкви аббатства Сен-Дени торжественно отрекся от протестантизма и тем самым освободил себя от анафемы, наложенной на него святым престолом.

Апостольский нунций, верный слуга испанского правительства, изо всех сил протестовал против того, что он называл «ложным обращением», и утверждал, что «еретический раскольник мог быть обращен только самим папой». Генрих IV тотчас же снарядил посла к папе с просьбой снять отлучение с его королевской особы. Но глава церкви наотрез отказался и заявил даже, что намерен отрешить Генриха от французского престола.

Требование цареубийства

■ Климент VIII действовал энергично. «Генерал» черной армии отправил своим солдатам, находившимся в Париже, тайный приказ как можно скорее найти убийцу, чтобы навсегда разделаться с эксгугенотом Генрихом IV. Добрые отцы, рассказывает один историк, принялись искать как в столице, так и в провинциях фанатика, готового пожертвовать жизнью ради религии. Их усилия увенчались успехом, и несчастный безумец Барьер, потерявший рассудок, после того как его покинула любовница, предложил иезуитам убить короля. Покинув Париж, чтобы проникнуть к королю, убийца, снабженный отравленным кинжалом, был, однако, арестован. Его тотчас же подвергли допросу, признали виновным в покушении на жизнь монарха и приговорили к смертной казни, немедленно приведенной в исполнение.

К сожалению, было уничтожено лишь орудие преступления, а не его вдохновители, которые всегда держались в тени.

Генрих IV не преминул ловко воспользоваться этим покушением. Склонив на свою сторону правителей основных городов и провинций, он 22 марта 1594 года торжественно въехал в Париж,

■ Находившиеся под влиянием святого престола религиозные ордена, и в особенности дражайшие сыны Лойолы, не захотели следовать примеру местных властей, подчинившихся королю, и отказались допустить Генриха IV к участию в публичных молитвах. Они так резко оскорбляли его в своих проповедях, что король решил возобновить давний спор между обществом Иисуса и университетом.

Готовясь к борьбе, университетские мужи и иезуиты обрушивались друг на друга с памфлетами. Первые именовали воронов Лойлы «отравителями, виновниками беспорядков, подстрекателями к убийству». «Черные мужи» подняли против университета целую армию святош и фанатиков. Когда обе партии предстали перед парижским парламентом, известный теолог Антуан Арно, которому была поручена защита университета, произнес знаменитую речь, в которой красноречиво охарактеризовал гнусных сынов Лойолы: «Настало время народам узнать, что представляют собой иезуиты, пора осудить кровавых коршунов, которые, кружась над нашими головами, стремятся сожрать нас. Эти мерзкие заговорщики собираются повторить во Франции подвиги, совершенные ими в Америке, где двадцать миллионов мужчин, женщин и детей были осквернены, сожжены или удавлены во славу истинной религии. Пусть все знают, что любовь иезуитов к золоту так же ненасытна, как их жажда крови: они уничтожили население целых островов, дабы утолить свою алчность, принуждая мужчин погребать себя заживо в шахтах, а женщин обрабатывать землю, покрасневшую от крови их детей. Они изобрели новые, массовые пытки, которым подвергали четыре тысячи человек одновременно, раздевая их донага, приковав друг к другу железными цепями. В течение нескольких месяцев они избивали их трижды в день, требуя, чтобы несчастные открыли, где находятся спрятанные сокровища. А так как жертвам нечего было сообщить, их до смерти избивали палками. Чтобы спастись от варваров-иезуитов, несчастные индейцы убегают в горы, где от отчаяния вешаются в лесу на деревьях вместе с женами и детьми.

Последователи Игнатия Лойолы охотятся на беглецов, как на кабанов или оленей, бросая их на съедение псам.

Оставшихся в живых заставляют собирать мед и воск в лесах, где несчастных душат змеи и пожирают тигры.

Жадность иезуитов и презрение к роду человеческому таковы, что, перевозя рабов с одного острова на другой, они не заботятся о величине кораблей и при малейшем волнении людей бросают в открытое море. Не нужен ни компас, ни морская карта для плавания между островами — достаточно ориентироваться по остаткам трупов индейцев, плавающих в море...»

Смелый защитник университета требовал осудить всех иезуитов и немедленно изгнать их из Французского королевства.

Сначала «черные мужи» растерялись, но вскоре приободрились: Климент VIII, еще не давший Генриху IV отпущения, которого тот столь страстно добивался, без труда добился согласия короля на то, чтобы дебаты и процесс были отложены.

Жан Шатель повинуется добрым отцам

■ Иезуиты, предвидевшие, что борьба возобновится, как только с французского короля будет снято отлучение, решили опередить соперника и вооружили против него нового фанатика — Жана Шателя, попытавшегося 27 декабря 1594 года убить Генриха IV.

Молодой человек девятнадцати лет, сообщает Лашатр, проходивший курс в одном из иезуитских коллежей, проник в Лувр, когда Генрих IV принимал своих придворных. В то время как король, отвечая на приветствия придворных, склонился к двум членам Лиги, убийца нанес ему удар ножом, поранив верхнюю губу и выбив зуб. Его величество хотел было, ввиду его юного возраста, отпустить убийцу, но, когда узнал, что Шатель — ученик иезуитского коллежа, приказал арестовать его и учинить следствие.

На вопрос судьи, почему он хотел убить короля, Шатель ответил: «Я слышал во многих местах, что убийство короля, которого не одобряет папа, — праведное дело».

Допрос выяснил, что вдохновителями Шателя были иезуиты, повсюду утверждавшие в течение нескольких лет, что сам папа считает убийство христианским подвигом.

Молодой безумец был подвергнут пытке, которую перенес, как говорят, с большим мужеством, утверждая до самого конца, что действовал исключительно по собственному побуждению.

Через два дня после покушения он был приговорен к смерти и казнен. Палач отсек его правую руку, а затем он был четвертован и его останки преданы огню и развеяны по ветру.

Провал черной банды

■ Преступные действия решили судьбу общества Иисуса, и вороны Игнатия были высланы из Франции. Парламент вынес по этому поводу следующее постановление:

«Мы повелеваем, чтобы священники и ученики общества иезуитов, возмутители спокойствия, враги государства и растлители юношества, убрались из королевства в течение пятнадцати дней, под страхом обвинения в оскорблении величества, с конфискацией имущества в пользу короля».

Справедливый приговор вызвал живой отклик во всей Европе, и главным образом в Риме. «Чрезвычайные меры», как легко понять, возмутили первосвященника. Собрав кардиналов, он объявил им, что иезуиты оказали много услуг церкви, они достойны одобрения, ибо вооружали убийц против королей, и воздал хвалу добрым мужам, пожертвовавшим своей жизнью для защиты и во имя торжества святого дела.

Трусливое обращение

■ Убедившись, что французы признали Генриха IV, несмотря на его отлучение от церкви, Климент VIII забеспокоился, как бы они сами не занялись организацией церковного управления, и, чтобы предотвратить столь опасный для папства удар, он уведомил Генриха IV, что готов «выслушать просьбы и удовлетворить благочестивые пожелания его величества».

Французский король поручил своим представителям об-

судить с папой условия примирения со святым престолом. Но именно в это время войска Филиппа II Испанского добились некоторого успеха в битвах с французами, и хитрый Климент VIII воспользовался этим, согласившись пожаловать беарнцу отпущение только на следующих условиях:

1. Посланцы от имени короля торжественно отрекутся от ереси и подвергнутся унизительным церемониям, установленным церковью для подобных случаев.

2. Король Франции восстановит католицизм в Беарне, возьмет под свое покровительство всех священников-ортодоксов и до тех пор, пока не обеспечит их хорошими приходами, будет платить им жалованье из собственных средств.

3. Должностями и церковным саном будут обладать только те священнослужители, которые преданы римскому двору.

4. Его величество обнародует постановления Тридентского собора, которые его предшественники расценивали как посягающие на права нации и свободы.

5. В течение девяти месяцев король будет соблюдать строгий пост, каждое утро и каждый вечер читать «Отче наш», ежедневно слушать мессу, исповедоваться не реже четырех раз в год и принимать святое причастие. Кроме того, он построит большое число монастырей, будет их богато содержать и призовет иезуитов обратно во Францию.

И экс-гугенот Генрих IV согласился с этими позорными условиями.

Один писатель оставил нам любопытные подробности церемонии: «Посреди паперти собора святого Петра был воздвигнут широкий помост, и 17 сентября 1595 года в сопровождении всех своих кардиналов, архиепископов, высших чинов духовенства папа вышел из Ватикана и взошел на роскошный трон, покрытый богатыми покрывалами, сияющий драгоценными каменьями.

Посланцы Бурбона приблизились к трону с непокрытыми головами и смиренно облобызали ноги папы; затем, не поднимаясь, они во всеуслышание отреклись от кальвинизма. Климент прочел им условия, согласно которым Генрих IV может получить отпущение. После того как они на евангелии поклялись, что король подчинится воле римского двора, папа подал им знак пасть ниц и, вооружившись посохом, трекратно ударил каждого, потом, плюнув на них, наступил им на шею, и хор церковнослужителей затянул «Мизерере».

По окончании унизительной церемонии посланцы Ген-

риха поднялись, и святой отец громко произнес формулу отпущения: «Именем всемогущего господа и блаженных апостолов святого Петра и святого Павла и мною, поставленным над всеми земными властями, я даю отпущение Генриху Бурбону, королю Франции!» Двери собора тотчас же раскрылись, и Климент VIII добавил, повернувшись к посланцам: «Теперь, когда я открыл вашему государю двери церкви, пусть помнит, что я могу закрыть их вновь». Раздался выстрел из пушки, звуки труб слились с грохотом артиллерии и поведали миру, что король Франции лежал в пыли у ног папы, лизал его сандалии и был осквернен его слюной».

Цезарь, побежденный Климентом

■ После этого его святейшество обратил свой взор на Италию. Он обрушился с анафемой на Цезаря д'Эсте, герцога Феррарского — любимца знати и народа, ненавидевшего последователей Игнатия Лойолы.

Войска воинственного наместника Христова ворвались во владения герцога д'Эсте, и тому пришлось капитулировать.

«Тогда,— сообщает Морис Лашатр,— Климент завладел Феррарой, построил там неприступную крепость, где спрятал более двух миллионов золотых, отнятых у жителей герцогства. Он заставил горожан на свои средства поставить ему бронзовый монумент, после чего издал ряд декретов, имевших целью увеличить его доходы. Подражая своему предшественнику, он занялся исправлением священного писания, издал перевод библии, содержавший две тысячи ошибок и объявленный им единственно каноническим. Там заранее подвергались анафеме все, кто когда-либо посмеет вносить новые исправления в это издание».

Затем грозный святой отец, точно в припадке белой горячки, разразился новой буллой, «запретившей итальянцам, независимо от их сословия или звания, проживать в странах, где нет католических священников, а также там, где запрещено католическое богослужение». Кроме того, любезный папа запретил жениться на женщинах-еретичках, лечиться у врачей-протестантов, а врачам-католикам не разрешил лечить больных — сторонников реформации, ибо «истинным христи-

анам лучше перейти в небытие, чем сохранить земную жизнь при содействии еретика, а о больном протестанте следует заботиться не более, чем о шелудивой собаке».

Как ясно обнаруживается здесь великое христианское милосердие!

И все же, несмотря на все старания папы, церковные дела шли далеко не блестяще, особенно во Франции.

Вопреки энергичным протестам папского легата, новообращенный Генрих IV издал в пользу протестантов знаменитый Нантский эдикт.

Поражение и конец католического тирана

Возвратив этим эдиктом свободу умам, король направил свои усилия против испанской армии и банд савойского герцога, связанного с Филиппом II. Враги Франции были побеждены. Испанский король был вынужден заключить мир с Генрихом IV. Папа согласился выполнить роль посредника при условии, что после заключения мирного договора Филипп употребит все свое влияние для создания лиги против турок, уже вторгшихся в Венгрию и угрожавших Италии.

2 мая 1598 года между воюющими сторонами был подписан весьма выгодный для Франции договор. Кровавый Филипп II навсегда похоронил столь дорогой его сердцу замысел — увенчать свою главу французской короной. Тщеславный государь оказался не более удачливым и в Нидерландах, ибо жители, которых зверства добрых католиков довели до отчаяния, прогнали наконец со своей территории испанскую армию и образовали независимые штаты — Объединенные провинции.

В конце концов после бесплодных попыток вернуть Нидерланды чудовищный паук, именовавшийся Филиппом II, умер от приступа подагры.

До самого смертного часа испанский король строил кровавые планы, которым, к счастью, не довелось осуществиться. Рассказывают, что он сказал врачам, колебавшимся, пустить ли ему кровь: «Уж не думаете ли вы, что король, проливший реки крови, боится потерять несколько капель. Верните мне здоровье, и я завершу свое дело — уничтожу всех еретиков до последнего».

■ 1599 год был как нельзя более доходным для верховного владыки, ибо на рубеже XVI столетия состоялся очередной юбилей. Свыше трех миллионов богомольных простаков и прочих любопытных наводнили вечный город. Доходы Ватикана были грандиозны. Золото и серебро целыми тоннами стекалось в обширные подвалы папского дворца. В Ватикане не хватало места для хранения даров, и папа обратился к генералу иезуитов с просьбой предоставить в его распоряжение подвалы вверенного ему коллежа. Глава «черного общества» не только уступил помещение, но еще отрядил немало иезуитов для распространения индульгенций, разрешительных грамот и других товаров великого католического базара.

Генерал рассчитывал, что его рвение будет вознаграждено и заставит первосвященника поддержать иезуитов в их споре между учениками Лойолы с доминиканцами по поводу догматов.

Климент VIII, действительно, вмешался в эту распрю, но не пожелал открыто высказаться в пользу какой-либо стороны. Разгневанные отцы подняли против папы все коллежи своего ордена, стали выражать сомнение в законности его избрания, осмеливаясь даже утверждать, «что в вопросах веры вовсе не обязательно считаться с мнением папы».

В ярости Климент чуть было не распустил общество иезуитов, если бы не энергичное вмешательство испанского короля. «Впрочем,— добавляет летописец,— услуги, оказанные папе иезуитами в Англии, и их усердие во Франции склонили папу в пользу этого ордена».

Изгнанные из Великобритании, английские иезуиты не побоялись вернуться туда после смерти королевы Елизаветы и вновь начали плести свои интриги. В свою очередь, французские иезуиты сумели привлечь на свою сторону немало влиятельных сеньоров, в том числе королеву Марию Медичи.

Они распространяли в Париже пасквили на короля и парламент и приступили к организации заговора против Генриха IV.

Их открытые выступления напугали короля, и он решил призвать иезуитов обратно. Но прежде чем пойти на такой шаг, столь оскорбительный для его достоинства, он собрал

своих приближенных и, учитывая их неприязнь к иезуитам, сказал им следующее: «Господа, мы стоим перед дилеммой — либо вернуть в наше королевство иезуитов, сняв с них проклятие и позор, которых они вполне заслуживают, либо преследовать их со всей жестокостью, запретив им приближаться к нашим владениям. Подобное решение чревато опасными последствиями. Нам придется всегда быть начеку, носить латы даже в собственных апартаментах, не принимать пищи без предварительной проверки врачей, дрожать при приближении вернейших наших подданных, ибо эти люди повсюду имеют агентов и умеют ловко повернуть настроение умов, как им нужно. Страх перед иезуитами превратит нашу жизнь в ад».

Понимая, что спорить с королем бессмысленно, сеньоры и министр Сюлли ответили, что они целиком полагаются на его благоразумие.

Генрих тут же подписал указ, разрешавший ордену Иисуса вернуться во Францию. Но члены парламента, гораздо менее покладистые, чем придворные короля, отказались утвердить распоряжение, пока иезуиты не заменят наименование ордена и не изменят его устава.

Уверенные в том, что они смогут вернуться во Францию без выполнения каких-либо условий, черные мужи наотрез отказались считаться с требованиями парламента. В конечном итоге мерзавцы восторжествовали, ибо Генрих IV передал членам парламента приказ «просто и без проволочек» утвердить возвращение иезуитов.

Всем известно, как последователи Лойолы вознаградили короля: несколько лет спустя после их возвращения, 14 мая 1610 года, Генрих IV пал от кинжала фанатика Франсуа Равальяка.

Кончина святого отца

■ Иезуиты обещали папе помочь подчинить Францию его власти. Но, почувствовав себя хозяевами в королевстве, они, как водится, забыли о своих обещаниях и возобновили распри с доминиканцами. Они уведомили Климента, что останутся покорными ему, если он встанет на их защиту и канонизирует Игнатия Лойолу.

Его святейшество заупрямился и не только не посчитался с их требованиями, но открыто стал на сторону последователей Доминика и даже канонизировал покойного Шарля Барроме, одного из руководителей доминиканского ордена, гнусного судью святейшей инквизиции.

Что касается нас, мы считаем, что Лойола и Барроме стоят друг друга, и не возражаем против канонизации обоих мерзавцев.

Иезуиты, сообщает историк, не захотели мириться с подобным оскорблением и обрушились на советника папы кардинала Альдобрандини. Один из них решил отравить его и пытался несколько раз проникнуть к нему на кухню. Настойчивость иезуита возбудила подозрения. Двое сбиров схватили его, но иезуит был крепким малым, ему удалось отбиться и спрятаться во дворце кардинала Фарнезе, покровителя учеников Игнатия.

Римский префект отправился во дворец Фарнезе и потребовал выдачи иезуита. Однако кардинал оказал вооруженное сопротивление и заставил префекта повернуть обратно. Сопротивление длилось несколько дней.

Когда его святейшество решил двинуть на помощь свои войска, Фарнезе и его сторонники с черного хода выбрались из дворца и укрылись в его превосходном замке недалеко от Рима.

Разгневанный святой отец пригрозил роспуском ордена и известил кардинала Фарнезе, что «лишает его права управлять имением своих предков, так как он недостоин их».

Но кардинал вовсе не собирался считаться с подобным решением и продолжал сидеть в своем замке. Тогда его брат бросился к ногам Климента VIII с просьбой помиловать Фарнезе. Климент притворился, будто согласен простить бунтовщика, и позволил ему вернуться в вечный город. Фарнезе имел неосторожность воспользоваться этим разрешением; не успел он вступить в Рим, как его схватили и под надежной охраной препроводили в замок Святого ангела.

Видимо, Фарнезе был предельно наивен, если поверил честному, а вернее, бесчестному слову папы!

Однако сыны Лойолы вскоре отомстили за своего храброго покровителя и отравили папу.

Так кончил свои дни вероломный и преступный Климент VIII, последний папа XVI века.

Лев XI

■ По окончании похорон Климента VIII состоялось заседание конклава.

Благодаря поддержке подкупленных кардиналов папой стал Лев XI.

Избрание это весьма обрадовало Францию и глубоко огорчило двор Филиппа III.

На какое-то время, пишет летописец, народы поверили, что наступит владычество доброго папы. Лев XI начал с того, что выгнал большую часть придворных из Ватикана; объявил, что собирается осуществить целый ряд реформ в управлении церковью и уничтожить оба ненавистных ордена — доминиканцев и иезуитов; он упразднил часть налогов, которыми его предшественники облагали провинции. Все предвещало наступление эры процветания и терпимости. Но убийцы Сикста V и Климента VIII зорко следили за первосвященником.

И в самом деле, с такими гуманными идеями Льву XI не суждено было долго оставаться на папском троне. Иезуиты не могли терпеть папу, позволившего угнетать их. Они угостили его одним из самых быстродействующих ядов, и 27 апреля 1605 года Лев скончался, процарствовав всего двадцать шесть дней.

Вот как вознаграждалась добродетель!

Павел V

■ После похорон Льва XI кардиналы вновь разыграли комедию выборов. На этот раз члены конклава разделились на четыре лагеря.

Кардинал Бароний, забаллотированный на предыдущих выборах, вновь выдвинул свою кандидатуру. Благодаря усиленным хлопотам он завербовал немало сторонников и надеялся уже торжествовать победу над своими конкурентами. Однако в последний момент полтора десятка его

сторонников перешли в лагерь богатейшего кардинала Тоско, получившего сорок четыре голоса из пятидесяти девяти.

«Уже собирались перейти к церемонии поклонения,— рассказывает историк,— когда Бароний, разгневанный тем, что тиара ускользнула от него, заревел охрипшим голосом: «Вы собираетесь избрать своим главой подлеца, который не произносит ни одной фразы, не сопроводив ее омерзительным ругательством? Вы хотите избрать первосвященником безнравственного человека и навлечь на римский престол гнев народов Испании, Италии и Франции, еще более усилив то отвращение, которое мы и так внушаем народам?» Его выходка вызвала крайнее смятение среди членов конклава и помешала избранию Тоско. Но она не вернула Баронию потерянных голосов. Наутро папой был провозглашен кардинал Камилло Боргезе, принявший имя Павла V».

Новый первосвященник родился в Риме. Сначала он был адвокатом, а затем избрал духовное поприще, на котором последовательно занимал посты вице-легата, члена судилища, папского викария и великого инквизитора. Наконец, при Клименте VIII он купил титул кардинала.

Его святейшество пристраивает родственников

■ До того как он оказался на вершине власти, Павел V всегда держался в стороне от политики, и всем казалось, что он до конца своих дней будет наслаждаться прелестями мирной жизни. Поэтому, как только он стал папой, руководители различных групп предложили ему свои услуги, полагая, что будут править вместо него. Незадачливые политики вскоре разочаровались, ибо его святейшество весьма недвусмысленно заявил, что не намерен выпускать бразды правления из своих рук. И он на деле продемонстрировал, что не изменит своего решения. Одного из племянников он возвел в сан кардинала, братьям предоставил самые высокие должности, поручив им также управление Ватиканом и замком Святого ангела, остальных родственников он осыпал щедрыми милостями и поселил близ своей высокой персоны.

Что ж, по-видимому, этот папа был горячо привязан к своей семье. Во всяком случае, он хорошо пристроил своих

родственников, прежде чем заняться делами святого престола.

Восстанавливая прежние традиции римской церкви, он возродил старую идею полного подчинения итальянских земель. Сначала святой отец вмешался в дела Неаполитанского королевства, затем с присущей ему папской дерзостью запретил республикам Лукке, Генуе и Венеции, а также всем итальянским княжествам заключать без его согласия какие-либо договоры между собой и с иностранными государями. Заранее предупреждая протесты герцогов, он разразился буллой, грозившей отлучением от церкви за установление каких-либо взаимоотношений с иностранцами.

Поистине, несчастным правителям оставалось только держаться!

Павел V и Венецианская республика

■ Видимо опасаясь гнева грозного папы, итальянские владыки подчинились неслыханным требованиям. Генуя даже отменила свои указы против черных мужей, разрешив им занимать как гражданские, так и военные должности.

Иначе обстояло дело с венецианцами. Только они не пожелали подчиниться сумасбродным требованиям Павла V. И началась борьба.

«Совет десяти,— рассказывает один историк,— приговорил к смерти монаха-августинца, виновного в посягательстве на непорочность и в насилии над десятилетней девочкой, которую он потом задушил. Одновременно проходил процесс каноника, обвиненного в том, что он изнасиловал свою родственницу, вторгшись ночью вместе с замаскированными людьми к ней в дом. Более того, венецианский дож осмелился своею властью заточить в тюрьму аббата, отравившего отца, брата и нескольких слуг и находившегося в кровосмесительной связи со своей сестрой (кроме того, почтенный аббат занимался грабежом на большой дороге и убил нескольких оскверненных им юношей).

Его святейшество заявил, что в силу их духовного звания преступники находятся под защитой закона и республика нарушила неприкосновенность духовных лиц, предав их светскому суду. Дожу было приказано под страхом отлучения от

церкви немедленно передать богобоязненного августинца, каноника и аббата в руки апостольского нунция. Воспользовавшись этим случаем, Павел V потребовал отмены закона, запрещавшего священникам приобретать недвижимое имущество без санкции сената, а также продавать земли и дома, полученные в наследство от родственников.

Однако сенат отнюдь не испугался угроз и ответил, что в отношении прежних институтов и привилегий, предоставленных предшествующими первосвященниками, республике было дозволено издавать указы, касающиеся гражданских взаимоотношений духовных лиц с государством, и что святой престол не вправе ни отменять свои законы, ни подчинять преступников своей юрисдикции». Тогда Павел V заявил: «Все права, данные венецианцам его предшественниками, аннулируются».

Убедившись, что его угрозы не производят впечатления на отважную республику, первосвященник использовал и другие средства, стремясь подорвать промышленность и торговлю своих врагов. В конце концов он отлучил от церкви дожа и сенат и наложил интердикт как на город Венецию, так и на его владения на суше и островах в Адриатике.

Но республика пренебрегла папой и достойно ответила римскому двору, издав декрет, в котором говорилось: «Духовным лицам под страхом самого сурового наказания запрещается распространять буллу святого отца и где-либо в церквах прекращать богослужение». Венецианское духовенство единодушно повиновалось указу, и только последователи Лойолы заявили, «что их совесть не позволяет ослушаться приказаний папы и они просят выпустить их за пределы республики».

Разумеется, просьба была удовлетворена. Одновременно сенатор Кирино и писатель Паоло Сарпи повсюду распространяли сочинения, в которых осуждали светскую власть пап и призывали судить римский престол великим трибуналом наций.

Опасаясь последствий, папа поручил своим кардиналам ответить противникам.

Но ловкие кардиналы, уклонившись от спора, ограничились принципиальным положением о том, «что деспотизм исходит от бога и что человечество должно без возражений подчиняться тем, кто облечен высшей властью». Громогласно объявив о «превосходстве духа над материей», они сделали отсюда следующие выводы:

«Дух направляет и укрощает тело, поэтому светской власти недозволено возвыситься над духовной, так же как распоряжаться ею или подавлять ее, что было бы равносильно мятежу и языческой тирании. Священнику надлежит судить императора, а не императору священника, ибо абсурдно утверждать, что овца направляет пастуха».

Кирино и Паоло Сарпи заявили, в свою очередь, «что всякая власть от бога», а затем, основываясь на доктринах королевской власти во Франции, заключили: «Королевская власть имеет тот же источник, что и папская, и папа не имеет права вмешиваться в государственные дела».

«Папа,— добавляли они,— также имеет над народами высшую власть, но эта власть чисто духовная, как и та, которую установил сам Христос. Сын божий никогда в течение всей своей жизни не вершил земного суда и не мог завещать ни святому Петру, ни своим преемникам права, которого сам никогда не добивался».

Но честолюбивый Павел придерживался иного мнения и утверждал, вопреки заветам Иисуса, что его собственное владычество распространяется на все дела земные.

Убедившись, что врагов невозможно заставить замолчать, он перешел к военным действиям, надеясь, что оружие принесет ему больше удачи, чем перо, и угрожал уничтожить Венецианскую республику.

Какой бойкий вояка, этот святой отец!

«Но,— продолжает Лашатр,— его воинственного пыла хватило ненадолго,— то ли он боялся разгрома своей армии, что существенно подорвало бы его власть в Италии, то ли недоставало средств на содержание войска, то ли он подозревал Филиппа III и Генриха IV в том, что они заключили тайное соглашение против него. В конце концов он внял советам французских послов и принял их посредничество для урегулирования конфликта с Венецианской республикой».

Его святейшество потребовал было возвратить иезуитов, но дож Людовико Донато заявил, что предпочтет скорее продолжать войну, чем терпеть на территории республики хотя бы одного из последователей Игнатия Лойолы, которых он именовал пособниками сатаны.

Мир был заключен, и иезуиты остались в изгнании.

Рим не одолел Венеции!

■ Доблестные отцы, потерявшие свое влияние в Венеции, вновь отвоевали часть своего былого могущества в Великобритании. Несмотря на строгие приказы Елизаветы, они вновь появились в пределах королевства, надеясь на покровительство нового английского короля — Якова I, и открыли несколько колледжей. Вскоре черные мужи настолько осмелели, что король был вынужден строго покарать кое-кого из них. Сыны Лойолы поклялись отомстить за своих собратьев. С помощью нескольких дворян-католиков, духовными наставниками которых они были, иезуиты организовали знаменитый заговор, известный под названием «порохового». Они вознамерились взорвать здание парламента, когда на открытии сессии будет присутствовать королевская семья, и поручили это дело Гаю Фоксу, известному своим христианским рвением. Поначалу он отказался участвовать в заговоре, сказав, что «при открытии парламента присутствует столько же католиков, сколько еретиков, и нам придется ответить перед богом за смерть наших братьев». Благочестивые отцы возразили ему: «Если бы благочестивых верующих было бы даже на одного меньше, чем еретиков, то и этим следует пренебречь, уничтожив всех их вместе: бог простит нам это во имя той великой славы, которую пожнет».

Будучи человеком покладистым, Гай Фокс без особых колебаний согласился с доводами иезуитов и взялся за дело. Но заговор был раскрыт: Фокса обнаружили в тот самый момент, когда он закладывал взрывчатку в подвале, находившемся под залом заседаний. Он был тут же подвергнут допросу и выдал своих сообщников.

Несколько последователей Лойолы, в числе которых находились два руководителя заговора, предстали перед верховным судом, и их приговорили к повешению.

Для святых бандитов вполне заслужен подобный финал.

Полемика между троном и алтарем

■ Заговор побудил Якова I заставить народ принести присягу «на подданство», обязательную для всех англичан, каковы бы ни были их религиозные убеждения. Согласно этой присяге, «ни папа, ни архиепископ, ни епископ не вправе возмущать или поднимать народ, нарушая верность, в которой они поклялись английскому королю. Никто не имеет права присваивать его земли, посягать на его жизнь, ибо исповедуемая католиками доктрина, согласно которой подданные по приказу папы могут убивать своего государя, является гнусной и противозаконной».

Разгневанный первосвященник тут же разослал английским святошам несколько грамот с призывом не подчиняться Якову I.

Сначала король покарал неисправимых упрямцев и даже обезглавил некоторых из них. Затем он взялся за перо и написал памфлеты, в которых решительно осудил деятельность его преосвященства кардинала Беллармина. Благочестивый старец, один из сынов Лойолы, ответил на королевский памфлет книгой, написанной в столь же бессвязной, сколь необычной манере. «Первосвященник,— говорил он,— имеет полное право руководить королями, он может заставить государей покориться его распоряжениям и подвергать каре непослушных, ибо в его руках меч о двух остриях». Это доказано тем, что главы церкви всегда отлучали королей и императоров, низлагая их, освобождая подданных от присяги и отдавая их земли католическим государям.

Два члена святого сообщества вмешались в великий спор между троном и алтарем. Один из них утверждал, что бунт духовного лица против короля не оскорбляет его величества, ибо священников нельзя рассматривать как подданных короля, так же как нельзя считать преступниками гражданских лиц, если король подвергается церковному отлучению. В таких случаях все верующие должны объединиться, чтобы поразить тирана и способствовать триумфу религии.

«Почему я не могу,— восклицал второй,— принести господу возлияние из королевской крови! Никогда более прекрасное вино не обагряло алтаря Иисуса Христа, никогда не приносилась ему столь благостная жертва!..»

В свою очередь, Павел V поощрял знаменитого испанского историка Мариана, который вменял цареубийство в обязанность, если государь отказывается покориться папе.

Следуя примеру испанского иезуита, доблестные французские католики всячески стремились принизить королевскую власть, настаивая на всемогуществе первосвященника. Пылкий проповедник восклицал: «Дети Христовы, слушайтесь, слепо слушайтесь могучей воли, приведшей Генриха IV в стан благочестивых. Не верьте тем, кто утверждает, что папа не осмелится отлучить от церкви короля Франции. Папа посмел, и государь признал его всемогущество, унизив себя, и умолял, распростершись ниц, об отпущении. Во имя спасения Франции папа обязан, вооружившись топором, рубить стволы, грозящие задушить молодые побеги».

Вот тогда-то и появился фанатик Равальяк, убивший Генриха IV 14 мая 1610 года.

Иезуиты и университет

«После того как над цареубийцей свершилось правосудие,— свидетельствует летописец,— трезвый разум победил и приступили к розыскам настоящих виновников убийства, орудием которых был Равальяк. Все общественное мнение восстало против иезуитов, всюду появлялись памфлеты против благочестивых отцов, и среди них пасквиль, озаглавленный «Анти-Коттон», в котором доказывалось, что оружие в руку Равальяка вложили иезуиты и королева.

Парламент не осмелился выступить против таких могущественных преступников и ограничился тем, что указал теологическому факультету на необходимость подвергать цензуре публикуемые иезуитами труды, затрагивающие вопрос о цареубийстве. По решению ученых некоторые подобные книги были переданы в руки палача и сожжены на Гревской площади в Париже. Однако это осуждение не помешало Марии Медичи, как и прежде, оказывать иезуитам покровительство. Она выбрала духовником для молодого Людовика XIII отца Коттона, а сердце своего мужа передала иезуитскому коллежу. Королева даже пожаловала иезуитам особые грамоты, дававшие им более широкие права, чем раньше,

она разрешила им давать уроки теологии и других наук, считая полезным, чтобы дети обучались именно у иезуитов.

Иезуиты тут же зарегистрировали документы в университете и занялись их утверждением в парламенте.

Один из защитников университета напомнил, что славное учреждение в третий раз обращается за содействием к парламенту, прося обуздать преступников в сутанах и восстановить наконец спокойствие в королевстве, где со времени распространения иезуитов по всей Европе они не переставали призывать к ниспровержению политической власти. Он обвинял их в подстрекательстве к преступлениям, совершенным во Франции Жаком Клеманом, Барьером, Жаном Шателем и Равальяком, напомнил об участии иезуитов в «пороховом заговоре» в Англии, о мятежах в разных государствах и, закончив свое обвинение, умолял парламент «не дать себя обмануть коварными, медоточивыми словами и лживыми обещаниями святых отцов, памятуя, что иезуитская конституция разрешает нарушать присягу, если того требуют интересы ордена или папы».

Адвокат предложил далее «запретить иезуитам давать уроки и выполнять какие-либо функции по обучению как детей, так и взрослых в пределах города Парижа». В конце концов парламент внял этим здравым доводам и объявил, что университет прав в своих утверждениях и является стороной, выигравшей дело.

Дражайших последователей Игнатия Лойолы ненавидели не только во Франции, но и во всех государствах Европы.

Изгнанные почти отовсюду, вызывавшие к себе презрение и ненависть, хитрые монахи спустили флаг. Стремясь восстановить свою организацию, они дошли до того, что отреклись от доктрины цареубийства и даже признали неприкосновенность королевских особ.

Доблестные отцы поднимают голову

■ Хотя их подчинение было столь же запоздалым, сколь вынужденным, оно пошло на пользу членам святого сообщества, ибо успокоило негодование противников и привело к тому, что их стали терпеть во Франции. Иезуиты возоб-

новили свои сборища, где оспаривались различные религиозные вопросы. Они осудили трактат парижского теолога Эдмонда Рише «О духовной власти» и добились смещения последнего с должности. Эта вопиющая несправедливость возбудила гнев против иезуитов, и война между этими негодяями и защитниками галликанской церкви вспыхнула вновь.

В своей книге, имевшей шумный успех, Эдмонд Рише доказывает, «что ни короли, ни папы не имеют права на непогрешимость и неприкосновенность, все они облечены властью народами и ни под каким предлогом не могут уклоняться от их высшего правосудия».

Вот это прямой и честный разговор!

Самые известные писатели того времени сочли за честь стать на сторону теолога и, взявшись за перо, защищали справедливые доктрины. Один из них, Плесси-Морней, издал свой знаменитый труд, озаглавленный «Тайны беззакония», где не побоялся нападать на святой престол и разоблачать бесчисленные преступления и подлости, содеянные господами первосвященниками. В качестве заключения он писал: «Преемники святого Петра — уполномоченные Антихриста». На фронтисписе своего труда рядом с Вавилонской башней — эмблемой Ватикана — мужественный писатель поместил на переднем плане Павла V, шествующего в образе сатаны к завоеванию мира во главе монахов всех мастей.

Невозможно описать ярость папы, узнавшего о появлении убийственного произведения. Он обрушил сокрушительные громы и молнии на голову дерзкого Плесси-Морнея, потребовал запрета его труда во Французском королевстве.

Достойные папские прислужники, иезуиты, конечно, взяли на себя заботы о преследовании нечестивой книги. Их действия увенчались успехом, ибо судьи не постыдились произнести запрет, о котором ходатайствовал римский двор.

Обман еще раз восторжествовал над истиной!

«Ободренные успехом,— говорит один писатель,— дети Лойолы стали добиваться победы папы в Венеции. Они постарались освободить его от весьма опасного противника, знаменитого Пьера Сарпи, или, как он именовался у доминиканцев, Фра Паоло. Они стремились сделать с ним то же, что и с Плесси-Морнеем, но, не надеясь встретить в Совете десяти таких же покорных судей, как во Франции, они вновь прибегли к попытке убийства. Узнав из анонимного письма о том, что ему грозит, Фра Паоло принял все предосторож-

ности, попросив разрешения носить под платьем кольчугу и выходить в сопровождении телохранителя, вооруженного мушкетом. Разрешение было ему дано, что само по себе было совершенно невероятно в городе, где ношение огнестрельного оружия каралось смертной казнью. Однажды, когда Фра Паоло выходил из монастыря, пятеро неизвестных в масках, накинувшись на него, нанесли ему несколько ударов кинжалами и скрылись, прежде чем сопровождавший его брат успел воспользоваться оружием. Пьера Сарпи унесли почти умирающего, израненного стилетом, на котором были выгравированы тиара, крест, череп и надпись, гласившая: «Во имя папы — общество Иисуса»».

«Заседавшие в сенате сенаторы, извещенные о гнусном преступлении, отправились, прервав заседание, в монастырь доминиканцев, чтобы узнать о состоянии раненого. Совет десяти приказал предпринять самые энергичные поиски виновных, но, к несчастью, их поймать не удалось. Для лечения Фра Паоло дож вызвал лучшего хирурга, расходы по лечению правительство взяло на себя, а когда он поправился, светлейшая республика удвоила его доходы и подарила ему дворец.

Тронутый знаками всеобщего внимания, Пьер Серпи отказался от дворца и доходов, но продолжал выходить из монастыря только под эскортом, дабы быть защищенным от новых попыток нападения».

Двойная наглость иезуитов

■ Не сумев подчинить Венецию святому престолу, вороны Игнатия накинулись на Францию, где с помощью вдовы Генриха IV и ее исповедника отца Коттона организовали по всей стране множество религиозных конгрегаций для насаждения в городах и селах святого невежества.

Все королевство было вскоре наводнено многочисленными легионами рясоносцев всех видов, и несчастные провинции оказались во власти проклятого отродья!

Когда черные мужи почувствовали в себе силы открыто выступить против общественного мнения, они попросили святошу Марию Медичи склонить Генеральные штаты к принятию устава Тридентского собора.

Вся знать, входившая в штаты, так же как и многие члены духовенства, отнеслась к этому проекту иезуитов как нельзя более благосклонно. Однако представители среднего сословия придерживались другого мнения. Они энергично возражали регентше, указывая, «что не стоит заниматься вопросом о Тридентском соборе, поскольку вопрос уже откладывался в течение шестидесяти лет». К тому же решения собора, считавшиеся ортодоксальными, были уже раньше признаны посягающими на королевскую власть и общественное спокойствие, и парламент уже неоднократно отклонял их.

Понимая, что они никогда не добьются одобрения среди членов среднего сословия, сыны Лойолы обратились к молодому Людовику XIII, только что достигшему совершеннолетия, от которого они без труда получили «разрешение действовать».

Представители духовенства и знати собрали тайное совещание, на котором сочли «обязательным стремиться к победе папского дела, принудив нацию согнуться под теократической властью». Однако наглое поведение фанатиков вызвало всеобщее возмущение, и парижский суд запретил «всем духовным лицам издавать что-либо относящееся к Тридентскому собору, а также предлагать самое незначительное изменение в благочинии галликанской церкви, под страхом конфискации имущества и лишения прав».

В то время как парламент и Генеральные штаты изо всех сил противились неслыханным претензиям римского двора, гугеноты, со своей стороны, выступили с манифестом, в котором во всеуслышание заявляли, «что вновь возьмутся за оружие, если король захочет подчинить Францию святому престолу». В различных городах решение было приведено в действие. Тогда в дело вмешался маршал д'Анкр, он склонил королеву-мать «отказаться от введения решений Тридентского собора и обещать гугенотам, что, несмотря на требования святого престола и духовенства, все будет возвращено к прежнему состоянию». Высшие чины французского духовенства, не считаясь с торжественным обещанием Марии Медичи и определением парижского суда, собрали своих подчиненных и заявили, «что правоверные должны по совести соблюдать установления святого Тридентского собора».

Гордясь своей победой, добрые отцы удвоили наглость, провозгласив, что «Франция приняла решения Тридентского собора и подчинилась всемогуществу папы».

Тут они хватили через край!

Именно в это время известный теолог Марк Антуан де Доминис выпустил свой научный труд, озаглавленный «Духовная республика», направленный против всемогущества святого престола. Мы приведем из него несколько смелых положений, нанесших опасные удары римской ортодоксии.

«Под владычеством папы церковь уже является не церковью, а светским государством с чисто земной монархической властью папы».

«Церковь не может обладать принудительной властью и не может прибегать к принуждению извне».

«Священники при служении мессы не воскрешают жертву Христову, а служат лишь ее памяти».

«Святой дух — подлинный наместник Христа на земле и обладает только духовным могуществом».

«Ян Гус несправедливо и противно принципам христианской республики осужден Констанцским собором».

«Иисус Христос завещал святой дух всей церкви в целом, не предназначая его особо священникам и епископам».

«Приказ — не таинство».

«Римская церковь первая по достоинству города, имя которого носит, но не в юрисдикции».

«Безбрачие мужей церкви не обязательно».

«Торжественный монашеский обет имеет такую же силу, как и простой обет».

«Папство — человеческое изобретение».

Труд этот наделал столько шуму во Франции и в Италии, что напуганный Павел V тотчас же потребовал его осуждения теологическим факультетом. Затем он предложил автору кардинальскую шапку за отречение от тех мест книги, на которые ему будет указано. Прельстившись блестящими, но вероломными обещаниями, его преподобие де Доминис обнаружил трусость и принял это предложение, отрекшись от тех мест, где подвергал критике священную особу папы. Затем он совершил роковую неосторожность, явившись к римскому двору, рассчитывая на достойное вознаграждение за свое позорное подчинение. Увы, несчастный не учел права своего хозяина. Папа и не помышлял возвышать его, а повелел заточить в замке Святого ангела.

Пресвятая инквизиция возбудила против Доминиса и его книги процесс, в результате которого сам автор и его труд были приговорены к сожжению на костре. «Но,— добавляет летописец,— человеческая совесть уже противилась такому

зверскому уничтожению людей за инакомыслие в религиозных вопросах, и потому пришли к выводу разделаться с ним иным способом, объявив о его смерти в тюрьме. Он действительно умер в заточении, благочестиво отравленный в виде особой милости. Яд спас его от костра. Он вступил тогда в свой шестидесятый год.

Его тело было предано земле, но инквизиция сочла необходимым сжечь этого нечестивца, хотя бы после смерти. По распоряжению, утвержденному папой, тело Доминиса раскопали и, устроив торжественную церемонию на поле Флоры, сожгли на костре вместе с неугодной книгой».

Так кончил свои дни Марк Антуан Доминис, архиепископ Спалатро, виновный лишь в том, что посмел затронуть главу католической, апостольской и римской церкви.

Салат из политики и религии

■ В ту пору францисканцы и доминиканцы приводили в негодование всю Европу, и в особенности Испанию, смехотворными дискуссиями по поводу непорочного зачатия. Борьба стала приобретать трагический оттенок, ибо добрые монахи, отбросив перья, пустили в ход кинжалы — орудие, гораздо более верное для достижения победы над противниками.

Во Франции мало уделяли внимания этим распрям. В ту пору общество интересовали более важные события. Были приняты суровые меры против королевы-матери и ее фаворитов. По распоряжению Людовика XIII был убит царедворец Кончини, Марию Медичи решением парламента лишили прав регентши. Духовника короля, отца Коттона, отстранили от должности. Сам Ришелье, бывший в ту пору епископом Люсона и членом Государственного совета, подвергся высылке. Хитрый прелат отправился тогда в Авиньон, где установил тесную связь с легатом его святейшества, чтобы получить возможность вернуться в Париж. Легат действительно хлопотал перед Павлом V о возвращении Ришелье к его обязанностям при французском дворе, но подлинный хозяин Франции, герцог Люинь, опасался влияния честолюбивого люсонского епископа и отклонил это предложение.

Тогда Ришелье использовал другое средство. Он написал Марии Медичи, которая по его совету покинула двор и отправилась в южные провинции, чтобы разжечь там гражданскую войну. Герцог Люинь знал о влиянии Ришелье на королеву-мать и вынужден был вступить с ним в переговоры. Он предложил восстановить его в должности члена Государственного совета и обещал кардинальскую шапку, если Ришелье уговорит Марию Медичи подписать мирный договор.

Однако герцог Люинь надул Ришелье. Как только договор был подписан, он не только не выполнил своих обещаний, но даже попросил папу «оставить без внимания ходатайства французского посла насчет кардинальской шапки для епископа Люсона». Павел V внял этой просьбе, и решением восьми кардиналов Ришелье не был повышен в сане. Честолюбивый прелат поклялся отомстить. Он подстрекал королеву-мать продолжать борьбу, а затем сообщил святому престолу, что навсегда порывает с его политикой и заставит римский двор еще пожалеть об этом.

Его угрозы не слишком напугали святого отца, он даже не соблаговолил ответить люсонскому епископу; его внимание полностью переключилось на нового германского императора — Фердинанда II, который стал в угоду папе преследовать протестантов, подкрепив свое усердие богатыми подношениями святому престолу. Ввиду столь веских доводов папа снял с Фердинанда анафему и утвердил его восшествие на престол, поручив католическим епископам помазать его на царство.

Его святейшество щедро раздавал милости в обмен на звонкий металл.

Семья Боргезе и римский двор

■ Мы хотим познакомить читателя с весьма любопытным отрывком из книги, автор которой рассказывает о бесчинствах римского двора.

«Павел V так усердно обворовывал верующих, что оказался в состоянии истратить четыре миллиона экю на покупку земель для своего племянника кардинала Боргезе. За триста пятьдесят тысяч экю он купил поместье близ Рима, восемьсот тысяч экю он истратил только на постройки и

сады в своем замке; его кабинет был полон редчайших произведений искусства.

Из каких источников добывал он средства? Ведь всему миру было известно, что перед избранием папы семья Боргезе дошла до полного обнищания. Теперь же все переменилось — хищения и воровство сделали Боргезе самыми богатыми синьорами Италии.

Мы будем очень удивлены, если, перелистывая буллы, не найдем на многих страницах имен лиц, удостоенных папских милостей. Павел V прекрасно знал, что милости были дарованы одному и тому же человеку, обожаемому им кардиналу Боргезе. Это имя намеренно скрыто, дабы не смущать тех, кто еще достаточно глуп, чтобы верить в справедливость первосвященника.

Боясь обнаружить собственное невежество, его святейшество не стремится окружать себя образованными и опытными людьми. Именно поэтому он раздает кардинальские шапки безмозглым пройдохам, олухам, лишенным мужества и разума, выполняющим только то, что им нашептывает на ухо папский племянник, ослам, которые пасутся на землях своих приходов, а доходы с них предоставляют кардиналу Боргезе.

Кардиналам Каппону, Барберини, Лотреку и Спиноле весьма затруднительно ответить, в каких городах они изучали литературу, ибо из всех произведений письменности им знакомы лишь векселя, выданные папскому племяннику.

Что касается остальных членов кардинальской коллегии, то лучше всего не спрашивать, чем они занимались до того, как их возвели в этот сан. Один служил органистом, получая ничтожное жалованье, другой ухаживал за больными оспой, третий был попросту сутенером, а четвертый возглавлял воровскую шайку и легко мог заработать виселицу за ночные грабежи.

Прежде чем облачиться в пурпур, все они принадлежали к обществу подонков Рима, самого порочного города на земле.

Всем известно, что в Ватикане нет ни справедливости, ни чистоты, там не заботятся даже о том, чтобы скрыть свое гнусное поведение. При свете дня прелаты, облаченные в епископские мантии, отправляются к публичным девкам, не стесняясь убивают мужей и отцов похищенных жен и дочерей.

Что касается самого Павла V, то он только тешится распутством и, как истинный боров, купается в смердящей

жиже прелюбодеяния, кровосмешения, мужеложества. Да и как может быть иначе, если он сам отравил жену одного из своих братьев, когда она посмела отказать ему в благосклонности? Как не потворствовать кровосмешению, если он имеет незаконных детей от родной сестры и сам является отцом кардинала-племянника?

Кто посмеет поведать о тех низостях, благодаря которым жена второго брата его святейшества заслужила наименование папессы? При помощи каких постыдных средств она стала полновластной хозяйкой епархий, кардинальских шапок, приходов? Как случилось, что эта новая Иоанна руководит церковью, сидя на апостольском троне с тиарой на голове и небесными ключами в изнеженных руках? Кто посмеет произнести вслух, что папа, высший глава христианства, наместник бога на земле, имеет в лице кардинала Боргезе племянника, сына и любовника одновременно! Неужто владыка-господь решил, что подобные чудовища должны руководить миром!

Неужели люди вечно будут склонять головы перед тиранами? Настанет такой день, когда народы устроят праведный суд над папами и королями и сотрут с лица земли всех деспотов и их соучастников — священников и знать!»

Нечего сказать, почтенная семейка у этого папы — кровосмесителя, мужеложца, грабителя и убийцы!

28 января 1621 года земля была, наконец, избавлена от Павла V, отдавшего после шестнадцатилетнего царствования свою гнусную душу сатане.

Григорий XV

■ Преемником Павла V стал Александро Людовизи, принявший имя Григория XV. Новый папа происходил из известного аристократического рода.

Взойдя на престол, Григорий XV попытался восстановить былое величие папской власти. Ввиду своего преклонного возраста он не мог достаточно энергично заниматься государственными делами и обратился к помощи ордена Игнатия Лойолы. Он создал при Ватикане особый совет, состоявший исключительно из иезуитов, назначив его председателем своего любимого племянника Людовико Людовизи.

Обожаемый племянник, хотя и отметил только двадцать пятую весну, уже отличался всеми пороками, характерными для римского духовенства. Словом, молодой Людовико был достойным учеником святого ордена.

Сначала его святейшество постарался восстановить свое могущество в Европе. Опасаясь влияния иностранных послов, Григорий издал декрет, обязывавший кардиналов подавать голоса на заседаниях конклава не открытым, а закрытым голосованием.

Все внимание совет уделял мероприятиям, направленным на разжигание фанатизма среди населения Европы, религиозный пыл которого стал заметно остывать. С этой целью Григорий XV канонизировал ряд новых блаженных, и среди них основателя ордена иезуитов Игнатия Лойолу, который, разумеется, более, чем кто-либо, достоин нимба святого.

Всеобщее избиение

■ Так как финансы святого престола находились в это время в довольно плачевном состоянии, хитрый Григорий объявил торжественный юбилей, для того чтобы, во-первых, пополнить свою казну, а во-вторых, чтобы прощупать религиозную температуру в разных странах Европы.

Огромный успех этого политико-финансового трюка показал ему, что дела католической церкви находятся в полном порядке. Немецкие князья не только не противились торговле индульгенциями, но горячо поддерживали папство. Австрийский император с величайшим рвением принялся за искоренение лютеранства.

«Даже во Франции,— свидетельствует историк,— авторитет папы уже не оспаривался. Иезуиты снова приступили к своей работе, поджигая протестантские храмы, огнем и мечом преследуя гугенотов».

В Швейцарии питомец иезуитов организовал преступные шайки для истребления несчастных кальвинистов. Он преследовал их везде: на вершинах Альп и в долинах. Фанатики устраивали облавы на реформаторов и в Тироле. Города, деревни, беднейшие лачуги предавались огню. Дороги, дикие ущелья — все было окрашено кровью протестантов.

Реакция добилась огромных успехов во всех католических странах. С таким папой, как Григорий XV, не приходилось опасаться, что римский двор упустит возможность для восстановления своего авторитета.

Его святейшество организовал конгрегацию пропаганды, которая насаждала свои миссии во всех частях света. Затем Григорий XV заключил союзы с католическими государями, и в частности с Фердинандом II, которому он через своего нунция Карла Караффа предложил военные субсидии, передал богатейший дар в двести тысяч экю, множество индульгенций и пообещал райское блаженство. Фердинанд же обязался помочь папе расправиться с реформаторами.

Дар милосердного наместника Христа был в высшей степени соблазнительным: золото, индульгенции, надежное место на том свете и сверх того благословение святого отца. Кто бы мог устоять перед этим? И потому, не колеблясь ни секунды, австрийский монарх совершил сделку с Григорием XV.

«Как только пакт был заключен,— добавляет историк,— целые полчища доминиканцев, августинцев, францисканцев, кармелитов и иезуитов поспешили стать под знамена кардинала Караффа и обрушились на Богемию, разрушая лютеранские и кальвинистские храмы, чтобы восстановить там обряды римской церкви — причащение под одним видом, богослужение на латинском языке, окропление святой водой, тайную исповедь. Несчастных, настаивавших на двух видах причастия, бросали в каменные мешки или отправляли на костер, а их имущество конфисковывали в пользу церкви.

Дома протестантов подвергались осаде. Солдаты и монахи устраивали в деревнях всеобщее избиение, поджигали фермы, душили земледельцев, насиловали девушек, совершали надругательства над детьми, щадя только тех, кто объявлял себя католиком. Благодаря таким средствам кардинал Караффа вскоре смог доложить Григорию, что вся Богемия подчинилась святому престолу».

В Моравии, Австрии, Венгрии, Баварии, Саксонии, Пфальце и Бадене — словом, во всех частях Священной Римской империи католическая реакция сопровождалась бесчисленными кровавыми злодеяниями.

И уж конечно, все эти подвиги совершались во имя бога, мира и милосердия!

■ Великий глава католических бандитов, Григорий XV наградил за добрые услуги, оказанные католической церкви, немецких герцогов.

Затем Григорий обратился к французскому королю с просьбой послужить интересам святого престола. Грустный господин и фанатик, Людовик XIII откликнулся сразу на предложение папы и сделал все, что от него зависело, чтобы ублажить его святейшество.

В королевстве началась упорная война против кальвинистов: одна за другой были отняты все свободы, завоеванные ими такой дорогой ценой. Они больше не имели права ни собираться, ни защищаться и оказались вынужденными либо по доброй воле, либо насильно отречься от кальвинизма. Дворяне-протестанты сами предложили королю свое содействие и перешли в католицизм, чтобы получить чины и должности и сохранить привилегии своей касты, серьезно оспариваемые третьим сословием.

Папа был глубоко тронут преданностью тупого Людовика XIII и поблагодарил его в следующих выражениях: «Дорогой сын мой, украшение вселенной, слава нашего века, шествуйте всегда по святой стезе. Дайте испытать силу вашей руки тем, кто не знает бога. Не проявляйте милосердия к еретикам и постарайтесь заслужить право расположиться когда-нибудь справа от Иисуса Христа, предложив ему в жертву всех антихристов, заражающих ваше королевство».

Дело Реформации было предано не только французской знатью, но и всем высшим обществом протестантских государств, отрекшимся от своей религии и смертельно напуганным идеями независимости, грозившими существованию дворянских прав и привилегий.

Папству оставалось только поставить на колени Англию. Но для этой трудной операции хитрый Григорий счел необходимым отказаться от насильственных способов и прибегнуть к мирной политике. Он вел переговоры с королем Англии, учитывая, что тот мечтает соединить своего сына с испанской принцессой, чему неизменно препятствовал Павел V. Вручив английскому королю соответствующую буллу с разрешением на брак, не поставив никаких условий, он

ограничился лишь тем, что сказал молодому принцу: он «надеется увидеть, как старые семена христианской веры, из которых среди английских королей произрастали такие прекрасные цветы, прорастут вновь в его сердце, и рассматривает союз с католичкой как счастливое предзнаменование для римской церкви».

Яков I не захотел остаться в долгу перед столь любезным святым отцом и специальным приказом разрешил католикам полную свободу богослужения в Англии.

Таким образом, Григорию XV удалось распространить свою власть по всей Европе. Но его ненасытному тщеславию этого было мало — он захотел покорить весь мир и с этой целью послал многочисленные полки черной армии для завоевания обеих Америк, Индии, Китая, Японии, Азии и Африки.

Всем известно, каким варварским способом «трудились» во имя славы божьей любвеобильные сыны Игнатия Лойолы.

Последний план первосвященника

■ Итальянские республики были серьезно встревожены растущим могуществом Австрийской монархии и, опасаясь за свою независимость, обратились за помощью к французскому королю.

Первосвященник уже мечтал извлечь выгоду из этой ситуации, но смерть приостановила осуществление его планов и отняла у церкви одного из самых ловких политиков, когда-либо занимавших кафедру святого Петра.

Это произошло 8 июля 1623 года.

Урбан VIII

■ Едва успели опустить тело покойного Григория в могилу, как разгорелись бурные страсти: каждая клика стремилась обеспечить победу своему кандидату на престол.

Среди прочих соискателей особенной наглостью и воинственным пылом выделялся кардинал Барберино, которого, однако, отвергали почти все члены конклавы. Стремясь во что бы то ни стало добиться тиары, Барберино твердо решил терроризировать кардиналов.

«По его приказу,— сообщает Лашатр,— его братья и племянники сколотили отряд бандитов, привлекли население предместий и подняли мятеж, вынудивший кардиналов укрыться в Ватикане под защитой мушкетов и пушек. Когда кардиналы собрались на конклаве, Барберино занял место среди своих коллег, словно ничего не произошло. Сначала он очень терпеливо выслушал речи разных кандидатов на папский престол, затем взял слово и стал убеждать коллегию избрать первосвященником энергичного человека, способного пресечь беспорядки среди римского населения. Он даже не скрыл того, что имеет известное влияние на зачинщиков смуты, и цинично заявил, что в вечном городе воцарится спокойствие, как только кардиналы возложат на его голову священную тиару. Эта декларация не только не прибавила голосов в его пользу, но вызвала единодушный протест. Ничуть не обеспокоенный этим, Барберино не покинул поля сражения, а принялся действовать еще энергичнее, передав бандитам секретные инструкции разжигать огонь и проливать кровь. Его приказания были выполнены пунктуально, и Рим превратился в арену ужасающих зверств.

Наемники кардинала душили стариков и детей, насиловали девушек и женщин, совершали над их трупами самые гнусные надругательства. Насытившись резней, они устроили факельный пробег по улицам города, остановились у решетки замка Святого ангела, угрожающе выкрикивая: «Либо смерть и пожары, либо папа Барберино!»

Эти возгласы достигли ушей кардиналов и повергли их в ужас. Выборы продолжались, но имя Барберино из урны все еще не появлялось. Тогда кардиналы с ужасом стали замечать, что с каждым днем число членов конклава сокращается. Причиной тому была смерть или болезнь, в результате которых исчезали наиболее активные противники кандидатуры злодея Барберино. Всем было ясно, что он избавляется от своих врагов с помощью яда. С этого момента всякое сопротивление прекратилось, и кардинал Барберино был провозглашен папой под именем Урбана VIII».

Этим изобретательным трюком Барберино доказал, что он действительно достоин быть папой.

Новый глава римской церкви происходил из старинной знатной флорентийской семьи; сначала он был причетником апостольской палаты, затем нунцием святого престола при французском дворе. К моменту восшествия на апостольский трон Урбану исполнилось пятьдесят пять лет, он обладал превосходным здоровьем и железным телосложением. Словом, был здоровенным парнем!

Следуя примеру Павла V, новый папа, едва утвердился на престоле, назначил своих братьев и племянников на высшие государственные и церковные должности. Затем он самым внимательным образом урегулировал ряд вопросов, касавшихся культа святых. Вслед за этим он собирался продолжить религиозную пропаганду, развернутую его честолюбивым предшественником. Но сперва Урбан VIII, столь же подозрительный, сколь и жестокий, решил предохранить себя от всяких посягательств врагов, как внутренних, так и внешних, и превратил священный город в военный лагерь.

Преисполненный чувства собственного величия, папа не терпел ни советов, ни замечаний. Священная коллегия собиралась в редких случаях. Кардиналы наперебой аплодировали речам папы и беспрекословно выполняли его приказания. Точно так же действовал он и в отношении иностранных послов. Однажды, когда уполномоченный иностранного монарха сослался на статьи старинных папских конституций, святой отец резко возразил: «Мое решение имеет больше веса, чем закон двухсот мертвых пап».

Поистине замечательная личность.

Но этот необузданный и неумолимый в своей гордыне папа встретил в лице Ришелье правителя, который, став кардиналом и всемогущим министром, проводил политику, абсолютно противоположную политике святого престола.

Оба они в конечном итоге были ловкими бестиями.

Политика святого отца

■ В ходе войны между различными европейскими державами его святейшество подражал министру Людовика XIII, становясь то союзником, то врагом протестантов. И Фердинанд II, до тех пор послушный римскому двору, осмелился посягнуть

на высокогорную Италию; папа обратился к Густаву-Адольфу — защитнику протестантства — с просьбой о помощи.

Рассерженный Фердинанд II предупредил первосвященника, что, «как только прогонит Густава-Адольфа с его тридцатью тысячами еретиков из Германии, он сведет счеты и со святым престолом». Урбан VIII ограничился лаконичным ответом: «С тридцатью тысячами греков Александр завоевал мир».

Но союз со шведским королем продолжался недолго, ибо его святейшество стремился к ослаблению, а отнюдь не к разгрому австрийского дома, ибо это неизбежно привело бы и к разгрому католицизма. Осознав свою ошибку, папа стал интриговать против Густава-Адольфа, установил связь с Фердинандом и выдал ему военные планы шведской армии. Он убедил императора передать верховное командование армиями Валленштейну, единственному, по его мнению, командиру, способному померяться силами с могучим шведским государством. К несчастью, ревностный защитник протестантства, Густав-Адольф погиб в битве с войсками австрийского императора.

Отлично понимая, что Реформация потеряла свою основную опору, Урбан VIII уже не очень тревожился за исход борьбы между шведами и Фердинандом II. К тому же война шла ему на пользу, так как позволяла, не опасаясь австрийского дома, господствовать над итальянскими княжествами.

Занимаясь делами церковными, первосвященник не забывал и об интересах собственной семьи. Суммы, накопившиеся у его племянников, достигали кругленькой цифры в пятьсот миллионов экю, не считая денег, истраченных на приобретение дворцов, земель, золотой и серебряной посуды, драгоценных камней и произведений искусства.

Непотизм достиг невероятного размаха благодаря любвеобильному сердцу святого отца.

Церковь преследует гения

■ Чрезвычайно заботливый в отношении своих родственников, Урбан не забывал также и своих ставленников и приближенных, награждая их за усердие великолепными прихо-

дами. Взяв под свое покровительство мерзких льстецов, первосвященник в то же время яростно травил великих ученых. Знаменитый Галилей был из числа тех, кого он преследовал с наибольшим пылом. В страхе перед великими истинами, открытыми могучим гением, гнусный папа сам направил его труд в трибунал инквизиции, и семидесятилетний Галилей, здоровье которого было расшатано, предстал перед судьями.

«Я прибыл в Рим,— писал он в одном из писем,— 10 февраля 1633 года и положился на милость инквизиции и святого отца, для которого я не представлял никакого интереса, ибо не умел сложить ни эпиграммы, ни любовного сонета. Сначала меня заперли в замке Троицы на горе, а на следующий день меня посетил комиссар инквизиции и увез меня в своей карете.

По дороге он задавал мне разные вопросы и выразил пожелание, чтобы я прекратил скандал, вызванный в Италии моим открытием, касающимся движения земли. На все математические доказательства, которые я мог ему противопоставить, он отвечал мне словами из священного писания: «Земля была и будет неподвижна вовеки веков».

Беседуя таким образом, мы прибыли во Дворец инквизиции. Я предстал перед конгрегацией, назначенной не для того, чтобы судить меня, а для того, чтобы осудить. Я стал излагать свои аргументы, но, как я ни трудился, мне не удалось заставить понять себя. На все мои доводы мне отвечали текстом из писания, относящимся к чуду Иисуса Навина. Я, в свою очередь, цитировал эти непонятные слова из писания, где говорится о том, что «небеса являются твердью, гладкой, подобно бронзовому зеркалу», стремясь доказать немыслимость буквального толкования писания: такое толкование погружает народы в глубокое невежество.

В ответ на это меня осыпали оскорблениями».

30 апреля дебаты закончились. Галилея заточили в темницу, и, сломленный нравственными и физическими муками, он признал, что его сочинение «полно гнусной лжи».

30 июня несчастный старец предстал перед мерзким трибуналом, где он торжественно отрекся от своего учения. Прославленный ученый встал на колени перед своими судьями и, возложив руки на евангелие, склонив голову, произнес следующие слова: «Я, Галилео Галилей, флорентиец, в возрасте семидесяти лет, преклонив колени перед вашими высокопревосходительствами, достопочтенными кардиналами, генеральными инквизиторами против еретического зла

во вселенской христианской республике, имея перед глазами святое евангелие, которого я касаюсь руками, клянусь, что всегда верил и ныне верю и с божьей помощью впредь буду верить во все, что считает истинным, проповедует и чему учит святая католическая и апостольская церковь... Меня судили по подозрению в ереси, за то, что утверждал и верил, будто солнце является неподвижным центром вселенной, будто земля не есть центр мира и движется. Вот почему, желая изгнать из мыслей ваших преосвященств и из сознания всякого католического христианина столь тяжелое подозрение, правильность которого я признаю, я с чистым сердцем и непритворной верой отрекаюсь и проклинаю указанные заблуждения и ереси...»

Предание гласит, что после произнесения формулы отречения Галилей поднялся и, топнув ногой, воскликнул: «А все-таки она вертится!»

Духовенство вполне удовлетворилось отречением, вырванным силой, что, впрочем, не помешало и дальше мстить Галилею. Великого ученого содержали в тюрьме до декабря, а до самой смерти (в 1642 году) он находился под наблюдением святой инквизиции.

Вот как отвратительный Урбан VIII и его достойные соратники наградили бессмертного гения!

Жертвы суеверия

■ В то время как в Италии святой престол преследовал великих ученых за их великие открытия и борьбу с невежеством, королевская власть во Франции отправляла на костер людей, обвиненных в ереси. По абсурдному обвинению в колдовстве сжигали на кострах тех, кого считали политическими противниками и богатствами которых хотели завладеть.

Кардинал Ришелье, министр Людовика XIII, широко пользовался этим методом для устранения неугодных лиц и для конфискации в свою пользу их имущества.

Подстрекаемые им последователи Игнатия Лойолы распространяли в народе самые нелепые басни о колдунах и ведьмах, и вскоре народ, очень падкий на все сверхъестественное, только и говорил о магии, колдовстве и прочем.

Тысячи невинных погибли в результате ведовских процессов во Франции.

Его глупейшество Людовик XIII, до смерти боявшийся нечистого духа, специальным указом отдал свое королевство под защиту богоматери. В указе говорилось: «Мы особо вверяем нашу персону, наш скипетр, диадему и всех наших подданных блаженной, смиреннейшей божьей матери, которую мы избираем специальной покровительницей Французского королевства».

Доктрины и мораль добрых отцов

■ В начале XVII века иезуиты ввели в свои статуты весьма значительные изменения. Они отодвинули на второй план пропаганду религии и завоевание мира, стали приспосабливать доктрины католической религии к своим нуждам. Они не только изменили устав ордена, но и весьма существенно исказили некоторые догматы. В работах, посвященных природе греха, иезуитские богословы заявляли, что «существует только сознательное отклонение от заповедей божьих, следовательно, грехом является лишь сознательное и преднамеренное заблуждение».

Приведем несколько образчиков иезуитской морали:

«Большим благом и великой милостью является полное незнание бога, ибо грех — это оскорбление божества, а раз человек не познал бога, то для него нет ни греха, ни вечного осуждения. Таким образом, атеист, хотя он и не верит в существование бога, именно поэтому не в состоянии, даже если захочет, совершить какое-либо действие, осуждаемое церковью. Можно также с полным правом поклоняться неодушевленным предметам, животным или каким-нибудь частям своего тела, вплоть до органов деторождения, на том основании, что церковь разрешает почитать бога во всех его творениях.

Однако, ввиду того что, простираясь ниц перед неодушевленными предметами и лобызая их, можно прослыть суеверным, не следует делать это публично. Тайный грех — прощенный грех».

«Так как язычники, поклоняясь своим божествам, твердо верят, что их идолы олицетворяют божество, то они не

совершают греха. Можно не греша поклоняться Приапу или Венере».

«Во имя своего спасения вовсе не обязательно всегда верить религиозным догмам или таинствам: достаточно хотя бы раз на одну секунду уверовать, чтобы этой веры хватило на всю жизнь».

«Чтобы слушать мессу, достаточно присутствовать на богослужении. Рассеянность, легкомысленное настроение, вожделение или разглядывание красивых женщин вовсе не лишает обедню ее ценности».

«При некоторых обстоятельствах для девушки не является большим грехом, если она предается любви до брака, так же как для женщин объятия чужих мужчин и измена мужу. Целомудренная Сусанна из священного писания была не права, когда восклицала: «Если я пойду навстречу непристойным вожделениям старцев, я погибла». Так как, с одной стороны, ей угрожал позор, а с другой — смерть, она была бы вправе сказать: «Я не соглашаюсь на прелюбодеяние, но я его вынесу и никому не скажу об этом, чтобы сохранить жизнь и честь».

«Неопытные молодые женщины полагают, что для того, чтобы сохранить целомудрие, следует кричать о помощи и сопротивляться соблазнителям. Ничуть не бывало: они останутся столь же непорочны, если молчат и не сопротивляются. Грехом является только преднамеренность. Если бы Сусанна выполнила желания старцев, внутренне в этом не участвуя, на ней не было бы никакого греха».

«Молодая женщина может, не совершая греха, надевать на себя украшения, чтобы вызвать плотское желание мужчин, может румяниться, душиться, носить драгоценности, одевать тонкие легкие одежды, через которые просвечивает грудь, обрисовываются формы тела и даже угадывается обитель стыда, если это обусловлено модой».

«Мужчина не совершает греха, будь он даже монах или священник, входя в дом разврата, дабы проповедовать нравственность заблудшим душам, хотя весьма вероятно, что он подвергнется искушению и позволит соблазнить себя жрицам любви. Намерение, приведшее его в храм распутства, предохраняет его от греха. Слуга, который ради хлеба насущного служит развратному хозяину, может выполнять самые мерзкие функции, не лишаясь божьей милости. Точно так же и служанка может без дурных последствий для себя содействовать интригам своей хозяйки, впускать любовников без

ведома отца или мужа, передавать любовные письма и выполнять другие поручения подобного рода».

«Публичная девица на законном основании может требовать оплаты за свой труд при условии, что цены не будут завышены. То же относится к любой девушке, тайно занимающейся проституцией».

«В некоторых случаях кража не является грехом. Жена может втайне от мужа брать из общей кассы столько денег, сколько найдет нужным для благочестивых деяний. Она может его обкрадывать, используя деньги на игры, туалеты и даже для оплаты любовников, но при условии, что отдаст половину денег церкви. Дети могут на тех же условиях обворовывать родителей, похищая и тратя на свои мелкие удовольствия столько денег, сколько им позволят обстоятельства. Прислуга может обкрадывать хозяев, компенсируя недостаточное жалованье, но делиться при этом со священниками. Каждый, кто обкрадывает богача, не причиняя ему большого ущерба, получает право законной собственности. Если часть присвоенных средств он тратит на святые дела, он смело может заявить правосудию, что ничего не похитил».

«Если совесть человека не выносит ложной клятвы, он может, произнося слова, незаметно исказить формулу и остаться безгрешным. Например, вместо «juzo», что означает «клянусь», можно произнести «izo», что значит «горю». И грех приносящему клятву будет прощен. Разрешается также приносить присягу без всякого намерения соблюсти ее. Если судья потребует соблюдать присягу, можно отказаться, произнеся «Я ничего не обещал». Без этой уловки нам пришлось бы платить, когда мы не хотим тратиться, или жениться на девушке, которую не хотим брать в жены».

«Если вы, законно защищаясь, убили человека, вы вправе утверждать под присягой, что никого не убивали, делая мысленную оговорку: «Если бы он на меня не напал». Если отец застал вас в комнате дочери и заставляет вас жениться на ней, вы можете смело поклясться, произнося про себя: «Если меня заставят или если она мне впоследствии понравится». Торговец, которому слишком дешево платят за товар, может пользоваться фальшивыми гирями и отрицать это перед судьей, говоря про себя: «Покупатель не пострадал». Можно даже придумывать вымышленные факты и без всяких угрызений совести получать деньги за лжесвидетельство при условии, что часть денег будет отдана церкви».

«Если монах, знающий о том, какая опасность подстерега-

ет его, если он будет застигнут во время прелюбодеяния, входит вооруженный в комнату к своей возлюбленной и убивает мужа при самозащите, он может продолжать исполнять церковные функции. Если священник у алтаря подвергается нападению ревнивого мужа, он вправе прервать обедню для того, чтобы убить нападающего, и затем без перерыва, с руками, обагренными кровью, вернуться к алтарю и продолжить службу».

«Мужу не дозволяется до приговора судьи убивать свою жену, а отцу свою дочь, застигнутую во время прелюбодеяния. В противном случае они совершат смертный грех, даже если бы виновные продолжали свои забавы в их присутствии. После вынесения приговора отец и муж могут убить жену или дочь, ибо они тогда становятся добровольными исполнителями приговора. Тогда они палачи, а не мстители».

«Сын может желать смерти отца, чтобы воспользоваться наследством, мать может желать смерти дочери, чтобы не кормить ее или не давать приданого. Священник может желать смерти своего епископа в надежде стать его преемником, потому что мы сильнее хотим блага для себя, чем зла ближнему... Сын, убивший отца в пьяном виде, может радоваться богатству, которое ему достанется, и его радость не будет предосудительной. Сын может убить отца, если тот проклят или объявлен изменником государства или религии».

«Дети-католики обязаны доносить на своих родителей-еретиков, хотя и знают, что ересь повлечет за собой смертное наказание. Если же они живут в протестантской стране, то могут без страха и упрека задушить родителей».

Таковы были доктрины общества Иисуса. К счастью, человеческая мысль уже начинала эмансипироваться, и недостаточно уже было человеку носить рясу, чтобы его утверждения воспринимались как непреложные истины.

Критический вольнолюбивый дух уже не был исключительной монополией немногих эрудитов, мало-помалу он захватывал массы, и поэтому иезуитские доктрины были оценены по достоинству.

Бузенбаум, один из авторов «Трактатов о морали», откуда мы позаимствовали приведенные отрывки, сохранял руководство двумя коллежами, несмотря на то что предавался самому безудержному распутству. Пьяница он был горький; очевидно, потому он и написал в одном из своих сочинений: «Можно, не совершая греха, пить сверх меры, лишь бы уметь остановиться, пока отличаешь человека от воза сена».

Знаменитый Эскобар заходил еще дальше, утверждая в своих писаниях и речах, что в акте мужеложества нет ничего предосудительного!

Отец Гимениус писал, что для спасения души не обязательно верить в таинства святой троицы, и прибавлял: «Христианская религия является предметом веры, ибо она зыбка и неопределенна. Больше того, те, кто признает, что религия эта является до очевидности истинной, тем самым вынуждены признать, что она до очевидности ложна. Откуда можно знать, что из всех религий, которые существовали или существуют на земле, религия Христа является правдоподобной? Были ли предсказания пророков внушены духом божьим? Истинны ли чудеса, приписываемые Иисусу Христу? Я утверждаю обратное! Но нет ничего предосудительного в том, чтобы заставить простых набожных людей верить во что-нибудь ложное. Вот почему я признаю евангелие и все священные книги!»

Отец Тамбурини выражал примерно ту же мысль: «В религии, как и во всяком другом предмете, дозволено следовать то одному, то другому вероятному суждению: возможно, что Христос сделался человеком, возможно, что Юпитер превратился в быка. Должен ли я верить этому? Да! Противоположное одинаково вероятно, и я равно могу утверждать и то и другое».

Авторы этих теорий не собирались колебать веру «простых набожных людей», о которых с таким великолепным презрением говорит отец Гимениус. Впрочем, для того чтобы прозреть, нет ничего более действенного, чем услышать признания самих духовных лиц, считающих религию ложью и намекающих, что священники являются простыми обманщиками. Поэтому мы так старательно воспроизвели тексты из сочинений иезуитов.

Старый петух с двумя курицами

■ Урбан VIII умер 29 июля 1664 года. Его преемником стал Иннокентий X. Новый папа был отталкивающе безобразен и к тому же глупее гусыни. Прибавим для полноты портрета, что он был лжив, хитер, лицемерен, труслив, мстителен, жесток и очень похотлив. В течение всего понтификата он был

послушным исполнителем воли своих любовниц и избранников.

Когда он всходил на апостольский трон, его любовницей была Олимпия, женщина поразительной красоты и притом весьма сообразительная. Она сразу же взяла в руки бразды правления, а Иннокентий был рад освободиться от всех забот, чтобы без помех вкушать все радости распутной жизни.

Олимпия была вдовой одного из братьев первосвященника, то есть его невесткой. Их отношения с папой не являлись ни для кого тайной — все знали, что Иннокентий — послушный раб ее капризов; недаром ее называли папессой. Она ничуть не обижалась и не возражала против множества карикатур, куплетов и шуток, открыто распространявшихся в Риме. Правда, святого отца высмеивали в них куда злее, чем его прекрасную возлюбленную.

Приезжая в Рим, иностранные послы прежде всего просили аудиенции у Олимпии; в знак почтительного уважения рядом с изображением папы кардиналы вешали в своих апартаментах портрет могущественной куртизанки. Иностранные дворы открыто покупали ее покровительство, все просители обращались только к ней; она принимала дары и денежные суммы, а затем действовала, следуя своей фантазии, вернее, своей выгоде. Вскоре она стала обладательницей большого состояния.

В течение некоторого времени ничто не нарушало идиллии папского семейства. Занимаясь делами государства, папесса находила время и для устройства развлечений его святейшества. Она добывала для него смазливеньких девушек и пухленьких юнцов, да и сама продолжала дарить его самыми пылкими ласками.

Разнообразя забавы перезрелого шалуна (ему было около семидесяти лет), она всегда умела оставаться необходимой для него. Олимпия хорошо понимала, что мимолетные связи не могут угрожать ее влиянию. Так оно и было до поры до времени. И вдруг папа познал любовь, поколебавшую могущество всесильной Олимпии.

Вот как это произошло.

У Иннокентия X было несколько детей от его любовницы. Надев тиару, он, по примеру своих предшественников, позаботился о благоденствии своей семьи: выдал замуж дочерей за богатых сеньоров, а сына Камилла еще раньше определил на духовную должность. Сей молодой человек, разум которого не достигал даже отцовского уровня, вопреки своей глу-

пости, а быть может благодаря ей, очень быстро дослужился до кардинальского звания. Должность, кажется, превосходная, но папаша счел ее недостаточной. Как только представилась возможность блестящего брака, его святейшество освободил Камилла от обетов и женил на молодой вдове, состояние которой было одним из самых крупных в Риме.

Олимпия Россано — так звали женщину, ставшую снохой святого отца,— была очень хороша собой, как нельзя более остроумна и не менее властолюбива. Она обладала всеми качествами, чтобы затмить старшую Олимпию. Переехав в папский дворец, она употребила все средства женского кокетства и приворожила сластолюбивого старца.

Ее успех был молниеносным, но не полным. Став ее покорным рабом, Иннокентий продолжал подчиняться всем прихотям и другой своей любовницы. Каждая из женщин, шансы которых были примерно равны, употребляла все силы, стремясь взять верх над соперницей. Их обоюдная ненависть стала вскоре выражаться в таких бурных формах, что первосвященник был вынужден выпроводить одну из них. Не без горьких сожалений он попросил сына сменить местопребывание и увезти жену.

Олимпия № 1 торжествовала.

Кто в лес, кто по дрова

■ Не успел Иннокентий расстаться с очаровательной молодой супругой чересчур снисходительного Камилла, как начал горько раскаиваться в своем решении. Страсть к этой женщине завладела им; надеясь, что папа в конце концов забудет об Олимпии № 2, его старая любовница (старая по стажу, по возрасту она была еще далеко не так стара) всячески старалась отвлечь святого отца, обеспечивая его разнообразными удовольствиями. Да и она сама почти ничего не утратила из притягательных свойств своей юности; и если весенний цветок несколько увял, то этот легкий недостаток с лихвой покрывался житейским опытом.

Она устраивала для него самые игривые развлечения. По ночам в парках Ватикана появлялись юные подростки обоего пола в костюмах, которые, согласно библии, носили наши

прародители, пока не приключилась известная история с яблоком. Иннокентий не пренебрегал этими сельскими радостями, охотно принимая участие в похотливых забавах. Но мысли его были далеко; он не переставал вспоминать о юной Олимпии, быть может менее опытной и ловкой, но зато такой желанной.

Боясь рассердить строптивую матрону, папа терпел сколько мог, но в конце концов не выдержал, пренебрег неистовым гневом невестки, громкими скандалами и постоянными стычками, неизбежными при контакте обеих женщин, и вернул Камилла с женой.

О том, что последовало за возвращением Олимпии № 2, можно было бы сложить эпическую поэму. Не проходило дня, чтобы свекровь и невестка не выносили своих ссор на улицу. Ничуть не стесняясь, они публично устраивали там такого рода дискуссии, которые писатели называют изящным словом «потасовка». После нескольких таких встреч весь город узнал о неприличных скандалах в папском семействе.

В течение некоторого времени старый папа был целиком во власти обеих прелестниц, слепо подчиняясь то одной, то другой. Он даже восхвалял себя за твердость, якобы проявленную им в сохранении обеих Олимпий возле себя.

Сегодня невестка склоняла папу к одному решению, назавтра по настоянию снохи он принимал диаметрально противоположное.

Мы не будем подробно рассказывать о каждодневных баталиях, происходивших при римском дворе, во-первых, потому, что методы соперниц в подавлении остатков разума первосвященника были более или менее одинаковы, а во-вторых, потому, что их описание граничит с порнографией.

О нравах, царивших в папском дворце, можно судить хотя бы по тому, что папа получал информацию о поведении своих любовниц из их собственных уст: они сами рассказывали ему о своих похождениях, и эти рассказы чрезвычайно забавляли его. Когда нужно было добиться милости для своего протеже, обе прибегали к самому верному аргументу: «Вы не можете ему отказать — ведь он мой любовник». Именно таким образом Олимпия № 2 добилась выгодного поста для одного молодого кардинала.

Вскоре первосвященник совсем уподобился кляче, управляемой двумя седоками — один тянет в лес, другой по дрова.

Олимпии № 1 пришла в голову мысль укрепить свои позиции, введя в коллегию кардиналов своего любовника Асталли.

Сперва святой отец противился этому, но, едва увидал Асталли, мгновенно переменил решение: его молодость и красота сразу воспламенили развратное воображение старого сатира.

В восторге от своей удачи Олимпия рассыпалась в благодарностях, не подозревая, что легкая победа обернется скоро горестным поражением. Возводя своего фаворита в кардинальский сан, она видела в нем опору в борьбе со снохой. Она еще не знала, что собственными руками создает для себя самого опасного противника. С того самого вечера, как Асталли был ему представлен, Иннокентий велел поместить юношу в Ватикане, рядом со своими интимными апартаментами. Наутро у наместника Иисуса Христа появился еще один фаворит. По случаю назначения нового кардинала были устроены пышные торжества, гремела пушка, народу раздавали милостыню. С того дня Асталли стал распоряжаться всеми делами, и многочисленные придворные подхалимы отвернулись от обеих Олимпий. Папская сноха утешалась тем, что могла лицезреть падение свекрови; что же касается старшей Олимпии, то, не скрывая гнева и досады, она пустила в ход все средства: мольбы, слезы, уговоры,— но бесполезно: Асталли приобрел неограниченное влияние на папу.

Но Олимпия не могла покинуть поле сражения. Надеясь, что боязнь огласки сломит сопротивление папы, она решила сжечь корабли и прибегла к угрозам. Между прежними любовниками состоялась весьма оживленная и продолжительная беседа, которую мы вкратце излагаем.

Олимпия. Итак, вы приняли решение? Вы передаете руководство церковью своему фавориту? Подумайте, остановитесь на той опасной тропе, куда вас завела пагубная страсть к этому молодому человеку.

Папа. Я его люблю! Обожаю! Оставьте меня в покое!

Олимпия. Это ваше последнее слово?

Папа. Да, мое последнее слово.

Олимпия. Тогда я вас заставлю лишить его власти.

Папа. В самом деле? Любопытно, на что вы рассчитываете?

Олимпия. Очень просто: я разоблачу ваши постыдные связи.

Папа. Мне это совершенно безразлично.

Олимпия. Всему христианству станет известно о ваших гнусностях.

Папа. Христианство уже знает о них!

Олимпия. О вашей кровосмесительной связи со мной и с женой вашего сына.

Папа. Это уже давно ни для кого не тайна!

Олимпия. О чудовищных оргиях, в которых вы погрязли вместе со своими мерзкими куртизанками и еще более мерзкими юнцами.

Папа. Это все?

Олимпия. От вас отвернутся все католики. Какой моральный авторитет вы сохраните после таких разоблачений?

Папа. Моя дорогая невестка, вы безумны. Разве я вам не сказал, что вы не сообщите ничего нового? И в чем моя вина, кроме того что я следовал примеру моих предшественников? Поймите, я не боюсь вас, но хочу сохранить мир у себя в доме, и потому, будьте любезны, убирайтесь немедленно. Счастливого пути!

Олимпия была в ярости — последняя попытка потерпела крах. Быть столько лет верховной владычицей и покинуть папский дворец! Уступить место предателю, который в ответ на ласки похитил у нее сердце папы? Какое унижение, какая катастрофа!

Чтобы не доставлять удовольствия врагам видеть ее поражение, Олимпия тайно покинула дворец и стала обдумывать планы мести.

Месть Олимпии

Более сдержанная, а главное, более осторожная, молодая Олимпия стушевалась перед кардиналом Асталли.

К несчастью, ее безмозглый супруг не обладал такой же рассудительностью. Доблестный рогоносец очень гордился интимными отношениями родителя со своей женой. Он был крайне рассержен и устраивал Асталли настоящие сцены ревности. Рассчитывая на родительские чувства, он даже осмелился упрекать Иннокентия. Но отцовская струна была у того не слишком чувствительной. Единственным соображением, которое могло сделать его снисходительным к сыну, было нежелание полного разрыва с очаровательной Олимпией, ибо время от времени он удостаивал своим вниманием и ее. Сначала Иннокентий терпеливо выслушивал укоры сынка, возом-

нившего, что ему удалось уговорить отца. Вообразив себя победителем, Камилл стал не на шутку дерзить отцу, уже совсем не отдавая отчета в своем поведении. Папский дворец опять стал ареной громких скандалов — на этот раз действующими лицами были уже не женщины, а мужчины. В конце концов терпение папы лопнуло, и он сделал окончательный выбор между любовницей и фаворитом, решив расстаться с Олимпией и ее сварливым супругом.

Тогда старшая Олимпия, неусыпно следившая за тем, что происходило в папском дворце, решила вернуться. Теперь она стала столь же кроткой, сколь высокомерной была когда-то. Вновь взяв на себя заботы об удовольствиях святого отца, она проявила столько ловкости и усердия, что вскоре вновь приобрела известное влияние.

Обычная интриганка торопилась бы вкусить плоды своей победы. Олимпия же боялась скомпрометировать себя такой поспешностью. Ее план был построен на точном расчете, поэтому она удвоила свою скромность и нежность и вела себя так, словно не имела иного намерения, кроме как быть полезной папе. Уверенно и твердо шла она к намеченной цели — свержению ненавистного Асталли.

Однажды она представила папе юнца, еще более красивого, чем Асталли. Папа немедленно поддался власти его чар. С затаенной радостью наблюдала Олимпия, как росла симпатия к новому фавориту и как папа охладевал к прежнему. Несмотря на сопротивление Асталли, юноша был вскоре назначен на важный пост секретаря папской канцелярии. Во всем следуя советам своей покровительницы, он с каждым днем укреплял свои позиции.

Поняв, что продолжать борьбу бесполезно, и предчувствуя близкую немилость, Асталли постарался завербовать союзников против Иннокентия. Он посвятил в секреты святого престола флорентийцев и испанцев. Но не тут-то было! Олимпия бдительно следила за своим бывшим любовником и поймала его с поличным. Асталли был немедленно лишен пурпурной мантии и изгнан из Ватикана. У него было отнято все: деньги, должности, приходы. Неумолимая Олимпия распорядилась отобрать у него даже те шесть тысяч экю, которые он, покидая дворец, увозил в багаже.

После изгнания Асталли папа вновь передал своей невестке управление церковными делами. Она опять стала папессой, верховной распорядительницей финансов святого престола. А Иннокентий, целиком поглощенный своим новым

фаворитом, даже не заботился о сохранении видимости власти. Всем, кто просил аудиенции, папа неизменно отвечал: «Я не занимаюсь делами, обратитесь к моей дорогой Олимпии».

Никогда честолюбивая куртизанка не могла мечтать о столь блистательном реванше. Неограниченно распоряжаясь апостольской казной, она богато одаривала своих фаворитов, собрав вокруг себя целый двор. Так продолжалось до самой смерти Иннокентия.

И вот распутный старик слег в постель. Кроме физических страданий его мучила навязчивая идея: ему казалось, что его непременно отравят слуги, подкупленные Асталли. В течение нескольких месяцев он не принимал никакой другой пищи, кроме той, которую на его глазах приготовляла невестка. Ей, вероятно, не слишком улыбалась роль кухарки, но она подчинялась всем капризам умирающего — и не из преданности, а из-за ненасытной алчности. До самого конца она боялась впасть в немилость и потерять в один день плоды столь длительных и коварных маневров. Она была нежной со старым рамоликом и даже обосновалась в его спальне. Целый месяц провела она у его изголовья, не зная отдыха.

Радостный крик избавления вырвался из груди Олимпии, когда 5 января 1655 года Иннокентий X испустил дух. Она прекрасно сознавала, что теперь придется отказаться от упоительной власти, но при своей красоте и награбленном состоянии твердо рассчитывала на безоблачное существование.

Папесса так бесстыдно обчищала апостольскую казну, что в сундуках Ватикана не нашлось даже суммы, необходимой для похорон первосвященника.

Три дня тело главы христианства оставалось на смертном ложе, и никто не заботился о том, чтобы предать его земле. Попросили Олимпию взять на себя расходы по погребению — она категорически отказалась. Следуя примеру папской девки, ни один из титулованных жуликов, составлявших свиту Иннокентия X, не пожертвовал ни гроша. Случилось так, что все расходы взял на себя один старый каноник.

Этот штрих как нельзя более точно характеризует римский двор.

■ Как обычно, избрание преемника Иннокентия X сопровождалось длительными распрями и постыдным торгашеством. В конце концов божественный голубь, который, как известно, незримо присутствует на заседаниях коллегии кардиналов, вдохновил конклав избрать некого кардинала, принявшего имя Александра VII. Возможно, он взял это имя в честь любезного Александра VI Борджиа, о подвигах которого мы подробно рассказывали. Если так, то он тщательно скрывал свои намерения, ибо все современники единодушно свидетельствуют, что перед восшествием на престол он являл собой образец всех христианских добродетелей.

На самом же деле он ревностно придерживался лишь главной из них — лицемерия. Наивное стадо верующих ввела в заблуждение его мнимая скромность. Что касается коллег-прелатов, то они, естественно, были менее доверчивы и точно знали, чего стоит притворная маска, столь необходимая в их профессии. Эпизод, происшедший во время выборов, показывает, как расценивали кардиналы мнимое смирение Александра VII.

Вот что мы прочли в записках одного из участников конклава.

Александр VII ничем не брезговал, лишь бы одолеть своих конкурентов. Но когда ему доложили о его избрании, он зарыдал, точно узнал о смерти всех своих близких (вероятно, предвидя победу, он захватил сырой лук в носовом платке).

Церемония предписывает избраннику сразу по объявлении результатов голосования расположиться на троне святого Петра. Смущенный Александр VII присел на край кресла. «Извольте занять центр,— воскликнул церемониймейстер,— так требует обычай!» Его святейшество после долгих уговоров в конце концов подчинился, но опустился на трон с исключительной скромностью. По традиции кардиналы подходят с поздравлениями к первосвященнику, в то время как он должен горячо благодарить своих избирателей. Но, охваченный волнением (вероятно, лук возымел свое действие), папа вместо благодарственных слов разразился рыданиями, столь комичными, что присутствовавшие, не в силах удержаться от смеха, кричали: «Довольно, святой отец, хватит!» Чудесное

зрелище: папа издает вопли, а кардиналы, подбоченясь, задыхаясь от смеха, кричат: «Хватит! Пожалейте паркет!»

Чтобы целиком отдаться развлечениям, Александр VII покинул Рим и устроил свою резиденцию в очаровательной долине, где расположено озеро Альбано.

Здесь в окружении блестящего и развращенного двора проводил беззаботные дни святой отец. Самые изысканные блюда, тончайшие вина создавали веселое настроение у папы и его свиты. Изредка на несколько часов папа появлялся в Ватикане, в основном предоставив все дела (которые он считал утомительно скучными) Государственной конгрегации, учрежденной еще Урбаном VIII. В своем ведении Александр VII оставил только апостольскую казну, которую он усердно опустошал. Никакие налоги не в состоянии были поправить финансовые дела церкви: все доходы мгновенно испарялись благодаря стараниям папы и его фаворитов. В течение одного года преемник Иннокентия X трижды облагал церковную область поборами для устройства празднеств в честь шведской королевы Христины, приехавшей в Рим отрекаться от протестантства.

Вот оценка, которую дает Александру VII один прелат римской курии: «Я служил у этого папы в течение сорока двух месяцев и могу засвидетельствовать: он заботился только о том, чтобы глужбе погрязнуть в трясине любострастия; от папства он унаследовал только имя и пороки».

Александр VII тратил колоссальные деньги и на сооружение дворцов. Не говоря о роскошных зданиях, построенных им для родственников, он возводил никому не нужные постройки и монументы. На площади святого Петра, например, он приказал воздвигнуть колоссальный памятник, состоящий из двухсот восьмидесяти одной колонны и восьмидесяти восьми арок.

Иезуиты были главными помощниками Александра VII в выкачивании денег из карманов верующих. Чтобы заставить христиан раскошелиться, генерал иезуитов отец Олива с кафедры оправдывал ненасытность папы и его кардиналов: «Знайте, братья мои, деяния папы могут быть только святыми и достойными. Для блага верующих Александр VII и его кардиналы стремятся к богатству...»

Алчность святого отца была общеизвестна. Совершенно открыто распространялась гравюра, на которой папа изображался вместе со своими любовницами, фаворитами и кардиналами у ног Христа, из тела которого вместо крови льется

золото. Папа собирает золотые монеты в тиару и приговаривает: «Он был распят только для нас».

Если сам Александр VII пренебрегал политическими и государственными делами, то Государственная конгрегация занималась теологическими спорами, разгоравшимися во многих странах Европы. Были изданы две буллы против янсенистов, боровшихся с иезуитами. Именно тогда Паскаль опубликовал свои «Письма к провинциалу» — жестокую сатиру на мораль и доктрины иезуитов. Сохранение светской власти и утверждение собственной непогрешимости — единственное, что волновало папу, все остальное он высмеивал и часто в дружеских беседах с кардиналами отпускал шутки по поводу основных догм католицизма. Одной из его излюбленных тем было рождение Христа. По этой канве он вышивал озорные вариации, сочувствуя наивному Иосифу, поверившему жене, сочинившей вместе с архангелом Гавриилом сказочку, которая легла в основу христианского учения.

И этот безбожник считал себя непогрешимым представителем божественного Христа, дорожа этой привилегией так же, как своей светской властью!

* *
*

Когда Франция и Испания, воевавшие друг с другом, заключили, не согласовав с ним, мирный договор, он был настолько оскорблен, что преисполнился лютой ненависти к французам и испанцам, а также к их полномочным представителям. Особенно доставалось кардиналу Мазарини. Папа поклялся отомстить Французскому королевству и ждал лишь подходящего момента. Обеспечив себе поддержку германского императора, Александр приказал корсиканцам из своей личной стражи публично оскорбить посольство Людовика XIV во главе с герцогом Креки. Французы не остались в долгу, и завязалась кровавая схватка.

Четыреста корсиканцев напали на посольский дворец. Едва Креки появился на балконе, чтобы образумить нападающих, раздались выстрелы, и ему пришлось удалиться. В то же самое время его карета подверглась обстрелу, и паж, стоявший у дверцы, был убит.

Если бы не вмешались представители других стран, солдаты по приказу папы перебили бы посла, его семью и весь персонал посольства. Креки потребовал наказания виновных, а получив отказ, больше не настаивал, но информировал свое

правительство о происшедшем. Можно себе представить, какое негодование вызвало это известие во дворце Людовика XIV.

Король начал с того, что выпроводил нунция Александра VII. Затем через своего посла он передал святому отцу ультиматум, пригрозив немедленно снарядить французскую армию для захвата папских земель, если не будут выполнены следующие условия:

1. Снять с должности губернатора Рима, брата папы, за то, что он не оказал помощь послу.

2. Лишить сана кардинала Империали, который был главным зачинщиком беспорядков.

3. Навсегда изгнать корсиканские отряды из Рима.

4. Воздвигнуть на площади Фарнезе монумент с надписью, клеймящей позором тех, кто покушался на особу, представляющую Францию.

Святой отец наотрез отказался удовлетворить эти требования, более того, он поступил как раз наоборот. Он назначил Империали легатом Романьи, дал своему брату новые приходы, в знак благодарности увеличил жалованье корсиканской страже. Послание, в котором он уведомлял Людовика XIV о своих решениях, заканчивалось так: «Для поддержания священных прав нашего престола мы готовы подвергнуть духовенство и даже нашу собственную особу кровавым нападениям королей. Но мы не сдадимся, а призовем на помощь верующих. Если их помощь окажется недостаточной, мы обратимся к господу, чтобы он послал с неба легионы ангелов сражаться за нас».

Если бы Александр VII рассчитывал только на поддержку небесных сил, то, вероятно, укротил бы свой воинственный нрав. Истина заключалась в том, что он уповал на германского императора Леопольда I, обещавшего в случае надобности прийти к нему на помощь.

Впрочем, надобность была не только очевидной, но и весьма срочной. С удалью человека, не умеющего воевать, святой отец лишь спровоцировал опасного противника. Сам же он собирался поскорее вернуться к своим любовницам и фаворитам, тогда как императору предстояло принять на себя удары, предназначенные папе.

Поразмыслив над тем, стоит ли ему подвергаться опасности — ведь войска Людовика XIV только что одержали блестящие победы, — германский император решил воздержаться от выполнения своего намерения. Он ответил Александру VII,

что действительно обещал поддержку, но вовсе не собирался предоставлять свои войска. И прибавил, что разрешает на средства апостольской казны вербовать на своей территории воинов, чем и ограничится его помощь.

Папа был страшно разочарован и тут же запросил мира. Войска Людовика, достигшие Милана, были тотчас же отозваны.

Согласно договору, подписанному в Пизе, первосвященник брал на себя обязательство воздвигнуть «искупительный» монумент и навсегда изгнать корсиканцев из церковной области.

Первое, что сделал Александр VII, возвратившись в Рим, это заявил, что не собирается выполнять обещаний, вырванных силой, и официально отказывается от выполнения условий Пизанского договора.

Одновременно он продолжал разыгрывать перед французским двором смиренную покорность и даже поручил своему племяннику передать Людовику XIV глубокие извинения. Прелат имел и дополнительное поручение — нажать на все пружины и вызвать во Франции беспорядки. Кардинал сразу же установил связь с иезуитами, которым от лица своего дяди предписал объявить тайную войну королю. Привыкший к распутной жизни святого отца, молодой кардинал и в Париже целиком окунулся в развлечения. Среди придворных дам нашлось вдоволь красоток, стремившихся приобщиться к благодати путем интимного контакта с посланцем наместника Христа. Достойный племянник Александра VII не пренебрегал и молодыми чиновниками, и его скоро наградили прозвищем Дитя Содома.

Распутная жизнь папского племянника в Париже ввела Людовика XIV в заблуждение относительно истинных целей его пребывания во Франции. Однако публикация некоторых работ, где подвергался критике авторитет королевской власти, вселила в Людовика некоторые опасения. Желая внести ясность и найти главного зачинщика, он приказал наложить арест на две книги иезуитского происхождения. Он добился осуждения их Сорбонной, а сам стал дожидаться откликов святого отца.

Поведение папы целиком подтвердило подозрения короля. Александр VII разразился устрашающей буллой, в которой объявлял решение Сорбонны позорным, самонадеянным, наглым и под страхом отлучения от церкви запрещал духовным лицам считаться с ним.

Теперь Людовик XIV убедился в истинных намерениях папы, однако, решив, что ему выгоднее поддерживать с ним тесную связь, прибегнул к испытанному средству, чтобы завоевать расположение Александра VII: он переслал в Рим значительную сумму для закупки реликвий, которые король собирался распределить по разным церквам Парижа.

В восторге от подарка, Александр VII поторопился отправить требуемые реликвии, запакованные в три ящика, с приложением печати кардинала, которому было поручено хранение и продажа старых костей (это составляло одну из самых прибыльных отраслей в папской коммерции).

Случилось так, что епископ, которому было доверено вскрытие драгоценного груза, тайно симпатизировал янсенистам, оппозиционно настроенным по отношению к папе, и потому в глубине души был совсем не прочь подшутить над иезуитами и святым отцом.

Для исследования содержимого ящиков, полученных из Рима, епископ самым невинным тоном предложил привлечь анатомов, которые классифицировали бы и разобрали кости. Чтобы позабавиться на славу, епископ пригласил на экспертизу и кардинала — племянника папы.

Надпись на первом ящике гласила, что в нем лежат останки двух знаменитых мучеников. Однако, когда кости были извлечены, оказалось, что из них можно составить три скелета вместо двух.

Кардинал объяснил это тем, что писец допустил описку, поставив вместо слова «три» «два».

Когда перешли ко второму ящику, обнаружился новый сюрприз: кроме человеческих костей были три ослиные бедренные кости, две собачьи голени и другие кости, принадлежавшие домашним животным.

Кардинал, посвященный в тайны Ватикана, конечно, хорошо знал цену реликвиям и с трудом сдерживал смех, душивший его. Но, чтобы спасти положение, он придумал следующее объяснение: «Вероятно, сатана сунул эти кости в останки почитаемых святых. Козни дьявола совершенно не поддаются учету. Братья мои, он хотел испытать вашу веру. Мы обманем его надежды и забудем об инциденте. Перейдем к третьему ящику».

Надпись на последнем гласила: «Голова святого Фортуната». Его вскрыли и действительно обнаружили прекрасно сохранившуюся голову покойника.

Кардинал сиял: слава богу, обошлось без новых неожи-

данностей, которые вряд ли можно было бы объяснить вмешательством дьявола. Нет, то была настоящая голова, и никто не смог доказать, что она не принадлежала святому Фортунату. На беду, один из врачей, заметив в ней что-то подозрительное, бросил голову в кипяток. Почти тут же череп стал расползаться и потерял всякую форму: голова была сделана из картона.

Пристыженный кардинал поспешил ретироваться, что-то бессвязно бормоча. Забыв о своей профессиональной важности, врачи и янсенистский епископ проводили его громовым хохотом.

Людовику XIV был представлен подробный отчет об открытиях, сделанных при научном исследовании костей, присланных папой. В этом протоколе устанавливалось, между прочим, что человеческие кости — якобы первых веков нашей эры — принадлежали лицам, скончавшимся совсем недавно.

Можно было думать, что монарх, ставший жертвой мистификации, выбросит содержимое всех трех ящиков. Ничуть не бывало! Король бросил в огонь протокол анатомов, строго-настрого запретив свидетелям экспертизы под страхом заключения в Бастилию разглашать ее результаты. А присланные кости, за исключением испорченной картонной головы, были разосланы по разным церквам Парижа. И если нам скажут, что ослиные и собачьи кости творили чудеса, то мы не удивимся. Соедините наглость, жульничество и коварство священников с невежеством благочестивых верующих — и вы получите столько чудес, сколько захотите.

Реликвии, присланные Александром VII Людовику XIV, до сих пор украшали бы католические храмы Парижа, если бы их не сожгла вместе с прочим мусором великая французская революция.

Впрочем, оберегая свои доходы, духовенство заботливо восполнило уничтоженные священные реликвии.

Религиозные непристойности

■ В 1667 году Александр VII умер. Через месяц римским первосвященником был провозглашен Климент IX, слабый, апатичный и ленивый человек. Занимая апостольский трон

в течение двух с половиной лет, он не ознаменовал своего понтификата ничем, что заслуживало бы особого упоминания.

Самой большой слабостью Климента IX было пьянство. К тому же он был еще и первостатейным обжорой. Количество снеди, поглощаемой им, изумляло даже тех, кто постоянно наблюдал его за столом.

Он умер в 1669 году от расстройства пищеварения.

На одном эпизоде из периода правления этого первосвященника стоит остановиться, ибо он характеризует некоторые церковные ритуалы той эпохи.

После ряда недоразумений со святым престолом Людовик XIV, желая засвидетельствовать Клименту IX свое уважение, попросил его стать крестным отцом дофина; папа, конечно, с радостью согласился. И вандомский кардинал получил чрезвычайные полномочия — представлять его святейшество в качестве крестного отца.

С окончанием церемонии кончались и полномочия вандомского кардинала, но в течение тех кратких мгновений, когда кардинал чувствовал себя облеченным папским достоинством, он вошел во вкус и продолжал разыгрывать из себя папу. Он аннулировал брак своей племянницы, жены португальского короля, разрешив ей выйти замуж за дона Педро, брата короля и ее любовника.

Ввиду того что это было явным превышением власти, решение аннулировали. Папе предстояло восстановить первоначальное положение: разлучить жену короля с ее избранником и вернуть ее законному супругу.

Естественно, такой исход вовсе не устраивал влюбленных. Чтобы отвести нависшую над ними угрозу, экс-королева призналась, что она беременна и что она не может считать отцом короля, ибо ребенок зачат от второго мужа; причиной же ее разрыва с монархом явилось именно его бессилие.

Аргумент довольно веский! Но дон Педро нашел другой довод, более убедительный. Зная продажность духовных лиц, он послал Клименту IX богатые дары, и тот сразу одобрил решение вандомского кардинала.

А так как изложить в булле подлинную причину, побудившую его сделать это, было невозможно, папа выразил строгое порицание португальским епископам, предварительно не подвергшим супругов испытанию.

Это испытание представляет собой старинный церковный обычай. Духовные судьи поручали экспертизу врачу, хирургу и матроне.

После предварительных обследований супруги обязаны были лечь в постель в присутствии экспертов, причем полог оставался приоткрытым, несмотря на протесты жены или мужа. Затем, когда оба выходили из алькова, эксперты приступали к новому обследованию. После этого составлялся подробный протокол и церковный двор выносил свое решение.

Когда гражданские власти во Франции решили покончить с омерзительным обычаем, они натолкнулись на отчаянное сопротивление: все епископы объединились для защиты того, что называлось «священной прерогативой святой матери церкви». Преодолеть их сопротивление стоило невероятных усилий. Видимо, непристойная процедура доставляла большое удовольствие этому грязному отродью.

Приключения ясновидящей

■ После смерти Климента IX кардиналам понадобилось несколько месяцев, чтобы выбрать нового папу. Наконец они решили отдать предпочтение восьмидесятилетнему старцу, принявшему имя Климента X.

И этот первосвященник, подобно своему предшественнику, отличался непреодолимой склонностью к спиртным напиткам. Вино показалось ему пресным, и он стаканами потреблял более крепкие напитки. Родственников мужского пола у него не было, но, не желая нарушать священные традиции непотизма, он узаконил в качестве племянника Антонио Паулуцци, зятя одной из своих племянниц. Возведя его в сан кардинала, он осыпал чинами и дарами всех членов своей новой семьи. На Антонио папа возложил функции премьер-министра, или кардинала-падроне, с годовым окладом в сто тысяч экю.

С чисто юношеским задором святой отец в течение нескольких дней обогатил всех Паулуцци и их родственников; папская щедрость заставила совсем незнакомых людей неожиданно вспомнить, что они состоят в родстве с папой. Родственники плодились, как черви после дождя.

Одарив таким образом всех своих новоявленных родственников, святой отец решил, что подобно господу богу, завершившему свой шестидневный труд, он получил право заслуженно почить на лаврах.

Управление церковью папа доверил премьер-министру, а сам предался необузданному пьянству. Злоупотребление алкоголем сделало его почти кретином.

Между тем религиозные секты размножались и ссорились между собой по любому поводу. Достаточно было какому-нибудь мошеннику или полоумному объявить, что его наставляет господь, как тут же его окружала целая свора одержимых. Так возникали секты, из которых лишь очень немногие оставили в истории заметный след. Одна из таких групп была основана Антуанеттой, уроженкой Лилля. В раннем детстве Антуанетту возненавидела мать и поместила ее на чердаке, где она и провела несколько лет в полном одиночестве, не видя ни одного человеческого существа, кроме особы, приносившей ей каждое утро пищу и никогда не заговаривавшей с узницей.

На воображение бедной девушки сильно повлияли несколько книг мистического содержания, случайно оказавшиеся на чердаке, и в конце концов ее религиозное помешательство достигло такой степени, что появились видения и ей стало казаться, будто сам бог посещает ее. Она уже собиралась бежать в монастырь, как вдруг Христос явился к ней и сказал, что «монахи и монахини так же отвратительны, как и священники, гнусность их требует возмездия. Придет время, когда это бесовское отродье сдохнет, само себя сожрав». Тогда Антуанетта решила остаться в своей тюрьме.

Родители, тяготившиеся дочерью, решили выдать ее замуж. Так как они были довольно состоятельны, то женихов хватало. Молодая ясновидящая питала к замужеству такое отвращение, что предпочла сбежать из дому, хотя не имела почти никаких средств.

На пути ей встретился отряд солдат. Несмотря на платье отшельника, ее стройная фигура, тонкие черты лица и смущение возбудили подозрение. Начальник отряда поспешил его тут же рассеять, приказав раздеть молодого монаха.

Бедная Антуанетта, которая спасалась от одного мужчины, несмотря на все мольбы и слезы, была изнасилована целым отрядом. Если верить ее биографу, ни один солдат не пощадил девушки, а ведь в отряде было четыреста человек!

Обыкновенная женщина умерла бы от подобного эксперимента, но ведь Антуанетта была святой, которой господь даровал особую милость. Не успел отряд удалиться, как она проворно вскочила и продолжала дальнейший путь, будто

ничего особенного и не произошло. Ее биограф утверждает даже, что она не потеряла девственности!

Затем Антуанетта попала к священнику соседней деревни, который поместил ее в монастырь. Соблюдая примерное благочестие, Антуанетта не отказалась от своих мистических идей и даже завербовала среди монахинь нескольких единомышленниц, впадавших, подобно ей, в религиозный экстаз.

Духовниками в этом монастыре были отцы-иезуиты. Возмутившись их непристойным поведением, она решила бежать из монастыря и увести с собой нескольких монахинь, которых она подчинила своему влиянию. Ее выдали, и она была изгнана. Продолжая свой путь в одиночестве, она нашла приют у другого кюре. Он ее хорошо принял и устроил у себя. Антуанетта уже начала думать, что Иисус, посетивший ее на чердаке, оклеветал служителей религии, назвав их мерзким бесовским отродьем.

Однако священник, приютивший красивую молодую девушку, захотел вознаградить себя за свое гостеприимство и попытался ночью проникнуть к Антуанетте. Несчастная отчаянно сопротивлялась и смогла убежать от любвеобильного священника.

После всех перенесенных испытаний Антуанетта вернулась в семью. Вскоре умерла ее мать, затем отец, и Антуанетта стала обладательницей приличного состояния. Она облачилась в платье ордена святого Августина и стала ухаживать за больными в монастырской больнице. Монастырская жизнь усилила ее истерию, к ней вернулись ее видения и галлюцинации.

Религиозное помешательство очень заразительно, и скоро все монахини в больнице стали походить на одержимых. Даже сквозь толстые стены были слышны их крики и завывания. Слухи о том, что Антуанетта — ведьма, одержимая дьяволом и околдовавшая других монахинь святой обители, не замедлили распространиться по городу.

Антуанетта была вынуждена покинуть Лилль, где ее жизнь подвергалась опасности.

После отъезда из родного города ее мозг несколько успокоился. Видения, правда, не исчезли, но приняли другой характер — они стали райскими.

«Господь, — пишет она в своих мемуарах, — удостоил наконец меня вечной с ним связи и приказал мне пожелать ребенка, что я и сделала. Я немедленно почувствовала, что небесный пастырь заключил меня в свои объятия и покрыл

поцелуями. Затем я потеряла сознание, опьяненная неизъяснимым блаженством... Девственность моя исчезла, и я забеременела. Девять месяцев спустя я родила не без телесных страданий, что повторялось каждый раз, как я производила на свет дитя».

Антуанетта находилась в Амстердаме, когда бог удостоил ее первым ребенком. Нам бы хотелось выразить свои сомнения по поводу божественного происхождения той персоны, от которой родился сын Антуанетты. Но рассказы этой набожной истерички дословно подтверждает благочестивый отец Борд.

Можно ли сомневаться в правильности этого свидетельства? Конечно, нет! Надо полагать, что Борд отлично знал Антуанетту и был больше чем кто-либо осведомлен о том, как фабриковались ее дети. Их было немало, и, само собой разумеется, они появлялись на свет в результате непорочного зачатия. За это может поручиться сам отец Борд, не покидавший Антуанетту ни на один день! Он сопровождал ее во всех ее странствиях, был ее последователем, а она его супругой — целомудренной супругой конечно. Даже ночью он не разлучался с ней, разделял с ней ложе, соблюдая при этом целомудрие и всегда присутствуя, таким образом, при всех проявлениях божественной благодати.

В больших дозах мистицизм приводит к безумию, в малых — к одичанию.

Во славу господа!

■ После шестилетнего правления, в течение которого фактически церковью руководил Антонио Паулуцци, Климент X скончался.

Папу-пьянчугу сменил Иннокентий XI — жестокий, кровавый папа, проливший во славу господа целые реки крови. Можно было лишь пожалеть о предыдущем: лучше иметь наставником распутного старца, чем дикого зверя.

С помощью интриг, опираясь на иезуитов, папа организовал в Англии заговор с целью восстановления католицизма в качестве государственной религии.

В Англии в это время занимал трон опрокинутый Кромвелем Карл II.

Поставив перед собой задачу реставрировать абсолютизм, он совершенно хладнокровно оценивал перспективу всеобщего избиения пресвитериан и сторонников конституционного правительства. План монарха состоял в том, чтобы использовать католиков для ниспровержения парламента, а потом стать на сторону пресвитериан, против католиков.

Карл II не подозревал, что имеет дело с более сильными и коварными людьми, чем он сам. Агенты Рима, разгадав его намерения, делали только вид, что подчиняются королевской воле. На самом же деле они собирались его убить, а корону передать его брату — Якову, герцогу Йоркскому.

Все было готово, когда один из конспираторов провалил заговор, поведав лондонскому мировому судье, что наместник Христа собирается с корнем вырвать ересь, распространившуюся в Английском королевстве, и, поручив иезуитам восстановить папскую власть, дал им полную свободу пользоваться любыми средствами.

Было уже организовано католическое правительство, фактическим главой которого должен был стать папский легат. Главные государственные должности поделены между фанатичными сторонниками римской церкви. Герцогу Йоркскому отводилась роль коронованной марионетки в руках Иннокентия XI и иезуитов.

Короля тайный трибунал иезуитов приговорил к смерти. Духовник Людовика XIV, отец Лашез, предложил личному врачу королевы десять тысяч фунтов за отравление ее мужа. Совестливый врач отказывался обмануть доверие своего монарха.., если благочестивый отец не прибавит еще пяти тысяч фунтов. Отец Лашез немедленно согласился.

Все эти детали открыл судье один раскаявшийся заговорщик. Он добавил, что на тот случай, если врач не выполнит своего обещания, иезуиты подкупили еще четырех убийц, которые должны заколоть Карла II, когда он появится в парламенте. Этот способ оправдал себя с Генрихом IV и казался вполне подходящим. Если бы и это отлично подготовленное покушение провалилось, в распоряжении иезуитов были еще два агента, которым предстояло бы стрелять в короля.

Заговорщик поведал также, что иезуиты, развлекаясь, бились об заклад по поводу сроков гибели Карла II. Одни утверждали, что он умрет до рождественских праздников, другие считали, что убийство произойдет позднее.

Рвение судьи, который вел следствие, привело к раскрытию страшных замыслов католиков.

Была обнаружена секретная переписка королевы с герцогом Иоркским, лордов-католиков — с папским нунцием и духовником Людовика XIV. Эти письма компрометировали столь высоких особ, что неподкупный судья не мог не поплатиться жизнью за свои разоблачения.

Однажды утром его нашли заколотым собственной шпагой. Иезуиты инсценировали самоубийство, объявив, что несчастный судья, оклеветав министров святой католической церкви, свершил над собой суд, терзаясь угрызениями совести. Между тем багрово-красный след на шее свидетельствовал, что смерть произошла от удушения. Шпага проткнула тело, когда судьи уже не было в живых. Ясно было, что преступление совершено по наущению королевского двора и иезуитов.

Вскоре догадка подтвердилась: среди допрошенных католиков нашелся недовольный, который выдал виновных. Его свидетельство имело тем больший вес, что он сам был замешан в деле.

Так как взбудораженное общественное мнение необходимо было во что бы то ни стало успокоить, Карл II пожертвовал несколькими иезуитами, второстепенными участниками преступления. Они предстали перед судом, были приговорены к смертной казни и повешены.

Тем не менее католики одерживали победы. Они захватили многие приходы, всячески притесняли протестантов, превратились в настоящих хозяев Англии, верных сподвижников своего жестокого и развратного повелителя.

Яков II, провозглашенный после смерти Карла II королем, полностью оправдал надежды католиков. Исповедуя самым прилежным образом римскую религию, он стал преследовать пресвитериан с варварством, перед которым меркли жестокости его предшественника.

Чтобы засвидетельствовать папе покорность Англии, Шотландии и Ирландии, Яков направил к нему специального посла. Иннокентий XI вновь заполучил — правда, ненадолго — три страны, объединенные под одним скипетром. Он надеялся, что протестантство, истреблявшееся с такой яростью, уже не произрастет на этой земле. Победа не только льстила папскому самолюбию, но и приносила значительные доходы. И папа был в восторге.

Римская религия, казалось, завоевала прочные позиции в Англии. Страну наводнили священники и монахи. Наглые и дерзкие, они являлись повсюду, словно вступали во владе-

ние побежденной страной. В сущности, так оно и было. Но в конце концов чаша терпения переполнилась, и все некатолические партии объединились против общего врага.

Якова II изгнали из Английского королевства, а вместе с ним и алчную орду духовных лиц разных званий. Корону передали герцогу Оранскому, ставшему королем Вильгельмом III. Папская победа в Англии оказалась мимолетной.

Правда, его утешала Франция, где Людовик XIV заботливо оберегал католицизм, истребляя гугенотов.

Преследования вылились в массовые избиения, которые по своей жестокости превосходили Варфоломеевскую ночь. Драгуны, отправленные для усмирения еретиков, действовали под руководством миссионеров, ибо католические бандиты заботились о душах своих жертв. Для того чтобы вырвать у гугенотов отречение, применялись самые ужасные пытки.

Наемники и монахи носились по городам и селам, врывались в дома протестантов, грабя имущество, насилуя женщин и девушек. Излюбленным развлечением было сжигание людей, облитых кипящим маслом.

Следуя настояниям своего духовника, Людовик XIV вознамерился окончательно истребить протестантскую религию и отменил Нантский эдикт, что имело для Франции губительные последствия. Дело в том, что с главными отраслями производства были связаны преимущественно гугеноты. Они эмигрировали целыми толпами, перенося за границу свои предприятия и капиталы. Из-за идиотизма набожного короля Франция обнищала.

Более восьмисот тысяч гугенотов эмигрировали и увезли за границу свои ценности. Были изъяты из торговли значительные капиталы, и земли королевства оставались необработанными.

Конечно, папа обратился к Людовику XIV с горячими поздравлениями, убеждая его и дальше идти по той же стезе. Тогда король распространил свое религиозное рвение на соседние страны. Он предложил савойскому герцогу помочь истребить мирное, трудолюбивое население, виновное лишь в том, что оно не подчинилось папству.

Соединившись с пьемонтскими отрядами, драгуны Людовика XIV вырезали в горах более двадцати тысяч гугенотов.

Жестокости французского короля снискали ему признательность и благосклонность Иннокентия XI. Однако вскоре им суждено было рассориться. Папа захотел уничтожить привилегии, которыми пользовались в Риме иностранные послы.

Большинство государей приняло декрет первосвященника, спесивый же Людовик усмотрел в этом ущемление своего достоинства и потребовал для своих представителей сохранения прежних привилегий.

Когда святой отец отказался, король отправил в Рим отряд в восемьсот человек, приказав занять посольский дворец и силой защищать прежние привилегии. Кроме того, король созвал совет для суда над Иннокентием XI.

Но папа вскоре скончался. Он истребил достаточно еретиков, чтобы обеспечить себе тепленькое местечко рядом с известнейшими убийцами, составляющими окружение господа бога.

Пьянство, вероломство, мошенничество

■ Узнав о смерти Иннокентия XI, Людовик XIV поторопился отправить своему посланнику в Риме распоряжение о раздаче внушительных сумм членам коллегии кардиналов, для того чтобы они выбрали угодного ему папу.

Средство было самое верное. По указанию французского посла большинство голосов было подано за Александра VIII.

Новый папа великолепно сочетал в себе оба наиболее характерных порока Климента IX и Климента X — он был обжорой и пьяницей. После обильных ужинов его святейшество проводил ночи в попойках, распевая куплеты, которые обычно сочинял сам.

Его незаконный сын и фаворит был возведен в сан кардинала, а к тому же святой отец назначил его суперинтендантом по делам церкви, великим канцлером и авиньонским легатом, обеспечив также богатыми приходами, общий доход которых составлял не менее пятидесяти тысяч экю в год. Папа проявил щедрость и в отношении других членов своей семьи, распределив между ними самые высокие и прибыльные посты.

Иннокентий XI оставил казну в блестящем финансовом состоянии: ведь изничтожение еретиков требовало гораздо меньших средств, чем оргии, игры и любовницы. Его преемник быстро опустошил апостольские сундуки. В течение трех недель исключительная забота о племянниках и племянни-

цах исчерпала казну и обременила святой престол огромными долгами.

Есть, пить и одаривать родственников — это было главным занятием его святейшества в течение всего понтификата.

После его смерти французский король вновь позаботился о том, чтобы был избран преданный ему папа. На этот раз было больше претендентов, и это обошлось гораздо дороже: кардиналам роздали пятнадцать миллионов. В то время, когда подданные Людовика XIV буквально умирали от голода! Несмотря на внушительность суммы, дебаты длились очень долго, и до последнего момента исход выборов был неясен. После шести месяцев борьбы под именем Иннокентия XII стал папой ставленник Людовика XIV. Будучи весьма ловким, он сумел использовать влияние отца Лашеза и добился от него отмены всех эдиктов и ордонансов, противоречивших интересам римской курии.

Иннокентий XII умер вместе со своим веком — в 1700 году. Незадолго до смерти он не преминул вспомнить о всемирном отпущении грехов. Юбилей 1700 года дал, как и все предыдущие, великолепный урожай. Золото в огромном количестве потекло из всех христианских стран в хранилища Ватикана. Но самому святому отцу не пришлось воспользоваться плодами этого прибыльного мероприятия.

Через два месяца после его смерти новый папа, Климент XI, нашел апостольские сундуки наполненными до отказа — факт, не часто встречавшийся в анналах истории папства.

Паши церкви

■ Вскоре после восшествия Климента XI на апостольский трон Рим постигло страшное бедствие. В результате обильных дождей Тибр вышел из берегов, залил поля и погубил посевы. Начался голод: население дошло до того, что питалось травой.

Смертность была огромной. Эпидемии косили людей тысячами. Ко всем несчастьям прибавилось еще землетрясение, которое за пятнадцать минут снесло целые улицы и похоронило множество людей под обломками домов.

Ужас и отчаяние воцарились в городе. Измученное голодом и лихорадкой население взывало к святому престолу. Однако Климент XI, как и прежде, садился за стол, вовсе не думая о том, чтобы хоть как-то сократить свое меню.

Римляне негодовали еще и потому, что знали, какие огромные богатства хранятся в папской казне благодаря недавнему юбилею, и не могли представить, что эти огромные суммы уже истрачены. Тем не менее папа не раскошелился ни на одно экю для облегчения бедственного положения своего народа. Он ограничился несколькими декретами, которые некоторые историки расценили как весьма мудрые. Не желая оспаривать этой оптимистической оценки, мы все же думаем, что для людей, умирающих с голоду, самый чудесный декрет не стоит мешка хлеба.

Декреты папы освободили от налогов тех граждан, дома которых были разрушены землетрясением. Милосердный отец временно отказывался отнимать добро у бедняков, не имеющих ни гроша! Он также решил отлучить от церкви тех духовных лиц, которые пьянствуют и предаются оргиям, когда Рим терпит бедствия!

Чтобы по достоинству оценить папскую буллу, мы должны отметить, что духовенство всех степеней, и в особенности кардиналы и епископы, обладало в то время огромными средствами; это были единственные люди, которых не затронуло происшедшее.

Будучи более щедрыми, чем папа, они оказывали части населения помощь, притом довольно своеобразную. Под видом благодеяний они бросали голодным жалкие подачки, по дешевке покупали самых красивых девушек и женщин Рима. Мерзкие клирики спекулировали на народных бедствиях — каждый из них устраивал себе настоящий гарем. Девушки и даже дети продавали себя за кусок хлеба.

Предложение намного превышало спрос, и несчастные дрожали от страха, как бы их не отвергли. Матери приводили дочерей, мужья — жен, и беда тем, кто имел несчастье оказаться неугодным: церковные изверги ничего не давали даром.

Климент XI не счел нужным прекратить безобразия. Возмущение граждан приняло, однако, такие размеры, что папа стал опасаться восстания: ведь тогда разгневанный народ покарает священников, епископов, кардиналов и, быть может, не пощадит и его самого. И Климент опубликовал буллу, предписывавшую всем представителям римского духовенства

вернуть семьям женщин и девушек, которых они содержали в своих дворцах.

Святой отец хотел просто-напросто снять с себя ответственность. Ведь не мог же он не знать, что декреты не изменят создавшегося положения, до тех пор пока не будет устранена причина, ставившая красивых римлянок перед альтернативой — проституция или смерть.

Духовенство стало более осмотрительным и прикинулось покорным. Удалось избежать публичного скандала — именно того и хотел первосвященник.

Церковные паяцы

■ Утверждая, что у него нет денег для помощи потерпевшим, Климент XI, возможно, говорил правду. Подобно большинству своих предшественников, папа тратил огромные суммы на своих родственников, а к тому же и не ограничивал себя в удовольствиях.

И все же кажется в высшей степени странным, что неисчислимые богатства, скопившиеся в подвалах Ватикана в результате всемирного юбилея, могли быть мгновенно растрачены. Климент XI, хотя и не отличался особым целомудрием, все же не принадлежал к тем, кто разоряется из-за женщин.

В то, что апостольская казна быстро опустела, заставляет верить одно обстоятельство: по свидетельству авторитетных историков, кардиналы потребовали во время выборов огромные суммы за свои голоса, не преминув воспользоваться благоприятной ситуацией. И в конце концов они разделили между собой щедрые дары благочестивых христиан. Поэтому вполне вероятно, что на следующий день после своего избрания Климент XI располагал весьма скромными средствами, как будто юбилейного праздника вовсе и не было.

Поведение кардиналов подтверждает наше предположение. В то время как любой жизненно необходимый продукт даже для людей среднего достатка являлся недосягаемым предметом роскоши, кардиналы не отказывали себе ни в чем. Если бы населению раздали те деньги, которые тратились на оргии, всем хватило бы хлеба. Взятки тоже увеличивали доходы кардиналов. Впрочем, вполне возможно, что они вели

бы более умеренный образ жизни, если бы не подвернулся новый, экстраординарный источник обогащения.

Совершенно достоверен тот факт, что не прошло и шести лет с восшествия на престол Климента XI, как из-за отсутствия денег он вынужден был объявить новый юбилей, давший столь же великолепные результаты.

Человеческая глупость столь же неисповедима, как и пути господни!

При избрании папы кардиналы обычно преследовали две цели: подороже продать свои голоса и выбрать самого престарелого, больного и дряхлого кандидата, что давало возможность в скором времени возобновить ту же процедуру, сулившую большинству из них новые прибыли, а некоторым и надежду на приобретение тиары.

Клименту XI было всего лишь пятьдесят лет, но члены конклава, видимо, сделали для него исключение, поскольку он решился опустошить для них апостольскую казну.

Климент XII, надо думать, был избран лишь потому, что ему минуло восемьдесят лет, так что можно было ждать его близкой кончины. И хотя его интеллект сильно сдал, он обнаружил чисто церковную смекалку, скрыв недостаток, исключавший, согласно принятым правилам, возможность занимать апостольский трон. Он был слеп, а его коллеги, кардиналы, даже и не подозревали об этом. Сколько предосторожностей вынужден был предпринимать этот честолюбивый старик, чтобы никто не заметил, что он лишен зрения.

Климент XII был избран после четырех месяцев закулисных комбинаций и беззастенчивых интриг и торгов. Чтобы кардиналы наконец столковались, потребовалось еще одно непредвиденное обстоятельство. Место их совещаний подверглось вдруг нашествию... клопов. Их было такое великое множество, что их преосвященства не могли с ними справиться. И потому решили не мешкая прекратить дебаты.

Право, можно со всей откровенностью сказать, что Климент XII обязан клопам своим возвышением.

Но избрание едва не аннулировали. Когда папе предложили подписать акт об избрании, он поставил свою подпись поперек текста, а не под ним. К счастью, единственный посвященный клирик вовремя нашелся и опрокинул чернильницу. Благодаря его находчивости слепоту Климента XII не обнаружили. Акт был переписан, но на этот раз слепец позаботился о том, чтобы клирик водил его руку.

* *
*

Во время понтификата Климента XII в Париже разыгралась настоящая эпидемия религиозного помешательства.

Воспользовавшись невежеством масс, несколько священников распространили слух о том, будто на могилах некоторых клириков совершаются чудеса. Среди этих святых покойников фигурировал один дьякон.

Так как этот дьякон пользовался популярностью, священники построили для него великолепный мавзолей. Они утверждали, что больные, приходившие сюда молиться и оставлявшие здесь свои дары (обстоятельство весьма существенное!), получали исцеление. Ужасающие язвы исчезали как по волшебству (никто из верующих, разумеется, не подозревал, что эти язвы были лишь бутафорией). Авторитет святого исцелителя возрос неимоверно.

Число паломников так возросло, что во избежание столпотворения пришлось сделать двенадцать входов в ограде кладбища. Для того чтобы попасть на могилу, нужно было дожидаться несколько часов. Правда, спектакль, длившийся без перерыва даже ночью, с лихвой вознаграждал за все тяготы.

«За специальной оградой, куда посетители допускались лишь за деньги,— говорил Лашатр,— бегали, прыгали, плясали полунагие мужчины и женщины. В конвульсиях они падали ниц, продолжая трястись с такой силой, что было непостижимо, как они выдерживают это. Сотни людей катались по земле, извиваясь самым непристойным образом. В то время священники пользовались таким огромным влиянием, что, несмотря на разнузданную свистопляску вокруг кладбищенского мавзолея, власти долго смотрели на это сквозь пальцы.

В конце концов сцены религиозного помешательства стали настолько непристойными, что гражданские власти были вынуждены закрыть кладбище.

Наутро на воротах появилась эпиграмма, написанная каким-то набожным балагуром:

Король отныне запретил,
Чтоб чудеса здесь бог творил.

Однако священники не угомонились. Они перенесли свои представления в другие места, число которых возрастало, по мере того как у трясунов появлялись новые приверженцы.

Вскоре, пишет Лашатр, насчитывалось до восьмисот чудотворцев, или одержимых, которые устраивали самые непристойные спектакли. Главные роли в этих религиозных сатурналиях исполняли женщины и девушки. Они особенно изощрялись в акробатических упражнениях. Некоторые, подражая восточным фокусникам, вертелись на носках с такой скоростью, что у зрителей начинала кружиться голова. Другие извивались всем телом, сопровождая свои движения бряцанием погремушек. Третьи подзывали присутствующих, приказывая раздевать себя донага, после чего требовали коленопреклонения и оказания помощи. При этом помощь нередко носила весьма странный характер.

Придя в полное исступление, трясуны ложились вслед за этим наземь, приказывая послушникам прыгать на их животе, мять их ногами, как это делают при выжимании виноградного сока. Иногда они заставляли тянуть себя за руки и за ноги, требуя чуть ли не четвертования; в других случаях просили пытать дыбою, выкручивать груди щипцами, пронзать язык саблей.

Были и такие, которых священники прибивали к крестам и били палками по голове, по груди, по животу. Некоторые получали от шести до восьми тысяч ударов в день. Молодые девушки ходили вниз головой на руках, распевая песни и нимало не заботясь о благопристойности. Затем они выпрямлялись, вспрыгивали священникам на плечи, увлекали на постель, обнимали, а затем сбрасывали на землю.

В то время как священники поддерживали религиозное безумие, славная плеяда энциклопедистов объявила войну церкви и нанесла ей удар, от которого она уже никогда не оправилась.

Бессмертный Вольтер бросил в лицо теократическому миру воинственный клич: «Раздавите гадину!» Вместе с ним боролись за освобождение человеческого разума Руссо, Монтескье, Даламбер. Немало прославленных ученых, опровергая библейские сказки, шли по пути Галилея. Разгоралась битва между наукой и религиозными предрассудками, между справедливостью и тиранией священников.

Потревоженный святой

■ Среди трюков, к которым прибегали папы, чтобы заставить раскошелиться верующих, один никогда не обманывал их надежд. Мы имеем в виду канонизацию тех или иных покойников. Эта церемония всегда служила поводом для самого беззастенчивого обирания, и каждый раз приносила папам значительную сумму, из которой только часть шла на церковные нужды.

Объявить святым монаха своей обители было делом весьма прибыльным: каждая кость творила чудеса, и скелет канонизированного становился источником обильных и постоянных доходов.

Естественно, что монастыри, желавшие обзавестись собственными святыми, должны были хорошенько заплатить папе за канонизацию.

Но как бы ни были велики суммы, монастыри никогда не торговались, ибо знали, что о лучшем помещении своих средств и мечтать не приходится. Святой отец ведет себя с нами как жулик, думали монахи, но верующие стократно вернут нам то, что он у нас забирает.

Климент XII сфабриковал с полдюжины святых.

Канонизация Винцента де Поля встретила во Франции явное неодобрение. Обычно страны считали для себя большой честью, когда их соотечественник обретал венец святого. Однако основателя ордена миссионеров (которому впоследствии священники создали репутацию благодетеля) современники ненавидели за его жестокость. Своей посмертной славой Винцент де Поль обязан кровавому усердию по отношению к врагам папства. С возмутительным цинизмом признает это Климент XII в своей булле: «Именно за то, что Винцент де Поль никогда не переставал побуждать короля, королеву и министров преследовать подданных, противившихся римской церкви, мы причисляем его к лику святых, для того чтобы вознаградить за истребление тех, кто, подобно янсенистам, упорствовал в своих заблуждениях... Мы возводим его в ряды небесного воинства, ибо хотя верно, что церковь сама отказывается проливать кровь, то все же следует сказать, что она опирается на содействие светской власти и никогда не устанет обращаться к помощи королей для

принуждения еретиков под страхом казни и пыток принимать духовные лекарства».

На смертном одре, в 1659 году, Винцент де Поль доверил одному из своих друзей, главе семьи д'Арженсон, запечатанный пакет, который надлежало вскрыть через сто лет после его смерти, что и проделал по истечении положенного срока правнук душеприказчика М. Польни в присутствии Людовика XV и нескольких других лиц. Там оказалось нечто вроде исповеди, в которой автор заявлял, что он только внешне принадлежал к католической церкви, а на самом деле в течение всей жизни разделял доктрины сосианизма. По его словам, он хотел сохранить свою истинную веру втайне в течение ста лет, так как был уверен, что к этому времени заблуждения христианства будут вытеснены истинным сосианизмом.

Из всех еретических заблуждений той эпохи, то, которое связано с именем Сосен, было самым оппозиционным по отношению к католической религии. Оно отвергало божественность Христа, равно как и существование святого духа. Сосианисты не верили в шестидневное сотворение мира, объясняли его возникновение трансформацией материи, послушной всемогущей воле, называемой ими богом. Они отвергали догму искупления грехов, придавали вере второстепенное значение, считая, что человека надлежит судить только по его делам. Согласно их учению последнее раскаяние не имеет искупительного значения. Они не верили в первородный грех, отрицали, что смерть есть последствие непослушания Адама и Евы, утверждая, что это обязательная дань, которую каждое живое существо рано или поздно должно заплатить природе.

Признавая вместе с христианами бессмертие души, они отвергали догмат вечных мук. Они говорили, что бог — абсолютная справедливость и что он может наложить только такую кару, которая соответствует совершенной ошибке.

Даже этот неполный обзор дает представление о глубоких расхождениях сосианизма с католической религией. Таким образом, Винцент де Поль яростно преследовал врагов папизма, а в душе презирал ту веру и обряды, жестоким поборником которых он являлся. Отрицая божественность Иисуса Христа, он истреблял тех, кто оспаривал у представителей этого Христа претензии на непогрешимость. В самом деле, Винцент де Поль вполне достоин фигурировать в обществе почетных бандитов, канонизированных церковью.

Еще предшественник Климента XII пытался причислить к

лику святых этого кровавого мошенника, однако, натолкнувшись на энергичный протест во Франции, не посмел осуществить своего проекта. Буллу, которую мы цитировали, соотечественники Винцента де Поля встретили ничуть не лучше. Но в конце концов Людовик XV подверг преследованиям противников Винцента де Поля, и тот окончательно был причислен к лику святых.

Мятеж сутан

■ После Климента XII на папский престол взошел кардинал Ламбертини, слывший остроумным балагуром. Во всяком случае, он был сообразительным человеком, хорошо знавшим, чего стоит религия, в которой он видел прибыльное ремесло. Иными словами, для него не было существенной разницы между сатаной и обычным пугалом.

Он получил основательное и разностороннее образование, но явно отдавал предпочтение поэтам перед учеными и писателями-историками. Однако это не помешало ему заниматься скучными богословскими исследованиями, и уж конечно ради честолюбия, а не для удовольствия сочинил он шестнадцать томов, посвященных этим унылым темам. Он уже давно подумывал о приобретении высшего духовного сана и, преодолевая отвращение, кинулся очертя голову в глубины церковной юриспруденции.

«Меня упрекают,— говорил он,— что я слишком часто общаюсь с Тассо, Данте и Ариосто. Но разве не известно, что чтение этих авторов является для меня сладостным напитком, помогающим мне переварить грубую пищу тупых церковных кулинаров? Эти поэты восхищают меня своим блестящим искусством, и только с их помощью я могу одолеть религиозные нелепости».

Ламбертини любил светскую жизнь. Его веселый нрав, остроумные беседы, частенько приправленные гривуазными шуточками, привлекли к нему блистательную и беспутную римскую аристократию. Он не отличался слишком строгой моралью, и нередко светские победы приводили его в будуары прекрасных патрицианок.

При Клименте XII Ламбертини счел необходимым подготовиться к выдвижению своей кандидатуры и круто изменил

образ жизни. Не отказываясь от галантных похождений, он стал всячески избегать шума, окутал свои приключения тайной, больше не показывался в веселом обществе старых друзей. Казалось, он укротил свой неугомонный нрав. На самом же деле все оставалось по-прежнему, соблюдались только внешние приличия. Церковные сановники благоволят даже к самым распутным подчиненным, если те умеют скрывать свои грешки. Огласка скандала — вот грех, который карается со всей строгостью.

Тактика Ламбертини, конечно, не могла обмануть кардиналов, имевших большой опыт в делах подобного рода. А если бы ему и удалось ввести их в заблуждение, то это вовсе не увеличило бы его шансов на успех. Коллегия кардиналов и не стремилась ставить во главе церкви человека сурового: ведь он неминуемо обрушился бы на нравы высшего духовенства.

Через несколько месяцев, видя, что кардиналы утомлены нескончаемыми дебатами, Ламбертини обратился к ним с речью, которую закончил следующими словами: «Если вы желаете иметь первосвященником святого — возьмите Готти, если хотите ловкого политика — выбирайте Альдобрандини, если же предпочитаете хорошего человека — берите меня».

Кардиналы рассмеялись и проголосовали за шутника, провозгласив его папой под именем Бенедикта XIV.

В первые годы своего понтификата он проявил себя весьма терпимым в вопросах религии. Это было вполне естественно: ведь он считал, что догмы католицизма абсурдны и вера в них заставляет краснеть всякого разумного и образованного человека.

Однако его либерализма и мудрости хватило ненадолго, и он вскоре стал послушным орудием иезуитов. Один из главных членов фанатического сообщества, парижский архиепископ Кристоф де Бомон, решил во что бы то ни стало, идя по стопам знаменитого святого Доминика, прославить свое имя грандиозным уничтожением иноверцев. Его не устраивало истребление нескольких еретиков: он мечтал о колоссальных избиениях, о бесчисленных кострах, о реках крови.

Сговорившись с несколькими самыми влиятельными коллегами, Бомон задумал восстановить во Франции трибуналы инквизиции. Но он был слишком осторожен, чтобы действовать поспешно, поэтому ограничился пока представлением папе нового закона, направленного против янсенистов, моти-

вируя это тем, что успехи секты требуют применения более строгих мер.

Бенедикт XIV одобрил предложения архиепископа, но парламент отказался санкционировать репрессии, которых требовал жестокий прелат. Тогда иезуиты обвинили членов парламента в том, что они потворствуют ереси. Людовик XV, занятый больше своими любовницами, чем делами государства, не пресек вовремя разгоравшийся конфликт. Кристоф де Бомон, увидев, что король бездействует, приободрился и начал преследовать и другие секты.

Светская власть уже не могла защитить от иезуитов тех граждан, которые отказались подчиняться требованиям церкви. За мужественное сопротивление тирании многие поплатились своим состоянием и даже жизнью. Безжалостные священники преследовали их до самой смерти.

Королевская фаворитка, красавица маркиза Помпадур, ранее одобрявшая идеи энциклопедистов, внезапно стала действовать заодно с иезуитами. Благодаря поддержке этой женщины, являвшейся фактической правительницей Франции, последователи Лойолы безнаказанно подрывали авторитет светской власти. Каждый, выбривавший тонзуру, гордился своим непослушанием властям. Наконец парламенту надоело метать впустую указы против священников, и он решил действовать против главного подстрекателя — парижского архиепископа.

Это произошло при следующих обстоятельствах:

«Фанатичный священник отказался причащать монахиню монастыря Святой Агаты — сестру Перепетую,— сообщает историк Лашатр.— Тогда парламент призвал к ответу фанатика. Тот прислал вместо себя своего викария, который заявил, что священник действовал по особому распоряжению Кристофа де Бомона, архиепископа Парижа. Тотчас же к епископскому дворцу была направлена депутация, чтобы заставить прелата причастить больную. Его преосвященство нагло ответил, что он отвечает только перед папой, считает себя обязанным объяснять мотивы своего поведения только королю и не унизится до того, чтобы отвечать проходимцам, якобы представляющим народ.

Парламент привлек архиепископа к суду, собрал для разбирательства пэров и наложил арест на его доходы. Маркиза Помпадур, при содействии королевского совета, отменила это решение и запретила созывать пэров. Члены парламента продолжали настаивать на созыве пэров. Но Людовик XV

запретил созыв, пригрозив советникам приказом об аресте, и отдал распоряжение изъять из монастыря монахиню — невольную причину конфликта.

Остается добавить, что бедную умирающую отправили в тюрьму».

Варварский акт возмутил всех членов парламента. Один из достойнейших ораторов почтенного собрания имел мужество в соответствующих выражениях заклеймить распоряжение об аресте и склонил всех советников тут же, на заседании, составить энергичный протест против преступной благосклонности короля к Помпадур и иезуитам. Людовик XV отказался принять делегатов, уполномоченных вручить ему послание парламента. Тогда палаты решили не прекращать заседаний, до тех пор пока монарх не примет их требования во внимание. Иезуиты умело сыграли на королевском самолюбии, и он приказал арестовать судей. Одних он бросил в тюрьмы, других сослал в отдаленные города. Опьяненные успехом священники стали смотреть на Париж как на завоеванную ими территорию. Их злоупотребления привели к возмущению всех слоев населения, и Людовик XV, испугавшись последствий, вернул сосланных и освободил арестованных.

Взбешенные таким оборотом дела иезуиты выбивались из сил, чтобы вернуть былое влияние.

По их инициативе несколько епископов направили Людовику XV докладную записку, где доказывали, что король подвергает свой престиж большой опасности, становясь на сторону философов, против учеников Лойолы. Деспотизм, жестокость и нетерпимость духовенства обнаруживаются в этом шедевре, который мы воспроизводим совершенно дословно:

«Государь! Настоятельный долг побуждает нас припасть к подножию трона, чтобы предупредить Вас о том, что густой дым, о котором говорится в священных книгах, поднимающийся из бездны и затемняющий солнце, грозит распространиться по всему королевству. Знайте, что королевская власть несовместима со свободой, которой требуют французы, со свободой слова и печати. Знайте, что в интересах королей поддерживать обскурантизм и препятствовать дерзким умам рассуждать о происхождении культов и власти. Не забывайте, что трон и алтарь неразделимы, что короли не в состоянии разумно пользоваться своей властью без содействия священников, и было бы величайшей неосмотрительностью выступать против них, на стороне народа. Остерегайтесь, как бы люди, подстрекаемые философами, не приучились смотреть на тех,

кто ими управляет, как на узурпаторов, ибо тогда монархия погибнет. Заносчивые авторы восстают против бога, философы низвергают сначала храм Христа, чтобы потом сокрушить трон Цезаря. Предупредите эти убийственные действия, посадите в темницы опасных писателей, заткните рты издателям и тем, кто в прессе содействует распространению пагубных идей, проникающих во все поры общества и развращающих народ.

Истребите, государь, гнусных апостолов свободы, заставьте их замолчать под страхом невыносимых пыток и ужасных казней!»

Людовик XV ответил на это послание весьма неопределенно, что вовсе не удовлетворило епископов. Тогда они написали папе, который, без колебаний признав их правоту, опубликовал весьма гневную буллу, направленную против либеральных идей и их пропагандистов.

Булла абсолютно противоречила принципам Бенедикта XIV. Сей безбожник поистине превратился в рекордсмена религиозной нетерпимости. Впрочем, разве вероломство не присуще его профессии?

Король был склонен не подчиниться даже распоряжениям папы, и вовсе не из справедливости, а из страха перед смутой в своем добром Париже. Только крайняя нужда в деньгах вынудила его предоставить священникам все привилегии и льготы, которых они требовали.

Королю дорого обходились любовницы и придворная роскошь. Парламент решительно отказался вводить новые налоги, объяснив монарху, что народ бедствует. Но «возлюбленный» Людовик не пожелал принимать во внимание столь ничтожные соображения: он нуждался в золоте, и пусть его подданные подыхают с голоду.

Тогда духовенство предложило ему деньги — разумеется, на известных условиях. Король принял их без всяких возражений. И иезуиты вновь обрели могущество во Франции.

Это не помешало им организовать на «возлюбленного» Людовика покушения. Вот вам благодарность добрых отцов! Именно после уступок глупейшего монарха и произошло покушение Дамьена, фанатичного исполнителя зловещих планов иезуитов, намеревавшихся возвести на трон дофина, безраздельно преданного их ордену. На допросах Дамьен всячески старался возбудить подозрения против наиболее влиятельных членов парламента. Иезуиты хотели одним ударом убить двух зайцев: запутать судей и общественное мнение и

возложить моральную ответственность за преступление на философов. Однако абсурдность обвинений была столь очевидной, что они никого не обманули.

План иезуитов окончательно провалился, и король, поняв, с кем он имеет дело, стал искать сближения с парламентом, восстановив все отнятые у него прежде права.

Даже папа, к которому иезуиты обратились за ходатайством, воздержался от вмешательства, не желая себя компрометировать. Больше того, он издал буллу, в которой уполномочивал премьер-министра Португалии по своему усмотрению пересмотреть привилегии, данные иезуитам в этом королевстве.

Эта булла была последним актом Бенедикта XIV, скончавшегося в 1758 году в возрасте восьмидесяти трех лет.

Иезуит, сожженный доминиканцами

■ Кардинал Карло Роццонико стал преемником Бенедикта XIV, приняв имя Климента XIII. Ожидая результатов выборов, он счел нужным разыграть комедию. Отбросив папские облачения, которые ему предстояло надеть на себя, и воздев руки к небу, он разразился рыданиями, способными вызвать лишь смех.

«Нет! — воскликнул он.— Я не достоин такой чести! Зачем вы отдали мне свои голоса? Бог свидетель, я не хотел этого!»

Так он вопил до тех пор, пока какой-то разозлившийся кардинал не предложил своим коллегам отказаться от кандидатуры Роццонико.

«Оставим этого крикуна,— сказал он,— раз он отказывается стать папой, нам остается лишь выбрать другого».

При этих словах Роццонико вскочил и сразу же переменил тон:

«Нет, бога ради, я согласен!» И проворно нацепил на себя драгоценную мишуру, символ его нового сана.

Едва вступив на престол, он проявил живейшую симпатию к иезуитам и открыто заявил, что будет защищать их против всех врагов, ибо ему ненавистны либеральные идеи.

Португальские иезуиты, воспользовавшись расположением папы, стали добиваться отмены буллы Бенедикта XIV. Они и

раньше пытались всячески противодействовать ей, но спровоцированные ими в разных частях страны беспорядки были быстро подавлены и привели лишь к закрытию их коллежей. Тогда они решили убить короля и избавиться от ненавистного им правительства.

Среди членов их общества был невежественный фанатик Габриэль Малагрида, утверждавший, что находится в непосредственном контакте с Иисусом Христом и с пресвятой девой. Каково же было умственное развитие государей и их придворных, если они всерьез верили в эти нелепые бредни! Иезуита принимали в самых аристократических домах. Его поклонницей была, в частности, маркиза, муж которой, занимавший раньше очень высокое положение, впал в немилость. По этой причине маркиза возненавидела короля Хозе I. Иезуиты воспользовались ситуацией и дали соответствующие инструкции ее духовнику. Добрый Малагрида точно выполнил поручение своих шефов, внушив маркизе, что убийство короля — святое дело, и обещав полное прощение всех грехов.

Вдохновленная возможностью искупить грехи и в то же время отомстить королю, маркиза подыскала сообщников. Несколько дворян, в том числе и ее муж, подкупили профессиональных бандитов и стали ждать благоприятного случая. Он вскоре представился.

Однажды, когда король отправился на любовное свидание, заговорщики устроили засаду. План был разработан превосходно и провалился из-за непредвиденного обстоятельства. Первый выстрел не достиг цели, следующие две пули попали в королевскую карету, лишь слегка задев сидевшего в ней короля. И тогда, вместо того чтобы продолжать путь, как предполагали убийцы, король приказал кучеру повернуть обратно.

Назавтра участники заговора были арестованы. Их приговорили к смертной казни и обезглавили (за исключением маркизы, которую заперли в монастырь). Что касается иезуитов, то судьи категорически отказались вести процесс. Несмотря на их очевидную виновность, набожные судьи заявили, что преступление, совершенное священниками, не входит в их компетенцию.

Обвиняемые, в свою очередь, обратились к папе. Ожидая его решения, Хозе I продолжал держать троих иезуитов в тюрьме, а от остальных отделался, погрузив на суда и отправив в Италию. Декрет об изгнании осуждал их как мятеж-

ников и изменников, посягнувших на особу короля, на государственную власть и на общественное спокойствие.

Узнав о том, что трое его добрых друзей находятся под замком, а все остальные члены общества высланы из Португалии, Климент XIII поспешил написать королю высокомерное и грубое письмо, приказав освободить узников, возвратить остальных иезуитов из ссылки и вернуть им все права и привилегии. Заявив, что он не может понять, как монарх осмелился поднять руку на благочестивых отцов, папа пригрозил самой суровой карой, если его приказания немедленно не будут выполнены.

Наглость святого отца вынудила Хозе I открыто порвать с Римом. Он, правда, не осмелился затронуть привилегий духовенства и отдать под суд заговорщиков-иезуитов, но все же нашел средство избавиться от Малагриды, которого считал наиболее виновным в покушении: он передал фанатика заклятым врагам иезуитов — доминиканцам. Доминиканцы ненавидели иезуитов с давних времен, как самых сильных своих конкурентов, и король мог быть уверен, что с Малагридой поступят так же, как если бы он оказался в руках профессионального палача. Несчастный и в самом деле был сожжен заживо, как еретик и лжепророк.

Вот еще один трогательный пример кротости служителей церкви.

Поражение иезуитов

■ Климент XIII возложил на себя тяжелое бремя, защищая иезуитов. В дальнейшем он пожалел об этом, но было слишком поздно.

После того как ученики Лойолы были изгнаны из Португалии, их французские собратья продолжали свою преступную деятельность, тем самым дав парламенту все основания принять против них те строгие меры, на которых настаивало общественное мнение...

Иезуиты отправили на остров Мартинику отца Лавалетта, считавшегося умным человеком и дельным коммерсантом. В колониях миссионерская деятельность и религиозная пропаганда служили лишь предлогом: настоящей целью были крупные барыши от торговли экзотическими товарами, тем

более выгодной, что иезуиты без всяких угрызений совести заставляли туземцев работать за единственное вознаграждение — обещание райского блаженства. На самом же деле под видом миссий всюду возникли торговые предприятия. Так называемые апостолы были попросту торгашами. Они приносили с собой католицизм, догмы, а взамен их вывозили сахар, кофе и т. д.

Назначенный начальником иезуитской организации на Мартинике, Лавалетт добился неограниченного кредита в одном из самых влиятельных банков Лиона. Французский священник отец Форестье договорился с банкирами относительно оплаты всех векселей Лавалетта при устной гарантии общества Иисуса. Конечно, было бы более правильным заключить письменный договор, но служители церкви не могут запятнать себя, открыто занимаясь финансовыми операциями,— это было бы скандально! Однако банкиры им доверяли. В течение какого-то времени они предоставляли достаточно большие суммы, которые им пунктуально возмещались то наличными деньгами, то в виде товаров, отправленных отцом Лавалеттом. Дело дошло до того, что банкиры ссудили сумму свыше двух миллионов франков. Получив с Мартиники уведомление, что к ним направлено несколько судов, груженных ценными товарами, стоимость которых превышала долг, банкиры ни о чем не беспокоились. Они ничуть не встревожились и тогда, когда получили письмо, извещавшее, что суда захвачены англичанами. Чем они рисковали — ведь у них была гарантия богатейшего общества!

Банкиры обратились к генералу иезуитов, чтобы получить по векселям. И услышали в ответ, что по статуту ордена высшие начальники освобождают своих подчиненных от обязательств, если их выполнение влечет за собой ущерб для общества.

В ответ на все доводы злосчастных банкиров иезуиты продолжали настаивать на своем праве обманывать наивных людей, доверившихся их слову.

Один из банкиров решил съездить в Париж и искать помощи у высших иезуитских сановников. Но те остались глухи к его призывам. Тогда он попробовал разжалобить их, описав нищету и бесчестие, которое грозят ему и его компаньонам, так как банкирский дом не мог выдержать потери двух миллионов.

«Мы не переживем катастрофы,— сказал он,— и вы будете причиной нашего самоубийства».

Богобоязненные иезуиты хладнокровно ответили, что они «отслужат мессы за упокой их душ».

В результате банкиры объявили себя несостоятельными, предоставив все свое имущество кредиторам. Но, информированные о причинах краха, кредиторы решили сообща призвать к ответу отца Лавалетта.

Иезуит, в свою очередь, тут же получил от своих начальников указание объявить себя банкротом. Но трюк не удался. Было возбуждено судебное дело против всего общества в целом и передано в парижский парламент.

Иезуиты отлично знали о неподкупности своих судей. Но они полагали, что достаточно спрятаться за статуты общества, чтобы опровергнуть какую бы то ни было солидарность со своим агентом на Мартинике.

Им было предъявлено обвинение в ложном банкротстве и в преднамеренном мошенничестве отца Лавалетта с целью разорения кредиторов. Иезуитская организация на Мартинике владела огромными землями, движимым имуществом и денежными ценностями, стоимость которых во много раз превосходила сумму, которую следовало возместить банкирам за оплаченные ими векселя. В этой ситуации банкротство Лавалетта означало явную симуляцию, чего не захотели признать привлеченные к суду иезуиты.

Они ограничились в своей защите ссылкой на статьи статута, согласно которым деньги, индивидуально заработанные членом ордена, принадлежат обществу, тогда как общество всегда вправе отнести за личный счет операции, приводящие к материальному ущербу.

Опираясь на это чудовищное утверждение, ученики Лойолы имели неосторожность вручить судьям свои тайные статуты.

Ввиду того что для рассмотрения их требовалось длительное время, парламент начал с того, что расценил общество как единую организацию, подчиненную одному генералу, и вынес решение об оплате обществом векселей, выданных отцом Лавалеттом.

Иезуитские главари слишком поздно поняли, как усложнили свое положение. Чтобы хоть как-нибудь смягчить последствия роковой ошибки, они торопились удовлетворить решение суда, а затем потребовали возвращения компрометирующих их документов.

Но из-за чудовищных статутов поднялся такой шум и общественное мнение было настолько взбудоражено, что пар-

ламент уже не мог замять дело. Он наотрез отказался удовлетворить притязания последователей Лойолы, против которых росло народное возмущение.

Все классы общества требовали их изгнания. Иезуиты были вынуждены признать, что переоценили свое могущество, полагая, что могут открыто и безнаказанно заниматься гнусными делами. Тогда они обратились к нунцию Климента XIII.

По их требованию был создан совет из тридцати епископов, которому было поручено параллельно с парламентом вести расследование. Само собой разумеется, что прелаты нашли конституцию иезуитов безупречной и постановили прекратить дело.

Но в конце концов парижский парламент вынес превосходно мотивированное решение, которое по праву можно считать своего рода шедевром.

Оно давало краткую историю общества иезуитов со времени его основания и содержало перечень декретов, изданных во Франции как в поддержку иезуитов, так и против них. Декреты в их пользу приводились для того, чтобы показать, что иезуиты никогда не выполняли своих обязательств и во все времена возбуждали справедливые серьезные нарекания.

Специально рассматривались основные труды благочестивых отцов, где поощрялись стяжательство, богохульство, колдовство, астрология, лжесвидетельство, прелюбодеяние, содомия, воровство, убийство, в том числе убийство монарха.

Приводился список королей, князей, епископов и пап, убитых последователями Игнатия Лойолы.

В итоге теория и практика иезуитов расценивались как «подрывающие все принципы религии и чести, оскорбляющие христианскую мораль, посягающие на права народов и неприкосновенность королевских особ».

«Вследствие этого институт иезуитов должен быть безоговорочно запрещен на территории всего королевства, королевским подданным навсегда запрещается содействовать или просить о восстановлении общества, так же как посещать коллежи, пансионы, семинары и конгрегации гнусных священнослужителей. Последователям Игнатия Лойолы предлагается покинуть все школы, монастыри, учреждения, под чьим бы руководством они ни находились, уединиться в любом месте страны, где надлежит проживать на обычных условиях, с запретом селиться вместе, подчиняться власти своего генерала и носить одежду священнослужителей».

Решение парламента дало возможность папе вновь продемонстрировать свои симпатии к иезуитам. Он очень резко протестовал против их осуждения, заявив, что «все запрещения, указы, распоряжения и заявления светских властей Французского королевства, направленные на уничтожение общества Иисуса, должны рассматриваться как недействительные, лишенные силы и незаконные, и никто не обязан их придерживаться, даже те, кто дал соответствующую присягу».

Людовик XV нехотя, но все же утвердил решение парламента. Правда, затем он предложил святому отцу восстановить во Франции иезуитскую конгрегацию при единственном условии — изменить в статутах ордена статьи, касающиеся цареубийства. Он был согласен защищать иезуитские мерзости, лишь бы самому не стать жертвой сынов Лойолы.

Климент XIII резко оттолкнул протянутую ему руку. «Да будут они тем, что есть, или не будут вовсе!» — ответил он.

Отношения между французским королем и римским двором обострились. После скоропостижной смерти фаворитки короля маркизы де Помпадур иезуиты опять стали плести интриги. Им удалось добиться созыва собрания епископов для принятия решений о прекращении раздоров между светской властью и церковными авторитетами.

Они разразились анафемами против основных философских работ, среди которых были «Энциклопедия», «Анализ» Бейля, «Книга разума» Гельвеция, «Эмиль», «Общественный договор», «Письма с гор» Жан Жака Руссо, «Опыт о нравах», «Философский словарь», «Философская история» и «Восточный деспотизм» Вольтера.

Войдя во вкус, епископы объявили, что только церковь имеет право обучать детей. В те времена они еще молчали о знаменитых правах отцов семейств, которыми так кичатся сегодня добрые клерикалы. Далее они приняли еще несколько решений, основанных на том же принципе — примате католической церкви.

Парламент отменил решения ассамблеи прелатов. Тогда клирики обратились к королю, который аннулировал судебный указ. Легко воспламенявшийся Людовик XV на мгновение проникся раскаянием и в этом настроении был готов пойти на всевозможные уступки церкви. Но победа, одержанная духовенством, превратилась скоро в их поражение. Король вдруг увлекся некой мадемуазель де Роман; ее пре-

красные глазки рассеяли мрачные мысли монарха и заставили позабыть про иезуитов, епископов, папу — словом, про все, что не интересовало его новую любовницу.

Парламент сумел воспользоваться ситуацией и в конце концов добился запрещения ордена. Иезуиты, ранее уже высланные из Парижа, были теперь вообще изгнаны из Франции. Они нашли приют во владениях святого отца.

Тогда-то Клименту XIII и пришлось пожалеть о своей чрезмерной доброте по отношению к иезуитам и о том, что он так рьяно защищал их от нападков.

Португалия, Испания и Франция избавились от благочестивых отцов, которые, естественно, бросились к своему высокому покровителю.

Орда иезуитов наводнила Италию, что причинило папе немало тревог. Он с горечью наблюдал за тем, как доходы с его земель стекаются в руки сынов Лойолы.

Опасаясь полного разорения, он был вынужден прибегнуть к радикальной мере — выдворить иезуитов из своих владений. Но папа был достаточно тонким политиком и прекрасно знал, как опасно приводить в ярость членов всемогущего сообщества. Поэтому, отдавая распоряжение о выезде, он обещал иезуитам свое покровительство в тех странах, где они захотят обосноваться.

Он опубликовал буллу, заранее отлучавшую от церкви тех монархов, которые откажут благочестивым отцам в убежище и в прежних привилегиях. Но папские громы и молнии уже никого не устрашали и не помогли иезуитам.

Климент XIV

■ После смерти Климента XIII папой стал Антонио Ганганелли, принявший имя Климента XIV. Он был сыном врача, получил образование у иезуитов, но принадлежал к ордену францисканцев.

Он не принимал участия в церковных распрях при Клименте XIII, так как неодобрительно относился к иезуитам, которым тот покровительствовал. Вступив на престол и ознакомившись с решениями правительств, изгнавших иезуитов, он в 1773 году издал указ, уничтожавший ненавистный орден.

В результате Рим помирился со всеми католическими государствами Европы.

Климент XIV был уверен, что иезуиты расправятся с ним. Так оно и вышло: вскоре после этого знаменитого указа он скончался. Современники не сомневались в том, что папу отравили.

Пий VI и его семья

■ После довольно длительных дебатов на римский престол был избран Пий VI. Он происходил из графского рода и в отличие от своего предшественника питал самые горячие симпатии к иезуитам (поэтому он занимал высокую должность министра двора при Клименте XIII).

Мракобес, он, однако, не мог не считаться с требованиями времени. Для его понтификата характерны постоянные колебания и полумеры как в светской, так и в церковной политике.

Что же касается его частной жизни, то здесь он полностью восстановил славные традиции многих своих предшественников. Оба его незаконнорожденных сына были осыпаны милостями.

Сыну Людовику он пожаловал графский титул и предоставил неограниченное право черпать деньги из апостольской казны. Это дало возможность Людовику, склонному к коммерческой деятельности, пуститься в грандиозные спекуляции зерном.

Прекрасная деятельность для сына святого отца!

Впрочем, еще неизвестно, кому отдать предпочтение в этой прелестной семейке. В семейных развлечениях принимали участие папа, его сестра, бывшая одновременно и его любовницей, их сыновья (они же и фавориты!) и девица замечательной красоты, приходившаяся Пию дочерью. Ее мать состояла с ним в любовной связи, когда он еще был кардиналом.

Не испытывая ревности, все они сожительствовали, меняя партнеров, словно вальсируя на балу. Пию VI даже пришла в голову счастливая мысль соединить законным браком своего возлюбленного со своей любовницей, т. е. поженить брата с сестрой, ибо сам был отцом обоих.

Новобрачные были осыпаны папскими милостями и подарками. Несколько ранее папа пожаловал молодому человеку титул герцога де Браччи.

В качестве свадебного дара святой отец преподнес драгоценный ларец, содержавший десять тысяч золотых дублонов, четки, бриллианты невероятной ценности, коллекцию медалей, украшенных драгоценными камнями. Кроме того, он подарил ему земли, дворцы, изумительное столовое серебро, конфискованное у сеньоров и прелатов, впавших в немилость.

В доказательство своей преданности первосвященнику многочисленные кардиналы, епископы, аристократы и апостольские чиновники сочли себя обязанными выразить герцогу и герцогине де Браччи чувства почтительной симпатии и презентовать множество богатых даров. Несколько залов Ватикана были переполнены ими.

Пий VI к тому же решил воскресить старинную папскую традицию и привлечь к участию в столь знаменательном событии иностранные королевства.

Как раз в это время разрешились от бремени принцесса Астурии и французская королева. Обоим королевским отпрыскам он послал от своего имени и от имени своей племянницы священные пеленки. Несмотря на этот святой дар, одному из младенцев предстояло лишиться трона, на который ему по праву рождения надлежало взойти.

В обмен на свою не слишком дорогостоящую посылку корыстный папа надеялся получить богатые подарки для своих обожаемых детей. И действительно, версальский и мадридский дворы поспешили изъявить признательность за любезность первосвященника, и на молодых супругов посыпались деньги и драгоценности.

Как и в былые времена, Ватикан каждую ночь превращался в вертеп. В оргиях кроме первосвященника, его дочери и двух сыновей принимали участие смазливые пажи, дамы, куртизанки, прелаты, высокие должностные лица и... поварята. Привязанности Пия VI были разнообразны: от церковной и светской аристократии до юных поварят на кухне, к которым он особенно благоволил.

Ежедневно по нескольку часов он проводил за своим туалетом, красил губы, румянил щеки, умащивал телеса дорогими благовониями и рядился в дорогие кружева, как самая кокетливая куртизанка. У него бывали приступы ужасного гнева, если слуге не удавалось одеть его по вкусу. Тогда он

разражался грубой бранью, раздавал пощечины и пускал в ход кулаки. Однажды он чуть было не убил портного за плохо сшитое платье.

Его так ненавидели в Риме, что каждое его появление, даже во время религиозных торжеств, сопровождалось свистом и улюлюканьем толпы.

Пий VI — вор и убийца

■ Не зная устали, святой отец всеми способами умножал богатство своих незаконных детей. Он особенно хлопотал о герцоге и герцогине де Браччи.

Прежний фаворит, Ромуальд, после того как он долгое время занимал первое место, отошел на вторые роли. Он уступил первенство старшему брату, номинальному супругу прекрасной Констанции. Ромуальд легко перенес новый каприз переменчивого папаши. Состояние его было достаточно велико, и он не особенно огорчался своим положением, поэтому сохранил самые тесные отношения с отцом, братом и сестрой, превратившейся в невестку.

Для обогащения милого семейства его глава не останавливался и перед преступлениями, и хотя был очень осторожен, ему не всегда удавалось замести следы. Вы можете судить об этом на основании следующего правдивого рассказа.

Миланский богач, по имени Аманцио Лерпи, решил переехать в Рим, полагая, что близость святого отца освятит и его самого. Богобоязненность Лерпи доходила до крайних пределов, вследствие чего большую часть своих доходов он употреблял на то, что священнослужители называют благочестивыми делами. Боясь, что солидное состояние рассеется по монастырям и другим церковным учреждениям, святой отец поручил одному иезуиту убедить Аманцио, чтобы тот для спасения своей души передал все имущество герцогу и герцогине де Браччи. Когда дарственный акт был подписан, папа разыграл лицемерное изумление и стал уверять богобоязненного болвана, что он не позволит племяннику принять такой дар. На самом же деле он просто хотел заставить Аманцио заявить о своем даре перед свидетелями и рассеять

таким образом подозрения, вызванные такой необъяснимой щедростью.

Папа правильно разгадал характер чудака, который тут же стал умолять святого отца не лишать его счастья распорядиться своим достоянием ради спасения своей души и обеспечения себе прочного места на том свете. Наконец Пий VI дал себя уговорить, и дарственная состоялась. Выдержав свою роль до конца, он даже убедил Лерпи оставить себе ежемесячную ренту в пятьсот экю.

У этого фантастического идиота была племянница, по имени Марианна, и он состоял ее опекуном. Мать этой молодой особы маркиза Виктория Лерпи, возмущенная тем, что ее дочь лишается наследства, на которое имела законное право, обратилась с протестом в трибунал аудитора палаты. Слепо преданный папе аудитор отклонил ее жалобу. Достойный судья был тут же вознагражден кардинальской шапкой.

Но маркиза не пала духом. Она подала апелляцию в трибунал римского судилища, состоявший из двенадцати судей и аудиторов, из которых только трое были римлянами, другие представляли разные итальянские города и страны Европы. Этот судебный орган был не совсем развращен, ибо только пятеро его членов содержались папой, и он, в общем, был довольно беспристрастным.

Опасаясь неблагоприятного решения трибунала, Пий VI предложил Виктории Лерпи сделку, давая сумму в двести тысяч экю отступного за отказ от своей претензии. Она не согласилась.

Тогда папа изложил маркизе новый проект, в котором, отказываясь от первого предложения, брал обязательство устроить брак Марианны с Ромуальдом.

Таким образом девица становилась собственницей более крупного состояния, чем то, которое Аманцио даровал герцогу де Браччи.

«Скажите вашему господину,— ответила маркиза папскому посланцу,— что я ищу справедливости и пойду на все».

Трибунал римского судилища отменил решение первого судьи и объявил дарственную аннулированной, мотивируя тем, что при этом имело место принуждение человека, слабого разумом.

Пий VI потерпел поражение. Он сделал вид, что подчиняется решению, но поручил все тому же иезуиту заставить слабоумного Аманцио подписать завещание, по которому

герцог де Браччи становится законным наследником всего имущества.

В тот самый день, когда несчастный дурак подписал завещание, у него сделались ужасные колики, сопровождавшиеся судорогами и рвотой. Ларчик просто открывался: опасаясь, как бы Аманцио не изменил своей воли, святой отец распорядился его отравить. Врачи тут же распознали причину болезни, но им удалось только на несколько часов продлить ему жизнь.

Как только он испустил дух, папа собрал римское судилище и представил завещание покойного. Судьи рассмотрели документ и, найдя его в полном порядке, собирались принять решение о том, что незаконный сын и любимчик первосвященника вступает в права наследства. Но тут внезапно появилась Марианна в сопровождении своей матери. Девушка развернула пергамент и передала его трибуналу. Это было другое завещание, более позднее, чем то, которым располагал Пий VI.

Аманцио в новом завещании отказывался от первого, так же как и от дарственной, к которой его принудили, и оставил все свое имущество дочери маркизы Виктории Лерпи, сообщив, что явился жертвой преступного священника и своей собственной доверчивости.

Пий VI и Бонапарт

■ В то время как войска революционной Франции потрясали троны, Пий VI надеялся на то, что реакция все же восторжествует и ему удастся избежать возмездия со стороны французов. Каково же было его разочарование, когда у итальянских границ появились республиканские полки во главе с генералом Бонапартом!

Святой отец попытался собрать войско и с этой целью выпустил бумажные деньги, ценность которых не была ничем гарантирована. Все это ему мало помогло, и, когда французская армия подошла к Риму, он предложил Бонапарту мир, согласившись уплатить контрибуцию в пятнадцать миллионов и отдать шедевры искусства, украшавшие галереи Ватикана. Договор был заключен на основе этих предложений, но

Пий стремился таким образом лишь выиграть время. Подписав соглашение, папа обнародовал буллу, где говорилось:

«Всем возлюбленным детям католической церкви, братьям во Христе! Для блага христианства мы призываем вас взяться за оружие. Чтобы вы, не колеблясь, исполнили нашу волю, мы сообщаем, что именем нашей верховной власти мы даруем индульгенции тем, кто станет под наше знамя, и вечное блаженство тем, кто убьет хоть одного из наших врагов!..»

Видя, сколь странным способом первосвященник выполняет условия договора, Бонапарт пригрозил новыми военными действиями. И все же припертый к стенке Пий VI еще раз нашел способ обмануть французского генерала.

Делая вид, что покоряется воле Бонапарта, он заставил монастыри, соборы и конгрегации передать в Ватикан все ценные золотые и серебряные предметы, без которых можно обойтись при совершении католических обрядов. Затем он конфисковал у своих подданных столовое серебро, устроил обыски в частных домах, отбирая жемчуг, бриллианты, не брезгуя даже женскими кольцами. Совершив эти поистине апостольские деяния и собрав требуемую сумму, он уведомил об этом Бонапарта.

Директория тотчас же отправила в Рим своих комиссаров для ратификации соглашений между папой и Наполеоном. В дополнение к договору республика потребовала отмены булл, направленных — с начала революции — против французского народа, а также ликвидации инквизиции во всех католических странах и прекращения варварской практики кастрации детей в церковных хорах.

Не имея ни малейшего намерения выполнять свои обещания, папа только делал вид, что подчиняется, и тянул время, надеясь на помощь австрийских войск.

В то же время духовенство по его приказу использовало все средства, чтобы разжечь религиозный фанатизм. Статуи богоматери во всех монастырях стали шевелить руками, открывать глаза, двигать ногами. Из распятий сочилась кровь. Черепа святых Петра и Павла в Риме распевали псалмы. Но самое удивительное из всех происходивших в ту пору бесчисленных чудес случилось в день большого праздника, в присутствии папы, кардиналов и более чем восьмидесяти тысяч зрителей. Мадонна сошла с места, троекратно повела головой и тяжко застонала.

Никакие патетические речи не могли сделать того, что было достигнуто грубыми фокусами. В ответ на призывы священников в церковной области повсюду создавались легионы добровольцев.

Положение французов, проживавших в вечном городе, стало небезопасным. Однажды в помещение, занимаемое французскими комиссарами, ворвалась банда, угрожавшая им смертью. Если бы не энергичное вмешательство испанского посла, бандиты, несомненно, привели бы в исполнение свои угрозы. Но они не утихомирились, а устроили в городе настоящую охоту на французов, восклицая при этом: «Да здравствует Мария!», «Да здравствует Пий VI!» Среди убийц было немало духовных лиц, именующих себя служителями богамиротворца.

Однако победы Бонапарта над австрийцами вынудили папу прекратить погромы. Он даже написал Наполеону письмо, где уверял, что он ничего не имеет против республики и больше всех скорбит о кровопролитиях в Риме.

Возможно, Бонапарт и поверил бы заверениям святого отца, если бы к нему в руки не попало письмо Пия VI к австрийскому императору, которого папа убеждал, как можно скорее прислать войска, сообщая в то же время, что старается «развлечь» господ комиссаров до тех пор, пока к нему не присоединятся союзники; тогда он сменит тиару на военную каску, развернет знаменитую хоругвь императора Константина и выступит во главе солдат Христовых против врагов католической веры.

Послание чуть было не привело к окончательному падению папства. В течение пятнадцати дней французская армия овладела половиной церковной области. К сожалению, Бонапарт этим и ограничился, хотя Директория приказала взять Рим. Возможно, именно тогда у него зародился план покорения Европы, а осуществить это, конечно, было невозможно без содействия духовенства. Поэтому он предложил Пию новый мирный договор, за который тот с радостью ухватился: заплатив огромную сумму и потеряв несколько провинций, он все же сохранил всю полноту власти, а ведь был на волоске от того, чтобы потерять ее навсегда.

■ Пий VI был уже не молод, когда его свалила тяжелая болезнь. В течение нескольких дней состояние первосвященника настолько ухудшилось, что стали серьезно подумывать о выдвижении кандидатуры нового папы. Его смерти ждали со дня на день, и кардиналы хорошо понимали, что если трон будет вакантным в такой неустойчивый момент, то это угрожает существованию самого института папства. Ценности, собранные первосвященником для уплаты римского выкупа, еще находились в Ватикане. Не сомневаясь в близкой кончине святого отца, его сыновья пришли к выводу, что миллионы лучше спрятать в своих сундуках, чем отдавать французской республике. И мошенники присвоили сокровища. Но Пий неожиданно поправился. Вероятно, его очень встревожило исчезновение денег, но, узнав, что грабители — его сыновья, сразу успокоился.

Но как возместить огромную сумму? Пий VI слишком долго злоупотреблял терпением французского правительства и уже не мог рассчитывать на поблажки или на то, что ему удастся вновь обмануть его.

Откуда же можно было собрать средства в разоренной стране? Пий понимал, что после всех поборов опять повышать налоги бессмысленно.

Оставалось одно — обратиться к духовенству. В монастырях, соборах, в роскошных дворцах кардиналов и епископов накопились неисчислимые богатства. Сумма, в которой нуждался первосвященник, составляла лишь крупицу огромного достояния, каплю воды в безбрежном океане. Но получить хотя бы малую толику у церковных стервятников — дело весьма затруднительное. Они привыкли тратить свои деньги только на удовольствия. И все-таки святой отец обратился к духовенству. Рясоносцы взбунтовались. Они завопили о тирании, проклинали папу в своих проповедях, называя вором, кровосмесителем, мужеложцем, подстрекали народ к восстанию.

Между тем явился Жозеф Бонапарт, требовавший выполнения договора и освобождения итальянцев, арестованных за их политические взгляды. Римляне поддержали французов, видя в них своих спасителей. Ликующая толпа, распевая

патриотические гимны, направилась к резиденции представителей республики и приветствовала их с бурным энтузиазмом.

Видя эту манифестацию, первосвященник понял, что не следует ссориться с клириками. Мир между церковниками и их достойным главой был заключен.

Уладив дело, Пий распорядился прекратить народные волнения. Злоба первосвященника на проклятых французов, пробудивших стремление к свободе у его подданных, не имела границ, и он решил воспользоваться уличными беспорядками.

На улицах и площадях Рима безоружные граждане кричали: «Да здравствует свобода!» Жестокий Пий послал против них солдат, которые безжалостно расстреливали жителей, не щадя никого, даже женщин и детей. Вслед за тем папские молодчики ворвались в здание французского посольства и потребовали выдачи итальянцев. Жозеф Бонапарт и несколько офицеров попытались воспротивиться, но что могла сделать горстка людей против нескольких сотен наемников?

Итальянцы, понадеявшиеся на неприкосновенность посольства, были безжалостно истреблены, нескольких французов постигла та же участь, и среди них генерала Дюфо, сраженного при попытке защитить итальянцев.

Подобные эксцессы имели место и в других городах Папской области. В Вероне были истреблены тысячи граждан. Банды насильников врывались в больницы, приканчивали на месте раненых и больных французов или бросали их в реку. Таким образом было уничтожено четыреста человек.

От имени дипломатического корпуса с энергичным протестом выступил испанский посол.

«Я в отчаянии,— смущенно ответил первосвященник.— Мои люди действовали по своей инициативе. Во время столкновения, стоившего жизни храброму генералу Дюфо, я молился в своей часовне за процветание Французской республики».

Возмущенный бесстыдной ложью, Жозеф Бонапарт потребовал, чтобы папа немедленно покарал виновных, угрожая покинуть Рим. Не получив ответа, он выехал из города со всем персоналом посольства.

Вскоре французские войска во главе с генералом Бертье триумфально вступили в Рим. Напрасно святой отец обра-

щался опять к мадонам и святым, ничто не помогло; к тому же итальянцы повсеместно братались с французскими солдатами.

У ворот города депутация приветствовала генерала Бертье как освободителя и сообщила ему, что в Риме провозглашена свобода. Бертье вступил в город под бурные рукоплескания римлян, толпа кричала: «Да здравствует республика!»

Приблизившись к Капитолию, генерал остановился и громко произнес: «Катон, Помпей, Цицерон, Брут, свободные французы приветствуют вас на Капитолии, где вы так часто защищали права народов и прославляли Римскую республику. Дети галлов пришли с оливковой ветвью мира на знаменитый холм для того, чтобы установить здесь алтари свободы. А вы, римляне, отвоевавшие свои законные права, вспомните славных предков, взгляните на священные памятники вокруг вас и верните себе былое величие ваших отцов!»

После восторженно принятой речи, Бертье возвратился к себе в лагерь.

Перепуганный Пий VI укрылся в Ватиканском дворце. Он направил к генералу Бертье своих наиболее высокопоставленных придворных для мирных переговоров. Бертье отказался принять послов и велел передать, что не признает авторитета папы и ждет делегатов Римской республики.

Римские граждане, поверив в поддержку Франции, сформировали демократическое правительство. Они опечатали музеи, общественные места и все драгоценные предметы, украшавшие церкви, чтобы спасти их от алчного святого отца. Многих кардиналов выслали из Рима, наиболее виновных посадили в тюрьму.

Что касается самого первосвященника и двух его сыновей, то народ, проявив великодушие к тиранам, не посягнул на их жизнь, а только отнял оставшиеся у них богатства.

С дочерью папы поступили еще снисходительней: правительство сохранило большую часть подарков, полученных ею от отца. Ее отправили в Тиволи, где ее утешали многочисленные поклонники, заменявшие оставшихся в Риме возлюбленных, один из которых был одновременно и братом и мужем, а другой отцом и великим главою христианского мира.

■ Когда новое правительство сообщило Пию VI, что он лишается светской власти, старик впал в полное отчаяние.

Представители республики молча ожидали, когда первосвященник придет в себя. Наконец святой отец как будто вышел из оцепенения и стал что-то бессвязно бормотать. Видно, удар оказался слишком сильным для его хилого организма, и Пий VI потерял рассудок.

Но делегаты все же считали своей обязанностью до конца выполнить поручение. Они сообщили папе, что он остается верховным владыкой церкви, ему будет обеспечено соответствующее его положению содержание и правительство выделяет для его охраны стражу численностью в сто двадцать человек, хотя его особе и не угрожает никакая опасность.

При этих словах Пий VI заметно приободрился и воскликнул, странно улыбаясь: «Значит, я еще папа!»

При мысли о том, что не все рухнуло и он еще может вернуть неограниченную власть, рассудок первосвященника несколько просветлел.

Не теряя ни минуты, он приступил к организации нового чудовищного заговора с целью поголовного истребления всех французов и сторонников Римской республики.

К счастью, план этот был раскрыт, и тогда святого отца посадили в экипаж и отправили в монастырь святого Августина в Сиенне, а затем во Флоренцию, где он пробыл около года.

Но ни преклонный возраст, ни провал заговора не помешали Пию VI возобновить свои преступные действия. Ему вновь удалось спровоцировать беспорядки в Риме. Опять по городу рыскали шайки преступников, возглавляемые священниками, и вонзали «священные» кинжалы во французов, встречавшихся на пути. Многих республиканцев-римлян связывали и бросали в Тибр. Еще неизвестно, до чего бы дошли святые бандиты, если бы главные зачинщики не были схвачены. Тогда бандиты рассеялись по окрестностям Рима и образовали отряд численностью в шесть тысяч человек. В первой же стычке с французами отряд был разгромлен, и бандиты разбежались.

Папа использовал свое влияние на неаполитанского короля Фердинанда IV и его супругу и заставил их объявить войну французам. Рим, где уже не было войск, пал под натиском неаполитанцев. Счастливый Пий мечтал о победоносном возвращении в свою столицу, когда французская армия начала энергичное наступление и оттеснила королевские войска до самого Неаполя.

Фердинанд IV был низложен. В Неаполе была провозглашена республика, просуществовавшая несколько недель. Но забитое, невежественное сельское население Калабрии, подстрекаемое папскими эмиссарами, стало на сторону Фердинанда. Французы и неаполитанские патриоты были вынуждены капитулировать. Правда, они сложили оружие только после того, как Фердинанд твердо обещал сохранить им жизнь и имущество. Но как только королевская армия вступила в город, один из главных агентов святого отца, кардинал Руффо, распорядился арестовать всех граждан, подозреваемых в симпатиях к республике.

Несчастные жертвы неслыханного предательства предстали перед специальным трибуналом и все до единого были приговорены к смертной казни. Приговоры приводились в исполнение в срочном порядке, каждый день погибали сотни приверженцев республики. Во имя религии и спасения души, не щадя ни женщин, ни детей, калабрийцы сожгли и разграбили множество неаполитанских домов.

Пий VI решил, что враги папства окончательно и бесповоротно уничтожены, и известил всех католических епископов, что он вновь облечен всей полнотой светской власти и победоносно возвращается в Рим.

Великую радость он захотел разделить со своим любимым сыном. Зная, что отец еще владеет значительными богатствами, любезный молодой человек явился как раз вовремя, чтобы похитить имущество и удрать в тот самый момент, когда Директория приняла решение переправить строптивого старика во Францию.

Пия VI отвезли в Валанс, где обращались с ним с большим, хотя и незаслуженным почетом. Ничто не могло утешить папу, переживавшего измену обожаемого фаворита, и он впал в глубокую меланхолию. К тому же сказались долгие годы развращенной, пресыщенной жизни; все предрекало близкий конец. Разбитый параличом, он умер 29 августа 1799 года.

■ Бонапарт, совершив переворот 18 брюмера, поспешил восстановить папскую власть, так как был заинтересован в поддержке церкви. Через двадцать дней после переворота в Венеции собрались тридцать пять кардиналов. В итоге дебатов, длившихся три с половиной месяца и носивших весьма бурный характер, в марте 1800 года папой стал Пий VII.

Почти тотчас же после избрания между святым отцом и первым консулом вспыхнула ссора из-за того, что, сообщив о своем избрании графу Прованса, Пий VII наградил графа титулом короля Франции. Тогда Бонапарт во главе своей армии перешел через Альпы. Смертельно напуганный Пий VII отправил смиренное письмо, где сформулировал ряд условий договора, окончательно подписанного 15 июля 1801 года.

Этот конкордат вызвал новую волну католической реакции.

Мы не собираемся подробно рассказывать о всех стычках между Пием VII и Бонапартом. Укажем лишь, что в ответ на декрет императора о присоединении к Франции папских земель разгневанный первосвященник попытался обрушить на противника традиционные апостольские громы. Он разразился буллой, которая отлучала Наполеона от церкви. Однако эти угрозы уже ни на кого не производили впечатления. Но дело этим не ограничилось: Пия VII силой извлекли из римского дворца и сослали в Савойю.

После поражения французов в России Наполеон предложил папе новый конкордат, торжественно подписанный 13 января 1813 года. По этому поводу были устроены грандиозные празднества, и, хотя анафема еще не была снята, Пий VII облобызался с Наполеоном, продемонстрировав народу и сановникам нежную дружбу с императором. Но как только закончился парадный спектакль, распри возобновились.

Первосвященник сокрушался, что уступил Бонапарту, и объявил конкордат недействительным.

Вот отрывок из письма, отправленного им Наполеону через два месяца после подписания договора:

«Дух тьмы, сатана нашептал мне на ухо статьи этого кон-

кордата... Самое горькое раскаяние, самые ужасные угрызения совести терзают мою душу, не имеющую с тех пор ни покоя, ни отдохновения. Я отказываюсь от своих обещаний, как отказался Пасхалий II от обещаний, данных германскому императору Генриху V, и заявляю, что не приму никаких условий до тех пор, пока не буду вновь утвержден во всех моих духовных и светских правах...»

Не терпевший возражений, Бонапарт утвердил, однако, конкордат. Он принял бы более энергичные меры против святого отца, не будь у него более серьезных забот: ему приходилось обороняться от нескольких монархов, которые снова объединились против него.

Наконец колосс пал: прусские кареты привезли Бурбонов обратно во Францию, и Людовик XVIII стал законным королем. Тогда Пий VII ответил на все оскорбления свергнутого императора. Он мстил как истинный папа — самым зверским, предательским и трусливым образом.

Римлян, которых подозревали в том, что они не одобряют папского абсолютизма, приговорили к каторге, галерам или к смертной казни. Священники раздавали религиозным фанатикам освященные кинжалы, подстрекая закалывать ими еретиков, подразумевая при этом республиканцев, либералов и даже евреев. Изверги доходили в своей звериной ярости до того, что просили папу разрешить им «отведать жаркое из еврея». И они, конечно, не остановились бы ни перед чем, если бы не вмешались иностранные послы.

Евреев, правда, не съели, но зато святой отец конфисковал все их имущество: деньги, ценности, недвижимость, а кроме того, он задавил их налогами.

Вслед за тем Пий VII восстановил общество Иисуса. В это время Людовик постыдно удирал от Бонапарта, покинувшего Эльбу и высадившегося во Франции. Наполеон совершал свой триумфальный поход на Париж, где ему оставалось только занять трон, освобожденный трусливым Бурбоном.

Узнав об этом, насмерть перепуганный Пий VII спешно покинул Рим и укрылся в Генуе. Он возвратился в столицу только тогда, когда англичане окончательно разгромили императора. Вернувшись в Рим, папа не преминул горячо поздравить Людовика XVIII и просил его разрешить иезуитам вернуться во Францию. Разрешение было дано, и сыны Лойолы вновь открыли там свои многочисленные коллежи.

Первосвященник добился также возвращения отнятых у него Наполеоном французских провинций и многих произ-

ведений искусства, изъятых из Римского музея. Он заставил Людовика подписать новый конкордат, взяв за образец соглашение между Львом X и Франциском I.

Обрадованный послушанием старшего сына церкви, Пий VII вознамерился возродить в Европе зловещую реакцию. Он проклял либералов во всех странах, подверг преследованиям независимых писателей.

В 1828 году папа неожиданно оступился у себя в комнате и сломал бедро. Случись подобная беда с либералом, католики не преминули бы объяснить происшествие карой божьей.

Пий VII пригласил самых искусных врачей, отказавшись от чудодейственных средств, которые церковники так усердно рекомендуют своей простодушной пастве. Но наука была в данном случае столь же бессильна, как и чудотворные реликвии, и наместник Иисуса Христа скончался на восемьдесят первом году жизни. Возраст почтенный, чего нельзя сказать о самом папе.

Когда дьявол старится

■ Кардиналу Аннибале делла Дженга было шестьдесят три года, когда он стал преемником Пия VII. У него был вид человека, которому недолго осталось жить. Видимо, годы служения Венере, как и Марсу, старят вдвойне. Но так или иначе, он занимал апостольский трон в течение пяти лет, обманув радужные надежды кардиналов.

Очень рано вступив на духовное поприще, он быстро достиг высших степеней, чему немало способствовали его любовные интрижки с фаворитками влиятельных прелатов, и особенно с дочерьми Пия VI.

При Пие VII он был аккредитован во Франции в качестве нунция сначала при дворе Наполеона, а затем Людовика XVIII. Вернувшись в Италию, он стал усердно возрождать варварские обычаи, например вновь ввел в обиход изощренные пытки.

Таков человек, ставший в 1823 году папой под именем Льва XII.

Вскоре после избрания он тяжко заболел — к великой ра-

дости кардиналов, зарившихся на его место. Но их надежды не оправдались: папа поправился.

Чтобы ознаменовать выздоровление, папа декретировал всеобщее отпущение грехов и опубликовал энциклику, направленную против либеральных идей.

Наивный старик напоминал улитку, желающую остановить локомотив! Святой отец не ограничился философами — он с яростью накинулся на библейские общества, образованные для пропаганды библии и для борьбы с ее вульгаризацией.

Стремясь вернуть церкви ее былую власть, Лев XII убедился, что ему нужны верные сообщники. Вполне естественно, что он обратился к иезуитам, осыпал их милостями, даровал им монастыри, земли, коллежи, предоставил им монопольное право в делах просвещения.

В административном рвении он издал ряд декретов, касающихся одежды, убранства домов, экипажей, балов и спектаклей. Этот старец, юность которого отнюдь не отличалась целомудрием, ополчился на все виды светских развлечений, ставших для него с возрастом недоступными.

Рим стал неузнаваем: религиозные процессии и торжества, колокольный звон и литургические песнопения — вот как выглядела теперь жизнь в городе. Дамам было запрещено элегантно одеваться, носить легкие материи и облегающие платья. Чтобы задушить зло в его колыбели, святой отец запретил портнихам под страхом отлучения от церкви шить декольтированные туалеты.

Наряду с этим папа проявлял весьма странную снисходительность к воровству, убийствам. У папы хватало наглости восстановить для пополнения апостольской казны специальный прейскурант, по которому богатые мерзавцы могли безнаказанно совершать самые гнусные преступления.

Когда некоторые кардиналы заметили, что циничное узаконение преступлений дает в руки оружие врагам папства, Лев XII ответил: «Не беспокойтесь, мы научим писателей уму-разуму. Сегодня соберу с помощью религии деньги, чтобы завтра построить религию на деньгах».

Иезуиты усиленно поддерживали католическую реакцию. Несколько ограниченные конституционными законами во Франции, они процветали в Испании, где с возвращением Фердинанда VII была восстановлена инквизиция. Число ее жертв росло непрерывно. В начале 1826 года иезуиты сожгли на костре одного несчастного еврея, обставив казнь с такой

же помпой, как во времена Торквемады. Лев XII пожаловал индульгенцию всем, кто участвовал или только присутствовал при этом зверстве. Булла, изданная по этому поводу, содержала совершенно невероятную декларацию: «Присутствие католиков при аутодафе приравнивается к присутствию на ста обеднях в ста церквах».

Во Франции, где иезуиты не имели возможности прибегнуть к террору, все свое внимание они уделили народному образованию. Они даже попытались целиком прибрать его к рукам, но этому воспротивилась палата депутатов. Было принято решение, согласно которому все коллежи благочестивых отцов подчиняются университетскому распорядку. Никто не может быть допущен к преподаванию в учебных заведениях без уведомления своего начальника о непричастности к какой-либо религиозной конгрегации.

Чтобы утешить сынов Лойолы, Лев XII обратился к королю Карлу X, жестоко порицая его за слабость и требуя принятия правительственных мер в защиту церкви. Это было вполне в духе стремлений и чаяний ханжи-монарха. Но святой отец уже не увидел, как его распоряжения претворялись в жизнь: после непродолжительной болезни он скончался 10 февраля 1829 года.

Возврат к средневековью

■ Пий VIII продолжал политику своего предшественника: он обратился ко всем епископам с циркулярным письмом, в котором поощрял всякую борьбу с республиканскими, и в особенности с враждебными церкви, писателями. «Почитаемые братья,— писал первосвященник,— необходимо выявлять опасных софистов, доносить на них в трибуналы, передавать их в руки инквизиторов, дабы они под пытками вспоминали об истинной вере».

С удовлетворением следил Пий VIII за преследованиями, которым подвергались либералы в Италии, Португалии, Испании. Германия, напротив, оставалась глуха к его требованиям: немецкие князья и монархи открыто заявили, что духовная власть целиком подчиняется светской. И святой отец не осмелился настраивать немецкое население против его правителей.

Во Франции Карл X, находившийся под влиянием тайного совета, стремился во всем подражать жестокому Фердинанду VII Испанскому, воскресившему старинные указы против богохульников и святотатцев. И хотя власть французского короля была ограничена, он вместе со своими гнусными советниками издал известные июльские ордонансы 1830 года.

Разразилась революция, но, как известно, завоеванная свобода пошла на пользу буржуазии. Посаженный ею на трон Луи-Филипп поспешил заверить папу в своем послушании и уважении. Прежде чем признать «короля баррикад», Пий VIII заставил себя долго упрашивать. Наконец скрепя сердце согласился, но вскоре почил вечным сном, и его сменил Григорий XVI.

Еще в бытность кардиналом, новый папа выдал замуж за цирюльника свою любовницу, которая имела от него семерых детей. Чтобы вознаградить брадобрея и сохранить возможность общаться со своей возлюбленной, он предоставил ее мужу должность во дворце с кардинальским окладом.

Перед избранием Григорий XVI, весьма склонный к плотским радостям, казалось, целиком посвятил себя богу. Но, вступив на престол, он вернулся к обычному образу жизни. Правда, из-за преклонного возраста гастрономические радости занимали в его жизни больше места, чем любовные утехи. Он обжирался до такой степени, что его часто выносили из-за пиршественного стола на руках.

Дух неверия и безбожия с каждым днем все больше распространялся в Италии. Тогда Григорий поручил иезуитам организовать мирный крестовый поход во имя католицизма. Сыны Лойолы шныряли по деревням, расставляли кресты, выступали с проповедями — словом, всячески старались подогреть религиозное рвение. У них хватило наглости вновь заставить мадонн и святых творить чудеса. Скоро в папских землях не осталось ни одной деревенской церкви, где бы не было механизированного чуда. В одной часовне богоматерь проливала слезы, в другой истекал алой кровью Христос, в третьей поднимал руки и двигал головой апостол. Когда была исчерпана галерея славных обитателей небесного царства, исполнивших весь свой репертуар, иезуиты перешли к одушевлению животных.

Можно было наблюдать святого духа в облике голубя, петуха святого Петра, кукарекующего так натурально, что

его можно было принять за деревенского; вифлеемскую ослицу и других животных, которые ржали, блеяли, рычали и лаяли на все лады.

Сначала все шло отлично. Иезуиты успешно вели религиозную пропаганду — фабриковали чудодейственные предметы, сбывая их по высокой цене священникам, а те в свою очередь не оставались в накладе, извлекая из всей этой механизированной бутафории огромные доходы. Но вскоре конкуренция нанесла смертельный удар этой отрасли промышленности, процветавшей благодаря темноте и суеверию, с одной стороны, и жульничеству — с другой.

Вот что произошло.

Каждый приход имел свое чудо, полученное им от общества Иисуса. И верующим хотелось посмотреть мадонну, святых и зверей, принадлежавших соседним церквам. Священники, естественно, препятствовали, не желая, чтобы дары прихожан уходили к конкурентам. Каждый служитель церкви старался дискредитировать чудеса соперника, и война разразилась не на шутку. Прихожане, конечно, вставали на защиту своих пастырей, и во всех деревнях Папской области возникали настоящие отряды фанатиков. Их религиозная одержимость не могла не привести к кровавым стычкам.

Когда религиозные процессии встречались на границе своих приходов, священники затевали громкую перебранку. Каждый расхваливал своих чудотворцев, преувеличивая их волшебные способности и оскорбляя противников грубыми ругательствами. Ссора разгоралась. Священники, церковные сторожа, певчие, дети из хора, послушники и верующие с остервенением бросались друг на друга и дрались до тех пор, пока одна из сторон не побеждала. В этих сражениях распятия, подсвечники и кадила нередко становились смертельным орудием.

К своему глубокому сожалению, папа был вынужден запретить демонстрацию чудодейственных идолов.

Иезуиты были крайне раздосадованы ликвидацией столь прибыльного предприятия. Чтобы покончить в Италии с проявлениями либерализма, они решили прибегнуть к самым жестоким мерам. Была созвана конференция, где генерал общества Иисуса произнес речь, в которой объявлял подлинную войну современному обществу.

«Наш век, в самом деле, отличается весьма странной деликатностью! — восклицал он.— Уж не воображают ли люди, что зола в кострах окончательно остыла и что в ней не най-

дется уголька, от которого загорится факел? Безумцы! Нарекая нас иезуитами, они хотят нас опозорить. Знайте, иезуиты готовят вам новые казни и муки... Настанет день, и мы будем повелителями народов!»

Итальянцы не нуждались в новых доказательствах реакционной политики папы, стремившегося повернуть историю вспять и воскресить времена средневекового варварства.

Чтобы опрокинуть папство — ненавистного общего врага, первопричину всех бедствий, все классы общества: буржуазия, рабочие и даже аристократия — объединились. Во многих городах вспыхнули восстания, и, если бы не вмешательство Франции и Австрии, с папством было бы покончено.

Битва была длительной и ожесточенной. Духовенство сколотило отряды милиции из безмозглых фанатиков и бандитов без чести и совести. При вступлении в милицейские отряды приносилась следующая присяга:

«Я клянусь не щадить никого из приверженцев отвратительной партии либералов, не проявлять сочувствия к плачу их жен и детей, к стенаньям старцев и проливать их кровь до последней капли, невзирая на пол, возраст и общественное положение».

Люди, способные принести такую присягу, не останавливались перед самыми дикими зверствами. Они больше походили на палачей и шпионов, чем на воинов, но тем не менее оказали огромную поддержку Григорию XVI, когда он, подавив движение, приступил к жесточайшим репрессиям. Правда, спокойствие было весьма ненадежно и держалось только на страхе. Наконец смерть освободила Италию от тирана, притеснявшего ее в течение пятнадцати лет. Он умер 1 июня 1846 года, после мучений, длившихся целый месяц.

За несколько дней до смерти первосвященника любезный брадобрей удрал из Рима вместе со своей супругой. Эта достойная пара прекрасно знала о чувствах, которые питал к ней народ, и предусмотрительно постаралась не допустить их проявления. Кроме ценностей, которыми Григорий одаривал свою любовницу, супруги погрузили в специальные фургоны дорогую уникальную мебель, украшавшую их жилье. Свободные и счастливые, они отправились к неведомым берегам вкушать сладость отдыха, добросовестно заработанного на службе у наместника Христа.

Последний папа — неограниченный монарх

■ Мы подходим к концу. Если бы мы захотели рассказать о всех гнусностях, приписываемых Пию IX, то нам не хватило бы и толстого тома. Поэтому, оставляя в стороне факты, которые могут показаться недостоверными, мы ограничимся теми, бесспорность которых не вызывает сомнений.

Пий взошел на престол 16 июня 1846 года. Церемониал коронации отличался особой пышностью. После того как первосвященник отслужил мессу, скопцы Сикстинской капеллы затянули гимны, а второй кардинал-диакон приблизился к Пию IX и после троекратного коленопреклонения снял с его головы митру. Затем с теми же церемониями возложил на голову папы подаренную Наполеоном I сияющую камнями тиару стоимостью в полмиллиона франков.

Эта эмблема христианского смирения сделана из белого бархата, а опоясывающие ее три короны состоят из бриллиантов, изумрудов, сапфиров и жемчуга. Тиара увенчана крупным изумрудом с бриллиантовым крестом огромной ценности. Право, этот головной убор мало чем напоминает терновый венец основателя христианства!

Вечером римские дворцы сверкали огнями иллюминации, собор святого Петра освещали двадцать тысяч светильников.

Народ ликовал, потому что верил в то, что Пий IX не чужд либеральных идей. Разочарование наступило очень скоро. Пий IX родился 13 мая 1790 года в Папской области. Его юность была весьма беспокойной. Он был членом масонской ложи и придерживался самых передовых взглядов. Ничто не предвещало, что в один прекрасный день он станет орудием в руках иезуитов, самых непримиримых врагов свободы.

Пий IX славился также галантными похождениями, он имел постоянный успех у дам. Даже сменив мундир папской гвардии на сутану, он не отказался от светских развлечений. В 1832 году Григорий XIV назначил его епископом, а в 1840 году — кардиналом. Светские успехи нисколько не мешали его духовной карьере.

Беспечный и не слишком умный, Пий IX всегда легко поддавался влиянию. Он стал послушной марионеткой, ко-

торую дергал за ниточку — в интересах иезуитов и своих собственных — кардинал Антонелли, прозванный «красным папой». Он абсолютно подавлял «белого папу» Пия IX. Впрочем, Пий IX вначале изображал из себя чуть ли не либерала. Объяснялось это тем, что иезуиты считали опасным открыто продолжать реакционную политику Григория XIV.

Но после издания нескольких второстепенных указов сыны Лойолы решили, что этого вполне достаточно, чтобы завоевать доверие народов, и, сняв личину, пошли по проторенному пути клерикальной деспотии. Это вызвало глухое недовольство, вновь образовались тайные общества, куда вошли отважные итальянские патриоты, мечтавшие сбросить двойное иго — Австрии и папы.

Мы не будем рассказывать о подробностях героической борьбы угнетенного народа против своих тиранов. Она, без сомнения, окончилась бы торжеством справедливости, если бы реакционные силы Франции не поддержали папу в 1849 году, отправив в Рим целый армейский корпус. 24 апреля авангард дивизии под командованием генерала Удино подошел к Чивита-Веккиа.

За несколько месяцев до этого Пий IX тайно покинул Рим, чтобы не проводить реформ, которых от него требовали. Он удрал из города в штатском платье и круглой шляпе в сопровождении агента австрийского двора, жена которого была любовницей папы. Вместе с ним был также дворецкий, увозивший из Рима печать, требник, священные туфли и ларец с золотыми медалями, на которых было вычеканено изображение папы. Не забыли прихватить и золото.

Трое путников без всяких осложнений выбрались из вечного города. На пути в Чивита-Веккиа в условленном месте их должен был поджидать другой экипаж. Когда они подъехали, его еще не было. Как раз в это время проходил отряд карабинеров, и Пий IX решил, что все погибло. Повернувшись спиной к отряду, он стал бормотать слова молитвы, призывая на помощь милосердную матерь божию, к которой, видимо, уже тогда питал трепетное уважение (не случайно через несколько лет он провозгласил новый догмат о непорочном зачатии!). Молитва была услышана, и экипаж, ожидаемый с таким нетерпением, наконец подъехал.

Выходившая из него графиня громко обратилась к своему возлюбленному: «Синьор доктор, влезайте-ка поживей!» Насмерть перепуганный папа не заставил повторять приглашение. Он уселся в глубине кареты бок о бок с дамой, а ее муж

и дворецкий устроились на передней скамейке. Графиня приказала гнать лошадей, и беглецы отправились в путь.

После бегства папы в Риме была провозглашена республика и издан следующий декрет:

«Папа фактически и юридически лишается светской власти над римским государством.

Римскому первосвященнику будет гарантирована возможность свободно осуществлять духовную власть.

Формой правления римского государства будет демократия со славным именем Римской республики».

Такова была политическая ситуация, когда в Чивита-Веккиа высадились французы, чтобы восстановить папское владычество...

Узнав о высадке французских войск, римское Учредительное собрание заявило, что продолжает свою деятельность, и приняло решение оказать самое энергичное сопротивление интервентам. Тогда-то на сцену вышел герой Гарибальди — славный борец за свободу и справедливость.

Но, несмотря на мужественную борьбу, длившуюся почти месяц, Рим пал под натиском французов...

Генерал Удино поручил передать папе ключ от городских ворот.

Злодеяние свершилось: французское правительство вновь отдало римские земли во власть ненавистных рясоносцев.

Начало нового правления Пия IX ознаменовалось декретом, содержавшим следующие статьи:

«Закрываются все кружки, распускаются все политические объединения. Запрещается собираться в количестве более пяти человек, особенно по вечерам.

Если кто-либо без уважительных причин покажется на улице позднее одиннадцати часов вечера, он будет задержан и приговорен к пятидневному тюремному заключению, в случае повторения — к месячному.

Свобода печати отменяется. Все, что подлежит изданию, должно быть одобрено духовной властью или полицией, в зависимости от содержания произведения. В случае неповиновения издатель и автор, помимо конфискации напечатанного, должны уплатить штраф в размере 25 экю в первый раз, 50 экю — во второй и 100 экю — в третий. В последнем случае типография будет закрыта, а издатель навсегда лишится права заниматься своей профессией.

Напечатанные книги, будь то иностранные или отечественные, не подлежат распространению без разрешения цер-

ковных властей или полиции. Они могут продаваться только в магазинах при письменном разрешении, продажа на улицах запрещается. Те же правила действуют в отношении гравюр и литографий».

Этот красноречивый декрет дает лишь слабое представление о том, как папское правительство угнетало римлян. Зато для священников и полицейских наступили поистине блаженные времена.

Плохо приходилось тому гражданину, которого по доносу, из-за неосторожного слова или же попросту из-за неприязни какого-либо церковника обвиняли в либеральных взглядах. Несчастного отрывали от семьи, бросали в темницу, подвергали самому бесчеловечному обхождению. Часто «справедливость» святого отца носила еще более оперативный характер: сбиры задерживали по ночам указанных им лиц, закалывали их кинжалами и сбрасывали трупы в Тибр...

В провинциях, находившихся под австрийским игом, католическая реакция свирепствовала еще сильнее, чем в Риме, и святой отец одобрял зверские расправы.

Что же касается убийц и грабителей, то их задерживали только тогда, когда заставали на месте преступления. Но и в этих редких случаях к ним проявлялась чрезвычайная мягкость и снисходительность. Если же преступник принадлежал к духовенству, то за его судьбу беспокоиться было нечего.

Например, один герцог, убивший слугу за недостаток почтительности, был приговорен папой к месячному заключению в монастырь, а человека, убившего священника, приговорили разрубить на части. Кардинал Антонелли приказал обезглавить несчастного умалишенного, пригрозившего ему... вилкой!

Приговоренные к смертной казни дожидались исполнения приговора в течение нескольких лет. Политических заключенных бесчеловечно истязали. В тюремную практику были вновь введены пытки времен инквизиции.

Несчастных ставили на колени перед большим камнем, на который они ложились грудью. Затем приковывали к полу: с одной стороны камня — за руки, с другой — за ноги. В этом положении их избивали длинной плеткой из бычьих жил.

Применялись и железные щипцы, с помощью которых изо рта вытягивали и зажимали язык. Воспаленный язык распухал до такой степени, что в течение долгого времени не умещался во рту.

Эти злодеяния напоминают о мрачных днях средневековья. А между тем это происходило в середине XIX века!

И все же итальянские патриоты не теряли мужества. Мадзини организовал за границей Национальный комитет и готовил восстание. Несколько безуспешных попыток вызвали усиление репрессий. И вот вновь появился Гарибальди. Освободив обе Сицилии, он совершил знаменитый миланский поход и подарил королевство Виктору-Эммануилу, отплатившему ему поистине царской неблагодарностью. Но Гарибальди это не волновало. Он покончил с тиранией Бурбонов, его победа поколебала и папский трон.

Героическая попытка Гарибальди, предпринятая в 1867 году, увенчалась бы успехом, если бы не французские оккупанты. Находясь под наблюдением итальянского флота на острове Капрера, Гарибальди обманул бдительность своих стражей. Переодевшись в матросское платье и проскользнув мимо стоявших в гавани судов, он добрался до границы римских земель, где маленькими группами уже собирались его легионеры.

Гарибальди двинулся к Монте-Ротондо, город на путях к Риму, где первосвященник содержал на свои средства французский легион. После ожесточенной битвы Гарибальди вынудил гарнизон капитулировать и захватил город. Отсюда Гарибальди направился к Тиволи и в бою под Ментаной уже одерживал победу над папскими войсками, но папу выручили французские солдаты. Защитники свободы героически выдерживали атаки противника, но силы были настолько неравными, что исход битвы не вызывал сомнений.

Поражение гарибальдийцев окончательно успокоило Пия IX. Безмозглый первосвященник решил, что отныне ему уже нечего бояться. Он не подозревал, что очень скоро Наполеон III отзовет свой экспедиционный корпус и вслед за этим его власть рухнет, как ветхая хибарка, лишенная подпорок.

Пий IX вообразил, что укрепит свою власть, утвердив два догмата — о непорочном зачатии и о папской непогрешимости. На самом же деле эти догматы еще больше подорвали престиж папы в глазах искренних католиков. Его энциклика и «Силлабус» означали открытую войну против всех прогрессивных идей и привели к совершенно противоположному результату, показав, насколько низко пала католическая церковь.

Впрочем, святой отец спал спокойно, а священники, кото-

рыми кишел Рим, вели веселую, беззаботную жизнь, ничуть не беспокоясь о завтрашнем дне.

Проституция стала самым процветающим ремеслом святого города. Папская полиция проявляла суровость только в особенно скандальных случаях. Ведь не могла же она, в самом деле, лишать плотских утешений пять или шесть тысяч служителей господа бога, наводнявших Папскую область.

Но горизонт все-таки хмурился. Французский император чувствовал, что трон его колеблется, и объявил войну Пруссии, рассчитывая, что победоносная кампания укрепит его власть.

Для решающих боев Наполеону III понадобились все его солдаты, и он отозвал войска, находившиеся в Риме. Но как только первые победы пруссаков показали итальянцам, что Франции бояться нечего, войска Виктора-Эммануила, сосредоточенные на границе Папской области, стремительно двинулись на Рим.

Конец своего правления Пий IX ознаменовал новым преступлением. Хотя было очевидно, что всякое сопротивление бессмысленно и не могло иметь иного результата, кроме грандиозного и напрасного кровопролития, он решил обороняться до конца.

Его армия состояла главным образом из иностранных наемников, итальянцев же было очень мало. Зная о враждебном отношении населения, он расставил пушки на всех улицах, перекрестках и в общественных местах, чтобы не допустить народного восстания.

Сражение произошло 20 сентября 1870 года. После четырехчасовой канонады в одной из городских стен была пробита брешь, и генерал Кадорна вошел в город со своей дивизией.

Почти одновременно были захвачены двое городских ворот. С этого момента сопротивление прекратилось.

Папские солдаты складывали оружие, а на улицах народ братался с победителями.

Так кончилась светская власть пап. Ныне папство не имеет уже ни былого влияния, ни прежнего авторитета. Как последний обломок затонувшего корабля, оно скоро совсем пойдет ко дну. И тогда человечество окончательно сбросит с себя вековые цепи папского деспотизма.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

■ Имя Лео Таксиля хорошо известно советским людям. Его книги «Забавная Библия» и «Забавное евангелие, или Жизнь Иисуса» вышли в русском переводе тиражом более миллиона экземпляров и были тепло встречены читателями.

Блестящая эрудиция, легкий стиль, остроумие способствовали популярности его книг.

Лео Таксиль (настоящее имя — Габриель-Антуан Жоган-Пажес, 1854—1907) — своеобразная фигура в ряду антирелигиозных писателей.

В детские и юношеские годы он получил воспитание в иезуитском колледже. Однако вместо религиозной деятельности он избрал путь борца против религии. Противоречия и абсурдность «священного» писания, ложь, лицемерие, ханжество, тупость и корыстолюбие священнослужителей раскрыли ему глаза на подлинную сущность религии. С 1879 г. в течение пяти лет он выпускает около двух десятков антирелигиозных произведений — острых сатирических памфлетов: «Любовные похождения папы Пия IX», «Сын иезуита», «Семейство Борджиа», «Отравитель Лев XIII и пять миллионов каноников», «Священный вертеп» и многие другие. В 1882 г. Таксиль пишет «Забавную Библию», а в 1884 г. выходит его «Жизнь Иисуса».

В апреле 1884 г. папа Лев XIII обнародовал энциклику «Род человеческий». В этом послании он призывал к решительной борьбе с атеизмом, неверием и объявлял свободомыслие делом рук дьявола. Восторг защитников религии был велик, когда они узнали, что послание подействовало даже на такого вольнодумца, как Таксиль: со слезами на глазах, стоя на коленях, просил он принять его обратно в лоно «материцеркви».

С этого момента и в течение 12 лет Таксиль выступает с разоблачениями дьявольских козней. Он был принят самим римским папой и обласкан в личной аудиенции.

Но вот в 1897 г. Таксиль выступил с публичным заявлением о том, что он в течение 12 лет мистифицировал церковь: он хотел узнать, до каких пределов распространяется вера во всякую чертовщину в среде священнослужителей. Оказалось, она беспредельна. Любой фантастический вымысел Таксиля о шабашах ведьм, деяниях дьявола и т. д. принимался виднейшими епископами, кардиналами и самим папой за чистую монету, во всяком случае использовался ими для оглупления легковерных людей. Мистификация увенчалась успехом.

Лео Таксиль опять стал открыто бороться против религиозного дурмана.

Сейчас читатель перевернул последнюю страницу книги Таксиля «Священный вертеп» (французское название «Скуфьи и скуфейники») *.

* Настоящее издание дается с некоторыми сокращениями.

— Неужели все это правда? — может спросить он.— Ложь, предательство, убийства, разврат, стяжательство — неужели это и есть основное в деяниях высокопоставленных священнослужителей? Ведь они провозглашены наместниками бога на земле! Ведь они в своих проповедях и сочинениях призывают к кротости, смирению, терпению!

Трудно сказать, насколько точен Таксиль во всех деталях. Свою книгу он писал по тем документам, источникам, которые были в распоряжении исторической науки в конце XIX века. За прошедшие с тех пор 70—80 лет были обнаружены некоторые новые материалы, характеризующие папство. Однако если книгу Таксиля «Священный вертеп» нельзя рассматривать как вполне достоверный исторический труд, то ее с полным правом можно считать ярким боевым антирелигиозным памфлетом, дающим в общем верно и сатирически остро обширную живую картину пороков и злодеяний отцов католической церкви. Именно в этом смысл и значение талантливой книги французского писателя.

Как же случилось, что во главе такой могущественной, влиятельной церковной организации, призванной распространять и укреплять в сознании народных масс идеи благочестия и покорности, оказались, скажем мягко, аморальные люди? Причину этого нужно искать в самом христианстве.

Христианство возникло во второй половине I века в восточных провинциях Римской империи, в обстановке, когда на громадных территориях Европы, Африки, Азии под тяжким гнетом кучки римских рабовладельцев томились миллионы рабов, крестьян, ремесленников.

Массовые восстания рабов и бедноты терпели поражения, и тогда постепенно в среде самых обездоленных рождаются рассказы о новом боге, который явится на землю в образе человека, он будет среди людей, изопьет всю чашу людских страданий, умрет за людей, а потом воскреснет. В образе бога Иисуса Христа отражались чаяния и надежды многих миллионов, которые уже не надеялись на счастье в этой жизни. Не видя выхода на земле, люди стали искать его в потустороннем мире.

В такой обстановке рождался образ спасителя человечества — богочеловека, образ, который впитал в себя черты богов многих религий разных народов и потому был близок людям разных стран. Новый бог обращался ко всем, без различия национальности, расы, общественного положения. Этим объясняется широта распространения христианства, которое прокатилось по древнему миру как лавина.

Если христианство «выступало сначала как религия рабов и вольноотпущенных», по выражению Ф. Энгельса, если первоначально оно осуждало земные порядки и с гневом выступало против сильных мира сего, сулило гибель развращенному и обезверившемуся римскому миру, то уже вскоре оно пошло на компромисс и с этим миром, с миром угнетателей. И вполне понятно почему: при зарождении христианства в нем отразились революционные устремления масс, однако бессилие в борьбе с рабовладельческим государством, осознание невозможности победы в этом земном мире постепенно вытравили бунтарские призывы из христианства; ему осталось лишь выполнять свои основные функции как религии — утешать, обнадеживать, призывать к равенству перед богом, уводить от реальных задач. Пользу подобной проповеди вскоре поняли господствующие классы.

Увековечение несправедливого социального строя — одна из характерных черт христианской религии. Ведь это вытекает из самого христианского вероучения, которое исходит из того, что частная собствен-

ность существует извечно, является божественным установлением, а потому должна быть признана естественным правом.

«Социальные принципы христианства,— писал К. Маркс,— проповедуют необходимость существования классов — господствующего и угнетенного, и для последнего у них находится лишь благочестивое пожелание, дабы первый ему благодетельствовал...»

Если мы бросим взгляд в глубины истории, то сможем увидеть, что христианская религия стояла на страже интересов эксплуататорских классов. А те в свою очередь видели в ней верного союзника и защитника. «Все и всякие угнетающие классы,— указывал В. И. Ленин,— нуждаются для охраны своего господства в двух социальных функциях: в функции палача и в функции попа. Палач должен подавлять протест и возмущение угнетенных. Поп должен утешать угнетенных, рисовать им перспективы (это особенно удобно делать без ручательства за «осуществимость» таких перспектив...) смягчения бедствий и жертв при сохранении классового господства, а тем самым примирять их с этим господством, отваживать их от революционных действий, подрывать их революционное настроение, разрушать их революционную решимость». Эту неблаговидную и мрачную роль и выполняла с успехом христианская религия.

Нужно сказать, что сами церковники порой не скрывали этого. В сочинениях многих видных богословов можно найти высказывания, которые красноречиво характеризуют роль религии. Один из крупных деятелей христианской церкви, «блаженный» Августин, признавал: «Бесконечно многим обязаны Христу богачи, потому что он вносит добрый порядок в их дома и хозяйство. Христос дурных рабов делает хорошими».

С именем Христа насаждалась христианская религия в «языческих» странах. С его именем во все уголки нашей планеты протаптывали тропы миссионеры с Библией в руках, представляя христианство как религию, несущую счастье каждому человеку. Христианские священнослужители не скупились на обещания, они сулили каждому, кто станет приверженцем новой религии, бессмертие, вечное блаженство, но не на земле, а в загробном мире. Ведь, согласно христианскому вероучению, Христос, который был послан богом на землю, чтобы мученической смертью искупить грехи людей, должен вновь вернуться в земной мир, чтобы судить живых и мертвых, жестоко наказать грешников и обеспечить райское блаженство праведников.

Проповедуя свое вероучение, богословы в качестве примера для подражания выставляют земную жизнь Христа. Говоря о его кротости, смирении, терпении, они внушают верующим необходимость быть такими же кроткими, такими же смиренными, такими же терпеливыми. Только таким путем можно заслужить свое счастье в загробном мире, учат священники в христианских храмах. Подобные проповеди произносились христианским духовенством многие столетия назад. Подобные проповеди звучат в церковных храмах и в наши дни.

Они уводят человека с пути борьбы за действительное счастье в земной жизни в мир несбыточных мечтаний. Христианская религия, проповедуя, что все в руках божьих, что человек бессилен что-либо изменить своими силами в этом мире, обрекает его на пассивное ожидание милостей с неба. Вместо того чтобы добиваться лучшей жизни на земле, люди должны терпеливо ждать второго пришествия Христа, который принесет им избавление от тягот жизни.

Христианство обрекало рабов на пожизненное рабство, трудя-

щихся, работавших на капиталистических предприятиях, на пожизненный труд на своих господ, безземельных крестьян на пожизненную зависимость от помещиков. И этим-то людям, для которых единственным выходом из создавшегося положения была борьба за свержение несправедливого социального строя, проповедники религии внушали необходимость терпения и смирения. Они вновь и вновь ставили в пример Христа. «Христос терпел и нам велел»,— учили церковники.

Ставя в пример верующим жизнь Иисуса Христа, церковники проповедуют принципы всеобщей любви, классового мира. «Перед Христом все равны»,— провозглашают служители культа. Евангельские тексты полны поучений о необходимости любить своих ближних, прощать своим недругам, жить в мире со всеми окружающими людьми. Слова «Бог есть любовь» часто звучат в проповедях христианских богословов. Они внушают верующим необходимость исполнения заповеди Иисуса, которую он якобы дал людям в своей нагорной проповеди: «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Матфей, гл. 5, ст. 43—44).

Кому на деле служит эта Христова заповедь? Нетрудно видеть, что этот принцип христианской любви прежде всего на руку тем, кто угнетает простых людей, прежде всего представителям эксплуататорских классов. В качестве примера можно обратиться к событиям, происшедшим в нашей стране почти полвека назад, к Великой Октябрьской революции. В те дни, когда разорвавший оковы народ поднялся на борьбу с угнетателями, чтобы раз и навсегда покончить с капиталистическим рабством в нашей стране, христианские церковники, как и христианские сектанты, оказались в лагере защитников старого строя. В те грозные дни, когда решалась судьба России, стать ли ей свободной или вновь оказаться под властью самодержавия, христианское духовенство выступило против восставшего народа. Пытаясь сыграть на чувствах людей, служители церкви обращались к рабочим и крестьянам с лицемерными призывами не забывать принципов христианской любви, примириться с теми, на кого они подняли руку. «Любите врагов ваших...» — еще и еще звучал этот лицемерный призыв.

Но народ уже не могли остановить заповеди Христовы. И тогда церковники сбросили с себя личину «друзей народа». Наиболее реакционные представители русского духовенства открыто выступили против революционных сил. В стане белогвардейцев спешно создавались отряды, в которые входили служители религии. В войсках Деникина, Колчака сражались против Красной Армии «полки Иисуса», «дружины святого креста». На их знаменах был изображен Христос.

Проповеди всеобщего братства, всеобщей любви направлены против интересов трудящихся. С помощью подобных проповедей христианские церковники пытаются парализовать волю масс, обезоружить их перед угнетателями. Разве можно прощать классовым врагам, разве можно мириться с насилием эксплуататоров?

По словам богословов и священнослужителей, христианство является провозвестником всеобщего мира. Ведь в евангелиях говорится о том, что Христос принес на землю мир. «Блаженны миротворцы»,— провозгласил он в своей нагорной проповеди.

Это на словах. А на деле вся история христианства неразрывно связана с кровавыми бойнями, с религиозными войнами за веру. Эти войны освящались религией как «священные». Вспомним хотя бы крестовые походы, стоившие жизни многим тысячам невинных людей.

Тогда забывалась заповедь о миротворцах и в проповедях церковников, благословлявших завоевателей, звучали другие слова, взятые из евангелия и принадлежавшие якобы Христу: «Не думайте, что я пришел принести мир на землю, не мир пришел я принести, но меч».

Когда иноземные завоеватели высаживались с кораблей на богатейших землях Азии, Африки, Америки, когда они захватывали чужие территории, сгоняя с них коренных жителей, вместе с вооруженными до зубов солдатами сходили на берег и христианские миссионеры, вооруженные Библией. Солдаты грабили аборигенов, безжалостно убивали невинных людей, захватывали в рабство темнокожих, сжигали их поселения. А благообразные священники внушали покоренным народам христианские идеи смирения, терпения, всепрощения.

Религия оправдывала колониализм, оправдывала действия захватчиков чужих земель. Действия колонизаторов освящались именем Христа. Они выдавались духовенством чуть ли не как благие действия угнетателей по отношению к закабаленным народам. Папа Пий XII прямо заявлял, что без влияния «цивилизованной Европы слаборазвитые страны могли быть увлечены слепым национализмом в хаос и рабство».

Церковники любят ссылаться на то, что еще первоначальное христианство будто бы указало принципы равенства и братства людей.

— Читайте евангелие,— говорят они.— Там часто утверждается, что в глазах бога «нет ни эллина, ни иудея, ни раба, ни свободного».

Да, но ведь речь идет только о равенстве людей перед богом, которое, по учению церкви, не имеет никакого отношения к действительному неравенству людей! Причем перед богом люди равны как грешники. Такая проповедь «равенства» нисколько не мешала оправдывать самую отвратительную, самую откровенную форму неравенства и гнета — рабство. Согласно евангельскому учению, раб должен утешать себя тем, что в глазах господа он ничем не хуже своего хозяина и даже, может быть, праведнее его. Но раз так, всякая борьба за освобождение от рабства попросту излишня. Христианские принципы равенства на деле всегда оказывались лишь доводом в защиту сохранения неравенства и сводились в конце концов к положению: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от бога...» (Римл., гл. 13, ст. 1).

«Рабы, во всем повинуйтесь господам вашим по плоти, не в глазах только служа им, как человекоугодники, но в простоте сердца, боясь бога» (Колос., гл. 3, ст. 22) — вот к чему во имя бога призывает христианство. Странное понятие о равенстве!

Разумеется, сегодня христианская церковь не такая, как вчера. Стремясь удержать верующих, паству, она перестраивает свои позиции в духе времени, ведет более тонкую политику, даже отказывается от некоторых своих принципов. Изменения можно увидеть и в Ватикане, цитадели католицизма. Последние папы — Иоанн XXIII и Павел VI — взяли курс на политику мирного сосуществования, провозгласили терпимость к инаковерующим и даже их объединение и т. д.

Однако сущность христианства осталась прежней. И Лео Таксиль хорошо показал в своей книге, что те, кто проповедует мракобесие, принципы, извращающие реальность в угоду власть имущим, сами не могут быть другими. Таковы факты, и от них никуда не скроешься.

Ст. Никоненко

ПРИМЕЧАНИЯ

К стр. 5

Апостол — греч., посланец. Первоначально — странствующий проповедник; позднее так стали называть 12 легендарных учеников Христа.

К стр. 6

Святой Петр — по евангелию, один из 12 апостолов, ближайший ученик Христа. Церковь считает его первым епископом Рима.

Понтификат — власть (или период правления) римского папы, один из титулов которого «понтифик», т. е. первосвященник.

Герма — христианский писатель середины II в. н. э., автор сочинения «Пастырь», примыкающего к писаниям Нового завета. Призывал к отказу от богатства, к аскетизму, осуждал стремление людей к земным радостям. Таксиль ошибался, считая николаитов последователями Гермы: эта секта существовала на Ближнем Востоке уже в I в. н. э.

Диакон — первоначально лицо, занимавшееся хозяйственными делами в христианской общине; позднее — помощник священника, низший сан среди священнослужителей.

Аникет — папа (155—166 гг.).

Гностики — представители гностицизма (греч. «гносис» — познание), религиозно-философского учения I—III вв., сочетавшего христианские догматы с представлениями идеалистической греко-римской и мистической восточной философии. Все зло в мире считали порождением противоречия между духом и материей; признавали существование совершенного божества, греховного материального мира и множества промежуточных ступеней между ними, которые необходимо познать; отрицали Ветхий завет, воплощение Христа в человеке, фактически подрывали миф о Христе как богочеловеке.

Элевтерий — папа (175—189 гг.).

Валентиниане — представители секты гностиков (по имени главы школы — Валентина, египетского проповедника II в.).

Калихт I — папа (217—222 гг.).

Урбан I — папа (222—230 гг.).

К стр. 7

Григорий Чудотворец — епископ Неокесарийский (в Малой Азии) (ум. в 270 г.).

Клирики — общее обозначение всех служителей церкви, духовенства. В более узком смысле — причт, т. е. священнослужители и церковнослужители, в противоположность пастве — прихожанам. Церковнослужители — низшее духовенство, причетники (дьячки, псаломщики, поно-

мари, рядовые монахи). Священнослужители — те, кто «рукоположен», т. е. возведен в сан (диаконы, священники, епископы и т. д.).

Епископ — греч., надзиратель. Первоначально — заведующий имуществом христианской общины; позднее — один из высших церковных чинов.

Александрия — в то время столица Египта. До IV в. считалась вторым (после Рима) городом в империи.

Новациан I — папа (251—258 гг.). Был избран группой епископов, в то время как на выборах в Риме в 251 г. официально римским епископом был объявлен Корнелий (251—253 гг.).

Фиваида — древняя область Верхнего Египта (столица — Фивы); в пустынной ее части селились христианские отшельники и аскеты.

Марцеллин — папа (296—304 гг.).

Языческие императоры — с 293 до 305 г. Римской империей совместно управляли четыре императора: Диоклетиан (284—305 гг.), Максимилиан (286—305 гг.), Галерий (293—311 гг.) и Констанций I (293—306 гг.). При них усилились гонения на христиан.

Борджиа — аристократическое итальянское семейство (родом из Испании), игравшее активную роль в политической жизни страны в XV—XVI вв. Члены его прославились тем, что в борьбе за осуществление своих целей не брезговали никакими средствами, использовали шантаж, подкуп, предательство, убийство из-за угла. Их имя стало символом вероломства, авантюризма, распущенности.

Синклит — собрание высших сановников.

Нумидия — римская провинция в Северной Африке (на территории современного Алжира). В 305 г. в ее столице Цирте состоялся церковный собор.

Епископский жезл достался именно тому, кто из всех членов собора пользовался наихудшей репутацией. — Избран был Сильван, имевший репутацию взяточника и предателя (он выдал властям для сожжения в соответствии с императорским указом 303 г. «священные» книги).

К стр. 8

Сильвестр — папа (314—335 гг.).

Неокесарийский собор — поместный собор 341 г., утвердивший 15 правил, касавшихся вопросов церковного управления и нравственности духовенства.

Никейский собор — I вселенский собор (325 г.) в Никее (в Малой Азии). Возглавил его император Константин I. Собор осудил ересь ариан, отрицавших ряд церковных догм, и принял символ веры (см. прим. к стр. 10). Этот собор завершил ранний период развития христианства.

Прелат — высокопоставленное духовное лицо.

Афанасий Александрийский — автор религиозных трудов и полемических сочинений против еретиков (295—373 гг.), епископ Александрии (с 328 г.). Славился своей нетерпимостью и жестокостью. Опираясь на авторитет поместных соборов, императоры пять раз заставляли его покидать епископию и скрываться.

Анафема — проклятие от имени бога и отлучение от церкви. Рассматривалась как высшая церковная кара.

Либерий — папа (352—366 гг.).

Дамасий — папа (366—384 гг.).

К стр. 9

Константин I Великий — римский император (306—337 гг.), при котором был издан Миланский эдикт (313 г.), допускавший свободное ис-

поведание христианства. При его преемниках усилилось активное вмешательство императорской власти в дела церкви.

Грациан — римский император (367—383 гг.).

Иероним — отец церкви (см. прим. к стр. 7) (348—420 гг.), автор многочисленных переводов с греческого на латинский язык и исторических сочинений. Перевел библию, составил каталог 135 христианских писателей, написал заметки по римской литературе. По преданию, некоторое время жил отшельником в пустыне, а последние 40 лет жизни провел в одинокой келье.

Валент — римский император (364—378 гг.).

Валентиан II — римский император (375—392 гг.).

Сириций — папа (384—399 гг.).

Целибат — безбрачие, установленное в обязательном порядке для католического духовенства.

К стр. 10

Отцы церкви или *учители церкви* (лат. doctor ecclesiae) — почетное имя, данное католической церковью наиболее видным богословам, разработавшим во II—VIII вв. церковную догматику и философию христианства.

Кибела — Великая мать, мать богов и всего живущего на земле, возрождающая природу, дарующая плодородие. Культ ее возник в Малой Азии.

Деканонизировать — лишить святости.

К стр. 11

Капуцин — монах, член нищенствующего ордена, возникшего в начале XVI в. и боровшегося с идеями Реформации (см. ниже). Являлся ветвью ордена францисканцев (см. прим. к стр. 191). Название происходит от остроконечного головного убора (итал. cappucio).

Апокалипсис — греч., откровение. Часть Нового завета, где содержатся мистические пророчества о конце света и страшном суде. Приписывается апостолу Иоанну.

Великолепный город — Рим.

Вавилон — столица Вавилонского царства. В представлении христиан — олицетворение распущенности и порока. В Апокалипсисе Рим уподобляется развратному чудовищу — Вавилону.

Ромул — легендарный основатель Рима.

«...Обитель Марии, пещера младенца Иисуса». — По евангелию, прибыв в Вифлеем, Иосиф и Мария, не найдя места для ночлега, остановились за городом, в пещере, служившей загоном для скота. Здесь якобы и родился Иисус.

Лев XIII — папа 1878—1903 гг.

К стр. 12

Святой Августин (в православии — блаженный) — крупнейший из «отцов церкви» (354—430 гг.), с 395 г. — епископ в Северной Африке. Автор многочисленных сочинений («О граде божьем», «Исповедь»), писем, проповедей. Считался высшим авторитетом в средние века. Разработал систему христианской догматики, доктрину подчинения церкви всех представителей светской власти, идею божественного предопределения в мировой истории.

«Верую, ибо нелепо» (Credo, quia absurdum) — крылатое изречение известного христианского богослова Тертуллиана (ок. 160 г.— ок. 220 г.), доказывавшего непостижимость религиозных истин человеческим разумом.

Максенций — римский император (307—312 гг.).

К стр. 13

Символ христианской веры — краткое изложение основных догматов религии: признание «триединого бога» (бога-отца, сотворившего мир; бога-сына, сошедшего на землю, родившегося от девы Марии, распятого и воскресшего; бога — святого духа, исходящего от бога-отца и бога-сына), вечной загробной жизни. Был принят в 325 г. на Никейском соборе и дополнен в 381 г. на II вселенском (Константинопольском) соборе.

«Пруссаки, совершившие преступления... в 1870 году».— Во время франко-прусской войны 1870—1871 гг. пруссаки жестоко обращались с местным населением в оккупированной части Франции.

Юлиан Философ — Юлиан Отступник, римский император (361—363 гг.), пытавшийся возродить древнюю религию.

Анастасий I — папа (399—401 гг.).

Аквилея — древнеримский город близ северного побережья Адриатического моря.

К стр. 14

Ориген — отец церкви (185—254 гг.), самый плодовитый из всех христианских писателей III в., автор многих комментариев к Ветхому и Новому завету и полемических сочинений («Против Цельса» и др.). Стремился сблизить христианство с греческой философией. Обвинялся в ереси и подвергался гонениям.

Иннокентий I — папа (401—417 гг.).

Базилика — здание христианского храма вытянутой прямоугольной формы, разделенное внутри продольными рядами колонн на несколько частей (нефов).

Гервасий и *Протасий* — христианские мученики, братья-близнецы, казненные во времена римского императора Нерона (54—68 гг.).

К стр. 16

Лев I — папа (440—461 гг.).

Булла — лат., шарик. Грамота папы, содержащая его обращение, постановление или распоряжение (на латинском языке). Скрепляется свинцовой или золотой печатью, подвешенной на шнурке.

Вьенн — город на р. Роне (во Франции), южнее Лиона.

Прованс — древняя область на юго-востоке Франции (столица — Экс). Первоначально входила в состав Нижнебургундского королевства, позднее стала графством.

Эфес — город в Византии, на западном берегу Эгейского моря.

К стр. 17

Аттила — глава гуннского племенного союза (433—454 гг.), самый мощный властитель своего времени. В 452 г. гунны перешли через Альпы и подступили к Риму, но императорское посольство добилось их ухода, согласившись на уплату ежегодной дани.

К стр. 18

Вандалы — восточногерманское племя, жившее по берегам среднего Одера. В 406 г. они проникли в Испанию, а в 429 г. под руководством короля Гейзериха двинулись в Северную Африку, где создали свое королевство. В 455 г. вандалы штурмом взяли Рим и разграбили его.

Анастасий II — папа (496—498 гг.).

Симмах — папа (498—514 гг.).

К стр. 19

...Папство утвердило свое главенство над христианской церковью.— В V—VI вв. происходит резкое усиление римского епископства, которое претендует на первенство среди других. С V в. название «папа» закрепляется за римским епископом.

Сильверий — папа (536—537 гг.).

Вигилий — папа (537—555 гг.).

Пальмария — остров в Лигурийском море, близ г. Специя.

Содомия — противоестественные пороки (скотоложество и т. п.); по Библии, города Содом и Гоморра, жители которых погрязли в чудовищном разврате, были испепелены богом.

Лупанарий — лат., публичный дом.

Пелагий I — папа (556—561 гг.).

Иоанн III — папа (561—574 гг.).

Пелагий II — папа 579—590 гг.).

К стр. 20

Григорий I Великий — папа (590—604 гг.).

Лактанций, Цецилий Фирман — христианский писатель IV в., автор «Божественных установлений», где он проповедовал христианское учение, и трактата «О смерти гонителей», где доказывал, что все, кто преследовал христиан, погибли мучительной смертью.

К стр. 21

Су — французская разменная монета, равная 5 сантимам (1/20 франка).

Луидор — старинная французская золотая монета («Золотой Людовик»), равная 20 франкам. Появилась впервые в XVII в., при Людовике XIII.

Легат — представитель (посланник) папы, направленный в какую-либо страну с особым поручением.

Сабиниан — папа (604—606 гг.).

К стр. 22

Морис Лашатр — французский историк и издатель (1814—1900 гг.), подвергался преследованиям при Наполеоне III. В 1871 г. сотрудничал в газете «Мститель» и после поражения Парижской коммуны бежал за границу. Среди его произведений: «История пап» (1842—1843 гг.) и «История инквизиции» (1880 г.).

Фока — византийский император (602—610 гг.). Будучи военачальником, возглавил восставшие войска и захватил власть в стране, жестоко расправившись со свергнутым императором Маврикием.

Бонифаций III — папа (607 г., февраль — ноябрь).

Бонифаций IV — папа (608—615 гг.).

К стр. 23

Мартин I — папа (649—655 гг.).

Маастрихт — город на р. Маасе, севернее Льежа.

К стр. 24

Евгений I — папа (654—657 гг.).

Хризополь — город в Византии, на берегу Мраморного моря.

Тиара — тройная корона римского папы, украшенная драгоценными камнями, с крестом наверху. Символизирует его «тройную» власть — как наместника Христа на земле, католического первосвященника и монарха.

...Он надел тиару при жизни своего предшественника — Евгений I стал папой в 654 г., т. е. за год до смерти Мартина I.

Агафон — папа (678—681 гг.).

Конон — папа (686—687 гг.).

Теодор — антипапа (687 г.). Антипапами стали называть тех пап, избрание которых католическая церковь объявила недействительным. Эти папы существовали в периоды так называемого двоепапства или троепапства. Их выдвигали кардиналы, противопоставлявшие себя конклаву, избиравшему «законного» папу.

Пасхалий — антипапа (687 г.).

Св. Юлия — христианская мученица V в., распятая на кресте. Мощи ее были перенесены в Италию, и церковь канонизировала ее.

К стр. 25

Равенна — город в Северной Италии, на западном берегу Адриатического моря. В VII в. область вокруг нее являлась владением Византии и называлась экзархатом (наместничество). Позднее вошла в состав папского государства.

Белое вино к причастию. — Процедура таинства причащения состоит в том, что верующие вкушают хлеб и вино, в которых якобы воплощены тело и кровь Христовы. Тем самым верующие как бы соединяются с Христом. Этот обряд якобы освобождает их от грехов и обеспечивает блаженство на небесах.

К стр. 27

Константин I — папа (708—715 гг.).

Юстиниан II — византийский император (685—695 и 705—711 гг.).

Захарий — папа (741—752 гг.).

Прелат бойко торговал реликвиями... — В средние века в широком масштабе практиковалась фабрикация и продажа «святых реликвий» — останков и вещей, якобы принадлежавших Иисусу или святым. Эти реликвии, как уверяла церковь, творили чудеса, исцеляли больных и т. д.

К стр. 28

Вергилий — епископ Зальцбургский, родом из Ирландии (ум. в 784 или 785 г.), проповедник христианства. Был отстранен от должности, как еретик.

Примас — в католической и англиканской церквах главный епископ, высшее духовное лицо в стране.

Павел I — папа (757—767 гг.).

Тиберий Константин — антипапа (767 г.).

Филипп — антипапа (768 г.).

Стефан IV — папа (768—772 гг.).

К стр. 29

Латеран — дворец в Риме, построенный при императоре Нероне, до XIV в. служил резиденцией пап.

Адриан I — папа (772—795 гг.).

К стр. 30

Карл Великий — франкский король (768—814 гг.), в 800 г. был коронован в Риме как император.

Сарацины — в средние века первоначально название арабов, а позднее — вообще всех мусульман.

К стр. 31

Аналой — высокий столик с покатым верхом, на который во время церковной службы кладут богослужебные книги.

Лев III — папа (795—816 гг.).

К стр. 32

Карл Великий, посвященный в императоры святым отцом... — С помощью Карла Великого Льву III удалось вернуться в Рим и утвердиться на папском престоле. В благодарность он во время торжественной службы в церкви св. Петра возложил на него императорскую корону.

Пасхалий I — папа (817—824 гг.).

Св. Цецилия — знатная римлянка (первая половина III в.), тайно принявшая христианство и давшая обет девственности. В 230 г. мученически погибла после трехдневных пыток. Пасхалий I в 821 г. поместил ее мощи в церкви св. Цецилии в Риме. Считается покровительницей духовной музыки.

Рака — металлический ларец, в котором выставлялись останки (мощи) святых.

К стр. 34

Св. Бригитта — покровительница Ирландии (VI в.). Приняв монашество, до конца дней жила в келье. Одна из самых почитаемых святых в Англии и Ирландии.

Св. Павел — один из первых проповедников христианства (I в.), ему приписываются 14 посланий, вошедших в Новый завет.

Св. Иосиф — по евангелию, муж Марии, матери Христа.

Иоанн Креститель (или Предтеча) — по евангелию, пророк, предсказавший появление Христа и крестивший многих евреев, в том числе и самого Иисуса.

Людовик IX Святой — французский король (1226—1270 гг.).

Людовик Благочестивый — франкский император (814—840 гг.), сын Карла Великого. Получил свое прозвище за покровительство церкви.

Лотарь — франкский император (840—855 гг.), сын Людовика Благочестивого.

К стр. 35

Зосима — антипапа (824 г.).

Евгений II — папа (824—827 гг.).

К стр. 36

Сен-Дени — бенедиктинское аббатство (см. прим. к стр. 64) в городке Сен-Дени (северный пригород Парижа), основано в 630 г.

Просфора — небольшой круглый хлебец, который в православной церкви употребляется при богослужении (у католиков — гостия).

К стр. 37

Григорий IV — папа (827—844 гг.).

Папеброк, Даниэль — бельгийский историк, иезуит (1628—1714 гг.), продолжатель дела Болланда, создатель библиотеки и музея Болланда в Антверпене.

Болланд, Жан — бельгийский иезуит (1596—1665 гг.), основатель иезуитского общества (болландистов), занимавшегося с 1643 г. публикацией «Житий святых». Издание не закончено до сих пор (всего вышло 67 томов).

К стр. 40

Сергий II — папа (844—847 гг.).

Лев IV — папа (847—855 гг.).

...Церковь св. Петра, разрушенную арабами.— В начале IX в. арабы неоднократно производили опустошительные набеги на западное побережье Италии.

К стр. 41

Ливр — серебряная французская монета XVIII в. (несколько меньше франка); старинная французская мера веса, равная примерно 0,5 *кг.*

Папесса Иоанна — в официальный список пап не входит; существование ее окончательно не доказано.

День вознесения — один из главных церковных праздников — в честь вознесения Христа на небо. Празднуется на 40-й день после пасхи.

К стр. 42

Бароний, Цезарь — итальянский богослов (1538—1607 гг.), кардинал-библиотекарь Ватикана, автор «Церковных анналов» — 12-томного труда по истории церкви (доведенной до XII в.).

Женебрар, Гильберт — бенедиктинец (см. прим. к стр. 54), архиепископ Экса (в Провансе), богослов (1537—1597 гг.), автор ряда трудов, в которых выступал за независимость церкви от королевской власти.

Бонифаций VI — папа (896 г.).

Стефан VII — папа (896—897 гг.).

...Их следовало бы называть апостатическими.— Апостат (греч.) — отступник, изменник.

К стр. 43

Бенедикт III — папа (855—858 гг.).

Анастасий — антипапа (855 г.).

К стр. 44

Людовик Немецкий — германский король (840—876 гг.), сын Людовика Благочестивого.

К стр. 45

Николай I — папа (858—867 гг.).

Карл II Лысый — франкский король (840—877 гг.), сын Людовика Благочестивого.

К стр. 46

Лотарингия — область к западу от Рейна. Одна из частей, на которые распалась империя Карла Великого.

К стр. 47

Мец — город в Лотарингии, на р. Мозеле. В средние века входил в состав то Франции, то Священной Римской империи.

К стр. 48

Богорис (Борис-Михаил) — болгарский царь (852—889 гг.).

Они должны были получить от папы указания по вопросам, касавшимся религии. — В 865 г. Богорис принял христианство от Византии, а уже в 866 г. втайне от византийцев обратился к папе с просьбой, чтобы тот дал указания по вопросам веры, а также гражданского управления.

К стр. 49

Иоанн VIII — папа (872—882 гг.).

К стр. 50

. *Сполето* — город (и герцогство) в Средней Италии (севернее Рима).

Карломан — король Италии (умер в 880 г.), сын Людовика Немецкого.

Галлия — в древности территория современной Франции, Бельгии, Нидерландов, Швейцарии и Северной Италии. Здесь имеется в виду Франция.

Труа — город на р. Сене, к юго-востоку от Парижа.

К стр. 51

Людовик II Заика — французский король (877—879 гг.).

К стр. 52

Мартин II — папа (882—884 гг.).

К стр. 53

Адриан III — папа (884—885 гг.).

К стр. 54

...Знаменитой обители Монте-Кассино. — Монастырь близ Неаполя, основан в 529 г. Бенедиктом Нурсийским (ок. 480 г.— ок. 543 г.), канонизированным церковным деятелем. Он ввел особый устав для монахов, положив начало ордену бенедиктинцев и вообще созданию монашеских орденов.

Орден св. Бенедикта — католический монашеский орден, основан в начале VI в. Устав требовал от его членов строгой дисциплины и соблюдения трех обетов: постоянного пребывания в монастыре, воздержания и послушания. Орден превратился в крупного земельного собственника, активно поддерживал папу.

К стр. 55

Стефан VI — папа (885—891 гг.).

К стр. 56

Формоз I — папа (891—896 гг.).

Гюи — король Италии, император Запада (889—894 гг.). В 891 г. короновался в Риме.

Арнуль — германский король (888—899 гг.), внук Людовика Немецкого.

К стр. 57

Бонифаций VI — папа (896 г.).

К стр. 58

Платина, Бартоломео де Сакки — итальянский гуманист (1421—1481 гг.), заведовал ватиканской библиотекой при Сиксте IV, автор биографий пап, философских трактатов и исторических сочинений.

К стр. 59

Отрубили три пальца правой руки. — Тремя пальцами правой руки папа дает благословение.

Схизматики — греч., схизма — раскол. Схизматиками католики именовали представителей православной церкви.

Симония — широко практиковавшаяся в средние века торговля церковными титулами и должностями (по имени евангельского волхва Симона, хотевшего купить у апостолов «благодать духа святого»).

К стр. 60

Роман I -- папа (897 г., август — ноябрь).

К стр. 61

Теодор II — папа (897 г., декабрь).
Иоанн IX — папа (898—900 гг.).

К стр. 62

Бенедикт IV — папа (900—903 гг.).

Эдгар — английский король (959—975 гг.).

Бахус (греч., Вакх, Дионис) — древнеримский бог растительности, покровитель виноградарства и виноделия. Празднества в его честь ознаменовывались неистовым разгулом (вакханалии).

Мессалина — жена римского императора Клавдия (41—54 гг.), прославившаяся своим распутством. Ее имя стало символом бесстыдства и распущенности.

Св. Иоанн Хризостом — Иоанн Златоуст (347—407 гг.), константинопольский патриарх, отец церкви, выдающийся проповедник и богослов. Бичевал пороки духовенства, жестоко преследовал еретиков, призывал к аскетизму и отказу от земных удовольствий.

Фарисеи — представители древнееврейской религиозно-политической секты, много внимания обращавшие на внешние проявления благочестия. Стали синонимом ханжей, лицемеров.

Христофор — папа (903—904 гг.).

Лев V — папа (903 г.).
Сергий III — папа (904—911 гг.).

К стр. 63

Маркграф — в средневековой Германии правитель пограничной области (марки), позднее — титул некоторых князей.
Альфред де Мюссе — выдающийся французский поэт-романтик (1810—1857 гг.).

К стр. 64

Иоанн X — папа (914—928 гг.).
...Воспользовавшись вакантным местом на святом престоле... — Предыдущий папа, Ландон (913—914 гг.), умер в феврале, а Иоанн стал папой уже в марте того же года.

К стр. 66

Лев VI — папа (928 г., май — декабрь).
Лиутпранд — епископ Кремонский (в Ломбардии), крупный средневековый историк (ок. 920 г.— 972 г.), автор ряда сочинений историко-мемуарного характера. Среди них: «Возмездие», где освещаются события в Европе в 880—950 гг., и «Книга о деяниях императора Оттона Великого», где содержатся сведения по истории Германии, Италии, Византии, о взаимоотношениях германских императоров с папой.
Беренгар II — король Италии (950—962 гг.).

К стр. 67

Стефан VIII — папа (928—931 гг.).

К стр. 68

Иоанн XI — папа (931—935 гг.).
Гуго, король Ломбардский — король Италии (926—947 гг.).
Гетера — в древней Греции и Риме — незамужняя женщина, которая вела свободный образ жизни. Обычно гетеры отличались образованностью и артистическими способностями. Нередко гетерами называли женщин легкого поведения.
Лесбос — остров в Эгейском море, за которым закрепилась репутация порочного (лесбийская любовь).

К стр. 69

Замок св. Ангела — в древнем Риме мавзолей императора Адриана (117—138 гг.), в средние века служил крепостью — государственной тюрьмой и местом убежища римских пап.
Иоанн XII — папа (955—964 гг.).

К стр. 71

Оттон I — германский император (936—973 гг.).

К стр. 73

Лев VIII — папа (963—965 гг.).

К стр. 74

Карточные капуцины. — На итальянских картах вместо валетов изображались капуцины.

К стр. 78

Бенедикт V — папа (964—966 гг.).
Иоанн XIII — папа (965—972 гг.).

К стр. 79

Ганнибал явно преувеличивая прелести этого городка. — Во 2-й Пунической войне (218—201 гг. до н. э.) Капуя (в Кампании) перешла после поражения римлян при Каннах (216 г. до н. э.) на сторону карфагенского полководца Ганнибала (246—183 гг. до н. э.) и в течение трех лет была его базой в Италии.

К стр. 80

Мешко I — первый польский князь (960—992 гг.).
Гороскоп — таблица расположения планет среди созвездий, на основании которой астрологи предсказывали судьбу людей и исход событий.

К стр. 81

Бржетислав I — чешский князь (1037—1055 гг.).

К стр. 84

Бенедикт VI — папа (973—974 гг.).

К стр. 85

Бонифаций VII — антипапа (974 г.).
Константинополь — столица Византийской империи.
Клюни — бенедиктинский монастырь (в Бургундии), основан в 910 г. В X—XI вв. стал центром реформационного движения, выдвинувшего программу церковных преобразований (Клюнийская реформа) с целью укрепления могущества церкви и папской власти. Основные требования программы: поднятие морального престижа духовенства, введение строгой церковной дисциплины, суровых правил монашеского общежития, аскетизма, безбрачия, запрещение симонии, устранение светских феодалов и императоров от участия в выборах папы и назначении епископов.

К стр. 86

Бенедикт VII — папа (974—983 гг.).

К стр. 87

Павия — город на р. По (в Ломбардии), южнее Милана.
Иоанн XIV — папа (983—984 гг.).

К стр. 89

Марк Аврелий — римский император (161—180 гг.).

К стр. 90

Сильвестр II — папа (999—1003 гг.).
Григорий V — папа (996—999 гг.).
Каббалистические формулы. — Каббала — средневековое религиозно-мистическое учение, основанное на толковании Ветхого завета (возникло в VIII—IX вв.). Придавало решающее значение цифрам, на которых якобы держится мироздание. По каббалистическим выкладкам предсказывали будущее.

Люцифер — в христианской мифологии — могущественный злой дух, сатана, дьявол.

К стр. 91

Парки — римские богини судьбы, прядущие нить человеческой жизни.

К стр. 92

Монтескье, Шарль Луи — выдающийся французский просветитель, историк, социолог (1689—1755 гг.). В «Персидских письмах» (1721 г.) отстаивал идеи исторической закономерности, выступал против абсолютистской феодальной монархии. В сочинении «О духе законов» (1748 г.) высмеивал христианские догматы.

Дидро, Дени — выдающийся французский философ-материалист, писатель, идеолог революционной буржуазии (1713—1784 гг.). Основал и редактировал «Энциклопедию», в которой участвовали многие просветители, боровшиеся против феодального и церковного деспотизма.

Знаменитые труды, предвещавшие Великую французскую революцию — произведения передовых французских ученых, философов-просветителей, писателей: Вольтера, Руссо, Дидро, Монтескье, Гольбаха, Гельвеция и др., в которых подрывались основы феодальных порядков и авторитет церкви.

Муратори Луи Антон — известный итальянский историк и археолог (1672—1750 гг.), издал в 1723—1751 гг. большую серию итальянских средневековых источников в 21 томе.

Ультрамонтаны — сторонники крайне реакционного направления в католичестве, добивались неограниченного влияния папы на религиозные и светские дела любого государства. Впервые выступили на вселенском соборе в Констанце (1414—1418 гг.). С XVI в. их наиболее рьяные представители — иезуиты. В результате победы ультрамонтанов на Ватиканском вселенском соборе 1870 г. папа объявлен непогрешимым.

К стр. 93

Иоанн XVII — папа (1003 г.).

Вергилий — выдающийся римский поэт (70—19 гг. до н. э.), автор эпической поэмы «Энеида» и многих стихов.

Гораций — выдающийся римский поэт (65—8 гг. до н. э.), автор од, сатир, посланий.

Ювенал — крупный римский поэт-сатирик (60—140 гг.).

К стр. 94.

Иоанн XVIII — папа (1004—1009 гг.).

Бенедикт VIII — папа (1012—1024 гг.).

Григорий — антипапа (1012 г.).

Генрих II Саксонский — германский император (1002—1024 гг.).

Оттон III — германский император (983—1002 гг.).

Тоскана — область в Средней Италии с городами Флоренция, Лукка, Пиза и др. В этот период была герцогством.

Саваоф — одно из названий библейского бога Яхве (имя которого в иудаизме запрещалось произносить).

К стр. 99

Сигиберт — монах из Жаблу (в Бельгии) (1030—1112 гг.), автор широко известной всемирной хроники, описывающей события с 381 по 1111 г.

Петр Дамиани — кардинал-епископ, идеолог клюнийского движения (ок. 1007—1072 гг.), автор ряда политических трактатов, активный сторонник усиления папства и подчинения ему светской власти. Выступал за союз пап с императорами Священной Римской империи.

Винцент из Бовэ — доминиканец, воспитатель и библиотекарь при дворе Людовика XI, автор обширной энциклопедии «Зерцало», содержащей сведения по истории, богословию, естественным наукам (1190—1264 гг.).

К стр. 100

Этна — действующий вулкан в Сицилии.

Иоанн XIX — папа (1024—1032 гг.).

Конрад II — германский император (1024—1039 гг.).

Канут Великий — король Дании и Англии (1017—1035 гг.).

К стр. 101

Лимож — город в Центральной Франции, на р. Вьенне.

К стр. 102

Авгуры — в Древнем Риме — жрецы, предсказывающие будущее по полету или крику птиц.

«Декамерон» — наиболее известное произведение выдающегося итальянского ученого, поэта и писателя-гуманиста Джованни Боккаччо (1313—1375 гг.). В нем разоблачается ханжество и развращенность духовенства, высмеиваются средневековые суеверия, мракобесие, шарлатанство, сатирически изображаются нравы папского двора.

К стр. 104

Бенедикт IX — папа (1032—1044 гг.).

К стр. 105

Сильвестр III — антипапа (1044 г.).

К стр. 106

Иоанн XX — антипапа (1045—1046 гг.).

К стр. 107

Сарданапалы — Сарданапал — легендарный последний ассирийский царь, предававшийся роскоши и разгулу. Осажденный врагами, поджег свой дворец и погиб вместе со всеми приближенными.

Григорий VI — папа (1045—1046 гг.).

К стр. 109

Генрих III Черный — германский император (1039—1056 гг.).

Климент II — папа (1046—1047 гг.).

К стр. 111

Пезаро — город в Средней Италии, на берегу Адриатического моря.

К стр. 112

Гротта-Феррата — аббатство, основанное в 1002 г. монахами василианского ордена (недалеко от Рима).

Дамасий II — папа (1048 г.).

К стр. 113

Лев IX — папа (1049—1054 гг.).

К стр. 115

Эпитимия — наказание в виде поста, земных поклонов и т. п., налагаемое церковью на верующих за грехи, за нарушение указаний духовенства.

К стр. 116

Фотий — крупный византийский богослов (род. до 828 г., ум. между 891 и 897 гг.), константинопольский патриарх в 857—867 и 877—886 гг., активный противник папства. Его конфликт с Николаем I в 862 г. привел к взаимной анафеме и подготовил будущее разделение церквей.

К стр. 118

В течение двух веков... восточная и западная церкви пребывали в состоянии войны друг с другом. — Разделение Римской империи на Восточную и Западную привело в конце концов к разделению церквей на греко-православную (восточную) и римско-католическую (западную). В основе конфликта между ними лежали не столько богословские споры, сколько претензии на гегемонию в христианском мире. После столкновения патриарха Фотия с папой Николаем I противоречия углублялись, и через два века, в 1054 г., произошел окончательный разрыв. Обе церкви провозгласили свою полную независимость друг от друга.

...Женщина, жившая якобы 18 столетий назад, явилась к пиренейским пастушкам и объявила себя богородицей... — В 1846 г. святоша Мерльер выдала себя за богородицу, «явившись» пастушкам маленького селения в Пиренеях.

Мэмбур, Луи — французский иезуит, церковный историк (1610—1686 гг.) при дворе Людовика XIV.

К стр. 119

Виктор II — папа (1055—1057 гг.).

Лурд — город в Юго-Западной Франции. В гроте близ него в 1858 г. 14-летней Бернадетте Субиру якобы явилась богородица. Это повторялось, по ее словам, 19 раз на протяжении двух месяцев. Лурд стал местом массового паломничества, центром католической пропаганды и спекуляции «святыми дарами». Приводя слова богородицы: «Я — непорочное зачатие», Таксиль иронизирует над провозглашенным в 1854 г. папой Пием IX догматом о непорочном зачатии девы Марии во чреве ее матери и избавлении ее, таким образом, от «первородного греха».

К стр. 121

Арль — город на юге Франции (на р. Роне).

Нарбонн — город на юге Франции.

Экю — старинная французская монета. Золотой экю введен Людовиком XI (XIII в.) и весил 4 *г*, серебряный — чеканился в XVII—XVIII вв., весил 27 *г* и равнялся талеру (60 су).

К стр. 123

Пятилетний сын Генриха III — Генрих IV, германский император (1056—1106 гг.).

Стефан X — папа (1057—1058 гг.).

К стр. 124

Веллетри — город (и река) южнее Рима.
Бенедикт X — антипапа (1058—1059 гг.).
Нотабли — буквально — «именитые». Во Франции — представители дворянства, духовенства и зажиточных горожан, периодически созывавшиеся королем для совещаний по административным и финансовым вопросам.
Николай II — папа (1059—1061 гг.).

К стр. 125

Конклав — собрание кардиналов, избирающее папу.
Субдиакон — помощник диакона.
Сан-Мориц — город в Швейцарии, близ границы с Ломбардией.
...Глупейшей церемонией пародировать легенду о Христе.— По Евангелию от Иоанна (гл. 13, ст. 5—13), во время тайной вечери Христос омыл ноги своим 12 ученикам.
Александр II — папа (1061—1073 гг.).
Умбрия — область в Средней Италии, севернее Рима.
Вериги — орудия религиозного самоистязания, обычно оковы, кольца, цепи, которые фанатики надевали на голое тело, что рассматривалось как нравственный подвиг во имя бога.

К стр. 126

Литания — краткая молитва в честь Иисуса, Марии и святых, которая поется или читается во время торжественной религиозной процессии.

К стр. 127

Лукка — главный город провинции Лукка. В средние века Лукка была вольным городом, республикой, княжеством, герцогством, часто зависела от других государств Италии.
Гонорий II — антипапа (1061—1072 гг.).

К стр. 129

Валломброзе — аббатство в Апеннинских горах. В 1038 г. здесь был основан монашеский орден, члены которого посвящали себя молитвам и «набожному созерцанию».
«Аллилуйя» — древнееврейск., «Хвалите бога!» Хвалебный припев в церковном песнопении.

К стр. 131

Клобук — расширяющийся кверху цилиндрический колпак с черным или белым покрывалом, спадающим сзади на плечи; принадлежность монашеского костюма.

К стр. 135

Бамберг — город в Средней Германии (во Франконии), центр епископства.

К стр. 136

Ламперт Герсфельдский — известный немецкий хронист (ок. 1025— ок. 1085 гг.), монах Герсфельдской обители, автор «Анналов», где изложены события от «сотворения мира» до XI в. Особенно подробно осве-

щен период 1040—1077 гг. Труд направлен против Генриха IV, в защиту папы. Таксиль ошибается: «Анналы» далеко не беспристрастны и объективны.

К стр. 137

Григорий VII — папа (1073—1085 гг.).

...Роль легендарного голубя по отношению к матери Григория.— По легенде, Мария зачала Иисуса от святого духа, который явился к ней в виде голубя.

К стр. 138

«Лжеисидоровы декреталии» — сборник подложных документов (100 папских посланий, решения церковных соборов), сфабрикованный в середине IX в. неизвестным лицом (под псевдонимом Исидор Меркатор). В них доказывалась необходимость подчинения всех епископов римскому (т. е. папе), обосновывалась независимость папы от светской власти, выдвигался тезис о непогрешимости пап.

К стр. 139

Инвеститура — церемония утверждения духовного лица в сане епископа или аббата; вручались посох и кольцо — знаки пастырского достоинства — и скипетр — символ светской власти над землями епископства. В XI—XII вв. была объектом борьбы пап с монархами.

Интронизация — возведение на трон, введение в сан первосвященника.

К стр. 141

Камбрэ — город на р. Шельде. До XVII в. входил в состав Священной Римской империи, позднее отошел к Франции.

К стр. 143

Вормс — город на Рейне (во Франконии).

Диадема — драгоценное головное украшение в виде небольшой короны.

Митра — головной убор епископа.

К стр. 144

Каносса — замок тосканской маркграфини Матильды (к югу от Пармы), где в январе 1077 г. Генрих IV в течение трех дней униженно добивался прощения у папы.

Победа Генриха над Саксонией.— Генрих IV в 1075 г. разбил саксонские войска и захватил в плен восставших против него князей.

К стр. 145

Шпейер — город на р. Рейне (во Франконии).

Бургундия — область, населенная бургундами, часть Восточной и Юго-Восточной Франции (была самостоятельным королевством, затем герцогством).

Бернольд — епископ Констанцский (1054—1100 гг.), автор «Хроники», доведенной до 1100 г., в которой он выступает активным защитником папы.

К стр. 146

Форхгейм — город в Средней Германии, на р. Майне (севернее Нюрнберга).

Мюльгаузен — город в Саксонии, являвшийся вольным имперским городом.

Эльстер — река в Саксонии. Здесь, близ Мерзебурга, в 1080 г. пал в битве избранный немецкими князьями германский король Рудольф Швабский. После этого Генрих IV отправился в Рим, штурмом взял его (1084 г.) и короновался императором.

К стр. 147

Климент III — антипапа (1080 г.).

К стр. 148

Роберт Гюискар — предводитель отрядов норманнов (1015—1085 гг.). Получил от папы титул герцога Апулии и Калабрии, обязавшись защищать его и платить ежегодную дань. Папы поддерживали завоевательные экспедиции норманнов, которые захватили ряд владений Византии в Южной Италии, а позднее вторглись на Балканы.

Салерно — город в Южной Италии (в Кампании), близ Тирренского моря. Здесь, в соборе, построенном Робертом Гюискаром в 1084 г., находится гробница папы Григория VII.

К стр. 149

Урбан II — папа (1088—1099 гг.).

К стр. 150

Энциклика — послание папы, обращенное ко всем католикам и касающееся политических или религиозных вопросов.

К стр. 151

Алексей I Комнин — византийский император (1081—1118 гг.).

Клермонский собор — состоялся в ноябре 1095 г. в Клермоне (в Южной Франции). Здание собора не могло вместить всех собравшихся, и папа обратился к народу на городской площади. Официальный текст речи не сохранился, ее по-разному цитируют хронисты. Из 32 постановлений собора лишь одно касалось организации крестового похода: «Всякому, кто единственно ради обета, а не ради приобретения денег и почета отправился в Иерусалим для освобождения церкви божьей, этот путь будет засчитан за полное покаяние».

К стр. 152

Петр Пустынник (Амьенский) — монах, народный проповедник (1050—1115 гг.), призывавший зимой 1095/96 г. в Центральной и Северной Франции к крестовому походу. Его аскетический образ жизни, пламенные проповеди, щедрые раздачи бедноте (за счет даров верующих) снискали ему славу «божьего человека». Собранный им отряд насчитывал 14 тыс. крестьян. Этот «поход бедноты» кончился неудачей. Петр бросил отряд на произвол судьбы и бежал в Константинополь, где дождался прихода рыцарей.

Жюрье, Пьер — французский богослов, протестант (1637—1713 гг.).

Земля Ханаанская — древнейшее название Палестины до завоевания ее евреями во второй половине II тысячелетия до н. э.

К стр. 153

Гвиберт — Гвиберт Ножанский, французский аббат (1053—1124 гг.), автор ряда трудов, в том числе «Деяний бога через франков», посвященных первому крестовому походу.

К стр. 154

Готшальк — священник, который вел отряд из 6 тысяч крестьян из рейнских областей. Его «войско», занимавшееся грабежами, было полностью уничтожено в Венгрии.

Анна Комнина — греческая писательница (1083 г.— после 1148 г.), дочь византийского императора Алексея I Комнина, автор «Алексиады» — панегирического сочинения, посвященного ее отцу. Подробно описала события византийской истории с 1069 по 1118 г., в частности отношения греков с крестоносцами и обстоятельства первого крестового похода.

К стр. 155

Пасхалий II — папа (1099—1118 гг.).

К стр. 156

Генрих V — германский император (1106—1125 гг.).

К стр. 157

Люттих — город в Бельгии, на р. Маасе.

К стр. 158

Сутри — город в Средней Италии (севернее Рима).

Альбано — местность к юго-востоку от Рима.

К стр. 159

Геласий II — папа (1118—1119 гг.).

Григорий VIII — антипапа (1118—1121 гг.).

Каликст II — папа (1119—1124 гг.).

К стр. 160

Гонорий II — папа (1124—1130 гг.).

Померания — область, прилегающая к Балтийскому морю, по обе стороны р. Одера.

Болеслав — Болеслав I Храбрый, польский король (992—1025 гг.).

К стр. 161

Французский канцлер — в средние века — высшее должностное лицо в королевстве, хранитель государственной печати, начальник королевского архива, министр иностранных дел и юстиции.

Людовик VI Толстый — французский король (1108—1137 гг.).

Интердикт — в католической церкви — запрет совершать богослужение и религиозные обряды в пределах определенной территории. Применялся (с X—XI вв.) против непокорных феодалов, монархов, а также для борьбы с еретиками.

К стр. 162

Иннокентий II — папа (1130—1143 гг.).

Анаклет II — антипапа (1130—1138 гг.).

К стр. 163

Лотарь II — германский император (1125—1137 гг.).

Авентин — один из семи холмов Рима.

Оттон Фрейзингенский — епископ во Фрейзинге (Бавария) (1111—

1158 гг.), автор «Книги о двух государствах» — всемирной хроники, доведенной до 1146 г., и «Деяний императора Фридриха».

К стр. 164

Бари — город в Юго-Восточной Италии, на берегу Адриатического моря.

Иоанн Комнин — византийский император (1118—1143 гг.).

К стр. 165

Целестин II — папа (1143—1144 гг.).

Богомилы (по имени легендарного попа Богомила) — представители еретического движения, возникшего в X в. в Болгарии и распространившегося на Балканах и в Малой Азии. Проповедовали равенство, отрицали власть церкви, богослужение и прочие атрибуты религии, боролись против угнетения, организовывали общины во главе с выборными старостами, призывали к аскетизму.

К стр. 166

Матвей Эдесский (Матеос Урхаеци) — армянский летописец XII в., автор «Хронографа», содержащего сведения о взаимоотношениях армян с византийцами, турками-сельджуками, крестоносцами.

Луций II — папа (1144—1145 гг.).

Конрад Благочестивый — Конрад III Гогенштауфен, германский император (1138—1152 гг.).

К стр. 167

Арнольд Брешианский — церковный реформатор (1100—1155 гг.) из Брешии (в Ломбардии), последователь Абеляра. Неоднократно изгонялся папами из Италии. Требовал раздачи церковных земель народу, отвергал папство как институт, боролся за установление республиканского строя. В 1143 г. возглавлял народное восстание в Риме, в результате которого был изгнан Иннокентий II, учрежден сенат и Рим стал городской коммуной. Был схвачен агентами Фридриха I и позднее задушен.

Абеляр, Пьер — французский философ, богослов (1079—1142 гг.), представитель средневекового свободомыслия внутри схоластики, необычайно популярный среди учащейся молодежи. В своих лекциях прославлял античную философию, отстаивал права разума перед слепой верой. В сочинении «Да и нет» (1122 г.) вскрыл противоречия в писаниях отцов церкви. В сочинении «Познай самого себя» признавал естественным нравственным законом совесть, а не религиозные догмы. Его учение было осуждено на соборах, произведения сжигались, а школы, где он преподавал, закрывались.

Капитолий — один из семи римских холмов, близ которого в древности находились республиканские учреждения.

...Древнего здания, где некогда находились сенаторы и консулы, управлявшие миром... — Здание сената (на Форуме), возникло еще в легендарный царский период истории Рима. Почти через 500 лет, в 53 г. до н. э., оно сгорело и на том же месте было вновь отстроено Цезарем и Августом.

...Камень (разумеется, не тот, на котором Иисус Христос собирался воздвигнуть свой храм). — В переводе с греческого «Петр» — это камень. По евангельской легенде, Христос сказал апостолу Петру: «Ты, Петр, камень, и на сем камне я возведу церковь свою».

К стр. 168

Магомет — искаженная европейская форма имени Мухаммед. Арабский правитель и проповедник (ок. 570—632 гг.) из Мекки, основатель ислама, которого мусульмане считали величайшим пророком, посланником Аллаха.

К стр. 170

Евгений III — папа (1145—1153 гг.).

К стр. 171

Бернард Клервоский — французский богослов (ок. 1091—1153 гг.), аббат основанного им в 1115 г. монастыря Клерво (в Бургундии), один из создателей ордена тамплиеров, вдохновитель второго крестового похода, активно боролся с еретиками, в частности с Абеляром и Арнольдом Брешианским.

Второй крестовый поход — 1147—1149 гг. В нем участвовали французский король Людовик VII (1137—1180 гг.) и немецкий император Конрад III. Рыцарские отряды через Константинополь направились к Дамаску и безуспешно осаждали его. Будучи плохо организованной авантюрой, поход не дал никаких практических результатов и кончился крахом.

К стр. 172

Анастасий IV — папа (1153—1154 гг.).
Адриан IV — папа (1154—1159 гг.).

К стр. 174

Фридрих Барбаросса (Рыжебородый) — Фридрих I Гогенштауфен (1152—1190 гг.), один из наиболее известных германских императоров, крупный полководец.

К стр. 175

Оммаж — часть церемонии, совершавшейся в средние века при закреплении вассальных отношений между феодалами. Предшествовал клятве верности и вводу в ленное владение (инвеституре). Вассал становился на колени перед сеньором и вкладывал сложенные ладонями руки в руки сеньора, признавал себя его человеком (лат. homo — человек).

Александр III — папа (1159—1181 гг.).
Виктор IV — антипапа (1159 г.).

К стр. 176

Греческий император предложил... подчинить папской власти греческую церковь. — Правивший в это время в Византии Мануил Комнин (1143—1180 гг.) помог утвердиться на престоле папе Александру III и предложил план объединения церквей и ликвидации раскола, а также консолидации сил для борьбы против Фридриха Барбароссы.

Пасхалий III — антипапа (1164—1168 гг.).
Каликст III — антипапа (1168—1178 гг.).
Ломбардская лига — объединение городов Северной Италии (Ломбардии) для борьбы с агрессией германских императоров. Возникла в 1167 г.

Фридрих был вынужден уступить. — В 1176 г. в битве при Леньяно (недалеко от Милана) силы городских ополчений Ломбардской лиги наголову разбили войска Фридриха Барбароссы, и он вынужден был отказаться от захватнических планов и подписать договор с лигой.

Иннокентий III — антипапа (1179—1181 гг.).

К стр. 177

Альбигойцы — от города Альби (в Лангедоке) — представители ереси XII—XIII вв., распространенной на юге Франции. Отрицали церковные догматы и обряды, выступали против всякой эксплуатации, и светской, и духовной, феодального землевладения, десятины и т. п. Истреблены инквизицией в начале XIV в.

Лангедок — область на юге Франции, между реками Рона и Гаронна.

Лавор — городок на юге Франции, к востоку от Тулузы.

Вальденсы — представители ереси XII в. (по имени лионского купца Пьера Вальда), распространившейся на юге Франции, в Северной Италии, Германии, Чехии. Во многом были близки альбигойцам. Считали папу наместником сатаны, призывали к возрождению нравов раннехристианских общин, к равенству, отказу от богатства.

Перрен, Жан Поль — французский историк-протестант (род. в 1580 г.). В 1617 и 1618 гг. вышли в свет его труды по истории альбигойцев и вальденсов, получившие широкую известность.

К стр. 179

Палермо — город на севере Сицилии.

К стр. 180

Атриум — главная (приемная) комната в древнеримском доме, позднее — парадная комната для официальных приемов.

К стр. 181

Луций III — папа (1181—1185 гг.).

Вселенский собор 1179 г. — III Латеранский (XI вселенский) собор.

Диоцез — территориально-административная единица (округ) в системе церковного управления.

К стр. 183

Послушник — лицо, поступившее в монастырь для подготовки к принятию монашества. Прислуживает при богослужении, работает в монастырском хозяйстве.

К стр. 184

Верона — город в Северной Италии (в Ломбардии).

К стр. 185

Урбан III — папа (1185—1187 гг.).

Саладин — Салах-ад-Дин, выдающийся полководец и политик, египетский султан (1174—1193 гг.). Объединил Египет, часть Сирии и Месопотамии и создал сильное мусульманское государство. Объявил «священную войну» крестоносцам, разгромил их в 1187 г. и захватил ряд городов в Сирии и Палестине, в том числе и Иерусалим.

К стр. 186

Григорий VIII — папа (1187 г.).

Новый крестовый поход — третий крестовый поход (1189—1192 гг.).

Климент III — папа (1187—1191 гг.).

Ему удалось убедить трех государей... двинуться в Палестину. — В третьем крестовом походе участвовали короли: английский (Ричард I Львиное Сердце), французский (Филипп II Август) и германский (Фрид-

рих I Барбаросса). Поход дал ничтожные результаты, а Иерусалим остался в руках мусульман.

Салеф — река в Киликии (в Малой Азии), близ г. Селевкии.

Генрих VI — германский император (1190—1197 гг.).

Целестин III — папа (1191—1198 гг.).

К стр. 187

Иннокентий III — папа (1198—1216 гг.).

Оттон Брауншвейгский — Оттон IV, германский император (1209—1214 гг.).

К стр. 188

Фридрих II Гогенштауфен — германский император (1215—1250 гг.).

Распри Филиппа Августа и Иоанна Безземельного. — В борьбе с Францией английский король Иоанн Безземельный (1199—1216 гг.) потерпел ряд поражений, в результате чего Англия потеряла многие владения на континенте.

Великая хартия вольностей — подписана 15 июня 1215 г. Иоанном Безземельным, потерпевшим поражение в борьбе с баронами, духовенством и городами. Король обещал соблюдать свободу церковных выборов, ограничить поборы с баронов, охранять их права от злоупотреблений со стороны чиновников; были даны привилегии купцам, городам, рыцарям.

К стр. 189

Доминик Гусман — испанский дворянин (1170—1221 гг.), основатель (в 1216 г.) монашеского ордена доминиканцев (называвших себя псами господними) для борьбы с ересями. Орден подчинялся непосредственно папе. С 1232 г. в его ведение была передана инквизиция.

Симон де Монфор — вождь рыцарского ополчения, отправившегося в 1209 г. в крестовый поход против альбигойцев. После разгрома еретиков приобрел крупные земельные владения. Был убит в 1218 г. во время восстания в Лангедоке.

К стр. 190

Нимб, которым его наградила церковь. — Доминик был объявлен святым.

К стр. 191

Франциск Ассизский — канонизированный основатель нищенствующего монашеского ордена францисканцев (или миноритов — меньших братьев), его женского ответвления — ордена клариссинок и третьего ордена — терциариев (1182—1226 гг.). Под влиянием вальденсов отказался от имущества и проповедовал бедность и покаяние, требуя, чтобы его приверженцы содержали себя собственным трудом. Иннокентий III взял орден под свое покровительство и утвердил его устав (1209 г.). Уже в середине XIII в. орден стал богатейшей организацией и помощником папства.

К стр. 192

Агриппа д'Обинье — видный деятель гугенотской партии (1552—1630 гг.), известный писатель, автор мемуаров и «Всеобщей истории».

К стр. 193

Гонорий III — папа (1216—1227 гг.).

Людовик VIII — французский король (1223—1226 гг.).
Григорий IX — папа (1227—1241 гг.).

К стр. 195

Гибеллины — политическая партия в Италии XII—XV вв., состоявшая главным образом из представителей феодальной знати и поддерживавшая германских императоров. Боролась с папской партией гвельфов, состоявшей из торгово-ремесленных слоев, банкиров, промышленников.

К стр. 198

Валаам — по библии, месопотамский волхв, который, прельстившись богатством и невзирая на предостережение свыше (от заговорившей ослицы), согласился помочь врагам израильтян, направлявшихся в Палестину после 40 лет странствий по пустыне.

К стр. 200

Целестин IV — папа (1241 г.).

К стр. 201

Иннокентий IV — папа (1243—1254 гг.).

К стр. 202

Ландграф — титул владетельных князей в средневековой Германии.
Тюрингия, Гессен — ландграфства в Центральной Германии.
Конрад IV — германский император (1250—1254 гг.).
Поход в святую землю — седьмой крестовый поход (1248—1254 гг.). В нем участвовали английские и французские рыцари. Возглавлял его Людовик IX. Основной целью было завоевание Египта. Войска крестоносцев потерпели поражение, а Людовик IX оказался в плену и был отпущен за большой выкуп.

К стр. 203

Александр IV — папа (1254—1261 гг.).

К стр. 204

Флагелланты — бичующиеся. В средние века самобичевание рассматривалось как знак покаяния, «крещения кровью», дающего искупление грехов. Движение флагеллантов в XIII—XIV вв. приобрело характер массового психоза. Нередко, однако, их проповеди носили антицерковный характер. В 1349 г. папа осудил их, как еретиков.

К стр. 205

Урбан IV — папа (1261—1264 гг.).
Климент IV — папа (1265—1268 гг.).
Григорий X — папа (1271—1276 гг.).

К стр. 206

Иннокентий V — папа (1276 г.).
Адриан V — папа (1276 г.).

К стр. 207

Николай IV — папа (1288—1292 гг.).
Целестин V — папа (1294 г.).

К стр. 208

Схимник — монах, принявший схиму, т. е. давший обет выполнять

более строгие правила, чем обычные монахи, вести аскетический, затворнический образ жизни.

К стр. 209

Бонифаций VIII — папа (1294—1303 гг.).

К стр. 210

Филипп IV Красивый — французский король (1285—1314 гг.).

К стр. 211

Карл Валуа — брат Филиппа IV, крупный французский полководец (1270—1324 гг.).

Адольф Нассауский — германский император (1292—1298 гг.).

Эдуард I — английский король (1272—1307 гг.).

Фландрия — область на северо-западе Бельгии. В XIII—XIV вв. являлась объектом борьбы между Францией и Англией и фактически была независимым графством. В 1302 г. фландрские войска наголову разбили армию Филиппа IV, пытавшегося превратить графство в королевский домен.

К стр. 212

10 апреля 1302 г. он созвал... представителей знати, духовенства и третьего сословия. — Это первое в истории Франции заседание Генеральных штатов, в которых были представлены три сословия. В дальнейшем короли нередко обращались к поддержке Генеральных штатов для проведения особо важных или срочных мероприятий. Законодательным органом, контролирующим королевскую власть, Генеральные штаты, однако, не стали.

К стр. 213

Ананьи — небольшой городок в Апеннинах.

К стр. 214

Данте поместил его в своем «Аду». — Данте Алигьери (1265—1321 гг.) — великий итальянский поэт, автор «Божественной комедии», включающей «Ад», «Рай» и «Чистилище». В XIX песне «Ада» (ст. 52—57) рассказано о находящемся в восьмом круге ада папе Николае III, который предрекает адские муки Бонифацию VIII и Клименту V. Такое же пророчество содержится в «Рае» (песнь XXX, ст. 148).

Томас Уолсингем — глава мастерской письма Сент-Ольбанского монастыря (недалеко от Лондона), автор «Английской истории» (ум. ок. 1422 г.).

К стр. 215

Юбилей (юбилейные годы) — официально установленные с 1300 г. столетние юбилеи церкви. В 1343 г. Климент VI сократил юбилейные сроки до 50 лет, в 1389 г. Урбан VI — до 33 лет (срок земной жизни Христа), а в 1470 г. Павел II — до 25 лет (что сохраняется и поныне).

Джованни Виллани — итальянский хронист (1276—1348 гг.), автор труда по истории Флоренции.

Лорето — город в Средней Италии, близ Адриатического моря.

К стр. 216

Далмация — область на восточном берегу Адриатического моря, входила в состав Венгерского королевства, позднее принадлежала Венеции.

Реканати — город в Средней Италии, южнее Анконы.

К стр. 219

Бенедикт XI — папа (1303—1304 гг.).

Климент V — папа (1305—1314 гг.).

Сначала местом своей резиденции он сделал Лион. — Вскоре папский двор был перенесен в Авиньон (на юге Франции), и на 70 лет (1309—1377 гг.) папы стали фактическими пленниками французских королей. В период этого Авиньонского пленения на папский престол избирались только французские епископы.

IV Латеранский собор — XII вселенский собор, 1215 г., самый крупный из всех соборов средневековья. Утвердил до 70 постановлений, среди них о беспощадном преследовании еретиков — вальденсов, катаров и др.

К стр. 220

Иоанн XXII — папа (1316—1334 гг.).

Лолларды — представители крестьянско-плебейской ереси в Англии XIV в. Требовали ликвидации монастырей, отмены десятины, секуляризации церковных земель и имуществ, выступали против феодалов.

Филипп V — французский король (1316—1322 гг.).

К стр. 221

Фратичеллы — итал., братцы. Оппозиционные по отношению к папству группы внутри ордена францисканцев. Считали, что церковь, погрязшая в роскоши и разврате, нуждается в радикальной реформе, осуждали богатство ордена, формально являвшегося нищенствующим. Были осуждены, как еретики, и подверглись гонениям.

Людовик IV Баварский — германский император (1314—1347 гг.).

К стр. 222

Николай V — антипапа (1328 г.).

К стр. 225

Бенедикт XII — папа (1334—1342 гг.).

Климент VI — папа (1342—1352 гг.).

Кола де Риенци — итальянский гуманист, глава Римской республики (1347 г.), пытался объединить Италию, обуздать феодалов. Провел ряд мероприятий в пользу горожан. Однако в борьбе с феодалами был вынужден вновь увеличить налоги, что подорвало его популярность и вынудило покинуть Рим. Иннокентий VI освободил его из тюрьмы, куда его бросил Климент VI, и пытался использовать в своих целях. В 1354 г. он дал ему титул сенатора в Риме. Во время восстания, организованного феодалами, Кола ди Риенци был убит (1354 г.).

К стр. 226

Карл Люксембургский — Карл IV, германский император (1346—1378 гг.).

Иннокентий VI — папа (1352—1362 гг.).

Петрарка, Франческо — великий итальянский поэт и писатель-гуманист (1304—1374 гг.). Наряду со знаменитыми лирическими стихами создавал едкие сонеты и трактаты, в которых бичевал пороки папской курии.

К стр. 227

Урбан V — папа (1362—1370 гг.).

Григорий XI — папа (1370—1378 гг.).

Тюрлепены — еретическая секта XIV в., члены которой предавались безудержному разгулу. Была отлучена от церкви Григорием XI.

К стр. 228

Уиклиф, Джон — английский богослов (1320—1384 гг.), профессор Оксфордского университета. Выступал против принципа непогрешимости пап, критиковал культ святых, торговлю индульгенциями, отрицал таинство причащения, требовал отказа церкви от земельной собственности. Был осужден, как еретик.

Великий раскол церкви — период после возвращения пап (с окончанием Авиньонского пленения) в Рим, в течение которого английские, немецкие и итальянские кардиналы в Риме избирали одних пап, а французские, испанские и шотландские в Авиньоне — других. Фактически длился с 1378 по 1417 г.

К стр. 229

Урбан VI — папа (1378—1379 гг.).

Климент VII — антипапа (1378—1394 гг.). Был избран кардиналами Франции, Испании, Сицилии, Шотландии и Кипра.

Бонифаций IX — папа (1389—1404 гг.).

К стр. 230

Бенедикт XIII — антипапа (1394—1423 гг.). Был избран кардиналами Франции, Испании, Сицилии, Шотландии и Кипра.

К стр. 231

Иннокентий VII — папа (1404—1406 гг.).

К стр. 232

Григорий XII — папа (1406—1415 гг.).

Карл VI — французский король (1380—1422 гг.).

В Пизе открылся собор.— Цель собора 1409 г.— ликвидировать церковный раскол. Было решено сместить двух пап и избрать третьего — Александра V. Тем самым было положено начало троепапству.

Александр V — антипапа (1409—1410 гг.).

К стр. 233

Иоанн XXIII — антипапа (1410—1415 гг.).

Сигизмунд — германский император (1411—1437 гг.).

Вновь был созван собор.— Собор состоялся в 1414—1418 гг. в Констанце (на территории современной Швейцарии). Цель собора — восстановление единства церкви и осуждение еретиков. Были низложены три папы и избран Мартин V; приговорены к сожжению Ян Гус и Иероним Пражский, приняты также пять декретов о реформе церкви: вселенские соборы превращались в постоянный институт, контролирующий действия папы.

К стр. 235

Ян Гус — великий чешский гуманист, борец за национальную независимость, глава реформации в Чехии, профессор Пражского университета (1369—1415 гг.). В своих проповедях резко выступал против немецкого засилья в стране и папского гнета, требовал отказа церкви от ее богатства, осуждал торговлю индульгенциями. Был вызван на суд собора

в Констанце и, несмотря на охранную грамоту Сигизмунда, 6 июля 1415 г. казнен.

Иероним Пражский — видный деятель национально-освободительного движения в Чехии, друг и соратник Яна Гуса (1370—1416 гг.). Отправился в Констанц на помощь Гусу, но был схвачен и по приговору собора 30 мая 1416 г. сожжен.

Мартин V — папа (1417—1431 гг.).

К стр. 236

Альфонс — см. прим. к стр. 324.

Пий II — папа (1458—1464 гг.).

К стр. 238

Павел II — папа (1464—1471 гг.).

К стр. 240

Сикст IV — папа (1471—1484 гг.).

Непотизм — покровительство, оказываемое родственникам, раздача им высоких званий, должностей, доходных земель.

Козимо Медичи — Козимо I Медичи-старший, представитель известного банкирского рода, управлявшего Флоренцией (с перерывами) с 1434 по 1737 г. В 1434 г. захватил власть в республике и стал диктатором (1434—1464 гг.).

Лоренцо Медичи Великолепный — флорентийский тиран (1469—1492 гг.). Период его правления связан с наивысшим могуществом Флоренции и расцветом искусств, которым он покровительствовал.

К стр. 241

Сеньория — или приорат. Совет господ — высший орган власти в средневековой республике Флоренции. Сеньория состояла из семи человек и возглавлялась гонфалоньером (знаменосцем) справедливости.

К стр. 242

...Еще более окрепла инквизиция. — Инквизиция была введена в Испании в 1480 г. и пользовалась поддержкой королевской власти.

Король-ханжа, прозванный Католиком — испанский король Фердинанд V Католик (1479—1516 гг.).

Томас Торквемада — доминиканец, глава инквизиции в Испании, «великий инквизитор Кастилии, Арагонии» (1420—1498 гг.), яростный фанатик, автор жесточайших инструкций в применении пыток к еретикам, ввел в стране аутодафе (см. прим. к стр. 476). За 16 лет по утвержденным им приговорам было казнено более 8 тысяч человек.

К стр. 245

Св. Амвросий — один из отцов церкви, архиепископ Миланский (340—397 гг.).

Феррара — герцогство на севере Италии, на берегу Адриатического моря (главный город — Феррара).

К стр. 246

Альфонс V — арагонский король, он же Альфонс I, король Неаполя и Сицилии (1416—1458 гг.).

Фердинанд I — король неаполитанский (1423—1494 гг.), сын Альфонса V.

«Деньги не пахнут» — крылатое выражение, возникшее из фразы римского императора Веспасиана (69—79 гг.), которую приводит Светоний в «Жизнеописании 12 цезарей». Когда сын упрекнул Веспасиана, что он ввел налог на общественные уборные, император взял в руки монету и спросил, пахнет ли она. Получив отрицательный ответ, он заметил: «А ведь эти деньги — из мочи».

Мехмед II Завоеватель — турецкий султан (1451—1481 гг.). Вел широкую завоевательную политику. При нем пала Византийская империя и Константинополь стал столицей Османской державы. Турецкие войска захватили также обширные территории в Крыму, на Балканах, в Малой Азии, вторглись в Сербию, Албанию.

...Венецианцам, которые вели в ту пору кровавую войну с Мехмедом II — 16-летняя война велась с переменным успехом. По Константинопольскому миру 1479 г. Венеция уступила Турции свои острова в Эгейском море и обязалась платить ежегодную дань, но сохранила острова Крит и Корфу и получила право беспошлинной торговли в Турции.

К стр. 247

Корнелий Агриппа Неттесгеймский — известный немецкий историк (1486—1535 гг.), автор книги «О ненадежности и бесполезности наук».

Бенефиций — лат., благодеяние; земельное владение, пожалованное феодалом вассалу за определенную службу.

К стр. 248

Греческие беженцы. — Завоевание Греции турками сопровождалось массовой резней, и население вынуждено было спасаться за пределами страны.

Ватикан — холм в северо-западной части Рима. Здесь в конце V — начале VI в. был выстроен дворец, ставший резиденцией пап (с конца XIV в). Позднее Ватикан стал обозначением всего папского государства.

Теодор из Газы — итальянский гуманист, историк и грамматик (1400—1476 гг.), известен многочисленными комментариями и переводами античных авторов (Гомера, Аристотеля, Цицерона и др.).

Ленные владения — земельные владения, пожалованные феодалом вассалу за военную службу. В отличие от бенефиция, передавались по наследству.

К стр. 250

Домен — часть феодального поместья, включавшая барскую усадьбу и господскую пахотную землю, обрабатываемую зависимыми крестьянами.

Иннокентий VIII — папа 1484—1492 гг.

К стр. 251

Озимо близ Анконы — города в Средней Италии (в Романье).

Баязид II — турецкий султан (1481—1512 гг.).

Романья — область на востоке Италии. С XV в. входила в состав Папской области.

К стр. 252

...Получил от короля разрешение — т. е. от французского короля Карла VIII (1483—1498 гг.).

К стр. 253

Блистательная Порта — принятое в средневековой Европе официальное название султанской Турции.

К стр. 254

Калиф — титул духовного главы мусульман, который считается преемником Мухаммеда. В первых арабских государствах (халифатах), возникших после Мухаммеда, калифы обладали также и светской властью.

К стр. 255

Райнальд — итальянский историк XVI в., преемник Цезаря Барония, продолживший историю церкви до 1565 г.

К стр. 256

Инфессура, Стефано — секретарь римского магистрата, приверженец знатного рода Колонна, ярый противник пап, правивших в конце XV в. (ум. ок. 1500 г.). Автор «Римского дневника», охватывавшего историю папства с 1294 по 1494 г.

К стр. 258

Соломон — легендарный царь древнего объединенного царства Израиля и Иудеи. Предание превратило его в мудреца. Ему приписывают ряд произведений библейской литературы.

Иов — библейский праведник, покорно и безропотно переносивший все ниспосланные ему свыше страдания.

Моисей — согласно библии, пророк, вождь древних евреев, через которого бог дал им свой «закон», записанный на каменных скрижалях.

К стр. 259

Генрих Слабый — Генрих IV, король Кастилии (1454—1474 гг.), отличался распущенностью и слабохарактерностью.

Александр VI — папа (1492—1503 гг.).

К стр. 260

Кандия — итальянское название острова Крит.

...*В честь величайшего завоевателя древних времен* — т. е. Александра Македонского.

Макиавелли, Никколо ди Бернардо — знаменитый флорентийский мыслитель и историк (1469—1527 гг.). В период временного восстановления республики во Флоренции (после изгнания Медичи в 1494 г.) был секретарем Совета десяти, ведал иностранными и военными делами. В трактате «Государь» отстаивал идею объединения Италии и установления неограниченной монархической власти. Во имя важных целей считал необходимым не брезговать никакими средствами, вплоть до обмана, клятвопреступления, убийства из-за угла. Такая «гибкая», беспринципная политика, основанная на лжи и лицемерии, стала впоследствии называться макиавеллизмом.

К стр. 262

...*Он определелил, кто из королей какой частью Нового Света будет владеть*...— 3 и 4 мая 1493 г. папа Александр VI произвел «первый раздел мира», издав две буллы, в которых даровал испанцам все земли к

западу и югу от демаркационной линии, идущей с севера на юг через Атлантический океан, западнее Азорских островов.

Миссионер — представитель церкви, ведущий религиозную пропаганду среди иноверцев.

Иоганн Бурхард — урожеиец Страсбурга, с 1483 г. церемониймейстер папского двора, автор «Дневиика Римской курии», охватывающего события 1483—1506 гг.

Читта ди Кастелло — город в Средней Италии, на р. Тибре (юго-восточнее Флоренции).

К стр. 263

Монсиньор — титул епископа (то же, что преосвященство).

К стр. 264

Оттоманский трон — по имени основателя Оттоманской (Османской) империи султана Османа I (1288—1326 гг.) (арабское произношение — Отман).

К стр. 265

Курфюрст — титул германских князей, имевших право участвовать в выборах императора Священной Римской империи.

К стр. 267

Гонфалоньер — военачальник, знаменосец; высшее должностное лицо в некоторых итальянских городах.

Томази (Томазо) — итальянский писатель XVII в., автор книги «Жизнь Цезаря Борджиа» (1671 г.).

Остия — город в устье р. Тибра, гавань Рима.

Коммод — римский император (180—192 гг.).

К стр. 269

Савонарола, Джироламо — доминиканский монах, флорентийский религиозно-политический реформатор (1452—1498 гг.). Боролся против папства и тирании Медичи. После изгнания Медичи в 1494 г. стал полновластным правителем Флоренции. Провел ряд демократических реформ в пользу средних и низших слоев населения, обличал разврат духовенства и тунеядство аристократов, призывал к аскетизму, «очищению нравов». Был объявлен еретиком, предан суду и сожжен.

К стр. 270

Орлеанский дом — ветвь правивших во Франции династий Валуа и Бурбонов. Представители этого дома герцоги Орлеанские неоднократно участвовали в придворных интригах, боролись за власть, иногда занимали престол.

Людовик XII — французский король (1498—1515 гг.).

Фридрих III Арагонский — король Обеих Сицилий (1496—1501 гг.).

К стр. 271

Матримониальный — брачный, относящийся к браку.

К стр. 276

Рафаэль Волатеран (Маффеи) — итальянский писатель (1452—1522 гг.), родом из Вольтерр (в Тоскане), автор жизнеописаний Сикста IV, Иннокентия VIII, Александра VI и Пия III, а также своеобразной

энциклопедии в 38 книгах, где собраны основные сведения по различным отраслям знания (12 книг посвящены географии, 11 — биографиям знаменитых людей, остальные — культуре).

К стр. 278

Пий III — папа (1503 г.).

Юлий II — папа (1503—1513 гг.).

К стр. 279

Дож — пожизненно избиравшийся глава государства в средневековых итальянских республиках — Венеции и Генуе.

Совет десяти — орган тайного надзора за всеми гражданами и учреждениями Венеции. С середины XIV в. стал важнейшим политическим органом республики.

Перуджа — город в Средней Италии (на р. Тибре).

К стр. 280

Тамерлан — искаженная европейская форма прозвища знаменитого среднеазиатского правителя и завоевателя Тимура (1336—1405 гг.). По-арабски Тимур-ленг значит Тимур-хромец.

Максимилиан I — германский император (1493—1519 гг.).

К стр. 281

Урбино — город в Средней Италии. В XIV—XV вв. входил в состав папских владений, в XVI — начале XVII в.— центр самостоятельного герцогства.

К стр. 282

Микеланджело Буонаротти — великий итальянский художник, скульптор и архитектор (1475—1564 гг.). Над статуей Юлия II работал в Болонье в 1506—1508 гг. (позднее статуя была продана болонцами герцогу Феррары, который отлил из нее пушку, названную Юлией). Гробница Юлия II, задуманная как грандиозный памятник, не была закончена Микеланджело: он выполнил лишь несколько статуй, в том числе «Моисея» (1516 г.). По заказу Юлия II художник расписывал в 1508—1512 гг. потолок Сикстинской капеллы.

К стр. 283

Варилас Антуан — французский историк (1624—1694 гг.), автор многочисленных трудов по истории Франции и еретических движений; специально занимался историей дома Медичи.

К стр. 284

Лев X — папа (1513—1521 гг.).

К стр. 285

...Подобно Моисею, когда бог предстал перед ним.— По библии, бог, которого не видел никто из смертных, явился пророку Моисею на горе Синае.

Лукуллов пир — по имени римского консула Луция Лициния Лукулла (106—56 гг. до н. э.), обладавшего огромным состоянием и прославившегося роскошными пирами.

К стр. 286

Лютер, Мартин — глава Реформации в Германии (1483—1546 гг.), основоположник лютеранства (см. прим. к стр. 396), преподаватель Виттенбергского университета. Сформулировал основные принципы протестантизма, призывал к вооруженной борьбе с римской церковью, осуждал торговлю индульгенциями. Получил поддержку многих немецких князей. В годы Крестьянской войны 1524—1525 гг. призывал к уничтожению восставших крестьян и полностью перешел на сторону крупных феодалов, порвав с прежним радикализмом.

Рафаэль Санти — великий итальянский художник (1483—1520 гг.). Многие его произведения были созданы по заказу пап Юлия II и Льва X.

Корреджо — Антонио Аллегри (из городка Корреджо, в Северной Италии), известный итальянский живописец (1484—1534 гг.).

Ариосто, Людовико — выдающийся итальянский поэт (1474—1533 гг.), автор известной поэмы «Неистовый Роланд» (1516 г.), в которой отразились гуманистические идеи эпохи Возрождения.

К стр. 287

К тому времени, когда был созван Латеранский собор... — V Латеранский (XVIII вселенский) собор (1512—1517 гг.).

К стр. 288

Франциск I, одержав крупную победу над швейцарцами... — Франциск I, французский король (1515—1547 гг.), разгромил швейцарские войска 14 сентября 1515 г. в так называемой «битве исполинов» при Мариньяно (недалеко от Милана). За это он получил прозвище: Цезарь — победитель швейцарцев.

К стр. 289

Сиена — город в Тоскане. В XIV—XV вв. был самостоятельной республикой. С 1547 г. (при Козимо Медичи) подчинялся Флоренции.

К стр. 291

Иоанн Тецель — немецкий монах (1470—1519 гг.), агент архиепископа Майнцского, разъезжавший по Германии и бесстыдно торговавший индульгенциями.

К стр. 293

Августинский орден — нищенствующий монашеский орден, основанный в 1243 г. и принявший устав, написанный якобы святым Августином. Поддерживал папскую власть в борьбе с народными движениями.

К стр. 296

Тезисы...были вывешены у входа в церковь. — 31 октября 1517 г. Лютер прибил свои 95 тезисов к дверям соборной церкви в Виттенберге. Они послужили началом реформационного движения в Германии.

К стр. 297

Карл V — испанский король (1516—1555 гг.) и германский император (1519—1555 гг.).

К стр. 298

Лютеранство — одно из главных направлений в протестантстве, которого придерживалась немецкая буржуазия, боявшаяся народных движений

и искавшая компромисса с феодальными князьями. В лютеранстве более простые обряды, сохранены лишь два таинства (крещение и причащение), источником истины признается лишь «священное писание» (но не решения соборов и пап); упор делается не на обряды, а на проповедь, ибо «человек освобождается от грехов только верой». Общины возглавляются пасторами и подчиняются епископам и коллегиальным органам управления — синодам. Наибольшее распространение получило в Германии, скандинавских странах, США.

Кальвинизм — разновидность протестантизма (по имени основателя движения Жана Кальвина — 1509—1564 гг.). Возник в Швейцарии, в дальнейшем распространился в Голландии, Англии, Шотландии, США, Франции, Венгрии, Чехии. Устанавливает дешевую церковь с республиканским устройством (отмена епископства, выборы церковного руководства — пасторов и пресвитеров — самими мирянами); богослужение сведено к проповедям, совместному молению и пению псалмов, отсутствуют иконы, свечи, крест, алтарь, особое облачение для духовенства. Признает божественное предопределение судьбы людей, среди которых одним суждено небесное блаженство, а другим — вечные муки. Подрывал веру в сословные привилегии, явился оружием в руках буржуазии, боровшейся с феодальными устоями.

Будда — санскр., буддха (просветленный знанием, уразумевший) — Сиддхарта Гаутама, легендарный основатель древнеиндийской религии — буддизма. Время его жизни буддисты относят к 624—544 гг. до н. э. В возрасте 36 лет был якобы осенен «истинным знанием», после чего стал называться Буддой. До конца жизни он проповедовал по всей Индии. В честь него стали возводиться храмы и утвердился сложный культ.

Вишну — один из основных индийских богов, бог солнца, спаситель человечества от зла и горя.

Индра — индийский бог грозы и грома, покровитель царской власти.

К стр. 299

Екатерина Медичи — 1519—1589 гг., жена Генриха II, французского короля (1547—1559 гг.).

К стр. 300

Христиан II — датский король (1513—1523 гг.).

После посвящения Карла V в императоры... — т. е. в 1519 г.

Упсала — город в Швеции, недалеко от Стокгольма, резиденция шведского архиепископа.

К стр. 301

Стен Стуре-младший — правитель Швеции (1512—1520 гг.); руководил борьбой за самостоятельность Швеции, формально входившей в состав унии, объдинявшей ее с Данией и Норвегией.

К стр. 303

Адриан VI — папа (1522—1523 гг.).

К стр. 306

Фердинанд Австрийский — Фердинанд I, германский император (1556—1564 гг.), король Чехии, Венгрии.

К стр. 307

Климент VII — папа (1523—1534 гг.).

Генрих VIII — английский король (1509—1547 гг.).

Англиканская церковь — государственная церковь в Англии, разновидность протестантизма. Сохраняет церковную иерархию, пышный культ. В 1534 г. главой ее был провозглашен король и отношения с Ватиканом разорваны.

К стр. 309

Павел III — 1534—1549 гг.

К стр. 311

...Обратились за помощью к Микеланджело как к выдающемуся инженеру.— После изгнания в 1527 г. Медичи Флоренция подверглась осаде войсками папы и императора. Микеланджело был назначен в апреле 1529 г. главным начальником укреплений города и в качестве военного инженера непосредственно занимался оборонительными сооружениями.

К стр. 312

Генрих II — французский король (1547—1559 гг.), сын Франциска I, герцог Орлеанский. При нем была учреждена «огненная палата» для суда над еретиками-протестантами.

К стр. 313

Дофин — титул наследников королевского престола во Франции.

Брантом, Пьер де Бурдей — французский аристократ, царедворец, наперсник Екатерины Медичи и членов семьи Валуа (1540—1614 гг.). Автор «Биографий великих полководцев», «Биографий знаменитых дам» и других литературно-исторических сочинений.

К стр. 314

Некромантия — гадание путем обращения к душам умерших.

К стр. 318

Игнатий Лойола —.Иниго Лопес де Рекальдо, испанский дворянин (1491—1556 гг.), основатель «Общества Иисуса» (ордена иезуитов). В 1540 г. Павел III утвердил «Общество» как монашеский орден, а в 1541 г. Лойола стал его главой — генералом. Определил основные принципы деятельности ордена, систему иезуитского воспитания (в «Конституциях» и книге «Духовные упражнения»), разработал устав. В 1622 г. канонизирован.

Тридентский собор — XIX вселенский, 1545—1563 гг. Цель — укрепление католицизма в борьбе с Реформацией. Предал анафеме основные положения протестантизма, принял текст обязательной для духовенства церковной присяги, расширил права епископов по надзору за духовенством, признал приоритет папской власти над решением соборов.

К стр. 320

Анабаптисты — перекрещенцы, последователи крестьянско-плебейского общественно-религиозного движения в период Реформации. Противостояли как феодальному, так и бюргерскому лагерю. Активно участвовали в Крестьянской войне в Германии, затем замкнулись в своих общинах, став на позиции аполитизма и непротивленчества. Отвергали церковную иерархию, религиозные обряды, ввели крещение взрослых, считая, что принятие религии должно быть сознательным.

К стр. 324

Сатурналии — празднества в древнем Риме в честь бога времени и

посевов — Сатурна. Сопровождались карнавалами, плясками, пирами и отличались необузданным весельем. Позднее были восприняты христианами и стали частью их новогодних празднеств.

К стр. 328

Мажордом — управитель дворца; иногда титул высшего придворного сановника.

Павел IV — папа (1555—1559 гг.).

К стр. 329

Мария Тюдор (Кровавая) — английская королева (1553—1558 гг.), жена Филиппа II Испанского. Ее правление ознаменовано усилением католической реакции и жестокими преследованиями представителей Реформации.

К стр. 330

Пий IV — папа (1560—1565 гг.).

К стр. 333

Фердинанд I — германский император (1556—1564 гг.).

Во Франции король и сеньоры издали «эдикт терпимости». — В январе 1562 г. был издан «эдикт терпимости», содержавший ряд уступок кальвинистам. Эдикт этот, однако, возмутив католиков, не удовлетворил и протестантов, и вскоре разразилась открытая война двух лагерей (так называемые религиозные войны).

Максимилиан II — германский император (1564—1576 гг.).

Ингольштадтский университет — в Ингольштадте (в Баварии), основан в 1472 г.

К стр. 334

...Причастием под двумя видами — т. е. хлебом и вином. В католической церкви это составляет привилегию духовенства, в то время как миряне причащаются лишь одним хлебом.

Карл IX — французский король (1560—1574 гг.).

Гугеноты — немец., Eidgenossen («объединенные клятвенным союзом»). Французские кальвинисты XVI—XVII вв., боровшиеся против абсолютизма и католической церкви. Выражали интересы буржуазии и ремесленников юга и юго-запада страны, а также части дворянства. Борьба их с католиками привела к длительным религиозным войнам (1562—1594 гг.).

К стр. 335

Пий V — папа (1566—1572 гг.).

Приор — настоятель монастыря; в военно-монашеских орденах — второй после великого магистра высший сановник.

Комо — город в Ломбардии, часто переходил во владения разных правителей.

К стр. 336

«Не думайте, что я пришел принести мир...» — см. Евангелие от Матфея, гл. 10, ст. 34—37.

К стр. 337

Сбиры — презрительная кличка полицейских агентов в Италии.

К стр. 340

Аоний Палеарий — итальянский гуманист (1500—1570 гг.), автор ряда сочинений о бессмертии души, о смерти Христа, в которых критиковал различные религиозные доктрины. Преподавал в Сиене, Лукке, Милане. В 1567 г. был обвинен инквизицией и затем казнен.

К стр. 343

Нунций — постоянный представитель папы в столицах государств, поддерживающих с Ватиканом дипломатические отношения; соответствует рангу посла.

К стр. 344

Альба, Фердинанд Альварес — наместник Нидерландов (1567—1582 гг.), установил режим террора, проводил политику испанизации страны.

К стр. 345

«Трибунал смерти» — основанный в 1567 г. «Совет о беспорядках», расправлявшийся с еретиками и мятежниками. Всего за шесть лет им было казнено 6—8 тыс. человек.

Принц Оранский, Вильгельм — руководитель нидерландской революции, правитель провинций Голландия, Утрехт и Зеландия (1533—1584 гг.). Защищал в революции интересы дворян и буржуазии. Был убит агентом Филиппа II.

К стр. 347

Сигизмунд II Август — польский король (1548—1572 гг.).

К стр. 349

Колиньи, Гаспар де — французский адмирал (1519—1572 гг.), один из крупнейших деятелей гугенотской партии. Был убит во время Варфоломеевской ночи.

К стр. 350

Вазари, Джорджо — итальянский живописец, архитектор и историк искусства (1512—1574 гг.), автор «Жизнеописаний наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих».

Сикстинская капелла — личная молельня пап, построена в Ватикане в XV в. Ее расписывали крупнейшие мастера эпохи Возрождения: Микеланджело, Ботичелли, Перуджино, Гирландайо и др.

К стр. 351

Генрих III — французский король (1574—1589 гг.), брат Карла IX.

К стр. 352

«Священная лига» — Католическая лига, основана в 1576 г.

Генрих I Гиз — герцог Лотарингии (1550—1588 гг.), глава католиков во Франции, организатор Католической лиги.

Соглашение с реформаторами — имеется в виду Бержеракский эдикт 1577 г., восстановивший нарушенные Генрихом III условия договора 1575 г., по которому гугенотам предоставлялась свобода вероисповедания и некоторые политические права.

К стр. 353

Валуа — династия французских королей, правившая с 1328 г. по 1589 г.

Лувр — старинный дворец французских королей, создан в XIII в. После революции 1789—1794 гг. превращен во всемирно известный музей живописи и скульптуры.

Хуан Австрийский — наместник Нидерландов (1577—1578 гг.).

Мария Стюарт — шотландская королева (1542—1587 гг.), претендентка на английский престол, опиравшаяся на поддержку испанских и английских католиков и папства. Была заключена в тюрьму королевой Елизаветой и через 19 лет казнена.

К стр. 354

Себастьян — португальский король (1557—1578 гг.).

К стр. 358

Сикст V — папа (1585—1590 гг.).

К стр. 361

Бурбоны — династия французских королей, правивших в 1589—1793 гг. и в 1814—1830 гг.

К стр. 362

Генрих Наваррский — представитель дома Бурбонов (родственников Валуа), король Наварры, будущий французский король Генрих IV (1589—1610 гг.).

Кантон — каждая из отдельных самостоятельных областей, входящих в состав Швейцарской республики. В XVI в. Швейцарская конфедерация состояла из 13 кантонов, 10 союзных земель и подвластных территорий, управлявшихся наместниками.

К стр. 364

Война трех Генрихов — т. е. короля Генриха III, колебавшегося между протестантами и католиками, Генриха Гиза, призывавшего к расправе с гугенотами, и Генриха Бурбона, возглавлявшего протестантов и претендовавшего на престол. События этой войны относятся к 1588 г.

К стр. 365

Лети, Грегорио — итальянский историк и писатель (1630—1701 гг.), автор ряда произведений, посвященных Людовику XIV, Сиксту V и др.

Иезавель — израильская царица. В Библии изображается жестокой и распутной женщиной. Ее имя в средние века стало нарицательным.

К стр. 366

Эскуриал — самый большой дворец в Европе (в 52 *км* от Мадрида). Заложен в 1563 г. Филиппом II как памятник победы над французами. В комплекс входят монастырь, дворец, музей и высшая школа. В усыпальнице испанских королей — 26 гробниц, начиная с гробницы Карла V.

К стр. 367

...Борьба между Англией и Испанией закончилась поражением Филиппа. — Эта война началась в 1587 г. нападением английской эскадры на испанские суда. Снаряженная Филиппом II «Непобедимая армада» по-

терпела катастрофу в 1588 г. Оправиться от этого удара Испания уже не могла.

Рудольф II — германский император (1576—1612 гг.).

К стр. 370

Урбан VII — папа (1590 г.).

Соединенные провинции Нидерландов — официальное название независимого буржуазного государства, возникшего в результате победы нидерландской революции. Появилось в 1579 г. после заключения Утрехтской унии.

К стр. 372

Григорий XIV — папа (1590—1591 гг.).

Мезерей — известный французский историк (1610—1683 гг.), автор «Истории Франции».

Король-раскольник — Генрих IV.

К стр. 374

Климент VIII — папа (1592—1605 гг.).

«Мениппова сатира» — ядовитый памфлет (вышел во Франции в 1594 г.) на Генеральные штаты, которые Католическая лига пыталась созвать для избрания короля. Назван так по имени древнегреческого философа-киника Мениппа (IV в. до н. э.), автора философских сатир. Написан сторонниками Генриха Бурбона. Авторы изображают выступления вождей Лиги на заседании Генеральных штатов в 1593 г., разоблачают их лицемерие, честолюбие, жадность, авантюризм.

Месса — католическая обедня (литургия), главное из богослужений в католической церкви.

К стр. 376

Арно, Антуан — Великий Арно, известный теолог (1612—1694 гг.), резко выступавший против иезуитов и поддерживавший янсенистов (см. прим. к стр. 425).

К стр. 379

Беарнец — Генрих IV, родившийся в г. По, в центре области Беарн (на юге Франции), входившей в XVI в. в состав Наваррского королевства.

«Мизерере» — «Помилуй меня, боже!» Первая строка 50-го псалма из библейской «Книги псалмов» («Псалтыри»).

К стр. 381

Нантский эдикт — 1598 г. Завершающий акт религиозных войн во Франции (1562—1594 гг.), определивший положение протестантов. Католицизм признавался господствующей религией, гугенотам же предоставлялись свобода вероисповедания и богослужения во всей Франции (кроме Парижа), право владеть городами, занимать государственные должности. Позднее их права стали урезываться, а при Людовике XIV, в 1685 г., эдикт был отменен.

К стр. 382

Мария Медичи — французская королева (1573—1642 гг.), жена Генриха IV, после его смерти — регентша при малолетнем Людовике XIII.

К стр. 385

Филипп III — испанский король (1598—1621 гг.).

К стр. 386.

Павел V — папа (1605—1621 гг.).

К стр. 388

Сарпи, Паоло — венецианский историк (1552—1623 гг.), член Совета десяти, автор «Истории Тридентского собора».

К стр. 390

Яков I Стюарт — английский король (1603—1625 гг.), сын Марии Стюарт, на его поддержку сильно рассчитывали иезуиты.

К стр. 391

Меч о двух остриях — папский жезл, символизировавший духовную и светскую власть первосвященника.

К стр. 392

Мариана, Жан — испанский иезуит (1537—1624 гг.), автор «Истории Испании» и трактата «О королевской власти».

К стр. 398

Людовик XIII — французский король (1613—1643 гг.).

Ришелье, Арман Жан дю Плесси — выдающийся государственный деятель, кардинал, фактический правитель Франции (1624—1642 гг.).

К стр. 399

Фердинанд II — германский император (1619—1637 гг.).

К стр. 401

Григорий XV — папа (1621—1623 гг.).

К стр. 403

Кармелиты — члены монашеского ордена, основанного в 1156 г. в Палестине (на горе Кармель). В XIII в. переселились в Европу. В 1245 г. Иннокентий IV утвердил орден как нищенствующий. В 1452 г. возник также женский орден кармелиток.

К стр. 405

Урбан VIII — папа (1623—1644 гг.).

К стр. 407

В ходе войны... — В этот период вся Европа была втянута в Тридцатилетнюю войну (1618—1648 гг.).

К стр. 408

Густав-Адольф II — шведский король (1611—1632 гг.).

Валленштейн, Альбрехт Венцеслав — выдающийся полководец эпохи 30-летней войны (1583—1634 гг.). Командовал войсками германского императора и одержал крупные победы над датчанами и их союзниками — немецкими протестантскими князьями. Был обвинен в сношениях с врагами, отстранен от командования и вскоре убит офицерами-заговорщиками.

К стр. 409

Иисус Навин — по Библии, сподвижник и преемник пророка Моисея, совершивший во время странствия евреев по пустыне ряд «чудес», в частности сумел остановить солнце. Эта легенда была использована церковниками для доказательства неподвижности земли.

К стр. 412

Приап — греческий бог плодородия, полей и садов, покровитель виноделия, бог сладострастия.

К стр. 414

Бузенбаум — немецкий иезуит, теолог (1600—1668 гг.), моралист ордена, автор широко известного тезиса: «Так как дозволена цель, то дозволяются и средства».

К стр. 415

Эскобар — известный испанский иезуит (1589—1669 гг.).

Тамбурини — известный иезуит (1648—1730 гг.), с 1706 г.— генерал ордена.

Иннокентий X — папа (1644—1655 гг.).

К стр. 423

Александр VII — папа (1655—1667 гг.).

К стр. 424

Христина — шведская королева (1632—1654 гг.).

К стр. 425

Янсенисты — представители оппозиционного течения внутри католицизма (по имени голландского богослова Корнелия Янсения, 1585—1638 гг.), направленного против папского деспотизма, развращенности духовенства и, в особенности, против иезуитов и их морали. Проповедовали скромность в быту, суровость нравов, необходимость морального усовершенствования без участия церкви. Были преданы анафеме и подвергались гонениям.

Паскаль, Блез — выдающийся французский математик, физик, писатель и философ, последователь янсенизма (1623—1662 гг.). В 1656—1657 гг. издал «Письма к провинциалу» — убийственный памфлет против иезуитов, разоблачавший цинизм их морали и беспринципность политики. «Письма» были переведены на многие языки и имели огромный успех. Иезуиты добились их публичного сожжения в 1660 г.

Когда Франция и Испания... заключили... мирный договор... — Длительная борьба между этими державами в XVII в. завершилась Пиренейским миром 1659 г., зафиксировавшим значительные территориальные потери Испании.

Мазарини — фаворит Анны Австрийской, жены Людовика XIII, преемник Ришелье, первый министр при Людовике XIV (1643—1661 гг.).

К стр. 426.

Леопольд I — германский император (1658—1705 гг.).

К стр. 431

Климент X — папа (1670—1676 гг.).

...Подобно господу богу, завершившему свой шестидневный труд. — По Библии, бог сотворил мир (небо, землю, растения, животных и человека) в течение шести дней «и почил в день седьмой от всех дел своих».

К стр. 434

Иннокентий XI — папа (1676—1689 гг.).

Трон, опрокинутый Кромвелем... — Выдающийся деятель английской буржуазной революции Оливер Кромвель (1599—1658 гг.) возглавил борьбу за свержение монархии. При нем был казнен король Карл I и в Англии провозглашена республика (1649 г.).

Карл II Стюарт — английский король (1660—1685 гг.), сын Карла I.

К стр. 435

Пресвитериане — английские и шотландские (а также американские) протестанты. Отрицают пышные католические церковные обряды, отвергают власть епископа, признавая лишь выборного священника (пресвитера) как служителя культа и главу самоуправляющейся религиозной общины. При Елизавете и Стюартах подвергались гонениям, прекратившимся лишь в конце XVII в., с изданием эдикта о веротерпимости.

Герцог Йоркский — будущий английский король Яков II (1685—1688 гг.), брат Карла II. Был свергнут с престола в результате переворота (так называемая «славная революция»), и власть досталась мужу его дочери правителю Голландии Вильгельму Оранскому, провозглашенному королем Вильгельмом III (1689—1702 гг.).

К стр. 437

Отец Лашез — Франсуа Лашез (1624—1709 гг.), духовник Людовика XIV, иезуит, выступал за отмену Нантского эдикта. Подаренный ему королем сад в Париже в 1804 г. был превращен в знаменитое кладбище, носящее его имя (Пер-Лашез).

К стр. 438

Александр VIII — папа (1689—1691 гг.).

К стр. 439

Иннокентий XII — папа (1691—1700 гг.).

Климент XI — папа (1700—1721 гг.).

К стр. 442

Климент XII — папа (1730—1740 гг.).

К стр. 444

Славная плеяда энциклопедистов — деятели эпохи Просвещения, материалисты и атеисты, сотрудничавшие в многотомном издании «Энциклопедии, или толковом словаре наук, искусств и ремесел» (1751—1757 гг., 1765—1772 гг.). Среди них были: Вольтер, Монтескье, Дидро, Гольбах, Гельвеций, Кондильяк, Даламбер, Руссо.

«Раздавите гадину!» — т. е. католическую церковь. Крылатый призыв Вольтера, которым он обычно заканчивал свои письма к друзьям.

Руссо, Жан Жак — выдающийся французский философ и писатель, представитель радикального мелкобуржуазного крыла просветителей

(1712—1778 гг.). На произведениях его («Об общественном договоре», «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства», «Эмиль» и др.) воспитывались крупнейшие деятели французской революции.

Даламбер, Жан Лерен — выдающийся французский математик и философ-просветитель (1717—1783 гг.). Вместе с Дидро редактировал «Энциклопедию»; написал введение к ней, содержащее материалистический анализ развития наук и их классификацию.

К стр. 445

Винцент де Поль — французский священник (1576—1660 гг.), основатель конгрегации «Сестры милосердия», прославился своей жестокостью по отношению к еретикам.

К стр. 446

Людовик XV — французский король (1715—1774 гг.).

К стр. 447

Тассо, Торквато — прославленный итальянский поэт (1544—1595 гг.), автор эпической поэмы «Освобожденный Иерусалим», посвященной первому крестовому походу.

К стр. 448

Бенедикт XIV — папа (1740—1758 гг.).

Кристоф де Бомон — парижский архиепископ (1703—1781 гг.). Он известен еще и тем, что обрушивался с нападками на роман Руссо «Эмиль».

К стр. 449

Маркиза Помпадур, Жанна Антуанетта Пуассон — могущественная фаворитка Людовика XV, игравшая большую роль в политической жизни Франции (1721—1764 гг.).

К стр. 450

Тонзура — выбритое место на макушке — знак принадлежности к католическому духовенству (введена с VII в.).

Пэр — звание представителей высшей дворянской аристократии во Франции и Англии.

К стр. 451

Покушение Дамьена. — Робер Франсуа Дамьен пытался заколоть Людовика XV кинжалом. Был казнен в 1757 г.

К стр. 452

Климент XIII — папа (1758—1769 гг.).

К стр. 453

Хозе I — португальский король (1750—1777 гг.).

Декрет об изгнании... — Иезуиты были изгнаны из Португалии в 1759 г., и орден был запрещен.

К стр. 459

Парламент... добился запрещения ордена. — Решение парламента было вынесено в 1761 г., а в 1764 г. орден был запрещен и его имуще-

ство конфисковано в пользу короны. В 1767 г. орден был запрещен и в Испании.

Климент XIV — папа (1769—1774 гг.).

К стр. 460

Пий VI — папа (1775—1799 гг.).

К стр. 464

Пий VI надеялся на то, что... ему удастся избежать возмездия со стороны французов. — В период Великой французской революции Пий VI вел активную контрреволюционную политику: вдохновлял духовенство на борьбу, сколачивал коалицию европейских держав, призывая их к военному походу против Франции.

...У итальянских границ появились... полки во главе с генералом Бонапартом. — Войска Наполеона, обойдя Альпы, вторглись в Северную Италию в апреле 1796 г.

К стр. 465

Директория — французское правительство 1795—1799 гг., состоявшее из пяти директоров. Орган диктатуры контрреволюционной крупной буржуазии.

К стр. 466

...Победы Бонапарта над австрийцами. — В 1796—1797 гг. Наполеон одержал целую серию побед над австрийцами в Италии, а затем вторгся в пределы самой Австрии, которая была вынуждена в 1797 г. заключить мир на выгодных для Франции условиях.

К стр. 467

Жозеф Бонапарт — старший брат Наполеона (1768—1844 гг.), король неаполитанский (1806—1808 гг.) и испанский (1808—1813 гг.).

К стр. 469

Бертье, Луи Александр — участник войны за независимость американских колоний, в 1789 г. командовал национальной гвардией в Версале, в 1796 г. был начальником штаба итальянской армии. До падения Наполеона оставался начальником главного штаба. В 1804 г. получил звание маршала.

Катон, Марк Порций Младший (Утический) — один из вождей республиканской партии (95—46 гг. до н. э.), боровшийся против установления единоличной диктатуры Юлия Цезаря.

Помпей, Гней (Великий) — крупный римский полководец и политический деятель (106—48 гг. до н. э.), боровшийся за власть с Юлием Цезарем. Позднейшая традиция стала его изображать борцом за республику, мучеником, погибшим за свободу.

Цицерон, Марк Туллий — знаменитый римский оратор, писатель и политический деятель (106—43 гг. до н. э.), боролся против военной диктатуры, защищал идеалы аристократической республики.

Брут, Марк Юний — один из вождей заговорщиков, участвовавших в убийстве Юлия Цезаря. В конце XVIII в. его расценивали как борца за свободу, против тирании.

К стр. 471

Фердинанд IV — неаполитанский король (1751—1825 гг.). В 1799 г. был изгнан наполеоновскими войсками из Неаполя, потом восстановлен

на троне, затем (в 1806 г.) снова изгнан. В 1815 г. принял титул короля Обеих Сицилий под именем Фердинанда I.

Валанс — город на юге Франции (на р. Роне).

К стр. 472

Переворот 18 брюмера — переворот, совершенный Наполеоном 9 ноября 1799 г. и приведший к установлению военной диктатуры. Директория была разогнана, и вся власть перешла в руки трех консулов во главе с Бонапартом.

Пий VII — папа (1800—1823 гг.).

Конкордат — договор какого-либо правительства с католической церковью. По конкордату 1801 г. между Наполеоном и Пием VII католицизм признавался государственной религией во Франции (действовал до 1905 г.). Папа, в свою очередь, признал существование некатолических церквей и право правительства назначать епископов.

К стр. 473

Людовик XVIII — французский король (1814—1824 гг.).

Пий VII восстановил общество Иисуса — в августе 1814 г. Иезуиты стали опорой «Священного союза» в его борьбе с революционными движениями.

К стр. 474

Лев XII — папа (1823—1829 гг.).

К стр. 475

Фердинанд VII — испанский король. Вступил на престол в 1808 г., в том же году был свергнут Наполеоном. В 1814 г. вернулся на трон и правил до 1833 г.

К стр. 476

Аутодафе — португ. «акт веры». Публичное сожжение на костре по приговору инквизиции.

Карл X — французский король (1824—1830 гг.).

Пий VIII — папа (1829—1830 гг.).

К стр. 477

Июльские ордонансы.— Ордонанс — королевский указ во Франции 25 июля 1830 г. Карл X подписал четыре ордонанса, которые упраздняли свободу печати, восстанавливали суровую цензуру, вводили новый, реакционный избирательный закон, распускали парламент. Это послужило поводом к восстанию 27 июля в Париже, которым началась июльская революция.

Луи-Филипп Орлеанский — французский король (1830—1848 гг.).

К стр. 479

Григорий XVI — папа (1831—1846 гг.).

К стр. 480

Пий IX — папа (1846—1878 гг.).

Масонская ложа.— Масоны (букв.— вольные каменщики) — представители философско-религиозного течения в буржуазно-аристократической среде, возникшего в Англии в начале XVIII в. Их тайные общества

имели широкую сеть ячеек (лож) во всех странах Европы. Призывали к нравственному совершенствованию, объединению на основе братской любви и равенства. Вели борьбу против материализма и атеизма, но и критиковали некоторые церковные порядки, за что были преданы анафеме.

К стр. 482

Рим пал под натиском французов.— Римское правительство вело нерешительную политику, опасаясь доверить Гарибальди верховное командование. К его помощи обратились слишком поздно, и в июле 1849 г. Рим пал.

К стр. 484

Мадзини, Джузеппе (1805—1872 гг.) — руководитель национально-освободительной борьбы в Италии, основатель тайного общества «Молодая Италия» (1831 г.), подготовившего ряд вооруженных восстаний против иноземных угнетателей, активный участник революции 1848—1849 гг., глава правительства Римской республики (1849 г.).

...Подарил королевство Виктору-Эммануилу.— В мае — августе 1860 г. отряды Гарибальди, высадившиеся в Сицилии, в нескольких сражениях разгромили войска неаполитанского короля, освободили бóльшую часть Италии, и Южная Италия была объединена с Сардинским королевством (на севере страны). Сложив с себя диктаторские полномочия, Гарибальди передал власть сардинскому королю Виктору-Эммануилу (в ноябре 1860 г.), который был провозглашен королем Италии (1861—1878 гг.).

...Два догмата — о непорочном зачатии и папской непогрешимости.— Первый (1854 г.) утверждал непорочность зачатия богородицы, второй — высшую власть римской церкви над всеми остальными и полную независимость и непогрешимость папы (был принят на I Ватиканском (XX вселенском) соборе 18 июля 1870 г.).

«Силлабус» — приложение к энциклике 1864 г. Содержал перечень 80 «главных заблуждений нашего времени» и подвергал проклятию важнейшие научные, политические и общественные течения: атеизм, социализм и коммунизм (которые названы чумой), «заблуждения о церкви и ее правах», отрицающие главенство пап в религиозных и светских делах, требования свободы печати, слова, совести. «Анафема тому,— говорилось в «Силлабусе»,— кто скажет: римский папа может и должен согласоваться и считаться с прогрессом, либерализмом и новейшей государственностью».

К стр. 485

Наполеон III — французский император (1852—1870 гг.).

Так кончилась светская власть пап.— В 1871 г. Рим стал столицей Италии, а территория папского государства вошла в состав Итальянского королевства. Пий IX проклял всех, кто лишил его светской власти, и удалился в Ватиканский дворец, объявив себя «узником». По договору 1929 г. с Муссолини было образовано город-государство Ватикан на территории Рима (44 тыс. *га*, 1 тыс. подданных), а папа провозглашен его неограниченным монархом.

СОДЕРЖАНИЕ

■

Таксиль Лео

СВЯЩЕННЫЙ ВЕРТЕП. Пер. с франц. М., Политиздат, 1965. 544 с.

2

Редактор *С. Никоненко*
Художник *В. Горячев*
Художественный редактор *Г. Семиреченко*
Технический редактор *О. Семенова*

■

Сдано в набор 17 мая 1965 г. Подписано к печати 20 июля 1965 г. Формат 60 × 84 1/16. Физ. печ. л. 34. Условн. печ. л. 31,62. Учетно-изд. л. 30,07. Тираж 150 тыс. экз. Заказ № 3091. Цена 1 р. 10 к.

Работа объявлена в Т. п. 1965 г., № 190.

Политиздат. Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография «Красный пролетарий» Политиздата. Москва. Краснопролетарская, 16.